

Посвящаю светлой памяти дорогого отца
Балабека Теймурбек оглы Ашурбекова,
погибшего в годы репрессий 1937—1938 гг.

От автора

Настоящая работа знакомит читателя с историей Баку, его окрестностями. В работе исследуются социально-экономическая, политическая история и культурная жизнь г. Баку, одного из значительных средневековых феодальных городов Ближнего Востока, столицы Ширвана, Бакинского ханства и, наконец, Азербайджанской Республики.

В книге приводятся подробные сведения о добыче нефти и нефтяной промышленности Апшерона. Рассматриваются экономическое положение города (вопросы ремесленного производства, торговли, денежного обращения), состав населения, социальные отношения, феодальная структура общества, военные события и правители города, городская культура (архитектура, литература, искусство).

Ряд археологических материалов, обнаруженных за последние годы на территории Ичери-шехер и в окрестностях Баку, позволяют пересмотреть датировку города, отодвинув ее вглубь на несколько столетий. В работе приведены материалы по истории Сураханского храма огня — Атешгях и даны переводы некоторых его надписей. В работе показаны роль и место Баку на «Великом шелковом пути» и в торговле шелком-сырцом, вывозимом из Шемахи и Ареша в различные страны Ближнего Востока и Западной Европы.

В работе исследуется главным образом социально-экономическая жизнь Баку как основной фактор в развитии феодального города, т. е. развитие производства, производительных сил и производственных отношений на протяжении 2000-летнего периода. Вопросы внутреннего уклада феодального общества средневекового города освещены по данным первоисточников и памятникам материальной культуры. Показан яркий период истории Баку времени правления Ширваншахов Дербендской династии, когда Баку, являясь одним из крупных городов не только Азербайджана, но и всего Ближнего Востока и первым портом на Каспийском море, принимал активное участие в транзитной торговле между Востоком и Западом.

Работа написана на основании восточных (арабских, персидских, турецких), азербайджанских (тюркских), грузинских, русских, западно-европейских источников, широко привлечены нумизматический, эпиграфический, археологический материалы.

Книга рассчитана на историков, востоковедов, преподавателей и студентов вузов.

Автор считает своим долгом принести благодарность редактору книги академику АН Азербайджанской Республики З.М. Буниятову.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

В данной работе мы приводим те источники и труды, которые, по нашему мнению, являются наиболее важными.

Использованные нами восточные источники (в основном арабские и персидские), большей частью компилятивного характера, они часто страдают анахронизмом и к их сведениям приходилось подходить сугубо критически. Сообщения этих источников о Баку весьма кратки и относятся обычно к добыче нефти и соли в X—XIV и последующих веках. Таковы сведения арабоязычных авторов — ал-Истахри, ал-Мас'уди, Абу Дулафа, ал-Мукаддаси, ал-Бируни, Абу Хамида ал-Андалуси, Йакута, Закарийа ал-Казвини, Абу-л-Фида и др. Биографии этих авторов и характеристика их сочинений подробно освещены в четвертом томе сочинений И. Ю. Крачковского¹.

Весьма важным источником по истории Баку X—XI вв. является «Тарих ал-Баб». К сожалению, имя автора, писавшего в начале последней четверти XI в., не сохранилось, а из его хроники, относящейся к истории Ширвана и Дербенда, уцелели лишь отдельные главы, включенные в сочинение турецкого историка Мюнедджим-баши (умершего в Мекке в 1702 г.). Главы эти изданы в английском переводе с обширными комментариями и арабским текстом проф. В. Минорским и переведены на русский язык им же (см. библиографию).

Следует отметить ценность сведений арабоязычного историка начала XV в. Абд ар-Рашида ибн Салиха ибн Нури, ал-Бакуви, отец которого был из Баку. Историко-географическое сочинение ал-Бакуви «Талхис ал-асар ва аджаиб ал-малик ал-каххар» («Сокращение «Памятников» и чудеса царя могучего») было написано в 806 г. х. (1403 г. н. э.) и дошло до нас в единственном списке, переписанном в 1614 г. и ныне хранящемся в Парижской Национальной библиотеке под номером 5299². В 1789 г. эта рукопись была переведена на французский язык с некоторыми сокращениями де Гинем³. Сочинение ал-Бакуви переведено с арабского на русский язык академиком З. М. Бунятовым и издано в 1971 г.

Давая сведения о различных странах Востока, ал-Бакуви довольно подробно описывает города Азербайджана и в частности Баку, где он, по-видимому, бывал. Ал-Бакуви приводит очень ценные сведения о городе и Апшероне, его климате, экономике, добыче нефти и соли, населении. Он указывает на значительное поднятие уровня моря, говорит о водоснабжении города, описывает крепостные сооружения. Его данные о Баку оригинальны и не встречаются в сочинениях предшествующих авторов. В начале XVI в. сведения ал-Бакуви повторил ибн Ийас⁴.

Не менее ценными источниками по экономике Баку являются ираноязычные источники, принадлежащие перу анонимного автора X в. (Худуд ал-Алем, рукопись Туманского с введением и указаниями В. Бартольда и изданный перевод с примечаниями на английский язык В. Ф. Минорского)⁵, автора XIII в. Мухаммеда ибн Наджиб Бекрана (Джахан-намэ, рукопись Ленинградского отделения ИНА АН СССР, С-612, изданная Ю. Е. Борщевским), анонимного географа XIII в.⁶, Хамдаллаха Казвини (Нузхат-ал-Кулуб, XIV в.)⁷ и Амина Ахмед ар-Рази (Хафт Иклим, XVI—XVII вв.)⁸, которые в своих сочинениях дают сведения о различных сортах и количестве добываемой нефти, способах добычи и вывозе ее в различные страны. Исторические события, происходившие в Азербайджане и Баку в XIII—XIV вв. в связи с нашествием монголов и в период правления ильханов, описаны в замечательном труде главного везира ильханов, врача и ученого Рашид ад-Дина «Джами-ат-таварих»⁹. В весьма ценной хронике XVI в. «Ахсан ат-таварих» («Лучшая из историй»), написанной азербайджанским историком Хасан-беком Румлу, происходящим из знатного рода кочевого племени Румлу (род. в 1531/2 г.), подробно описываются осада и взятие Баку войсками шаха Исмаила I в 1501 г., восстания в Ширване и даются сведения о правлении ширваншахов Дербендской династии.

Для периода с конца первой четверти XVI в. и до конца 80-х годов сведения Хасан-бека Румлу являются первоисточником большой ценности.

«Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу состоял из двенадцати томов, из которых обнаружены пока только XI и XII, дошедшие до нас в ряде списков. В Санкт-Петербургской публичной библиотеке хранится рукопись, в которой содержатся два последних тома¹⁰. Издан текст этой хроники в двух томах в Индии: I том содержит персидский текст, II — сокращенный английский перевод, которыми мы пользовались¹¹.

Рассказ об обороне Баку (1501 г.) содержится также в сочинении Гийас ад-Дина ибн Хумам ад-Дина ал-Хусейни по прозвищу Хондемир (род. в 1475 г., умер в Индии около 1536 г.; он — внук известного иранского историка XV в. Мирхонда) «Хабиб ас-сийар фи ахбар афрад ал-башар»

(«Друг жизнеописаний в известиях о замечательных людях»). Походы шаха Исмаила, взятие города Баку описаны у него в стиле панегирика, и он менее объективен, чем Хасан Румлу, хотя изложение его отличается точностью и обилием фактического материала. Сохранилось большое количество списков рукописей в различных библиотеках; имеется также ряд литографических изданий¹².

Немаловажные сведения по истории Баку периода правления шаха Аббаса I даны в замечательном труде персоязычного историка азербайджанца Искендер-бека Туркемана Мунши (1560/61—1633/34 гг.) Получив хорошее литературное образование, он служил при шахе Аббасе I в должности секретаря «высочайшего» Дивана. Пользуясь доступом к шахским архивам и являясь очевидцем и участником политических событий этого периода, Искендер Мунши написал большую историю царствования шаха Аббаса I, доведя ее до года смерти шаха (1628/29). Его труд является важнейшим первоисточником для периода 1578-1628 гг.

В сочинении Искендера Мунши «Тарих-и алам арай-и Аббаси» («Мироукрашающая история Аббаса»), состоящем из введения и двух разделов, описываются антифеодальные восстания в Азербайджане, сообщаются сведения о внутренней жизни страны. Но особенно ценным для нас является его рассказ о военных действиях против турок и взятие Баку войсками шаха Аббаса I в 1606 г.

Мы пользовались литографическим тегеранским изданием (1314 г. х.) его труда, а также работой Л. Беллана, являющейся сжатым пересказом сочинения Мунши¹³.

Некоторые сведения о хозяйственной жизни, населении и политической истории города Баку начала XIX в. дает известный азербайджанский ученый и путешественник Зейн ал-Абидин Ширвани. В своих двух географических сочинениях «Бустан ас-сийахат» и «Рийаз ассийахат», написанных на персидском языке, Ширвани дал описание всех стран, которые он объездил в течение 25-летних путешествий по Востоку. Он приводит большое количество сведений об ученых, поэтах, о различных мусульманских сектах и учениях. Но наибольший интерес представляют географические описания городов¹⁴.

Очень ценным источником по истории Баку периода ханств (1747-1813 гг.) является труд известного азербайджанского историка Аббас Кули-ага Бакиханова (1794-1846 гг.), потомка бакинских ханов, полковника русской службы. Сочинение его «Гюлистан-и Ирам» («Райский цветник») написано на персидском языке и в 1840 г. переведено им же на русский язык.

Труд Бакиханова, известный в ряде рукописей, издан в 1926 г. в русском, а в 1951 г. в азербайджанском переводах. В этой работе автор описал историю Ширвана и Дагестана с древнейших времен до 1813 г., используя сведения восточных и западноевропейских авторов. Труд его, в части, где описываются события конца XVIII в. и до 1813 г., является первоисточником по истории указанных стран. Освещая историю независимых ханств, автор говорит в основном о феодальных междоусобицах, изредка касаясь социальных отношений. Мы пользовались персидским текстом, изданным в 1970 г.

Рассказывая об административном устройстве страны и социальных отношениях, мы обращались к сочинению анонимного автора первой четверти XVIII в. «Тазкират ал-мулук» («Памятная записка для царей»), написанного на персидском языке и изданного В. Ф. Минорским с введением, комментариями и переводом на английский язык¹⁵.

Не менее важными из нарративных источников по истории феодального Баку являются турецкие сочинения, среди которых особое место принадлежит запискам известного турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби ибн Дервиш Мехмед Зилли (1611 — 1682)¹⁶.

Получив хорошее образование, Эвлия Челеби несколько лет находился на службе в Стамбуле при дворе султана Мурада IV. В качестве члена посольства и чиновника особых поручений он побывал в ряде стран Ближнего и Среднего Востока. Свои богатые впечатления Челеби изложил в своем десятитомном сочинении «Сияхат-намэ» («Книга путешествий»). Во втором томе «Сияхат-намэ»¹⁷ он подробно описывает города и селения Азербайджана, Грузии и Армении, которые посетил в 1647 г. Эвлия Челеби, сообщает об экономике, социальной жизни и политических событиях в Баку этого времени, подробно рассказывает о различных сортах нефти, добываемой на Апшероне, сельскохозяйственных культурах, выращиваемых там, торговле и предметах вывоза, населении, дает описание крепостных стен и внешнего облика города. Кроме того, Эвлия Челеби сообщает данные этнографического характера. Сведения его о Баку оригинальны, они не встречаются в других источниках и являются ценным материалом для освещения социально-экономической и политической истории Баку первой половины XVII в. Некоторые сведения о Баку дают и турецкие историки Кятиб Челеби и Ибрахим Печеви. Весьма ценные сведения на

основании источников, приводит турецкий исследователь Б. Кютюкоглу, который сообщает о турецко-сефевидских войнах и периоде захвата Баку османами¹⁸. Мы приводим также сообщения западноевропейских путешественников, описывающих в своих записках хозяйственную жизнь, социальные отношения и политическую историю Баку XIII—XVIII вв. Краткие сведения о добыче нефти на Апшероне и ее употреблении в хозяйственной жизни и в лечебных целях, данные о торговле города Баку отмечены и в записках итальянских путешественников — венецианцев и генуэзцев, приезжавших в Азербайджан с торговыми и дипломатическими целями: Марко Поло (XIII в.), Барбаро, Контарини, Анджолелло, Донато да Лезе (XV в.). В XIV—XVII вв. в Азербайджан стали проникать католические миссионеры, которые являлись деятельными пособниками устремившихся на Восток французских купцов-путешественников в связи с французской колониальной политикой на Востоке. Записки этих путешественников-купцов и миссионеров, совершавших поездки по странам Востока не только с коммерческими целями, но и для выполнения политических заданий своего правительства, а также с целью распространения в этих странах католичества, несмотря на свою тенденциозность и субъективный характер, представляют значительный интерес для истории Азербайджана и Баку в частности. Сообщения европейских путешественников значительно дополняют сведения восточных авторов.

В записках французского монаха-миссионера Журдена Каталани де Северак¹⁹, ездившего на Восток в первой половине XIV в. с целью изучения путей для возможного распространения там католичества среди монголов, даются краткие заметки об Армении, Азербайджане и Грузии, которые он посетил в 1320 г. В записках он упоминает также о Баку и его нефтяных источниках, отмечая целебные свойства бакинской нефти.

В записках французских миссионеров XVII в., помимо сведений о добыче нефти, приводятся данные о сельскохозяйственных культурах в районе Баку. Один из них, иезуитский миссионер в Иране, не называющий своего имени, составил записку в форме письма, адресованного аббату Флерю во Францию²⁰. Автор описывает Ширван конца XVII в., приводя некоторые сведения о городах Азербайджана, в частности, о Баку. Не менее любопытными являются записки патера Виллота — французского иезуита, предпринявшего путешествие на Восток с целью найти ближайший путь в Китай по суше²¹. В Азербайджане автор был в 1689 г., проехав через Гянджу в Шемаху, где он жил в течение 5 месяцев, и оттуда проехал на юг через Куру, Аракс и Мугань — в Иран. Сам автор, по-видимому, в Баку не был, но дает о нем сведения со слов отца Ламаза. Он говорит об административном устройстве страны, количестве селений на Апшероне, о различных сельскохозяйственных культурах, возделываемых там, о добыче нефти и соли, о флоре и фауне и т. д.

О состоянии производительных сил страны и о разрушениях в Баку в начале XVII в. при отвоевании его у турок кызылбашами Аббаса I сообщается в хронике кармелитов в Персии XVII в.²², где дается описание приема, оказанного Зульфугар-ханом, беглярбеком Ширвана, миссионерам, посланцам Папы Павла V к шаху Аббасу I с секретной миссией, и сообщаются интересные сведения этнографического характера.

Довольно подробное изложение войн шаха Аббаса I с турками в начале XVII в. в Азербайджане дано в записках португальского миссионера — августинца Антуана де Гувей — свидетеля указанных событий в Ширване в 1603-1607 гг.²³. Его данные дополняют сведения Искендера Мунши, что позволяет их сопоставить.

В XVI в., в связи с оживлением торговых сношений европейских купцов со странами Востока, значительно расширились попытки европейских путешественников проникнуть в дальние страны — в Индию и Китай. Издавна товары из стран Востока попадали в Европу сухопутными караванными путями, что стоило очень дорого и отнимало много времени. Но начиная с XVI в., осваивается морской торговый путь, так называемый Волго-Каспийский путь. В XVI в. английские путешественники-купцы предприняли поездки в Азербайджан с целью освоения морского пути. В 1561—1563 гг. в Азербайджан прибыл один из агентов английской торговой компании Дженкинсон и посетил ряд городов²⁴. Он сообщает в своих записках сведения экономико-географического характера, упоминая и о Баку. О большой добыче нефти на Апшероне говорит Джек Джеффри, посетивший Баку в 1573 г.²⁵ В 1580 г. в Ширван прибыл другой служащий указанной компании, Христофор Эрроу, сообщивший о политических событиях в Ширване в связи с турецкой экспансией в Азербайджане²⁶. Он подробно описал прием, оказанный им «начальником»²⁷ города Баку и дал ряд сведений о быте в селениях Апшерона.

Важное место среди западноевропейских путешественников, освещающих социально-экономическую историю города Баку конца XVII в., занимает немецкий путешественник, естествоиспытатель и врач Энгельберт Кемпфер, который в качестве секретаря шведского

посольства побывал в Московском государстве и Иране. В 1683 г. он посетил Баку и оставил довольно подробное и точное описание города. Кемпфер осмотрел также нефтяные и соляные источники и выходы горящего газа на Апшероне, приводит ряд ценных сведений по экономике, социальной жизни, этнографии, архитектуре и быту Баку и Апшерона. Его сочинение опубликовано на латинском языке²⁸.

Для общей характеристики экономического развития Баку в XVIII в. записки западноевропейских путешественников этого периода являются ценными источниками. Что касается сообщений этих авторов о феодальных отношениях, социальном строе, то они весьма кратки и отрывочны и их необходимо сверять с сообщениями восточных источников. Среди путешественников, побывавших в Баку в XVIII в. и оставивших в своих сочинениях важные сведения о социально-экономической и политической жизни города, необходимо отметить голландского художника Де Брюина (1703), англичанина Дж. Форстера (1784), приехавшего из Индии в Афганистан, а затем в Иран и Азербайджан, французского путешественника по странам Востока Г. Оливье (1798), немецкого ученого-ботаника М. фон Биберштейна (1796) и ряд других. Не имея возможности подробно остановиться на значении каждого из них, сошлемся на специальную работу М. А. Полиевктова²⁹.

Из русских источников, имеющих большое значение для истории города Баку, являются записки участников похода в прикаспийские области в период Петра I — Ф. И. Соимонова³⁰ и И. Г. Гербера³¹, которые дали сведения об экономике Баку и Апшерона, а также описали, как очевидцы, военные события в связи с взятием города войсками Петра I. Записки этих авторов, несмотря на тенденциозность, представляют значительный интерес. Некоторые сведения о социально-экономической жизни Баку оставил И. Лерх (1733 г.), врач, находящийся на русской службе в захваченных прикаспийских областях.

Подробное описание Баку дает С. Г. Гмелин³², член Российской Академии наук, посланный с научной экспедицией для обследования Ирана и Азербайджана и посетивший Баку в 1770 г.

Известное значение для нашей темы имеет работа П. Г. Буткова «Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.», которая использована нами как источник по истории второй половины XVIII и начала XIX вв. Вопросы социальных отношений и административного устройства страны в XVI—XVIII вв. мы исследовали на основании сохранившихся фирманов³³, эпиграфических надписей³⁴, «Тазкират ал-мулук» и сочинений дю Мана, Сансона, де Тевено Герберта и др.

Для раннего периода V—VII вв. важными для истории Баку являются армянские источники, труды Анания Ширакаци, Армянская география VII в. изд. А. Сукри и Гевонда — История Халифов и др. Не менее важными являются грузинские источники XII в. «Восхваление венценосцев» и «Картлис цховреба», хотя в них тенденциозно описываются военные события XI—XII вв. в Ширване.

В работе широко использованы исследования крупных наших ученых: В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, В. А. Гордлевского, И. П. Петрушевского, А. Ю. Якубовского, Ш. А. Месхиа и известных русских и зарубежных востоковедов: Б. А. Дорна, Н. В. Ханькова, В. Ф. Минорского, Хади Хасана, д'Оссона, Л. Беллана, Ч. Даусета и др. Необходимо отметить исследования и труды азербайджанских историков А. А. Ализаде, А. А. Алескерзаде, И. Г. Алиева, З. М. Бунятова, В. Н. Левиатова, А. А. Рахмани, О. А. Эфендиева, археологов И. М. Джафарзаде, С. М. Казиева, В. М. Сысоева, О. Ш. Исми-заде, Г. М. Ахмедова, Г. М. Асланова, Ф. Ибрагимова, нумизматов-историков Е. А. Пахомова, А. Раджабли, М. Сейфаддини, С. Дадашеву, архитекторов С. А. Дадашева, М. А. Усейнова, Л. С. Бретаницкого, А. В. Салам-заде.

Как мы отметили выше, специальных исследований по истории города Баку ни в нашей стране, ни за рубежом до сих пор не написано, если не считать опубликованной в 1928 г. небольшой научно-популярной работы В. М. Сысоева (объем 85 с.) «Баку прежде и теперь». Средневековой истории Баку до включения его в состав России уделяется 44 страницы текста. В этом кратком очерке описываются исторические события, связанные с прошлым Баку, и сообщается о некоторых архитектурных памятниках. В работе не затронуты вопросы социально-экономической жизни и культуры. Кроме того, в ней имеется ряд недостатков и ошибок, например: объяснение названия Баку от бад — ветер и ку — гора; рассказ о посещении Александром Македонским Баку в «Искендер-намэ» ошибочно приписывается поэту Низами; сообщение Хамдаллаха Казвини о крепости на каменной расселине относится не к Баку, как это утверждает В. М. Сысоев, а к городу Маку и т.д.

Мы рассмотрели наиболее важные источники, использованные для написания настоящей работы.

Материалы лапидарных источников взяты нами из работ А. А. Алескерзаде, М. Х. Нейматовой, С. Керимзаде.

Ряд вопросов, связанных с историей Баку, исследован и опубликован автором этой работы.

Введение

Азербайджан является одним из древнейших очагов цивилизации человечества (Тур Хейердал). В Азыхской пещере в местечке Карабулаг (ныне Физулинский район) Нагорной части Карабаха обнаружена стоянка самого древнего человека на территории нашей страны — пренеандертальца, относящаяся к эпохе палеолита, возраст которой исчисляется в 1,5 миллиона лет¹. В многослойной пещере Азых (10 слоев, около 14 м толщи) археологические раскопки выявили огромное количество каменных орудий труда, остатки фауны и флоры и очаги, характеризующие образ жизни древнейших обитателей ее в доисторическую эпоху.

В V слое пещеры найдены костные остатки ископаемого человека — фрагмент нижней челюсти молодой женщины в возрасте 18-22 лет, которая жила приблизительно около 400 тысяч лет назад².

Археологические открытия в пещере Азых являются доказательством, подтверждающим появление человека в Закавказье примерно 1,5 миллиона лет назад, в эпоху древнего палеолита, начиная с культуры галек — культуры Куручай и вплоть до начала мустье (100 тысяч лет до н. э.)³. Другим замечательным памятником палеолита является многослойная пещерная мустьерская стоянка Таглар, раскопанная М. М. Гусейновым и А. К. Джафаровым, свидетельствующая о заселении Азербайджана древнейшим человеком, начиная с 100 тысяч — 35 тысяч лет тому назад. В пещере Таглар в 6 культурных слоях выявлены каменные орудия и остатки фауны древнего человека. Тагларский материал впервые на территории страны дает возможность проследить этапы развития каменных орудий и культурных связей с Ближним Востоком — Ираном, Ираком, начиная с мустьерской эпохи, и выделить здесь орудия труда — скребло тагларского типа⁴.

Уникальным памятником, охватывающим исторический период от эпохи мезолита (среднекаменного века), неолита (новокаменного века), бронзы, железа и до позднего средневековья является Гобустан, расположенный в 60 км юго-западнее города Баку. Среди наскальных рисунков, выявленных на территории страны и за рубежом, на различных континентах Земного шара, значительный интерес представляют петроглифы Гобустана, которые являются ценным источником для изучения древнейшего периода истории азербайджанского народа. В юго-восточной части района Гобустана, в пределах гор Беюкдаш, Кичикдаш, Джингирдаг и холма Язылы археологическими экспедициями Института истории АН Азербайджанской Республики под руководством И. М. Джафарзаде в течение 1947—1965 гг. обнаружены и изучены на поверхности 750 камней с более чем четырьмя тысячами силуэтных контурных рисунков людей, животных, рыб, целые композиции, чашечные углубления и т. д.⁵ Под руководством Дж. Н. Рустамова выявлено еще 300 камней с 2000 рисунками в Гобустане и в вновь открытых районах гор Шонгардаг и Шыхгая⁶.

К 1986 г. уже насчитывалось более шести тысяч наскальных изображений. Петроглифы Гобустана — это иллюстрированная история Восточного Закавказья за большой период (более десяти тысяч лет до н. э.) — от мезолита до позднего средневековья. По мнению некоторых исследователей (И. М. Джафарзаде, А. А. Формозов), круг сюжетов, запечатленных на петроглифах, свидетельствуют о культовом характере гравировок Гобустана. Они являлись частью магических церемоний, без которых древний человек не мыслил благополучия своей общины⁷.

На древних камнях Гобустана отражены картины жизни давно ушедших поколений, сцены жатвы, коллективного труда, где руководит работой женщина; охоты, сражений, увода или похищения девушки и женщины мужчиной, изображения представителей животного мира, окружавшего создателей наскальных рисунков. Занимаясь охотой на диких зверей в зоне Гобустана и Апшерона, древний человек вырезал на камне и скалах изображения тех животных, которых он видел и на которых охотился. В течение ряда тысячелетий безвестные художники в наскальных рисунках показали разные стороны деятельности, быта и жизни людей древнего племени. На скалах Гобустана богато представлены сцены священнодействий, жертвоприношений, ритуальных танцев, напоминающих «Яллы»^{*}. Указанные рисунки каменного века относятся к наиболее древнему искусству мира — графике, живописи, танцу, музыке и т. д. Наскальные изображения рассказывают о хозяйстве, быте, искусстве древних жителей Гобустана. В петроглифах Гобустана отразились те стороны хозяйства, быта, мировоззрения древних людей, о которых нельзя получить представления по другим источникам.

^{*} Яллы — групповой народный танец, бытующий в Азербайджане и в настоящее время. Это говорит о древней традиции в искусстве.

В период каменного века ландшафт Гобустана представлял вид саванны с жарким и влажным тропическим климатом, с богатой флорой и фауной, обилием кормовых ресурсов. Здесь водились крупные стада диких быков, безоаровых козлов, оленей, диких лошадей, куланов, газелей, часто встречались львы (или тигры), волки, свиньи и другие животные⁸.

Близость моря и богатство рыбных ресурсов позволяют предположить оседлый характер поселений племен, проживавших в зоне Гобустана в период мезолита, которые занимались собирательством и охотой. Рисунки рыб свидетельствуют о рыболовстве. Наскальные изображения лова рыбы (белуги) сетями в Гобустане, наличие костных остатков рыб (белуги и других осетровых) и тюленей в слоях мезолита Гобустана, датируются X—IX тысячелетием до н. э. и являются бесспорным свидетельством наиболее раннего развитого морского промысла для всей территории Кавказа⁹. Любопытной находкой являются кости тюленя. Вряд ли мясо тюленя употреблялось в пищу. Возможно тюлений жир употреблялся для освещения, а шкура служила одеждой. Говоря о массагетах Страбон (I в.) сообщал: «Болотные жители питаются рыбой и одеваются в шкуры тюленей, заходящих сюда с моря»¹⁰. По-видимому, древние жители Гобустана шкуру тюленя употребляли как одежду.

В VI—IV тысячелетии до н. э. новые типы хозяйственной деятельности — земледелие и скотоводство прочно вошли в производственную жизнь древних племен¹¹.

Результаты археологических раскопок, произведенных в Гобустане Дж. Н. Рустамовым и Ф. М. Мурадовой подтверждают предположение о долговременном пребывании племен в подскальных пещерах этой зоны, в эпоху каменного века — мезолита и неолита. О длительном пребывании племен в древних поселениях эпохи бронзы (начало III — до I тысячелетия до н. э.) свидетельствуют материалы, представленные под скальными убежищами Ана зага, Чардах зага и стоянки Фируз, а также укрепленными поселениями Дайре — в круглом плане и Беюкдаш — естественным укрепленным поселением. В пещере «Ана зага» («пещера-мать») под культурным слоем найдены древнейшие украшения, которые являлись подвесками, сделанными путем сверления из мелкой речной гальки, а также из ракушек моллюсков.

Известно, что эти ракушки использовались древним человеком как ожерелье, а возможно и как средство обмена. Большой интерес представляют среди этих ракушек те виды ракушек — «каури», которые обнаружены в кургане № 6 в Гобустане и относятся к тропическим морям и океанам (Индийский океан)¹². Это свидетельствует о связях доисторических людей, живших в Гобустане с океанским миром в столь отдаленное время как ранняя бронза.

Найденные при раскопках остатки красной охры служили материалом для украшений, а также для росписи наскальных рисунков. На верхней террасе горы Беюкдаш обнаружено выполненное красной охрой изображение рогатого оленя, на которого нападает хищник, похожий на пятнистую пантеру¹³.

Археологом Ф. М. Мурадовой были обследованы и раскопаны курганы Гобустана эпохи бронзы. Культурные слои этих поселений содержали богатые археологические материалы: большое количество керамики, черепков от лепных сосудов, орудия труда — каменные зернотерки, мотыги, вкладыши составных серпов и т. д., оружие — наконечники стрел и копий, булавы, кинжальные клинки¹⁴.

В III и на рубеже I тысячелетия до н. э. население Азербайджана было уже знакомо с металлом, земледелием, скотоводством. Уже с III тысячелетия до н. э. хозяйство местных племен Азербайджана успешно развивается. Экономическую основу хозяйства наряду с развитием металлургии, составляло животноводство, разведение как крупного, так и мелкого рогатого скота.

Наскальные изображения Гобустана наглядно иллюстрируют богатую фауну этого периода, а изображение лошади говорит о приручении ее в хозяйстве в IV тысячелетии до н. э.¹⁵ Развитие земледелия показывает рисунок жнеца с серпом в руке. Большое количество предметов, добытых при археологических раскопках в подскальных пещерах Гобустана, особенно бронзовых, свидетельствуют о развитии металлургии в указанный период, что подтверждается наскальными рисунками людей с оружием — трезубцами, копьем, топором и т. д.¹⁶

В культурных слоях курганов Гобустана наряду с керамикой, орудиями труда и оружия были обнаружены украшения — бронзовые браслеты, большое количество бус из различных полудрагоценных камней и привозные пастовые и стеклянные бусы¹⁷, вероятно из Египта, Индии и Ирана. Указанные привозные украшения, находимые при раскопках в Азербайджане, являются ценными источниками, свидетельствующими о древнейших связях нашей страны со странами Древнего Востока — Сирией, Финикией, Египтом и Индией через Иран. Связи древних племен Кавказа и Азербайджана со странами древневосточных цивилизаций осуществлялись не только

морским путем через Ассирию, Месопотамию, Иран, Египет и Индию, но и сухопутной караванной дорогой на севере, через Дербенд и на юге, через Нахчеван.

В Гобустане на нижней террасе горы Беюкдаш имеется большое число рисунков лодок с гребцами, вооруженными луками людьми, а на носовой части лодок есть изображение солнца с лучами. Два из них, самые прорисованные, датируются III тысячелетием до н. э., когда уровень Каспия достигал подножия нынешних скальных нагромождений Гобустана. Около четырех тысяч лет до нашей эры уровень Каспийского моря был еще выше и вода порой затопляла и пещеру древнего человека на верхней террасе, где в культурных слоях сохранились обвалившиеся плитки ракушечника с примитивными изображениями камышевых лодок людей каменного века, датировка которых, согласно слоям, по мнению И. М. Джафарзаде, может быть отнесена к VI тысячелетию до н. э. Доказательством того, что лодки причаливали среди скал Гобустана, являются камни, похожие на каменные якоря, обнаруженные здесь и находящиеся в музее Гобустана. По мнению известного норвежского исследователя Тура Хейердала, посетившего заповедник и подтвердившего мнение И. М. Джафарзаде, корпуса глубоководных лодок типичны для вязаных камышевых судов, что, по-видимому, вполне вероятно, так как на Апшероне и в других местах Азербайджана имеются большие заросли камышей, отмечаемые источником VII в.¹⁸ И. М. Джафарзаде датирует некоторые лодки более ранним периодом — VI тысячелетием до н. э., а ряд других V—IV тысячелетием до н. э. Высказано предположение, что на одной из лодок изображен обряд увоза умерших, а по мнению некоторых исследователей отражает египетский солярный миф.

По мнению И. М. Джафарзаде, передняя лодка, с вооруженными луками людьми на борту, тащит за собой на буксире вторую лодку, эта же, в свою очередь, взяла на буксир третью небольшую лодку. Исследователь полагает, что здесь изображена сцена увоза двух лодок с сидящими в них невооруженными людьми, возможно, пленниками¹⁹.

Древние рисунки кораблей на наскальных изображениях неоспоримо свидетельствуют о мореплавании на западном берегу Каспия в эпоху бронзы и в более ранний период (VI—III тысячелетие до н. э.), а солнце на носу лодок, вероятно, показывает направление морского пути — на восток, к восходу солнца.

К концу II тысячелетия до н. э. относится рисунок двухколесной арбы (Холм Язылы, камень 55)²⁰. Рисунок караванов верблюдов, арбы, лошади говорит о сухопутных караванных путях, связывающих Гобустан с рядом соседних стран Кавказа и Ирана и обмене между племенами в период мезолита, неолита и бронзы.

Многообразие тематики и сюжетов, а также хронологические напластования гобустанских наскальных изображений, вместе с обнаруженными археологическими материалами, начиная от мезолита, неолита, всей эпохи бронзы, железа и до позднего средневековья, говорят о длительном пребывании древнего человека в этой местности, где он имел стоянки и поселение.

Вышеуказанные материалы свидетельствуют о жизни, быте, материальной и духовной культуре древнейшего человека, жившего в эпоху каменного века — мезолита, неолита, бронзы и позже в ближайшей зоне от Апшерона и Баку.

В 1991 г. во время раскопок около Гыз-галасы на уровне скалы найдены два кремневых отщепы, похожие на орудия труда — скребок и нож, аналогичные найденным в других районах Азербайджана и датируемые эпохой мезолита и неолита (12000—8000 лет до н. э.). Эти материалы свидетельствуют о древнейшем поселении в старой Бакинской крепости. (Начальник бакинской археол. экспедиции Фархад Ибрагимов. О результате археол. раскопок 1991 г. в Баку).

ГЛАВА I

РАННЯЯ ИСТОРИЯ АПШЕРОНА И БАКУ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Расположенный рядом с Гобустаном Апшеронский полуостров, с центром в Баку, также является территорией, где обитал древний человек. Палеонтологические и археологические исследования показали, что Апшерон в четвертичном периоде (около ста тысяч лет тому назад) был населен различными видами ископаемых животных¹. Выявлено большое количество костей животных, которые принадлежат к давно вымершим на земле видам, а также птиц, насекомых и растений, близ сел. Кешла, Бинагады, Дигях, Хурдалан и т. д.² Недалеко от Баку, близ сел. Кешла, в каменных карьерах обнаружены челюсти и кости черепа лошади, череп древней гиены, часть скелета носорога, относимые к четвертичному периоду³. На острове Пир-Аллахи в кировых⁴ пластах вскрыты черепа ископаемых оленей. Близ сел. Дигях найден череп крупного первобытного быка — тура⁵.

Наиболее богатый материал дали палеонтологические раскопки близ сел. Бинагады, находящегося на расстоянии 7-8 км от Баку. Десятки тысяч лет тому назад у подножья возвышенности, на которой расположено сел. Бинагады, образовалось пресноводное озеро, покрытое у берегов слоем черной нефти. В то время Апшерон представлял собой «ландшафт саванны», т. е. степи с разбросанными на ней кучами деревьев — можжевельника, иволистой груши, фисташки. Климат был влажный. Озеро было окружено камышами. По полупустынной местности бродили различные доисторические хищные животные, над озером пролетали перелетные птицы. Животные сходились на водопой к этому озеру. Но чистая вода была далеко, и животные старались перебраться через прибрежный слой нефти, чтобы дойти до воды, но густая вязкая нефть у берегов засасывала и погребала их в своей массе. Бинагадинское нефтяное озеро с течением времени высохло, образовав толстый слой кировой залежи. Так образовалось это кладбище — скопление остатков самых разнообразных доисторических животных в кировых слоях близ сел. Бинагады⁶. Здесь обнаружены остатки скелета пещерного льва, волков, гигантских оленей, пещерных медведей, барсуков, гиены, носорогов, лошадей, ослов и других крупных и мелких исчезнувших видов животных⁷. Кроме того, было обнаружено большое количество костей птиц, остатки насекомых и растений⁸.

Во время земляных работ по строительству метро в центре г. Баку на глубине 33 м в глинистых пластах был найден окаменевший рог гигантского оленя по возрасту относящегося к палеолиту (среднему плейстоцену). В Азербайджане гигантский олень найден в трех пунктах: в Бинагады, в Азыхской пещере и в центре г. Баку. Палеолитический человек, живший на Малом Кавказе, в мустьерское время, охотился на гигантского оленя и его мясо употреблял в пищу. Помимо охоты человек каменного века собирал случайно встреченные сброшенные рога гигантского оленя, вероятно с целью изготовления из них орудия труда⁹.

Жил ли человек на Апшероне в эту эпоху? Выявленные остатки костей крупных четвертичных млекопитающих на Апшероне дают основание предполагать возможность заселения его древним человеком в период палеолита. «Наличие богатой фауны млекопитающих, таких, как лошадь, разные виды быков и оленей, носорог, слон являлось непременным условием для существования первобытного человека. Где обитали эти животные, там мог существовать и нередко можно убедиться, что существовал охотившийся за ними человек»¹⁰.

Обнаруженные в Бинагады в двух местах небольшие скопления древесного угля в растительном слое также могут свидетельствовать о том, что это — остатки костров доисторического человека¹¹.

К периоду палеолита, т. е. ко времени существования флоры и фауны бинагадинских кировых отложений, относятся несколько находок, похожих на орудия палеолитического человека. Первая находка — небольшое кремневое ядро, обнаруженное в 1936 г. у берега Зыхского озера в 10 километрах к востоку от Баку, — исследована и опубликована Е. А. Пахомовым¹². Ядро было найдено на поверхности земли и имеет форму неправильно усеченной многогранной пирамиды. По словам Е. А. Пахомова, древнюю стоянку человека следовало бы искать у обрыва, находящегося к северо-западу от берега озера, а не на равнине¹³. Имеется еще вторая находка маленького кремневого скребка, найденного в 2—3 км от сел. Гюздек на Апшероне, на восточном склоне Гюздекского плато. Скребок был извлечен из-под верхнего слоя земли в небольшой пещере длиной 3—4 м и высотой 1,5 м. Кремневый скребок, по словам Н. О. Бурчак-Абрамовича, имеет явные следы выделки его человеком¹⁴. В районе Баку, под Биби-Эйбатским обрывом,

находилось несколько необследованных пещер, в одной из которых найдены бусы из серой глины — 46 штук, 5 из них — черные, затем два маленьких осколка глиняных плиток и один осколок кремня¹⁵. В Баку, в районе между Биби-Эйбатом и Баиловым, за школой, на склоне горы, смытой дождем, археолог Г. Асланов обнаружил наскальные изображения быков, подобно Гобустанским, относящиеся к началу бронзы. Дальнейшие археологические раскопки в этом районе могут выявить у подошвы горы, покрытой слоем земли, новые материалы, способные осветить древний период жизни людей в зоне Баку. Близ Баку на скалистом берегу пляжа Шихово обнаружено наскальное изображение рыбной ловли. Выше человеческого роста высечены фигуры рыбаков, интерес представляют рисунки рыб, подобно изображению бронзовой рыбки из раскопки близ Гыз-галасы, затем показаны сети и большие птицы, похожие на чайку. Половина изображения находится под водой, что позволяет их датировать первыми веками н. э., когда уровень Каспия был низким и бухта была сухой¹⁶.

Следы мезолита прослеживаются в древнем поселении Келезага, расположенном у основания скального уступа, восточнее Шувелянского каменного карьера, между мысом Шувелян и дамбой, в 1,5 км от берега, где в результате археологических работ выявлен кремневый скребок, датированный мезолитом и другие материалы¹⁷. Наскальные изображения прослеживаются, начиная от Гобустана на север по побережью Каспийского моря до Баку и далее на Апшероне. Поселения древнего человека существовали также и в этой зоне.

Очевидно, наскальные изображения различных вымерших видов животных в Гобустане имеют связь с теми млекопитающими, которые обитали на Апшероне в Бинагады, Дигях, Кешла, Баку и других в период палеолита, так как среди наскальных рисунков имеются некоторые изображения (наиболее древние) рыб, быков, гигантских оленей, козлов, носорогов, тигров и других животных, населявших Апшерон в это время. Наскальные изображения выявлены также в ряде пунктов на Апшеронском полуострове в зоне поселков Мардакян, Шувелян, Зирия, Сурахана, Рамана, Гала и у начала дамбы, соединяющей материк с островом Пир-Аллахи.

На побережье Каспийского моря, в местности Дюбенды, близ поселка Гала, на плоскостях скального навеса, были высечены изображения пляшущих людей вокруг различных животных — быка, козы, оленя и ряд других рисунков. На скалах обнаружены различные рисунки, говорящие о скотоводстве и охоте древнего человека, обитавшего здесь. Характер рисунков аналогичен гобустанским наскальным изображениям. На территории Апшерона это первый памятник, относящийся к переходному периоду от каменного века к началу бронзы¹⁸.

На могильном поле, у начала дамбы, соединяющей материк с островом Пир-Аллахи была вскрыта каменная плита из апшеронского известняка, на которой контурными линиями были высечены изображения безоаровых (саблерогих) козлов. Эти рисунки датируются концом II и началом I тысячелетия до н. э.¹⁹

Можно не сомневаться в том, что человек каменного века из пещер Гобустана проникал на Апшерон, вероятно, по морскому побережью, с целью охоты на водившихся там диких зверей. Стоянки древнего человека также были в ряде пунктов Апшерона, на что указывает ряд вышеописанных находок кремневых орудий.

Вблизи пещер в Гобустане находится большое количество чашечных углублений, часто соединенные между собой желобками, диаметром 15—40 и глубиной в 10—30 см. Предполагают, что они являлись зародышевыми неподвижными сосудами для сбора и хранения воды и сбора жертвенной крови животных. Сосуды эти датируются концом неолита до начала бронзы (т. е. в V—III тысячелетиях до нашей эры и позже)²⁰. Аналогичные чашечные углубления на скале выявлены также на территории дворца Ширваншахов в старой крепости Баку, на вершине холма, под старыми фундаментами до дворцовых сооружений, и в окрестностях сел. Гюздек на Апшероне под скальными навесами.

Путешественник 30-х годов XVIII в. Лерх отмечал на о. Беюк Зирия* подобные углубления, имеющие круглую и четырехугольную форму, часто соединенные между собой желобками²¹. Указанные чашечные углубления на территории дворца Ширваншахов в старой крепости Баку, в сел. Гюздек и на о. Беюк Зирия, подобные гобустанским, являются памятниками древности Апшерона.

Другим замечательным памятником древности является изображение астрономических тел на вершине скалы в местности Умид Гайа между поселками Бильгя и Нардаран. Эта древнейшая обсерватория на скале по богатству наскальных рисунков, изображающих солнце и различные

* о. Нарген.

знаки зодиака — Большую Медведицу, Змею и т. д., превосходит другие известные изображения созвездий. Наряду с указанными рисунками на скале высечена астрономическая вычислительная таблица. На этой скале немало рисунков, тематика которых относится к земледелию, скотоводству. Наскальные изображения Умид Гайа относят к началу эпохи бронзы²².

Археологические обследования последних лет показали, что на Апшероне были древние населенные пункты, датируемые эпохой бронзы.

В 1963 г. во время археологических раскопок в восточной части Апшеронского полуострова, в зоне поселков Мардакян и Шувелян, выявлен ряд древних памятников. Недалеко от бывших каменных карьеров в местности Банд Усту, на небольшом песчаном холме (площадью 65 на 70 м), вскрыты различные каменные постройки и сооружения неодинаковые по размерам и планам (четырёхугольные и круглые). На каменных плитах обнаружен ряд наскальных рисунков. Большой интерес представляют изображения людей, выбитые на камнях, из которых сложены стены построек. Мужчины и женщины показаны обнаженными, в молитвенной позе.

На стенах одного сооружения, по-видимому, храма, имеются также разные изображения. Эти рисунки подобны гобустанским наскальным изображениям. В этом холме обнаружено множество очагов, большое количество золы, следы костров, фрагменты керамических сосудов черного, серого и красного обжига. Раскопки на этой территории выявили ряд предметов — каменные ступки, кремневые наконечники стрел, глиняные пряслица, нуклеусы из обсидиана, железный меч и нож, а также большое количество костей различных животных: лошади, осла, быка, коровы, барана, козы, собаки, джейрана, волка, зайца, черепахи, тюленя и т. д. Указанные материалы свидетельствуют о том, что на этой территории существовало древнее поселение, датируемое концом II и до половины I тысячелетия до н. э.²³. Находки костей домашних животных свидетельствуют о том, что на Апшероне в древности обитало скотоводческое племя. Здесь жили также племена, занимающиеся земледелием, охотой, рыболовством, ткачеством, гончарным и строительным ремеслом, искусством²⁴.

Наличие обсидиана среди этих находок говорит о связях племен, обитавших на Апшероне, с другими племенами Закавказья.

На расстоянии одного километра на запад от указанного холма, в местности Агдаш-дюзи, в двух пунктах раскопки был обнаружен другой памятник древности, состоящий из остатков стен и фундаментов какого-то древнего сооружения четырехугольной формы и близ него постройка круглой формы. Длина стен свыше 110 метров. На больших камнях стен были высечены рисунки, изображающие лошадь, собаку, горных козлов, быка и других животных и птиц, а также сцены охоты и людей. В других пунктах поселка Мардакян на скалах также обнаружены наскальные изображения. Вблизи обнаружено 13 могил с инвентарем, большинство которых было разграблено. Но и в них, и особенно в неразграбленных могилах, найдены керамические сосуды черного, серого и красного обжига, железный меч, кинжал, наконечник копья, нож, бронзовый пояс с богатым животным орнаментом, браслет, кольцо, бубенчик, игла, различные бусы и другие вещи. В двух могилах были найдены панцири и кости черепах²⁵. Панцири и кости черепах обнаружены также в погребениях, относящихся к той же эпохе в Мингечауре²⁶. Наличие в могилах панциря и останков черепах, по-видимому, связано с погребальным ритуалом обитавших здесь племен. Черепаха являлась в древности китайским символом вечности. В погребальном инвентаре древних тюрков также фигурирует черепаха. В великолепном памятнике тюркскому кагану Кюль-тегину, в Северной Монголии, построенном китайскими мастерами, присланными императором Сюаньцзуном в 731 г., была обнаружена огромная мраморная черепаха (ее длина 2,25 м)²⁷ на спине которой была укреплена стела с рунической надписью. Обычай этот заимствован древними тюрками у китайцев и от них перешел в Азербайджан. В некоторых мингечаурских катакомбных захоронениях I в. с деформированными черепами, в погребальном инвентаре находятся панцири черепах²⁸, которые свидетельствуют о том, что ряд катакомб относятся к древне-тюркским памятникам. В 1935 г. Я.Н.Гуммелем был раскопан курган № 7 на ю.-з. от Ханлара в районе Гянджачая. Из шести древних могил единственной не тронутой грабителями оказалась гробница III²⁹. Сравнительно большая могильная яма содержала коллективное погребение 2 людей и 1 черепахи, лежавших на особой подстилке из белой глины толщиной в 10 см; черепаха лежала на спине в западном углу могилы³⁰. По-видимому, черепаха считалась священным животным и убивать ее нельзя было. До сих пор черепаху не убивают, это считается грехом. В Азербайджане в древних могилах, в катакомбах и курганных погребениях встречаются панцири черепах, находящихся в углу могилы. Среди 26 местных племен Албании упоминаемых Страбоном на рубеже I в. были, по-видимому, и древне-тюркские племена, о чем свидетельствуют приведенные археологические данные.

В одном из нефтяных колодцев в сел. Бинагады в марте 1963 г. было обнаружено древнее погребение с остатками скелета молодой женщины и богатым инвентарем. На суставе пальца скелета было найдено бронзовое кольцо, на грудной клетке бронзовая булава и на руке — браслет, украшенный бусами. В погребении находилось до 200 бус различной формы. Здесь же были обнаружены фрагменты черноглиняного лощеного сосуда и чаши ручной работы грубой выделки. Указанные погребения датируются концом эпохи бронзы³¹.

В августе 1941 г., во время земляных работ по сооружению дамбы, соединяющей Апшеронский п-ов с островом Пир-Аллахи, был обнаружен ряд археологических объектов. Место этих находок находится у берега моря между развалинами древнего поселения, называемого местным населением «Гюрган»^{*} или «Эфшеран» и Апшеронским маяком. Там, близ Апшеронского маяка, вскрыто могильное поле, с многочисленными погребениями типа каменных ящиков. В могилах обнаружены сосуды из серой и красной глины, бусы, большое количество фрагментов сосудов, вышеуказанная каменная плита с контурным изображением диких козлов, наконечник бронзовой стрелы «скифского образца», кусок дымчатого обсидиана, а также остатки истлевших трубчатых костей. Один из найденных кувшинов из серой глины хорошего обжига по форме подобен сосудам, встречающимся среди памятников кедабеко-ходжалинской археологической культуры, датируемой III — половиной I тысячелетия до н. э.³² По мнению И. М. Джафарзаде, среди указанных археологических материалов преобладают предметы, датируемые VII—VI вв. до н.э.

Все эти материалы (могильники и прочее) неоспоримо свидетельствуют о том, что за несколько тысячелетий до нашей эры на Апшероне существовали древние поселения, которые, начиная с Гобустана, тянулись вдоль побережья Каспийского моря на север. Имеются и другие находки, свидетельствующие о древнем населении Апшерона. Весьма любопытной находкой является часть обломанной терракотовой статуэтки (высота 4,5 см, ширина 2,5 см), обнаруженной при рытье земли во дворе дома в селе Амираджан. Статуэтка изображает бюст мужчины, голова которого покрыта чем-то вроде капюшона. Руки у плеча и спина как бы связаны двумя рядами толстых веревок. Замечательно реалистично выделено лицо немолодого мужчины с выдающимися скулами, с длинной бородой и усами, широким лбом; толстым носом и губами и резко выделяющимися надбровными дугами. Статуэтка напоминает пленного раба, возможно «скифа»³³.

Имеется вторая аналогичная статуэтка; найденная из окрестностей гор. Гянджа. «Мягкий колпак (шапка), общий облик лица и некоторые особенности детализации лицевого изображения — расстановка миндалевидных глаз, трактовка заостренной бороды и выбивающихся на лбу волос — позволяют сблизить эту головку с известными изображениями скифов на электровом сосуде из Кургана Куль-Оба, на серебряном воронежском сосуде и на золотых пластинках из Аму-Дарьинского клада». Гянджинскую находку можно сопоставить с наконечниками бронзовых типично скифских стрел, находимых при раскопках Старой Гянджи и в других районах Азербайджана, Грузии и Армении. Эти параллели и позволяют датировать находку V—IV вв. до н. э. Значение головки скифа из Гянджи заключается в том, что она является примером редкой иконографии европейских скифов, или среднеазиатских саков³⁴.

Наконечник бронзовой стрелы скифского образца найден при археологических раскопках на Апшероне³⁵.

По аналогии с гянджинской головкой «скифа» мы датируем статуэтку из Амираджан V—IV вв. до н. э., когда, вероятно, скифские кочевники проникли в Закавказье и на Апшерон.

Этнографическое обследование Апшерона показало, что там находились древние захоронения, что также свидетельствует о существовании на Апшероне древних поселений. У местных жителей сел Апшерона — Маштага, Бузовна, Мухаммеда — собраны сведения о наличии здесь древних могил, имеющих форму больших тендиров со скелетами, рядом с которыми лежали красноглиняные кувшинчики³⁶. Этот обряд погребения не укладывается ни в нормы мусульманства, ни в нормы христианства и, видимо, относится к более раннему периоду.

Подобные архаические захоронения были открыты в 1898 г. при рытье котлована для фундамента Александра-Невского собора в Баку, на месте старого мусульманского кладбища. Здесь были обнаружены древние погребения в виде каменных ящиков в несколько рядов, один над другим, и могила в виде большого тендира: «...подземная пещера, по форме похожая на обыкновенный наш тендир, большого диаметра, в котором пекут хлеб, а внутри пещеры —

^{*} «Гюрган» — название, напоминающее Гиркания; срав. «Гирканское море» и др. топонимические факты Апшеронского п-ва.

кругом у стенок — пять-шесть скелетов в полусидячем положении, на корточках и перед ними небольшие глиняные горшки. Это была родовая могила, оставшаяся от той глубокой эпохи, когда социально-политической основой общества являлась родоплеменная организация»³⁷.

Последующие обследования указанной площади³⁸, также как и свидетельство старого рабочего-землекопа Мешеди Худаверди, производившего работы по закладке фундамента собора, подтвердили наличие древних, домусульманских погребений на этой территории. По сообщению Мешеди Худаверди, им совместно с другими рабочими, копавшими землю, была обнаружена «большая яма, похожая на колодец, и тендир, в котором было 6—7 человеческих скелетов, прислоненных к стене тендира в сидячем положении; некоторые из скелетов развалились, а некоторые были в сохранности; перед каждым скелетом было по одной желто-красной глиняной чаше неправильной формы. Скелеты были посажены вокруг ямы, а на самой середине тендира был небольшой шероховатый камень грубой обтески в виде плоского круга, на середине которого были поставлены: одна выдолбленная каменная чаша, наподобие ступки, а рядом с чашей была каменная скалка в виде пестика»³⁹.

Эти сведения совпадают с приведенными выше сообщениями и не вызывают сомнений в их достоверности.

По-видимому, на холме, где впоследствии вырос средневековый город Баку, было расположено древнее поселение, а отмеченное место погребений в 150—200 м от холма было кладбищем. Таким образом, территория старой крепости Баку в непосредственной близости от этого кладбища была обитаема за много веков до нашей эры, на что, по нашему мнению, указывают также чашечные углубления с желобками и ямы круглой и четырехугольной формы, вырытые в скале на территории дворца Ширваншахов. Большой интерес представляет выявленная во время раскопок у северной стороны Гыз-галасы, на глубине 2,2 м от уровня улицы, оригинальная бронзовая фигурка рыбки (длина 8,2 см, высота 4,5 см, ширина спины 2 и толщина 0,7 см). Голова рыбы — выпуклой формы, рот открыт, глаза отмечены в виде бусинок, уши прорезаны, имеются два плавника, хвост загнут вверх в виде кольца. Все туловище рыбы обработано с большим искусством в виде чешуи⁴⁰. Фигурка эта носит архаический характер и по своей форме, по-видимому, относится к античной эпохе.

Изображения рыб встречаются на скалах Гобустана и датируются X—IX тысячелетием до н. э.⁴¹. Образы рыб являлись инкарнациями определенных божеств зороастрийского пантеона⁴². Рисунки рыб встречаются на фасадах домов на Апшероне, на монетах, чеканенных в Баку ширваншахами и жители объясняют их древней традицией. Увидев во сне рыбу, житель Апшерона толкует этот сон как признак богатства. По-видимому, культ рыбы относится к древнейшим культам на Апшероне и, возможно, символизирует божество моря.

При археологических раскопках в верхнем дворе дворца ширваншахов, был обнаружен кувшин, форма горловины которого подобна изделиям из Ялойлутепе, датируемых III—I вв. до н. э.⁴³ Более достоверными данными о древности Баку могут служить материалы археологических раскопок 1986 г. в крепости «Ичери-шехер». Участок раскопа общей площадью в 144 м² с юго-запада примыкает к мечети Мухаммада ибн Абу-Бахра (Сыных-гала), 471 г. х.— 1078/9 г. н. э., которая сохранилась по настоящее время. Площадь раскопа представляет собой двухслойный памятник: верхний слой XIV—XVII вв., нижний — IX—XIII вв. Большой интерес представляют материалы нижнего культурного слоя. В южной части раскопа сохранились остатки северной и западной стен прямоугольной формы большой комнаты, основание которых построено на естественных скалах. В этом слое было обнаружено пять колодцев, вырубленных в скале, а также большое количество тендиров различного диаметра, рядом с которыми в землю были врыты большие хозяйственные кувшины-кюпы, сосредоточенные в юго-западной части участка. В нижнем слое на уровне скалы было обнаружено несколько обломков фрагментов керамических сосудов, которые и по своей форме, и по составу глины отличаются от средневековой керамики и относятся к более раннему периоду. Ф.Ибрагимов относит эту керамику по форме и расцветке к античному периоду, по аналогии с материалами сосудов, открытых в Нюгеди и в Шемахе⁴⁴.

В 1986 г. Шемахинский археологический отряд продолжал раскопки на VIII участке города Шемахи, где на уровне 3—4 м ниже дневной поверхности была выявлена часть мыльной залы средневековой бани. В юго-восточной части раздевальни, где не было следов строения, работа была доведена до материка. Ниже культурного слоя IX—XII вв. лежит прослойка раннесредневекового и позднеантичного периодов. Она характеризуется обломками простой керамики, изготовленной ручным способом. Подобная керамика была обнаружена и в сел. Нюгеди в районе Аксу и датируется IV—I вв. до н. э. и I в. н. э.⁴⁵. Большой интерес представляет женская

статуэтка из серой глины, обнаруженная археологом А. Зейналовым в Ичери-шехер во время работы экскаватора по ул. Военной. Статуэтка, судя по материалу, изготовлена в Баку, высота — 12 см, ширина у бедра 5 см, голова круглая: отверстия в форме ушей, брови, нос и рот обозначены врезными линиями, вместо глаз вставлены кусочки зелено-голубой глазури. Ноги не обозначены. Груды выделены, руки отбиты. Одежда в виде точечного рисунка. Врезными точками показано ожерелье⁴⁶.

Датирующим признаком статуэтки является зелено-голубая глазурь, подобная глазурованным чашам, покрытым голубой и зеленой глазурью, обнаруженным в курганах в Ходжалы Э. Ресслером и Ленкорани Ж. Морганом, относятся к эпохе поздней бронзы и началу железа и привозные неместного происхождения, являясь изделиями из стран Передней Азии — Месопотамии. /уточнить по рукописи/

К I в. н. э., между 84 и 96-м годами относится латинская надпись у подножья горы Беюк-даш в Гобустане, свидетельствующая о пребывании римских войск близ Баку:

Imp Domitiano
Caesare Avg
Germanic
L Julius
Maximus>
LegXII Ful

В переводе на русский язык означает: «Время императора Домициана Цезаря Августа Германского, Луций Юлий Максим, Центурион XII Легиона Молниеносного»⁴⁷. Латинский автор второй половины IV в. Евтропий сообщает, что Домициан совершил четыре похода — один против сарматов, с которыми он воевал дважды: в 89 г. н. э. (Dio, LXIX, 7), а также в 92 г., другой против каттов, остальные два против даков. За даков и каттов дважды праздновал триумф, за сарматов получил только лавры. Однако он потерпел немало несчастий в этих войнах: в Сарматии был истреблен его легион вместе с полководцем⁴⁸. По-видимому, здесь, в гобустанской надписи, упоминается тот самый отряд XII легиона, который был истреблен местными жителями Апшерона. О пребывании римских войск на Апшероне в I в. возможно говорит название сел. Рамана или Романа. Название города Рамана, в Малой Азии, упомянутое Бар Эбреем в XIII в., по-видимому, также связано с римским завоеванием.

Дислокация римских войск в Гобустане указывает на наличие вблизи крупного населенного пункта или города, которым мог быть в это время Баку и куда, вероятно, направлялись римские войска.

Древность Баку отмечается несколькими исследователями. В научной литературе существует предположение, выдвинутое известным английским египтологом Флиндерсом Петри⁴⁹ о тождестве названия Баку с названием «Bakhau», отраженном в египетской мифологии в «Книге мертвых», древнейшие тексты которой относятся к концу III тысячелетия до нашей эры. Отождествлениями кавказской топонимики с именами египетского текста, Флиндерс Петри строит свои предположения о зарождении египетской мифологии на почве Кавказа. Флиндерс Петри делает предположение о тождестве названия Баку с названием «Bakhau» — большой горы, над которой стоит небо, называющейся «горою Bakhau восходящего солнца». Этимология слова, по мнению английского ученого, та же, так как оно может быть возведено к слову «бака» — утренняя заря⁵⁰. Это название отождествляется с Баку, который расположен на восточных отрогах Большого Кавказа.

Связи древнего Азербайджана с Египтом, по предположению Флиндерса Петри, основываются только на данных египетской мифологии, затронутых в «Книге мертвых», но не подкрепляются данными археологии. Несмотря на сомнительность наблюдений Флиндерса Петри, нельзя не отметить ряд археологических находок, свидетельствующих о связях древнего Египта с Азербайджаном. В их числе можно указать на бронзовую статуэтку египетской богини Баст с головой кошки (сел. Дананаб в районе Човдара)⁵¹, бусы из голубой египетской пасты (Мингечаур, Ходжалы, Ханлар), датируемые II тысячелетием до н. э., египетские глазки (Мингечаур, Ялойлутепе), скарабеи (Мингечаур), два маленьких изображения фаллоса, руки и статуэтки человека без головы в плаще — все это из голубой египетской пасты⁵².

Вопрос отождествления топонимики, данной Флиндерсом Петри, с названием Баку требует дальнейшего изучения.

Одними из ранних упоминаний источников, связанных с бакинским побережьем, являются сведения византийского автора первой половины V в. Приска Панийского, который со слов

римлян описывает путь, ведущий из Скифии в Мидию: «Гуннам дорога эта была неизвестна, и в старину во время свирепствования голода в их стране они ворвались по этому месту для войны с римлянами, которые тогда управляли и не мало с ними сражались. Они (т. е. скифы)* проникали до городов мидян...⁵³. Возможно, что сведения Приска Панийского объясняют пребывание римских войск близ Баку военными действиями римлян против скифских племен, нападавших на Азербайджан. Далее Приск сообщает, что позже скифские князья, прибывшие в Рим для заключения военного союза, описывали этот путь следующим образом:

Путь шел через болото Меотийское (Азовское море. — С. А.), затем, перейдя через горы (по-видимому, — Большой Кавказ. — С. А.), скифы спустились в Мидию, где занялись грабежом. Возвращаясь назад и «избегая натиска врагов, они отклонились по другой дороге и через места, где из морского камня пышет пламя (ex petra maritima flamma ardet)», вернулись в Скифию⁵⁴.

Любопытные сведения Приска о пламени, пышущем из морского камня или скалы, несомненно относятся к бакинским вечным огням (горящим газам), т. к. слово *maritima* ясно говорит о морском побережье. Это первое хронологическое указание (первые века н. э.) на огни близ Баку.

Древние поселения в окрестностях Баку, возможно, были там, где теперь море, в частности на территории нынешней бухты и в районе моря у берегов Биби-Эйбата и Баилова. Ученые и путешественники отмечали изменения уровня Каспийского моря, при которых названные территории становились сушей. Профессор С. А. Ковалевский полагает, что в первые века прибакинские острова соединялись с сушей, бухта была сухой, и отмечает возможность поселений на месте нынешней бухты. По мнению этого ученого, наиболее низкий уровень стояния Каспия, когда банки Бакинского архипелага сплошь сливались с континентом и вся Бакинская бухта были сухой, падает на период от II до VII вв. Затем с VII в. начинается сильное повышение уровня Каспия вплоть до IX в., когда и образовалась Бакинская бухта. В начале XIV в. уровень вод поднялся на высоту, значительно превосходящую современное стояние⁵⁵.

Возможно, что образование Бакинской бухты произошло значительно раньше VII в., так как конфигурация Бакинской крепости показывает, что старый Баку построен как портовый город на берегу моря, в то время как существовала уже бухта, иначе факт сильного повышения уровня Каспия был бы отмечен арабскими географами IX—X вв. По-видимому, берег моря был значительно южнее, за Бюк Зиря, так как строительство укрепления в Баиловской бухте было закончено в 1234/5 г. и оно строилось на суше.

Последние исследования ученых об изменениях уровня Каспийского моря показали, что последняя трансгрессия Каспия началась где-то на рубеже нашей эры. Однако вначале поднятие уровня происходило медленно, сменяясь довольно сильными понижениями. Уровень Каспия был низким до конца XIII в., но в конце XIII в. — первой половине XIV в. меньше чем за сто лет уровень Каспия поднялся более чем на 10 м. На карте Марино Сануто (1320 г.) имеется надпись «море каждый год прибывает на одну ладонь и уже многие хорошие города уничтожены». О затоплении Абескуна и укреплениях Сабаил в Баку сообщают Неджати, Хамдаллах Казвини в первой половине XIV в., Абд ар-Рашид ал-Бакуви (в 1403 году) писал, что море затопило в Баку много стенных башен и приблизилось к мечети. Затем свыше 600 лет уровень был высоким вплоть до начала XX в., когда он стал падать. Особенно резкое падение уровня моря произошло в 1929—1945 гг., когда в течение 16 лет уровень упал на 2 м⁵⁶.

В Бакинской бухте при постройке купальни была замечена на дне бухты древняя мостовая⁵⁷.

Остатки разрушенных стен, тянувшихся от Гыз Галасы (Девичьей Башни) и уходящих далеко в море по направлению к затопленному укреплению в бухте, были обнаружены при строительных работах в первой половине XIX в.⁵⁸

В связи с отмеченными изменениями уровня Каспийского моря ряд авторов сообщали легенды, передаваемые местными жителями из поколения в поколение, о затонувшем городе Сабаил, или Шахбаг, находившемся на месте нынешней Бакинской бухты, и как на свидетельство этого факта указывали на видневшиеся из-под воды вершины башен и стен затонувшего полуразрушенного сооружения крепостного характера внутри бухты⁵⁹. Народные предания сохранили смутные сведения не только о городе Сабаил, но и о другом большом городе «Шахриунан» (греческий город), который якобы находился близ Баку⁶⁰. Упоминаются и другие названия: Хараба-Шехер, Хунсар и т. д. Согласно другой версии, Хунсар был основателем города Баку, который назывался прежде его именем⁶¹. Некоторые предания связывают затопление

* Этнонимы «гунны» и «скифы» иногда употребляются как синонимы.

древнего города, стоявшего на месте Баку, с именем Александра Македонского⁶². Однако известно, что Александр на территории Апшерона не был. Все эти легенды и народные предания, несмотря на их фантастичность, говорят о древности Баку и отражают вероятный факт затопления древнего поселения на месте Баку или близ Баку в очень отдаленное время.

В основе всех бытующих легенд о затоплении Каспийским морем целого города, по-видимому, был действительный факт понижения уровня материка и погружения поселения или города на дно моря в результате землетрясения.

Академик Э. Ленц, посетивший Баку в 1830 г., сообщает слышанное им от местных жителей: «...много времени тому назад море было на 20 верст дальше, чем теперь, и остров Беюк и Даш Зиря, так же как Пир-Аллахи и Чиров, были частью твердого материка; однажды же неожиданно море зашло намного вперед и дало побережью тот вид, который оно имеет и сейчас»⁶³.

Доказательством затопления зоны между Баку и о. Беюк Зиря много веков тому назад может служить колея двухколесных арб в каменном теле о. Беюк Зиря, уходящая в море.

Путь этот вел, судя по направлению колеи, вдоль острова к Шиховой деревне и Шиховой косе, конечной точке южного берега Бакинской бухты. При обследовании острова Ленц обнаружил эти следы, которые были сильно стертые от времени⁶⁴. Во время посещения острова путешественником Лерхом в 30-х годах XVIII в. он был необитаем, однако Лерх заметил на нем следы построек, колодцев и некоторые четырехугольные углубления, выбитые в скале⁶⁵. По-видимому, когда-то на месте острова и территории бухты было древнее поселение, которое в связи с повышением уровня Каспийского моря было затоплено. Морской берег был значительно дальше, за островом Беюк-Зиря (Наргеном), отделившимся от материка.

Азербайджанский историк Аббас Кули-ага Бакиханов отмечает еще следующее: «...в Бакинском уезде в деревнях Бильгя, Зиря, Биби-Эйбат и других, также и на некоторых островах видны на скалах остатки следов колес, идущих далеко в море. В самом городе Баку, где стоит дом Гаджи-Бабы, сына Гаджи Ага-Гусейна при рытии колодца нашли под землей ниже нынешней поверхности моря дорогу, вымощенную плитами»⁶⁶.

Следы колеи двухколесной арбы, уходящей в море, сохранились до сих пор в местности Умид гайа близ поселков Бильгя и Нардаран, что также подтверждает затопление части материка в зоне Апшерона.

Свидетельства античных авторов также дают возможность предположить существование поселения или города на месте Баку или близ него в начале нашей эры. Греческий географ Клавдий Птолемей (II в.) отмечает в своем «Географическом руководстве» 29 городов и селений Кавказской Албании. Среди них он называет город Гайтару.

В тексте Птолемея о городах сказано: «За устьем реки Соаны — город Телайба... устье реки Албан — город Гайтара, за которым устье реки Кира (Куры)»⁶⁷.

В другом месте Птолемей называет его Гангара⁶⁸. Имеется еще третий вариант названия этого города — Гагара, встречающийся в одном из списков рукописей Птолемея. Некоторые ученые предполагают, что наименование этого города связано с этническим термином «гаргары»⁶⁹.

На карте Птолемея издания 1584 г. город Гайтара имеет, помимо наиболее сложного и крупного рисунка, еще двойной кружочек, выделяющий его как важнейший пункт. Этот город был, судя по тексту, расположен на берегу моря и, по мнению ряда ученых (Томашек, Маршалл фон Биберштейн, Д'Анвиль и др.), мог находиться на месте Баку. Южнее Гайтары Птолемей помещает «Баруку», также близ берега моря. Некоторые ученые (Целларий, Барбье и др.) отождествляют Баку с Барукой, Г. Гейбуллаев полагает, что Барука, упоминаемая Птолемеем, находилась в районе Дербенда, где позже арабские географы (Ибн-Хордадбех IX в. и др.) упоминают крепость Баб Барика, вероятно, от иранского бару «крепостная стена» и суффикса «ка»⁷⁰. Итальянский путешественник Пьетро делла Валле, писавший о Баку в 1618 г., отождествляет Баку с Албаной⁷¹, которая находилась за устьем реки Кайсия, согласно тексту Птолемея. Очень трудно идентифицировать эти населенные пункты с древним Баку. По созвучию Барука может соответствовать древнему Баку. Однако местоположение Гайтары у самого берега моря, показывающее изгиб в сторону востока, напоминает очертания Апшеронского п-ова и, по-видимому, соответствует городу Баку.

По мнению других ученых, Гангара находилась южнее Баку, «на месте Алят, там, где железная дорога из Тифлиса подходит к Каспийскому морю», т. е. у устья Пирсагата⁷².

В 8 км от железнодорожной станции Дуванный, недалеко от Алят близ морского берега обнаружено засыпанное песками древнее городище. Сметенные ветром пески обнажили на поверхности земли большое количество глазурованной керамики, датированной IX—XIV вв., и

другие предметы быта⁷³. Обнаружение этого городища представляет значительный интерес.

Все вышеуказанные высказывания останутся предположениями, пока не будут произведены археологические обследования и раскопки на западном побережье Каспийского моря в зоне, прилегающей к городу Баку. Что касается возможности существования городов в первые века нашей эры, как это сообщает Птолемей, то В. В. Бартольд говорит следующее: «Трудно сказать, могла ли культура через несколько веков после похода Помпея настолько усилиться, что в I и II вв. н. э. здесь могли быть города»⁷⁴.

Однако археологические раскопки городищ Кабалы, Гянджи, поселений в Мингечауре, развалин древних заградительных стен, валов, укреплений в Гильгилчае, Беш-Бармаке, у Закатала и в других районах, рассеивают сомнения Бартольда и говорят о том, что территория Азербайджана в период раннего средневековья была густо населена и имела культуру настолько высокую, при которой неизбежно было существование городов.

1. О датировке и названии города Баку

Город Баку находится на юге Апшеронского полуострова, на берегу Каспийского моря, в хорошо защищенной от ветров и штормов бухте. Старая крепость Баку расположена амфитеатром на южном склоне Бакинского плато, в зоне полупустыни с сухим и жарким климатом, характерным для Апшерона. В северной части его — песчаные берега, села и дачные поселения, против которых лежат острова Апшеронского архипелага — Пир-Аллахи (Святой), о. Чиллов (Жилой), а против южного берега — Беюк-Зирия (Нарген), Даш-Зирия (Вульф) и Кум-Зирия или Таза-Зирия (Песчаный).

Недра Апшерона богаты залежами нефти и газа. Поверхность полуострова изобилует известняками и отбеливающими глинами. Северная часть Апшерона покрыта конусами грязевых вулканов и солеными озерами — Беюк-шор, Бюльбюля, Масазыр. Исключительно выгодное географическое местоположение города, лежавшего на караванных и морских путях из стран Закавказья на север в Россию, на восток, в Среднюю Азию и Индию и на юг в Иран, наличие удобной бухты являлись факторами, способствовавшими развитию города — порта и крепости.

Баку является одним из древних городов, экономических и культурных центров не только Азербайджана, но и всего Ближнего Востока. Вопрос о времени возникновения Баку как населенного пункта и как города до сих пор не уточнен ввиду слабой изученности его в археологическом отношении и скудности источников, относящихся к раннему периоду его истории.

Определяющим фактором в образовании города как социально-экономической категории, как известно, является развитие производительных сил (ремесла) и рост торговли. На этой основе средневековые города Азербайджана обычно вырастали из древних поселений и вокруг крепостей. Некоторые города возникали в связи с эксплуатацией природных богатств местности — медной и железной руды, нефти и соли и других ископаемых. К таким городам относится и Баку, возникший, по-видимому, на месте древнего поселения.

Наличие в прибакинских недрах нефти и соли и выгодное местоположение на морском побережье с прекрасной естественной гаванью для ведения торговли с древних времен привлекали людей в Баку.

Вероятно, еще в далеком прошлом племена, проникавшие на территорию Апшерона с севера через Дербендский проход и с юга, вероятно, из Гобустана, смешавшись с его аборигенами, оседали на Апшероне, оставив след в наименовании ряда его сел и самого города Баку.

Арабские и персидские географы (X—XV вв.), приписывая основание ряда городов Азербайджана сасанидским царям V—VI вв., при упоминании о Баку ничего не говорят о его возникновении. Однако известно, что сасанидские правители в большинстве случаев не основывали, а только укрепляли уже существовавшие поселения и города на северной границе своего государства крепостными стенами и башнями из-за угрозы со стороны хазар и других народов, нападавших с севера на их владения. Более поздние авторы — турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби⁷⁵, ни на что не ссылаясь, приписывал основание города Баку ахеменидскому царю Дарию⁷⁶, а азербайджанский путешественник начала XIX в. Зейн ал-Абидин Ширвани⁷⁷ — сасанидскому царю Ануширвану (VI в.)⁷⁸.

Для выяснения вопроса о времени возникновения Баку большое значение имеют условия жизни и заселения Апшеронского полуострова в древности.

Археологические исследования и раскопки показали, что территория рядом с Апшеронским

полуостровом — Гобустаном, была обитаема древним человеком с древнейших времен — с эпохи каменного века. На Апшероне существовали поселения с развитой жизнью эпохи бронзы и железа. Для выяснения древности датировки Баку большое значение имеют археологические материалы, обнаруженные на территории старой Бакинской крепости — Ичери-шехер и за ее пределами. Открытие наскальных рисунков в Баилове Г.Аслановым и датируемые эпохой бронзы, бронзовая фигурка рыбки на территории Ичери-шехер, чашечные углубления на вершине бакинского холма, на скале во дворце Ширваншахов, подобные гобустанским и многослойное кладбище с домусульманскими захоронениями с керамическими сосудами, свидетельствуют о древнейшем поселении эпохи бронзы и античного периода на территории Баку. Находка кувшина в верхнем дворе дворца Ширваншахов во время археологических раскопок, форма горловины которого подобна изделиям из Ялойлутепе, датируемого III—I вв. до н. э., так же как и фрагменты керамических сосудов на территории мечети Сыных-гала, изготовленные ручным способом, подобные керамике из Шемахи и Ньюгеди, датированные античным периодом — IV—I вв. до н.э. и I в. н.э., и женской статуэтки из серой глины эпохи железа; на территории мечети Сыных-Гала найдены железное навершие стрелы и фрагменты керамики, большой кувшин подобный по форме античным амфорам, относящимся к античному периоду, а также две подставки — базы колонн на территории мечети, подобные колоннам больших городских зданий античного периода, обнаруженные в Ичери-шехер, позволяют датировать старую Бакинскую крепость как город античного периода, и считать его древность более двух тысяч лет.

У подножия Гыз-галасы, с северной стороны (раскопки Ф. Ибрагимова), обнаружили полуразрушенные комнаты старого здания, которые относятся к раннему периоду города Баку.

Баку принадлежал к тому типу городов Азербайджана, которые возникали из древних поселений, обнесенных крепостной стеной и рвом в связи с частыми вторжениями северных кочевых племен через Дербендский проход⁷¹.

Баку имел такую экономическую базу, как нефть и соль, которые с древних времен привлекали сюда население. Служившая вначале бытовым нуждам, нефть постепенно становится предметом вывоза.

Добыча нефти и соли и выращивание шафрана, вывозившихся в различные страны Востока, служили важным стимулом роста Баку как города. Добыча нефти требовала развития ряда ремесел, связанных с нефтяным хозяйством, в частности изготовления сосудов из глины и тюленьей кожи для вывоза нефти. На этой основе незначительное поселение могло вырасти в город Баку, название которого в средние века связывали с нефтью и огнями. Летопись Албании VII в. Моисея Каланкатуйского отмечает в зоне Куры добычу нефти и соли. Письменные сведения о наиболее раннем периоде города Баку сохранились у арабских и персидских историков и географов IX, X и XI вв. (Балазури, Истахри, Абу Дулаф и т. д.), которые, упоминая о Баку, связывали его имя с фонтанами нефти и газа, горячими минеральными источниками и грязевыми вулканами, изобиловавшими на пропитанной нефтью Апшеронской земле.

Кроме письменных источников, мы располагаем данными памятников материальной культуры как археологии, так и нумизматики. Археологические раскопки на вершине бакинского холма в старой крепости, на территории дворца Ширваншахов обнаружили большое количество фрагментов керамики VIII в. и остатки построек и домов густо населенного квартала средневекового города, датируемого VIII в.⁸⁰. Наиболее ранней нумизматической находкой, относящейся к VIII в. н. э., является аббасидская монета, найденная на территории старой крепости⁸¹. Были также обнаружены монеты IX в. и последующих веков. Наиболее значительными являются находки трех кладов сасанидских монет, относящихся к V—VII вв., найденных в зоне Баку⁸².

Несмотря на то, что точное местонахождение этих кладов неизвестно, тем не менее обнаружение в зоне Баку трех больших кладов, в каждом из которых более 80 серебряных сасанидских монет, говорит об оживленных торговых сношениях на его территории.

Несомненно, что в I в. Баку был уже небольшим портовым городом, о котором позже упоминали арабские источники, а формирование его относится к более раннему периоду. Город развился из небольшого поселения, возникшего, вероятно, в глубокой древности⁸³. Следовательно, можно полагать, что Баку как античному городу более 2 тысяч лет. Для уточнения более ранней даты возникновения Баку необходимы, как мы уже указывали, дальнейшие археологические исследования этой территории.

* * *

Для выяснения происхождения названия Баку, необходимо выявить древнейшие этнические напластования и язык древнейших обитателей этой зоны. Источники сообщают, что в конце

первого тысячелетия до нашей эры и в первые века нашей эры западное побережье Каспийского моря, включая Апшеронский полуостров, заселяли ираноязычные племена скифов-массагетов (маскутов), имеющих свое царство, во главе которого стоял правитель из династии парфянских Аршакидов. От имени массагетов получило название селение Машката, ныне Маштага.

Погребальные обычаи массагетов говорят о их принадлежности к маздеизму и зороастрийскому культу. Топонимические и этнографические данные Ширванской и Муган-ской степи, а также Апшерона, населенного ираноязычными татами, говорят о распространении этого культа в указанной зоне.

Исследование топонимики Апшерона показало, что название его сел в основном связано с наименованиями и языками тех племен и народов, которые в отдаленную от нас эпоху населяли полуостров, оставив свой след в названиях ряда его населенных пунктов, некоторые из которых сохранились до наших дней. Территория Апшерона в древности была заселена племенами такими, как маскуты, марды, курды, тюрки и др., оставившими свой след в топонимике. Этнонимы Мардакян означающее место племени мардов, Тюркан — тюрки и Кюрдахана поселение курдов явно показывают, что как марды, так и тюрки и курды являлись иноплеменным населением полуострова, и свидетельствуют об этническом меньшинстве этих племен на территории Апшерона. В топонимике Апшерона наличествует довольно сильный иранский пласт. Возможно, ираноязычное население в этом районе появилось уже в первой половине I тысячелетия до н. э. Известно, что по территории Азербайджана проходили скифские племена, которые, несомненно, частично оседали в указанной зоне. Об этом свидетельствуют и археологические материалы. Топонимы Бильгях, Забрат, Бюльбуля, Рамана, Бузовна, Масазыр, Джорат, Мардакян, Ноухана, Сурахана, Балаханы, Нардаран, Дигах, Горадиль, Хурдалан и др. относятся к иранской лексике⁸⁴.

По сведениям Бакиханова, писавшего в 40-х годах XIX в. за исключением шести селений, говорящих на тюркском языке, остальные селения Апшерона (более 30-ти) говорили на татском языке⁸⁵. По сообщению арабских и персидских источников, сасанидские цари Кубад и Ануширван в V—VI вв. для защиты и охраны своих северных границ от набегов кочевников-тюрков построили ряд заграждений и Дербендскую стену. Однако археологические работы на северо-восточной части дербендского холма выявили остатки стен дербендских укреплений в слоях VIII—VI вв. до н. э. В V в. н. э. при сасанидском царе Ездигерде II (438—457 гг.) на базе этих укреплений была возведена стена, перекрывавшая весь проход от крепости Дербенд до моря и простиравшаяся до вершины холма, где она примыкала к мощной цитадели. Позже, при Ануширване, к сырцовой стене была пристроена вплотную северная каменная стена, послужившая как бы облицовкой сырцовой⁸⁶. В V—VI вв. сасанидские цари переселили в северо-восточный Азербайджан ряд ираноязычных племен — выходцев из Лахиджана, Табаристана, Гиляна и т. д. По мнению некоторых исследователей (А. К. Бакиханов, М. Г. Велиев-Бахарлы), азербайджанские таты являются остатками тех древних переселенцев иранцев⁸⁷. Таты бесспорно являются одним из древних этнических напластований на территории Апшерона. Наряду с топонимами иранского происхождения на Апшероне сохранился ряд названий сел, который относится к арабской лексике, как, например: Хиля, Бинагады, Гала, Зиря и т. д. Антропонимия, отмеченная на Апшероне, относится к послепарабскому периоду и, по-видимому, связана с именами лиц, основавших эти селения или владевших ими: Фатмаи, Мухаммеди, Ходжасан (Ходжа-Хасан), Хукмали и т. д.⁸⁸

Наряду с отмеченными топонимами, характерными для языков иранских и арабского, на Апшероне существуют названия сел, представляющие собой этнонимы, этимологизирующиеся на почве языков тюркского типа. Изучение наряду с топонимикой археологических, нарративных и лапидарных источников, свидетельствует о заселении Апшерона тюрками в первом тысячелетии до н. э. и в раннем средневековье. Источники сообщают о неоднократных нападениях гуннов, которых раннесредневековые источники отождествляют с тюрками⁸⁹, на Мидию.

Гунны-тюрки бывали на Апшероне в первые века н. э., где, возможно, и оседали⁹⁰. Проникновение и нашествия гуннов на Албанию отмечены у авторов V в. Егише и Фавстоса Бузанда⁹¹.

Наличие тюркских элементов в топонимике Апшерона подтверждается названием сел Биледжары, Ахмедли, Кешле-кишлаг, Гюздек, Гобы. Последующая тюркизация Апшерона после сельджуков была связана с нашествием монголов, следы которых прослеживаются в названии села Сарай. Как известно, при монголах было несколько городов с подобным названием. К топонимам тюркского происхождения относятся также названия селений Аг-Бурун, Чемберекенд, Лок-Батан, Сабунчи, Дерин агул и др.⁹²

Исследование топонимики Апшерона позволило прийти к следующим выводам. Данные

топонимики свидетельствуют об основном ираноязычном населении полуострова, который подвергся интенсивной инфильтрации тюркоязычных племен с начала нашей эры, мощное напластование которых явилось значительным компонентом в этногенезе азербайджанского народа.

Арабы, несмотря на расселение арабских племен в Азербайджане, ассимилировались с местным населением (состоявшим из тюркоязычных, ираноязычных и кавказских племен) и язык их не сохранился, оставив свой след в топонимике и лексике. Это говорит о том, что ко времени арабского завоевания в стране тюркский и иранский элемент был устойчивым.

Наиболее трудно объяснимым и интересным в ряду рассмотренных топонимов Апшерона является наименование города Баку. Мы попытаемся выяснить забытое древнее название города Баку, установить его этимологию, проследить и объяснить его видоизменение, происшедшее в течение длительного исторического периода.

Наиболее раннее название города Баку встречается в источниках V—VIII вв. в виде Багаван, Атли (Атши) Багаван и Атши (Атеши) — Багуан*. Под этим наименованием, по мнению ряда авторов, имеется в виду Баку. Топоним Багаван состоит из корня «Бага», означающий во многих индоевропейских языках «бог», «солнце».

В санскритском языке «bhaḡa» — солнце, луна, Сива (божество); в авестийском и древнеперсидском «бага» — бог⁹³. Слово «бага» встречается в Бехистунской клинописной надписи VI в. до н. э. в значении «бог»⁹⁴. В пехлевийском языке — «баг» — бог; в древнеармянском — «бага» — бог⁹⁵. Как известно, это слово перешло в древнеармянский язык из древнеперсидского. Слово «бага» встречается также в древнетюркских языках в значении великий, божественный, бог⁹⁶. Топоним Багаван состоит из корня слова — Бага или Баг и суффикса — ван. Окончание «ван», встречающееся в названиях многих городов и местностей Азербайджана, Армении, Ирана и других стран Востока выражает значение большого и значительного города. Для примера можно привести около 50 названий, в числе которых: Ширван, Нахче-ван, Хафте-ван, Мехре-ван, Гемюше-ван, Ере-ван, Сар-ван, Баджир-ван и т. д.⁹⁷

При Сасанидах и еще задолго до них в северо-восточных и южных частях Азербайджана, в Армении и Иране существовали города и населенные пункты под названием «Бага-ван», «Багаран», «Баг-ин», «Бага-яридж»⁹⁸ и т. д. В каждом из этих пунктов горел неугасимый огонь, находились капища, жертвенники и храмы огнепоклонников, отмечаемые историками V-VIII вв.⁹⁹. Одним из таких священных религиозных населенных пунктов огнепоклонников был город Багаван, Атли (Атеши) Багаван и Атеши-Багуан, упоминаемый Моисеем Хоренским (V в.)¹⁰⁰, Ананием Ширикаци (VII в.)¹⁰¹ и Гевондом (VIII в.)¹⁰².

Необходимо отметить, что «Багаванов» было несколько**. У Моисея Хоренского читаем следующее: «Он (Ардашир—сасанидский царь, правивший в III в. н. э. — С. А.) еще более усиливает служение при храмах, приказывает неугасимо поддерживать огонь Ормузда на жертвеннике в Багаване»¹⁰³. Посетивший Баку индийский ученый Модри, огнепоклонник-парс отметил, что в старых индийских книгах сообщалось о наличии на западных берегах Хазарского моря большого количества храмов огнепоклонников¹⁰⁴. Среди жителей Баку сохранилось предание о существовании в древности храма огнепоклонников в старой крепости Ичери-шехер.

В «Армянской географии VII в.» упоминается провинция Пайтакаран (Байлакан), которая простиралась до берега Каспийского моря и доходила до Аракса. Эта провинция одно время входила в состав Атропатены¹⁰⁵. Автор географии перечисляет 12 «областей» (районов. — С. А.) этой провинции, среди которых он называет Атли (Атши-Атеши) Багаван¹⁰⁶. К. П. Патканов, автор перевода этой географии, видит в слове «Багаван» нынешний Баку и считает, что в наименованиях отдельных местностей этой провинции, изобиловавшей в древности нефтяными источниками и горючими газами, имелись слова, означающие «огонь» и «жертвенник»¹⁰⁷.

По сообщению арабского географа ал-Истахри, писавшего в 930 г. н. э., недалеко от Баку жили огнепоклонники¹⁰⁸. Без сомнения, в этой зоне находились «пирей» (святылища) и жертвенники огнепоклонников, остатки которых сохранились в окрестностях Баку еще в конце XIX в.

Автор VIII в. Гевонд, описывая события в Албании в связи с нашествием хазар в 730 г.¹⁰⁹ и опустошением ряда ее городов и крепостей, упоминает область Атши-Багуан, разрушенную ими¹¹⁰. Слово Атш, искаженное от Атеш, означает огонь, название Атши-Багуан — «огни Багуана». Можно не сомневаться, что здесь речь идет о Баку.

* Очевидно, это то же, что и Атши (Атеши) — Багаван.

** См. Н.А.Орбели. Избранные труды. 1963, с.371.

В начале XIX в. востоковед М. Ж. Сэн-Мартэн указывал, что упоминаемый в источниках V—VII вв. Багаван и есть древнее название Баку. Он писал, что город Баку с древних времен почитался парсами как священное место из-за наличия многочисленных источников нефти и выходов газа, которые естественным образом загорались. Здесь во многих местах огнепоклонниками поддерживался «вечный» огонь. И не удивительно, что Баку его правителями или их подданными был превращен в место служения огню¹¹¹.

Ахмед Кесреви Тебризи, основываясь на данных Моисея Хоренского, Анания Ширакаци и Гевонда, отождествлял Багаван и Атеши-Багуан с древним Баку и значение этого слова объяснял как «город бога» или «место бога»¹¹². Город назывался так потому, что в нем находился один из главных храмов огнепоклонников. Кесреви отмечал, что «Бадкубе» — название позднее и искаженное¹¹³.

Таким образом, топоним Багаван, Атли (Атеши) Багаван и Атши (Атеши) Багуан у некоторых авторов являются названиями древнего Баку, этимология которых объясняется из древнеперсидского языка при Сасанидах. В грузинской летописи «Картлис Цховреба» упомянут также Багаван в Ширване, который мы отождествляем с городом Баку. «Картлис Цховреба» сообщает о прибытии в 1222 г. в Багаван — резиденцию Ширваншахов, грузинского царя Георгия IV Лаша, прибывшего для заключения брака и свадьбы своей сестры Русуданы с Ширваншахом. Однако свадьба расстроилась, так как царь Георгий пробыл здесь 10 дней, заболел и в 4 ч. дня 18 января 1222 г. умер. Русудана вернулась в Грузию и в том же году была провозглашена царицей. Источник не называет имени Ширван-шаха, возможно, что Русудана должна была выйти замуж за сына Гершаспа I Фарибурза III, либо за самого ширваншаха Гершаспа.

Почему свадебный пир должен был происходить в Багаване — Баку, а не в Шемахе — столице Ширваншахов? Ответ на это мы находим в грузинском источнике начала XIII века, где говорится о страшном землетрясении, постигшем в 1191 г. Шемаху, которая сравнивалась с землей. После разрушения Шемахи резиденцией Ширваншахов стал город Баку. Грузинская летопись сохранила древнее название города Баку — Багаван, которое зафиксировано в Армянской географии начала VII в. и дает нам возможность отождествлять эти два названия¹¹⁴.

Иранский автор XIX в. Мухаммед Хасан-хан Этимад ас-Салтане приводит сведения пехлевийского источника Хамзы ал-Исфахани, историка Сасанидского периода, о названии Каспийского моря, которое при Сасанидах именовалось Дерйа-йе Акфуде, и полагает, что Акфуде было древним названием Баку¹¹⁵. В «Бурхане Гати» — персидском словаре, составленном в XVII в. по древнеперсидским источникам, в слове «Акфуде» подтверждаются данные Хамзы ал-Исфахани¹¹⁶.

Современный иранский автор Бастан Паризи пишет, что Баку является одним из древних и священных городов и название его происходит от священного слова «бог». И, вероятно, название его связано со святилищем и древним храмом огнепоклонников в этом городе¹¹⁷.

В «Армянской географии VII в.», где перечисляются 53 народа, живущих в Сарматии*, упоминаются, в частности, следующие названия: хелы, каспы, ширваны, ижамахи, баганы, маскуты, населявшие пространства «у самого Каспийского моря, куда доходят отроги Кавказа и где воздвигнута Дербендская стена, громадная твердыня море»¹¹⁸. Упомянутый в тексте этноним «баганы», по-видимому, происходит от слова «бага» или «баг», т. е. бог. Окончание «ан», являясь суффиксом множественного числа в среднеиранских языках (впоследствии в средневековых топонимах этот суффикс обозначал «место», «поселение»), слово баган может означать «огнепоклонники». Указанная территория расселения племени баган на западном побережье Каспия находилась на Апшероне и Баку и простиралась на юге до Мугани и на севере до Дербенда.

Сохранившиеся названия племен в топонимике Апшерона позволяют исследователю установить этнический состав его населения в различные исторические периоды. Собственные имена, часто представляющие собой словосочетания, являются также важным источником для выяснения элементов языка и религии древних обитателей местности. Известно, что топонимы, как и гидронимы, очень живучи и, сохраняясь в течение тысячелетий, часто отражают в себе названия племен и народов, живших когда-то на данной территории.

При изучении наименований народов, приведенных в упомянутой географии, выясняется, что ряд городов и областей получили свое название от племен, населявших эти места в древности. Это предположение подтверждается изучением топонимики Апшерона. Так, например, и древние

* Автор этой географии Сарматией называл Северную часть Азербайджана, Дагестан и др. р-ны на территории Северного Кавказа.

авторы утверждали, что Каспийское море получило свое название от племени каспов¹¹⁹, маскуты, жившие на берегу Каспийского моря, по-видимому, дали название селу Машгада (ныне Маштага)¹²⁰ на Апшероне. Маскуты — те же массагеты, упоминаемые античными авторами¹²¹; хелы, сокращенное от хайландурки — древние тюрки, ижамахи — шемахинцы; городище Гюргян на Апшероне — от гирканцев, Мардакян — от мардов¹²², сел. Тюркан — от тюрков¹²³, Кюрдахана — от курдов¹²⁴ и т. д. Название сел Ахмедли¹²⁵ связано, вероятно, с отложением имени тюркского племени «ахмедли» в вышеуказанном топониме.

Некоторые из племен, от которых произошли названия местностей на Апшероне, были огнепоклонниками и имели здесь свои храмы, капища. Об этом свидетельствует название Атеши-Багаван.

Весьма возможно, что в расположенном близ Баку Биби-Эйбате, на возвышенном месте, в древности существовал храм огнепоклонников, который позднее, при исламе, сохранился как пир. Не случайно среди жителей Баку и доныне существует предание о том, что «Джума-мечеть» и армянская церковь, стоящие в крепости Баку, построены на месте древних храмов огнепоклонников¹²⁶. Находящийся в Сурахана на месте горения естественных газов «Атешгях», по-видимому, также построен там, где был древний храм огнепоклонников. После принятия ислама жителями сел. Апшерона это место стало святилищем индусов. Все это, как нам кажется, говорит о том, что жители Апшерона и в глубокой древности были огнепоклонниками.

После завоевания стран Закавказья арабами, в IX и X вв. появился ряд историко-географических сочинений арабских авторов, в которых описывались завоеванные страны, в том числе Арран и Ширван, и приводился перечень наиболее значительных городов. Арабская транскрипция довольно точно воспроизводила и передавала древние названия этих городов. Нет сомнения в том, что арабская транскрипция слова Баку соответствует точному наименованию этого города.

Исследования других раннесредневековых источников подтверждают правильную передачу названия Баку арабскими авторами.

Прежде чем приступить к исследованию этого вопроса, следует остановиться на различных написаниях слова «Баку», встречающихся в восточных источниках. Наиболее раннее написание его в арабоязычных и персоязычных источниках, относящихся к X веку, дается в следующей форме:

لTL ..yL	(Бакуh) ал-Истахри, 930 г. ¹²⁷
/L ,*5Ъ	(Бакуh) ал-Мас'уди, 943—944 г. ¹²⁸
<ь/Ъ	(Бакуйа) Абу-Дулаф, 942—952 гг. ¹²⁹
/L	(Баку) Худуд ал-алам, 982 г. ¹³⁰
a_^L	(Бакуh) ал-Мукаддаси, 985 г. ¹³¹

В последующих источниках, начиная с XI в. и позже, название «Баку» дается в таком виде:

(Баку) ал-Бируни (XI в.)¹³², Абу Хамид ал-Андалуси ал-Гарнати (XII в.)¹³³, jZL (Баку) Хагани Ширвани (XII в.)¹³⁴, Рашид-ад-дин (XIV в.)¹³⁵, Хасан-бек Румлу (XVI в.)¹³⁶, Амин Ахмед ар-Рази (XVI—XVII вв.)¹³⁷, Эвлия Челеби (XVII в.)¹³⁸, Хаджи Халифа (XVII в.)¹³⁹.

«bj/L (Бакуйа) Йакут (XIII в.)¹⁴⁰, Насир ад-Дин Туси (XIII в.)¹⁴¹, Закарийя Казвини (XIII в.)¹⁴², Хамдуллах Казвини (XIV в.)¹⁴³, Абу-л-Фида (XIV в.)¹⁴⁴, Ибн Ийас (XVI в.)¹⁴⁵, Садик Исфাহани (XVII в.)¹⁴⁶.

4.3^i (Бакуйа) Бакуви (XV в.)¹⁴⁷.

Наряду с этим, начиная с XVI—XVII вв. и позже, в некоторых источниках, местных и персидских, появляется новая, отличная от древних, форма написания «Баку», представленная в виде:

<ц.^Ъ (Бадкубе) в Дербенд-намэ¹⁴⁸, Искендер Мунши (XVII в.)¹⁴⁹, Мирза Мухаммед Мехди-хан Астерабади (XVIII в.)¹⁵⁰, Мухаммед-Хасан-хан Этемад ас-Салтане (XIX в.)¹⁵¹ и др.

Слово -ь^Ъ (Бадкубе) бад — ветер, кубе от глагола **кубидан** — бить на персидском языке означает «(место, которое) бьет ветер». Это название появилось в связи с сильными северными ветрами, которым подвержен город Баку. Однако подобное толкование является народной этимологией и искажает древнюю форму написания этого слова. Имеется сокращенная форма этого написания в виде J'L .d-.j/jL Бадкуйе или Бадку, которая встречается в XVI в.¹⁵²

Современное название города — Васу или Vachu (Баку) — встречается в сочинениях западно-европейских путешественников, начиная с XIII в.

Встречающаяся у итальянского путешественника XVII в. Пьетро Делла Валле форма Vahciih¹⁵³

(Bakuh), по мнению Б. Дорна, происходит от мазендеранского $l_j \text{ } ^{\wedge}L$ (Ва-Бад), т. е. ветер и c^{\wedge} (Кух)—гора¹⁵⁴.

В русских источниках название Баку передается как «Бака». Наконец, сами азербайджанцы, в том числе жители Апшерона, называют свой город $^{\wedge}L$ Баки.

Если проверить географические карты арабских, европейских и русских географов и путешественников X—XVII вв., то написание города Баку будет представлено в следующем виде:

ал-Истахри (X в.) ¹⁵⁵	$o^{\wedge}5X$	— БакуЪ
Каталонская (1375 г.)		— Васи
Фра Мауро (1459 г.)		— Vachu
Лезинская (XV в.)		— Vachu
Вальдземюллера (XVI в.)		— Васи
Дженкинсона (XVI в.)		— Bakhow
Гарритса (XVII в.)		— Vasa
Федора Годунова (1613 г.)		— Vasa
С [^] earHH~(XVII в.)		— Bakuie
Стрюйса (XVII в.)		— Baku
Пальмквиста (XVII в.)		— Baku ¹⁵⁶

Не менее ценными документами, сохранившими название города Баку, являются надписи на стенах мечетей, находящихся на территории старой крепости.

Надпись, высеченная на камне в стене у основания минарета Джума-мечети, расположенной близ Гыз-галасы, передает содержание текста ярлыка ильханского султана Мухаммеда Улджайту (годы правления 1304-1316)¹⁵⁷. Упомянутое в ней слово «Баку» представлено в виде

$4.2\$\wedge$. — Бакуйа.

Как явствует из нумизматических данных, на монетах, чеканенных в Баку в XIV—XV вв. ильханами, джелаиридами и ширваншахами, слово «Баку» изображено как

$i^{\wedge}jfl$ — Бакуйа¹⁵⁸.

Таким образом, письменные источники, карты, надписи и нумизматические находки свидетельствуют о том, что наиболее раннее и распространенное написание слова «Баку» — это jfh и его варианты с арабскими суффиксами -Ц; (йа) и в (h), $\{i., JL .a^{\wedge}L .j/L\}$, которые часто прибавляются к именам собственным и именам существительным с абстрактным значением для обозначения области, города или населенного пункта,¹⁵⁹ например, Мукан — Мукания, Иезид — Йезидийа, Шамах — Шамахийа, Баку — Бакуйа и т. д.

Слово «Бага» означающее «бог» (косвенно — «солнце», «огонь»), явилось исходным как для названия племени или секты, «багов»* («баган—бакан») огнепоклонников, так и для названия города и области «Атеши—Багаван», зафиксированное в источнике VII в. В VIII в. (Гевонд) мы встречаем название Баку в форме Атши-Багуан, что является несколько измененной формой Атши-Багавана. Корень слова «Бага» мог измениться в VIII в. в «Багу» или «Баку» в результате народной этимологии так же, как Бадкубе, в связи с увеличением тюркского населения в Баку, Апшероне и Азербайджане на языке которого «Багу—Баку» могло означать «холм»*, а суффикс «ан» на персидском языке в средневековых топонимах означал «место, поселение или город». Корень слова «Багу» после завоевания страны арабами уже в VIII в. легко мог измениться в «Баку», так как переход звука «г» в «к» ($\text{£ } J$) закономерен как в тюркском—азербайджанском, так и в персидском и арабском языках. В арабском написании Баку, в названии «Багуан» был отброшен персидский суффикс — «ан» и оно приняло форму «Бакуйе» с арабским суффиксом «<ь>», согласно законам фонетики арабского языка, означающим город или поселение. Современное написание имени Баку — Баку вполне соответствует древней своей форме, пройдя сложный путь видоизменения, принимая новый вид под влиянием народной этимологии от топонима Багаван, Атши-Багаван, Атши-Багуан, Баку, Бакуh, Бакуйа, Бадкубе, Бадку, Баку и Баку. Эти изменения являются неизбежным следствием развития исторических факторов и в

* Название племени «багов» мы встречаем в «Истории агван» Моисея Каганкатваца в событиях 827 г. (с. 267). Локализация «бакан» дана на побережье Каспийского моря, куда доходят отроги Кавказа, т. е. недалеко от Апшерона и на нем. Этноним «баган» дан в Географии Сукри, с. 37.

* Древнетюркский словарь. Л., 1969. Махмуд Кашгари. Словарь тюркских языков. Т. III. XI в. (на тюркском языке).

современном топониме Баку — Баку мы видим древнее его значение как «город Бога, место Бога», связанное с его горящими фонтанами нефти и газа, а не холма.

Выдвинутое предположение А. Гусейнзаде и И. Абдуллаева, повторивших гипотезу Л. Г. Лопатинского о слове Баку, означавшем «поселение на холме»¹⁶⁰, не выдерживает критики, так как написание «Багу» — холм, отмеченное у Махмуда Кашгарского (XI в.), не соответствует как в звуковом отношении, так и в написании Баку в арабо-персидских источниках с первой половины X в. Слово «Багу—Баку» в Азербайджане, Иране и в других странах с тюркоязычным населением не обозначало «поселение на холме». Подобное поселение в указанных странах называли «тепе» и мы имеем ряд топонимов с подобным компонентом — Тепе Гиян, Тепе Сиалк, Тепе Хиссар и т. д. Топоним «Багу» «тепе» отдельно не употребляется. Топоним Багаван, а также бакан—баган, относящиеся к иранской лексике, имеют одинаковое значение, говорящее об огнепоклонниках и зороастрийском культе на данной территории и близлежащих местностях, что не противоречит историческим и археологическим данным.

ГЛАВА II

РАННЕФЕОДАЛЬНЫЙ БАКУ (VII – X вв.)

1. Политическая история. Баку под управлением арабских халифов и Ширваншахов

Северный Азербайджан, по античным авторам Албания, по сведениям раннесредневековых армянских авторов Агванк и согласно арабским и персидским географам IX—X вв. Аран, в III—VII вв. являлся зависимым от Сасанидского Ирана вассальным княжеством или царством. При Хосрове I Ануширване (531—578 гг.) и раньше, Аран и Азербайджан¹ вместе с Иберией и Арменией входили в состав одной из четырех административных единиц-кустаков Сасанидской империи — Северного наместничества². Кустак делился на ряд более или менее самостоятельных областей (шахр). Северный кустак состоял из 13 шахров, куда входили Азербайджан (Атрпатакан), Армения (Армн), Иверия (Варджан), Аран (Ран), Баласакан, Сисакан и другие области (Мукан, Дейлем и т. д.)³.

По данным Ибн Хордадбега (IX в.) «Джарби» или страны Севера составляли четвертую часть империи Сасанидов под властью спяхбеда (военачальника) Севера — Азарбазганспяхбеда. Сюда входили территории Азербайджана, Армении, Арана, Рея и др.⁴ Ибн Хордадбег сообщает, что при сасанидском царе Ардашире I (224—241 гг.) цари Азербайджана, Армении и других стран носили титул шаха, так например: Азарбазкан-шах (в Азербайджане), Ширийан-шах (в Ширване) и Балашаджан-шах (в Баласакане), Аллан-шах (Дербенде), Амукан-шах (в Мугане), Армениан-шах (в Армении), Филан-шах (в Дагестане)⁵ и т. д. В этом сообщении заслуживает внимания титул Ширийан-шаха (вероятно, Ширван шаха) еще в III в. Титул шаха, вероятно, давался сасанидскими царями полунезависимым, вассальным правителям. Любопытное сведение о местных правителях Закавказья приводит автор VI в. Захарий Митиленский: «В этой северной стороне есть верующие пять народов с их 24 епископами. Их католикос находится в Двине, большом городе персидской Армении. Гурзан также земля в Армении, с языком подобным греческому, у них есть царек христианский, подвластный царю Персии. Аран также земля со (своим) языком, с народом, верующим и крещеным, у них есть царек, подчиненный персидскому царю»⁶. В этом сообщении заслуживает внимания название Аран у греческого автора VI в., наличие своего языка в Аране и сведения о религии местного населения. Указание на подчинение персидскому царю — говорит о вассальной зависимости от Сасанидов.

Территория Арана являлась ареной постоянных войн и нашествий со стороны северных соседей — хазар и Византии — с запада. Сасанидские цари придавали большое значение Арану, который являлся северной границей государства, укрепляя с первых веков нашей эры Дербендский проход от нашествий хазаров и других тюркских племен.

В конце первой половины VII в. Сасанидская империя, ослабленная длительными войнами с Византией и хазарами, а также внутренними междоусобицами, пала под ударами войск только что зародившегося Арабского халифата, простиравшегося, в период расцвета, от берегов Атлантического океана до Индии и Китая. В 642 г. битва при Нихавенде решила судьбу могущественной Сасанидской империи, включавшей ряд стран и областей, правители которых в это время были настолько независимы, что перестали подчиняться центральной власти. Правители отдельных областей, учитывая бесполезность сопротивления, покорились арабам, заключив с ними мирные договоры, согласно которым завоеватели обязались сохранить в целостности города, обеспечив сохранность жизни и имущества жителей на условиях выплаты дани⁷.

После захвата Рея и Казвина арабские войска захватили Южный Азербайджан в 18 г. хиджры (639 г. н. э.)⁸.

Из Азербайджана часть арабских войск продвинулась на северо-запад и после нескольких сражений захватила Мукан, жители которого обязались платить арабам джизью⁹. В 21 г. х. (642 г.) арабские войска под командованием Букайра ибн Абдаллаха двинулись на север по побережью Каспийского моря и в том же году достигли Баб ал-Аббаба (Дербенда)¹⁰.

По сообщению Табари, завоевание Ширвана произошло в 642/43 г. при втором халифе Умаре ибн ал-Хаттабе (634—644 гг.), который направил военачальника Сураку ибн Амра с войсками на завоевание Дербенда¹¹. Последний двинулся в сторону Ширвана. Авангард арабской армии под командованием Абд ар-Рахмана ибн ар-Раби'а ал-Бахили встретился с отрядом Букайра у стен Дербендской крепости. Когда они приблизились к Ширвану, Шахрийар — потомственный владетель этой области, по-видимому, Ширваншах — покорился им и запросил мира, но при

условии, что не будет платить дань, а употребит ее на содержание войска для защиты границ от набега кочевников, идущих с севера. Сурака, рассмотрев требование Шахрийара, отослал его на усмотрение халифа Умара. Умар согласился, и правители Ширвана во время владычества арабов не платили дани¹². Это сообщение Табари (писавшего в конце IX—начале X вв.) заслуживает большого внимания, так как, судя по приведенному отрывку, можно предположить, что подобный порядок существовал и при Сасанидах. Ввиду того, что Дербендский проход являлся в этот период заслоном против кочевых орд тюрков и других народов, все время вторгавшихся на территорию Кавказской Албании с севера, Сасаниды обращали большое внимание на его укрепления. Автор второй половины V в. Егише писал, что сасаниды охраняли от гуннов Дербендский проход. При сасанидском царе Ездигерде I дербендские укрепления, «которые Персы в продолжении многих столетий и с большим трудом построили на границе области Гуннов...» были разрушены до основания в 451 г. гуннами¹³. Таким образом, по сведениям Егише дербендские укрепления существовали в течение многих столетий.

Как мы указали выше, археологические раскопки выявили старые стены VIII—VI вв. до н. э., которые восстанавливались и достраивались неоднократно сасанидскими правителями в V—VI вв. и позже, в VII—VIII вв. арабами. Эти укрепления были необходимы арабам для защиты своих северных границ от набегов различных тюркских племен, известных в арабских источниках под названием хазар.

Во время завоевания арабами Ширвана в первой половине VII в. ширваншах Шахрийар просил халифа освободить его от дани, с тем, чтобы он эту дань отдавал на содержание войска для защиты границ от набегов кочевников, идущих с севера.

Здесь речь, несомненно, шла о Дербенде. По сообщениям источников, сасанидские цари придавали большое значение этому краю. Они укрепляли Дербенд, построив защитные валы и крепость¹⁴, и держали здесь большой гарнизон, состоящий из представителей различных народов, пользующихся у них доверием, в числе которых были и жители Ширвана. Для содержания гарнизона требовались постоянные источники средств¹⁵. Любопытное сведение приводит Йакут: «Этим людям (народам-стражам) разрешалось строить все, что они считали необходимым для охраны края от разных тюркских племен — безбожников и других врагов и для этого они не запрашивали центральные власти и не обременяли ее расходами»¹⁶. Из этой фразы можно сделать заключение, что средства для защиты укреплений Дербенда они черпали также из Баку, где, по-видимому, в более раннее время, предшествовавшее арабскому завоеванию, велась разработка нефтяных месторождений и где на месте Баку было поселение или городок¹⁷.

Известно, что во второй половине VI века тюрки создали обширную империю, которая тянулась от Китая — на востоке, до Кавказа, Ирана и Византии — на западе. Во второй половине VI в. тюрки вплотную подошли к Кавказу и с этого периода они постоянно совершали набеги на Ширван. Тюрки знали до этого дорогу через Кавказ, т. к. по сообщению автора VI в. Менандра Византийского тюркский каган Дизавул, с целью установления торговли шелком и торговых отношений с Персией, а затем Византией, в 568 г. отправил из Алтая посольство, которое перевалив «через самую гору Кавказ» прибыло в Византию. По-видимому, путь посольства лежал через Дербендский проход и Ширван¹⁸. Ширван подвергался ряду опустошительных набегов со стороны тюркских кочевников и хазар при последних сасанидах и первых арабских наместниках¹⁹.

Изучение, наряду с топонимикой, нарративных и лапидарных источников говорит о проникновении в Апшерон кочевников тюрков, имевшем место в раннем средневековье. Византийский автор первой половины V в. Приск Панийский сообщает о неоднократных нападениях гуннов, которых раннесредневековые источники отождествляли с тюрками, на Мидию. Путь шел через горы, по-видимому, Большой Кавказ. В один из таких набегов, в первые века нашей эры, возвращаясь назад, гунны, избегая преследования врагов, отклонились по другой дороге, «где пламя поднимается из скалы подводной, и воротились в свою страну»²⁰.

Приведенные сведения Приска, относящиеся к побережьям Апшерона и его горящим газам, говорят о том, что гунны-тюрки бывали на Апшероне в первые века нашей эры, где они возможно и оседали. Топонимика на территории Апшерона свидетельствует о процессе частичной тюркизации Апшерона, восходящей к периоду раннего средневековья²¹.

Миграция тюрков в Кавказскую Албанию через Дербендский проход отмечается в источниках начиная с VI в. и позже в VIII в. Тюрки проникли также на Апшерон и захватили Баку в первой половине VIII века. Нашествие тюрков на Баку в этот период отмечается в арабских и армянских источниках.

В начале VIII в. арабы начали завоевательные походы на север к Дербенду и дальше, где они

столкнулись с многочисленной армией хазар и тюрков, которые уже с V в. неоднократно нападали на Албанию, захватывая и разрушая ее крепости и города²². В 729 г. халиф Хишам (724—743) вторично назначил правителем «Арминии²³ и Азербайджана» Джарраха ибн Абдаллаха вместо отозванного им Масламы ибн Абд ал-Малика. Вскоре Джаррах начал новое наступление на север²⁴.

По сообщению автора VIII в. Гевонда, при халифе Хишаме (724—743) хазары (т. е. тюрки) выступили с 300-тысячной армией под командованием сына хакана и начали контрнаступление против арабов. Тюрки пройдя через землю гуннов и через проход Джорский по земле Маскутов, совершили набег на страну Пайтакаран. Они переправились через реку Аракс в Персию, разрушили Ардебиль, Тебриз, область называемую Атши Багуан, Спатар-Пероз и Ормузд-Пероз²⁵.

Маршрут, указанный Гевондом, довольно точен. Тюрки двигались через Северный Кавказ по побережью Каспийского моря и Дагестана. Пройдя через Дербендский и Дарьяльский проходы по территории нынешнего Кубинского района, они совершили набег на Албанию. Многочисленная армия тюрков разрушила и опустошила ряд крепостей и городов Албании и Южного Азербайджана.

Упомянутая в тексте Гевонда область «Атши-Багуан», т. е. огни Багавана, не оставляет сомнения в том, что речь идет об области Баку, т. е. Апшерона. Арабские авторы Балазури (ум. 892 г.), Йа'куби, Табари (X в.) и др. довольно подробно описывают походы арабов против тюрков, неоднократно вторгавшихся в Албанию на протяжении почти 250 лет. Поход, описанный у Гевонда, арабские авторы относят к 725/6 гг., либо к 730 г., причем упоминают во главе тюркской армии то кагана, то сына кагана, названного у Табари Бархебек, а у автора (X в.) Ибн А'сама ал-Куфи — Барсбек²⁶, что, по-видимому, одно и то же, а окончание бек говорит о знатном титуле этого лица.

Любопытные сведения о войнах арабов против тюрков приводит сирийский историк XII в. Михаил Сириец, который сообщает о походе арабского полководца Масламы ибн Абд ал-Малика. По-видимому, речь идет о вышеназванном набеге тюрков, описанном Гевондом. «В 1039 г. (728 г. н. э.) Маслама снова вторгся в страну тюрков с многочисленным войском. Битва длилась сорок дней. Когда тайае (арабы — С.А.) увидели, что они не смогут одолеть тюрков, то бросили свое имущество и бежали. В это время тюрки начали переселяться. В 1042 г. (731 г. н. э.) тюрки вторглись в земли тайае. Они захватили многочисленные города и деревни в землях Азербайджана. Тюркам помешали дойти до других городов земли тайае. Они заняли те (города и деревни), которые захватили и там обосновались»²⁷.

В этом сообщении сирийского историка имеется указание на массовое заселение городов и деревень Азербайджана тюрками. Источники свидетельствуют, что Хосров I Ануширван (531—578 гг.) после его победы над савирами, поселил в Аране и Азербайджане три тысячи военачальников с семьями и пленных тюрков, в количестве 50 тысяч человек, состоящих из 4 тюркских племен Северного Кавказа. По словам Ибн Мискавейха колонна идущих тюрков простиралась на расстоянии десяти фарсахов (60—70 км)²⁸. По другим данным количество пленных достигало 10 000 человек²⁹. Часть савиров добровольно перешла в Аран и заселила районы Баланджера, Гянджи, Казаха и других местностей Арана, Ширвана и Азербайджана. Хосров I Ануширван позволил им переселиться в Сасанидское государство, чтобы использовать их в войне с Византией. Они были наделены землей и подчинены марзбанам Арана и Азербайджана.

В 575 г. по сведениям византийского историка Менандра, савиры были переселены на земли, расположенные между Курой и Араксом и на северо-запад по побережью реки Куры³⁰. Топонимика Азербайджана отразила имена савиров в названии Гала Сувар, Биле Сувар, где первый компонент Биле означал город, место. В середине VI в. количество савиров в Дагестане у границ Албании исчисляется около ста тысяч человек³¹. В это время и ранее они, прорвавшись через Дербендский проход, совершали многочисленные набеги на Албанию. К середине VI в. савиры, являвшиеся наиболее сильным и многочисленным народом на Кавказе, захватили всю Северную Албанию (Ширван и Аран) от Дербенда до Кабалы, бывшую центром савирских поселений, и пробыли там более 100 лет³². По-видимому, большая часть савиров смешалась с автохтонами и перешла к оседлому образу жизни. Эти контакты способствовали распространению в Аране и Ширване тюркского языка. Позже, в 117 г. х. (735/6 г.) арабский полководец, правитель Ширвана и Арана, Марван ибн Мухаммад вторгся в страну хазар и, захватив 40 тысяч пленных тюрков, поселил их между Самуром и Шабараном на равнине³³.

Таким образом, миграция тюрков в Аран, Ширван и Азербайджан происходила интенсивно в VI в. н. э. и позже.

Наличие тюркских элементов в топонимике Апшерона (Сабунчи, Гоби, Тюркян, Гюздек и т.

д.) подтверждает сообщения нарративных и лапидарных источников на проникновение различных тюркских племен в зону Кавказской Албании, в частности в Апшерон, и указывает на процесс тюркизации страны, восходящий к периоду раннего средневековья, к первым векам н. э. (гунны) и более позднего и интенсивного к VI—VIII вв., а археологические данные свидетельствуют о древнетюркских племенах, населявших Апшерон и Азербайджан задолго до н. э.

Указанные факты говорят о том, что арабы в первой четверти VIII в. окончательно и прочно не утвердились в Азербайджане и Дагестане и вели войны с тюрками, без конца нападавших на эти страны и в последующее время. Арабы, по-видимому, прочно утвердились в Азербайджане только во второй половине VIII в., после распада тюркского каганата.

Мы имеем весьма отрывочные сведения о политических событиях, происходящих в Баку в период VII—X вв. Арабские авторы, не называя Баку, сообщают о восстаниях против господства арабов в городах и местностях Ширвана³⁴, связанных с непосильными налогами, угнетением и эксплуатацией населения. Восстания против арабов жестоко подавлялись, когда та или иная провинция выказывала непокорность халифу и нарушала договоры, заключенные с арабскими наместниками в период завоевания³⁵. Ширван, который еще при Сасанидах представлял отдельную провинцию сасанидского государства, очень важную в стратегическом отношении, стал во время арабского владычества наиболее крупным политическим объединением, на который арабы обращали большое внимание. Апшерон с центром в Баку, по-видимому, представлял отдельную административную единицу, входившую в состав области Ширван.

Во время завоевания Азербайджана арабским халифатом, правителями области Ширван, куда входили Баку, Шемаха, Дербенд и другие города, были Ширваншахи, сведения о которых у арабских авторов имеются начиная с IX в. Ибн Хордадбех (IX в.) приводит список правителей ряда областей империи Сасанидов, которых царь Ардашир I (224—240 гг.) величал титулом шаха и среди них Ширван-шаха (владыка Ширвана). Эти области Закавказья были включены в состав Сасанидской империи при Шапуре I (242—272 гг.)³⁶. С именем Сасанида Хосрова I Ануширвана также связывают создание вассальных владений, поселений и значительных колоний из числа своих подданных из прикаспийских областей, с целью укрепления северных границ от набегов тюркских кочевых орд.

Ал-Балазури (IX в.), Мас'уди и другие арабские авторы сообщают, что Хосров Ануширван выбрал царей и назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью, и среди них назван царь Ширвана, именующийся Ширван-шахом³⁷.

Титул «шах», которым он наделил правителей пограничных областей, свидетельствует о значительной самостоятельности этих феодалов, владеющих крупной земельной собственностью. Эта группа могущественных феодалов участвовала в собраниях при дворе сасанидского царя — Шахиншаха. Обязывая их являться ко двору, Хосров Ануширван тем самым подчеркивал их зависимость от центральной власти и держал их в повиновении³⁸. Ряд средневековых авторов — Бейдави (XIII в.), Давлет-шах (XV в.), Хондемир (XVI в.) и другие связывают происхождение династии Ширваншахов с Сасанидами.

Мы не располагаем другими данными о Ширваншахах первой династии, которых Сасаниды назначили для охраны горных проходов. Весьма возможно, что эти ранние Ширваншахи не были местными жителями, а состояли в родственных отношениях с сасанидскими царями, которым они подчинялись и которым последние доверяли охрану своих северных границ. Одного из Ширваншахов арабы застали при завоевании Ширвана в 22 г. х. (642/3 г.)³⁹.

По сведениям Балазури, Йакуби и ал-Куфи можно заключить, что в ранний период завоевания Ширвана халифатом и до конца первой половины IX в. арабы оставили у власти Ширваншахов, в качестве вассалов халифа платящих ему дань и участвующих в его походах на хазар. Балазури называет маликом (царем) Ширвана аш-Шамаха ибн Шуджа, который правил в то время, когда правителем Арминии* в 797/8 г. был Са'ид ибн Салм ал-Бахили⁴⁰. По-видимому, он был Ширваншахом, правителем Ширвана, оставленным арабами у власти, принявшим ислам и арабское имя, ставшим вассалом халифа и выплачивающим ему дань. Ширваншахи подчинялись на местах наместникам халифа в Азербайджане и Арминии, куда по административному делению халифата входил и Ширван. Балазури сообщает, что местные феодалы продолжали жить в своих владениях, защищая каждый свою область⁴¹.

Во второй половине IX в., в связи с ослаблением халифата Аббасидов и началом распада его, а

* Арабские авторы под названием Арминия подразумевали все страны Закавказья, включенные арабами в халифат Омейядов в одно (четвертое) наместничество.

также ростом центробежных сил в нем, на территории Азербайджана образуется ряд независимых феодальных государств, среди которых самым значительным был Ширван. Во главе этого государства стояли правители из династии Мазйадидов, носившие титул Ширваншахов. Мазйадиды были первой мусульманской династией Ширваншахов, которые являлись вассалами халифата и подчинялись арабскому наместнику — эмиру, находившемуся в Барде⁴².

Источники сообщают, что правителем (вали) Армении, Азербайджана, Арана, Ширвана и Баб ал-абваба был назначен халифом Йазид ибн Мазйад из племени Шайбани, основатель династии Ширваншахов — Мазйадидов арабского происхождения. Он был смещен халифом Харун ар-Рашидом в 172 г. х./788 г., но в 183 г. х./799 г. вновь назначен на эту должность и правил до 185 г. х./801 г., когда он умер в Барде и был там погребен. Источник сообщает подробности его смерти: «Говорят, что однажды на пиру ему была приведена в дар прекрасная девушка; оставив еду, он вступил с ней в связь и умер в ее объятиях. Это было в Барда'а...»⁴³.

Следующие правители, его сыновья и другие представители из этой династии, вели феодальные войны против своих соседей грузин и шекинцев, которые, стремясь обрести независимость, устраивали восстания против халифата. Они воевали также с хазарами и аланами, нападавшими на их владения. В 237 г. х./851 г. халиф Мутаваккил пожаловал Мухаммаду ибн Халиду в качестве лена (икта) город Баб ал-абваб (Дербенд) с зависящими от него землями. Поэтому последующие Ширваншахи смотрели на Дербенд, как на свое ленное владение и претендовали на эти земли, ведя постоянные войны с местными правителями из дербендской династии Хашимидов.

В момент ослабления центральной власти халифата, в 247 г. х./861 г., после убийства халифа Мутаваккиля, Хайсам ибн Халид стал править как независимый правитель с древнеиранским титулом «Ширваншах»⁴⁴. Члены династии ширваншахов Мазйадидов с этого времени становятся наследственными вассалами в своих владениях. Дербенд и часть районов Дагестана временами входили в состав владений Ширваншаха. Усиление Лайзанской ветви династии Ширваншахов — Мазйадидов привело к аннексии Лайзаном Ширвана. По сведениям «Тарих ал-Баб» в 305 г. х./917 г., убив двоюродного брата своего отца — ширваншаха Али ибн Хайсама, правитель Лайзана, Лайзаншах Абу Тахир Йазид ибн Мухаммад захватил Ширван, а в 306 г. х./918 г. построил город Йазидийа на земле Ширвана⁴⁵. Здесь речь идет о строительстве укреплений вокруг города Шемахи, которая существовала задолго до указанного времени. Экспансионистская политика Абу Тахира Йазиды была связана с усилением Лайзана и военными поражениями ширваншаха Али ибн Хайсама с Шанданом и у Баку в борьбе с русами.

Помимо тюрков, неоднократные набеги на Ширван с моря совершали русы. В источниках имеются сведения, говорящие о том, что уже в первой половине VII в. русы опустошали юго-западные берега Каспийского моря, а Ширваншахи и правители Дербенда боролись против этих вторжений⁴⁶.

Густонаселенное юго-западное побережье Каспийского моря издавна привлекало взоры иноземных захватчиков. Купцы-русы, приплывавшие на своих судах к берегам Каспийского моря с торговыми целями, были прекрасно осведомлены об этом крае и наряду с тюрками и хазарами, разносили сведения о богатстве областей Азербайджана⁴⁷. Около 914 г. русы совершили нападение на бакинское побережье. «...Грабительские дружины русов не были новаторами и шли по хорошо известной дороге, где истари совершался оживленный товарообмен между странами Восточной Европы, Кавказа и Персии»⁴⁸.

Этот поход русов довольно подробно описан у Мас'уди, говорится, что после 300 г. х. (912/913 гг. н. э.), приблизительно 500 кораблей русов, содержащих каждый по сто человек, поднялись по реке Дону до хазарского волока. По прибытии судов русов к посту хазар, защищавшему вход в канал, они получили согласие хазарского хакана, которому обязались дать половину добычи, пройти через его государство и войти в Волгу с тем, чтобы спуститься кустью реки и Каспийскому морю⁴⁹. После чего суда русов рассеялись по морю, а отряды их устремились на Гилян, Дейлем и область Табаристан, они атаковали Абаскун, лежащий на джуржанском побережье, и приблизились к Азербайджану. По словам Мас'уди, русы опустошили и разграбили богатые области и города на побережье Каспийского моря. Продолжая воевать с Гиляном и Дейлемом и с одним из военачальников Ибн Абу ас-Саджа, русы вскоре достигли нефтеносного побережья в царстве Ширван, известного под именем Баку. «Русы проливали кровь, делали что хотели с женщинами и детьми и захватывали имущество. Они рассылали отряды, которые грабили и жгли». При возвращении русы высадились на острове недалеко от нефтеносной местности, всего в нескольких милях. По-видимому, это был остров Бюк Зиря, на котором отмечались следы древних построек,

колодцев и т. д. Ширваншах Али ибн Хайсам, который, по-видимому, не имел флота на Каспийском море, вооружил свое войско, которое на барках и мелких торговых судах направилось к близлежащим от Баку островам. Русы напали на войско ширваншаха и, по словам Мас'уди, тысячи мусульман были убиты и потоплены⁵⁰. Это нападение, совершенное со стороны моря, было неожиданным для жителей Баку и Апшерона, которые были застигнуты врасплох. Ширваншах не имел флота и орудий для отражения морского нападения. Поэтому жители юга Азербайджана, Аррана, Байлакана, области Барда'а и других городов, а вместе с ними и жители Дейлема, Гиляна и Табаристана бежали вглубь страны, оставив свои дома и земли. По сообщению Мас'уди, русы оставались на этом море несколько месяцев. Мореплавание в связи с захватом русами островов близ Апшерона было прекращено в виду опасности со стороны русов нападения на торговые суда⁵¹.

Захватив богатую добычу на Апшероне, русы вернулись в Хазарскую область, в устье Волги и на Северный Кавказ. По сообщению Мас'уди, русы подверглись нападению мусульман в землях Хазар. Большая часть их была истреблена (около 30 000 человек) и только незначительная часть их смогла вернуться на родину⁵². Из этого сообщения Мас'уди можно сделать следующий вывод: ко времени нашествия русов западное побережье Каспийского моря было густо населено. Побережье это было территорией феодального государства Ширван, в состав которого входили Апшерон с городом Баку⁵³. Из этого сообщения выясняется также, что в этот период правителем Ширвана являлся ширваншах Али ибн ал-Хайсам, что подтверждается также данными других авторов⁵⁴. По сообщению Мас'уди, в прошедшие времена на указанные территории враги со стороны моря никогда не нападали. Однако в сочинении Табари также говорится о нападении русов еще в VII в.⁵⁵ Весьма вероятно, что описанное Мас'уди нападение было не первым и русы шли по проторенному пути. Хазары, опустошавшие также побережье Каспийского моря и область Ширван, также не имели судов. Как видно, описанное нападение было первым известным в арабских источниках нападением русов на Апшерон. Позже, набеги на Баку и Апшерон неоднократно повторялись.

В середине X в., в связи с экономическим и политическим усилением Ширвана усилилось стремление Ширваншахов расширить свои владения, что приводило к столкновениям с соседями. Ширваншахи вели войны против «неверных» и чаще всего против Серира и Шандана в Дагестане и всячески поддерживали в это время Дербенд с его газиями, одаривая жителей города деньгами с доходов с нефти и соли. Урожай нескольких сел Ширвана был предназначен для той же цели ширваншахом Хайсамом ибн Мухаммадом⁵⁶.

Лайзан был отдан в качестве икта сыну Абу Тахир Иазиды — Мухаммеду ибн Иазиду, который был правителем Табарсарана. Согласно сведениям источников, политические взаимоотношения Ширвана и Дагестана в IX-X вв. были сложными и напряженными. Часто некоторые районы Дагестана вовлекались во внутрдинастическую борьбу Ширваншахов за власть между отдельными ее представителями. Захватническая политика Ширваншахов продолжалась и в конце X века. Сын ширваншаха Мухаммад ибн Ахмад в 371 г. х. (981/2 году) захватил город Кабалу у его правителя. Годом позже он овладел городом Барда'а⁵⁷. Захват Барда'а в 372 г. х. (982 г.) был вторжением в зону, находившуюся под контролем Шаддадидов⁵⁸. Один из древних городов Ширвана Шабаран также являлся яблоком раздора между Ширваном и ал-Бабом (Дербендом) и подвергался нападению и разорению со стороны правителей ал-Баба.

В 378 г. х. (988 г.) правитель Дербенда Маймун был изгнан и город передан Ширваншаху. Город переходил из рук в руки. Наконец, Ширваншах вновь отстроил крепость Дербенда, укрепил ее и поставил гарнизон из своих людей. После этого он вернулся в свою столицу и умер там в 381 г. х. (ноябре 991 г.)⁵⁹ После него правителем Ширвана стал его брат Йазид ибн Ахмад.

2. Экономическая жизнь Апшерона и Баку

а) Добыча нефти и соли

Сведения источников об экономической и хозяйственной жизни Апшерона и Баку в период раннего феодализма чрезвычайно скудны. Археологические работы, произведенные на вершине бакинского холма, на территории дворца Ширваншахов дали некоторый, пока незначительный материал, по которому невозможно представить развернутую картину хозяйственной и экономической жизни города и Апшерона в указанный период времени. Поэтому приходится ограничиваться теми скудными данными, которые дают некоторое представление о городе, его

населении и природных богатствах Апшерона.

В средневековых сочинениях, среди которых важным источником для исследуемого периода является албанская летопись VII в.¹, их авторы при описании Албании отмечают природное богатство края. В «Истории албан» говорится, что на ее территории, вдоль берегов реки Куры, в изобилии производят различные сельскохозяйственные продукты.

«Расположенная среди высоких гор Кавказа прекрасна и чарующа страна Албания многими богатыми дарами природы. Великая река Кур течет спокойно по ней, принося с собой большие и малые рыбы, и она впадает в Каспийское море. Поля вокруг нее изобилуют хлебом и вином, нефтью и солью (разрядка моя — С. А.), шелком и хлопком и бесчисленными оливковыми деревьями. В горах находят золото, серебро, медь и охру...»².

Можно не сомневаться в том, что албанский автор Моисей Каланкатуйский в указанном тексте говорил о добыче нефти и соли на Апшероне, т. к. в более поздних сочинениях арабских авторов IX—X вв. и «Дербенд-намэ»³, говорится о добыче нефти и соли в Баку и на Апшероне в VIII и последующих веках⁴. Добыча нефти, по-видимому, происходила и в более раннее время, при Сасанидах, и она была настолько значительная, что об этом знали далеко за пределами Баку.

В период завоевания арабами Ширвана и Азербайджана нефтяные колодцы и соляные промысла Апшерона приносили значительные доходы.

По сообщению арабского историка Балазури (умер в 892 г.), во время правления халифа Мансура в половине VIII века правитель Арана и Ширвана Йазид ибн Усайд послал своих налогосборщиков к жителям Ширвана «...к добывающим нефть и соль в Ширване, и они взыскали с них налог, а дальнейший сбор он поручил особым сборщикам»⁵. Здесь можно видеть указание на бакинскую нефть и соль. Это мероприятие Йазидом было вызвано в связи с расходами по содержанию гарнизона Дербенда. Для защиты Дербендского прохода, охранявшего северные границы халифата от частых нападений северных кочевых племен, угрожавших безопасности государства, халифы тратили большие средства на содержание арабского гарнизона в Дербенде. Средства эти они черпали из доходов от нефтяных источников и соляных копий Апшерона. Этот порядок как видно арабы заимствовали у сасанидов, которые держали здесь большой гарнизон, состоящий из представителей различных народов, пользующихся у них доверием, в их числе были и жители Ширвана. Из сообщений Йакута видно, что средства для защиты Дербендских укреплений сасаниды также черпали из Баку⁶. Это сообщение закрепляет в мысли о существовании Баку при сасанидах. Археологические раскопки во дворце Ширваншахов в старой крепости Баку дают некоторые материалы, позволяющие высказать предположение о применении нефти в городском хозяйстве в Баку.

Нефть имела многообразное применение. Она употреблялась в хозяйственных целях, в быту, для покрытия домов, в светильниках (чирах) и т. д. Нефть добывалась в таком количестве, что ее вывозили при арабах не только в различные районы страны, но даже далеко за ее пределы. Археологические материалы, добытые в Кабале показали, что в VIII веке покрытие крыш некоторых домов было из толстого слоя кира⁷. В районе Кабалы нефть не добывалась и единственным местом, откуда она могла быть привезена, был город Баку и нефтеносные места и села Апшерона.

В это время нефть в большом количестве перевозилась в Дербенд, где ею пользовались во время военных действий. Арабские полководцы при завоевании Дербенда строили там склады для запасов нефти.

В «Дербенд-намэ» упоминается о том, что правитель «Армении и Азербайджана» Маслама ибн Абд ал-Малик в 115 г. х. (733 г.) с 20-тысячной армией взял Дербенд и в цитадели Наринкала, на месте одного старого здания, разрушенного им, построил арсенал и склады для провизии и нефти⁸. Известно, что нефть была очень опасным оружием, как в древности, так и в средневековье. По сведениям античных авторов греки, персы, арабы и другие народы применяли горящую нефть во время войны, бросая в неприятеля сосуды, в которых имелась зажженная сера и нефть⁹. В составе арабских и персидских войск были специальные подразделения нефтеметателей, о которых говорится в арабских источниках. «Дербенд-намэ» сообщает, что халифы жаловали нефтяные источники и соляные копи Апшерона, как вакф газиями Дербенда, отбирая их у правителей Ширвана. Для этой цели халифы назначали особых чиновников, которым поручалось собирать доходы с указанных промыслов и передавать Дербенду для распределения среди воинов, охранявших проходы¹⁰.

В 777 г. халиф ал-Махди (775—785 гг.) приказал собрать с окрестностей Дербенда годовой харадж и распределить его между защитниками крепости и городскими жителями¹¹. В 873 г.

правитель Ширвана отнял у жителей Дербенда все, что им отдал в вакф халиф ал-Му'тамид (870—892 гг.)¹².

В «Дербенд-намэ» говорится, что в 270 г. х. (883/84 г.) халиф (Мутамид — С.А.) половину нефтяных источников и соляных промыслов (разрядка моя — С.А.) отобрал у ширванцев и пожаловал их в виде вакфа жителям Дербенда. Он приказал вырыть в Баку на берегу моря амбар. При рытье земли обнаружился большой камень, на котором было написано, что нефть и соляные промысла являются вакфом Дербенда. Когда об этом сообщили халифу, он написал указ, гласящий, что тот, кто эту нефть и соляные промысла отберет у жителей Дербенда, тот будет врагом Аллаха и пророка; затем в 272 г. х. (885 г.) он приказал все нефтяные и соляные промысла (разрядка моя — С. А.) отобрать у ширванцев и пожаловать жителям Дербенда, после чего назначил Мухаммада ибн Аммара управляющим над указанными промыслами, с тем, чтобы все доходы с них он передавал Дербенду для распределения среди воинов, охранявших проходы¹³.

В IX в. правителем Ширвана стал ширваншах Мухаммад ибн Йазид, назначивший управляющего над нефтяными источниками и соляными промыслами с тем, чтобы все, что добывалось, тот как доверенное лицо принимал и давал расписку. Он написал новую грамоту о нефти и соли, даруя доходы с них (вакф) воинам Дербенда. Ширваншах и все эмиры и наместники дали правителю Дербенда расписку, скрепленную печатями, и написали грамоту с проклятием ослушнику. Управляющие назначались для того, чтобы доходы жителей Дербенда не расточались, сам же ширваншах «ни на крупинку, ни на динар не польстился»¹⁴.

Как видим, Ширваншахи придавали большое значение обороне Дербенда и назначали даже особых лиц — управляющих, собиравших доходы для передачи их правителю Дербенда. Однако бывали случаи, когда правители Дербенда эти деньги присваивали¹⁵.

В момент ослабления центральной власти и распада халифата местные правители как Ширваншахи, так и правители Дербенда, захватывали доходы с нефти и соли в свои руки¹⁶. В 290 г. х. (902 г.) при халифе Муктафи (902—908 г. г.) «...правителем Дербенда был назначен Бишутур. Он прекратил роздачу денег жителям Дербенда, и присвоил все доходы с нефти и соли и других продуктов с селений. Воины Дербенда, лишенные всех средств, стали заниматься торговлей и батрачеством и вскоре в Дербенде возникли беспорядки и разложение»¹⁷.

Исходя из приведенных выше материалов албанской летописи VII в., сведений Балазури VIII в. и Дербенд-намэ VIII—IX вв. можно прийти к выводу, что добыча нефти при арабах была настолько значительной, что халифы на доходы с нее могли содержать гарнизон воинов, защищавших северные границы халифата от набегов кочевников.

О бакинской нефти знали далеко за пределами страны. Более поздние источники (X в.) дают подробные сведения о бакинской нефти и самом городе Баку. Так, например, арабский географ ал-Истахри, писавший в 930 г. н. э., говорит о добыче белой и темно-серой нефти в Баку¹⁸. «Эти страны омывают море Табаристанское¹⁹, на этом море лежат города Баб ал-Абваб и на нем (море) источники белой и темно-серой нефти в Баку и в городе Мукан, а между последними залив моря, в котором ловят «сермахи»²⁰, ее вывозят во все страны...»²¹. Как видно, в это время на Апшероне добывались различные сорта нефти, из которых наиболее ценной считалась белая нефть. Нефтяные колодцы, помимо Апшерона, находились также в непосредственной близости от старой крепости Баку у морского берега. Об этом свидетельствуют остатки древних колодцев, обнаруженных при засыпке бухты в районе Баилова. Далее ал-Истахри сообщает о развитии рыболовства на побережье Каспийского моря. Некоторые сорта рыб вывозились в другие страны. О рыболовстве на западных берегах Каспия сообщают античные и раннесредневековые авторы²². Помимо данных ал-Истахри имеется следующее описание Баку арабского путешественника Абу Дулафа, побывавшего в этом городе в 942 г.

«Я шел восемьдесят фарсахов под деревьями по берегу Великого моря Табаристана, пока не дошел до места, называемого Бакуйя, принадлежащего к областям Ширвана. Там я нашел источник нефти, ежедневная арендная плата которого достигает тысячи дирхемов, а возле него — другой источник, изливающий непрерывно днем и ночью, белую как жасминовое масло, нефть, откуп последнего равен первому»²³.

Указанные сведения Абу Дулафа очень ценны, так как они дают представление о доходах только с двух колодцев нефти, составляющих сумму в 1000 дирхемов с каждого ежедневно (ок. 250 р. в день)²⁴.

Сумма эта говорит о большой добыче нефти в это время и свидетельствует о существовании откупной системы и аренды на добычу нефти при арабах. Что касается арендной платы,

упоминаемой в отрывке, то, по-видимому, здесь речь шла о государственных нефтяных колодцах, отданных на откуп и показанный доход в 1000 дирхемов с каждого колодца, является откупной суммой, получаемой государством от частных лиц. Подобный способ эксплуатации нефтяных источников практиковался и позже при монголах и других завоевателях.

Ограниченное употребление нефти не могло бы принести большого дохода. Цифра дохода, указанная Абу Дулафом объясняется тем, что в то время нефть имела очень широкое применение в военной технике, как уже было сказано. О нефти постоянно говорится в рассказах о мусульманских армиях, которые действовали против хазар и Византии. Отряды, пользовавшиеся горячей серой и нефтью, были своего рода артиллерийскими частями. Таким широким применением нефти в военной технике и можно объяснить большой доход, получаемый от ее добычи²⁵.

О добыче белой нефти в Баку говорится в сообщении ал-Мас'уди, который упоминает также об источниках огня, бьющих из земли²⁶.

«На этом же море (Хазарском) лежит место Баку; в нем находятся нефтяные источники царства Ширвана, по соседству с Баб-ал-абвабом. Там добывают белую нефть. Там же находятся вулканы (атма)*, т. е. источники огня, бьющие из земли»²⁷. Белая нефть, как известно, добывалась в сел. Сурахана близ Баку. Упомянутое в тексте слово «атма», по-видимому, относится к выходам горящих газов внутри святилища в селении Сурахана²⁸.

В другой своей работе ал-Мас'уди также сообщает о Баку «где находятся источники белой нефти и других (видов ее). Нет другого места в мире, производящего белую нефть, кроме этого, хотя правду знает только Аллах. Оно лежит на берегу Шарвана. В нефтеносной области (ал-наффата) имеется вулкан (атма), который является одним из огнедышащих источников; он никогда не перестает бить и выбрасывает длинные струи пламени...»²⁹

Далее Мас'уди сообщает, что недалеко от этого берега лежит несколько островов, на которых также бьют сильные фонтаны огня, видимые ночью на очень далекое расстояние, «...один из них лежит на расстоянии трех дней пути от берега и имеет огромный вулкан (атма), который в определенные периоды года издает шипение и огромный пламя вырывается из него и извергается в воздух высотой с высочайшие горы. Оно освещает значительную часть моря и это явление может быть видно с суши на расстоянии сотни фарсахов»³⁰. Здесь описываются бьющие из-под земли фонтаны горячей нефти или извержение грязевого вулкана. Эти сведения, по-видимому, достоверны, так как горящие нефтяные фонтаны и извержения грязевых вулканов на островах Каспийского моря и на Апшероне наблюдаются по сей день.

В рукописи неизвестного персидского географа, писавшего в 982—983 гг., имеется известие о том, что «Баку есть местечко (городок) на берегу моря и близ одной горы, и всю нефть, которую употребляют в Дейлемане, вывозят оттуда»³¹. К Дейлеману причислялись все области по южному и юго-восточному берегам Каспия.

Таким образом, из текста видно, что бакинская нефть вывозилась и в Иран, где она имела широкое употребление. Как видно, Баку к концу X в. был известен на Ближнем Востоке, как важный город, откуда вывозилась на Восток нефть, являющаяся ценным продуктом, имеющим важное значение как осветительное и лекарственное средство и горючее в быту, так и грозное оружие во время военных действий.

б) Ремесло и торговля

Арабский географ ал-Мукаддаси, писавший в 985 г., говорит, что Аран составляет около трети всей области (ар-Рихаб — С.А.) наподобие полуострова между морем и рекою ар-Расе, а река Малик (Кура — С.А.) разделяет область вдоль. Столицей Арана в то время была Барда, где находился арабский наместник. Из больших городов третьего эмирата он называет «Тифлис, Кала, Хунан, Шамкур, Джанза, Бардидж, Шамахийя, Ширван, Баку, Шабаран, Баб ал-абваб, Абхаз, Кабала, Шекки, Малазкерд и Тебла»³². О Баку он говорит следующее: «Баку на море; это единственная гавань области...»³³. В это время Баку был одним из важных экономических центров Ширвана и к концу X в. Баку становится значительным городом с удобной гаванью для ведения торговли с рядом стран.

Если в первые века после завоевания Арана и Азербайджана арабами страна была разорена и находилась в состоянии упадка, то уже IX и X вв. были периодом ее экономического и

* Атма — выброс, от тюркского глагола «атмак» — бросать, выбрасывать, что свидетельствует о распространении тюркского языка в Баку и на Апшероне.

хозяйственного развития. Ибн Хаукаль и ряд арабских историков и географов в своих сочинениях отмечают цветущее состояние городов и местностей Арана и Азербайджана, говорят о зажиточности его населения³⁴. В это время оживляются торговые сношения не только аранских и азербайджанских городов друг с другом, но и с рядом других стран Востока.

По сведениям ал-Истахри по морю Хазарскому плавали купцы из земель мусульманских в землю хазар и области Арана, Джиля (Гилян — С. А.), Табаристана и Джурджана (Гюрган — С. А.)³⁵.

Дальше Истахри называет самыми значительными городами Арана Берда'а, Баб ал-абваб и Тифлис³⁶. По-видимому, Баку, лежащий в стороне от больших торговых путей и при слабо развитом мореплавании, не был еще значительной морской гаванью и не числился в числе крупных торговых центров страны в VIII — начале IX в.

Другой арабский автор — ал-Мас'уид в конце первой половины X в. более подробно пишет о торговле на Каспийском море. Он сообщает, что торговые суда постоянно ходят между областями Джиль (Гилян), Дейлем и городом Итиль. «Суда также плавают по нему (Каспию), двигаясь между местами, которые мы упоминали на южном побережье до Бакух...»³⁷.

Арабский географ Ибн Хаукаль повторяет сведения, приведенные Истахри, Кроме этого он отмечает сбор краски марены в Аране и на островах в Каспийском море, вывозимой морским путем в Джурджан, а оттуда караванной дорогой в индийские земли³⁸. Таким образом, торговля велась и с дальними странами.

В связи с развитием внешней и внутренней торговли, а также денежного обращения, наблюдается большое оживление городской жизни. После реформ халифа Абд ал-Малика (685—705 гг.) в городах Арана и Азербайджана имела хождение арабская монета, вытеснившая сасанидские денежные знаки.

В городах Арана уже с VIII в. и позже появляются свои арабские монетные дворы. Торговые операции купцов распространялись далеко на север. Монетные клады с монетами, чеканенными в городах Арана находят на севере России, в Германии, Швеции, Норвегии, в Прибалтике, что говорит об оживленной торговле городов Арана — Шемахи, Дербенда, Барды и других с вышеуказанными странами³⁹. Не исключено, что монета чеканилась в IX—X вв. и в Баку.

С развитием феодальных отношений, разделением труда, ростом ремесла и торговли в X в. увеличивается рост товарного производства в городах Арана и Азербайджана. В это время такие города как Барда, Баку, Баб ал-Абваб, Гянджа, Байлакан, Шемаха, Шабаран, Шамкур, Нахчеван, Ардебиль, Марага, Тебриз становятся важными торговыми центрами. Ремесленники этих городов изготавливали товары для рынков, где происходила оживленная торговля. Красивые сосуды из тонкого стекла, часть которых производилась в городах Арана, глазурованная керамическая посуда, шелковые ткани, ковры, изделия из серебра и золота пользовались спросом у феодальной знати⁴⁰. Города Арана специализировались на изготовлении и продаже множества товаров, что свидетельствует о сосредоточении здесь большого количества ремесленников.

Города Ширвана — Баку, Шемаха и Дербенд, расположенные на путях международной торговли, связывали халифат с рядом стран севера и востока, принимая также деятельное участие в этой торговле.

Такие города как Барда, Нахчеван, лежащие на скрещении международных торговых путей, становятся крупнейшими торговыми и ремесленными центрами всего Ближнего Востока и сохраняют свое значение почти до конца первой половины X в.⁴¹. После упадка Барды к концу X в. возвышается Гянджа, славившаяся производством шелковых тканей⁴².

Купцы из страны Хазар, Руси, Ирана, Византии и далеких стран Востока — Индии, Китая, Ирака и Сирии приезжали в Дербенд, Шемаху и Баку и в обмен на свои товары, состоящие, главным образом, из меда, воска, мехов, оружия, дорогих шелковых тканей, пряностей, фарфоровой посуды, драгоценных камней и т. д., вывозили караванами нефть, соль, рыбу, скот (мулов, лошадей), шафран, кошениль, марену и другие товары. Предметами вывоза служили также изделия ремесленников, состоящие главным образом из шелка-сырца, шелковых и шерстяных тканей, ковров и ковровых изделий, покрывал, шнуров⁴³.

Об этих торговых связях говорят находки различных монет на территории Баку. Торговые связи Баку с другими регионами существовали еще во времена владычества Сасанидов. Об этом свидетельствуют находки кладов сасанидских монет на его территории. Из одного городского района Баку в Сектор драгметаллов в Баку был передан клад из 83 серебряных сасанидских монет. Самая ранняя дата — 12 г. Хосрова I или 542 г. н. э., самая поздняя — 2 г. Ардашира III, или 629 г. н. э.⁴⁴.

Из другого городского района Баку несколько позже также поступил новый клад серебряных сасанидских монет в количестве 86 штук. Самая ранняя дата — 4 г. Кубада I, т. е. 490 г. н. э. Самая

поздняя — от имени Хосрова II, т. е. 638/9 г.⁴⁵

Эти монеты свидетельствуют о существовании города Баку в это время, а также говорят о развитии торговых связей с другими странами. Ряд кладов сасанидских монет также был обнаружен на территории бывшей Бакинской губернии и в других районах Азербайджана⁴⁶.

Наиболее ранней арабской монетой, относящейся к VIII в. является медная аббасидская монета, найденная в Бакинской крепости в насыпной земле около башни (между зданиями Баксовета и университета). Монета эта датируется II в. х. (VIII в. н. э.)⁴⁷.

Из нумизматических находок, относящихся к IX в. можно отметить одну, найденную на территории Баку, при вычерпывании грунта у пристани на глубине около 7—8 м. Из-под воды был извлечен золотой аглабидский динар без обозначения места чекана 207 г. х. (822—823 г.) I — внизу масрур; II — сверху галаб; снизу имя Зиядаталлаха I (201—223 г. х. / 817—838 г.)⁴⁸.

Находка аглабидской монеты у морского берега в воде говорит о существующем в первой половине IX в. мореплавании, упоминаемом арабскими источниками.

В Баку имели хождение монеты, чеканенные Аббасидами: золотые, серебряные и медные⁴⁹.

Большое распространение медной монеты в VIII в., ее чеканка свидетельствуют о развитии мелкой денежной торговли в городах. Баку поддерживал торговые сношения с рядом других городов Арана такими, как Гянджа, Байлакан, Кабала, Шабаран, где изготовлялась красивая глазурированная керамическая посуда и вывозилась в Баку.

По сообщению арабского автора купцы русы вели торговлю со странами, расположенными на южном и западном побережье Каспийского моря. Они спускались по Танаису (Дон), славянской реке, волоком переправлялись на Волгу, спускались к Хамлиджу, столице хазар, где их облагали пошлиной в размере 1/10 и на своих судах плыли в Каспийское море⁵⁰. Купцы русы со своими товарами, состоявшими в основном из ценных мехов (выдры, чернобурой лисицы, соболей), мечей, невольников и т. д. подплывали к побережью Каспия⁵¹ и, по-видимому, бывали на Апшероне и Баку. О торговых связях аранских и азербайджанских городов с дальними странами Востока сообщают арабские источники. Купцы из Арана и Азербайджана собирались в Трапезунде и затем оттуда ездили для торговли в Византию⁵². Византийская парча, дорогие шелковые ткани, полотно и одежда вывозились в исламские земли через Трапезунд⁵³. Караванная дорога шла из Трапезунда и Малой Азии через равнины Аракса в Азербайджан и Иран⁵⁴. Важные в торговом отношении города — Баку, Шемаха, Дербенд, Гянджа, Барда стали на магистралях международного торгового пути. Основной путь шел через Муган по правому берегу Куры в Тифлис и оттуда к Черному морю и Византию.

«Большая часть парчи, шелковых тканей, румского полотна, сукон и румских одежд в исламские земли идет через Тарабезунд»⁵⁵ отмечал ал-Истахри, говоря о торговых связях купцов, которые из Азербайджана стекались в Трапезунд, приморский порт на Черном море, и затем отправлялись для торговли в страны Рума (Византию — С.А.)⁵⁶.

Большое торговое значение имела дорога по берегу Каспийского моря через порты Баку, Дербенд и дальше через владения Хазар и тюрков на север. Другой важный путь шел из Барды в Ардебиль и в Иран и из той же Барды в Двин и дальше в Сирию и Месопотамию⁵⁷.

В конце X в. Баку отмечается рядом арабских источников уже как значительный порт на Каспийском море, имеющий важное торговое значение в международной транзитной торговле.

Старый Баку был расположен на вершине холма и был окружен крепостной стеной как и другие города Азербайджана. Внешний облик древнего Баку вырисовывается по археологическим раскопкам на его территории, во дворце его правителей Ширваншахов, где были обнаружены остатки крепостной стены, во дворе Диван-хане и в пандусе входа во дворец. На указанной территории были выявлены материалы, подтверждающие сведения источников о существовании раннесредневекового города Баку, где жители занимались различными ремеслами и где велась торговля с другими городами. Археологическими работами у юго-восточного фасада дворца на большой глубине выявлены фундаменты и стены жилых помещений, большое количество тендиров и колодцев для хранения зерна, воды и мусора, большое количество фрагментов глазурированной керамической посуды, монеты и другие остатки материальной культуры и быта. Указанные находки свидетельствуют о том, что до постройки дворца, т. е. до XIV—XV вв., на этой площади в течение ряда столетий находился один из густонаселенных кварталов средневекового города. По обнаруженной здесь глазурированной керамике наиболее ранний слой средневекового города датируется VIII в. н. э. Однако большая глубина культурного слоя (более 6 метров), позволяет отодвинуть указанную датировку еще на несколько веков вглубь. Большое значение для датировки наиболее древнего слоя города имеют фрагменты керамики. Раскопки

1986 г. велись в Ичери-шехер на юго-западных склонах бакинского холма, вблизи от главной улицы средневекового города, где находились торговые ряды, каравансарай, бани, мечети. Участок раскопа общей площадью в 144 м² с юго-запада примыкает к мечети Мухаммада ибн Абу Бакра, известной под названием Сыных-гала, построенной в XI в., участок представляет собой двухслойный памятник: верхний слой XIV—XVII вв., нижний — IX—XIII вв. Большой интерес представляют материалы нижнего культурного слоя. В южной части раскопа сохранились остатки северной и западной стен прямоугольной формы большой комнаты, основание которых построено на естественных скалах. Кладка была сделана из малообтесанных камней. В этом слое раскопа было обнаружено пять колодцев, вырубленных в скале. В нижнем культурном слое выявлено большое количество тендиров различного диаметра, рядом с которыми были врыты большие хозяйственные кувшины-кюпы. Вещественные материалы нижнего слоя представлены простой и глазурованной керамикой. В нижнем слое на уровне скалы было обнаружено несколько обломков фрагментов простых керамических сосудов, изготовленных ручным способом, которые и по своей форме, и по составу глины отличаются от средневековой керамики и относятся к более раннему периоду. Ф. Ибрагимов относит эту керамику по форме и расцветке к античному периоду по аналогии с материалами сосудов, открытых в Ньюгеди и в Шемахе, и датирует ее IV—I вв. до н. э. и I в. н. э.⁵⁸.

На участке юго-восточного склона Бакинского холма в Ичери-шехер, в 1971 г., во время археологических раскопок были открыты остатки строений на каменной скале. В толще скалы выдолблены многочисленные чашечные углубления, ступки, чан, которые заменяли бытовую посуду. Эти чашечные углубления подобно Гобустанским, относятся к раннему периоду истории города Баку⁵⁹. На территории дворца Ширваншахов, в восточной стороне, выявлены высеченные в скале разные углубления, которые перекрыты плитами и над ними возведены были строения. Чашечные углубления, подобные Гобустанским, обнаруживаются в скале под фундаментами дворца Ширваншахов и на территории крепости в скале восточного склона бакинского холма (на пересечении улиц Мамедъярова и Военной⁶⁰) и в ряде других пунктов старой крепости Баку и свидетельствуют о древнейшем поселении на его территории (значительно ранее VIII века).

На северной стороне Ичери-шехер, на трех участках были произведены раскопочные работы. В районе северных стен находился ремесленный квартал города Баку, следы которого, в виде разрушенных мастерских, отвалов шлаков, скоплений золы, пережженной глины встречаются в ряде участков на территории Ичери-шехер. Во время прокладки линии связи осенью 1985 г. по ул. Коммунистической, был обнаружен квартал ремесленников-гончаров. На этом участке, находящемся вне крепостной части города, на расстоянии 70—80 м от северо-западной части крепостных стен, найдено большое количество керамических изделий, производственных отходов, а также остатки гончарной печи. Одним из основных условий, давших толчок развитию гончарного ремесла, является наличие местного сырья. Характерная для Баку серо-желтая керамика свидетельствует об использовании местных сырьевых месторождений желтой глины в окрестностях города Баку и на Апшероне⁶¹.

Комки железного шлака, кузнечный молот, кувалда, железные обломки лезвия и стержня ножа, подковки обуви и животных, гвозди, кольца, пряжки характеризуют ремесленный квартал, где производились металлические изделия горячей и холодной ковкой.

Простая керамика представлена кувшинами, чирахами, мисками, кюпами. Плечевая часть и горловина кувшинов украшена разными прямыми и волнообразными линиями. Обнаруженная штампованная керамика с красным орнаментом кувшинов и фляг желтого цвета, вместе с формой-галибом для штамповки части сосудов, свидетельствует о местном происхождении этой керамики, глина для которой добывалась на Апшероне. Глазурованная керамика представлена чашами, мисками, блюдцами, кувшинами, расписанными ангобом и марганцем под свинцовой прозрачной глазурью. Обнаружено много сосудов с полихромной орнаментальной и сюжетной росписью в сочетании с гравировкой. Орнамент сосудов растительный и геометрический. Часть сосудов имеет рельефные клейма отдельных ремесленников-мастеров. Клейма сосудов состоят из четырех, шести и восьми и многопестковых пальметт, характерных для Баку, в отличие от клейм городов Шабрана, Гянджи, Байлакана, Кабалы и других, а также квадратных и ромбовидных сеточек, концентрических кругов и спиралей. На местное происхождение этой керамики указывают находки треугольных подставок, цилиндрических глиняных стержней для обжига сосудов с остатками подтека глазури и следов от шипов подставки. Во время археологических работ на этой территории были выявлены шлаки гончарного производства, остатки разрушенных гончарных печей и керамический брак, что свидетельствует о местном

бакинском производстве керамических сосудов. На этом же участке были найдены фрагменты тонкостенных стеклянных изделий — кувшины, вазы, бокалы, флаконы, маленькие аптекарские и парфюмерные сосуды, цветные инкрустированные и витые браслеты, круглые и овальные в сечении различных цветов, голубой, синий, зеленый и др., стеклянные бусы и бисер. Сырьем для стеклянных изделий служил песок из села Хурдалан близ Баку. Обнаружено также небольшое количество фаянсовых чаш с подглазурной росписью кобальтом, синего цвета, по-видимому, привозных. Нижний надматериковый слой датируется VIII—X вв. Около Гыз-галасы во время раскопок обнаружена серебряная монета с именем халифа ал-Мансура, чеканенная в 138 г. х./755 г. в Дар ас-Саламе, найдены также монеты, чеканенные в конце X в. от имени ширваншаха Йазиды ибн Ахмада и др.⁶²

Раскопки на пересечении Малокрепостной улицы и Первого Замковского переулочка, на участке, расположенном недалеко (к северо-западу) от Дворца Ширваншахов, в нижнем культурном слое, залегающем на материке, на глубине 4,8 м от дневной поверхности, около фундамента большой стены был вертикально вкопан в землю красно-глиняный хозяйственный кюп крупных размеров с плоским дном и двумя ручками. Емкость кюпа была 15 ведер. Подобные кюпы найдены и на южных склонах Бакинского холма в складском помещении, в котором были открыты 5 крупных хозяйственных толстостенных кюпов, установленных в больших каменных подставках-чанах. На этом же участке и в ряде других мест обнаружена краснокрашенная керамика. С наружной стороны кувшинов поверхность заложена и сплошь покрыта темно-красной краской. Крашенная керамика корнями восходит к эпохе поздней бронзы и раннего железа и свидетельствует об устойчивой традиции в керамическом искусстве и ремесле⁶³.

На восточных склонах Бакинского холма, где материк представляет собой сплошную каменную скалу большой мощности, хозяйственных кюпов нет, вместо них в скале высекались ямы. Многочисленные фрагменты простой керамики красноглиняной и серо-желтой бытовой посуды, наряду с художественно выполненной изящной поливной, глазурированной керамики с монохромной и полихромной росписью ангобом и марганцем, свидетельствуют о большом числе ремесленников, изготавливающих эту посуду в Баку. Находки фаянсовых чаш и пиал, покрытых слабо прозрачной глазурью темно-голубого цвета на кольцевидном поддоне, имеющие надписи арабскими буквами, с наружной стороны периметра чаши и выражающие благопожелание владельцу сосуда в раскопках в Баку по сравнению с другими городами — Байлаканом, Шемахой, Бардой встречаются редко. Возможно некоторые из них производились и в Баку. На днищах других фаянсовых чаш, имеющих растительный орнамент синего цвета, кобальтом под свинцовой прозрачной глазурью, часто с изображением птицы, свидетельствуют о торговых связях Баку с центрами производства фаянсовой керамики — Рейем, Кашаном, Йездом, Султанабадом и др. Эти изделия, находимые в раскопках в Баку и других городах, отличаются высокой художественностью орнамента и выделкой⁶⁴.

На восточных склонах бакинского холма, наряду с тесным расположением жилищ горожан, мастерских ремесленников и лавок торговцев, находились такие замечательные памятники архитектуры, какими являются Гыз-галасы, Караван-сарай, баня Хаджи Гаиба, культовое сооружение с колоннадой и стрельчатыми арками, мечети и другие памятники зодчества, связанные с жизнью феодального города. Нижний культурный слой, датируемый VIII-XIII вв., лежит на глубине 5 м, открывая материк. Археологические раскопки выявили нижнюю часть хорошо сохранившегося мавзолея, стены которого были облицованы большими тесаными камнями прямоугольной формы. На одной облицовочной плите, установленной на северной стене мавзолея, была вырезана ажурная квадратная решетка-шебеке с ячейками в форме пятиконечных звезд, ромбов и кругов. Подобные каменные решетки-шебеке и поныне встречаются на культовых, общественных и дворцовых памятниках Баку и других городов Азербайджана⁶⁵.

В настоящее время существует около 20 мотивов решетки-шебеке, которые вырезаются на камне и дереве с большим искусством, и эта традиция передается из поколения в поколение.

В западной части участка № 3 дворца Ширваншахов, на глубине до 4,5 м «...скала представляет собой огромные глыбы, между которыми грунт представлен в виде песка, смешанного со значительным количеством светло-коричневой глины. В одной из расселин, между глыбами скалы, обнаружено было большое количество пепла, скала закопчена (следы огня). В этой расселине найдены горловина и часть тулова кувшина из красной глины, после обжига. Форма горловины кувшина напоминает изделия из Ялойлу-тепе. Это обстоятельство наводит на мысль, о том, что кувшин следует относить к более раннему времени, чем все обнаруженные на этих участках материалы»⁶⁶. Известно, что Ялойлу-тепинская культура

датируется III—I в. до н. э. Таким образом, указанный сосуд, по-видимому, относится к этому же времени.

Раскопками на территории дворца Ширваншахов на скале обнаружены фундаменты и части различных стен. Выявленные на этой территории остатки строений и сооружений относятся к разному времени. «Видно, что место это много раз застраивалось, старые строения разрушались, на образовавшемся навалом воздвигались новые строения. Описанное выше говорит о том, что место это было тесно застроено и заселено. По остаткам строений нельзя определить время, к которому они должны быть отнесены, но керамические глазурованные изделия из слоя, в котором были погребены остатки этих строений, позволяют утверждать, что, очевидно, уже в VIII в. место это было занято поселением»⁶⁷.

По-видимому, лежащие под слоем фрагментов керамики VIII в. остатки сооружений относятся к более раннему периоду, к началу нашей эры. Ввиду того, что эти строения на протяжении веков возводились и вновь разрушались, часть строительного материала оставалась на месте и это привело к поднятию уровня территории крепостной части города. На скалистом грунте к нашему времени образовались наслоения, достигающие общей толщины местами в 3—4, а местами, в 5—6 и более метров. Все это значительно затрудняет выяснение датировки наиболее раннего слоя раннесредневекового города. Археологические данные позволяют утверждать, что город существовал уже в начале первого века н. э., если не ранее. Судя по постройкам, расположенным близко друг от друга, город имел значительное население, которое занималось различными ремеслами. Культурные остатки, обнаруженные на территории старой крепости Баку, свидетельствуют о жизни и быте феодального раннесредневекового города. Жители употребляли в быту нефть, которая добывалась близ города и на Апшероне. Большое количество чирахов говорит об употреблении нефти как осветительного средства. В окрестностях города находились сады и огороды, составлявшие с городом единую округу. При раскопках в тендирах были обнаружены сожженные обрезки виноградных лоз, которые употреблялись для выпечки хлеба. В пищу жители города употребляли рис, который привозился из других районов Азербайджана (обнаружены скелетики зерен чалтыка и виноградные косточки) виноград, мясо джейрана, барашка, коровы, птиц — утки или гуся, рыб — сазана и осетровых. Хорошо сохранившиеся шипы осетра говорят о том, что жители не были еще мусульманами, т. к. известно, что мусульмане эту рыбу не едят.

Кусочки кристаллического гипса и крошки алебаstra, обнаруженные на большой глубине, свидетельствуют об украшении зданий алебастром. Керамические изделия в виде чаш и других сосудов, найденные на глубине до 6 м показали наиболее древний тип глазурованных изделий с цветным черепком, который относят к VIII—IX векам. Некоторые из них имеют ангоб и подглазурную роспись кирпично-красными глинами и глазурью, окрашенной окислами марганца. Изнутри под прозрачной глазурью, прямо на черепке делалась роспись в виде полос, исполненных буро-фиолетовой краской. Рисунок росписи делался обычно крупный, чаще всего изображались исполненные широкой полосой окружности, овалы, иногда звезды. Ножки у этих изделий «каблучные».

Весьма любопытной находкой на территории дворца, на глубине 2,4 м, в слое песка, являются лежащие вместе три металлических, по-видимому, бронзовых литых предмета. Один из них представляет собой неглубокую широкооткрытую чашу на ножке (высота 8,8 см). Наружная поверхность ее разделена гранями. Два других предмета представляют собой светильники: один высотой 12,9 см, другой — 10,7 см. «Условия обнаружения их (положены рядом все вместе в слое чистого песка) пожалуй говорят о том, что предметы эти были спрятаны»⁶⁸. По форме эти предметы кажутся древними, возможно, что это были предметы культа огня, относящиеся к зороастрийской религии.

На этой же территории, в слое на глубине от 0,4 до 1 м, обнаружено было большое количество обожженной красноватого цвета глины, сажи, много угольков и пепла, большое число обрезков железных и медных листов и прутиков. Видно, что здесь применялось много огня, вероятно, в связи с обработкой металла⁶⁹.

На территории дворца Ширваншахов в толще известняковых пластов обнаружено более 30 колодцев, высеченных в скале. Из них 14 находятся в первом этаже здания дворца, остальные на территории Диван-хане и на площадках, примыкающих к зданию дворца. Установлено, что все эти колодцы сухие и не доходят до водоносных слоев. Глубина их различна — от 3 до 15 м, диаметр горловины — от 0,7 до 1,3 м. Как видно, эти колодцы были высечены до постройки дворца, так как некоторые из них находятся под углами стен дворца, а иные — в дверных

проходах⁷⁰. Эти колодцы свидетельствуют о древнем населении, жившем на холме за много веков до построения дворца, и служили для хранения зерна, сбора воды и мусора, возможно, некоторые были местом группового захоронения.

Во дворе Диван-хане также обнаружены следы жилищ, предшествовавших построению Диван-хане. Почти весь верхний слой раковистого известняка, покрывающий площадь его двора, носит следы древних фундаментов⁷¹.

Вышеуказанные материалы раскопок свидетельствуют о том, что вершина холма, задолго до VIII в., была населена и представляла собой древнее поселение, а в начале I в. на этой же территории был расположен один из кварталов густонаселенного античного города. Территория раннесредневекового города занимала довольно большую площадь и доходила до берега моря. Об этом свидетельствует небольшое количество простой керамики, относимой к античному времени и множество глазурованной керамики, относимой к VIII—X вв. Все это было найдено на вершине холма, на территории дворца Ширваншахов, у подножья холма и на месте котлована для фундамента строящегося дома (проспект Нефтяников)⁷².

В Баку не сохранилось наземных архитектурных памятников, относящихся к раннему периоду города (до VIII в.). Однако, раскопки на территории дворца Ширваншахов обнаружили часть стен и остатков строений и дворики с тендирами и колодцами, которые относятся к VIII и более ранним векам. Здесь сохранились также остатки строений, стен и фундаментов более поздних веков IX—X и до конца XIV и начала XV в., предшествовавших построению дворцового комплекса. Очевидно, на вершине холма стояла цитадель, так как под зданием дворца прослеживаются фундаменты какого-то крупного сооружения, предшествовавшего построению дворца. Таковы скудные сведения о раннем периоде города Баку.

3. Управление городом, социальные отношения и культура

Арабские источники первой половины X в. ничего не сообщают о социальных отношениях и городском строе города Баку в VIII—X вв. В указанных источниках говорится о богатстве областей Азербайджана, управляемых крупными феодалами, которые имели большие доходы с них¹. Ибн Хаукаль называет Ширваншаха и этих феодалов, имеющих огромные владения, царями областей (малик). Они владели большими стадами, имениями, прекрасными крепостями, конями и челядью. Им принадлежали, на правах собственности, города и области с обработанными местностями, приносящими им обильный доход². Дальше Ибн Хаукаль говорит о том, что эти феодалы имеют красивых слуг, рабынь-певиц, поваров и поварих, «...употребляют широко золото и серебро для драгоценных сосудов, подносов, чаш, кружек и жбанов, искусно выделанных из известняка (глазурированная керамика. — С.А.) и драгоценных металлов, а также дорогую стеклянную посуду, цветной хрусталь и всякие драгоценности»³. Сообщения арабских источников подтверждаются выявленными во время раскопок на территории Бакинской крепости в большом количестве фрагментами красивой глазурованной керамической посуды, стеклянных изделий, относящихся к VIII-X вв., которыми пользовались Ширваншахи, феодалы, а также богатые горожане.

Мазйаиды были первой мусульманской династией Ширваншахов, которые являлись вассалами халифата и подчинялись арабскому наместнику — эмиру, находившемуся в Барде. Эмир обязан был наблюдать за местными правителями, оставленными арабами у власти, и следить за сбором налогов (джизья, харадж и др.), которыми облагали население городов и сел⁴. Эмир являлся командующим войсками своего района, возглавляя административный аппарат. Во время владычества арабов нефтяные колодцы и соляные копи Баку являлись вакфом газиям Дербенда. Ширваншахами были назначены особые сборщики налогов, сборов с нефтяных источников и солеварен (русум ан-нафсата вал-маллаха) для передачи средств газиям Дербенда. Институт Вакфа существовал с давних времен. Урожай нескольких сел Ширвана был предназначен для той же цели ширваншахом Хайсамом ибн Мухаммадом⁵.

В X в. в городах Ширвана—в Баку, Шемахе, Дербенде усиливается влияние и власть раисов— начальников цеховых организаций или гильдий купцов, которые вмешивались в политическую жизнь страны. Часто во время беспорядков и волнений в Дербенде, где правила династия Хашимидов, раисы совместно с городскими жителями, изгнав своего правителя, приглашали Ширваншаха принять власть над городом⁶. Престиж династии Ширваншахов стоял гораздо выше, чем авторитет возвысившихся из рядов местной аристократии Хашимидов ал-Баба. Ширваншахи часто воевали с правителями Дербенда за обладание этим городом, также и со своими соседями в

целях увеличения своей территории. В 382 г. х. / 992 г. разразилась ожесточенная война между ширванцами и шакарыйцами в рустаке Кабала, где был убит Мусаддид б. Хабаш везир властителя Ширвана, и вместе с ним погибло 400 конников, принадлежащих к знатным лицам ширванского войска (аскар)⁷. Ширваншахи имели местные войска (джунд), состоящие из конных воинов и постоянной армии (аскар). Ширваншахи в военной организации широко использовали также наемников. Когда в 455 г. х. / 1063 г. Абу-л-Асвар из Арана осадил столицу Ширвана, 50 конников были убиты из «юношей лакзов и дидуванской (дагестанского племени Дидо) знати». В составе войск Ширваншаха имелись и ополченцы (наубатийа), которые несли гарнизонную службу, сменяясь ежемесячно⁸. Они имели вооруженных телохранителей (гуламов), слуг (хадим) и рабов. Как независимые правители Ширваншахи приказывали читать хутбу от своего имени⁹.

Большим влиянием и властью пользовались при дворе Ширваншаха везиры, с которыми очень считались ширваншахи. Так, везир Ибн ал-Мараги пытался захватить власть в свои руки, уничтожив ширваншаха Мухаммада ибн-Йазид и его брата Ахмада¹⁰.

Мы не имеем сведений источников о социальных классах города Баку и о городском управлении в VIII—X вв. Однако данные «Тарих ал-Баб» о других городах Ширвана дают возможность осветить до некоторой степени этот вопрос и в отношении города Баку.

В городах управляли эмиры, хакимы. Командующий войсками был исфаксалар, сахиб ал-джайш. Администрацией ведали также градоначальники — даруги и амины. Правящей верхушкой города были аристократы; райсы состояли из старейшин ремесленных цехов и гильдий купцов, игравших важную роль в жизни феодального города.

Финансовыми делами ведал Диван ал-харадж. Амили являлись сборщиками податей. В Баку был назир — управляющий над нефтяными промыслами и соляными копиями. В городах жило также духовенство, кадии, законники-факихи и чтецы корана¹¹, которые как и райсы, не всегда подчинялись Ширваншаху.

Здесь находилось также беднейшее население города — рабы и «чернь» (аубаш), которые поднимали мятежи против феодальной верхушки города.

Ширван, который еще при Сасанидах представлял отдельную провинцию Сасанидского государства, очень важную в стратегическом отношении, стал во время арабского владычества наиболее крупным политическим объединением, на который арабы обращали большое внимание. Ширваншахи жили в столице Ширвана — Шемахе. Апшерон с центром в Баку, по-видимому, представлял отдельную административную единицу, входившую в состав области Ширвана, где правил назначенный ширваншахом хаким. К концу X в. главными городами Ширвана были Шемаха, Дербенд, Баку и Шабаран.

На протяжении всей своей истории Ширваншахи вели борьбу за независимость и временами правили самостоятельно. Однако, когда Ширван попадал под власть того или иного завоевателя, ширваншахи находились в вассальной зависимости и платили дань своим сюзеренам. Во время владычества арабами Араном Маслама ибн Абд ал-Малик (VIII в.) установил с Ширвана подать в размере 20 тысяч батманов пшеницы и денег 50 тысяч дирхамов¹².

В середине X в. ширваншах внес подать Салариду Мерзбану ибн Мухаммад ибн Мусафиру в размере 1 000 000 дирхамов¹³. По сведениям арабских авторов, в качестве налогов брали рабов, деньги, хозяйственные принадлежности, мулов, вьючных животных и украшения¹⁴. Источники не указывают сумму податей, выплачиваемой жителями Баку, однако можно полагать, что с населения города и сел Апшерона, богатого нефтью, солью, пшеницей, шафраном и мареной, взималась значительная доля налогов. Городские ремесленники выплачивали большие налоги завоевателям и в казну ширваншаха, испытывая двойной гнет и эксплуатацию арабских и местных феодалов.

Кроме хараджа и джизьи в халифате существовали ряд других налогов, взимаемых с городского населения: хумс — взимался с заката, т. е. со всего имущества, с промыслов, с добычи, включая пленных, обращенных в рабов, женщин и детей и всего движимого имущества. Закат или садака — взимался со скота: с верблюдов — от 4 до 9 голов взимался один ягненок или 2 козы; от 10 до 14 голов — 2 ягненка; от 15 до 19 голов — 3 овцы и т. д. С коров и буйволов — от 30 до 39 голов — 1 голову, от 40 до 50 голов — 2 головы скота и т. д. С овец — от 40 до 120 голов — одного ягненка или 2 козы; от 121 до 199 голов — 2 ягненка; от 200 до 399 голов — 3 овцы и т. д.

С золота и серебра — с сумм больше 200 дирхамов и с 20 мискалей золота и серебра — одну сороковую суммы или стоимости. Купцы не мусульмане платили налог — зиммии 1/3 стоимости товаров купца один раз в год, если их стоимость превышала 200 дирхамов; купцы, прибывающие из других стран платили 1/10 стоимости их товаров, если она превышала 200 дирхамов¹⁵.

На Апшероне налогом были обложены нефтяные источники и соляные промысла. В VIII в. в Баку были назначены особые лица, которым был поручен сбор налогов с лиц, добывающих нефть и соль¹⁶. Нефтеносные земли, нефтяные колодцы и соляные озера, а также пахотные земли Апшерона составляли феодальную собственность как государства, так и отдельных феодалов и обычно отдавались на откуп или в аренду¹⁷ тому или иному феодалу, который жестоко эксплуатировал податное население.

Жители Баку состояли из феодальной знати, владельцев нефтеносных и пахотных земель, соляных озер и садов, в руках которых находилось городское управление, а также крупных купцов, в руках которых были сосредоточены большие капиталы, и духовенства.

Основную массу городского населения Баку составляли ремесленники и купцы. Здесь жили резчики по камню, граверы, художники, ювелиры, зодчие, строители, гончары, медники, кузнецы, судостроители, лодочники и ремесленники различных отраслей производства. В городе жили также крупные и мелкие торговцы, лавочники, городская беднота и рабы.

Судебными делами занимались кадии, т. е. духовный судья, который занимался делами вакфов и разбирал дела лиц, недовольных действиями амиля. Сбором налогов ведал особый чиновник — амиль¹⁸, непосредственно подчинявшийся эмиру.

Управление вилайетами производилось через Диван, которым также руководил эмир. Для связи центра халифата с его провинциями и окраинами была создана почта — барид¹⁹. Арабские военные гарнизоны (рабаты) были расположены в основных городах и пунктах, в том числе и на Апшероне.

Ибн Хаукаль сообщает, что помимо азербайджанского (арранского) и персидского языка, среди жителей городов Азербайджана был распространен арабский язык. Однако он отмечал, что на арабском языке мало кто говорил. Чисто по-арабски говорили купцы и владельцы поместий²⁰. Это были местные и арабские феодалы. По-видимому, под азербайджанским или арранским языком арабские авторы подразумевали тюркский язык. Как мы указали выше, тюркизация Арана началась уже с первых веков нашей эры и усилилась в VI в. в связи с интенсивной миграцией тюркских племен с севера через Дербендский проход.

После завоевания страны арабами ислам стал постепенно распространяться среди жителей Баку и сел Апшерона, вытесняя зороастризм и древние астральные верования. Как пережитки древнейших культов на Апшероне до наших дней сохранилось поклонение священным деревьям (Пир-чинар в сел. Мардакян и Амираджан) и камню (Али-аягы в Бузовна). Культ деревьев отмечен у албанского историка VII в. Моисея Каганкатвацци²¹.

После принятия ислама жителями Апшерона в VIII — X вв. началась мусульманизация древних пиров, которые стали освящаться мусульманскими традициями и получать арабско-мусульманские религиозные имена (Али-аягы в Бузовна, Пир-аллахи на о. Пир-Аллахи и т. д.).

БАКУ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ШИРВАНШАХОВ (XI—XVI вв.)

1. Политическая история

В конце X и XI вв., в связи с распадом Аббасидского халифата правители ряда областей и стран, в том числе и ширваншахи, стали править независимо, и власть их постепенно становится наследственной.

В правление ширваншаха Йазиды IV (381—418 г. х./ 991—1027 гг.) произошла иранизация династии, проявившаяся в изменении традиционных арабских имен мазйадидов (Халид, Йазид) и замене их иранскими именами сасанидов, такими, как Ануширван, Минучихр, Кубад и т. д.

Как проф. Е. А. Пахомов, так и В. Ф. Минорский объяснение этой перемены находят в брачных связях с каким-нибудь родом древних местных правителей (Дейлема и, возможно — Шабрана), возводивших свою родословную к сасанидским царям¹. Более поздние авторы Рашид ад-Дин, Гаффари и др. отмечали древнеиранское и благородное происхождение ширваншахов². По-видимому, после завоевания Ширвана и Азербайджана арабами, ширваншахи, оставленные арабами, продолжали управлять Ширваном на правах вассалов, платящих дань халифу и участвующих в его походах на хазар. Но после укрепления своей власти в Азербайджане и Закавказье, арабы ликвидировали власть местных правителей, в том числе и Ширваншахов. Воспользовавшись беспорядками в халифате после убийства халифа Мутаваккила (247 г. х./861 г.), арабский правитель Ширвана мазйадид Хайсам ибн Халид добился единовластия, присвоил себе титул Ширваншаха, и объявил о своей независимости. Ширваншахи, преследуемые арабскими правителями, укрылись в дальних от центра местах и род их продолжал существовать в течение нескольких столетий незамеченным. Вероятно, брак представительниц этого рода с ширваншахами арабской династии Мазйадидов явился стимулом иранизации дальнейших Ширваншахов, известных в истории под именем Кесранидов.

Правление этой династии, престиж которой был намного выше Шаддадидов в Арране и Хашимидов в Дербенде, отмечается враждой между отдельными ее представителями, братьями, сыновьями, дядями и племянниками.

В 416 г. х./1025 г. — сын Ширваншаха Ануширван ибн Йазид восстал против своего отца, но был схвачен и заточен в крепость, где он умер от голода и жажды³.

В 425 г. х./1034 г. Ширваншах Минучихр ибн Йазид, после семилетнего правления, был предательски убит в своем доме своим братом Абу Мансуром ибн Йазидом, который захватил после этого власть в свои руки⁴.

Постоянная борьба за владение Дербендом продолжалась и при Минучихре ибн Йазиде в 420 г. х./1029 г. Дербенд в этот период входил в состав владений Ширваншахов. Правители Дербенда часто принимали участие в феодальных междоусобных распрях с Ширваншахами, стремясь приобрести независимость и временами это им удавалось.

В 421 г. х./1030 г. «народ ал-Баба напал на (владения) Ширваншаха и разрушил много населенных мест на его территории»⁵.

Богатые города Ширвана — Шемаха и особенно Баку привлекали взоры иноземных захватчиков, которые неоднократно нападали на них, грабя и уничтожая его жителей. Источники сообщают, что в 421 г. х./1030 г. отряд русов на тридцати восьми судах напал на Ширван. Ширваншах Минучихр I ибн Йазид (годы правления 418—425 г. х. — 1027/8—1033/4 г.) встретил их около Баку (Бакуйя). Много ширванцев было убито в сражении с русами, и в том числе потерял жизнь Ахмад ибн Хасскин* — один из их знатных лиц. Затем русы поднялись до реки Куры. Чтобы остановить их продвижение Минучихр преградил Аракс, но они потопили многих из мусульман. Однако дальнейшее их продвижение по Араксу было приостановлено⁶. Позже правитель Джанзы (Гянджи) шаддадид Муса ибн Фадл использовал отряд русов как наемников против своего брата. Он предложил русам высадиться, дал им много денег и повел на Байлакан, жители которого восстали против него. С помощью русов он овладел Байлаканом и схватил и убил своего брата Аскарыйя. Затем русы ушли из Аррана в Рум, а оттуда вернулись в свою страну⁷. В источнике сообщается, что вскоре, в зу-л-хиджже 422 г. х. (19.XI-18.XII 1031 г.) вновь пришли русы. Тогда Муса ибн Фадл, правитель Аррана (из династии Шаддадидов), пошел на них,

* Возможно, Хасс-текин. Прим. В. Ф. Минорского.

сразился с ними у Бакуйа и, уничтожив многих вытеснил их из страны⁸. Как видно, русы нападали на Ширван через Баку, куда они прибывали на своих судах морским путем.

В 40-х годах XI в. Ширваншахи стали возводить вокруг городов крепостные укрепления в виду опасности нашествия кочевников тюрков-огузов, угрожавших Ширвану⁹. В это время Ширваншахи вели междоусобные феодальные войны со своими соседями, а также боролись с антифеодальными движениями в городах Ширвана. По сообщению источника ширваншах Фарибурз в джумада 1458 г. х. (31.III-30.IV 1066 г.) «разгневался на народ своей столицы Йазидийа и напустил на него неверных грузин, которые ограбили его и взяли в плен находившихся там исламских законников, раисов и знатных людей...»¹⁰ и жестоко расправился с ними.

Ширваншахи боролись также против сельджуков, одной из ветвей огузов. В начале XI в. сельджуки образовали сильную империю и стали угрожать странам Передней Азии — Азербайджану и соседям. К середине XI в. Иран, Азербайджан и ряд других стран Востока были завоеваны сельджуками.

В 40-х годах XI в. источники впервые отмечают опасность проникновения тюрков-огузов в Азербайджан¹¹.

В 458 г. х. (1066 г.) тюрки-огузы напали на Ширван. Они ограбили кочевья курдов и вывезли большую добычу. Ширваншах Фарибурз I бин Саллар (455 г. х. / 1063 г.) вынужден был уплатить большую контрибуцию, чтобы понудить тюрков уйти из Ширвана¹². 1-го мухаррама 459 г. х. (22 ноября 1066 г.) предводитель тюрков Кара-Тегин явился в Ширван во второй раз в сопровождении Мамлана б. Йазид б. Мухаммада, дяди Ширваншаха по отцу. Кара-Тегин разбил палатки у ворот Йазидийа (Шемаха) и осадил город. Затем он набросился на горы и доли страны, разорил их, перебил множество людей, угнал скот и увел женщин и детей, превратив Ширван в «пустынное поле» (Коран, XX, 106). Оттуда он спустился в Бакуйа, где уничтожил много жителей, увез женщин и детей, угнал скот¹³. Когда положение стало опасным, Ширваншах отогнал свои табуны, свыше 4000 чистокровных лошадей, в Маскат. Отряды Кара-Тегина опустошали и грабили все на своем пути от Баку до Шабрана. «Они расположились лагерем в окрестностях (последнего) и отправились грабить селения. Они брали в плен и мусульман и (их) союзников, похищали их жен и детей, сжигали их дома». Тюрки поднялись в горы и оттуда обрушились на Маскат. Они угнали табуны лошадей Фарибурза и вернулись в Шабран¹⁴. Положение Ширваншаха стало тяжелым, так как к Кара-Тегину подошло подкрепление из двух тысяч тюркских воинов. Осада Йазидийа продолжалась, но попытки тюрков заставить Ширваншаха выйти из крепости не удались. Фарибурз послал к хаджибу султана своего человека. Когда хаджиб пришел к Фарибурзу, последний подкупил его, дав 6000 динаров, чтобы уничтожить прежде всего внутреннего врага — своего собственного дядю. Вероятно, поощрение подобного рода склонило тюрков переправиться обратно через Куру и уйти со своей добычей. Угроза завоевания страны тюрками заставила ширваншаха платить им дань¹⁵. В 459 г. х. (1067 г.) тюрков Эл-Басан, владелец Казвина послал доверенных лиц к ширваншаху Фарибурзу, чтобы получить дань в 30 000 динаров, которую тот согласился ежегодно платить Кара-Тегину за предотвращение нашествий тюрков¹⁶.

После похода Кара-Тегина проникновение тюрков в Азербайджан продолжалось более интенсивно. В 459 г. х. (1067 г.) военачальники Каймас и Кара-Тегин с тюркской кавалерией явились к ширваншаху и он отдал дочь своего дяди Кубада в жены Кара-Тегину¹⁷, который поселился в Йазидийе. В том же году в Арран прибыл сельджукский султан Алп-Арслан. Ширваншах Фарибурз явился к нему с подарками и предложением своих услуг и сопровождал его в походе 460 г. х. (1068 г.)¹⁸.

После возвращения султана Алп-Арслана из похода в Грузию в 460 г. х./1068 г., он прибыл через Гянджу в Барду, где представители ал-Баба пожаловались ему на ширваншаха Фарибурза, который захватил некоторых из раисов. Султан приказал освободить их, что он и выполнил. Затем султан заключил Ширваншаха в тюрьму и, наконец, освободил, обязав его выплачивать ежегодно большую сумму денег¹⁹. Дальнейшие события в Ширване связаны с нашествиями и борьбой Ширваншаха с Дербендом. Сведения источников говорят о сложном положении городов Ширвана и Аррана, испытывающих двойной гнет и эксплуатацию как местных правителей, так и завоевателей сельджуков. Завоевание Ширвана и всей страны сельджуками произошло при Мелик-шахе (1072—1092), когда сельджукская династия достигла высшей стадии своего могущества²⁰. Ширваншахи в это время становятся вассалами сельджукского султана, о чем свидетельствуют нумизматические данные. На монетах, чеканенных ширваншахами, наряду с именем халифа стоит имя сельджукского султана²¹.

На монете, чеканенной при Минучихре II (конец XI — начало XII вв.), обозначено:

[Му/хаммад посланник [Аллаха]
[ал-Муст] азхир-биллах
[султ]ан Мухаммад

ал-Малик
Минучихр
бин Фарибурз²²

Размер дани, которую обязался выплачивать ширваншах Фарибурз в казну Мелик-шаха, исчислялся вначале ежегодно в 70 000 динаров, но впоследствии эта сумма была уменьшена до 40 000 динаров²³. Однако, по словам историка XIII в. ан-Насави, после покорения Аррана Мелик-шахом к нему явился ширваншах и заключил с ним соглашение, согласно которому ширваншах должен был ежегодно вносить в султанскую казну сто тысяч динаров²⁴. Поход Мелик-шаха на Ширван был вызван, по-видимому, отказом ширваншаха Фарибурза признать над собой верховную власть сельджукского султана. Фарибурз I был храбрым военачальником, большим дипломатом. Вся его деятельность была направлена на увеличение феодальных владений путем завоевания соседних территорий. Несмотря на домогательства султанских наместников, Фарибурзу удалось сохранить в течение 8 лет независимое правление в Ширване²⁵.

Ширван неоднократно подвергался нашествиям тюркских войск, которые грабили и разоряли страну, однако ширваншах все еще правил как независимый государь. Только после прибытия представителя Сау-Тегина — правителя Ирака — Арабского и Персидского, получившего пограничную область Дербенд на правах икта, Фарибурз был низведен до положения сельджукского вассала, платящего ежегодную дань (мал) в казну султана²⁶.

В северных областях Азербайджана при последних сельджукских султанах было два крупных феодальных княжества: на востоке Ширван, где правили на правах вассалов сельджуков ширваншахи XI—XII вв. и на западе — Арран, находившийся под властью атабеков Ильдегизидов. Ильдегизиды были также правителями Южного Азербайджана и считались вассалами сельджукских султанов.

Источники сообщают, что во второй четверти XII в. Ильдегиз захватил весь Ширван, включая Баку. «Наконец, султан Мас'уд (1133/4—1152 г.), брат сельджукида Тогрула, послал Ильдегиза с частью войск в сторону Аррана и он, в короткое время завоевавши полностью Арран, Гянджу, Ширван и Баку с войском и подданными, установил такие отношения, что в сердцах всех к нему появилась любовь»²⁷. Однако это известие, очевидно, базируется на поражении, нанесенном Ильдегизом грузинскому царю Георгию III в 558 г. х./1162-3 г., когда эта территория была захвачена грузинами. Вероятно, Ширван был отвоеван Ильдегизом и позже Кызыл Арсланом у грузин, которых изгнали из страны²⁸.

В 1170 г. ширваншах Ахситан I, пользуясь поддержкой грузинского царя Георгия III (который являлся его двоюродным братом по матери), разбил около Баку флот русов из 73 кораблей и взял Шабаран и Дербенд, захваченные хазарами²⁹. Русы, или как их называли бродники, спустились по Волге в Каспийское море и бросили якорь у острова Руинас (возможно, Нарген). Затем они поднялись вверх по Куре и достигли Ламбарана, затем они прошли по прямой дороге из Шемахи в Шушу. В то же время хазары, союзники русов, заняли Дербенд и цитадель Шабарана. В тяжелом положении Ахситан обратился к помощи Георгия III³⁰.

Это событие описано в грузинской летописи: «...Этот Шарванша (Ахситан I. — С.А.), стесненный некогда дербендскими хазарами, обратился к нему с просьбой о помощи. Царь (Георгий III. — С.А.) собрал войска из Имерии и Америи, взял с собой Андроника, племянника греческого царя, и подступил к воротам Дербенда. Опустошил он землю маскутов и шарабамскую, взял город Шабурани. Мужество Андроника у ворот этого города понравилось царю, наблюдавшему схватку, и войскам его. Город он отдал племяннику отца своего Шарванше...»³¹.

В конце XII в. Ширваншахи становятся номинально независимыми, но фактически находятся под властью Ильдегизидов.

В 1191 г. Шемаха была сильно разрушена землетрясением, во время которого погибли жена и дети ширваншаха Ахситана I³². По-видимому, Ахситан перенес в это время свою резиденцию из Шемахи в Баку.

Конец XII и начало XIII вв. были периодом феодального процветания города Баку. Ширваншахи украсили город рядом сооружений и укрепили его. В первой половине XII в. были возведены крепостные стены города и произведен ряд фортификационных работ. В систему оборонительных сооружений города входила и Девичья башня. В борьбе за освобождение от сельджукского господства и, позже, Ильдегизидов происходило сближение ширваншахов с

грузинскими царями, которое было закреплено династическими браками. Грузинская летопись сообщает, что в 1222 г. грузинский царь Георгий IV Лаща сын Тамары поехал в Багаван, т. е. Баку, где пробыл 10 дней. Ширваншах, по-видимому, Фарибурз III просил руки его сестры Русуданы. Георгий Лаща прибыл в Багаван для участия на свадебном пире, но 18 января он там умер и свадьба не состоялась³³.

В это время значение Баку как одного из богатых городов Ширвана и важного порта на Каспийском море еще более увеличивается. Источники в это время описывают Баку как неприступную крепость и значительный город Востока.

В известной касиде Хагани (XII в.), восхваляющей ширваншаха Ахситана ибн Минучихра, поэт говорит о Баку как о неприступной крепости и значительном городе Востока, сравнивая его с Бестамом — сильно укрепленным городом Хорасана на Востоке³⁴. Известно, что в XII в. Баку был окружен крепостной стеной и имел в системе оборонительных сооружений города «Гыз-галасы», на что и намекал поэт, говоря о Бестаме.

В конце XII в., после смерти Кызыл Арслана (1191 г.), государство Ильдегизидов постепенно приходит в упадок, в связи с чем ширваншахи, вассалы Ильдегизидов перестают признавать их власть и приобретают на короткое время независимость. Это был период подъема и экономического процветания Ширвана. Однако этот период мирного существования страны продолжался недолго.

Вскоре после распада сельджукской империи над странами Востока нависла угроза монгольского нашествия. Азербайджан также не избежал монгольского завоевания. В 1220 г. монголы вторглись в Ширван в период царствования ширваншаха Гершаспа, сына Феррухзада I. Джебе-нойан и Субутай Бахадур с 30 000 армией, уничтожив в 1221 г. грузинские и армянские войска, перезимовали в Мугани³⁵, а затем вернулись в Ардебиль, разгромили и захватили город. Затем монгольские войска осадили Тебриз, жители которого откупились деньгами и тканями. Монголы беспощадно уничтожали на своем пути население городов и сел. Захватив Сераб и Байлакан, они двинулись на Гянджу, жители которого откупились деньгами и драгоценными тканями³⁶.

Затем монголы вторглись в Грузию³⁷. Вскоре они вернулись в Ширван, осадили и разгромили Шемаху, уничтожив ее жителей. После этого они направились к Дербенду в 1222 г., чтобы пройти через Дербендский проход на север.

В это время в Дербенде правил ширваншах Рашид, который послал к монголам 10 человек своих знатных людей. Убив одного из них, монголы при помощи этих лиц обошли окольным путем Дербенд и, пройдя через горы, ушли на север³⁸.

После нашествия монголов в Азербайджан через Дербендский проход вторглись кыпчаки, которые разорили ряд городов и сел Аррана. Вслед за кыпчаками Ширван подвергся нашествию хорезмшаха Джалал ад-Дина (в 622 г. х. — 1225 г.), который ограничился требованием дани. Вначале он потребовал у ширваншаха Афридуна б. Фарибурза II выплаты 50 тысяч динаров. Когда Джалал ад-Дин вернулся в Арран, Афридун явился к султану и передал ему в качестве подарка 500 коней³⁹.

Несмотря на возражения своего везира, Джалал ад-Дин утвердил Афридуна в его владениях и снизил дань с 50 тысяч до 20 тысяч динаров. Таким образом, Ширваншах смог сохранить свою независимость.

Вторично монголы появились в Азербайджане в 1231 г., когда в течение 8 лет были завоеваны ими города Ширвана и Аррана⁴⁰. Феодалы, знать и население городов и сел, уцелевшие от погрома монголов, укрылись в горах и лесах.

По сообщению азербайджанского географа начала XV в. Бакуви, монголы долго не могли взять сильно укрепленную крепость у берега моря — Баку⁴¹, жители которого оказывали им упорное сопротивление. Только после завоевания всей страны город вынужден был покориться. Монголы захватили Азербайджан, Армению и Грузию, которые вошли в состав огромной монгольской империи⁴².

Монголы причинили большие разрушения в Азербайджане, уничтожили ряд крупных городов, некоторые из которых впоследствии не смогли больше оправиться и перестали существовать. Такие крупные торгово-ремесленные центры, как Гянджа, Барда, Байлакан, Шабаран и другие были сильно разрушены и потеряли свое значение. Баку, лежавший в стороне от большой дороги, по которой шли завоеватели, по-видимому, сохранился лучше, чем другие города, хотя при взятии города монголами была разрушена верхняя часть Гыз-галасы⁴³.

В связи с нашествиями иноземных захватчиков в XII—XIII вв. ширваншахи стали сооружать в

Баку и на Апшероне крепостные стены, башни и укрепления оборонительного характера, на которых фиксировались имена Ширваншахов, сопровождаемые пышными титулами, что говорит о независимости Ширваншахов и крупных феодалов их вассалов. По-видимому, наряду с Шемахой — столицей государства Ширваншахов, Баку также был их резиденцией.

В 1258 г. Хулагу, внук Чингиз-хана, взял Багдад и, умертвив халифа, положил конец халифату Аббасидов. Он основал в Южном Азербайджане династию Хулагуидов или Ильханов. Ильханы захватили также Северный Азербайджан, Армению и Грузию. Они отказались признать права Джучидов на эти области, что вызвало столкновение между Золотой Ордой и государством Ильханов⁴⁴. Военные действия между двумя государствами продолжались около ста лет, в течение которых граница между ними часто менялась, пролегая то близ Дербенда, то близ Баку.

Указанные события весьма пагубно отражались на благосостоянии страны, разоряемой бесконечными войнами. В конце XIII в. ширваншах Ахситан III, сын Фаррухзада II, перенес свою резиденцию в Гуштасфи, по-видимому, в связи с тем, что район Дербенда вплоть до Баку, представлял собой арену военных действий Хулагуидов с Джучидами и пребывание Ширваншаха в этих местах было небезопасным⁴⁵.

Монгольское завоевание положило конец независимости Ширвана. Ширваншахи, правившие в своих владениях на правах вассалов монголов, продолжали чеканку монет от своего имени, однако без пышных титулов, ставя на первое место имя Каана⁴⁶. Ширваншахи участвовали вместе со своими воинами в походах ильханских государей и выполняли все обязательства в отношении своего сюзерена.

Источники сообщают, что ширваншах Ахситан II, сын Фарибурза III, явился около 653 г. х./1256 г. в ставку Хулагу-хана вместе с другими феодальными владельцами Азербайджана, Грузии, Хорасана и т. д. «с подобающими дарами» на пути его похода против исмаилитов⁴⁷.

Баку при Ильханах являлся местом зимовок монгольских государей. В 697 г. х. (1297 г.) Газан-хан сын ильхана Аргуна прибыл в Баку и там расположился с намерением перезимовать⁴⁸. Французский монах Одорик де Порденон (1274—1331 гг.) пишет: «Здесь (в Султанийе) в летнее время проводит жизнь хан, зимой переезжает в другой город, называемый Бакук «Васис»⁴⁹.

Ильханы уделяли большое внимание Баку, значение которого стало возрастать в связи с упадком Дербенда. В связи с военными действиями между Ильханами и Джучидами, Ильханы не могли пользоваться дербендским портом, находившимся в руках Джучидов. Однако они были заинтересованы иметь недалеко от Дербенда удобную и безопасную гавань, удовлетворяющую их интересам.

Такой прекрасной естественной гаванью являлся Баку, имеющий большое экономическое значение. В связи с этим значение Баку возрастает, тогда как Дербендский порт постепенно приходит в упадок⁵⁰. Купеческие корабли из Ирана и Средней Азии стали предпочитать Бакинский порт⁵¹.

Наличие власти Ширваншахов в начале XIV в., в период упадка и разложения монгольской державы, когда образовался ряд мелких феодальных владений, сыграло большую роль для оживления хозяйственной жизни и строительства в Баку. Ширваншахи в это время владели также городами Шабаран и Дербенд. Рашид ад-Дин в своем письме к сыну называет ширваншаха «мелик Шабрана, Шемахи и Дербенда»⁵². В 40-х годах XIV в. в Баку существовал монетный двор, где чеканилась монета от имени Хулагуидов — султанов Сулеймана и Ануширвана⁵³. Большое количество этих монет и целых кладов обнаружены на территории Баку.

В этот период распада монгольского государства вырастают города северных областей Азербайджана, которые на время освободились от власти чужеземных захватчиков и приобрели политическую силу. В это время в Ширване правили ширваншахи Кейкубад, а позже его сын Кавус. Наряду с другими мелкими мусульманскими династиями, после распада Ильханского государства, на его территории утверждается власть Чобанидов, а затем Джелаиридов, представители которой вели борьбу с Ширваншахами. Результаты этой борьбы нашли свое отражение в нумизматическом материале. При ширваншахе Кавусе, признавшем себя вассалом джелаирида Шейха Увейса, была чеканена серебряная монета в Баку с именем последнего, с датой 762 г. х. (1360/1 г. н. э.) и 766 г. х. (1362/3 г. н. э.)⁵⁴, но после 766 г. Кавус восстал против Шейха Увейса, и на монетах, чеканенных в Баку в 769—770 гг. (1367/8—1368/9 гг.), исчезает имя этого султана⁵⁵. В борьбе с Джелаиридами Кавус был разбит, сдался и, просидел три месяца в тюрьме, был выпущен и уже до самой смерти остался покорным вассалом Шейха Увейса⁵⁶.

Указанные события, как видно, коснулись и Баку, так как, по сведениям источников, ряд местных феодальных владетелей, в том числе и области Баку — Хаджи Ферморз и Хаджи

Феридун, были вынуждены явиться к Увейсу с изъявлениями покорности. Они обязались ежегодно платить Увейсу установленную подать, называемую «мал» или «харадж»⁵⁷.

При Ширваншахе Хушенге, сыне Кавуса, поддерживающем дружеские отношения с Джеларидами, была чеканена серебряная монета в Баку с именем Джелал ад-Дина Хусейна сына Шейха Увейса, правившего с 776 по 783 г. х. (1374/5—1381/2 гг.), а также его брата Гияс ад-Дина Ахмада 784—813 г. х. (1382—1410гг.)⁵⁸.

В конце XIV в. в Ширване произошло антифеодалное восстание мелких феодалов и крестьян против знати. Во время этих событий ширваншах Хушенг был убит ширванцами. Ширваншахом был избран феодалами шейх Ибрахим I ибн Султан Мухаммад ибн Кейкубад (1382—1417), который был двоюродным братом (сын дяди по отцу) Хушенга. Он стал основателем династии Ширваншахов — Дербенди (1382—1538 гг.), которая являлась боковой ветвью той же династии Мазйадидов. Это был обедневший феодал знатного происхождения, занимавшийся земледелием в одном из селений Шеки. Большой дипломат и видный государственный деятель, шейх Ибрахим предотвратил разгром страны при нашествии Тимура на Азербайджан, изъявив ему покорность и так расположил к себе его, что был назначен им правителем Ширвана. В 1392/3 г. Тимур назначил своего сына Миран-шаха правителем Ширвана, в том числе и Баку, однако шейх Ибрахим сохранил и при нем свой титул ширваншаха⁵⁹.

В 787 г. х. (1385/6) золотоордынский хан Тохтамыш с 90-тысячным войском вторгся в Азербайджан. Пройдя через Ширван и опустошив ряд его городов, он направился в сторону Тебриза. В 791 и 792 г. х. (1388/9 и 1389/90 гг.) монеты с именем Тохтамыша были чеканены в Баку, Шемахе и Шабаране⁶⁰. Но вскоре армия Тохтамыша покинула страну.

В 1387 г. войска Тимура вновь вторглись в Азербайджан. Источники сообщают, что в конце XIV в. Тимур прошел через порт Дербенд. О его пребывании здесь свидетельствуют чеканенные в Баку в конце XIV в. серебряные и медные монеты от его имени⁶¹. Во время семилетней войны (1399—1405 гг.) Тимур совершил поход в Рум (Малую Азию) против османского султана Баязида. В этой войне на стороне Тимура принимал участие и ширваншах Ибрахим. Шейх Ибрахим приезжал в Халеб, сопровождая Тимура, когда тот в 803 г. х./1400 г. вступил в пределы Сирии⁶².

После смерти Тимура в 807 г. х. (1405 г.) Ширван на короткое время приобретает независимость. В эти годы в ряде городов вспыхивают восстания против Тимуридов.

Используя внутривластическую обстановку и пользуясь большой популярностью среди различных слоев населения городов и сел, ширваншах Ибрахим I занял в 1406 г.⁶³ Карабах и Тебриз. Но вскоре в связи с возвращением джелаирида Ахмада в Южный Азербайджан Ибрахим оставил Тебриз и отвел свое войско за реку Аракс. Во время войны султана Кара-Коюнлу Кара Юсуфа с султаном Ахмадом, последний просил помощи у ширваншаха Ибрахима, который тотчас же отправил к нему ширванские войска под командованием своего сына Кайумарса. Во время разгрома султана Ахмада в 1410 г. Кайумарс прибыл в окрестности Тебриза. Ночью он подвергся неожиданному нападению со стороны войск Кара Юсуфа и был захвачен в плен. По приказу Кара Юсуфа Кайумарс содержался в башне Арджиша. Ширваншах предложил за сына большой выкуп, однако Кара Юсуф отпустил Кайумарса без выкупа, обошелся с ним очень милостиво, вручив ему письмо к отцу Шейху Ибрахиму с требованием подчиниться. Ширваншах, заподозрив сына в измене и полагая, что он заключил с Кара Юсуфом тайное соглашение свергнуть отца и стать вассалом Кара Юсуфа, казнил своего сына⁶⁴.

В 1412 г. Азербайджан подвергся нападению Кара Юсуфа, который во время большого сражения на берегу Куры в месяце ша'абане 815 г. х. (6.XI—5.XII 1412 г.) взял в плен Ибрахима с его 7 сыновьями и нанес сильное поражение ширванцам и их союзникам грузинам. Кара Юсуф разрушил большинство селений Ширвана и жестоко ограбил многие округа.

Вскоре Ибрахим был освобожден Кара Юсуфом, получившим за него большой выкуп от тебризских купцов. В 1413 г. ширваншах вернулся в Ширван, признав себя вассалом Кара Юсуфа. В это время Баку как и другие города Ширвана подпадают под власть государства Кара-Коюнлу. Однако вассалитет этот носил формальный характер, так как ширваншах Ибрахим по-прежнему был полновластным правителем Ширвана от Шеки до Дербенда, где он царствовал на протяжении тридцати пяти лет. После возвращения в Ширван Шейх Ибрахим, будучи в преклонном возрасте, правил еще три года и умер в 820 г. х./1417 г. Шейх Ибрахим поддерживал союзнические и дружеские отношения с соседними странами, с Грузией и Дагестаном. При Шейх Ибрахиме Дербенд с его округой и часть Муганской степи входили в состав владений Ширваншаха⁶⁵. Видный государственный деятель, храбрый военачальник и хороший дипломат, он сумел превратить Ширван в сильное и независимое государство.

С начала XV в. и до начала XVI в. страна освободилась от иноземного ига и с этого времени Ширван в течение почти 100 лет оставался независимым государством, правители которого при Тимуридах начинают титуловать себя султанами. Сын и преемник Ибрахима — Халилуллах I (820—869 г. х. / 1417—1465 г. х.) продолжал править как независимый государь. Халилуллах, как и его отец, в своей внешней политике придерживался ориентации на Тимуридов, которые вели ожесточенную борьбу с государями Кара-Коюнлу. После занятия престола Ширваншахов молодой Халилуллах отказался признавать свою зависимость от падишахов Кара-Коюнлу. Неожиданная смерть 65-летнего Кара Юсуфа во время войны с Шахрухом (1405—1447 г. х.) сыном Тимура в ноябре 1420 г. изменила политическое положение в Азербайджане. В 1420 г. Шахрух, владевший Средней Азией и почти всем Ираном, после занятия Тебриза, перешел через реку Аракс и остановился на зимовку в Карабахе, где к нему явился ряд крупных феодалов, в том числе и ширваншах Халилуллах со своим братом Минучихром, с богатыми подарками, чтобы выразить свою преданность и заручиться проявлениями милости. Давнишний союз связывал Шахруха с ширваншахами — Шейх Ибрахимом и его сыном Халилуллахом. Сохранение независимости Ширвана отвечало интересам Шахруха, стремившегося иметь верного союзника в его борьбе с сыном Кара Юсуфа — Искендером. Встречи Халилуллаха с Шахрухом еще более их сблизили и, когда ширваншах прибыл в ставку к султану в Карабах, последний пожелал с ним породниться и обручил его с вдовой Кара Юсуфа — дочерью Мирза Абу Бакра, сына Миран-шаха и внука Тимура. Во время битвы, в которой погиб ее дед Миран-шах, она попала в руки Кара Юсуфа, который вскоре женился на ней. Из Ширвана прибыла мать ширваншаха с ценными подарками, и свадьба была отпразднована в среду 29 раби I 824 г. х. / 3 апреля 1421 г.⁶⁶ в Каракёпек^{*}. Халилуллах упрочил свое положение, имея поддержку в лице Шахруха, своего высокого и могущественного родственника. В битвах между войсками Искендера и Шахруха принимал участие и Ширваншах с ширванским ополчением. Несмотря на поражение в войнах с Шахрухом Искендеру удавалось восстановить свое положение и собрать войска и он несколько раз нападал на Ширван, опустошив Шемаху и всю область.

В 839 г. х./1435—36 г. Шахрух вошел в Тебриз, после победы над Искендером.

Ал-Мазандарани сообщает, что 1 сафара 841 г. х. (4.VIII 1437 г.) Халилуллах послал в подарок Шахруху, в связи с его победой, в государственную казну Тебриза, очень ценных коней ширванской породы — шрга. Ширваншах Халилуллах развил большую строительную деятельность в городах Ширвана и особенно в Баку, который становится в это время столицей Ширвана. Экономическое и политическое значение Баку сильно возрастает в связи с развитием морской торговли. После разрушения землетрясением Шемахи в 1191 г. ширваншах Ахситан сделал своей резиденцией город Баку, который стал второй столицей Ширвана. По-видимому, ширваншахи проживали с конца XII в. в Баку и заботились об обороне города, о чем свидетельствует создание в конце XII—XV вв. ряда оборонительных сооружений — башен, замков, крепостных стен и жилых домов, как в городе, так и на Апшероне. Можно считать, что перенесение столицы Ширвана из Шемахи в Баку произошло в 1191 г. При Халилуллахе, который занялся благоустройством своей страны и столицы города Баку, началось большое строительство ансамбля дворца Ширваншахов, караван-сарая и мостов. Страна процветала. Халилуллах правил Ширваном около пятидесяти лет. Умер он в месяце зу-л-хиджа 869 г. (25.VII — 23.VIII 1465 г.)⁶⁷. Наиболее ранние монеты, чеканенные его сыном и преемником Фаррух Йасаром датируются 869 г./1465 г. Мирный период независимого существования государства Ширваншахов закончился катастрофой при преемнике Халилуллаха Фаррух Йасаре, когда шейх Джунейд и его сын шейх Хейдар из рода Сефевидов, выступив как завоеватели, напали на Ширван. В 1460 г. при Халилуллахе I, во время сражения погиб шейх Джунейд⁶⁸, а в 1488 г. во время битвы с Фаррух Йасаром был убит шейх Хейдар⁶⁹. Основатель Сефевидского государства Исмаил Сефевид в 1499 г. предпринял поход против Ширваншаха. В 1500 г. он захватил Шемаху и разгромил в битве при Джабани близ сильно укрепленной крепости Гюлистан войска Фаррух Йасара, который погиб в этом сражении⁷⁰. По сообщению источников он был взят в плен, а затем убит со связанными руками. Исмаил умертвил всех ширванцев, которых он взял в плен, чтобы отомстить за своего отца и деда⁷¹. Цветущие города и крепости Ширвана были завоеваны Исмаилом. После героической обороны города бакинцами весной 906 г. х. (1501 г.) Исмаил захватил и Баку.

Подробнее о взятии Баку Исмаилом Сефевидом сообщают историки XVI в. Хондемир и Хасан Румлу⁷².

* Каракёпек находится в нынешнем Физулинском районе.

По приказу Исмаила полководцы Мухаммад-бек Устаджлу и Ильяс-бек Айгут оглы во главе войск были посланы для взятия крепости Баку.

Город Баку в это время считался неприступной крепостью. Он был окружен тремя линиями мощных стен, которые с одной стороны ограждались морем, а со стороны суши были защищены широким и глубоким рвом. Кызылбашские войска, подойдя к городу, были поражены его величественными крепостными стенами, возвышавшимися подобно сказочному валу Александра Македонского⁷³. Овладеть этой крепостью было очень важно для Исмаила, так как Баку в это время был одним из крупных городов Ширвана и лучшим портом для транзитной торговли на Каспийском море.

Осажденные бакинцы, преданные издавна династии Ширваншахов, мужественно боролись, полагаясь на неприступность своих укреплений и на большие запасы оружия и продовольствия в городе.

Баку, Махмудабад и Сальян в это время составляли удел сына Фаррух Йасара, Гази-бека, который продолжал сопротивление в горных крепостях Ширвана⁷⁴. Обороной города, из-за отсутствия Гази-бека, руководила его жена, мужественная женщина, имени которой историки не называют. Она приказала казнить посланца Исмаила, явившегося к ней с предложением и уговорами сдаться. Та же участь постигла и Абд ал-Фаттах-бека, бакинского даругу, когда он, посланный Исмаилом, с угрозами требовал от нее сдачи города⁷⁵.

Упорное сопротивление бакинцев вынудило Исмаила Сефеви послать новые подкрепления под начальством полковнца Хулафа-бека, а к концу осады он прибыл сам.

Видя нежелание осажденных сдаться, Исмаил приказал сделать подкоп и взорвать большой камень в одной из башен стены. Жители города, заделав войлоком пролом в стене, продолжали сопротивляться и продержались еще три дня, но затем после сильного штурма крепость все же была взята сефевидскими войсками, которые истребили много жителей. Видя, что дальнейшее сопротивление бесполезно, 70 человек знатных бакинцев с Кораном в руках, с мечами на шее и саванами на спине явились к Исмаилу и объявили о своей покорности ему⁷⁶.

Здесь рассказ Хасана Румлу несколько отличается от текста Хондемира, который говорит, что сам Исмаил подошел к Баку и приказал заполнить ров камнями. Когда же рвы города были засыпаны и достигли уровня стен, жители города стали просить у Исмаила пощады. Получив обещание о помиловании, они отворили ворота и с саванами на плечах и саблями в руках вышли к нему для объявления покорности и подчинения⁷⁷.

По рассказу Хасана Румлу, Исмаил пощадил их и бакинцы уплатили ему как «цену крови» большую для того времени сумму в 1000 туманов⁷⁸.

Исмаил велел своему военачальнику Хулафа-беку немедленно занять крепость, чтобы захватить сокровища ширваншахов и отправить их в свой лагерь. Хулафа-бек взял с собой знатных жителей Баку и, захватив много золота под куполом гробницы Халилуллаха и все богатство Ширваншахов, казну и драгоценности, отправил их вместе с дорогими подарками от жителей Исмаилу⁷⁹.

По сведениям Хасана Румлу и Хондемира, Исмаил приказал вырыть могилы тех, кто участвовал в убийстве шейха Джунейда, а кости их бросить в огонь и сжечь⁸⁰. По-видимому, эти сведения относятся к самому Халилуллаху, так как местонахождение его могилы неизвестно. Раскопки, произведенные в усыпальнице Ширваншахов на территории дворца в крепости Баку, обнаружили в неприкосновенности гробницы членов семьи Халилуллаха. Вероятно, были разрушены надгробия с надписями, так как они не сохранились.

После взятия Баку Исмаил отправился в Гюлистан, но вскоре снял осаду крепости. В 1501 г. сефевидские войска оставили Ширван⁸¹.

Хотя этот поход шаха Исмаила I на Ширван и нанес сильный удар государству Ширваншахов, однако оно продолжало существовать еще до 1538 г. Ширванское государство было сильно ослаблено как войной, так и внутренней междоусобной борьбой и рядом восстаний и уже не играло прежней роли⁸².

После гибели Фаррух Йасара его престол унаследовал его сын Бахрам-бек, который правил около года и умер своей смертью в 1501 г. Бахрам-бека сменил его брат Султан Мухаммад Гази, который правил только в течение шести месяцев 907 г. х. (1501 г. н. э.)⁸³, судя по нумизматическим данным и письменным источникам, где он упоминается под именем Гази-бека. Он был убит восставшим против него сыном Султан Махмудом (907—908 г. х./1501—1502 гг.). Правление деспотичного Султан Махмуда продолжалось недолго; вскоре он был изгнан своим дядей, сыном Фаррух Йасара шейхом Ибрахимом II (Шейхшахом) (908—930 г. х./1502—1524 гг.), вернувшимся

из Гиляна, куда он бежал, преследуемый Исмаилом Сефеви⁸⁴.

Имена последних ширваншахов из династии Дербенди: Шейхшаха, Халилуллаха II и Шахруха (942—945 г. х./1535—1538 гг.), оставленных сефевидами у власти, зафиксированы на серебряных монетах, чеканенных в Шемахе⁸⁵.

В 915 г. х. (1509 г. н. э.) шах Исмаил снова предпринял поход на Ширван, так как шейх Ибрахим II (Шейхшах), оставленный у власти, считая свое положение упроченным, перестал присылать ему положенную дань. Шейх Ибрахим укрылся в крепости Бигурд и приготовился к осаде. Баку сдался Исмаилу без сопротивления. Комендант крепости (кутвал) изъявил ему покорность, вручив ключи от крепости и доставил в ставку шаха дорогие подарки⁸⁶. Шах отправился из Баку в Шабаран, Дербенд и вскоре занял другие города Ширвана, передав управление крепостью Баку кызылбашскому эмиру Лала-беку Шамлу⁸⁷.

После этих событий Ибрахим II Шейхшах и ширваншах Халилуллах II (930—942 г. х./1524—1535 гг.) стали покорными вассалами Сефевидов.

Сын шаха Исмаила шах Тахмасиб I, давно вынашивавший план захвата Ширвана, после обращения к нему прибывших в Тебриз группы военных ширванцев с Курчибаши Падаром, под предлогом подавления восстаний и антифеодальных выступлений в Ширване⁸⁸, в 945 г. х. (1538 г.) отправил своего брата Алкас-мирзу с двадцатитысячным войском на завоевание страны. Последний ширваншах Шахрур с векилем Хусейном-беком Леле и ширванской знатью укрылись в расположенной на высокой горе крепости Бигурд. Шахрур и его эмиры, осажденные Алкас-мирзой, в течение четырех месяцев (по словам Джаннаби и Мюнеджжим-баши — семи, а Хуршаха — девяти месяцев), несмотря на лишения и тяжелое положение, храбро защищались в крепости. Однако, после того, как башни крепости были разрушены пушками, защитники крепости прекратили сопротивление.

По сообщению Джаннаби, шах Тахмасиб, прибыв к крепости Бигурд, отправил к Шахруху людей с обещанием даровать ему аман (пощаду), значительные икта и всякие подношения. Но все это оказалось ложным. После того, как Шахрух и его эмиры сдались, он заключил Шахруха в тюрьму и истребил около шестисот ширванцев, осажденных в крепости Бигурд⁸⁹. После завоевания Ширвана Тахмасиб объявил династию Ширваншахов низложенной и присоединил Ширван к Сефевидскому государству⁹⁰. Шах Тахмасиб отдал страну Ширван на правах икта своему брату Алкас-мирзе и возвратился в Тебриз, взяв с собой последнего ширваншаха пятнадцатилетнего Шахруха ибн Фаррух Йасара, которого он держал в цепях как раба в заключении и в 946 г. х./1539 г. тайно его казнил «и жизнь его погасла по приказу шаха»⁹¹.

Попытки последующих представителей династии Ширваншахов Бурхан Али Султана (955—958 г. х./1548—1551 гг.), Абубекра Мирза (986 г. х./1579 г.) и других восстановить утерянную власть в Ширване успеха не имели⁹².

2. Экономическая жизнь города Баку

а) Добыча нефти и соли

История Баку очень мало освещена в источниках VIII—X вв. Более подробно о социально-экономической жизни города сообщают в своих сочинениях арабоязычные и персоязычные географы и историки XI—XV вв.

Ал-Бируни в первой четверти XI в. очень кратко говорит о Баку: «Баку — промысел белой нефти»¹.

В Анонимном сочинении, написанном в 520 г. х. (1126 г. н. э.) говорится: «...остров Баку из которого добывается нефть белая и черная и земля его всегда в движении и из нее пышет огонь...»².

Арабский путешественник Абу Хамид ал-Андалуси ал-Гарнати, объехавший юго-западное побережье Каспийского моря в 1131 г., так описывает нефтеносные земли Апшерона и острова на Каспийском море близ Баку: «И есть там остров, черный как уголь, из него вытекает горькая, вонючая вода; и вместе с этой водой выходят четырехугольные камни, похожие на превосходную желтую медь. Люди берут их на гири для весов. А напротив этого острова у моря есть земля черная как уголь, на ней растет трава и обитают разные животные. И выходит из этой черной земли битум и нефть, черная и белая, а находится эта земля недалеко от Баку в области Ширвана. А ночью на этой земле и на этом острове появляется синий огонь вроде серного пламени, который горит, но не сжигает травы, и нет у него жару. Когда же падает на него дождь, то он увели-

чивается, разгорается и поднимается ввысь, так, что люди видят его издалека. А днем от него нет и следа»³.

Здесь речь идет об острове Пир-аллахи, на котором были выходы горящего газа. Лежащая напротив земля — это Сурахана с его «вечными огнями», где добывалась белая нефть, и близлежащие нефтеносные земли»^{*}.

Добыча нефти в первой четверти XIII в., еще до монгольского завоевания, была, по-видимому, значительной: на это указывают сведения персоязычного географа Мухаммада ибн Наджиб Бакрана. Он описывает различные сорта нефти, среди которых отмечает белую нефть, которую вытаскивают из нефтяных колодцев в Баку и Мукане, зеленую нефть, добываемую близ Дербенда и черную на границе Балхана. Дальше он говорит о перегонке черной нефти в белую и называет ее дистилляцией (тактир)⁴.

Это любопытное сообщение говорит о большой разработке и способе очистки и использования нефти в те времена.

Помимо сведений о нефти, в этом сочинении имеется описание огней возле Баку, кстати, напоминающее описание огней, данное ал-Гарнати полувеком раньше^{**}.

В Анонимном географическом сочинении на персидском языке, написанном в 20-х годах XIII в., о Баку говорится: «...это город в области Ширвана на берегу моря. Всю ночь земля его горит, как огонь; ставят на нее котел и вода на земле его закипает. Его товары: нефть черная, белая, зеленая и соль»⁶.

Сведения о бакинской нефти находятся также в сообщениях арабских географов Йакута Хамави (писавшего около 1227 г.) и Закария Казвини (сочинение его датируется 1275 г.). Йакут Хамави пишет: «Бакуйя — город в округе Дербенда области Ширван. В нем есть «нефтяной источник, ежедневная арендная плата которого достигает одной тысячи дирхемов, а возле него — другой источник, изливающий непрерывно, днем и ночью белую, как ртутное масло, нефть. За этот источник вносят такую же арендную плату, как и за первый»⁷. Эти сведения о нефтяных источниках повторяет Закария Казвини⁸. Исследование сочинений этих авторов выявило, что сведения о бакинской нефти у них являются анахронизмом и относятся к первой половине X в. Как Йакут Хамави⁹, так и Закария Казвини заимствовали свои сведения у Абу-Дулафа (X в.).

Дальше Йакут описывает огни на Апшероне: «Один из купцов, которому я доверяю, рассказал мне, что видел там землю, которая горела все время»¹⁰.

Закария Казвини сообщает со слов Абу Хамида ал-Андалуси о горящей земле, описание способа приготовления дичи, и что близ Бакуйя находится черная гора (Карадаг? - С.А.), на поверхности которой видна глубокая щель, откуда течет вода, вместе с этой водой выходят наружу кусочки меди в форме данга (монеты. — С. А.), которые люди вывозят в чужие страны как чудо¹¹. Возможно, что Абу Хамид ал-Андалуси как и Закария Казвини не точно локализовали местоположение черной горы, откуда вытекает горькая, вонючая вода, так как известно, что недалеко от Баку, в районе Биби-Эйбата, в селе Шихово, еще в средневековье был обнаружен источник целебной сероводородной лечебной воды. Этот район расположен недалеко

^{*} Сообщение Гарнати о диких животных на Апшероне подтверждается сведениями поэта XII в. Хагани Ширвани, который в касиде, написанной в честь ширваншаха Минучихра, говорит об охоте Минучихра на львов в этих местах и о «вечных огнях», которые, вероятно, уже в то время являлись святилищем огнепоклонников («Атешгах») индусов, построивших здесь впоследствии кельи, алтарь-храм и каравансарай. Дальше Абу-Хамид сообщает об охоте на джейранов на Апшероне и в связи с горящими газами описывает способ приготовления дичи. «В этой местности охотятся на газелей. Мясо убитого животного разрезают, и кладут в его шкуру, и завязывают шкуру, вставив в нее проткнутую тростинку, и закапывают шкуру с мясом в эту черную землю. Оно варится, и из этой трубки выходит пена, как выходит из котла. Когда пена прекращается — мясо готово. И вынимают эту шкуру нетронутой, в то время как мясо, сварившееся, горячее, лежит, как было в шкуре. При этом в этой земле нет тепла. Это — одно из чудес света! Этот огонь подобен огню желудка».

Этот способ приготовления дичи относится к той глубокой древности, когда основным занятием первобытного человека была охота, и говорит о традиции изготовления пищи, доходящей до наших дней. В ряде районов Азербайджана, в Курдистане, Нагорном Карабахе и т. п. по сей день применяется описанный способ приготовления мяса.

^{**} Здесь говорится, что в пределах Ширвана и Баку на поверхности земли есть два таких места, где постоянно горит огонь; одно большое, другое поменьше. Большое имеет тысячу локтей арабских, т. е. больше 500 м (арабский локоть немного больше полуметра) в длину и ширину, а другое — только сто локтей. Эти места постоянно горят, днем виден дым, а ночью огонь. Они находятся недалеко друг от друга, расстояние между ними в 200 локтей (немного больше ста метров). Далее говорится, что в промежутке между ними растет трава, кормится скот, что этот огонь летом достигает высоты человеческого роста, а в зимнее время только высоты копыта и что огонь никогда не перестает гореть⁵. Судя по описанию, в них можно распознать сураханские «вечные огни».

от Карадага. Таким образом, сообщения арабских авторов о наличии лечебных источников близ Баку подтверждаются.

Хамдуллах Казвини в своем труде (Нузхат ал-кулуб) в 740 г. х./1339—1340 гг. пишет очень кратко о Баку: «Бакуйе относится к пятому климату. Климат близок к жаркому. Урожай бывает больше на пшеницу»¹². Затем Хамдуллах Казвини описывает кустарный способ добычи бакинской нефти: «Величайшее месторождение ее в Бакуйе. И есть там местность, где копают колодцы, дабы (нефть) выходила наружу. Нефть находится на поверхности воды, и ее извлекают из тех источников»¹³.

Из восточных авторов этого периода, упоминавших в своих сочинениях Баку, можно отметить также арабского географа XIV в. Абу-л-фида, который повторил сведения Истахри (X в.) о бакинской нефти¹⁴.

С XIII в. здесь стали появляться западноевропейские путешественники, которые так же как и восточные авторы отмечали большую добычу нефти в этих местах. Знаменитый венецианец Марко Поло сообщает о бакинских нефтяных источниках следующее: «На грузинской границе есть источник масла (нефти) и много его — до сотни судов * можно зараз нагрузить тем маслом. Есть его нельзя, а можно жечь или мазать им верблюдов, у которых чесотка и короста. Издалека приходят за тем маслом, и во всей стране его только и жгут»¹⁶.

Из этого отрывка можно заключить, что нефть употреблялась не только во многих отраслях хозяйственной жизни, но и как лечебное средство. Лечебные свойства нефти были отмечены с давних времен. Бакинской нефтью вылечивали целый ряд болезней. Целебные свойства апшеронской нефти были известны далеко за пределами Азербайджана и сюда приезжали из различных и дальних стран для лечения.

С древних времен нефтью пользовались и как осветительным средством. Употребление нефти в светильниках, называемых «чирах», подтверждается многочисленными находками последних как на территории Баку и Апшерона, так и всего Азербайджана, например, находки глиняных чирахов при археологических раскопках на территории дворца Ширваншахов¹⁷ в Байлакане (Оренкала)¹⁸, Нахчеване, Барде, старой Гяндже, Кабале и других городах. Нефть применялась монголами и в военной технике, о чем упоминает Рашид ад-Дин, Мирхонд и другие авторы¹⁹.

Французский монах-миссионер Журден-Каталани де Северак **, проезжавший примерно в 1320 г. через Азербайджан и Иран, в своих записках дает краткие заметки о городах Азербайджана, упоминая также Баку. «И в одном месте, называемом Баку, вырыты колодцы, откуда добывают и извлекают масло, называемое «нафт». Это масло очень горячее и целительное и поистине оно хорошо горит»²⁰.

Целебные свойства бакинской нефти отмечают также венецианским путешественником второй половины XV в. (около 1471 г.) Иосафато Барбаро ***: «В этой части моря есть другой город, называемый Бака, откуда море называлось Бакинским, вблизи которого есть гора, изливающая черное масло, очень вонючее, употребляемое ночью в светильниках и для втирания верблюдам два раза в год, потому что, если им не втирать его, то они болеют паршой»²¹.

Другой венецианский путешественник и посол (1473 г.) Амброзио Контарини в своих записках говорит о другом осветительном и лечебном средстве, употребляемом на Апшероне. Он говорит о тюленях, из которых «добывают жир, употребляемый вместо масла для освещения и для втирания верблюдам. Этот жир развозят в большом количестве по всем окрестным землям»²².

Помимо венецианцев, дающих сведения о Баку, мы имеем свидетельство уроженца Баку, азербайджанского географа конца XIV—начала XV вв. Абд ар-Рашида Бакуви, который в своем сочинении²³ дает интересное описание города, рассказывает о хозяйственной жизни города и о добыче нефти и соли на Апшероне. «Здесь известны залежи смолы («кар»—кир) и источники нефти, которой добывают ежедневно более чем двести верблюжьих вьюков. Рядом с ними — другой источник, изливающий беспрерывно, днем и ночью, белую, как жасминовое масло, нефть; его арендная плата достигает приблизительно тысячи дирхемов. Близ источников там есть твердая земля желтого цвета, которая горит наподобие свечей. От нее отламывают куски и везут в город для отопления его домов и бань»²⁴.

* У Рамузио вместо судов стоит: «верблюдов». В тексте Рамузио целебные свойства петролея (нефти) определяются несколько шире: как наружное средство его употребляли и люди от многих болезней. Барбаро (Рамузио II, 109) упоминает о нем как о наружном лечебном средстве для верблюдов¹⁵.

** Журден Каталани де Северак — ездил на Восток в первой половине XIV в. с целью изучения путей для возможного распространения католичества среди монголов.

*** Иосафато Барбаро ездил с дипломатическими целями в Иран для переговоров с Узун Хасаном.

Указанная цифра в одну тысячу дирхемов составляла откупную сумму, получаемую с одного нефтяного источника, но таких источников (колодцев) было много.

Как указывает Бакуви, ежедневная добыча нефти составляла свыше двухсот верблюжьих выюков. Если считать верблюжий выюк равным 100 манам, т. е. 300 кг, то это составит 60.000 кг, или 3750 пудов ежедневно, что свидетельствует об огромной сумме доходов, получаемых государством и феодалами, владельцами нефтяных колодцев. Сгущенная белая нефть, отвердевшая в виде камня желтого цвета, которая горит как свеча²⁵, перевозилась в город и употреблялась жителями как топливо.

На расстоянии одного фарсаха от города жители села, где горел неугасимый огонь (в Сурахана), изготовляли на этом огне известь и доставляли ее в город, очевидно, для нужд строительства. Бакуви говорит и об отличной соли, добываемой на Апшероне и вывозимой в другие страны²⁶. Близ Баку на одном из островов охотились на тюленей. Их шкуры служили емкостями (бурдюками) для перевозки нефти на кораблях в другие страны. Растопленный тюлений жир использовался как масло в светильниках²⁷. Сообщение же Бакуви об огромном огне, выходящем из моря и видимом на далеком расстоянии, заимствовано, по-видимому, у Мас'уди.

б) Ремесло и торговля

Города Азербайджана эпохи феодализма являлись центрами ремесленного производства и торговли. Одним из таких городов был и Баку. Несмотря на то, что источники весьма скупо освещают вопрос ремесленного производства в городе Баку, археологические и другие данные позволяют утверждать, что здесь в XI—XVI вв. и позже были развиты все отрасли ремесленного производства, характерные для всех городов средневековья. Сохранившиеся в старой крепости архитектурные памятники XI—XV вв. говорят об искусных каменщиках, каменотесах, плотниках. Были такие мастера, которые с большим искусством вырезали на камне растительные и геометрические орнаменты, а также надписи арабским шрифтом на минаретах, михрабах, на стенах мечетей и надгробиях.

Во время раскопок на территории города были найдены ручные жернова, состоящие из верхнего и нижнего камня, каменный водопровод и другие предметы быта²⁸.

Недалеко от старой крепостной стены, по ул. Гуси Гаджиева, во время строительных работ на большой глубине были обнаружены следы отвалов шлака меди, свидетельствующие о наличии кустарного производства меди и медных изделий и следы углублений на камне, вероятно, для мойки металла²⁹. На ряде участков раскопа в Ичери-шехер были обнаружены комки железного шлака, кузнечный молот, кувалда и ряд железных предметов, обломки лезвий и стержней ножей, подковки обуви и животных, гвозди, кольца, пряжки и другие металлические предметы. Здесь жили кузнецы по железу и меди, выделывающие оружие, подковы, посуду и хозяйственные орудия, о чем говорят более поздние источники XVII в. Находка каменного инструмента для плавки драгоценного металла близ западной крепостной стены и ряд находок ювелирных изделий на территории крепости свидетельствуют о ювелирных работах, производившихся в Баку. Так, при археологических раскопках внутри крепостного сооружения (XIII в.) в бухте, было обнаружено серебряное блюдо³⁰.

На площади древнего мусульманского кладбища, во время земляных работ были найдены: золотая булавка филигранной работы, серебряный браслет, три серебряных кольца, серебряная привесочка, две золотые проволочные сережки с двумя мелкими жемчужинами на каждой; четыре золотые дутые бусины, золотая серьга с золотой подвеской, две пары серебряных серег с висящими бусами и другие предметы. Эти вещи датируются, как и найденные там монеты, началом XV в. (тимуридские и ширваншахские)³¹.

К этому же времени относится массивный золотой браслет, обнаруженный вместе с кладом серебряных монет, битых ширваншахами (самая ранняя 833 г. х. — 1429/30 и самая поздняя 844 г. — 1440/41 г.) близ бывшего Александро-Невского собора³².

Во дворце Ширваншахов в одной из гробниц, открытых в усыпальнице Ширваншахов, была обнаружена золотая булавка в виде шестиконечной звезды, на лицевой стороне которой имеется 7 гнезд, 5 из них с красными камешками, возможно, рубинами, одно пустое, и в центре бирюзовый камешек. Брошка датируется серединой XV в.³³. Подобные украшения встречаются и в настоящее время в Баку и Азербайджане и говорят о преемственности материальной культуры и устойчивых традициях народных мастеров, передававших свое искусство из поколения в поколение.

Дальнейшее развитие получило ремесло, в частности такие его отрасли как кузнечное и гончарное дело, ткачество, чеканка монет и т. д. На этой основе происходит важный процесс — специализация производства по отдельным отраслям ремесла.

Во время строительных работ у западной крепостной стены было найдено большое количество чирахов (светильников) из красной глины, покрытой желтой и коричневой глазурью. За крепостной стеной помещались мастерские ремесленников, изготавливавших чирахи. Что касается простой желтой и сероглиняной посуды, найденной в большом количестве на территории Баку, то она изготавливалась в Баку и на Апшероне, так как там имелись глины, пригодные для керамического производства.

Находки стекловидного шлака на вершине бакинского холма, анализ и исследования керамики, обнаруженной на территории Баку, дают возможность утверждать, что в X—XIII вв. и позже в Баку и на Апшероне производились также сосуды, покрытые прозрачно-зеленой и цветной глазурью с росписью, а позже в XIV—XV вв. — глазурованные керамические изделия со светло-желтым ангобом или светло-желтой росписью по красному черепку³⁴. На территории Баку, как мы уже указали выше, найдены остатки обжигательных печей для производства подобной керамики, а также многочисленные находки этой посуды на вершине бакинского холма, на месте старого кладбища, близ крепости и в колодцах Мардакянской 4-угольной башни.

В Баку было развито и ткацкое производство. Большое количество овец на Апшероне давало высококачественную шерсть, употреблявшуюся для выделки ковров. В Баку и на Апшероне, в селении Амираджан и Хиля, в кархане ткали прекрасные ковры, о которых упоминали путешественники начала XVII в. Как в крепости Баку, так и на Апшероне, красильщики изготавливали краски для окраски шерсти из инжировых листьев, лука, шафрана и других растений. Краски ковров были яркие и очень устойчивые. В Баку занимались также изготовлением хлопчатобумажных тканей³⁵, о которых сообщали более поздние источники. В Баку жили ремесленники — водопроводчики, мельники, лодочники, кроме того, здесь было развито и кожевенное производство, выделка из бараньей и козлиной кожи головных уборов, папах, одежды.

Нумизматические данные говорят о том, что уже в конце первой половины XIV в. в Баку чеканились монеты (серебряные дирхемы), датированные 744 г. х. (1343/44 гг.), с именем хулагуида Сулеймана и названием города «Бакуйа»³⁶. По улице Полухина, на месте старого мусульманского кладбища, близ крепости, был обнаружен клад серебряных монет, среди которых были монеты с чеканом «Бакуйа» 750 г. х. (1349/50 г.) и именем хулагуида Ануширвана³⁷. В различных районах Азербайджана были найдены клады монет, среди которых встречались монеты Сулеймана и Ануширвана, битые в Баку³⁸. Это говорит о существовании монетного двора в Баку, который в это время являлся одним из крупных городов Ширвана. Серебряная монета чеканилась в Баку до конца XIV в. и в XV в.³⁹

Археологические и нумизматические находки, относящиеся к XI—XV вв., большое количество монетных кладов, обнаруженных на территории Баку и в других районах с чеканом в Баку, целый ряд сохранившихся архитектурных памятников, остатки керамики — все это свидетельствует об интенсивности городской жизни, развитии ремесла, торговых отношений, экономическом и культурном подъеме города Баку в это время.

Несмотря на то, что город Баку неоднократно подвергался нападениям иноземных захватчиков, разрушавших его территорию и уничтоживших производительные силы, тем не менее эти силы в короткое время восстанавливались и трудолюбивый народ продолжал созидать и развивать хозяйственную жизнь города, строить новые сооружения. А развитие товарного производства на рынок стимулировало торговлю, увеличивало богатство города.

Значение Баку, как удобной гавани в XI—XV вв. усиливается. Между странами, расположенными на побережье Каспийского моря, происходил торговый обмен. Предметами торговли были: нефть и соль, марена, шелк, которые вывозились в отдаленные страны как морским путем из Баку (на юге) и Бильгя (на севере), так и сушей.

В XII в. значение Баку как одного из богатых городов Ширвана, важного порта на Каспийском море и торгового центра отмечается в известной касиде Хагани (XII в.), восхваляющей ширваншаха Ахситана сына Минучихра⁴⁰.

Благодаря его благословию Баку сегодня

Подобен Бестаму в Хаваране (Хорасан).

Баку, вследствие своего существования, требует бадж*.

* Бадж являлся подорожной пошлиной и взимался при переправе с торговых судов.

У Хазар, Рея и Зирехгерана (Кубечи).

В 3 и 4-й строках касиды отмечается значение Баку как порта, связанного морской торговлей с Ираном, страной Хазар и Дагестаном. Известны находки Рейской керамики; и бронзовых изделий из Кубечи, обнаруженных на территории старого Баку в указанный период.

Древние пути мировой международной транзитной торговли стран Востока с Западом, пролежавшие через Азербайджан, проходили близ Апшеронского полуострова. В XI—XII вв. и позже мировая торговля, связывавшая Азербайджан с Индией и Китаем, осуществлялась по сухопутной южной магистрали через Среднюю Азию в Иран, южные области Азербайджана и по северной дороге, вдоль берега Каспийского моря мимо Дербендского прохода в страну хазар⁴¹ и дальше. Это был ближайший путь от Апшерона. Другая магистраль проходила по долине Аракса через Армению в Сирию и Месопотамию⁴².

Существовал также караванный путь из Китая и Индии; через Среднюю Азию к Каспийскому морю. Отсюда товары переправлялись по морю и по Куре и Риону, доставлялись к побережью Черного моря и отправлялись дальше в Византию⁴³. Апшерон и Баку соединялись с главными торговыми путями посредством местных караванных дорог, идущих от Баку вдоль берега моря и дальше к низовьям Куры; другая дорога шла от Баку на северо-запад, к средней части полуострова, затем почти прямо на запад, через Гобустан на Шемаху (так называемый Ширван-йолы) и, наконец, третий путь, ответвлявшийся от второго к северо-западу, по направлению к северной части полуострова и соединявшийся дальше с главной торговой магистралью, идущей к Дербенду⁴⁴. Эти древние пути не потеряли своего значения и в последующие века. О международных торговых связях Азербайджана говорят находки различных монетных кладов и монет как на территории Баку, так и в других городах, участвующих в обмене.

Археологические раскопки 1944, 1945 гг., произведенные на вершине Бакинского холма, на территории дворца Ширваншахов, обнаружили ряд монет, относящихся к XI—XII вв. На глубине 1 м была найдена золотая монета чекана византийского императора Алексея I Комнена (1089—1118 г.)⁴⁵.

В сел. Рамана был обнаружен обломок медной византийской монеты⁴⁶, датированной началом XIII в. Появление здесь этих монет, на наш взгляд, свидетельствует о торговых связях Баку с Византией через Армению и Грузию. Об этих торговых связях сообщал еще Истахри (X в.)⁴⁷. Торговый путь шел из Трапезунда и Малой Азии через равнины Аракса в Азербайджан и Иран⁴⁸.

На территории крепости и дворца Ширваншахов при археологических раскопках были обнаружены также медные монеты Ширваншахов конца XII—начала XIII вв., Ахситана I ибн Минучихра, бронзовая монета Гершаспа ибн Фаррухзада, медная монета сельджукида румского Кылыдж Арслана II (551—584 г. х. — 1156—1188 гг.), медная монета мелика дербендского Музаффара б. Мухаммада (XII в.), мелкая монета мелика Ахара, Махмуда ибн Бешкена, чеканенная в Ахаре 613 г. х. (1216—1217 гг.) и ряд других⁴⁹. Эти находки монет говорят о торговых связях Баку как с другими азербайджанскими городами, так и с дальними странами.

Раскопки, произведенные на территории дворца Ширваншахов, а также на участке по улице Асафа Зейналлы, в нижней приморской части Бакинского холма, выявили большое количество глазурованной керамики, характерной и типичной для XII — начала XIII вв. Если мы проследим развитие керамики по находкам на территории Баку и Апшерона, то увидим, что как в отношении искусства и живописи, так и техники керамического производства, керамика периода XI до начала XIII вв. достигла своего расцвета и вобрала в себя достижения предыдущих веков. К этому периоду относится производство в Баку высококачественных штампованных и художественных глазурованных сосудов с полихромной орнаментальной и изобразительной росписью ангобом и гравировкой. Широкое применение в XI—XIII вв. галиба — матрицы сделало возможным массовое производство штампованных сосудов для удовлетворения растущих спросов населения города Баку и вывоза этих изделий в другие районы страны.

Орнаментация бакинской штампованной керамики, как особой отрасли художественного гончарного ремесла в XI—XIII вв. отличается большим разнообразием. В орнаментации сосудов главным образом занимают геометрический и растительный мотивы. Особенность бакинской художественной керамики состоит в том, что на плечевой части некоторых желто-глиняных кувшинов, сфероконических сосудов и двуушных фляг штампованный орнамент оттиснут довольно глубоким рельефом. На поверхности бакинских сосудов иногда встречаются и астральные знаки. По мнению В. В. Бартольда, рисунок полумесяца является символом ислама⁵⁰,

имеются и изображения головы быка. На глазурованной керамике более всего показаны изображения животных и птиц, выполненных росписью цветным ангобом и гравировкой. Эта керамика дает представление об уровне развития гончарного ремесла и о художественных, и эстетических вкусах местного населения в XI—XIII вв.⁵¹. Группа красивых сосудов, красноглиняных ангобированных (ангобы белые), декорированных гравировкой и росписью цветными глазурями — прозрачно-зеленой, буро-фиолетовой, оранжевой, в небольшом количестве привозилась в Баку из таких центров керамического производства, как Кабала, Гянджа, Байлакан. В Баку привозилась также дорогая люстровая посуда из Ирана, вероятно, из таких центров керамических изделий, как Йезд, Рей и Кашан. На территории дворца Ширваншахов были обнаружены фрагменты люстрового сосуда и одна люстровая кяса с изображением на дне ее человека, одетого в пышный парчовый халат⁵².

Большое количество фрагментов глазурованной привозной посуды, обнаруженной раскопками на вершине Бакинского холма, на территории, которая в XII — начале XIII в. представляла собой городской квартал феодального города, дает нам основание утверждать, что в этот период между Баку и другими городами Азербайджана, а также Ираном происходил торговый обмен местными изделиями, связанный с развитием ремесла в городах, с развитием производительных сил общества.

Когда в XIII в. под властью монголов объединились все земли от России до Китая, образовался торговый путь из Европы через Россию и Золотую Орду в Китай. Ал-Умари в своем сочинении сообщает о торговом караванном пути от Баку и «Железных ворот» (т. е. Дербенда) через территорию Золотой Орды в Китай⁵³. Он передает, что караван находился в пути 5 месяцев. Сообщение ал-Умари подтверждается находками джучидских монет на территории Баку и других городов Азербайджана⁵⁴. Однако древняя южная магистраль, пролежавшая от Китая через Среднюю Азию, Иран и Азербайджан, не потеряла своего значения и товары из Китая продолжали поступать в Азербайджан этим путем.

Источники сообщают, что в XII—XV вв. азербайджанские города получали из Китая шелк и шелковые ткани — «золотом тканную китайскую парчу»⁵⁵, которые ценились почти на вес золота, и другие товары. Среди них важное место занимала дорогая фарфоровая посуда.

Археологические материалы из различных средневековых городов Азербайджана: Кабалы, Байлакана, Старой Гянджи, Баку и других обнаружили большое количество привозной керамики китайского происхождения, красивой посуды из фарфора. Одним из видов фарфоровых изделий Китая является селадонная посуда, изготовленная из фарфоровой массы и покрытая глазурью зеленоватого оттенка. На Востоке такая посуда, называемая «мартабани», очень ценилась, так как ей приписывалось свойство обнаруживать яд⁵⁶. Фрагменты селадонных блюд, датированных XIV—XV вв., были найдены в Баку на территории дворца Ширваншахов. Помимо находок селадона, там же было обнаружено во время археологических раскопок большое количество фрагментов китайской фарфоровой посуды. Любопытной находкой в одном из колодцев на территории дворца является фарфоровая тарелка, на которой изображен дракон с огромным, заполняющим почти все дно тарелки, извивающимся хвостом. Рисунок выполнен кобальтом. Датируется тарелка найденной там же монетой XV в.⁵⁷. Среди фарфоровых изделий, обнаруженных на территории дворца Ширваншахов, встречается также местная посуда, сделанная в подражание китайской.

На территории дворца Ширваншахов, в одном из помещений дворцовой бани на стене сохранились остатки облицовочных фаянсовых плиток с голубым китайским растительным орнаментом, которые, по-видимому, датируются XIV—XV вв.

Начиная с XIII в. на всем Востоке, в том числе и в Азербайджане, была распространена красивая фаянсовая посуда, растительные орнаменты которой выполнены под влиянием китайских рисунков. Посуда эта носит название «чини», т. е. китайская. Термин этот прочно вошел в ряд восточных языков, в частности в азербайджанский. Среди находок подобных изделий в Баку встречается посуда, датированная XIV—XV вв., которая была, по-видимому, привозной⁵⁸. Дорогая китайская посуда имела большой спрос в Азербайджане: ею пользовалась феодальная знать Баку. Находки китайской посуды из фарфора и селадона в средневековых городищах Азербайджана лишний раз свидетельствуют об импорте китайских товаров в Азербайджан, в том числе в Баку, и о торговых и культурных связях Азербайджана с далеким Китаем в период XIII—XV вв.⁵⁹.

Экономические и культурные связи Азербайджана с Индией прослеживаются не только в период средневековья, но и в более древние времена. До наших дней сохранился индусский храм

— «Атешгах» в Сурахана⁶⁰ на Апшероне и караван-сарай Мултаны в старой крепости Баку, относящийся к XV—XVI вв.

Индийские купцы, приезжавшие в Шемаху и Баку, наряду с пряностями привозили также дорогие кашмирские ткани — «тирме», ценившиеся на вес золота. Остатки этой ткани были обнаружены в гробнице усыпальницы XV в. во дворце Ширваншахов в Баку⁶¹. Там же были обнаружены остатки шелковой и парчовой ткани, привезенной, по-видимому, из Ирана. Напротив индийского караван-сарая находится другой караван-сарай — Бухарский, датируемый XIV в., который свидетельствует о торговых связях Баку с городами Средней Азии. Находки бронзовых чирахов Кубечинских изделий (светильников) XIV в. на территории дворца Ширваншахов говорят о торговых и экономических связях с Дагестаном⁶². Эти связи были отмечены в известной касиде поэта XII в. Хагани Ширвани.

В первой половине XIII в. после завоевания Азербайджана монголами, наблюдается упадок ремесел и торговли, вызванный разорением страны, налоговым гнетом и откупной системой, введенной монгольскими правителями. Для Баку этот период был периодом упадка добычи нефти и торговли. Если в конце XIII в. в связи с реформами Газан-хана (1295—1304) произошел некоторый подъем производительных сил страны, то после его смерти, при его преемнике Улджайту-хане, указы Газан-хана постепенно начали терять свою силу, что вновь вызвало упадок хозяйственной жизни Азербайджана⁶³. Свидетельством этого может служить надпись на стене минарета Джума-мечети в старой крепости, содержащая текст ярлыка султана Мухаммада Улджайту (годы правления 1304—1316) об отмене ряда налогов с райятов города Баку и его области⁶⁴. Ярлык, изданный Мухаммадом Улджайту, по-видимому, имел целью восстановить и поднять благосостояние города Баку и вилайета, имеющего важное торговое и экономическое значение. Уже во второй половине XIV в. источники отмечают развитие морской торговли, большой вывоз нефти и соли в Иран и в соседние страны Востока⁶⁵.

Наличие власти Ширваншахов, хотя и подчиненной монголам в начале XIV в. при упадке и разложении монгольской державы, сыграло гораздо большую роль для оживления жизни и строительства в Баку и на Апшероне, чем реформы Газан-хана и ярлык султана Мухаммада Улджайту, эффект которых был привходящим и весьма кратковременным. Такое положительное значение имело государство Ширваншахов также при владычестве туркменских султанов. Позже, в начале XV в., в связи с усилением власти Ширваншахов и независимым их правлением, почти в течение столетия производительные силы Ширвана и его отдельных городов, особенно Баку и Апшерона, сильно развились, стимулируя торговые отношения с рядом стран.

Значение Баку как важного порта отмечено в старинном каталонском атласе, составленном в 1375 г. Здесь Каспийское море называется Бакинским морем и морем Сарра. Рядом с городом Баку (Васу) на карте отмечен мыс Преала (Preala), в котором нетрудно распознать нынешний остров Пир-Аллахи. Дальше обозначено *Barmachu*, т. е. гора Бармак, и рядом *Хатау*, возможно Шемаха⁶⁶. Как видно, каталонцы, известные как хорошие мореплаватели, плавали и по Каспийскому морю с торговыми целями и им было хорошо известно все побережье Каспийского моря и город Баку.

В конце XIII и начале XIV вв. международная торговля Ирана и Азербайджана с Дальним Востоком и другими странами значительно расширяется. Большое развитие приобретает морская торговля по Каспийскому морю. Имеются сведения о том, что генуэзские и венецианские купцы, корабли которых плавали на Черном море, имели свой флот и на Каспийском море, на берегах которого они основали свои фактории. Венецианский путешественник Марко Поло, побывавший в Иране и южных областях Азербайджана около 1293 г., сообщает, что по Каспийскому морю только к этому времени недавно стали плавать генуэзцы, которые перевезли сюда свои суда и отсюда привозили шелк, называемый гелли⁶⁷ (гилянский. — С.А.).

Кастильский посол Рюи Гонзалес де Клавихо в своем «Дневнике путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1404 г.» дает сведения о торговле шелком в Шемахе: «...Это земля, где шелку выделяется очень много и туда за шелком приезжают купцы даже генуэзские и венецианские»⁶⁸.

Таким образом, с конца XIII в. Азербайджан и побережье Каспийского моря стали привлекать к себе взоры европейцев, которые с этого времени посещали эти места в поисках рынков приобретения шелка. Гилянский и шемахинский шелка становятся предметом международной торговли. В связи с этим увеличивается значение Баку как удобного порта на Каспийском море, выросшего благодаря транзитной торговле с Шемахой⁶⁹. По-видимому, генуэзцы с конца XIII в. бывали и в Баку.

До конца XIV в. шелк и шелковые ткани, ковры, пряности и другие товары из Азербайджана, стран Закавказья и Передней Азии вывозились через Баку и Дербенд в Астрахань, в Золотую Орду, Россию и Европу. Шелк из Гиляна и Ширвана уже с XIII в. вывозился в большом количестве в Италию и во Францию⁷⁰. По свидетельству путешественника Шильтбергера, из Ширвана (Шемахи) вывозился «самый лучший шелк» и из этого шелка-сырца изготовляли хорошие материи в Дамаске, Кашане, в Бурсе. Шелк вывозился также в Венецию и Лукку, где из него ткали «отличный бархат»⁷¹. По словам Контарини, в Шемахе изготовляли шелк, известный в Италии под названием таламанского (т. е. Дейлеманского. — С.А.), и из него выделывали разные шелковые ткани⁷². По-видимому, на Апшероне также изготовляли шелк-сырец, так как там и в настоящее время произрастают тутовые (шелковичные) деревья в значительном количестве. Ширванский шелк направлялся в Европу через Бакинский порт в Астрахань, затем по Волге и Дону, а оттуда венецианские купцы на своих галерах перевозили его по Азовскому морю в Европу. Однако после падения Астрахани, взятой и разрушенной Тимуром (1395 г.) в конце XIV в., торговый путь изменился, и товары из Азербайджана направлялись в Европу через Иран и Сирию⁷³.

Баку сохранял свое значение ведущего портового города и позже, во второй половине XV в. Дербенд как порт в это время потерял свое значение, что отмечается венецианскими путешественниками второй половины XV в. Барбаро и Анджолелло. По словам последнего, «...раньше в дербендскую гавань прибывали большие суда, поднимавшие до 800 бочек груза, теперь же приходят лишь суда, имеющие не больше 200 бочек»⁷⁴.

Во второй половине XV в. на обломках бывшей Византийской империи утвердилось Османское государство, которое стало препятствовать итало-восточной торговле. На международных торговых рынках усиливалась роль Московского государства. Европейские купцы искали новых путей торговли с Востоком, минуя Османскую империю. В связи с этим главный путь из Европы в Азербайджан и Иран перемещается на север и проходит через Россию. С этого времени ряд европейских путешественников приезжали в Азербайджан, пользуясь волжско-каспийским путем.

Основными транзитными пунктами торговли Ширвана были Дербенд и Баку, очень удобные как порты.

Значение Баку как порта видно из того, что, начиная с XV в., мы встречаем у различных средневековых авторов название «Бакинское море», которым они обозначали Каспийское. Так, например, кастильский посол Рюи Гонзалес де Клавихо в 1404 г. упоминает в своем Дневнике Бакинское море⁷⁵. Венецианцы в своих записках называли его Бакинским морем. Барбаро (1474 г.) — «mare di Bachu»⁷⁶, Контарини (1473 г.) — «mare di Bachau»⁷⁷, Анджолелло (1509 г.) — «mare di Vassus»⁷⁸ и т. д.

Главными предметами вывоза из Баку были нефть, шелк, соль, которые экспортировались в Северный Иран, Среднюю Азию и через Астрахань в Россию и Европу.

Венецианский путешественник конца XV века Анджолелло называет Баку (Вассис или Вассага) прекрасной гаванью на Каспийском море, служившей портом для Тебриза. По словам Анджолелло, Баку «раньше был первым местом этого моря», по имени которого оно называется Бакуским⁷⁹.

Другой венецианский путешественник конца XV в. Донато да Лезе, современник Анджолелло, также отмечал в своих записках большое торговое значение Баку. Он сообщал, что специи (пряности) из Индии идут в большой город Шемаху и из этого места в Баку, который расположен в 4-х днях пути у Каспийского моря. «Это город, где ведется большая торговля, по нему и море называется Бакинским. Здесь специи погружают на суда и везут в Астрахань, татарский город на реке Волге»⁸⁰.

На старинной географической карте Каспийского моря, обнаруженной в 1914 г. в маленьком городке Лезина в Италии и датируемой XV в., было обозначено «Barmachu», отождествляемый с «Besh Barmak» (горой Бешбармак недалеко от Баку). Рядом было название, где можно было разобрать «achu», вероятно, «Bachu». Большой план города на карте, без сомнения, указывал на положение одного из важнейших портов Каспия, или, как было обозначено на карте, «Mare de Bachu»⁸¹. Судя по языку названий на карте, считают, что карта была составлена далматинцами, которые в XV в. считались хорошо осведомленными мореплавателями, а поэтому можно сделать заключение, что и в XV в. на Каспийском море плавали итальянцы (вероятно, с торговыми целями). Они являлись главными посредниками в торговле с Европой и были хорошо знакомы с городами Азербайджана, в частности с Баку.

Помимо венецианцев, некоторые сведения о торговле Баку дает Бакуви. Он сообщает, что зерновых культур в Баку мало. Их доставляют сюда из Ширвана и Мугана⁸². Главными предметами ввоза были пшеница и другие зерновые культуры, которые привозились на рынки Баку из плодородных местностей Ширвана, так как на Апшероне эти культуры произрастали в незначительном количестве. Муган* же снабжал Баку, вероятно, рисом. Археологические раскопки на вершине Бакинского холма обнаружили в глуболежащих слоях большое количество остатков зерен чалтыка. В селении, по описанию которого нетрудно узнать Сурахана с его вечными огнями, выделялась известь для продажи в городе⁸³.

Апшеронские дачи, куда большинство жителей города ежегодно выезжали на лето, снабжали рынки города Баку инжиром, гранатами и виноградом, произрастающими в изобилии в садах Апшерона. Эти культуры очень древние, так как виноградные косточки встречаются во время раскопок в древних слоях. Бакуви упоминает также о разведении на Апшероне домашнего скота, особенно овец⁸⁴, мясо которых употреблялось населением города. По свидетельству Бакуви, на Апшероне водились и антилопы (джейраны)⁸⁵, мясо которых употреблялось в пищу местным населением.

Город был связан с селениями Апшерона и составлял с ними единую округу в экономическом отношении, так же как и другие крупные феодальные города Азербайджана. Баку, принимавший деятельное участие в международной торговле, был одновременно средоточием торгового и ремесленного населения.

Феодалы города и духовенство были тесно связаны с караванной торговлей, принимая в ней большое участие. Они владели караван-сараями, базарными рядами, базарами и целыми кварталами и взимали определенные сборы с торговавших там купцов и ремесленников⁸⁶.

Помимо итальянских купцов-путешественников XV в., здесь появляются и русские купцы. В связи с экономическим и политическим ростом Московского государства во второй половине XV в. и заинтересованности купеческого класса в новых рынках приобретения и сбыта товаров, устанавливаются торговые и дипломатические сношения Москвы с восточными странами, особенно с Азербайджаном, богатым шелком-сырцом, шелковыми тканями и коврами⁸⁷. Из Ширвана в это время, как и раньше, вывозились на международные рынки шелк-сырец, шелковые, шерстяные, хлопчатобумажные ткани, нефть, соль, шафран, рис, медная посуда и другие товары.

В 1446 г. ширваншах Халилуллах I отправил в Москву к Ивану III посольство (с подарками) во главе с Хасан-беком для установления дружественных и торговых отношений Московского государства с Ширваном. В ответ на это в Шемаху прибыл от Ивана III посол Василий Папин с богатыми подарками⁸⁸.

Вслед за Папиным в 1466 г. тверской купец Афанасий Никитин вместе со своими товарищами — тверскими купцами, построив два судна и нагрузив их товарами, отправился по Волге в Шемаху. По пути из Астрахани в Дербенд они подверглись нападению морских разбойников, были ограблены и взяты в плен дагестанским (кайтагским) владетелем⁸⁹, но вскоре были освобождены благодаря вмешательству ширваншаха Фаррух Йасара по ходатайству русского посла Папина. Пленные русские вместе с другими московскими купцами были отправлены из Дербенда в Койтул (ставка. — С. А.) к Ширваншаху, который их принял ласково, но на просьбу помочь вернуться домой ответил отказом, сославшись на то, что их много. «...А мы поехали к ширванше во Койтул и били есмя ему челом, чтобы нас пожаловал чем дойти до Руси; и он нам не дал ничего, ано нас много, и мы заплакав да разошлись кое куда его очи понесли, а иные остались в Шемахее, а иные пошли работать к Баке. А я пошел к Дербенте, а из Дербенти к Баке, где огонь горит неугасим, а из Баки пошел есми за море к Чебокару...»⁹⁰.

Приезд Никитина и его товарищей в Азербайджан был, по-видимому, не случайным. Торговые отношения с Азербайджаном существовали и в предыдущие века⁹¹.

В XIII и начале XIV в. в Ширван импортировались из Московского государства ценные меха — белка, соболь, куница, горностаи, лисица⁹².

В 1475 г. источники отмечают поездку посла Ивана III Марка в Тебриз к Узун-Хасану. Здесь Марк встретился с венецианскими послами Барбаро и Контарини⁹³. В 1494 г. внук ширваншаха Фаррух Йасара Махмуд отправил своего посла Шихаб ад-Дина к великому князю московскому⁹⁴. Таким образом, в XV в. мы видим в Азербайджане ряд посольств и купцов из Московского государства, прибывших с торговыми целями. В это время устанавливаются регулярные торговые

* Муганом, по-видимому, Бакуви называл область Ленкорани.

сношения между городами Ширвана и Восточной Европы через Астрахань, где, по словам Контарини, товары, привозимые из Ширвана, главным образом, шелк, обменивались у русских купцов на меха, мечи, мед и воск⁹⁵. Отсюда купцы направлялись морским путем в Дербенд, Баку и дальше караванным путем в Шемаху и Иран. Контарини дает краткие сведения о торговых судах, плавающих по Каспийскому морю⁹⁶.

Баку в это время играл важную роль как лучший портовый город в международной транзитной торговле шелком. Развитие товарно-денежных отношений в этот период как в Баку, так и в других городах Ширвана подтверждается находками крупных кладов серебряных монет на территории старой крепости Баку, чеканенных в Баку и Шемахе и относящихся к XV и началу XVI вв.⁹⁷

На территории дворца Ширваншахов и за пределами крепости в ближайших от нее местах, а также на Апшероне (сел. Пиршаги), были обнаружены также медные и бронзовые монеты, датируемые XV в., на лицевой стороне которых обозначено «чекан Бакуйе», битые в Бакуйе⁹⁸.

На некоторых медных монетах, чеканенных в Баку, имеются изображения рыб, льва, верблюда, птиц и т. д. Изображение рыбы имеется также на зеленой глазурованной тарелке, обнаруженной на территории дворца Ширваншахов, а также на скалах Гобустана. Любопытно, что изображения рыб встречаются и в настоящее время на фасадах домов на Апшероне (сел. Маштага и др.). Жители Апшерона, не зная, для чего делаются изображения рыб, объясняют это древней традицией. Увидев во сне рыбу, житель Апшерона толкует этот сон как признак богатства. По-видимому, на Апшероне рыба являлась древнейшим тотемом и изображение ее прослеживается в период средневековья и в наше время.

Указанные изображения рыб, животных и птиц на монетах означают, возможно, год чеканки монет, так как при монголах, именами животных, являвшихся древнейшими тотемами, обозначали летосчисление.

Рассматриваемый период был периодом расцвета феодального города, связанного не только с развитием торговли, но и со значительным ростом производительных сил, особенно в области добычи нефти и ремесла.

3. Социальные отношения и городской строй

Развитие ремесла, торговли и товарно-денежных отношений в XI в. создали предпосылки для расцвета феодальных городов Ширвана в XII — первой четверти XIII в. Такие города, как Шемаха, Дербенд, Баку, Байлакан становятся крупными торгово-ремесленными и административными центрами. В Шемахе, столице Ширвана, жило около ста тысяч жителей, Байлакане — сорок тысяч¹.

Мы располагаем весьма фрагментарными данными источников для изучения социальных отношений и городского строя в городе Баку в XI—XVI вв.

Изучение отдельных городских должностей и административной терминологии позволяет представить форму управления городов.

В источниках указанного периода не имеется сведений о феодальной структуре общества в городе Баку. Этот пробел в основном восполняют строительные надписи XI—XV вв. на многочисленных архитектурных памятниках в Баку и на Апшероне, и легенды различных монет с титулами лиц, в честь которых они чеканились. В этих надписях упоминаются лица с титулами и званиями: ширван-шах, эмир, хакан, хан, султан, малик, хаджиб, садр, сипех-салар, шейх, ахи, раис и т. д. Эти звания позволяют сделать выводы о том, что на Апшероне в XI — начале XVI вв. существовала сложная иерархия развитого феодального общества. Во главе феодальной верхушки стоял ширваншах, имя которого сопровождалось титулами: эмир, хакан, султан, малик и т. д.

В поэме Низами «Лейли и Меджнун», написанной в 1184 г., приведены полные титулы и лакабы ширваншаха Ахситана I: великий хакан (хакан-и-кабир), малик-ал-му'-аззам, Ширваншах, Джалал ад-Даула ва-д-Дин Абу-л-Музаффар, Ахсатан ибн Минучихр².

Имя Ширваншаха в сопровождении пышных лакабов отражает независимое положение одного из известных правителей крупного феодального государства в Закавказье. На монетах, чеканенных при ширваншахе Ахситане I, наряду с именами халифов и иракских султанов, стоит имя Ахситана ибн Минучихра в сопровождении лакабов: ал-малик ал-му'аззам (царь возвеличенный)³. Упоминание иракских султанов говорит о вассальной зависимости ширваншаха от них. Ширваншах обладал в своем государстве неограниченной властью, как военной, так и над своими подданными. Он являлся оплотом и символом феодального порядка, силой, противостоявшей устремлениям эмиров.

Зависимое положение ширваншаха от того или иного завоевателя видно из эпизода, приведенного в источнике: ширваншах Ахситан III имел сына по имени Сийамёрк. Однажды Сийамёрк отправился в ставку каана. По прибытии его во дворец, Аргун, предупрежденный ширваншахом Ахситаном, приказал завернуть Сийамёрка в черное сукно, что означало черную смерть; затем он был забит ногами и умерщвлен⁴. Так расправлялись монголы с неугодными вассалами, невзирая на то, что они были членами царствующей семьи.

Во главе феодальной администрации стояли крупные феодалы, к которым относились военная и чиновная знать, высшее духовенство, владевшие землей, водой, ирригационными сооружениями и основными орудиями труда. Феодальная аристократия владела нефтяными колодцами и солеварнями, пахотными землями и огородами, виноградниками Апшерона, скотом, феодальными замками, домами, караван-сараями, базарными рядами в городе Баку. После ширваншаха в феодальной иерархии стояли эмиры, имена которых фигурируют в ряде строительных надписей, как в крепости Баку, так и на Апшероне.

Эмиры относились к военной знати, в руках которых была сосредоточена вся военная и административная власть. В четырехстрочной куфической надписи XII в., высеченной на камне, вставленном в основание минарета Джума-мечети в Бакинской крепости, зафиксировано:

- «1. Величайший эмир — сипахсалар, отважный [вое]-начальник.
2. ...Хусам ад-Давля [ва-д-Дин], счастье государства.
3. пособник ислама и глава войск, венец нации.
4. утрата знатных Абу Йакуб Юсуф»⁵.

Лакабы, которыми наделен Хусам ад-Дин, и сообщения двух великих поэтов Ширвана — Хагани Ширвани и Фалаки Ширвани говорят о том, что он занимал должность верховного главнокомандующего войсками государства Ширваншахов при Минучихре III, около 530 и 532 г. х. 1135/36—1137/38 гг. Сипахсалар — военачальник, главнокомандующий войсками был высшим военным чином и в начале XIII в. В XI — начале XII в. военачальник, командующий войсками именовался также сахиб ал-джайш (араб.). Мас'уд ибн Намдар называет правителем Гянджи и всей области Аррана в конце XI в. эмира ал-Адуда⁶, сына ширваншаха Фарибурза I. В XI в. в Дербенде правили эмиры Хашимида⁷, затем Дербенд с прилегающими землями вошел в состав Ширвана. С начала XII в. до второй четверти XIII в. Дербенд существовал как самостоятельное владение — эмират во главе с эмиром. Власть эмиров была наследуемой. Эмиры были правителями города и ряда селений Апшерона, ведали строительством оборонительных сооружений. Апшеронский полуостров, входивший в состав государства Ширваншахов, благодаря своим географическим особенностям, богатству недр и наличию удобных гаваней, являлся в нем обособленной географической, экономической и политической единицей. В XI—XV вв. Апшерон представлял собой группу вассальных владений, находящихся под властью Ширваншаха⁸, о чем свидетельствует большое количество укрепленных башен и цитаделей с мечетями и мавзолеями, построенных близко друг от друга на Апшероне. Имена эмиров встречаются в надписях в XIV в. В Бакинской крепости, на южной стороне древней Джума-мечети, на стене была арабская надпись, сообщающая о ремонте здания и сохранившая имя «царя эмиров и знати (малик ал-умера в-ал-акабир) Шараф ад-Дин Махмуда ибн Фахр ад-Дин» и дату 709 г. х. — 1309/10г.⁹.

Строительные надписи сохранили нам имена крупных феодалов, владевших селениями на Апшероне. Они возводили крепостные сооружения, мечети и другие постройки.

Надпись на арабском языке над дверями мечети в селении Амираджан называет строителя мечети эмира Низам ад-Дина эмир Хаджа сына величайшего владетеля Фахр ад-Дина и датирована 730 г. х./1329-30 г.¹⁰. Из этих надписей выясняется, что Фахр ад-Дин был отцом двух названных лиц и, судя по эпитету «величайший владетель», занимал видное положение, т. е. был крупным феодалом. Один из его сыновей — эмир Шараф ад-Дин Махмуд, реставрировавший мечеть в крепости Баку, жил, по-видимому, в городе, а второй сын, как видно из его титула, являлся крупным феодалом, владевшим селением Амираджан, именем которого и названо оно (Эмир Хаджан).

Звание эмир Хадж было почетной должностью и присваивалось лицу, которое стояло во главе каравана паломников, направлявшихся в Мекку и Медину¹¹.

Предание, передаваемое из поколения в поколение об основании села Амираджан двумя братьями Эмиром и Шарафом подтверждается вышеуказанными надписями. Над порталом той же мечети помещена другая строительная надпись с именем Шараф ад-Дина ибн шейха Махмуда ибн Наср ад-Дина Кутлуг-шаха и датой 786 г. х./1384—1385 г. н. э.¹² Весьма возможно, что Шараф ад-Дин был внуком Кутлуг-шаха главного эмира (эмир ал-умара) при Газан-хане и султане Улджайту

Худабенде¹³. Названные лица являлись представителями класса феодалов и вассалами ширваншаха. При ширваншахе и эмирах находились гуламы, которые играли роль телохранителей или личной стражи. Они, по заданию ширваншаха, убивали его ближайших родичей, осуществляли кровную месть и выполняли другие опасные поручения. Помимо гуламов «Тарих ал-Баб» называет в качестве слуг «хадим», которые были, вероятно, выше по положению. В государстве Ширваншахов, помимо регулярных войск (аскар, джунд), сменных отрядов (ан-наубатийа), были также наемные отряды из тюрок и туркмен. Население городов имело также военную организацию, которая состояла из городских жителей, выступающих сплоченно против иноземных завоевателей при защите города. Городская община именовалась ал-джама'ат¹⁴.

Следующим лицом после ширваншаха, управлявшим государством Ширвана, являлся везир, относившийся к высшей чиновной знати. Должность везира при дворе Ширваншахов на протяжении трех поколений занимала семья ал-Какули, относящаяся по своему происхождению к ветви известной дейлемской владетельной династии, уже в то время породнившейся с Сельджукидами¹⁵. Везир Ширвана Баха'ад-Дин Мухаммад ибн ал-Хусейн ал-Какули был сыном и внуком везиров, должность которых передавалась по наследству¹⁶. Строительная надпись 600 г. х. (1204 г.) круглой башни в сел. Мардакян близ Баку называет владельца башни сипехсалар Исхак ибн Какули¹⁷. По-видимому, члены этой семьи играли важную роль и обладали большими полномочиями в управлении государством Ширваншахов после XI в. и в последующие века.

Везир Ширвана — полновластный правитель государства, хотя и милостью ширваншаха. Власть везиров это прежде всего источник пожалований для представителей чиновного сословия. За щедрость в назначении выплат и пожалований прославляется везир Ширвана ал-Какули. Право на откуп [даман, мукати'а] податных сборов получали от везира. В Ширване существовал Диван везира (диван ал-вузара), по-видимому, в XI—XII вв. в Шемахе, а в XIII и XIV вв. в Баку, судя по надписи на персидском языке в стене у основания минарета Джума-мечети в крепости Баку. В надписи этой, представляющей собой текст ярлыка султана Мухаммада Улджайту (1304—1316 гг.) упоминается Диван Бакуйе¹⁸. Доходы Дивана состояли из налогов и податей, поступавших в основном в виде денежной ренты, затем военной добычи и дани. Сбором платежей налогов и податей в городах ведали амили¹⁹. В конце XI в. сахибом Дивана (глава гражданского и финансового управления) и наибом (заместителем) везира в Ширване был Мас'уд ибн Намдар, который находился на службе в феодальной администрации ширваншаха. Основным видом его доходов был идрар — денежная выплата, назначаемая постоянно и наследственно из податных сумм города или округа. В компетенцию везира Ширвана входило и право назначения идрара. Однако выплату идрара могли задержать мустауфи — высшие чины финансово-счетной службы, которые в ущерб власти везира приобрели влияние в XV в. Получение идрара нередко было затруднено из-за того, что податные суммы не поступали исправно в Диван. Существовали и другие денежные выплаты помимо идрара — тасвиг (жалование), мушахара (месячная плата)²⁰. В городском управлении Ширвана Мас'уд ибн Намдар занимал пост мустауфи — ответственного чиновника финансово-счетного ведомства. Он ведал учетом прихода и расхода податных сумм, составлением реестра доходов и расходов города. Он упоминает также о своих обязанностях мушрифа — чиновника-контролера, который должен был располагать информацией о доходах горожан²¹. К группе средних и мелких чиновников относились назирь, катибы, амили, городские кетхуды и т. д. Обязанности назиря — смотрителя, младшего контрольного чиновника состояли в учитывании доходов с сельских угодий и промыслов, с солеварен и нефтяных колодцев Баку и Апшерона.

Чиновник, ведающий учетом войск и войскового жалования, именовался аридом²². Шихна в XI—XII вв. был военным наместником султана. Существовала также должность катиба при амиде и правителе города, чиновника для выполнения различных поручений. Мас'уд приводит перечень знаний для «истинного» катиба. Он упоминает вопросы фикха и шариата, различные тонкости грамматики, знание Корана и т. д. В Байлакане при амиде было 15 катибов²³. Мираб занимался снабжением города водой и распределением воды среди жителей города, следил за исправностью оросительных каналов и чистотой родников и колодцев.

Вторую группу внутри класса феодалов составляло высшее духовенство — шейх ал-ислам в вилайете, кадии и кади ал-кудат (кадием кадиев), т. е. кади главного города области, которые часто занимали высшие должности в городском управлении.

В Ширване и Дербенде, так же как и в других мусульманских государствах XI—XV вв., функционировало мусульманское право, основой которого являлся шариат. Тесная связь между

религией и правом и передача судебного процесса и суда в руки богословов-законоведов составляют особенность судопроизводства в мусульманских странах.

Судопроизводство в городах Ширвана и в Дербенде вели кадии, назначаемые ширваншахом и эмиром Дербенда. В компетенцию кадия и кади ал-кудата, которые ведали шариатским судом, входил также ряд других функций, в том числе нотариальные. Они следили за исполнением религиозных обрядов, могли аннулировать права на владение, ведали также дележом наследства, заключением браков и различными другими гражданскими делами²⁴. Кади ал-кудат был одной из крупных фигур в феодальной администрации после султана и ширваншаха. Духовные феодалы часто занимали высшие должности в государственном управлении. В начале XII в. Мас'уд ибн Намдар в своих стихотворных посланиях жалуется на то, что кадии аннулировали его права на владения «поместьями» и на получение выплат в Байлакане во время его отсутствия²⁵. Кадием Ширвана в конце XII в. был Гийас ад-Дин Абу Наср Мухаммад ибн Абдаллах ибн Аббас аш-Ширвани «из рода кадиев прекрасных знатоков юриспруденции и административного права»²⁶. Должность кадия часто была наследственной.

Другим значительным лицом в городском управлении был садр — высший чиновник, ведавший делами вакфа, министр, назначаемый Ширваншахом. Имя садра Амин ад-Дина сына Абу-Бакра, приказавшего отремонтировать мечеть в 708 г. х. (1308—1309 г. н. э.)²⁷, упоминается в надписи Гиляк-мечети в крепости Баку. Здесь же находится и другая мечеть, надпись которой сохранила имя строителя — садра Ходжа Эмиршаха ибн Ходжа Хаджи Йакуба (818 г. х. / 1415-1416 г. н. э.)²⁸. Звание Ходжа, по-видимому, давалось богатому купцу или везиру, придворному сановнику при дворе Ширваншаха. Судя по именам вышеуказанных феодалов и сановников, живших в Баку, а также сообщениям источников, они, вероятно, были суннитами шафиитского толка²⁹.

К группе духовенства относились имамы соборной мечети, мударрисы (преподаватели медресе), сейиды и шейхи дервишских обителей, ханак, завийа и т. д., а также мутаваллии вакфов. О роли, какую играло духовенство, можно судить по следующему факту: ширваншах Ахситан III (царствовал во второй половине XIII в.), желая породниться с родоначальником династии Сефевидов шейхом Сефи ад-Дином (род. в 650 г. х./1252—1253 г.; умер в 735 г. х./1334—1335 г.) намеревался выдать свою дочь замуж за шейха, обещая дать ей в приданое 14 000 динаров и оросительный канал, доход от которого исчислялся в несколько тысяч тагаров * риса. На это Сефи ад-Дин ответил: «Что я могу на это сказать? Ширваншах — царь, а я только дервиш»³⁰.

Однако в некоторых случаях ширваншахи, боясь растущего влияния того или иного шейха и часто по мотивам экономического характера, проводили репрессии против этих лиц. Так, например, когда ширваншах Ахситан III заметил, что большинство его подданных стало приверженцами шейха Захида и проводит все свое время в молитве и бдении, запустив хозяйство и возделывание полей, что пагубно отражается на благосостоянии государства, он стал врагом шейха Захида (род. в 615 г. х./1218—1219 г.; умер около 1300 г.) и пригрозил бросить его мюридов (учеников) в воду и утопить, а его обитель разрушить³¹.

Среди представителей духовенства были ученые шейхи суфии, известные на Востоке своими философскими сочинениями. В первой половине XI в. в Ширване пользовался большой известностью при дворе Ширваншаха шейх Мухаммад Али Бакуви. Младшим братом его во второй половине XI в., известным шейхом в Ширване, был шейх ал-Хусейн ибн Али (ум. в 1074/5 г.), чья святыня — ханака под именем Пир-Хусейна на берегу реки Пирсагат-чай пользовалась большим почетом не только в Ширване, но и на всем Ближнем Востоке. Этой святыне принадлежали крупные вакфные имущества, дорогие ткани и другие ценности. Мюриды, дервиши и служители владели тысячами голов баранов и вьючного скота. При жизни Пир-Хусейна и позднее ханака была важным культурным, философским, научным, литературным и религиозным центром Ширвана³².

К городской аристократии относилось также крупное купечество. Развитие в городах ремесла и товарного производства стимулировало развитие торговли и товарно-денежных отношений в экономике Ширванского государства. Средневековые города Ширвана Баку, Шемаха, Дербенд и др. являлись средоточием ремесла и торговли. Крупные купцы «шейх ат-туджар», «малик ат-туджар», именуемые в источнике конца XII в. «главные купцы» города³³, составляли важную прослойку верхушки городского общества Ширвана. Они владели базарными рядами,

* Тагар — мера веса, различная в разных местностях. Так, например, тебризский тагар равен харвару или 100 манам (295 кг).

ремесленными мастерскими, кархане, лавками, караван-сараями и другим движимым и недвижимым имуществом. Мелкие торговцы и корабельники относились к числу эксплуатируемых групп населения.

В результате развития городов и городской жизни активную роль в городском управлении стали играть представители влиятельного городского купечества, которые заняли высокие городские должности. В источнике, составленном в 1363 г. упоминается Ходжа Фасихи Ширвани, который владел на правах мукати'а (откуп) областями Аррана, Мугана, Гавбари (с городами Махмудабад и Бакуйе или «источниками нефти») и Ширвана. Поступления с указанных местностей «соответственно мукати'а, согласно относящегося к нему документа на право владения...» составляли огромную сумму доходов — в 820 тысяч динаров — 82 тумана. В документе указывалось, что «указанная сумма поступает из упомянутых мест»³⁴.

Откупная система в экономической жизни средневекового Азербайджана существовала еще при арабском владычестве. При монголах в XIII—XIV вв. откупная система была очень развита и являлась преобладающей формой взимания государственных налогов и доходов и широко распространялась в хозяйственной жизни городов, являясь большим тормозом в развитии производительных сил страны в целом.

Значительной фигурой городской феодальной администрации являлся мухтасиб, который контролировал базары и торгово-ремесленные кварталы города, проверял качество продуктов, следил за чистотой и порядком, за правильным употреблением мер и весов. Он имел также полицейские функции, его обязанностью были охрана общественного порядка города, расследование уголовных дел и преступлений, наказание пьяных и бунтовщиков. Он обеспечивал охрану собственности жителей города. Мухтасиб следил также за выполнением жителями города религиозных предписаний Корана и ритуалов мусульманской религии³⁵.

Важное место в феодальном обществе города Баку занимали раисы — начальники. В надписи на стене мечети «Сыных-гала» в старой крепости Ичери-шехер упомянуто имя строителя мечети: ал-устад ар-раис (Мухаммада ибн Абу-Бакра) 417 г. х./1078—1079 г. н. э.)³⁶. Эта дата соответствует годам правления ширваншаха Фарибурза I. Раисы являлись представителями купеческих гильдий или главами старшин ремесленных цехов, игравших важную роль в социальной жизни города. Раис выступал как посредник между администрацией и населением, распространяя декреты первой и выступая от имени последних. Они являлись своего рода аристократией города. Часто раисы вступали в оппозицию к ширваншаху, возглавляя мятежи против правителя города, опираясь на своих собственных вооруженных слуг — гуламов³⁷. В Ширване, в столице Йазидийе (Шемахе) раисы упоминаются как жертвы репрессий ширваншаха в джумада I 458 г. х./апрель 1066 г.³⁸

Строительство мечети в крепости Баку раисом Мухаммадом ибн Абу-Бакром говорит о зажиточности этого сословия горожан. Звание «ал-устад ар-раис» говорит о том, что он являлся главой старшин ремесленных цехов.

К концу XI в. и накануне тюркского нашествия влияние раисов было преобладающим. Отсутствие в надписи мечети имени Фарибурза I в 1078/9 г. говорит об ослаблении власти ширваншаха, подчинившегося сельджукам, и усилении раисов.

Городской совет, состоял из старейшин города и раисов, имевших отношение к городскому управлению, которые отчитывались перед раис ар-руаса (раис раисов). В компетенцию раисов входили различные обязанности. Им подчинялись и перед ними отчитывались главы различных цехов и корпораций, старшины кварталов и начальники базаров. Раисы принимали активное участие в социальной и политической жизни города³⁹. Наряду с обладателями больших богатств и земельной собственности, среди раисов были и выходцы из числа ремесленников и других низших слоев общества, принимавших активное участие в социальной и политической жизни города Баку и других городов Ширвана.

Классовые выступления горожан в Байлакане, Шемахе, Баку, Дербенде в XI—XII вв. в той или иной форме выливались в разные движения, направленные против феодальных правителей городов и феодальной администрации, приводили к попытке городского населения освободиться от представителей феодальной администрации, на место которой стали бы представители купеческой прослойки города и раисов, а также ремесленного населения. Можно полагать, что события в Байлакане, Йазидийе, Баку, Дербенде и других городах были связаны с зарождением городского самоуправления как общественного института в XI в.

Этот процесс отмечается не только в Ширване, Арране, Дербенде, но также в Грузии, Армении и других странах Закавказья, когда раисы стали играть важную роль в городской жизни.

Городское самоуправление существовало несмотря на то, что город оставался во власти владетеля-феодала⁴⁰. Появление элементов городского самоуправления в городах Ширвана и Аррана и борьба за независимость и автономию городов были связаны с развитием средневекового города как центра ремесла и торговли и с борьбой горожан против феодального гнета и против завоевателей Сельджуков. Дальнейшее развитие городского самоуправления в Ширване и Арране было приостановлено в 30-х годах XIII в. в связи с нашествием монголов.

Важнейшей прослойкой городского населения города Баку в XI—XVI вв. являлись ремесленники различных отраслей производства. Нарративные источники этого периода, надписи на надгробных камнях, строительные надписи, археологические материалы свидетельствуют, что различные отрасли ремесла и профессии в Баку и Дербенде превышают 40 наименований. Ученый XI в. Абу Бакр Мухаммад ад-Дербенди в своем сочинении «Рейхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик» («Базилик истин и сад тонкостей») среди слушателей суфийских медрес Дербенда упоминает бумагоделателя (варрак), шелковод (хаззаз), рыбака (саммак), мыловара (сабуни), швею (хайят), работоторговца (наххас), лекаря (хатиб)⁴¹.

В XI—XVI вв. в Баку и на Апшероне было развито ремесленное производство, были резчики по камню, граверы, каллиграфы, художники, ткачи, ковроткачи, ювелиры, зодчие, строители, гончары, медники, строители судов и ремесленники различных отраслей производства. Обнаруженные во время раскопок на территории крепости каменный инструмент для плавки драгоценного металла и различные украшения из золота и серебра говорят о ювелирных работах, ведущихся в старом Баку.

Представителями отдельных отраслей ремесленного производства, связанного с архитектурой, были: бенна, ме'мар, мухандис, серкар. Эти звания присваивались зодчим, архитекторам, занимавшим важное место среди мастеров этой категории ремесленников. Как видно из строительных надписей, зодчий с таким званием являлся ответственным лицом среди строителей — ремесленников, участвующих в постройке здания, а потому в надписи фиксировалось только его имя. Возможно также, что он являлся начальником строительного цеха. Так, имя ме'мара Абд ал-Меджида сына Мас'уда вырезано на камне в стене круглой башни XIII в. в сел. Мардакян⁴².

Встречающееся в надписях звание «устан» означало «мастер высокой квалификации» и присваивалось различным профессиям ремесленников. Мастера-живописцы и орнаменталисты обычно назывались «наккаш». «Хаккаки» были резчиками по камню, граверами. Имя «хаккака» резчика-каллиграфа Мухаммада ал-Ариффа сохранилось в надписи мечети Молла Насруллы (XIV в.) в крепости⁴³. Отдельную группу составляли мастера художественной резьбы по дереву, гяже и т. д., именовавшиеся «наджжар». В крепости сохранилась надпись с именем мастера устан-наджжара Ашура ибн Ибрагима Бакуйи⁴⁴. Его нисба говорит о том, что он уроженец Баку. Указанные профессиональные звания, относящиеся к ремесленникам-строителям, свидетельствуют о разделении труда внутри ремесленных цехов.

Ремесленники городов и сел Ширвана, по-видимому, также имели свои организации. Так, например, в числе союза «ахи» было много ремесленников Ширвана, мюридов (последователей шейха Сефи ад-Дина)⁴⁵.

Имеются также данные строительной надписи на мавзолее 1-й половины XV в. в селе Кюрдахана на Апшероне, где упоминается имя шейха ахи Ширамана, говорящие о принадлежности шейха к организации ахи.

Текст надписи на арабском языке гласит: «Приказал построить эту славную завью (обитель. — С.А.) для передового шейха величавого Ахи Ширамана... Нуруллах ибн Хаджи Абайила в восемьсот пятьдесят втором (году) 852 г. х. (1448/49 г. н.э.)»⁴⁶.

Ахи по-арабски означает «брат мой». Основную массу в этой организации составляли ремесленники и городская беднота. Руководители ее, принимавшие новых членов с соблюдением особых обрядов, напоминавших посвящение в рыцари, были, по-видимому, связаны с правящими классами⁴⁷. Эта организация была распространена уже в XI в. во многих странах Переднего Востока. В XIV в. ахи играли видную роль в общественной жизни Малой Азии.

Арабский путешественник Ибн Батута, совершивший поездку по Малой Азии между 1325—1332 г. х., сообщает, что ахи имели свою обитель. «Они есть во всех туркменских, румских* областях, в каждом поселении, городе и деревне»⁴⁸. Ахи, связанные с ремесленниками, допускали убийство тиранов. «И не найти в мире людей, более заботливых, чем они, к чужестранцам, более поспешных в стремлении накормить голодного и удовлетворить потребности нуждающихся и

* Ибн Батута называет румскими малоазиатские области.

пресечь руку насильников, и убить воеводу или тех, кто примыкает к ним из злых людей. А ахи у них — это человек, который собирает людей своей и иных профессий из юношей, холостяков и одиноких, а приходят они также и сами, а это также называется и футувва»^{*}.

Описанная Ибн Батутой «обитель» представляла собой организацию, тесно связанную с ремесленниками, с трудовым населением⁴⁹. Эта характеристика применима и к ахи, организация которых находилась на Апшероне и в Баку. Об этом говорит надпись на южных воротах крепости в Баку, прочтенная Б. Дорном. В надписи, датированной месяцем раджабом 786 г. х. (август 1384 г.), упоминается Ахи ибн Рамазан аш-Ширвани — строитель здания⁵⁰. Звание ахи указывает на принадлежность этого лица к организации ахи в Баку. Здание, о котором говорится в надписи, вероятно, представляло собой обитель, где собирались члены общества ахи. Организации ахи в Баку и Кюрдахана, по-видимому, аналогичны описанной Ибн Батутой. Члены общества ахи состояли, как видно, из городских ремесленников, игравших важную роль в социальной жизни города. По сообщениям источников, ремесленники и беднейшее население городов часто поднимали восстания в XI—XII вв. против правителей, назначаемых то ширваншахами, то сельджуками⁵¹.

Сохранившиеся названия некоторых мечетей и караван-сараев на территории старой крепости Баку, позволяют сделать предположение о разделении города в этот период на ряд кварталов, где селились ремесленники, торговцы и другие слои населения города. Известно, что мечети обычно строились в главных ремесленных и торговых кварталах города и часто назывались именем этого квартала, например: Лезги-мечеть — от квартала лезгин, очевидно, ремесленников, славящихся производством холодного оружия и стальных изделий; Гилек-мечеть — от квартала гилянцев, торговцев шелком; мечеть Баззас — от торговцев материями. Кварталы города также часто именовались в зависимости от состава населения, например, хаккаклар, т. е. резчики по камню. В крепости, по-видимому, существовали также кварталы, где селились торговцы из других стран Востока — китайцы, индусы, бухарцы и др.

Обнаружить данные о внутреннем городском управлении для данного периода не удалось ввиду отсутствия источников. Можно лишь предположить, основываясь на данных, приведенных выше, что город управлялся хакимом и везирами, назначаемыми ширваншахом. Главным финансовым управлением, как и в других городах Азербайджана, был упоминаемый в надписи Улджайту Диван. Законодательный и судебный органы возглавляло духовенство, правовые нормы которых основывались на шариате. Кроме феодалов, духовенства, торговцев и ремесленников, в городе проживали и беднейшие слои населения, среди которых были и дервиши. Что касается жителей сел Апшерона, то они, в основном, состояли из крестьян, занятых сельским хозяйством и добычей нефти из колодцев и соли с озер, принадлежавших феодалам, жившим в городе. Бывали случаи, когда и дервиши являлись владельцами нефтяных колодцев.

В сочинении Мухаммада ибн Махмуда «Нафаис ал-фунун» описывается встреча султана Мухаммада Улджайту с одним дервишем в Баку. Этот рассказ сводится к следующему: один из дервишей в пределах Баку выкопал для себя нефтяной колодец. На доходы с этого колодца он обеспечивал свою жизнь и даже содержал приезжавших к нему гостей. Однажды, когда султан приехал в Баку, дервиш по обыкновению отправился к нему. Султан хотел пожаловать ему подарок, но дервиш отказался, пояснив: «Ввиду того, что я обеспечен имеющимися доходами, то в большем нет надобности». Его ответ понравился султану. Узнав о размерах доходов дервиша, султан признал: «...действительно, царство принадлежит тебе...»⁵²

В надписях на мечетях и на надгробиях в крепости Баку, в селах Апшерона часто встречается слово «мовлана», которое по-арабски означает «наш господин». Этот почетный титул присваивался ученым людям и шейхам. Так же часто встречается звание «хаджиб», связанное с придворной должностью⁵³.

Приведенные титулы, звания и должности, зафиксированные в строительных надписях в крепости Баку, указывают на сложную структуру феодального общества.

Ремесленники и райаты города и сел Апшерона эксплуатировались как местными феодалами, так и иноземными захватчиками в лице арабов, сельджуков, монголов и других народов, продолжительное время хозяйничавших на Апшероне. Они выплачивали различные подати своим феодалам, выполняли феодальные повинности, испытывая двойной гнет местных и иноземных правителей. Об этом свидетельствует один из любопытных документов начала XIV в., относящийся к социально-экономической истории Баку. Это — надпись на камне в стене у

* Футувва-рыцарство.

основания минарета Джума-мечети в старой крепости, свидетельствующая о различных видах налогов, которыми облагались жители города Баку и сел Апшерона. Она до сих пор еще полностью не прочитана.

Персидская надпись представляет собой текст ярлыка султана Мухаммада Улджайту и состоит из следующих 4 строк:

- «1. Пречистый (т. е. бог), прославляемый и всевышний, да продлит жизнь падишаху ислама, повелителю обитаемой четверти вселенной, султану
2. величайшему, каану высочайшему, покоящемуся на выях народов, государю Аравии и Аджамы, Худабенде Мухаммаду Улджайту, да увековечит Аллах царствование его!
3. По указу ярлыка завоевателя мира, купчури и сарани, нефти, урфи с райатов города и области снимаются...
4. ...из Дивана Бакуйе изымается, и да будет проклят тот, кто до воскресения из мертвых против смысла этого (повеления) будет действовать!»⁵⁴.

Точная дата издания ярлыка неизвестна, однако приезд султана Мухаммада Улджайту в Баку подтверждается источниками⁵⁵ и, возможно, относится к 1309 г., когда он, возвращаясь из Аррана, остановился в Гюлистане⁵⁶. Очевидно, в надписи не воспроизведен подлинный текст ярлыка, изданный Улджайту Мухаммад Худабенде, но только передано его содержание, так как в подлинных указах монгольских правителей о государе говорится в первом лице, а не в третьем⁵⁷, как в надписи на стене Джума-мечети.

Из текста ярлыка на стене Джума-мечети выясняется, что Баку, составляющий часть владений ильханского государства, возможно, во время приезда султана Мухаммада Улджайту, освободился от ряда налогов, в том числе и от налога на нефть.

Как известно, монголы облагали большими налогами население покоренных областей. Однако жители страдали не столько от чрезмерных налогов, как от способа взимания их и отсутствия всяких гарантий, что уплаченная населением сумма не будет вторично взыскана с тех же плательщиков⁵⁸. Освобождение населения Баку от этих податей было вызвано, очевидно тем, что страна сильно страдала от непрерывных военных действий между ильханами и золотоордынскими ханами. В результате этих войн города и села опустошались и разорялись; население покидало свои места и скрывалось в горах и лесах, а в большинстве уничтожалось. Все эти факторы привели к сильному упадку хозяйственной и экономической жизни областей Северного Азербайджана со времени царствования Абака-хана до реформы Газан-хана⁵⁹. Рашид ад-Дин дал полную картину разорения и опустошения ряда городов и вилайетов северных и южных областей Азербайджана⁶⁰. Баку, находящийся в полосе военных действий, тоже подвергся разорению, следствием чего явился упадок торговли и добычи нефти.

Ярлык, изданный Мухаммадом Улджайту, по-видимому, имел целью, отменив указанные налоги, восстановить и поднять благосостояние города Баку и вилайета, имеющего важное торговое и экономическое значение. В надписи этого ярлыка говорится об отмене налогов с райатов* города и его области. Сохранилось также стихотворение, пятистишие на азербайджанском языке бакинского поэта Насира (начало XIV в.) современника Хасан-оглу, посвященное султану Мухаммаду Улджайту Худабенде, освободившего бакинцев от ряда налогов и издавшего указы о благоустройстве города⁶¹. Очевидно, под областью (вилайет) понимали Апшерон. Среди отмеченных в надписи налогов первым упоминается «купчур». Купчур как в первое время монгольского владычества, так и позднее при Ильханах оставался подушной податью, введенной монгольскими завоевателями по китайскому образцу. Затем под монгольским термином купчур подразумевалась также подать, которой облагалось как кочевое, так и оседлое скотоводство в размере 1%⁶².

Следующим налоговым термином, указанным в ярлыке, является «сарани», что означает подушную подать, взимаемую с райатов. Идентичная в техническом значении с термином «купчур», она была введена после монгольского завоевания в значении подушной подати⁶³. Далее следует налог под названием «нефти», который, по-видимому, взимался с владельцев нефтяных колодцев⁶⁴. Несомненно, при завоевании монголами Баку в ведение государства перешли все те колодцы, которые принадлежали раньше местным правителям, причем доходы с них до монгольского завоевания были очень большие. Нефтяные колодцы являлись также собственностью частных лиц. Если в связи с реформами Газан-хана добыча нефти на Апшероне

* Райятами называли податное оседлое население.

несколько увеличилась, то после его смерти, вероятно, она опять сильно снизилась, что и вызвало издание ярлыка.

Как видно из первоисточников, ильханы, захватив власть в свои руки, отняли большую часть земельных владений, рудников, карханэ у прежних владельцев, причислив их к владениям «инджу» и «дивана»⁶⁵. По-видимому, такая же участь постигла и владельцев нефтяных колодцев. Ильханы, захватив большую часть нефтяных колодцев, отдавали их на откуп (мукати'а), и это вызвало хищническую эксплуатацию со стороны откупщиков как промыслов, так и работающих на промыслах местных крестьян, прикрепленных к колодцам.

Результатом такой эксплуатации явилось полное обнищание и разорение населения, занятого на промыслах, следствием чего оказался общий упадок производительных сил, отразившийся на нефтедобыче. Необходимо отметить, что развитие и рост экономики города Баку был связан с добычей и эксплуатацией нефтяных месторождений, и основным определяющим экономическим фактором в развитии средневекового Баку являлась добыча нефти. В этом специфичность его развития.

Последним налоговым термином, сохранившимся в надписи, был термин «урфи», под которым надо понимать налоги, не предусмотренные шариатом⁶⁶.

Мы не располагаем данными о других налогах и податях, взимавшихся с городского населения Баку в период XI—XV вв., кроме указанных в вышеприведенной надписи. По-видимому, жители города, в основном купцы и ремесленники, выплачивали также подати, присущие другим городам Азербайджана. Одним из чрезвычайных, разорительных для населения налогов, налагавшихся на крестьян и горожан государством или владельным феодалом был «авариз». Он взимался для покрытия экстренных расходов в связи с войной, семейными торжествами при дворе и т. д. Авариз обычно взимался деньгами, существовал задолго до монгольского завоевания⁶⁷. При монголах наиболее распространенным налогом в городах была тамга — подать с торговли на базарах как оптовой, так и розничной⁶⁸. Подать эта была очень тяжелой для населения и тормозила развитие торговли в городах.

В городах существовала и так называемая дорожная пошлина — бадж⁶⁹. Сбор пошлины сопровождался вымогательствами со стороны сборщиков. В источниках имеются сведения о сборе этого налога в XII в. в Баку⁷⁰.

Кроме того, в городах существовала повинность, известная под названием бигар, означавшая принудительные работы раййатов в пользу государства или феодала — рытье каналов и кягризов и их очистка, постройка крепостных стен, дворцов и других сооружений. Эта повинность существовала задолго до монгольского завоевания и была очень тяжелой⁷¹. По-видимому, она существовала и в Баку, где были построены сложная водопроводная кягризная система и ряд крупных крепостных сооружений в период XI—XV вв.

На низших ступенях социальной лестницы города стояли неимущие ремесленники, не имевшие орудий труда и сырья, поденные рабочие, гуламы, рабы, деклассированные элементы, именуемые «рунуд ва оубаш» и т. д.

В XI—XV вв. в социальной структуре городов, определенное место занимали рабы, которые состояли из пленных, захваченных во время войны. Анонимный автор, писавший в 20-х годах XIII в., перечисляя товары в Ширване, в первую очередь называет «девушек-рабынь, тюркских рабов»⁷². В 1281 г. поэт Низари, путешествовавший в Арране и Ширване, и посетивший Баку, отметил огромное количество тюрок, которыми «были полны долины Аррана»⁷³. Рабов сажали на землю и рабский труд применялся в сельском хозяйстве и в городах в домашнем быту как дешевая рабочая сила. Благодаря обилию рабов на невольничьем рынке, которым славился Дербенд⁷⁴, они стоили дешево. Известно, что в XII в. женой поэта Низами Гянджеви стала молодая кыпчакская рабыня Афак, которую прислал ему в подарок правитель Дербенда, желая вознаградить поэта за понравившееся ему стихотворение. Тюркские рабыни славились своей красотой. «Величаява обликом, прекрасная, разумная, прислал ее мне владетель Дербенда»⁷⁵. Так писал Низами об Афак, восхваляя ее красоту и ум.

Рабы составляли одну из наиболее угнетенных групп населения городов и сельских местностей. Наряду с феодально зависимым крестьянством, большой эксплуатации подвергались и рабы. Они составляли наиболее низкую ступень социального состава городского населения Ширвана, принимали активное участие в классовых выступлениях и восстаниях в городах, как это имело место в Байлакане. Приведенные материалы неоспоримо свидетельствуют о сложной

иерархии развитого феодального общества Ширвана и Баку и освещают социальную структуру его городского населения, строя и управления.

4. Городская культура в XI—XVI вв. (архитектура, наука, литература и искусство)

а) Внешний облик города Баку

Наиболее раннее описание внешнего облика города дается уроженцем Баку Абд ар-Рашидом Бакуви, который писал в 1403 г.: «Бакуйа: долгота — 84°30', широта — 39°30', город, построенный из камня на берегу моря ал-Хазар, в одной из областей Дарбанда, близ Ширвана. Его стены омываются водами моря, которое затопило много ственных башен и приблизилось к мечети. Почва там скальная и большинство домов построено на скалах. Воздух там хороший, вода пресная, из колодцев, выбитых в скалах, а выходящие в них ключи исключительно приятны. Там низкие урожаи зерна и большую часть его привозят сюда из Ширвана и Мугана. Много здесь инжира, граната и винограда. Сады находятся далеко, и большинство горожан отправляются туда в летнее время, живет там некоторое время, а затем возвращается. И так они делают ежегодно.

Город имеет две прочные крепости из камня, чрезвычайно укрепленные. Одна из них, большая, стоит близ моря, волны которого бьют в ее стены. Эта та крепость, которую не смогли одолеть татары (монголы. — С. А.). Другая крепость выше первой. Ее верхушка с одной стороны разбита баллистами.

Особенностью этого города является то, что ветер в нем дует и ночью и днем, так что иногда при сильном ветре невозможно человеку идти против ветра, а лошадей и овец в зимнее время даже сбивает в море, и они не могут удержаться на земле... Близ города много селений, и каждое селение имеет укрепленную цитадель с прочными стенами»¹.

Крепость Баку была расположена на берегу залива на невысоком холме, на склонах которого раскинулся старый город, окруженный с двух сторон суши мощными каменными стенами².

С юга, т. е. со стороны моря, была одна стена. Со стороны суши, как уже говорилось, крепость была защищена широким и глубоким рвом, который заполнялся водой в момент опасности из рудников по подземным водопроводам, идущим в сторону крепости по трем направлениям.

Обнаруженный недавно в результате обвала в одной из полубашен северной городской стены большой камень с трехстрочной надписью, являющейся частью не дошедшей до нас целой надписи, сообщает о построении городской стены Баку ширваншахом Минучихром III (годы правления 1120—1160)³.

«Приказал построить (эту) городскую стену мелик возвеличенный, премудрый, справедливый, победоносный, побеждающий, муджахид (воитель за веру), гордость религии и державы, опора ислама и мусульман, хакан величайший, ширваншах великий Абу-л-Хайджа Минучихр, ибн...»⁴.

Сообщение надписи о построении городской стены Минучихром III в первой половине XII в. говорит о больших фортификационных работах, связанных с усилением Ширванского государства⁵. Вероятно, этой стене предшествовали более ранние стены, возведенные в период образования феодального города^{*}; она неоднократно реставрировалась.

Если мы проследим за системой укреплений на Апшероне, то увидим, что защитные башни и укрепления были расположены цепью не только по северному (в сел. Шувелян, Мардакян, Шахан, Бузовна, Бильгя, Нардаран, Калагах), северо-восточному (Кала и против Пир-Аллахи) и южному побережью Апшеронского полуострова (Говсан), но и в глубине его (Маштага, Рамана, Кешла, Баладжары) и на подступах к Баку⁶. На рисунке акад. Гмелина видны башни, расположенные в окружающих город горах⁷. Апшерон в это время представлял собой ряд небольших феодальных владений. Защитой от нападений внешних врагов руководил эмир, сипахсалар—военачальник, главнокомандующий войсками, который заставлял население Апшерона работать при постройке башен и других укреплений, возможно, даже со своим рабочим скотом. Эти сооружения были

^{*} При канализационных работах, производившихся в 1927 г. на глубине 2,75 м, были обнаружены остатки какой-то стены, уходящей от крепости в районе Гыз-галасы (Девичьей башни) в сторону моря. Остатки стен прослеживаются также близ затопленного сооружения в бухте. На рисунке Э. Кемпфера, посетившего Баку в XVII в., видны остатки башен и стен, уходящих в море по направлению к затопленному сооружению в бухте. По-видимому, это были стены, которые играли какую-то роль в древней системе укреплений города Баку.

нужны эмиру, сипахсалару для борьбы с иноземными завоевателями и с местными феодалами, и для удержания в покорности зависимого от него населения⁸.

Защитные укрепления на Апшероне и в Баку являлись продолжением той системы древних заграждений в Ширване, которые, начиная от Дербенда, идут по побережью до самого Баку. Эта система заграждений была необходима для отражения нападений врагов с севера, с юга и со стороны моря. Баку в этот период (XI—XII вв. и позже в XIII—XIV вв.), представлял собой группу отдельных цитаделей (например, Гыз-галасы, укрепление в бухте, цитадель у северной крепостной стены и другие, не сохранившиеся до наших дней^{*}, в состав которых входили: внезамковый дворец со службами, мечеть и окружавший их рабад⁹ с ремесленным и торговым населением, обведенные двумя рядами крепостной стены и рвом. Вершина Бакинского холма представляла собой внутреннюю крепость, кремль и была, по-видимому, обведена третьей крепостной стеной.

В конце XIV—начале XV вв. в Баку существовала водопроводная и кягризная система, снабжавшая водой население крепости. Колодцы в большом количестве обнаружены на территории дворца во время археологических раскопок.

В 1953 г. в Баку во время строительных работ, на углу улиц Лермонтова и Б. Сардарова был обнаружен водопровод, идущий с северо-запада на юго-восток по направлению к крепости. Вода шла по этому водопроводу из кягризов, находящихся в нагорной части города («Чамбаракенд») ¹⁰. В верхней части города (улица Ниязи) до недавнего времени находился древний овдан — водохранилище. Водопровод, называемый шахским, входил в крепость в районе зданий Баксовета и обеспечивал нужды той части города, где ныне расположен дворец Ширваншахов ¹¹.

В 1958 г. во время земляных работ в этом районе, близ крепостной стены на глубине десяти метров был открыт древний водопровод, сделанный из четырехугольных тесаных камней. Ширина разреза камня с внутренней стороны 14 см, высота — 20 см. Обнаруженный камень с куфической надписью позволяет отнести водопровод к XI—XII вв. Недалеко от этого места в 1959 г. под одной из крепостных башен была открыта подземная галерея длиной более 45 м в открытой части и высотой около 1 м. В конце галереи находилась подземная камера со стрельчатым сводом. Все сооружение выложено из камня-известняка. Глубина камеры от поверхности земли — 8,9 м. Открытая подземная галерея служила частью одного из кягризов-водопроводов, снабжавших водой крепость, а камера являлась своего рода отстойником ^{**}.

Рядом с дворцом находился большой овдан — водохранилище, ныне закрытый, по-видимому, снабжавший водой дворец и рядом находящуюся баню.

В 1953 г. при рытье котлована для строительства нового дома, на глубине 8 м от дневной поверхности, был обнаружен кягриз в 400—500 м к востоку от старой крепостной стены (по ул. Гуси Гаджиева) ¹².

Главная галерея кягризной системы продолжалась по прямой линии в направлении верхней части города. Этот водопровод входил в крепость в районе Шемахинских ворот и обеспечивал нужды восточной части города ¹³. В 1955 г. в трех местах в результате обвала земли были обнаружены кягризные колодцы. Все три колодца имели значительную глубину, приблизительно около 12—15 м. Во всех колодцах была вода и в глубине их видны отверстия подземных каналов. Несомненно, что первые два колодца являлись продолжением главной галереи кягризной системы по ул. Гуси Гаджиева. Третий колодец, судя по местоположению, был, вероятно, отдельным рукавом кягриза. Имелась еще третья линия водопровода, которая брала свое начало из двух родников, находящихся в районе нынешнего Центрального парка культуры и отдыха. Она входила в крепость в районе, где сейчас расположено здание Филармонии, и обслуживала в основном западную и южную части старого города ¹⁴.

Обнаруженная кягризная система на территории города дает возможность дополнить сведения Бакуви о водоснабжении феодального Баку, который питался пресной родниковой водой из трех основных водопроводных линий и имел фундаментальную и сложную кягризную систему в конце XIV в. и начале XV в. По-видимому, она была сооружена в более раннее время, на что указывает вышеуказанная находка камня с куфической надписью. В восточных слоях Бакинского холма в Ичери-шехер во время археологических раскопок, среди бытовых объектов верхнего слоя (XIV—

^{*} В связи с реставрацией дворца Ширваншахов были проведены археологические работы в 1932—1934 гг. и в 1938—1939 гг., в результате которых было установлено, что на территории, занятой дворцом, точнее под его фундаментом, сохранились остатки фундамента более раннего большого сооружения, предшествовавшего дворцу Ширваншахов. Сохранились следы старой кладки, перекрытой стенами дворца (1-й этаж, комнаты № 4, 12, 20).

^{**} Галерея была осмотрена и измерена проф. Е. А. Пахомовым и работниками реставрационной мастерской Министерства культуры и Института архитектуры и искусства республиканской Академии наук.

XVII вв.) была открыта хорошо сохранившаяся канализация, выложенная из прямоугольных каменных плит крупных размеров, идущая с запада на восток со значительным уклоном. Перекрытие и настил канализации состоят из таких же больших плит, плотно подогнанных друг к другу. Ширина канализации 0,6 м. Глубина 45 см. Продолжение этой канализации к западу было открыто в 1977 г. при разработке участка № 12. Изучение выявленной линии канализации позволяет прийти к определенному представлению о подземных коммуникациях средневекового феодального города Баку¹⁵.

По своим историческим памятникам Баку занимает важное место среди азербайджанских городов. Находясь в стороне от главных торговых путей и большой дороги, по которой шли завоеватели, окруженный полупустынными степями, Баку сохранил многие исторические и архитектурные памятники средневековья. Большое число архитектурных памятников: башен, караван-сараяв, мечетей, медресе, мавзолеев, бань, овданов, надгробий и т. д., рассеянных по Апшерону и находящихся в старой крепости Баку, относятся к XI—XIII вв. После завоевания страны монголами с 30-х годов до конца XIII в. отмечается перерыв в строительстве больших сооружений, что свидетельствует о разорении страны в связи с военными событиями.

Поэт Низари-йи Кухистани, посетивший Армению, Грузию и Арран в конце XIII в., в своей «Книге путешествий» упоминает Баку, где он был в январе 1281 г. Он отправился с караваном через город Гёкча в Арран. По дороге из Сарая в Баку в течение десяти дней путь был прегражден монгольским войском, которое направлялось против правителя Аррана — Менгу-Тимура*. Низари с трудом добирался до Баку. Город показался ему маленьким, неудобным и неприветливым¹⁶. Баку в это время был при монголах местом ссылки неугодных и опальных вельмож и знатных феодалов¹⁷. Город в XIII в. еще не оправился от разорительных войн монголов, когда территория от Дербенда до Баку являлась ареной военных действий между ильханами и золотоордынскими ханами.

С начала XIV в. вновь наблюдается строительство больших крепостных башен и других построек вплоть до XVI в. В это время началось новое строительство крупных оборонных сооружений в Баку и на Апшероне (четырёхугольная башня у северной крепостной стены в Бакинской крепости, Нардаранская башня, Раманинский замок с башней, окруженной стеной и т. д.), что говорит об экономическом развитии города и области. Однако в надписях этих сооружений мы не встречаем имен Ширваншахов. Вместо этого в строительных надписях зафиксированы имена с титулами и званиями — эмир, садр ал-муаззам, хаджиб и т. д. Этот факт свидетельствует о подчиненном положении Ширваншахов, вассалов Ильханов.

В крепостной части города Баку не сохранилось наземных архитектурных памятников ранее XI в. Остатки различных сооружений VIII в. и ранее погребены в наиболее древней части города — на вершине Бакинского холма.

Археологические работы установили, что вершина Бакинского холма была тесно застроена уже в VIII—XIII вв.¹⁸ и являлась, вероятно, кремлем, обведенным крепостной стеной. Здесь были обнаружены остатки стен больших строений, фундаменты домов, дворики, тендиры, колодцы. Судя по строительному мусору и найденным остаткам кира, можно предположить, что крыши домов в то время были перекрыты киром¹⁹. Территория города в это время простиралась до берега моря. Нижняя, приморская часть Бакинского холма, находившаяся в непосредственной близости от Гыз-галасы (Девичьей башни) и мечети Мухаммада ибн Абу-Бакра, была застроена в I—XIV вв. и представляла собой одну из старых частей города²⁰. В отдельные периоды, примерно в конце XIII и в XIV вв. очертания города в его южной части менялись в связи с колебанием уровня моря. Временами прибрежная часть города затоплялась, и вода доходила до Гыз-галасы, а после отступления моря недавнее дно бухты становилось территорией города. Это выяснилось из находок обкатанной водой керамики и разреза слоя морского песка, обнаруженного при рытье котлована под жилой дом на площади близ Девичьей башни²¹. Строительные работы, произведенные за пределами крепостной стены в западной и в северной ее частях, обнаружили, что за крепостной стеной были пригороды, где находились мастерские ремесленников. В северо-западной части крепостной стены было расположено древнее мусульманское кладбище, где были вскрыты домусульманские погребения и кладбище XII—XIV и более поздних веков²².

Архитектурные памятники Баку и Апшерона по строительному материалу, прекрасной теске местного камня бадамдар из мелкозернистого известняка, белого с желтоватым оттенком, а также

* Менгу-Тимур был младшим братом Абака-хана и неоднократно выступал против золотоордынских ханов, которые вторгались с севера через Дербендские ворота в Закавказье.

архитектурно-художественному стилю, выраженному в строгой и лаконичной форме, можно объединить в «ширвано-апшеронскую» группу памятников.

Наиболее ранним датированным памятником XI в. в старой крепости Баку является мечеть Мухаммада ибн Абу-Бакра, известная в народе под названием Сыных-гала^{**}. Мечеть расположена недалеко от нынешнего берега моря в юго-западной части крепости и состоит из прямоугольной со стрельчатой аркой комнаты с мехрабом; на северной стене мечети, налево от входной двери, снаружи вставлена небольшая четырехугольная каменная плита с арабской надписью в четыре строки, высеченная полукуфическим шрифтом, следующего содержания:

«Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! Это здание мечети приказал (построить) уstad, начальник (раис — С.А.) Мухаммад сын Абу-Бакра. Год один и семьдесят и четыреста» (471 г. х. — 1078/79 г. н. э.)²³. Эта дата соответствует годам правления ширваншаха Фарiburза I. К западу, рядом с мечетью, находится невысокий минарет высотой 12 м, отличающийся от других минаретов Баку и Апшерона своей толщиной и массивностью. Минарет этот напоминает своей формой крепостную башню. Верхняя площадка имеет барьер из каменных плит с высеченным геометрическим орнаментом²⁴. Ниже, под барьером, находятся крупные сталактиты, под которыми вокруг минарета помещена изящная надпись куфическим шрифтом с текстом из Корана (гл. 17, стих 81-82).

Строитель этой мечети был, по-видимому, начальником ремесленного цеха, как мы указали выше. Эта постройка по своему характеру принадлежит к памятникам развитого феодального города, а не поселения.

В крепости близ Гыз-галасы находится небольшая мечеть под названием Масджиди Баззас, т. е. мечеть торговцев тканями (по-видимому, в этом квартале находились торговые ряды этих купцов). На стене этой мечети имеется нерасшифрованная куфическая надпись, чрезвычайно пострадавшая от времени и непогоды²⁵.

В юго-восточной части старой крепости, близ Девичьей башни, находится хорошо сохранившийся памятник XII в. Лезги-мечеть. Как и все другие, за исключением Гилек-мечети, она представляет в плане удлиненную четырехугольную комнату, перекрытую стрельчатым сводом, и не имеет минарета. Эта мечеть, построенная из хорошо обтесанных камней, напоминает типичную жилую комнату апшеронского типа²⁶. Внутри мечети над мехрабом имеется надпись с датой 567 г. х. (1171—1172 г. н. э.) и именем мастера художественной резьбы — уstad-наджжара Ашура сына Ибрагима Бакуйи²⁷.

В юго-восточной части старой крепости возвышается необычный по своей форме памятник, называемый Гыз-галасы²⁸ (Девичья башня), в виде огромного каменного цилиндра высотой в 28 м. Толщина стен башни достигает 5 метров у основания и 4 метров на высоте 8 этажа. Башня имела восемь сводов с куполами, которые делили ее на 8 этажей. Башня была построена на выступе береговой скалы, отвесно обрывавшейся к морю. С восточной стороны башни имеется огромный выступ наподобие контрфорса²⁹, поднимающийся почти до самой вершины башни, который, по-видимому, служил для придания ей устойчивости и увеличения площади для военных действий при обороне.

С юго-востока снаружи сохранились полубашни, опоясывающие контрфорс. Башню эту по различию способов кладки можно разделить на две части: нижнюю, имеющую гладкую кладку, и верхнюю — рубчатую кладку из попеременно выступающих и отступающих рядов камней, заполненных известковой массой, со временем выветрившейся. В каждом этаже имеется по окну бойничного типа, выходящему на юг, в сторону моря и служившему для освещения башни и, возможно, для стрельбы в сторону моря.

Начиная со 2-го этажа, в каждом ярусе имеется ниша. В толще стены над входом в башню по всей высоте башни проложена гончарная труба диаметром около 30 см, вмазанная в шахту. Некоторые исследователи связывают имеющиеся здесь ниши и гончарную трубу с канализацией башни³⁰. Внутри башни находится колодец, устроенный в толще южной стороны стены. Башня эта имеет надпись на юго-западной стороне, приблизительно на высоте 14 м от земли. Эта краткая куфическая двухстрочная надпись из четырех слов читается так:

«Башня Мас'уда сына Давуда»³¹.

^{**} Сыных-гала означает «Сломанная башня», так как верхняя часть минарета была разрушена во время бомбардировки города генералом Матюшкиным в 1723 г.

Отсутствие в надписи даты и титулатуры феодала, построившего башню, дало основание считать надпись на Девичьей башне, составленной не от лица основателя-заказчика, а содержащей имя зодчего Мас'уда сына Давуда, жившего во второй половине XII в., отца архитектора, строителя круглой башни в Мардакян³². Весьма возможно, что Гыз-галасы была окружена крепостной стеной, на которой была надпись о построении ее Ширваншахом или другим феодалом, как это имелось в мардакянской четырехугольной башне и в других местах; раскопками близ Гыз-галасы были обнаружены остатки крепостной стены. Типичная форма куфического письма в этой надписи позволяет отнести ее к XI—XII вв.³³.

Имеется ряд легенд, связанных с Девичьей башней³⁴.

Наиболее популярная из них приведена Е. А. Пахомовым: «Какой-то шах решил жениться на собственной дочери, та, не желая подчиниться, поставила условием постройку для нее башни и, когда последняя была окончена, то, по одному варианту (И. Березин-Путешеств. I, 225), заперлась в ней, по другому (С. Г. Гмелин-Путешеств. III, 80) — бросилась с вершины в море. Простота конструкции, отсутствие подробностей и мусульманских наслоений позволяют отнести эту легенду о бакинской башне к глубокой древности»³⁵.

Подобный брак, отраженный в легенде, существовал как священный обычай при Сасанидах. Известно, что Йездигерд II (439—457 г. н. э.) по настоянию магов послал в Армению, Грузию и Албанию и другие провинции указ об обязательном изучении маздеизма и приказ «отцам жениться на дочерях, братьям на сестрах» и т. д.³⁶

Башни под названием Гыз-галасы имеются не только в Азербайджане и Иране, но и в ряде стран Ближнего Востока. Иранский исследователь Бастани-йе Паризи связывает подобные Гыз-галасы с древним культом Анахиты (Нахит) богини воды и плодородия. Как известно, в Авесте священными элементами считались вода, воздух, огонь и земля, каждый из которых имел свое божество. Нахит — это название священной реки в Авесте. Культ Анахиты был особенно распространен при Сасанидах в Иране и Закавказье. В честь Анахиты строились святилища, где скоплялись большие богатства. В некоторых из них устанавливались золотые статуи этой богини. В целях охраны находящихся в святилищах сокровищ они постепенно укреплялись и приняли вид укрепленных башен, называемых в честь Анахиты Девичьей башней. При исламе эти башни — святилища потеряли свое прежнее значение и в средневековье превратились в оборонительные укрепления³⁷.

Другие исследователи связывают название Гыз-галасы с названием гузских или огузских племен, либо считают, что название Девичья башня означает неприступную башню³⁸. В книге «Очерк истории средневекового Баку» и позже в другой статье, нами было высказано предположение о культовом характере Гыз-галасы и что имеется несомненная связь между существующей в Баку легендой о Девичьей башне и возникновением этой башни, которое, по-видимому, относится ко времени господства Сасанидов и зороастрийской религии на Апшероне. В XI—XII вв. башня была либо реставрирована, либо переделана и превращена в феодальную защитную башню оборонного значения, где укрывались местные феодалы с семьями и гарнизоном во время военных действий. Однако дальнейшее исследование этой башни археологами О. Ш. Исмизаде и Г. А. Джидди и изучение письменных источников заставило пересмотреть этот взгляд, как на культовый памятник.

Конец XII в. был периодом феодального процветания города Баку. Ширваншахи украсили город рядом сооружений и укрепляли его. Ширваншахи владели сильным морским флотом, состоявшим из нескольких десятков кораблей. Есть известие о том, что ширваншах Ахситан I около 1175 г., пользуясь поддержкой грузинского царя Георгия III, разбил около Баку флот русов из 73 кораблей и взял Шабаран и Дербенд, захваченные хазарами³⁹. Русы были изгнаны из Ширвана. В это время значение Баку как одного из богатых городов Ширвана и важного порта на Каспийском море еще более увеличивается. В известной касиде Хагани (XII в.), восхваляющей ширваншаха Ахситана ибн Минучихра, отмечается значение Баку как неприступной крепости:

Благодаря его благословию, Баку сегодня
Подобен Бистаму в Хаваране (Хорасане)⁴⁰.

В первых двух строках касиды Хагани говорит о Баку как о неприступной крепости и значительном городе Востока, сравнивая его с Бистамом — сильно укрепленным городом Хорасана. По-видимому, здесь речь идет о построенной или реставрированной Ахситаном Гыз-галасы. Угроза нападения врага со стороны моря заставила Ширваншаха построить защитную башню у морского берега. Известно, что в XII в. Ширваншахи возводили в Баку крупные

сооружения оборонного характера и построили крепостные стены старого Баку. Вероятно, Гыз-галасы в это время входила в оборонительную систему города. Имеется ряд предположений по поводу назначения Гыз-галасы. Дж. Александрович — Насыфи⁴¹ и Е. А. Пахомов⁴² полагают, что Гыз-галасы является защитной оборонительной башней XII в. Д. А. Ахундов считает ее семиалтарным восьмизэтажным башенным храмом Великого Митры или древнего Ахура Мазды и датирует ее VIII—VII вв. до н. э.⁴³ М. А. Набиев высказал мнение, что Гыз-галасы является зороастрийской дахмой⁴⁴ (т. е. башней, где на вершине выставлялись трупы людей на растерзание коршунов), а Г. М. Ахмедов считает башню обсерваторией⁴⁵. Большая толщина стен Гыз-галасы 5 м в нижней части и 4 м в верхней и большая высота — 28 м опровергают мнение трех последних исследователей, так как ни для храма огня, дахмы и обсерватории стены подобной толщины и высоты не нужны, кроме того, ни арабские, ни персидские источники IX—X и более поздних веков, не упоминали в Баку памятник с подобными назначениями как храм огня, дахма или обсерватория. Надпись на башне относится к XII в. Можно заключить, что Гыз-галасы являлась защитной оборонительной башней как со стороны моря, так и суши, где укрывался ширваншах с семьей и феодалами во время военных действий, и где оборона велась с вершины Гыз-галасы. Первое упоминание о Гыз-галасы относится, очевидно, к 1403 г., когда уроженец Баку Абд ар-Рашид ал-Бакуви писал о Баку, что там имеются две прочные крепости из камня чрезвычайно укрепленные. Одна из них большая стоит близ моря, волны которого бьют в ее стены.

Это, по-видимому, крепость Сабаил внутри Бакинской бухты, которую не смогли взять монголы. О второй, более высокой крепости он сообщил, что верхняя часть ее с одной стороны была разрушена катапультной во время осады города монголами⁴⁶. Это сведение можно отнести к Гыз-галасы. Башня стояла на краю высокого скального обрыва, близ морского берега, и в это время, в 1403 г. море, видимо, доходило до подножья стен этой неприступной крепости.

В 1924 г. были произведены небольшие раскопки близ башни, которые обнаружили вокруг башни ряд подземных комнат, крытых стрельчатыми сводами. Некоторые комнаты имели в стенах различные ниши⁴⁷. По-видимому, это были здания одного из городских кварталов старого Баку, находящегося в районе Девичьей башни, разрушенных и засыпанных при построении башни, либо во время военных действий в этом районе.

Археологические работы 1962—1964 гг. вокруг Гыз-галасы обнаружили ряд хозяйственных ям и колодцев, где было найдено большое количество фрагментов стекла, глиняных сосудов, чирахов-светильников, цветного фарфора, фаянса и др. предметов. Заслуживает внимания обнаруженная бронзовая фигурка рыбы оригинальной формы, носящая архаический характер⁴⁸.

Раскопки около башни выявили также несколько связанных с нею неглубоких сухих колодцев, соединенных между собой подземной галереей, которые могли служить лишь для отвода жидкостей из башни в сторону⁴⁹.

Внимательный осмотр Девичьей башни показывает, что вершина ее была реставрирована. В настоящее время верх башни не имеет машикулей, но, несомненно, что в XII в. они существовали. По-видимому, вершина башни за время ее существования многократно разрушалась и переделывалась.

Эта величественная башня, наиболее ранняя по возрасту, превосходила по размерам все башни Апшерона и являлась в XII в. мощной оборонительной постройкой внутри крепости и главной цитаделью в системе защитных укреплений Баку и прилегающих районов.

В XII в. Ширваншахи владели сильным морским флотом, состоящим из нескольких десятков кораблей, и Баку являлся одним из значительных феодальных городов Ширвана, оборона которого являлась важным государственным мероприятием.

На северной стороне Гыз-галасы раскопками прослеживаются остатки крепостной стены и полубашни, тянувшейся по направлению к шах Аббасовским воротам, где она соединялась с ныне сохранившимися крепостными стенами. С восточной стороны Девичьей башни, примыкавшая к контрфорсу стена, продолжалась в сторону юга по направлению к морю, где она простиралась до сооружения крепостного типа в Бакинской бухте⁵⁰.

В северной части крепости, близ крепостной стены и шах Аббасовских ворот, было обнаружено подземное сооружение. Произведенное археологом Дж. Халиловым обследование выявило ряд маленьких комнат, перекрытых куполами, а также большую комнату и следы других помещений. Однако работы по выявлению этого памятника остались незавершенными и назначение этих древних сооружений осталось невыясненным. По предположению проф. Е. А. Пахомова, это сооружение могло быть древней баней, относящейся к периоду правления Ширваншахов XI—XII вв.

Период кульминационного развития феодализма в Азербайджане прослеживается и во внешнем облике города Баку. К периоду XI—XII вв. относятся значительные постройки: мечеть Сыных-гала, Лезги-мечеть, Гыз-галасы, крепостные стены города и, вероятно, постройка цитадели на месте Дворца Ширваншахов. Археологические работы на территории старой крепости выявили тип городского жилья, характерный для Апшерона, с плоской крышей и нишами с двориками, где были колодцы для различных хозяйственных нужд. Все эти постройки свидетельствуют о развитии городской жизни и его экономики.

Продолжение процесса сложения градостроительной структуры Баку прослеживается в XIII—XIV вв. В это время центром города являлся район Девичьей башни. В территорию средневекового города входил также один из любопытнейших архитектурных памятников средневековья, остатки которого в течение многих столетий были скрыты под водой в Бакинской бухте и обнажились в начале прошлого века, так называемый «подводный караван-сарай». Местные жители называли его также «баиловскими камнями» или «городом Сабаил». Сооружение это, как видно, строилось во время низкого стояния вод Каспия, вероятно, в конце XII в., когда территория бухты была сухой.

Затопление этого сооружения произошло, по-видимому, в начале XIV в. (1306 г.) в результате сильного землетрясения, приведшего к опусканию части берега и сильному повышению уровня Каспийского моря. Легенды и предания о затонувшем городе Сабаиле близ Баку отражают вероятный факт этой катастрофы. Упоминание об этом подводном сооружении в Бакинской бухте мы находим у ряда путешественников, побывавших в этих краях, у исследователей Каспийского моря, которые привлекали сведения о названном сооружении как свидетельство о стоянии моря в то или иное время. Но никто из этих исследователей не мог установить ни время сооружения, ни назначения этой постройки.

Археологическими исследованиями 1946 и 1962 гг. установлено, что в годы правления ширваншаха Фарибурза III в Баку строили или возобновляли строения крепостного типа, находящиеся в Бакинской бухте⁵¹. Надпись, носящая дату 632 г. х. (1234/5 гг.), обнаруженная на его стенах, указывает на время окончания его постройки и совпадает со временем завоевания страны монголами. По сведениям восточных авторов, монголы долго не могли взять Баку, жители которого оказывали захватчикам упорное сопротивление⁵². Существовало ли укрепление в бухте в момент осады Баку или же оно было построено после взятия города монголами, точных сведений об этом пока не имеется. По-видимому, укрепление это уже существовало до прихода монголов и было частично разрушено ими во время осады города стенобитными машинами. Позже, в XIV в., в связи с повышением уровня моря⁵³ и затоплением названного укрепления, памятник этот в течение многих веков окончательно разрушился под действием морской воды и в таком виде дошел до нас.

Абд ар-Рашид Бакуви в 1403 г. писал: «Бакуйа... город, построенный из камня... Его стены омываются водами моря, которое затопило много стенных башен и приблизилось к (соборной) мечети...»⁵⁴.

По описанию Бакуви видно, что уровень моря был в это время высоким и воды Каспия, по-видимому, затопили побережье, дойдя до крепостных стен близ Девичьей башни и Джума-мечети. Следовательно сооружение в бухте в 1403 г. было в значительной степени затоплено. Дальше Бакуви сообщает: «...В этом городе имеются две прочные каменные крепости весьма укрепленные. К одной из них, к большей, море подошло так близко, что волны бьются о ее стены. И эта та, которую татары (монголы. — С.А.) не смогли взять...»⁵⁵. Сведения о крепости, омываемой волнами моря, по-видимому, относятся к развалинам в бухте. Монголы не могли ее взять, так как она была сильно укреплена. Как видно, она была сильно разрушена во время землетрясения и с тех пор больше не восстанавливалась.

Молчание восточных и западных авторов об этом подводном сооружении вплоть до начала XVIII в. можно объяснить тем, что оно, примерно, с начала XIV в. и до начала XVIII в. было затоплено водами Каспия. С 1925 г. уровень Каспия стал резко падать и сооружение постепенно вышло из-под воды.

В 1683 г. Баку посетил ученый и путешественник Э. Кемпфер, оставивший любопытное описание города. В рисунке с видом города, сделанном Кемпфером, можно заметить недалеко от крепостной стены, уходящей далеко в море, виднеющиеся из-под воды вершины нескольких башен, по-видимому, относящихся к подводному сооружению в бухте. Из описания Кемпфера видно, что он видел остатки этого сооружения⁵⁶, которые в то время частично выступали из воды в связи с начавшимся, но пока незначительным понижением уровня моря.

Начиная с первой четверти XVIII в. в исторической литературе сообщается о потопленном сооружении⁵⁷.

В XIX в. появляется ряд работ акад. Е. Ленца⁵⁸, К. Спасского-Автономова⁵⁹, Н. Филиппова⁶⁰, А. В. Вознесенского⁶¹, А. И. Михалевского⁶², Н. В. Ханыкова⁶³, Б. Дорна⁶⁴ и др. В них даются обмеры, планы и подробное описание развалин подводного сооружения в Бакинской бухте.

Некоторые исследователи, называя сооружение караван-сараям, считали, однако, что это было крепостное сооружение, или, вернее, сторожевое укрепление, затопленное в древности водой. Сохранился ряд легенд о потопленном городе Сабаиле⁶⁵.

Низкий уровень стояния Каспия позволил Институту истории Азербайджанского филиала АН СССР произвести в 1938—1940 гг. археологическое обследование этого сооружения, позволив уточнить дату построения памятника⁶⁶. Археологические раскопки были продолжены институтом в 1946 г.⁶⁷ и 1962 г.

Построенный на возвышенном холме — небольшом островке внутри бухты в виде крепости, он имеет около 180 м в длину и 40 м в ширину⁶⁸. Башни (числом 15) были соединены стенами, и все здание вокруг в верхней части стены было обрамлено полосой надписи, сделанной арабским шрифтом. Каждый из этих камней с надписями имел около 70 см в длину и от 25 до 50 см в ширину, толщина достигала 15—25 см.

Кроме надписи, на некоторых камнях имеются барельефные изображения человеческих голов анфас, часто с короной; иногда эти изображения напоминают бегущее животное, похожее на буйвола, быка, барана; встречаются также изображения головы льва, собаки, верблюда и т. д. Наиболее интересной находкой были два камня с частью барельефов двух лошадей натуральной величины. За все время работ было найдено и поднято из-под воды 636 камней с надписями. На двух камнях было вырезано арабским шрифтом: «Работа мастера Зейн ад-Дина ибн Абу-Рашида Ширвани»⁶⁹.

Первым указанием на время сооружения крепости послужила обнаруженная в кладке стены монета ширваншаха Фарибурза III, чеканенная в первой четверти XIII в.⁷⁰ Несколько позже был найден обрывок надписи с датой 63 ... хиджры, и, наконец, в 1946 г. было найдено повторение этой даты уже полностью в виде 632 г. хиджры, то есть 1234—1235 г. н.э.⁷¹

Из личных имен на надписи встречались «Мухаммад ибн Йазид», «Халид», «Али», «Минучихр», «Гуштасп», «Гершасф», «Фарибурз»⁷², из лакабов (прозвищ. — С.А.) — «Джалал ад-Дин», «Джамал ад-Дин», из титулов — «султан» и «шах» и т. д.⁷³ Затем на одном камне можно прочесть «Бендер-и Баку», т. е. «порт Баку». Упоминается также «Рашид ан-Наккаш», т. е. художник Рашид, который, вероятно, вырезал на камне изображения людей и животных.

Надпись начиналась со слов «бисмиллах», далее упоминался «ал-малик высочайший ширваншах», при котором построено «это сооружение» (имарет). Рядом с этой надписью на двух камнях было вырезано имя Фарибурз⁷⁴, при котором, вероятно, постройка данного сооружения была завершена. В тексте надписи дана генеалогия династии Ширваншахов Мазйаидов.

Надписи на этих камнях до сих пор полностью не прочитаны. Изображения различных животных, вероятно, показывают годы правления того или иного ширваншаха. Известно, что в период средневековья в странах Ближнего Востока названиями животных обозначали тот или иной год. Изображения человеческих голов с короной, по-видимому, относятся к отдельным представителям династии Ширваншахов.

Археологическими раскопками 1946 г. здесь были обнаружены фундаменты девяти жилых помещений, два из которых имели очаги. В процессе работ были найдены фрагменты глиняной посуды черного и красного обжига, а также целые сосуды. Попадались и фрагменты глазурованной посуды, характерной для XII—XIII вв. Среди керамических изделий, найденных в районе центральной площадки, были обнаружены обломки гончарных труб различных диаметров, которые, по-видимому, являлись водопроводными.

Обследование этого сооружения в бухте показало, что это была защитная морская крепость. Предположение о том, что она построена на месте храма огнепоклонников⁷⁵, не подтвердилось обследованием памятника археологом О. Ш. Исмизаде в июне 1962 г. Небольшая ширина входных дверей (1,25 м) опровергает версию о том, что это был караван-сарай, так как навьюченные верблюды и лошади не смогли бы пройти через них. Толщина оградительной стены, колеблющаяся от 1,5 до 2 м, свидетельствует о том, что это довольно надежное крепостное сооружение оборонного значения наряду с Девичьей башней охраняло город со стороны моря.

Конфигурация Бакинской бухты в период постройки этого сооружения отличалась тем, что перешеек, соединяющий место постройки этого укрепления с так называемой Баиловской

пишкой, если не выступал над уровнем моря, то по крайней мере совпадал с ним своей верхней поверхностью.

По этому перешейку можно было свободно подъехать или подойти к главным воротам сооружения. В то же время этот перешеек отделял от Бакинской бухты небольшой участок — своего рода вдающегося в материк заливчика между этим перешейком и тем берегом, на котором теперь воздвигнуты постройки судоремонтного завода им. Парижской коммуны. Такой небольшой заливчик — бухта — был достаточен для укрытия в нем судов того времени. Створами этой бухты служили: место рассматриваемого строения и место, занимаемое теперь заводом им. Парижской коммуны. При земляных работах во дворе этого завода были обнаружены фундаменты башен и стен. На рисунке художника Сергеева 1797 г. на этом месте видны крепостные стены с полубашнями. Таким образом, затопленное впоследствии укрепление, а также укрепления на месте завода им. Парижской коммуны, оберегали вход в эту бухту. Наличие пояса в верхней части стены с надписью по всему периметру здания (около 400 м) с рельефными изображениями людей и животных, указывает на светский характер этого сооружения.

Богатство орнамента и декоративный характер полосы с надписью говорит о том, что сооружение имело парадное назначение. Этот памятник строился или реставрировался в начале XIII в., во время царствования Фарiburза III, когда в Ширване наблюдался подъем в хозяйственной и экономической жизни⁷⁶. Морская крепость на подступах к Баку была необходима на случай нападений со стороны моря. Ширваншахи в конце XII в. владели морским флотом, который, по-видимому, стоял вокруг этой крепости. С внешней стороны вокруг стены видны камни с отверстием для привязи судов.

На территории Азербайджана это единственный сохранившийся уникальный памятник, имеющий подобный архитектурный декор, в виде барельефов с изображениями людей и животных. Ариф Ардебилли, автор второй половины XIV в., сообщает о том, что ширваншах Ахситан (XII в.) построил в районе Шемахи на горе неприступную крепость Гюлистан, окруженную каменной стеной, в верхней части которой имелись прекрасные рельефные изображения фигур, высеченных на камне⁷⁷. Олеарий, посетивший Шемаху в 1637 г., видел близ города, на горе, развалины большой старинной крепости Гюлистан, где на стене имелись скульптурные изображения человеческих голов⁷⁸. Дальше у Арифа Ардебилли говорится о том, что «в Баку тоже есть крепость, противостоящая морю. Это крепость Ноушехр (новый город?), которая затоплена водой»⁷⁹. По-видимому, затопленная крепость в бухте именовалась Ноушехр, т. е. новый город и подобные барельефы делались по традиции на значительных сооружениях в XII—начале XIII вв.

По свидетельству источников, в 1191 г. Шемаха была сильно разрушена землетрясением, во время которого погибли жена и дети ширваншаха Ахситана I⁸⁰. По-видимому, в связи с этими событиями Ахситан перенес в это время свою резиденцию из Шемахи в Баку. В этот период, вероятно, и началась постройка крепости-дворца, подобной Гюлистанской, на территории нынешней бухты, где, вероятно, ширванские мастера выполняли скульптурные изображения и надписи. Об этом говорит нисба мастера Зейн ад-Дина Абу Рашида Ширвани. На эти события намекают обрывки надписи, где упоминаются жители города Шемахи.

Возможно, что построение сильной крепости в Баку было вызвано политическими событиями, когда столице Ширвана Шемахе угрожало нашествие иноземцев и окраинный для Ширвана Баку служил надежным убежищем для Ширваншаха и его семьи. Особенно это было необходимо после первого нашествия монголов и разорения Шемахи в 1221 г.

В XIV в., в связи с затоплением этой крепости — резиденции Ширваншахов, постройка нового дворца была осуществлена на новом безопасном месте на вершине бакинского холма, где в первой половине XV в. был построен ансамбль дворца Ширваншахов. Дворец этот защищала со стороны суши крепостная башня, примыкавшая к зданию Академия наук.

Памятник в баиловской бухте, постройка которого была завершена в 632 г. х. (1234/5 гг.), в период правления ширваншаха Фарiburза III, являясь сильной морской крепостью, был в то же время резиденцией Ширваншахов. В надписи, где дана генеалогия Ширваншахов династии Мазйадидов, упоминаются различные исторические события, связанные с правлением отдельных представителей этой династии. Дальнейшие работы по расшифровке надписей позволят сделать более точные выводы.

Одним из древних памятников Баку являлась ныне не существующая старая мечеть в Биби-Эйбате, в Шиховой деревне, в 5—6 километрах от города. Мечеть эта была расположена на скате горного отрога на расстоянии полукилометра от берега моря и по преданию построена на месте

нахождения гробницы дочери седьмого имама Мусы Казима, убежавшей в Баку от преследования халифов. Имам этот родился в 128 г. х. (745/6 г. н. э.) и убит в Багдаде халифом Харун ар-Рашидом в 183 г. х. (799/800 г. н. э.)⁸¹.

По другой версии, во время борьбы курейшитов, правителей Мекки, со сторонниками Мухаммада некоторые из них бежали. В числе бежавших был 8-й имам Риза, со своим семейством. Во время бегства они разъединились, сам имам попал в Хорасан, а дочь его и сестра попали в окрестности Баку и поселились на месте теперешней Шиховой деревни, где и умерли⁸². На месте их погребения была построена усыпальница с мечетью. Гробница считалась священной до недавнего времени; туда приезжали из разных мест на поклонение. Дочь имама звали Укеймаханум, у нее был слуга по имени Эйбат, который также похоронен в этом месте. Так как Эйбат называл Укеймаханум «биби», т. е. тетья, то и мечеть называли Биби-Эйбат*, т. е. мечеть тети Эйбата. После постройки мечети вокруг нее поселились шейхи, члены религиозного ордена, по имени которых деревня стала называться Шейховой или Шиховой⁸³.

Около мечети возвышался высокий стройный минарет высотой около 20 м. К ней примыкали также усыпальница-мавзолей, склепы и могилы. С северной стороны к усыпальнице была пристроена новая мечеть около 1900 г., при постройке которой была переделана и старая мечеть и усыпальница⁸⁴.

На южной стене старой мечети имелась арабская надпись, которая гласила: амала Махмуд ибн Са'ад «Работа Махмуда ибн Са'ада»⁸⁵. Точно такая же надпись находится на башне в сел. Нардаран, построенной в 700 г. х. (1301 г. н. э.). Та же дата с именем того же зодчего содержится и в надписи мечети Молла Ахмед в старой крепости Баку.

Таким образом, можно приблизительно определить время построения мечети в Биби-Эйбате, отнеся ее к концу XIII в.

К этому же времени относят другую надпись на стене старой мечети в Биби-Эйбате, о которой упоминали А. А. Бакиханов⁸⁶, И. Березин⁸⁷, Б. Дорн⁸⁸ и Н. Ханыков⁸⁹.

Е. А. Пахомов читает с поправкой эту надпись, изданную И. Березиным: «Мелик высочайший, султан верховный, защитник мира и веры Абу-л-Фатх Фаррухзад, сын Ахситана, защитник эмира верующих да продлит Аллах его царствование и владычество! Во время...»⁹⁰

Н. Ханыков, говоря о надписи на этой мечети с именем Фаррухзада сына Ахситана II сына Фарибурза, датировал ее 680 г. хиджры⁹¹ (1281—1282 г. н. э.). На основании 4 вариантов этой надписи, опубликованной Б. Дорном⁹² и И. Березиным, приводим текст этой надписи в следующем виде: «амара би-бина хаза-л-масджид ал-малик ал-му'аззам ас-султан ал-азим Наср ад-Давла ва-д-Дин Абу-л-Фатх Фаррухзад ибн Ахситан ибн Фарибурз Насир Амир ал-Му'минин халлада-Аллаха мулкиху ва-д-Давлятуху фи тарих санат . . . саманин ... ».

«Приказал построить эту мечеть мелик возвеличенный, султан величайший, защитник государства и веры, Абу-л-Фатх Фаррухзад ибн Ахситан ибн Фарибурз помощник эмира верующих, да продлит Аллах его царствование и владычество! В дату года восьмидесятого (1281—1282 г.).

По сведениям Бакиханова, имя Фаррухзада зафиксировано на мечети в связи с реставрацией ее Ширваншахом⁹³. Возможно, мечеть была древнее надписи, и Фаррухзад жил в хорошо защищенной крепости Баку.

В крепости Баку сохранился ряд памятников, построенных при монголах во время правления Ширваншахов и относящихся к XIV в.: мавзолеев, надгробий, особенно мечетей, среди которых выделяется Гиляк-мечеть. На стене мечети имеется следующая надпись: «Приказал отреставрировать эту мечеть уважаемый садр (представитель духовенства, в ведении которого были вакфы — С.А.) Амин ад-Дин... сын Абу-Бакра, да споспешествует ему Аллах в добрых делах — с целью лицезреть божие лицо и чтобы угодить ему. Дата зу-л-хиджжа год восемь и семьсот» (708 г. х.= 12.V—21.VI—1308/9 г. н. э.)⁹⁴.

Надпись сообщает о реставрации мечети, которая, по-видимому, построена в более раннее время. Эта мечеть выделяется своей планировкой. В южной стене ее имеется окно с ажурной решеткой, высеченной из камня, представляющей собой орнамент в виде восьмиконечной звезды с крестом. Верхняя часть оконной рамы завершается стрельчатой арочкой, а обрамление рамы покрыто орнаментом растительного характера. Подобные окна встречаются во многих памятниках Апшерона и Баку, в мавзолее Дервиша, мечети в сел. Мардакян и т. д.

* Биби-Эйбатская мечеть была полностью разрушена динамитом в конце сентября 1936 года по приказу Мир-Джафара Багирова, первого секретаря ЦК КП Азербайджана.

По сведениям Б. Дорна, в крепости было несколько старых мечетей без минаретов, имеющих строительные надписи: Мечеть Шафиуллага с именем садра Насир ад-Дина Гештаспа ибн Хасан Хаджиба, год 7... (XIV в.), устада Махмуд ибн Мас'уда⁹⁵. На южной стене мечети Молла Фатхаллах, или Хаджи Ага Маали, Дорн датирует надпись третьим рамазаном 748 г. х. (7 декабря 1347 г.) с именем строителя мечети мавлана Ахмеда ибн Шамс ад-Дина Мухаммада⁹⁶; на мечети Молла Насираллага, близ дворца Ширваншахов имелась надпись, носящая дату: мухаррам 777 г. х. (июнь, июль, 1375 г. н. э.); имя кади ал-кудата (верховного судьи), строителя мечети, стерто; сохранилось имя хаккака (резчика-каллиграфа) — Мухаммад ал-Арифа⁹⁷. В крепости сохранилась маленькая Джин-мечеть, находящаяся близ Джума-мечети, со строительной надписью, носящей дату 777 г. х. (1375 г. н. э.)⁹⁸.

Недалеко от Девичьей башни находится соборная Джума-мечеть, построенная в начале 1899 г., на месте древней Джума-мечети. Имеется старый план Джума-мечети, вычерченный по обмерам 1888 г. академиком Павлиновым⁹⁹. Мечеть эта неоднократно перестраивалась и реставрировалась. Прежде она имела шатровое перекрытие. По описанию путешественника, посетившего мечеть в 1873 г., посреди мечети возвышались четыре арки, верх которых не имел перекрытия. Эти арки были древнее мечети и сохранились от древнего храма огнепоклонников, который был переделан мусульманами в мечеть¹⁰⁰. К новой мечети примыкает минарет XV в., у основания которого вмонтирован ряд надписей, прежде находившихся, по-видимому, на стене древней Джума-мечети. Среди них имеются две надписи XI—XII вв., исполненные куфическим шрифтом. Одна из них (меньшая), как видно, более древняя. Ниже помещена надпись (которая прежде находилась на северной стороне древней Джума-мечети), содержащая указ султана Улджайту.

По сообщению Б. Дорна¹⁰¹, на южной стороне древней Джума-мечети была надпись, которая в настоящее время вмонтирована в основание минарета этой же мечети. Содержание надписи следующее:

Амара битаджид хаза-л-имара малик ал-умара ва-л-акабир ал-амир Шараф ад-Дин Махмуд ибн Фахр ад-Дин мулк дам иззаху фи тарих раджаб сан'а тис'а ва саб'а-майа.

«Приказал возобновить это здание повелитель эмиров и вельмож, эмир Шереф ад-Дин Махмуд сын Фахр ад-Дина... да продлится его владение. В дату (в месяц) раджаб, год девять и семьсот» (709 г. х. 5.XII—4.1.1309/10 г.)¹⁰².

Надпись эта говорит о реставрации здания, которое, по-видимому, относится к более раннему времени.

В XIV в. в Баку и на Апшероне вновь возводятся сооружения оборонительного характера, феодальные замки и другие архитектурные постройки, мечети, бани и т. д. Однако на этих памятниках отсутствуют имена ширваншахов.

У северо-западной крепостной стены в Баку находится ныне реставрированная четырехугольная башня-донжон, датируемая XV в. К XIII—XIV вв. относится феодальный замок в сел. Рамана, состоящий из прямоугольной башни, окруженной крепостной оградой. 700 г. х. (1301 г.) датируется замок в сел. Нардаран, состоящий из круглой башни-донжона и окружающих его крепостных стен с башнями. Очевидно, Нардаран в XIII—XV вв. играл довольно важную роль в жизни края, на что указывает значительное количество древних памятников, которые постепенно появляются на поверхности песчаных дюн. Здесь находилась летняя резиденция Ширваншахов Дербенди.

Помимо перечисленных памятников источники сохранили известия о недошедших до наших дней сооружениях, представляющих собой произведения искусства. Так, например, поэт Ариф Ардебели, живший при дворе ширваншаха Кейкавуса ибн Кейкубада во второй половине XIV в. описывает большой мавзолей на кладбище в Баку, который «издали виден как сверкающее солнце». Купол мавзолея был построен с большим искусством¹⁰³. Далее он говорит, что для постройки здания из «крепости Диван» (Дивандез) был привезен мраморный камень. По-видимому, здесь речь идет о нынешней станции Дуванный, близ которой еще в древности добывали для строительства камень бадамдар. На рисунке художника Сергеева (1797 г.) на вершине горы на кладбище видны два мавзолея оригинальной формы: один с шатровым перекрытием, другой (двухэтажный) с полусферическим куполом. Эти сооружения не сохранились до наших дней.

При Ширваншахах Дербенди в связи с экономическим развитием страны Апшерон обогатился рядом красивых архитектурных памятников. Большое развитие получают общественные постройки, дворцы правителей и обширные усадьбы с многочисленными при них службами.

Прежнее феодальное строительство башен-крепостей уступает место дворцовым сооружениям типа Ширваншахского дворца в Баку и в сел. Нардаран¹⁰⁴.

При ширваншахе Халиллуллахе I в Баку были построены некоторые здания дворца Ширваншахов. Этот ансамбль дворцовых построек является одним из замечательных памятников архитектуры средневекового Азербайджана и представляет собой ряд зданий, воздвигнутых одновременно в течение XV—XVI вв. Ширваншахами династии Дербенди. Резиденцией Ширваншахов до того времени был город Шемаха. Но вследствие возвышения экономического и политического значения Баку, который в XV в. был одной из сильно укрепленных крепостей и главным портом на Каспийском море, ширваншах Халиллуллах I избрал своим новым местопребыванием Баку.

Ансамбль дворца состоит из ряда построек: наиболее крупного по своим размерам главного здания дворца, «Диван-хане», «тюрье» (усыпальницы) и мечети с минаретом, мавзолея Сейида Йахья Бакуви (так называемый «мавзолей дервиша») и остатков старой мечети. К дворцовым постройкам относятся еще одиноко стоящий портал с восточной стороны, так называемые «Ворота Мурада», овдан (водохранилище) и остатки разрушенной бани.

Весь этот ансамбль дворцовых сооружений, построенный из местного камня прекрасной тески, красивого охристо-желтоватого оттенка, говорит о высоком мастерстве зодчих и художников того времени и является выдающимся произведением архитектуры¹⁰⁵.

Произведенные археологические работы на территории дворца Ширваншахов с 1932 по 1949 г. и архитектурный анализ ансамбля показали, что здание дворца, возведенное на самой вершине бакинского холма, по-видимому, является наиболее ранней постройкой из всех дворцовых сооружений. Дворец состоит из главного двухэтажного здания, включающего 52 комнаты, и пристроек. Нижний этаж здания, содержащий 27 комнат, служил, по-видимому, помещением для слуг и для хранения хозяйственных запасов¹⁰⁶.

В облике второго этажа произошли сильные изменения в XIX в., когда здание было приспособлено под складские помещения царским военным ведомством¹⁰⁷.

Во время перестройки дворца были разрушены купола и разобраны промежуточные стены во втором этаже. «Так уничтожена была везде мозаичная штукатурка сводов и куполов»¹⁰⁸. «Кровля устлана была лазоревого цвета камнями»¹⁰⁹, — сообщает путешественник Лерх, бывший здесь в 1733 г. По его описанию «ворота, двери и окна чрезвычайно сделаны искусно и галереи резной работы»¹¹⁰.

Археологические раскопки на территории дворца выявили голубые глазурованные изразцы, очевидно, покрывавшие куполы дворца¹¹¹. Обнаруженные в колодцах обломки решеток с геометрическим орнаментом, вырезанным в известняковых плитах¹¹², подтверждают сообщения путешественников о том, что оконные проемы здания дворца были забраны решетками, высеченными из камня¹¹³.

Раскопки комнат первого этажа показали, что дворец стоит на скале и под ним в древности, до постройки дворца, было какое-то большое сооружение, фундаменты стен которого вклиниваются в фундамент дворца. Вероятно, от этого древнего сооружения сохранилось два восьмигранных зала, один из которых, непосредственно примыкающий к portalу дворца и превышающий в высоту все помещения дворца, был, по-видимому, парадным залом для приемов. К главному зданию дворца примыкает «Диван-хане», представляющий собой небольшой изящный павильон, расположенный внутри двора, с трех сторон окруженного галереей-аркадой, а с четвертой — стеной, примыкающей к главному зданию дворца. Этот памятник по красоте и изяществу считается шедевром не только азербайджанской архитектуры средних веков, но и аналогичных памятников Ирана, Малой Азии и всего Ближнего Востока¹¹⁴.

Павильон «Диван-хане» состоит из восьмигранного зала, перекрытого как внутри, так и снаружи каменным куполом. Снаружи в пределах пяти граней этот зал окружен аркадой. К нему примыкает прямоугольное помещение вестибюля. Наружным входом в вестибюль служит стройный, богато декорированный портал, который заканчивается каменным сталактитовым полукуполом¹¹⁵. В верхней части портал имеет сложный растительный ковровый орнамент, вырезанный на камне. Внутри помещения вестибюль соединен входами в галерею-аркаду, в зал и находящуюся под полом зала восьмигранную в плане камеру, под которой находится вторая прямоугольной формы камера в подполье, входом в которую служит отверстие на уровне земной поверхности с северной стороны. Стены этих камер облицованы хорошо обтесанными плитами. В скале, служащей основанием второй камеры, находится устье колодца пятиметровой

глубины¹¹⁶. Функциональное назначение этих двух камер, так же как и всего сооружения в целом остается невыясненным, несмотря на ряд исследований этого памятника.

Внутри здания Диван-хане над входом в зал из вестибюля находится надпись, содержащая следующие стихи десятой суры Корана: «Аллах призывает к обители мира и ведет, кого пожелает, по прямому пути! Тем, которые добродетели, — доброе и придача; и не покроеет их лица пыль и унижение. Это — обитатели рая, в нем они пребывают вечно»¹¹⁷. Над входным проемом в глубине ниш и портала имеется рамка для надписи; не имеющая следов надписи. Отсутствие надписи не позволяет точно установить назначение этого интересного памятника. Это здание, по-видимому, было построено в конце XV в., после сооружения главного здания дворца, мечети и усыпальницы.

Строительство Диван-хане было не завершено, на что указывает незаконченность орнаментации капителей и баз колоннады и других деталей здания. Возможно, что строительство здания было приостановлено в связи с военными событиями 1500—1501 гг.

Над одним из дверных проемов Диван-хане имеется плохо сохранившаяся однострочная арабская надпись, которая до настоящего времени не поддается чтению. Однако В.М.Сысоев утверждал, что прочел в ней имя Халилуллаха I и дату 832 г. х. (1428/9 г. н. э.), что невозможно сейчас проверить¹¹⁸.

Существуют различные мнения по поводу назначения Диван-хане. Предполагают, что оно служило зданием для судопроизводства¹¹⁹, приемов или государственного совета¹²⁰, либо было мавзолеем¹²¹. Архитектурная композиция и планировка Диван-хане оригинальны и не имеют аналогий ни в одном памятнике не только в Азербайджане, но и в других странах Востока. Портал Диван-хане со сталактитовым полукуполом напоминает порталы мечетей Султана Хасана и Султана Муайида в Каире.

Важное значение для объяснения функционального назначения этого выдающегося памятника азербайджанского средневекового зодчества имеют сообщения источников. Ни в одном сочинении мы не находим сведений об этом интересном памятнике. Однако косвенные данные источников позволяют сделать некоторые предположения. По сообщению Хасана Румлу при взятии крепости Баку шахом Исмаилом: «...Газии выявили останки Мирза Халилуллаха и сожгли его тело и они нашли много золота под куполом его мавзолея»¹²². По другой версии говорится, что при этом был разрушен и сравнен с землей мавзолеем правителей Ширвана¹²³. Согласно другому источнику: «По приказу Исмаила Хадим-бек Хулафа вывез также казну Ширваншахов с богатейшим запасом золота, драгоценных камней, наличных денег, утвари и других ценностей...»¹²⁴.

Из приведенных сообщений можно выяснить, что на территории дворца существовал мавзолеем, где был похоронен Халилуллах I; что в куполе мавзолея кызылбаши обнаружили много золота и ценностей; что богатейшая казна Ширваншахов находилась в помещении дворца. И согласно другому сообщению во время этих событий был разрушен и сравнен с землей мавзолеем Ширваншахов. Ввиду того, что в усыпальнице — «Тюрбе» при археологических работах было установлено, что гробницы членов семьи Ширваншаха были неприкосновенны и нигде не было пустой могилы, где мог быть захоронен Ширваншах, остается только предположить, что существовал другой мавзолеем, где покоился прах Халилуллаха I. Этим мавзолеем мог быть Диван-хане, не имеющая надпись, могущая осветить этот вопрос. С другой стороны, указание на существование казны во дворце, тоже не исключает того, что здание Диван-хане может быть служило Диваном, т. е. финансовым ведомством, казной ширваншаха. На это намекает и название «Диван-хане», сохранившееся в памяти народа, и так прочно закрепившееся за памятником.

Как известно, Диван-хане в значении «судилище» стало употребляться в более позднее время, а в XIV—XV вв. термину «судилище» соответствовало арабское слово «Дар ал-газа»¹²⁵, судья был «гази»¹²⁶, а судопроизводство «газа»¹²⁷. В XIII—XV вв. министром (управляющим) финансового ведомства являлся «сахиб-диван». Павильон Диван-хане при Ширваншахах мог быть служебным помещением сахиб-дивана, его чиновников и самой казны. Находящиеся в восточной части вестибюля две маленькие комнаты, расположенные одна над другой, были, по-видимому, служебными помещениями. Подобные комнатки имеются в мечети и усыпальнице Ширваншахов. Загадочное отверстие в куполе, прикрывающем камеру, входящее в центре восьмигранного зала, сделано, как видно, позднее, вероятно, во время событий 1501 г., при взятии города кызылбаши и разорением дворца, в поисках казны. Существует также версия, по которой казнохранилище Ширваншахов помещалось в главном здании дворца, в расположенном под восьмигранным залом круглым в плане подвальным помещением¹²⁸.

Однако, версия о мавзолее является наиболее вероятной.

Любопытно, что в сохранившихся народных преданиях вся территория «Диван-хане», особенно подземная камера с колодцем, называемым «молочным колодцем», считалась пиром — «священным местом», где женщины-азербайджанки, потерявшие молоко при кормлении грудных детей, получали исцеление.

По-видимому, территория, занятая Диван-хане и дворцом, еще в домусульманское время была священным местом. Чашеобразные углубления, ряд четырехугольных и неглубоких круглых ям с идущими к ним каналами, высеченные в скальном полу комнат первого этажа дворца, двора Диван-хане и южного двора, напоминают подобные углубления в Гобустане, которые относят к древнему периоду.

Как предполагают, они служили для собирания жертвенной крови животных и являлись примитивными сосудами. Очевидно, эти углубления на территории дворца могли служить той же цели, а место, где они обнаружены, с древних времен могло быть пиром, культовым местом и по традиции сохранить свое значение до наших дней. Однако этот вопрос требует дальнейших исследований.

В нижнем дворе, рядом с мечетью, находится прямоугольное здание «Тюрбе» — усыпальница Ширваншахов, состоящая из зала, крестообразного в плане; центральная часть зала перекрыта куполом, углы зала заняты четырьмя небольшими помещениями¹²⁹. На гладкой стене фасада выделяется стройный, богато декорированный портал, возвышающийся над зданием и подчеркивающий вход в усыпальницу. Прямоугольная ниша портала с четырьмя рядами сталактитов переходит в стрельчатый каннелированный полукупол¹³⁰. В верхней части портал декорирован ковровым орнаментом, вырезанным в камне, и двумя надписями, выполненными шрифтом «насах».

Текст первой надписи — коранический (глава XII, стих 92); вторая надпись является хадисом.

Справа и слева от стрельчатого проема портала в двух луковицеобразных медальонах помещены надписи с именем строителя-архитектора усыпальницы. В каждом медальоне одна и та же надпись повторена дважды; в прямом и зеркальном изображении и содержит следующие слова:

Аллах Мухаммад Али ме'мар.

«Аллах, Мухаммад Али, архитектор»¹³¹. Зодчий, судя по имени, был шиитом. Имя свое он вырезал в медальоне с большим искусством в виде орнамента.

Тимпаны арок входного проема в глубине ниши портала также декорированы растительным орнаментом и над ним находится надпись в две строки следующего содержания:

«Величайший султан (и) великий Ширваншах, тезка пророка Аллаха, защита религии Халилуллах — да увековечит Аллах его царство и власть — приказал выстроить эту светлую усыпальницу (гробницу) для своей матери и своего сына, — да помилует их Аллах — в восемьсот тридцать девятом году» (839 г. х. — 1435/6 г. н. э.)¹³².

Над стрелкой дверного проема в медальоне в виде шестигранника помещена надпись с именем Али, повторенным шесть раз¹³³.

Медальоны с именем Али, как на портале усыпальницы, так и Диван-хане говорят о том, что представители династии Ширваншахов Дербенди были шиитами. Этому не противоречит тот факт, что в районе Баку в Биби-Эйбате находилась гробница — мазар шиитской святой Укеймаханум, куда стекались на поклонение паломники из Ирана и других стран Востока.

Под деревянным полом усыпальницы археологическими работами 1946 г. был обнаружен склеп с пятью погребениями, перекрытыми каменными плитами¹³⁴.

Гробница № 1, отличающаяся тщательностью отделки, содержала останки ребенка 6—7 лет. В гробнице были обнаружены остатки тканей. Особенный интерес представляли остатки тяжелой материи со следами геометрического орнамента с медальонами, на которых были вытканы надписи арабским шрифтом¹³⁵. При изучении их оказалось, что это стихи на персидском языке¹³⁶. По-видимому, эта гробница принадлежала сыну Халилуллаха. К северу от нее была расположена гробница № 2 с погребением женщины пожилого возраста, вероятно, матери Халилуллаха. В гробнице № 4 в открытом деревянном гробу был обнаружен скелет мужчины в возрасте 18—19 лет. Под скелетом найдена сложенная мужская рубашка из шелковой ткани в полоску длиной около метра с длинными рукавами. В складках одежды найдено несколько голубых бисеринок. Под этой одеждой на досках лежали остатки другой, по-видимому, шерстяной ткани. Около шейных позвонков была обнаружена золотая булава, представляющая собой шестиконечную звезду со стержнем, с бирюзой посередине и 6 рубинами¹³⁷. Наличие одежды в этой гробнице

показывает на обычай, который сохранился до наших дней. Если при омовении покойника оказывалось, что тело его недостаточно окоченело, что означало, что мертвец еще потянет кого-нибудь за собой, а потому по существующему обычаю взамен новой жертвы на него клалась сложенная рубаха. Возможно, что обнаруженная в этой гробнице рубашка и была предназначена для этой цели. Остальные гробницы в усыпальнице были, по-видимому, могилами членов семьи Ширваншаха.

Во время археологических работ в усыпальнице были обнаружены фрагменты разрушенных архитектурных деталей, которые могли относиться к надгробиям в зале¹³⁸. Продолжение работ в усыпальнице обнаружило еще ряд нетронутых гробниц, общее число которых достигло 14. В усыпальнице (тюрбе) был обнаружен ряд захоронений членов семьи Халилуллаха. На основании нескольких од, элегий и хронограмм из Дивана Бадра Ширвани можно выяснить имена некоторых членов семьи Ширваншаха: мать Халилуллаха — Бике ханум (ум. в 839 г. х./ 1435/6 г.), его сыновья — Фаррух Йамин (родился в 839 г. х./1435—1436 г., умер в 846 г. х./1442/3 г. в семилетнем возрасте), Шейх Салех (родился в 847 г. х./1443 г., умер в 849 г. х./1445/6 г. в возрасте 2 лет), Бахрам, названный поэтом Мир Бахрам, Эмир Бахрам, убитый (шехид) в степи Кайтага в юном возрасте 20 мухаррама 850 г. х./17 апреля 1446 г. Бадр Ширвани в одной из своих касыд упоминает сына Халилуллаха принца (шахзаде) Мухаммад Ибрахима, родившегося 20 мухаррама 836 г. х./16 сентября 1432 г. Год его смерти неизвестен. Поэт в одной из касыд сообщает также дату рождения сына Халилуллаха Фаррух Йасара — 12 мухаррама 845 г. х./2 июня 1441 г.¹³⁹

Таким образом, согласно сведениям придворного поэта Халилуллаха Бадра Ширвани, Ширваншах имел 5 сыновей, из них 4 умерли при жизни отца и только Фаррух Йасар после смерти Халилуллаха в 1465 г. наследовал ему.

Во время войн Халилуллаха с Искендером Кара-Коюнлу правителем Баку оставался один из братьев Ширваншаха — Газанфар (800—847 г. х./1398—1443 г.г.), который, согласно сведениям Бадра Ширвани, построил в крепости ряд сооружений: в 832 г. х./1428/9 г. — одну из башен (кала) и чешме (источник, возможно, один из кягризов в Ичери шехере), в 835 г. х./1431/2 г. — другую башню и в 842 г. х./1438/9 г. — баню, видимо, дворцовую. Одной из башен, возможно, является примыкающая к нынешнему зданию Академии Наук, другая до наших дней не сохранилась¹⁴⁰.

В том же дворике рядом с «Тюрбе» находится дворцовая мечеть, состоящая из крестообразного в плане зала, одной комнаты-молельни справа от входа, предназначенной для женщин, и двух небольших помещений в конце здания¹⁴¹.

Над всеми тремя комнатами аналогично расположены помещения на втором этаже, сообщающиеся с нижними посредством лестницы, построенной в толще стены. С противоположной стороны входа к югу расположен михраб. Над северо-восточным углом мечети возвышается минарет, заканчивающийся сталактитовым карнизом, поддерживающим балкончик, который прежде имел каменный барьер¹⁴². Ниже сталактитового карниза минарет опоясывает надпись, исполненная шрифтом «наسخ», следующего содержания:

«Хвала высочайшему и всеильному Аллаху и молитва (благословение) на избранном Мухаммаде. А затем приказал открыть (раскрыть) этот минарет величайший султан Халилуллах. Да возвеличит Аллах дни его правления (владычества) и царствования. Восемьсот сорок пятый год» (845 г. х. — 1441/2 г.)¹⁴³.

Прочтенная надпись говорит о построении минарета, но не мечети, которая, по-видимому, была построена в более раннее время, чем усыпальница и минарет. Отсутствие декорированного богатого портала и художественных надписей на ней подтверждают это¹⁴⁴.

Напротив южного фасада дворца, на площадке среднего двора возвышается небольшой восьмигранный мавзолей с шатровым перекрытием. В мавзолее вставлены были три сквозных решетчатых окна из камня с орнаментом из многолучевых звезд. Внутри мавзолей орнаментирован и отделан цветной штукатуркой¹⁴⁵. В подземной части мавзолея находится склеп¹⁴⁶.

Подобного типа мавзолеи получили большое распространение в Азербайджане еще в более раннее время и форма их восходит к малоазиатским сельджукским памятникам Конии с шатровым перекрытием.

Согласно письменным источникам и преданию, здесь был похоронен ученый, живший в конце XIV и в XV вв., Сейид Йахья ибн Бахаэддин Бакуви. Дату его смерти по одной версии считают 862 г. х. (1457 г.), по другой — 868 г. х. (1463 г.)¹⁴⁷.

По сведениям А. К. Бакиханова «келья, где он молился, училище и могила, находящиеся при мечети, названной его именем, еще и поныне существуют»¹⁴⁸.

Приведенные сведения дают возможность отнести мавзолей к 60-м годам XV в. Стилиевые особенности и строительная техника также подтверждают эту дату. Мавзолей был пристроен к старой мечети, известной под названием «мечеть Кей-Кубада», сгоревшей в 1918 г. во время пожара. В настоящее время от нее остался только фундамент. А. М. Павлинов в бытность свою в Баку в 1888 г. видел эту мечеть и дал ее описание: «Сама мечеть сравнительно обширна, купол ее расположен на 4-х столбах, как это видно по плану; главные арки или своды, на которых покоится купол, стрельчатые; купол в основании своем имеет ряд выступов, как в ханской мечети, и освещается четырьмя окнами. Мечеть эта надписей не имеет; фасад ее гладкий, обложен тесаным камнем, с плоской крышей. С задней стороны мечети имеются пристройки»¹⁴⁹.

Археологические работы 1945 г., проведенные на территории «южного» или среднего двора, обнаружили под фундаментами так называемой «новой мечети», описанной А. М. Павлиновым, остатки стен и фундаменты большого здания¹⁵⁰, предшествовавшего построению «новой мечети», которая по размерам была значительно меньше этого здания. В. Н. Левиатов относил разрушение старого здания, которое, вероятно, также было древней мечетью, не позже, чем к концу XIV в.¹⁵¹, считая его тем сооружением, где, по словам А.К. Бакиханова, молился и занимался Сейид Йахья Бакуви. Известно, что Сейид Йахья жил при дворе Халилуллаха в первой половине XV в. и умер в 60-х годах XV в. Следовательно, старое здание было уже разрушено к началу XV в.

Время построения «новой мечети» В. Н. Левиатов относит не ранее, чем к XVI в.¹⁵², что также ошибочно, так как Сейида Йахьи в это время уже не было в живых.

Таким образом, построение «новой мечети», по-видимому, произошло не в XVI в., а в конце XIV в. или начале XV в., после разрушения более древнего здания, на месте которого оно было построено, что не противоречит сведениям А.К.Бакиханова.

Находки ширваншахских монет, обнаруженных при раскопках ниже уровня бывшего пола «новой» мечети (монета Фарибурза III — вторая четверть XIII в.)¹⁵³ и в слое, лежавшем непосредственно под полом той же мечети (монета XV в. чекана Бакуйе)¹⁵⁴ подтверждают нашу датировку. При постройке «новой мечети» были использованы камни старого здания. В 60-х годах XV в., после смерти Сейид Йахьи, к этой «новой мечети» был пристроен его мавзолей. Необходимо отметить, что этот мавзолей по своим стилиевым особенностям не выделяется из сооружений ансамбля дворцовых построек, в то время как «новая мечеть», как это отмечено А. Павлиновым, «должна принадлежать другому времени, другой эпохе и даже другому строителю; чем первые здания»¹⁵⁵.

К ансамблю дворцовых построек относятся еще одиноко стоящий декоративный портал Восточных ворот, так называемые «Ворота Мурада» (994 г. х. — 1585/6 гг.), ован и остатки разрушенной шахской бани.

Восточные ворота дворца Ширваншахов возведены значительно позже всех построек комплекса в XVI в., во время оккупации Баку турками. Ворота сооружены по повелению знатного бакинца Раджаб-бабы. Строителем портала являлся зодчий, уstad-мастер Амир-шах Валианкухи — житель пригорода Тебриза. Об этом свидетельствует надпись в порталной нише. Портал построен по типу подобных сооружений XV в. из комплекса дворца, но отличается менее богатым и изящным декором и другими особенностями. Верхняя часть портала украшена строительной надписью на арабском языке: «Повелел построить это благородное здание в дни справедливейшего и величайшего султана, султана Мурад-хана, Улу (великий. — С.А.) Раджаб-баба Бакуйи в девятьсот девяносто четвертом году (994 г. х. — 1585/6 г.)»¹⁵⁶. Надпись имеет с обеих сторон розетки с растительным орнаментом. В нижней части портала имеется глубокая ниша, образованная сталактитовым полукуполом.

Портал имеет в отличие от других порталов дворца широкий стрельчатый входной проем, похожий на ворота. Весьма возможно, что сооружение это являлось входом в здание, которое не сохранилось, либо не было возведено. На это намекает текст надписи, где говорится о построении здания — «имарет», а не ворот.

Западнее нижнего двора, на участке, расположенном ниже территории усыпальницы и мечети находится баня, относящаяся к ансамблю дворца.

Археологические раскопки 1947 г. и 1958-1962 гг. выявили большую баню (из 26 помещений), засыпанную землей, над которой был сад. В настоящее время она очищена от земли сверху и внутри. Баня была полуподземной, какими обычно строились бани на Апшероне для сохранения тепла зимой и прохлады летом. Одно из помещений бани — шестигранное. Куполы помещений

имели отверстия для освещения мойки. В этой бане были каменные своды, сталактитовые украшения и майоликовая отделка стен и бассейна, частично сохранившаяся до настоящего времени. Путешественник XVIII в. И. Лерх говорил, что баня как снаружи, так и изнутри хорошо украшена¹⁵⁷. Вода через водопровод, устроенный по карнизу пола, стекала в бассейн для омовения, сделанный в полу.

Помещения бани состояли из вестибюля, раздевальни, центрального зала и отдельных комнат, мыльного отделения для купания и парных, а также бассейнов с горячей и холодной водой. Системой отопления служили жаропроводящие каналы с горячим воздухом из топочной камеры под полами помещений, обогревавшим сиденья и полы бани¹⁵⁸.

Топка бань производилась сгущенной белой нефтью, отвердевшей в виде камня «желтого цвета, которая горит как свеча»¹⁵⁹. Нефть эта перевозилась в город и употреблялась жителями как топливо. Баня обслуживала семью Ширваншаха и обитателей дворца.

Баня получала воду из древнего овдана, находящегося в непосредственной близости от нее. И. Лерх сообщает следующее об этом овдане: «Близ города нет никакой реки, воду употребляют они колодезную; самую же лучшую берут из колодеза, называемого шаховым, который высечен в камне в глубине на 70 ступеней»¹⁶⁰.

Помещение овдана было выполнено тщательно подогнанной каменной кладкой, а в глубине вырублено в скальном массиве. Вход над землей имел стрельчатый проем в прямоугольном обрамлении, ведущий к лестнице, которая заканчивалась на большой глубине у обширного водохранилища. Вода поступала туда из подземных галерей-кягризов¹⁶¹.

Во время строительных работ близ западной крепостной стены на глубине около 10 м был обнаружен древний водопровод, идущий с гор по направлению к овдану и дворцу Ширваншахов. Вероятно, дворец и баня снабжались водой из этого водопровода.

По словам старожилов, к северо-востоку от здания дворца прежде находились помещения шахских конюшен, но в настоящее время, на этом месте стоят жилые дома. К северу от Диван-хане в одном из жилых домов видно основание сохранившейся древней стены, кладка которой подобна кладке фасада дворца. По-видимому, это остатки кладки зданий, относящихся к ансамблю дворца.

Необходимо отметить, что сооружения ансамбля объединены единым архитектурным стилем, хотя возведены они разновременно. Планировка мечети, примыкавшей к мавзолею Сейида Йахьи, так же как усыпальницы и мечети в нижнем дворе, сделана по принципу крестовокупольных сооружений.

Единство стиля выражено в лаконичной трактовке архитектурных форм, в форме арок и сталактитов, в богатой орнаментации и декорировке панелей порталов, тимпанов арок и других частей зданий, употреблении арабского шрифта в качестве декора и чередовании кладки зданий узкими и широкими полосами камней различного цвета и других деталей.

Ансамбль дворца Ширваншахов показывает большой расцвет азербайджанской архитектуры и монументального декоративного искусства и свидетельствует о развитии строительной техники, о большом искусстве зодчих, резчиков по камню и художников-орнаменталистов того времени. Специфичность этой архитектуры, по-видимому, объясняется обособленностью Апшерона, его экономическими и природными особенностями, наличием прекрасного строительного материала — камня бадамдар и т. д. Архитектура зданий ансамбля, по-видимому, связана с предшествующей архитектурой апшеронских памятников, не сохранившихся до наших дней, и корни ее следует искать в далеком прошлом Апшерона и Шемахи — древней столицы Ширваншахов.

Ансамбль дворца, возведенный на вершине холма с его силуэтами куполов и минаретов, стройными монументальными архитектурными формами производил впечатление величия и могущества, выражающих идею прославления властителей Ширвана — Ширваншахов династии Дербенди.

Здания ансамбля возводились разновременно. Наиболее ранними постройками, вероятно в конце XIV в., являются центральная часть его, т. е. восьмиугольный зал второго этажа, вход в который обрамлен высоким гладким порталом, а также «новая» мечеть, к которой позже был пристроен мавзолей Сейида Йахьи Бакуви. Постройками, возведенными при Халилуллахе I в первой половине XV в. являются остальные пристройки самого дворца, тюрбе, построенная в 839 г. х. (1435/6 г.), дворцовая мечеть с датированным минаретом 845 г. х. (1441/2 г.), затем дворцовая баня и овдан.

Во второй половине XV в. были возведены мавзолей Сейида Йахьи Бакуви, на рубеже XV и XVI вв. при Фаррух-Йасаре были вероятно построены Диван-хане и пристройка, примыкающая к

западному фасаду. Самой поздней постройкой ансамбля являются Восточные ворота, носящие дату 994 г. х./1585/бг. В XV в. ансамбль дворца был обведен стеной с башнями, которая являлась внутренней цитаделью Бакинской крепости¹⁶² и, которая, вероятно, была разрушена в 1501 г. Следы ее, замеченные в начале XX в., до настоящего времени не сохранились.

Облик древнего города имеет неповторимую красоту, которую ему придают не только отдельные выдающиеся памятники средневекового зодчества, как Гыз-галасы, ансамбль дворца и древние мечети, но также комплекс старых домов с узкими улочками, тупиками, базаром и площадями с удачно использованным рельефом местности, расположенной на берегу обширной бухты. Центр города до XVI в. располагался на вершине холма в районе дворца, где жил Ширваншах и феодальная аристократия.

Город делился на ряд кварталов, носящих название той прослойки населения, которая там жила и в каждом из них имелась квартальная мечеть. Так, например, до наших дней сохранились старые названия кварталов от племен, живших в том районе: еддиляр, гиляк или доккузлар. Затем такие названия как хамамчилар — владельцы бань, или баньщики, хаккакчилар — мастера, резчики по камню. Любопытное название носит квартал «Шах Гелди».

Шах Гелди ага был стремянным (джиловдар) Хусейн-бека Леле Шамлу. Во время сражения Фаррух Йасара с шахом Исмаилом Шах Гелди ага настиг близ крепости Полистан бежавшего на коне Фаррух Йасара от преследующих его кызылбашей и отрезав его голову, преподнес ее шаху¹⁶³.

После завоевания Ширвана кызылбашами в 1501 г., наместником был назначен шахом Хусейн-бек Леле Шамлу, который оставил вместо себя правителем в Ширване Шах Гелди ага¹⁶⁴. По-видимому, последний жил в Баку. Его именем и был назван квартал в районе дворца, где жили знатные феодалы. Название одного из самых старых махалла — Шешали — что означает шесть Али, по-видимому, связано с розетками в виде шестигранника, расположенных над входом в усыпальницу (тюрге). Она состоит из шести слов «Али», написанных арабским почерком куфи. Над пятью входами ротонды Диван-хане размещены шестигранные розетки, где почерком «куфи» скомпоновано 6 раз Али¹⁶⁵. Подобные надписи говорят о том, что Ширваншахи династии Дербенди были шиитами в то время, как жители города были суннитами.

На окраине города, близ городской стены селились ремесленники, где находились их мастерские. Там же находились дома беднейших слоев городского населения.

Первые Ширваншахи Дербендской династии усиленно строили крепости, дворцы, мечети и другие сооружения. К дворцовым сооружениям начала XV в. относится летняя резиденция Ширваншахов на Апшероне, в сел. Нардаран. Бакуви в 1403 г. отмечал, что жители города проводят каждое лето на даче, где произрастал виноград, инжир и гранаты¹⁶⁶. Резиденция Ширваншахов, именуемая ханской дачей стилистически близка к ранним постройкам ансамбля дворца.

Со времен правления Халилуллаха сохранился минарет Джума-мечети с коранической надписью, именем Ширваншаха и датой 841 г. х. (1437/8 г.)¹⁶⁷. Надпись помещена под сталактитовым карнизом, поддерживающим «шарафа» — небольшой круговой балкончик для муазина.

В Бакинской крепости надвходом в мечеть Хадже Эмир-шах сохранилась строительная надпись следующего содержания:

«Во время султана, сына султана, Шейх Ибрахима, приказал построить ради Аллаха эту светлую мечеть уважаемый садр (министр) Хадже Эмир-шах, сын покойного Хадже Хаджи Ягуба, 818 г. х.» (1415/6 г.)¹⁶⁸.

В XV в., в связи с развитием торговли с рядом стран, Ширваншахи обращали внимание на строительство караван-сараев, овданов и мостов. Ближе к гавани были расположены торговые ряды купцов и мелких торговцев, а также ряд караван-сараев. Из них: Бухарский караван-сарай (XV в.) и Мултани — индийский караван-сарай, названный по имени индийцев-купцов, жителей провинции Мултан в Индии. Эти караван-сарай, по-видимому, относятся к XV в. Индия поддерживала экономические и культурные связи с Азербайджаном уже в VII в.¹⁶⁹, а может быть и раньше. Рост материальных богатств на Апшероне и скопление в руках феодальной знати и духовенства значительных денежных средств создали благоприятные условия для развития строительства.

Близ Гыз-галасы раскопками обнаружена небольшая площадь, с трех сторон окруженная галереями с аркадами и колоннами, подобными аркадам и колоннам Диван-хане. На этой площади имелся колодец и был выявлен ряд погребений XII—XIV вв. По-видимому, этот двор и галерея

относились к культовому месту, мавзолею, пиру или мечети. Дальнейшие исследования и раскопки на этой территории позволят выяснить назначение этой постройки¹⁷⁰. В Баку и на Апшероне построено значительное количество памятников общественного назначения, как бани и овданы, относящиеся к XIV—XV вв. Большинство этих бань повторяет традиционные принципы планировки¹⁷¹. Бани обычно освещаются посредством световых фонарей в куполах. Отопление осуществлялось с помощью гончарных труб или каналов под полами помещений: по этим каналам циркулировал нагретый воздух, полученный в процессе нагрева воды. Здание бани обычно было углублено в землю для сохранения тепла¹⁷².

Баня Хаджи-Гаиб, расположенная напротив Гыз-галасы, датируется предположительно XV в. и относится к более развитому типу. Раздевальная и купальная группы имеют восьмиугольные центральные залы, окруженные малыми помещениями¹⁷³. Своды и купола этой бани имеют различные фигурные очертания и более тщательно выполнены чем апшеронские. В Баку сохранился ряд других бань описанного типа.

В Баку, в старой крепости и за пределами ее, и на Апшероне сохранился ряд овданов — подземных сооружений для каптажа и хранения грунтовых и ключевых вод. Сооружение овданов и колодцев с питьевой водой считалось в Азербайджане, так же как и на всем Востоке, благочестивым и благотворительным делом. Имена их строителей и даты постройки обычно помещались на надписях над входом в овдан. Вход архитектурно оформлялся в виде портала со стрельчатой аркой. Овданы представляют собой наклоненную штольню со ступенями, прорытую в грунте или вырубленную в твердых породах¹⁷⁴. В конце штольни находится четырехугольный бассейн, в котором скопится вода из подземных грунтовых ключей. Перекрытия у овданов были различные, иногда свод у них стрельчатый. В Баку овданы находились на ул. Ниязи, у дворца Ширваншахов, у старой таможни¹⁷⁵. Об одном из них сообщает С. Броневский. «Достоин замечания древний колодезь, в расстоянии около 300 шагов от северной городской стены находящийся, который снабжает жителей водою. Он вытесан с большим трудом в каменном слое на 45 сажень глубины и имеет отверстие в сажень квадратное, в которое, вошедши, спускаться должно по крутым ступеням до воды. В конце сей лестницы вырублен довольно обширный грот, а в середине оного находится бассейн, из коего черпают чистую ключевую воду»¹⁷⁶. Описанный овдан до настоящего времени не сохранился. Кроме того, в крепости было обнаружено несколько домов, относящихся к XV в., портал жилого дома, древнее сооружение с портиком и др.

В крепости имелись также здания общественного назначения, например, «Зорхана», предназначенное для спортивных состязаний под аккомпанемент музыки. Зорхана была описана путешественником в конце XVIII в.¹⁷⁷

Здание Зорхана находилось в подвальном помещении с арочным перекрытием, близ караван-сараяв Молтани и Бухарского. Дверь Зорхана была со стороны базара. Посреди помещения находилась квадратная площадка, называемая «суфра», длиной и шириной в 10 метров и глубиной в 1½ метра, предназначенная для спортивных игр¹⁷⁸. «...Всякий приходящий по произволению своему брал в обе руки гири различной тяжести и играл ими под такт музыки до совершенной усталости»¹⁷⁹. Спортивные игры и упражнения велись при помощи различных инструментов, сделанных из дерева, железа и камня — мил, екбагирляр, тяжелых гирь и т. д. Спортивные занятия происходили ежедневно и в них участвовали известные борцы-пехлеваны¹⁸⁰.

б) Наука, литература и искусство

Конец XI и начало XIII в. были периодом процветания Ширвана. Ширваншахи покровительствовали науке, искусству и поэзии.

По сведениям Давлат-шаха Самарканди ширваншах шейх Ибрахим I (1382—1417 гг.) за одно стихотворение известного персидского поэта Кятиби-Туршизи, прибывшего в Ширван, подарил Катиби 10 000 золотых динаров¹⁸¹.

При дворе Ширваншахов собирались самые замечательные ученые и поэты того времени. Так, например, в годы правления Минучихра и Ахситана I в Ширване жили многие выдающиеся поэты и мыслители: Абу-л-Ула Гянджеви, Фелеки Ширвани, Афзаладдин Хагани, Мехсети и др.¹⁸². Из указанных поэтов Абу-л-Ула, Фелеки и Хагани считались «царями поэтов» Ширвана и его областей. В это время жил и творил великий азербайджанский поэт Низами. Расцвет искусства и литературы был частью общего подъема культуры азербайджанского средневековья. Особое развитие в эту эпоху получили философия, наука и литература, находящиеся под влиянием религиозных, суфийско-мистических воззрений эпохи.

А. К. Бакиханов в своей работе перечисляет выдающихся средневековых ученых, происходивших из Ширвана, имевших научные труды и среди них называет шейха Абу-Абдаллаха Али ибн Мухаммада Бакуви (уроженца Баку), известного под именем Мухаммад Али Бакуви¹⁸³. Бакуви (948 — 1050 гг. н. э.) родился в Баку в семье богослова. Отец был его первым учителем. Бакуви был последователем захиритов, а затем примкнул к батинитам. В преклонном возрасте он покинул Баку, поселился в пещере на горе и вел жизнь отшельника. Он был поэтом и философом-пантеистом. Бакуви много путешествовал, посетил Иран, Среднюю Азию, Аравию и, по-видимому, Индию. Вернувшись из путешествий, он жил в Нишапуре в Ширазе. Бакуви писал свои стихи под псевдонимом Баба-Кухи (старец, живущий в горах). Его сочинения состоят из сборника хадисов, сборника о жизни суфиев, «Ахбар ал-арифин», «Ахбар ал-гафилин» и сборника стихов и афоризмов. Он был шиитом, однако его нельзя считать правоверным мусульманином. Его мировоззрение носит влияние культа огня и поклонения солнцу. Бакуви получил известность во всех странах Востока¹⁸⁴.

Сохранилось предание о любви Бакуви к дочери Ширваншаха. Путешественник начала XVII в. описывает гробницу в Ширазе на вершине горы, где рядом с Бакуви была похоронена дочь Ширваншаха (Roi de Vaku) прибывшая сюда после смерти Бакуви, чтобы обслужить паломников¹⁸⁵.

На рубеже XIV—XV вв. на всем Ближнем и Среднем Востоке получила большое распространение крайняя шиитская секта хуруфитов («буквенников») — хуруфийа (араб, хуруф мн. число от харф — «буквы, буква»). Это философское течение пантеистического направления, в котором бог — безличное начало отождествляется с самой природой¹⁸⁶. Основателем этой секты являлся Фазаллах Наими Астрабади (родился около 1340 г., умер в 796 г. х./1394 г. н. э.). Ф.Наими с 1386 г. долгое время жил в Баку и в Ширване, куда он был сослан Тимуром. Сын Тимура Мираншах собственноручно умертвил Фазлаллаха в 1394 г. в Алинджа, близ Нахчевана, где недавно обнаружена его могила. Учение хуруфитов, находящихся под сильным влиянием суфизма, изложено в ряде трактатов, написанных Фазлуллахом и его учениками: «Джавидан-и Кабир», «Махрам-намэ» и др.¹⁸⁷. Последователи хуруфизма считали возможным пересмотр и опровержение основных догм Корана. Согласно этому учению вселенная существует вечно. «Божественное начало отражено в человеке, даже в лице его, ибо человек создан по подобию божьему. Как движение вселенной, так и история человечества есть циклическое круговращение. Каждый цикл отмечен появлением Адама в начале цикла и «Страшным судом» в конце его. Божественное начало проявляется в людях в прогрессирующих формах пророчества, святости и боговоплощения, или собственно божественности. Последним из пророков был Мухаммад; первым из святых — Али, последним из них был одиннадцатый шиитский имам ал-Хасан ал-Аскар, Фазлаллах Астрабади — первый воплощенный бог»¹⁸⁸. Знаменитая формула Фазлаллаха «Аллах — это я!» имела большое распространение на всем Ближнем Востоке. Хуруфиты придавали мистическое значение буквам (хуруф) арабского алфавита, которые служили мистическими символами, олицетворяющими речь, разум. Они отождествлялись с человеком, природой и богом. В буквах были скрыты мистические знаки линий и элементов человеческого лица¹⁸⁹. Как шиизм, так и хуруфизм являлись идеологической оболочкой народных движений против феодализма, против тирании Тимуридов. Учение хуруфизма для своего времени было прогрессивным. «Революционная оппозиция феодализму, — говорит Энгельс, — проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»¹⁹⁰. Движение хуруфитов, несмотря на религиозную оболочку, приняло ярко выраженную антифеодальную направленность народных движений. После казни Фазлуллаха хуруфиты выступили против Тимуридов. Хуруфиты верили в появление в мире Ка'има, он же Махди, который при помощи меча «...наполнит землю правдой и справедливостью, после того, как она переполнилась тиранией и насилием»¹⁹¹.

Баку в конце XIV в. был центром, откуда учение хуруфитов стало распространяться по всему Ближнему и Среднему Востоку. Необходимо отметить, что жители Баку были мусульмане, суннитами толка шафиитов¹⁹². Однако шиизм здесь начал распространяться уже в конце XIII и в XIV вв. Об этом говорят построение мечети и мавзолея над гробницей Укейма-ханум в конце XIII в. в Биби-Эйбате, которая считается шиитской святой, а также надписи XV в. с именем Али на Диван-хане и тюрбе дворца Ширваншахов. По-видимому, представитель династии Ширваншахов Дербенди — Халилуллах I был, вероятно, склонен к шиизму, либо эти надписи были вставлены позже, в начале XVI в., когда представители Ширваншахов Дербенди — Шейх-шах и другие в угоду шаху Исмаилу, будучи его вассалами, приняли шиизм.

В конце XIV в. в Азербайджане жил и творил выдающийся поэт, философ и мыслитель Имададдин Насими (1369—1417 гг.). Насими, по одной версии уроженец Табриза, по другой — Шемахи, он жил и в Баку, оставил богатое поэтическое наследие на тюркском, фарсидском и арабском языках. Выходец из низов Насими был самым близким народу лирическим поэтом, разделявшим с ним ненависть к господствующему классу феодалов и знати. По своему мировоззрению Насими был хуруфитом.

После смерти Фазлуллаха Наими, Имададдин Насими стал самым выдающимся вождем секты хуруфитов. Вся жизнь Насими и его творчество были посвящены распространению идей хуруфизма, борьбе с религией и тимуридами. Он призывал мусульман отказаться от служения Аллаху и религии. Все его произведения и Диван, написанный на тюркском языке, проникнуты философией и идеями хуруфизма. В одном из своих замечательных стихотворений поэт так выражает свои философские идеи:

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь.
Я суть, я не имею места, и в бытие я не вмещусь.
Все то, что было, есть и будет, все воплощается во мне,
Не спрашивай! Иди за мною. Я в объяснения не вмещусь.
Вселенная — мой предвозвестник, мое начало — жизнь твоя,
Узнай меня по этим знакам, но я и в знаки не вмещусь.
Предположеньем и сомненьем до истин не дошел никто;
Кто истину узнал, тот знает — в предположенья не вмещусь.
Поглубже загляни в мой образ и постарайся смысл понять,
Являясь телом и душою, я в душу с телом не вмещусь.
Я жемчуг, в раковине скрытый. Я мост, ведущий в ад и в рай,
Так знайте, что с таким богатством я в лавки мира не вмещусь.
Я самый тайный вклад всех кладов, я очевидность всех миров.
Я, драгоценностей источник, в моря и недра не вмещусь.
Хоть я велик и необъятен, но я Адам, я человек,
Я сотворение вселенной, но в сотворенье не вмещусь.
Все времена и все века — я. Душа и мир — все это я.
Но разве никому не странно, что в них я тоже не вмещусь.
Я небосклон, я все планеты и Ангел Откровенья я.
Держи язык свой за зубами, и в твой язык я не вмещусь.
Я атом всех вещей, я солнце, я шесть сторон твоей земли,
Скорей смотри на ясный лик мой: я в эту ясность не вмещусь...¹⁹³

Перевод К. Симонова.

В начале XV в. Насими отправился в путешествие на Ближний Восток с целью распространения учения хуруфитов. В Сирии, в городе Алеппо, где он имел многочисленных приверженцев и поклонников его таланта, он воспевал в своих стихах красоту, человека-бога и земные радости. В 1417 г. за пропаганду хуруфизма он был там жестоко казнен.

Несмотря на гонения, хуруфистская секта продолжала существовать в ряде стран Ближнего и Среднего Востока и в XVI веке. Последователи хуруфитов были ремесленники, городская беднота и интеллигенция, те слои городского населения, которые более всех испытывали на себе гнет местных феодалов и правителей тимуридов¹⁹⁴.

Как мы отметили выше, хуруфизм являлся одним из ответвлений суфизма, переплетаясь с греческой философией, он усвоил некоторые черты индийской философии. В число еретических сект XIV—XVI вв. входила и секта ногтави, которая продолжила и развила идеологию хуруфизма. Ноктавизм появился в конце XIV в. и основоположником этого течения был Махмуд Пасихани Гилани. Он жил на берегу Аракса и был одним из ближайших учеников и последователем Фазлуллаха Наими, который впоследствии изгнал его из своей секты. Известно, что он был образованным и воздержанным человеком и умер в 1427/8 году. Он написал ряд книг и множество трактатов. Исследователи квалифицируют учение ногтави как материалистическое, фактически не признающее бога, считающее единственным достойным внимания аргументом, аргумент разума. Последователей у Махмуда было множество и его учение широко распространилось в указанный период в Азербайджане, Иране, Турции и Индии. Движение ногтавизма захватило

наряду с народными массами также представителей интеллигенции и господствующих классов, в том числе шаха Индии Джалал ад-Дина Акбара (1556— 1605 гг.). В Сефевидском государстве крупными представителями этого учения являлись дервиш Хосров Казвини, дервиш Камал Аглиди, дервиш Берйан. В Азербайджане представителями ногтавизма были: Будагбек Устаджлу, врач Сулейман Саваджи, Мир Сеид Ахмед Каши, казненный шах Аббасом и др. Сефевиды жестоко преследовали ногтавиев, ибо ногтавизм особенно широко развился при шах Тахмасибе и шах Аббасе, при котором был издан указ в 1594 г., предписывавший ловить всех ногтавиев и подозреваемых в ногтавизме. Жестокие гонения и репрессии вынудили ногтавиев бежать в страны Востока. Часть из них бежала в Индию, где шах Джалал ад-Дин Акбар, государь просвещенный и умный, специальным указом разрешал свободно жить в своей стране представителям различных религий и учений. Ногтавии установили связи с учеными и философами Индии и нашли доступ к Акбар-шаху через его везиря шейха Абу Фазла Аллама-и Декани, основоположника религии всеобщего мира¹⁹⁵. Воспользовавшись этим положением, ногтавии стали открыто проповедовать свое учение в Индии и многие лица во дворе Акбар-шаха приняли его доктрину. Известный ногтавий, принятый во дворце Акбара, был Шариф Амели, который во время дискуссии с представителями различных учений и религий в присутствии Акбара вышел победителем из спора и был назначен шахом на самую высшую должность в стране. Несмотря на утверждение Искендера Мунши, в связи с большими репрессиями при шах Аббасе, о том, что с ногтавизмом в государстве Сефевидов было покончено, ученый и путешественник первой половины XIX в. Хаджи Зейн ал-Абидин Ширвани описывает другую картину. Разъясняя учение ногтавиев он сообщает, что во время своего путешествия по Ирану, он беседовал со многими представителями этого учения, которые тайно проповедовали его.

На вопрос о сущности идеологии ногтавизма исследователи по-разному отвечали на него. Ахмед Хильми в своей «Истории ислама» пишет следующее: «Представители этого течения считали, что божественной является не буква (хуруф), она абсурдна и бессмысленна, а точка (ногта), которая лежит в основе буквы, составляет ее существо». Это определение охватывает внешние черты учения, другие исследователи считают ногтавизм одной из форм распространения батинизма. Мнения исследователей по вопросу о сущности идеологии этого течения весьма разноречивы¹⁹⁶. Несмотря на скудость источников З. Кули-заде дает определенное представление об этом течении и его философии: «...ногтавизм видит все существующее в единстве, единство сводит к точке, точку же к земле. Земля находится в постоянном движении и изменении. Все существующее связано с землей, в том числе и небеса, которые являются необходимой и изначальной точкой земли. Все, что имеет форму и тело, есть проявление частиц, существует всегда и только в этом мире. Оно имеет различные формы, минералы, растения и т. д. С другой стороны, основой бытия ногтавии считают 4 элемента. Из 4 материальных элементов, соединения их образуются минералы, из них — растения, из растений — животные, из животных — человек, и он, в свою очередь, развивается до уровня совершенного человека». В учении ногтавиев основным является обожествление человека. Вместо формулы: «нет бога кроме Аллаха всемилостивого, милосердного», они пишут: «обратись к самому себе, кроме которого нет ничего», а вместо «нет ничего подобного ему (т. е. Аллаху) — «я — носитель откровения». Ногтавии большое значение придают совершенству и разуму человека, признают приоритет разума над религией, считая, что религиозные доводы не заслуживают никакого доверия. Отвергая ислам, они, однако, в своей философии прибегают к истолкованиям Корана по традиции других сект и течений Востока. Ногтавии проповедовали аскетизм как условие совершенства человека. Философия ногтавизма, заимствуя из хуруфизма наряду с рядом других положений и мистическое учение о точке, отличается большим уклоном в сторону материализма и рационализма¹⁹⁷.

Развитие философии и науки прослеживается в Ширване и в XIV—XV вв. А.К.Бакиханов называет имена крупных для того времени ученых, уроженцев Баку — Абу-Саид-Абдала Бакуйи, жившего в XIV веке¹⁹⁸, дервиша, о котором писал Мухаммед ибн Махмуд в книге «Нафаис ал-фунун».

Согласно некоторым фирманам¹⁹⁹ и сообщениям А. К. Бакиханова его могила и келья, находящиеся в Баку за пределами крепости, были засыпаны землей, а мечеть и его дом для приезжих гостей были разрушены в результате военных событий в Баку. Место, где находились эти сооружения и несколько домов, было известно под названием «Халифа дамы»²⁰⁰. На плане города Баку, составленном в 1806 г., близ крепости, на форштадте, на северо-западе от шемахинских ворот, показаны жилые дома в виде населенного пункта, носящего название «сел. Хальфедам»²⁰¹. Судя по расположению и масштабу, этот район находится в настоящее время на

территории нынешней мечети Таза-пир. В записках о старом Баку по словам старожилгов говорится: «После того как население города сильно увеличилось, бакинцы вынуждены были постепенно переселяться за черту крепостных стен. Несколько выше от Ичери-шехер в районе нынешней мечети Таза-пир в те времена кто-то стал рыть себе колодец и наткнулся на могильную плиту. Этого оказалось достаточно, чтобы суеверные жители объявили это место святым и гробницу назвали Таза-пир (т. е. Новый пир. — С.А.). Некий Шейх Абу-Саид вскоре на указанной территории соорудил мечеть и вокруг построил ограду и это место прослыло пиром. Поселение вокруг мечети до последнего времени называлось кварталом Таза-пир»²⁰².

Вышеуказанные сведения позволяют локализовать место погребения бакинского дервиша Абу Саида.

В 1232 г. (1817 г.) Касым бек сын Мансур-хана, бека бакинского и зять последнего бакинского хана Хусейн Кули хана открыл его могилу и келью и восстановил мечеть²⁰³. В начале XX века (с 1905 по 1914 г.) на этой территории на месте старой мечети была построена знатной и богатой бакинской Набат-ханум Ашурбейли-Рзаевой большая мечеть Таза-пир, которая и поныне существует. Набат-ханум похоронена у входа в мечеть.

Одним из замечательных средневековых ученых Азербайджана конца XIV — начала XV вв. был уроженец города Баку — Абд ар-Рашид ибн Салих ибн Нури, известный под нисбой — Бакуви. Единственное дошедшее до нас географическое сочинение этого автора, написанное на арабском языке, под названием «Талхис ал-Асар ва аджа'иб ал-Малик ал-каххар» («Сокращение «Памятников» и чудеса царя могучего») было написано в 806 г. х. (1403 г. н. э.)²⁰⁴. В различных странах имеется ряд списков этого сочинения, а также рукописей с персидским переводом. Одна из арабских рукописей (перепи́санная в 1614 г.), хранящаяся в настоящее время в Национальной библиотеке Парижа под номером 5299, была переведена на французский язык в 1789 г. и издана де Гинем²⁰⁵. В 1971 г. сочинение Бакуви было издано акад. З. М. Буниятовым (арабский текст, перевод на русский язык, предисловие и т.д.)²⁰⁶.

Парижская рукопись этой всемирной географии состоит из 464 глав, представляющих собой краткое описание страны или города. Сочинение Бакуви было разделено на семь частей, которые относятся к семи климатам. В каждой из этих частей он поместил в алфавитном порядке названия различных стран, городов, сел и т. д. и таким образом дал их в форме словаря. Бакуви дает ряд ценных сведений об экономике, о полезных ископаемых, минералах, драгоценных камнях, различных товарах ряда стран Востока, в том числе и Азербайджана. Он сообщает также интересные сведения исторического характера, об этнографии и искусстве этих стран. Анализ сочинения показывает, что Бакуви был одним из образованнейших людей своего времени. Основным источником для его сочинения послужил «Асар-ал-билад» («Памятники стран») Закарийя ал-Казвини, но ему известны и сочинения Истахри, Мас'уди, Бируни, Ибн Сина, Йакута, Хамдаллаха Казвини и др. Он дает многочисленные ссылки на книги, приводит имена ученых, поэтов, врачей и философов. О его знаниях в области исторической географии можно судить по большому диапазону стран, о которых он приводит сведения: от Китая на Востоке, до Андалузии на Западе, от Ирландии и Руси на севере, до стран Африки — на юге. Наиболее интересным является его описание города Баку, где приводится ряд новых сведений о городе²⁰⁷. Он сообщает, что город Баку является родиной его отца имама Салиха сына Нури, который в 806 г. х. (1403/4 г.) умер в возрасте семидесяти семи лет, из чего можно установить время написания этого сочинения — 1403 г., либо вскоре после этого года и принадлежность автора к представителям господствующего класса. Абд ар-Рашид Бакуви родился в семье духовного лица — ученого-имама. Судя по тексту, автор был суннитом из последователей имама Шафии. По возрасту его отца можно предположить, что Бакуви родился в начале второй половины XIV в. Из текста можно выяснить также, что Бакуви жил среди арабов. В одной рукописи Хаджи Халифы говорится, что он умер в Каире²⁰⁸. Сочинение его пользовалось популярностью на Востоке. Оно представляет значительный интерес как единственное, дошедшее до нас космографическое сочинение азербайджанского средневекового ученого конца XIV — начала XV вв., уроженца Баку, дающего много ценных сведений по исторической географии ряда стран как Востока, так и Запада, в том числе Азербайджана, Армении, Грузии и Дагестана. Особенно ценны его сведения о Баку, не встречающиеся у предшествующих авторов. Сочинение это важно и как показатель всего комплекса географических сведений, которыми располагал средний слой читателей той эпохи²⁰⁹.

Одним из выдающихся средневековых ученых и философов был, живший в XV в. в Баку, при дворе Халилуллаха, известный на Ближнем и Среднем Востоке Сайид Йахья ибн ас-Сайид Баха ад-Дин аш-Ширвани аш-Шамахи ал-Бакуви, ханифит, суфий ал-халвати. Сайид Йахья родился в

Шемахе в богатой семье. В молодости увлекался суфизмом, был приверженцем учения знаменитого шейха Садр ад-Дина ал-Халвати, главы ширванской ветви тариката. После смерти шейха Садр ад-Дина, поссорившись с его учеником Пири-заде из-за того, кому из них возглавить секту халвати, Сайид Йахья покинул Шемаху и приехал в Баку, где поселился при дворе Халилуллаха, где он пользовался большой популярностью как философ и ученый. К нему стало стекаться множество людей и число его последователей превысило десять тысяч человек. У него было много последователей в странах Ближнего Востока. Сайид Йахья написал ряд трудов, носящих суфийско-мистический характер. А. К. Бакиханов сообщает о нем следующее: «Сайид Йахья Бакинский в VIII в. хиджры был главным духовным учителем в этом крае, имя его известно во многих таинственных науках...». Сайид Йахья написал философские трактаты «Шарх-и Гюльшани-раз» («Комментарии к цветнику тайн») и «Асрар ат-талибин» («Тайны искателей истины»), проникнутые религиозно-мистическими идеями, а также труды по астрономии и истории. «Рассказывают, что к концу своей жизни он не принимал пищи в течение шести месяцев и умер в городе Баку». Дату его смерти по одной версии считают 862 г. х./1457 г., по другой — 868 г. х./15.IX.1463—2.IX.1464²¹⁰. Мавзолеем Сайид Йахья находится на территории дворца Ширваншахов. По-видимому, на этой же территории имелись захоронения ряда родичей Ширваншахов.

Сохранившиеся в крепости памятники, относящиеся к XIII—XIV и более поздним векам, свидетельствуют о том, что в это время в городе Баку существовали «моллахане», т. е. богословские школы, а также медресе, где в основном изучали богословские и философские дисциплины, а также мусульманское право. Одно из таких медресе с надписью и датой 1301 г. находится близ Джума-мечети.

Архитектурные памятники Баку и Апшерона показали наличие здесь опытных зодчих-архитекторов, с большим искусством создавших ряд замечательных сооружений, относящихся к XI—XV вв. Строительные надписи сохранили нам имена талантливых мастеров, таких, как ме'мар Абд ал-Меджид ибн Мас'уд, построивший круглую башню в Мардакян в XIII в., уstad Зейн ад-Дин ибн Абу-Рашид Ширвани, строитель укрепления в Бакинской бухте в XIII в., уstad Махмуд ибн Мас'уд, строитель мечети XIV в., Махмуд ибн Са'ад, живший в конце XIII и начале XIV вв., построивший замок в Нардаране, мечеть и минарет в Шихово и мечеть Молла Ахмада в крепости, хаккак Мухаммад ал-Ариф — резчик-каллиграф XIV в., сработавший надпись на мечети Молла Насруллы, уstad Ариф ибн Муса Джебал, живший в XIV в., строитель здания в сел. Балахана, ме'мар Гуштасф ибн Муса, построивший баню в XIV в. в сел. Нардаран; ме'мар Мухаммад Али, построивший усыпальницу Ширваншахов в XV в. в Баку и т. д. Зафиксированные в надписях имена зодчих часто с нисбой, указывающей место, откуда они происходили, говорят о существовании художественно-архитектурных и ремесленных школ, которые возглавлялись главным архитектором-уладом.

Роспись интерьера мавзолея Сейида Йахья Бакуви свидетельствует о художниках-живописцах, живших в Баку. Сохранившиеся на памятниках имена художников говорят о наличии ряда талантливых мастеров-резчиков по камню, скульпторов. Около Баку находится памятник XIII в., свидетельствующий о развитии здесь скульптуры в этот период. В Бакинской бухте, в районе древнего сооружения крепостного типа (так называемые «Баиловские камни»), обнаружено свыше 600 каменных плит с высеченными надписями арабским шрифтом. Эти рельефно исполненные надписи были помещены на фризе, опоясывавшем некогда верх стен этого памятника. Все свободное от надписей пространство плит заполнено рельефными изображениями различных птиц, животных, таких, как верблюды, лошадь, бык, корова, волк, собака, леопард и др. Некоторые из этих рельефов выполнены с большим мастерством, трактованы реалистично и передают характерные движения, присущие тому или иному животному²¹¹. Среди этих рельефов попадались изображения цветов и существ с головой человека и туловищем зверя, людей в коронах и т. д. Привлекают внимание обнаруженные здесь части барельефов двух лошадей в натуральную величину, найденные у северо-западных ворот, над которыми они, по-видимому, были помещены²¹². Рисунок барельефа показывает большое мастерство, характеризуя искусство того периода. На одном из камней сохранилось имя Наккаш Рашида, вероятно, художника всех указанных изображений.

На территории дворца Ширваншахов в одном из колодцев, в слое, датированном XII в., на глубине трех с половиной метров был обнаружен бронзовый светильник, украшенный скульптурными литыми изображениями всадника, хищника, нападающего на лошадь, двумя головами быков, четырнадцатью головами хищников породы крупных кошек, двумя рельефными

изображениями человеческих лиц и другими деталями. Длина светильника — 18 см, высота — около 8,5 см. Сделан он с помощью выплавленного воска. Форма для его отлива составлена была из двух половин²¹³.

Среди памятников материальной культуры и искусства, сохранившихся на Апшероне и представляющих большой интерес, есть каменные изваяния баранов и лошадей, а также каменные плиты с барельефными изображениями бытовых сцен, охоты и т. д.

На мусульманском кладбище в сел. Зых на Апшероне сохранились каменные надгробья в виде скульптурных фигур баранов и лошадей, часто с надписями, высеченными арабским шрифтом²¹⁴. На Апшероне также встречаются каменные надгробья, украшенные рисунками и элементами скульптуры. На старом кладбище в сел. Шувелян была обнаружена плита с рельефным изображением дракона²¹⁵. Все эти скульптурные произведения говорят о развитии художественных ремесел, в частности о развитии скульптуры в указанный период времени.

Художественная резьба по камню, выполненная на порталах павильона Диван-хане и Тюрбе во дворце Ширваншахов, говорит о большом мастерстве художников-орнаменталистов и резчиков. Ко времени правления Халилуллаха относится надпись на надгробии, украшенном красивым ковровым орнаментом и находящемся во дворце Ширваншахов, где говорится: «Эта светлая и почитаемая гробница принадлежит сыну покойного шейха Бахлула, покойному, грехи которого прощены, счастливому шехиду (великомученику), заслужившему милосердие великого Аллаха, великому, умному, благородному, самому большому эмиру, щедрому, храброму, предводителю эмиров мира — эмиру Тахмурасу. Месяц джумада ал-ахир, год 863 х. (5.IV— 3.V 1459 г.)»²¹⁶. Как видно из надписи, эмир был двоюродным братом (по отцу) Халилуллаха и верховным главнокомандующим войск Ширваншаха, как и его отец шейх Бахлул. Вероятно, он погиб во время битвы Халилуллаха с шейхом Джунейдом в Ширване, на что указывает дата его смерти.

Обнаруженное в сел. Зых на Апшероне каменное надгробие, украшенное растительным ковровым орнаментом и надписями на арабском и персидском языках, показывает расцвет декоративного искусства на Апшероне в XV в.²¹⁷ Надпись сообщает о смерти погибшего на войне эмира Зуль-Карнейн ибн эмир Искендер Дербенди. Это указывает на то, что он был жителем Дербенда, знатного рода и имел титул эмира. Дата его смерти — 852 г. х. (1448 г.) — совпадает со временем правления Халилуллаха I. Содержание надписи следующее:

«Эта могила усопшего, блаженного, мученика (борца за веру), эмир Зуль-Карнейн ибн эмир Искендер Дербенди, в восемьсот пятьдесят втором году (852 г. х.— 1448 г.). Мы вырастили кровью сердца сына на чистой земле Баб ал-абваб Дербенда. Мы, отец и мать и родственники, радовались его красивому лицу... с корнем вырвала. Твое тело будучи молодым рассыпалось на землю, как роза, рубашка твоей жизни разорвалась, как бутон. Хотя мы искали твое красивое тело на земле... да сделает Аллах твою землю чистой. В тот день, когда шипы судьбы вонзились в твою ногу, хоть бы рука судьбы саблею смерти ударила бы в мою голову, чтобы мои глаза сегодня не видели мир без тебя. Над твоей могилой стою я с посыпанной пеплом головой»²¹⁸.

Эти стихи, написанные на персидском языке, представляют собой образец элегии, бытовавшей на Апшероне в XV в.

Изучение эпиграфических памятников Апшерона, относящихся к XI—XV вв., позволило установить, что все эти надписи — на мечетях, мавзолеях, надгробиях — большей частью сделаны на арабском языке, а некоторые, например, на стенах подводного сооружения в Баиловской бухте и указ Улджайту, относящиеся к XIII—XIV вв., на фарсидском языке. Таким образом, наряду с официальным государственным языком, каковым являлся арабский, в X—XIV вв. на Апшероне употреблялся и фарсидский. Однако фольклор создавался на местных языках.

Разговорный язык жителей города Баку был тюркский, на котором писали в конце XIV и начале XV в. великий азербайджанский поэт Насими, Бадр Ширвани и другие поэты, жившие в Баку.

Сохранилось также стихотворение — пятистишие на тюркском — азербайджанском языке бакинского поэта — Насира (начало XIV в.), современника Хасан-оглу, посвященное султану Мухаммаду Улджайту Худабенде (1304— 1316 гг.), освободившего бакинцев от ряда налогов и издавшего указы о благоустройстве города²¹⁹. О распространении тюркского языка в Албании свидетельствует тюркский топоним Аран в III в. и ранее, являющийся местным названием Албании, а в VII—VIII вв. можно судить по тюркизмам в «Истории агван» Моисея Каланкатуйского и в арабских источниках, где наряду с древнетюркскими титулами встречаются слова и ныне бытующие в азербайджанском языке, как, например, авчи, чопчи, танри, ханнан хана. Балазури (IX

в.), описывая захват Азербайджана арабами в 646 г., приводит в тексте без перевода на арабский язык выражение из языка азербайджанцев «ханнан хана», означающее «с трудом, постепенно, наконец», которое слышали арабы во время завоевания страны. Мас'уди (X в.), приводя сведения о Баку, его грязевых вулканах, извержениях нефтяного и газового фонтана употребляет слово «атма» — то есть «выброс», от глагола «атмак» — выбрасывать, бросать. Известны многочисленные тюркизмы у Хагани (XII в.), где, говоря о плотине, построенной Минучихром III на Куре, он называет ее «Багилани» — от глагола «багламак» — запирать, закрывать, на тюркском языке.

Жители ряда селений Апшерона были ираноязычными татами, некоторые села состояли из тюркоязычных племен, а жители Баку в основном были тюрки и некоторые другие народы: лезгины, иранцы и т. д.²²⁰

В источниках и художественной литературе имеются сведения о развитии музыкальной культуры в городах средневекового Азербайджана, о наличии знаменитых певцов и музыкантов. Классическая музыка Азербайджана базировалась на строгой и стройной ладовой системе. Исполнительское мастерство вокалистов и инструменталистов стояло на большой высоте. Одаренные певцы и инструменталистки украшали своим присутствием дворцы феодальных правителей и знати. Музыкально-вокальная культура охватывала все стороны жизни различных слоев феодального общества²²¹.

Азербайджан имел контакты и в музыкальной сфере с Ираном и с Индией. Азербайджанские мугамы являлись излюбленными музыкальными произведениями на Востоке, имеющими ряд общих черт, характерных для мугамной музыки тюркских, персидских и индийских народов.

Как азербайджанские мугамы Хумаюн, так и Маур-хинди (Индийский Маур) имеют отношение к Индии и к ее музыке. Маур-хинди идет на разновидности лада Раст, а Хумаюн на другой структуре, на самостоятельном ладе Хумаюн, и они различаются.

Мугам — это жанр, который типичен для музыки не всех народов Востока. Но у каждого из них мугам имеет свои характерные черты. Основная функция мугама — эстетическая. В азербайджанском мугаме обобщенно раскрывается эмоциональное содержание и особенно — философия эпохи. Мугам относится к профессиональной музыке устной традиции. «Мугам тесно связан с поэтическим творчеством. Мугамные мелодии пелись на стихи Низами, Хафиза, Навои, Физули и других поэтов. Великие же поэты прошлого были одновременно и крупными мыслителями, философами. Содержание мугама, как и поэзии, было направлено на раскрытие мировосприятия эпохи... И поэме, и мугаму характерны предельная погруженность в одно эмоциональное состояние, гибкие и многократные смены эмоции, напряженность кульминации»²²². В мугаме обычно звучит извечная тема любви. В азербайджанском мугаме идет последование контрастных разделов — «шёбе». Вначале звучит «Дерамед», песенно-танцевального характера, затем «Бердашт — инструментальное вступление, пролог, следом идет импровизационный раздел «Майе» и чередование следующих инструментальных разделов импровизации «Гасниф» — песня, затем «Ренг» — танцевальная²²³. Для азербайджанской музыки имеет значение танцевальное начало. В основе мугама лежит звукоряд — лад.

Известны двенадцать основных мугамов и двенадцать основных ладов. Из трактата Абд ал-Кадира Марагаи, выдающегося азербайджанского ученого-музыканта XIV—XV вв., явствует, что под термином «мугам» подразумевается один из двенадцати основных ладов, фиксируемых в теории в виде звукоряда, на котором, вероятно, на практике базировались главные мелодические формулы музыкального произведения²²⁴.

Таким образом, в основе мугама лежит определенный лад. Мугам — это искусство устной традиции и импровизации и крупная вокально-инструментальная форма.

«Мугаму свойственна интонационная детализация, которая приводила к большим размерам мугамных произведений, и в прошлые времена исполнение одного мугама длилось несколько часов. Мугам многочастное произведение. В азербайджанском мугаме отмечается широкое развитие созерцательного начала. Основное образное содержание мугама — раздумье. Созерцательность способствовала импровизационному стилю. Основное интонационное назначение мугама — наиболее полное раскрытие выразительных возможностей лада. В этом раскрытии проявляются в большей мере индивидуальная фантазия, талант и мастерство музыканта-профессионала, в лице которого объединяются творец и исполнитель. Один мугам в разных исполнениях может иметь разное количество разделов. Но основным структурным принципом мугама остается постепенное мелодическое развертывание лада. Количество мугамов немногочисленно, веками существовали одни и те же мугамы, от основных образовывались побочные. Так же, как и в средневековье, в настоящее время мугамы исполняют музыканты-

профессионалы, получающие специальное образование²²⁵». Мугам — это ценнейший памятник определенных времен — средневековья, а возможно и древности. Из азербайджанских мугамов наиболее известные — Баяты-Кюрд, Баяты-Шираз, Хейдари, Шахназ, Чаргях, Новруз Араби, Нава, Чобан-Баяты, Шюштар, Азербайджан, Шур, Раст и др.

В трактате абд ал-Кадира Мараги сообщается, что «тюрки предпочитают сочинять в мугамах Ушшаг, Нава и Бусалик, хотя и другие мугамы входят в их сочинения»²²⁶.

В сочинении Шараф-хана Бидлиси (XVI в.) «Шараф-наме» описывается пир, данный эмиром Шарафом, правителем Бидлиса Шах Исмаилу Сефеву в 913 г. х. (1507/8 г.), когда войска шаха расположились лагерем близ Ахлата во время завоевания Курдистана. «Среброногие кравчие с хрустальными плечами и сияющими ликами, рабыни в златотканых одеждах и с плавною поступью величаво взяли в руки (бокалы) с чистым вином, подобным воде из вечного источника, и призвали к веселию и винопитию. Прекрасноголосые певцы и сладкозвучные музыканты высокими и низкими голосами завели мелодию «ушшаг» и стенаниями арф и лир похищали разум и рассудок из голов великих и малых. Стихотворение:

Со всех сторон появились хмельные кравчие,
(Сами) подобные побегу розы и с розовоцветным
бокалом в руке.

Все, облаченные в златотканые одежды, походили
на солнце.

Все вносили в сердце смуту, а в ум беспокойство.

Чтецы газелей сахарными голосами

Сыпали из уст газели на арабском языке.

Розоподобные красавицы похищали сердца

Томными турецкими напевами.

Подобные локонам периликих, (струны) чанга

Безостановочно исполняли мелодию «ушшаг»²²⁷.

Ушшаг — это раздел мугама Раст и является одним из любимых мугамных произведений азербайджанского народа, исполняемым профессионалами певцами-ханенде и музыкантами.

Музыкальная культура Азербайджана, Ирана и Индии имеет много общих черт, обусловленных многовековыми контактами между этими странами, как в древности, так и в период средневековья, и которые продолжают и в настоящее время.

Искусство азербайджанского танца имеет многовековую традицию и можно сказать, что оно дошло до нас в первозданном виде, с древности вплоть до начала XX века.

Рисунок коллективного танца «Яллы» на наскальных изображениях Гобустана, относящийся к периоду мезолита, свидетельствует о древней многовековой традиции танцевального искусства Азербайджана, которое распространилось в стране в ближайшей зоне от Гобустана на Апшероне и в Баку.

Подъем городской культуры Баку, начиная с XII в. был подготовлен всей предшествующей историей феодального общества. XII и до 20-х годов XIII в. были первым периодом расцвета Баку. XV век является периодом процветания городской культуры, когда Баку стал столицей государства Ширваншахов, одного из значительных феодальных образований на территории Азербайджана.

БАКУ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII вв.

1. Политическая история Баку в период правления Сефевидов (XVI в.)

Так как в нашу задачу входит освещение событий, происходивших в Баку, мы не останавливаемся на подробном изложении политической истории Азербайджана в целом, а говорим только о тех событиях, которые коснулись города.

После подчинения государства Ширваншахов в 1538 г., Сефевидам пришлось подавить целый ряд восстаний азербайджанцев, которые продолжались до 1578 г.¹

В 946 г. х. (1539/40 г.) по приказу шаха в Тебризе был тайно казнен последний ширваншах Шахрух². Ширванская знать, недовольная ликвидацией самостоятельности Ширвана, стремилась восстановить свою независимость, возглавляя ряд антифеодальных восстаний населения против шахской власти и наместников.

Баку был пожалован шахом в удел Гази-хану Текелю³, но жители города оказали ему сопротивление. После упорной и ожесточенной борьбы Гази-хан Текелю в 947 г. х. (1540/41 г.) захватил крепость Баку и уничтожил много жителей⁴. Дальнейшие события в Ширване связаны с турецкими вторжениями и антисефевидскими восстаниями ширванцев, во главе которых стояли ставленники турецких султанов Бурхан-Али, Мехраб-хан, Курбан Али, Касим-Мирза и другие лица из рода Ширваншахов.

В 955 г. х. (1548/9 г.) во время похода султана Сулеймана в Азербайджан Бурхан-Али присоединился к нему, и султан выслал его вперед с войсками, с помощью которых он и занял Ширван. Бурхан-Али оставался там в качестве правителя (вали) два года и умер примерно в 958 г. х. (1551 г.). После его смерти кызылбаши вновь заняли Ширван, а сын Бурхана Али, малолетний Абу-Бекр Мирза, бежал в Дагестан⁵.

Хасан-бек Румлу сообщает, что после смерти Бурхан-Али ширванская знать спрятала его тело. Но Абдулла-хан Устаджлу, беглярбек Ширвана, нашел его, вытащил из могилы и отрезал голову. Ширванская знать во главе с родственниками Бурхан-Али, восстав, бежала в сел. Дерев на одном из островов на побережье Каспийского моря. Абдулла-хан напал на них и уничтожил большинство из них, захватив их добро, и вернулся в Шемаху⁶.

Следующий поход султана Сулеймана в Азербайджан был предпринят в 1554 г. Касим-Мирза, из рода Ширваншахов, ставленник турецкого султана, с большой армией, в составе которой находились и янычары, пройдя через Дербенд, прибыл в Ширван. Знать, жители Ширвана примкнули к Касим-Мирзе, который возглавил антисефевидский мятеж. Битва произошла у крепости Гюлистан. Абдулла-хан разбил повстанцев, которые бежали в Табарсаран, но большая часть их во главе с Касим-Мирзой была уничтожена, а из голов был сооружен минарет⁷.

Необходимо отметить, что несмотря на завоевание Ширвана шахом Исмаилом, последний признал власть Ширваншахов, оставив их у власти. Даже после упразднения независимости Ширвана шах Тахмасиб не смог полностью сломить сопротивление отдельных лиц из рода Ширваншахов. Последние укрывались в южном Дагестане⁸, выжидая удобный случай для выступления на стороне османской Турции, использовавшей их для своих политических целей в Азербайджане. Стремления к независимости были сильны среди ширванской знати, относящейся к суннитам. Приверженность к суннизму и просуннитские тенденции ширванской знати являлись как бы оппозицией против кызылбашей и правителей Сефевидов, придерживающихся шиизма и захватнические устремления которых были направлены на владения Ширваншахов.

Военные действия между Сефевидами и Османами прекратились только к 1555 г., когда был заключен мир между Сефевидским государством и Турцией. Более чем двадцатилетняя передышка и объединение северных и южных областей Азербайджана в составе Сефевидского государства благоприятно сказались на социально-экономической жизни городов страны, в том числе и города Баку, где наблюдается оживление городской жизни, развитие торговли с Российским государством и другими странами, строительство торговых караван-сараяв и других сооружений. Сефеvidы прочно утвердили свою власть в Ширване после назначения туда беглярбеком Абдулла-хана Устаджлу в 956 г. х. (1549 г.)⁹.

При Мухаммаде Худабенде (1577—1587) наблюдается ослабление Сефевидского государства. Одновременно с этим усиливается османская Турция, особенно во время правления султанов

Сулеймана I (1520—1566), Селима II (1566—1574) и Мурада III (1574—1595), которые предприняли ряд походов против Сефевидов.

В 1578-1580 гг. хорошо оснащенная огнестрельным оружием, пушками и техникой, 100-тысячная турецкая армия, под начальством Лала Мустафа-паши вновь вошла в Азербайджан, завоевав Ареш, Кабалу, Шемаху, Баку, Шабран, Махмудабад, Сальян и другие города¹⁰. В походе на Ширван Лала Мустафу-пашу сопровождал потомок Ширваншахов, сын Бурхана-Али, Абу-Бекр Мирза, скрывавшийся до этого в Дагестане. После завоевания Ширвана Лала Мустафа-паша предоставил ему верховное правление областью, куда входил и Баку¹¹.

По сообщению османских источников суннитское население Ширвана истребило оставшихся там кызылбашей¹².

По-видимому, местное население Ширвана жестоко страдало от непосильных податей и гнета кызылбашских кочевых феодалов и надеялось с приходом османов на восстановление былой независимости ширваншахов, при которых положение оседлого населения страны было более благоприятным.

Так, например, жители Дербенда перед вступлением османских войск в город подняли мятеж, уничтожили 300 кызылбашей и арестовали хакима города Чыраг-халифе¹³.

Несмотря на то, что идеологической основой турецко-иранских войн были религиозные мотивы, в действительности Османская Турция была заинтересована в завоевании богатых стран Закавказья и торгово-караванных транзитных путей, пролежавших через Азербайджан. Кроме того, завоеванием порта Баку Турция стремилась получить выход к Каспийскому морю. Богатство Ширвана нефтью, солью, шелком, хлопком и т. д. являлось также одним из факторов, побудивших турецких султанов начать экспансию в Азербайджан¹⁴.

Внешним поводом для завоевания Ширвана явилось обращение некоторых представителей династии Ширваншахов к султану с целью возглавить антисефевидские выступления суннитов Ширвана для восстановления своей былой власти¹⁵. Однако даже в том случае, когда Ширван и Баку попадали под власть османов эти завоевания и восстановление формального управления страной потомками Ширваншахов было весьма кратковременным и неустойчивым.

Турки ввели в занятые азербайджанские города свои гарнизоны и разделили страну на пашалыки и санджаки. Монета стала чеканиться от имени султана. Ширван был разделен на два бейлярбекства — Шемахинское и Дербендское¹⁶.

Бейлярбеем Ширвана был назначен Осман-паша¹⁷.

Шемахинская область состояла из 16 санджаков, куда входил и Баку: Лахидж (Хавз — и Лахидж), Акташ, Кабала, Сальян, Зердав, Шеки, Баку (Бадку) (вместе с Апшероном. — С.А.), Саде-ру, Кара Улус, Ахти и Ихир, Дику, Сирийан (Сирхан), Османи, Худаверд (Худадерд), Махмудабад, Ареш. Правителем Баку был назначен османский алай бек Абубекр-бей, находившийся до этого в Олту¹⁸.

Османские чиновники производили перепись населения в городах и местностях, вводя османскую налоговую систему. Монета стала чеканиться от имени султана. Хутба в мечетях стала читаться от имени Мурада III.

После того, как Мустафа-паша разместил османские гарнизоны в городах Азербайджана и Ширвана и укрепил крепости в Шемахе, Баку, Ареше и других городах, он распустил армию и отправил ее обратно через Грузию на зимовку в Эрзерум. Командующим оккупационными войсками в Ширване он назначил Оздемир оглу Осман-пашу. В 1580 г. Сефевиды, воспользовавшись уходом османской армии, возобновили военные действия против османов. Турецкие войска были разбиты сыном шаха Мухаммада Худабенде Хамза-мирзой. Осман-паша, находившийся в это время в Шемахе и осажденный ширванским беглярбеком Арас-ханом Румлу, правившим вместо умершего в 974 г. х. (1566 г.) Абдулла-хана Устаджлу, вынужден был очистить Ширван и бежать в Дербенд. Сефевиды одержали ряд побед над османами, но вскоре их успехи были остановлены внутренней борьбой и беспорядками в Сефевидском государстве. В конце 1582 г. султан Мурад III, сместив Синан-пашу, заключившего перемирие с шахом Мухаммадом, решил продолжать борьбу, и война на территории Азербайджана продолжалась. Летом 1584 г. крымские войска в количестве 100 тысяч человек, по другим данным 80 тысяч, под командованием хана Мухаммада Гирея, вассала османов, вторглись в Азербайджан через Северный Кавказ и, соединившись с войсками Осман-паши, захватили Карабахскую область и Ширван. В том же году Шемаха и Баку были вновь заняты войсками османов. Мухаммад Гирей-хан и Осман-паша, войдя в Шемаху, три дня находились там, посылая в местности Ширвана отряды для уничтожения сил кызылбашей. Войска, посланные для завоевания Баку захватили его, уничтожив 600 кызылбашей — защитников

города, и взяли в плен Хан-Али и Максуд султана с двадцатью кызылбашами. Османский историк Асафи отмечает, что многочисленные крымские войска, рассеявшиеся по Азербайджану, жестоко грабили и угнетали райятов Ширвана и других областей страны. Захватив большое количество пленных и разграбив Гянджу, Карабах, Муган до Кызылагача крымские войска с приближением зимы вернулись в Крым¹⁹.

Воспользовавшись уходом крымских войск из Азербайджана, шах Мухаммад Худабенде отправил войска под предводительством кызылбашских эмиров для борьбы с турками в Ширване. Сефевидские войска осадили Баку. Однако упорная защита крепости, руководимая османским ставленником Ахмед-беем и подкрепления порохом и оружием, полученными морским путем из Дербенда, помогли осажденным отстоять Баку. Согласно сведениям османских источников, осада крепости продолжалась в течение 40 дней (Искендер Мунши говорит о 18 днях). Когда кызылбашские эмиры подошли к стенам крепости Баку и начали ее осаду, между Мусеиб-ханом Текелю, Шахрух-ханом Зулкадар и Пир-Мухаммадом Устаджлу возникли несогласия; каждый из них хотел действовать отдельно и отказывался повиноваться другому. В их лагере начался голод, и они были вынуждены снять осаду и отступить, не достигнув цели. Вскоре кызылбашы были разбиты Осман-пашой, и перевес вновь оказался на стороне турок.

В период между 1585 и 1588 гг. турки завоевали северные и южные области Азербайджана, которые были разорены войной, неурожаем и внутренней борьбой между эмирами и шахом²⁰.

Ширван вновь оказался под властью турок. Воспользовавшись уходом кызылбашских войск, которые разрушили Бакинскую крепостную стену, Осман-паша реставрировал Бакинскую крепость и укрепил ее. Городские жители, покинувшие город, по его указанию вновь вернулись в Баку. Согласно сведениям Асафи крепость «Бадкуйе» реставрировалась в течение 4-5 месяцев за счет населения и сборов податей с райятов, которые по возвращении в город произвели ремонт и восстановили также свои дома²¹.

В 1587 г. эмиры племен Шамлу и Устаджлу провозгласили шахом в Казвине младшего сына Мухаммада Худабенде, шестнадцатилетнего Аббаса I (1587—1629), когда большая часть страны уже была занята османами. В это время с востока стране стали угрожать узбеки, а внутри Ирана — мятежные кызылбашские племена, и это заставило шаха Аббаса отказаться от борьбы с османами²².

21 мая 1590 г. шаху Аббасу I пришлось заключить тяжелый мир с турками, по которому они получили северные и южные области Азербайджана, кроме Талышского края и Ардебильского округа, часть Курдистана, восточную Грузию и северную Армению. Баку с Апшероном по-прежнему оставался под властью турок. Турки официально ввели суннитское богослужение и преследовали шиитов. Они обложили тяжелыми налогами население Азербайджана.

В связи с рядом антифеодальных восстаний в стране, в том числе и в Ширване, феодальная знать Азербайджана, обманутая в своих ожиданиях и недовольная нейтралистской политикой османов, обратилась к шаху Аббасу за помощью²³.

Одновременно с этим начинаются колониальные устремления Московского государства на Восток. Завоевав в середине XVI столетия Поволжье, Россия стремится к военно-феодальным захватам Закавказья, в частности, к закреплению волжско-каспийского пути. В связи с колониальными устремлениями Московского государства на Восток, и в частности, в Азербайджан, появляется интерес к изучению этих стран. В XVI в. официальным географическим руководством для московской канцелярии была «Книга большому чертежу», являвшаяся объяснительным текстом к недошедшей до нас официальной карте («чертежу») Московского государства. В книге этой содержались сведения о различных странах, в том числе об Азербайджане. На 59 странице этой книги упоминается и Баку. «...А от Сальян 30 верст город Бака, на берегу, в губе Хвалынского моря. А от Бака города 50 верст, а от Шемахи от города 40 верст, город Мушкюр...»²⁴.

Завоевание османами дагестанского и азербайджанского побережья Каспийского моря с городами Баку и Дербендом ставило под их контроль волжско-каспийский путь и нарушало торговые интересы России.

В этот период Баку привлекает внимание окрепшего Московского государства, которое стремилось овладеть этим важнейшим портом на торговом пути Волга — Каспий. Московское правительство, экономически заинтересованное в закреплении за собой восточных областей Азербайджана, в частности Баку, начало вести дипломатические переговоры с шахом о передаче России городов Баку, Дербенда и Шемахи, обещая помочь Сефевидам в борьбе с Турцией²⁵.

Переговоры, начатые еще при Мухаммаде Худабенде, продолжались и при шахе Аббасе I. Дипломатическая переписка по этому вопросу и обмен посольствами и грамотами между Сефевидским правительством и русским продолжались примерно с 1588 по 1618 гг.

Шах Аббас I до заключения мира с турками в 1588 г. отправил в Москву к царю Федору Ивановичу своего посла Хади-бека с предложением начать совместные военные действия против Османского государства, обещая взамен отдать России навсегда города Баку и Дербенд с прибрежной полосой между ними. В ответ на это предложение Московское правительство отправило в Иран посольство во главе с Григорием Борисовичем Васильчиковым для ведения переговоров²⁶.

В статейном списке Васильчикова описывается, как он был принят (9 апреля 1590 г.) в Казвине шахом Аббасом I, причем в ответ на запрос Васильчикова относительно Баку и Дербенда, шах ответил ему согласием на уступку этих городов Московскому государству²⁷.

Ввиду того, что предложения со стороны шахского правительства были сделаны устно, московское посольство стало добиваться письменного подтверждения этих предложений, а потому этот вопрос был вновь поднят Васильчиковым на приеме у шаха 14 мая 1590 г.²⁸

В ответ на посольство Васильчикова шах Аббас прислал в Москву своих послов Будак-бека и Гади-бека с грамотой, где говорилось об уступке городов Баку и Дербенда Московскому государству²⁹.

Однако успехи шаха Аббаса I привели к тому, что Сефевидское правительство уже не поднимало вопроса о передаче Баку и Дербенда России, хотя оба города были еще в руках турок.

По этому вопросу переговоры между Московским государством и шахом Аббасом, в частности обмен посольствами, продолжались в течение ряда лет, вплоть до 1618 г.

Несмотря на то, что после долгих переговоров с шахом Россия добилась письменного подтверждения об уступке городов Баку и Дербенда, практических результатов это соглашение не имело, так как в это время Русское государство было отвлечено внутренними событиями, не позволившими ему начать войну в столь отдаленных от Москвы землях.

Шах Аббас I использовал передышку, полученную после заключения тяжелого мира с османами в 1590 г. для укрепления своего государства. Он во многом ослабил влияние азербайджанских (кызылбашских) племен, враждебных его централистской политике³⁰, и выдвинул новые кадры военной знати из людей незнатного происхождения, всячески поддерживая иранский элемент в своем государстве. Шах Аббас перенес свою столицу из Казвина вглубь Ирана, в Исфаган. Мир дал возможность ему реорганизовать свою армию³¹ и собраться с силами для новой войны, которая возобновилась в конце 1602 г.

2. Политическая история XVII — первой половины XVIII вв.

7 раби ас-сани 1012 г. (14 сентября 1603 г.) шах Аббас послал войска для завоевания Азербайджана, мотивируя свое выступление неспособностью Османского правительства справиться с восставшими крестьянами. Большая часть азербайджанской феодальной знати — купечество и шиитское духовенство поддерживали шаха Аббаса в этой войне¹.

В течение нескольких лет шах Аббас и его выдающиеся полководцы Аллаhverди-хан и Карчигай Мухаммад-хан вернули потерянные ими города Азербайджана. В 1606—1607 гг. шахские войска отвоевали у османов Ереван, Гянджу, Баку, Дербенд, Шемаху².

Искендер Мунши в своем сочинении рассказывает о взятии Баку войсками шаха Аббаса в 1607 г. В это время османский гарнизон в крепости Баку состоял всего из 300 человек. Жители города, желая избавиться от власти турок, составили заговор и напали на коменданта города (кутвала), который узнал об этом заговоре и мог предупредить его. Бакинцы, истребив османский гарнизон, отправили головы турок вместе с ключами крепости к шаху Аббасу и открыли ворота города шахским войскам. Главные участники заговора получили от шаха ценные подарки и ленные пожалования — сойургал³.

Однако католический миссионер патер Антуан де Гувеа, свидетель персидско-турецких войн 1603—1607 гг., в своем сочинении⁴ описывает это событие иначе: в то время как шах Аббас был занят осадой Шемахи, правитель Баку Мурад (le Roi Murath) прибыл в Шемаху «поцеловать ноги шаха» и поднес ему большое количество голов турок с ключами города Баку. Мурад решил, что шах, взяв Шемаху, легко завладеет и всеми другими городами и крепостями страны, которые были менее укреплены. Поэтому, не ожидая наступления войск шаха на Баку и желая заслужить благосклонность его, он пришел предложить город и головы турок, солдат его гарнизона, воевавших под его знаменем. Но он просчитался. Как только он явился в ставку шаха, тот велел

отрубить ему голову, сказав: «Он сделал себе ремеслом быть изменником каждому; в то время, когда турки завоевывали эту провинцию, он отрезал голову правившему в то время правителю Баку и представил ее Осман-паше, который в награду сделал его правителем этого же города и теперь, когда я надеюсь его (город Баку. — С.А.) вернуть, он приносит мне головы турок, воображая, что этим он себя сохранит. Для того, чтобы он не продолжал больше такое коварное занятие, я хочу, чтобы своей головой он заплатил за все те, которые он отрезал»⁵. Это произошло в то время, когда шах послал войска для взятия Баку, т. е. согласно сведениям де Гувеа, в январе 1607 г.⁶.

По свидетельству миссионеров-кармелитов, посетивших Баку в сентябре 1607 г., город был почти весь разрушен⁷. Однако по сведениям Искендера Мунши и патера де Гувеа город был взят шахом Аббасом без боя и поэтому вряд ли был разрушен. Здесь речь, по-видимому, идет о развалинах дворца Ширваншахов, так как патеры-кармелиты, говоря о развалинах города, тут же дают описание дворца.

В 1612 г. шах Аббас заключил с османами мир в Стамбуле, по которому Сефевидская держава получила от турок Северную Армению, Восточную Грузию, весь Азербайджан, Луристан и часть Курдистана.

Но вскоре военные действия между обоими государствами возобновились и продолжались вплоть до 1618 г., когда был заключен мирный договор в Маранде⁸, согласно которому Баку, как и другие города Азербайджана, перешел во владение государства Сефевидов.

Войны шаха Аббаса I и его внука и преемника шаха Сефи (1629—1642) с Османской державой продолжались до 40-х годов XVII столетия. В 1639 г. между Сефевидской и Османской державами был заключен мир, закрепивший условия мирного договора 1612 г., который не нарушался до 1724 г.

Централистская политика, проводимая шахом Аббасом I, очень укрепила Сефевидское государство. Шах Аббас поощрял строительство в городах. В годы его правления был восстановлен ряд городов Азербайджана, разрушенных во время персидско-турецких войн⁹. По приказанию Зульфигар-хана в Баку были построены наружные крепостные стены, о чем свидетельствует надпись на воротах с датой строительства 1017 г. х. (1608/9 г.)¹⁰. В это время было построено несколько караван-сараяв и других сооружений в Баку и за его пределами.

Время царствования последующих Сефевидов, шаха Аббаса II и Сулеймана (иначе Сефи II, 1667—1694), было периодом сравнительного спокойствия страны, оправившейся после заключения мира между Сефевидской и Османской державами. Этот мир дал возможность поднять благосостояние Сефевидского государства, разоренного персидско-турецкими войнами.

Период экономического процветания городов Азербайджана, продолжавшийся примерно до конца XVII в., явился результатом некоторого роста производительных сил общества и развития торговли. Благосостояние города Баку и богатства Апшерона, зажиточность его населения привлекали взоры чужеземных грабителей и морских пиратов, которые совершали набеги и с суши, и с моря.

В XVII в. источники отмечают нашествие донских и волжских казаков на Апшерон. Еще в 1647 г. отряды донских казаков, спустившихся из Астрахани на нескольких судах, занимались грабежом на западном побережье Каспийского моря, а недалеко от Баку напали на суда купца из Ферабада (Ирана) «Аджи Бакея, а он, Бакей, приходил в Баку по нефть, и у него те казаки взяли денег и товаров на шесть или на семьсот тюменей, а самово Бакея отдали на откуп, взяли сто тридцать тюменей»¹¹.

Известно, что в результате феодального гнета и произвола царских властей в течение XVI—XVII вв. на южной окраине России образовалась казацкая вольница, которая совершала налеты на смежные с русским государством области.

Движение казацких отрядов под предводительством Степана Разина на юг и представляло один из таких налетов. Каспийский поход Разина является началом крестьянской войны, ее первым этапом. На втором этапе своего движения Степан Разин, двигаясь на север, к Астрахани и дальше, возглавил народно-крестьянскую войну против крепостничества и самодержавия.

Любопытные сведения сообщает Шарден о связи царя Алексея Михайловича с Разиным. По словам Шардена поход Разина на юго-западное побережье Каспийского моря, в Иран и Азербайджан, был предпринят по подстрекательству царя Алексея Михайловича, который мстил шаху за оскорбление русских послов, позорно выдворенных из Ирана*.

* Французский путешественник и ювелир Шарден посетил Персию, где он жил долго в Исфагане во время своего первого путешествия в 1666 г. и в 1671 по 1674 гг. во время своего второго путешествия в эту страну. Описывая нашествие Разина, он говорит как современник этих событий.

В 1664 г. в Исфаган прибыло большое посольство из Московского государства, состоящее из двух послов и свиты из 800 человек, с богатыми подарками. Они были прекрасно приняты шахом и помещены в великолепном дворце. Однако вскоре выяснилось, что они на самом деле являлись купцами, которые, чтобы избежать оплату пошлины, с ведома царя, под видом послов прибыли в Иран для торговли. Считали, что помимо других товаров, только соборей они продали в Исфагане на восемьдесят тысяч туманов, что составляло четыре миллиона ливров. Аббас пришел в ярость этой двуличностью и после этого к послам стали относиться грубо, с презрением, на них перестали обращать внимание и их выдворили без официального ответа. Один из них умер, а другой вернулся со своей свитой униженный без всяких почестей. В отместку за это оскорбление царь Алексей Михайлович подстрекнул казаков под предводительством Разина совершить налет в Персию и соседние области. Сам царь не решился написать шаху Аббасу и только после его смерти в 1667 г., желая избежать объявления войны и нанести сильный удар Персии он решил сделать своим орудием мести казаков. Этим самым царь старался отвлечь казаков от своих владений¹². Эту версию Шарден сообщил по сведениям, полученным от официальных лиц шахского двора.

Налет казаков на западное побережье Каспийского моря, по данным Шардена, был произведен в 1667 г. Отряд казаков в 1200 человек разграбил ряд городов, которые не оказали им сопротивления¹³. Разин взял много пленных, в числе которых была дочь одного из местных ханов со своим братом.

В записках Людвиг Фабрициуса* (1648—1729 гг.), голландца по происхождению, состоявшего на военной службе в России, имеются любопытные сведения о прекрасной и знатной азербайджанке, которую Степан Разин бросил в воды Яика перед своим первым походом в Персию в 1668 г.

«Но сначала Стенька весьма необычным способом принес в жертву красивую и знатную татарскую деву. Год назад он полонил ее и до сего дня делил с ней ложе. И вот перед своим отступлением он поднялся рано утром, нарядил бедняжку в ее лучшие платья и сказал, что прошлой ночью ему было грозное явление водяного бога Ивана Гориновича, которому подвластна река Яик; тот укорял его за то, что он, Стенька, уже три года так удачлив, столько захватил добра и денег с помощью водяного бога Ивана Гориновича, а обещаний своих не сдержал. Ведь когда он впервые пришел на своих челнах на реку Яик, он пообещал богу Гориновичу: «Буду я с твоей помощью удачлив — то и ты можешь ждать от меня лучшего из того, что я добуду». Тут он схватил несчастную женщину и бросил ее в полном наряде в реку с такими словами: «Прими это, покровитель мой Горинович, у меня нет ничего лучшего, что я мог бы принести тебе в дар или жертву, чем эта красавица...»¹⁴.

Тот же автор пишет: «...персам, живущим по берегу моря, от его разбоя приходилось тяжело, ибо они подвергались нападениям, их грабили и убивали, уводили и продавали на чужбину».

По-видимому, здесь речь идет о дочери Сальянского хана, так как лет через 50 жена Сальянского султана Гасан-бека — Кабулы ханум коварно уничтожила офицеров Петра I, приглашенных ею на званый обед. Подобную расправу с русскими военными можно объяснить только мстостью за своих близких родственников¹⁵.

Первый поход Разина в Персию был предпринят в марте 1668 г. Казаки в количестве 6000 человек на 40 больших плоскодонных судах, на каждом из которых было по 2 пушки, подошли к Решту, маленькому городу на берегу области Гилян и разграбили его, вырезав жителей, которые не оказали сопротивления. Взяв большую добычу, казаки на своих судах поспешно отступили¹⁶. После этого они отправили четверых своих представителей через Шемаху в Исфаган к шаху с вверительными грамотами. Казаки, получив аудиенцию у главного везира заявили, что они представители 6 тысяч казаков, и желая стать подданными шаха, просят предоставить им убежище и землю, где они могли бы жить. Но двор был уже извещен об их вторжении. В то время, когда велись переговоры с представителями казаков, явился посланец с письмами от царя Алексея Михайловича, который просил шаха не принимать казаков и не верить им, ибо это были бунтовщики и беглые, которые не будут верными никому, поскольку они не сохранили верность своему подлинному государю; и что он располагает войсками, чтобы их образумить и призвать к долгу¹⁷.

Однако персидский двор отнесся с недоверием к посланию царя, так как персы были убеждены, что русский царь был в сговоре с казаками. Подозрения их основывались на том факте, что казаки числом от пяти до шести тысяч человек вторглись в Персию на сорока судах с

* Людвиг Фабрициус являлся современником и свидетелем похода Разина в Персию и Азербайджан.

восьмидесятью пушками, прекрасно оснащенные боевыми припасами и провиантом, и что прежде всего они набросились вооруженной силой на персидские земли. По мнению шаха и его двора царь Алексей Михайлович послал казаков, чтобы отомстить им за оскорбления, учиненные ими его послам¹⁸.

После того, как представители казаков вернулись к своим, в тот же 1668 г. был предпринят второй поход в Иран, когда был разграблен город Ферабад и уничтожено много жителей¹⁹.

Помимо персидских областей, в 1667 г. Разин производил набеги и на прибрежные города Азербайджана. Налеты казаков на западное побережье Каспийского моря продолжались и позже. Казаки Разина действительно грабили многие населенные пункты и города между Дербендом и Шемахой и далее до Баку, забирали ценности и местных жителей «в полон»²⁰. Казаки «на тот полон выменивали русских людей, имали за одного кызылбашенина по 2 и по 3 и по 4 человека русских»²¹.

В апреле 1669 г. казаки Степана Разина совершили нападение на бакинское побережье и разорили селение Маштага, взяв в плен около 150 мужчин, женщин и детей, и угнав 7000 баранов. Всю эту добычу они перевезли на остров Чилув* близ Баку и разделили между собой²². Голландский моряк Стрюйс, бывший в это время в Астрахани, сообщает со слов казаков о нападении Разина на Баку в 1669 г.²³, где они похитили много сокровищ, золота, серебра²⁴. «Они застали город врасплох и разграбили, изрубили все, что им попадалось под руки, сожгли дома и имущество. В Баку они нашли много хорошего вина, которое поделили между собой и начали весело пить, отчего большая часть их, непривычных к вину, опьянела. В то время у них было от 5000 до 6000 человек**, способных носить оружие²⁵. Тем временем персы*** поспешно собрали войско и напали на пьяных и неосторожных с такой храбростью и силой, что перебили почти всех, кроме 400—500 человек, которые спаслись бегством на стругах. Стенька сам находился в крайней опасности и без сомнения попал бы живым в плен, если бы его телохранители не защитили его и не нашли бы средств и пути, чтобы скрыться»²⁶.

В июне 1669 г. персидский шах направил к о. Сенги Муган****, близ Баку, где обосновались казаки Разина, вновь выстроенный с помощью иностранцев, большой флот в составе 50 плоскодонных судов под командованием Менеды-хана. По сведениям Кемпфера подвижные казачьи отряды на малых судах наголову разбили шахскую флотилию в абордажном бою. В результате больших потерь из-за болезней и сражений и опасаясь прихода нового войска шаха, разинцы, взяв с собой добычу, отправились в Астрахань²⁷.

Степан Разин со своими казаками был и на острове Дуванном. По преданию, Степан Разин жил в пещере около сел. Сабунчи. Жители Апшерона и Баку долго помнили это нашествие Разина²⁸.

В 1701 г. (или 1702) в Баку были произведены работы по укреплению крепостных сооружений²⁹. Баку привлекал внимание царской России как важный порт на торговом пути в Иран и Индию. В 1715 г. Петром I было отправлено посольство во главе с А. П. Волынским в Иран и Азербайджан с целью выяснения политического и экономического положения Азербайджана в связи с предстоящей подготовкой оккупации прикаспийских областей. В своем отчете Волынский сообщает сведения о городах Азербайджана, кратко упоминая и о Баку³⁰. Он дает полную картину разложения и упадка городов в период начавшегося афганского нашествия на Иран.

Петр I задумал переключить всю шелковую торговлю Ирана с Западной Европой с турецко-средиземноморского на Волжско-Каспийский путь, перехватив огромные доходы от шелкового транзита и шелковой торговли у Османской империи. По Ирану и Закавказью пролегал путь, по которому вывозили в Европу из Азии шелк-сырец. Петр I спешил с претворением в жизнь своих широких восточных планов — выхода к северным и южным морям, для широкой торговли с Востоком: Ираном, Хивой, Бухарой и Индией — страной сказочных богатств³¹.

Воспользовавшись тяжелой политической обстановкой в Иране и антииранским движением в Ширване, возглавляемым феодалами Гаджи Давудом Мушкурским и Сурхай-ханом Казикумукским, дважды нападавшими на Шемаху и опустошавшими селения Апшерона, Петр I организовал военную экспедицию для завоевания западного и южного побережья Каспийского моря. Для оправдания своей агрессии и показа ее законности в глазах жителей этих стран, по

* о. Жилой.

** По другим источникам, казаков было ок. 2000.

*** Персами Стрюйс называл жителей Баку.

**** Остров Свиной.

указанию Петра I, князем Дмитрием Кантемиром был сочинен документ, для обнародования в прикаспийских областях Ирана и Азербайджана³².

15 июня 1722 г. Петр, прибыв в Астрахань, в тот же день опубликовал на персидском, турецком и азербайджанском языках манифест следующего содержания: Давуд-бек, князь лезгинский, и Сурхай, князь казикумукский, взбунтовавшись против шаха, своего государя, в 1712 г. взяли приступом Шемаху, ограбили жителей и убили находящихся там русских купцов, похитив их имущество на 400000 туманов; хотя астраханский губернатор требовал удовлетворения и Петр со своей стороны отправил посланника к шаху, но удовлетворение так и не было получено. Шах персидский не имеет столько сил, чтобы наказать мятежников, а потому русские сами придут сюда. Кто останется спокойно на своем месте, тот не получит никакой обиды от русского войска; участники же этого возмущения и те, которые оставят свои жилища, подвергнутся монаршему гневу³³.

В манифесте, для скрытия подлинных целей похода подчеркивалось, что русские войска идут с целью помочь шаху Хусейну подавить мятежников, выступивших против своего законного государя. В манифесте содержались угрозы против тех лиц, которые тайно и явно деньгами и съестными припасами будут помогать мятежникам или примкнут к ним³⁴.

Манифест этот был отправлен с поручиком гвардии А. Лопухиным с 30 курьерами к шамхалу Тарковскому для рассылки в Дербенд, Баку и Шемаху³⁵.

Петр выступил 18 июля 1722 г. к Дербенду с огромной армией в 79 тысяч конницы, отправленной сушей и 22 тысячи пехоты и 5000 матросов морским путем на 270 судах и лодках и 28-го июля вышел на берег близ Сулака. На своем пути, для устрашения местного населения, Петр жестоко расправился с теми, кто оказывал ему сопротивление, грабя, сжигая деревни и уничтожая их жителей³⁶.

23 августа 1722 г. царские войска без боя заняли Дербенд. Перед тем, как царские войска захватили город, султан Дербенда отправился ко двору шаха просить помощь. В это же время бакинские жители в лице знати, военачальников, феодалов, купцов и др., также обратились к шаху, прося помощи войсками, оружием и съестными припасами для обороны города против войск Петра. Видя бесполезность сопротивления, заменяющий должность султана, наиб Дербенда Имам-Кули-бек с духовенством и почетными лицами встретил императора за городом, изъявил покорность и поднес ему ключи крепости на серебряном блюде³⁷.

22 августа 1722 г., перед своим вступлением в Дербенд, Петр получил из Баку письма на азербайджанском и персидском языках аналогичного содержания с 13 печатями-подписями. Письма явились ответом на манифест царя, отправленного 15 июня 1722 г. в Баку. Содержание письма было следующим: Справедливый государь, с дружбой и братством и по старому обещанию, которое имеется между ним и падишахом ислама и мусульманами, направил поведья своего величия в область Ширвана для наказания восставших против шахова величества бунтовщиков, что они увидели из присланных к ним манифестов, по которым Его величеству служить и в послушании пребыть желают, и при том объявляют, что тоже второй уже год, что от злоумышленных шахова величества неприятелей обороняются, и желают, чтобы те злодеи как наискорее к достойному наказанию приведены, а они, жители, Его Величества мирным охранением взысканы были.

В конце письма стояли печати-подписи Мухаммад-Кули и 12 других лиц³⁸. Прочтенные нами подписи нижеследующие: Мухаммад-Кули, Молла Кули, Новруз Али, Мухаммад Селим, Аслан, Фазлали, Мухаммад Бакыр, Хейбат Али, Мустафа, Асхар, Гюль Мухаммад, Дергах Кули, Хейбат. Имена эти говорят о том, что носители их являлись шиитами и как видно относились к местной знати. Дергах Кули был, по-видимому, старшим юзбаша, Мухаммад Селим наибом, а подпись Мухаммад Кули относилась, как видно, к бакинскому султану, так как в последующем манифесте Петр I обращается к «Мухамат Кули и ко всем жителям города Баки».

Письмо было отправлено в то время, когда царские войска огнем и мечом прошли к Дербенду и в продолжении нескольких дней захватили все близлежащие селения и местности.

Не имея достаточно войск, оружия и съестных припасов, и видя бесполезность сопротивления, бакинская знать решила изъявить покорность и сохранить город от разорения. Дипломатический тон письма говорит о том, что жители города Баку считают императора другом шаха, пришедшего на помощь как союзник и наказать бунтовщиков, восставших против его величества шаха.

После того, как Петр по прибытии в Дербенд выяснил отношение бакинских властей к русской оккупации, он отправил лейтенанта флота Лунина в Баку для обнародования второго манифеста на персидском языке, в котором говорилось следующее: «Божиею милостию мы Петр Первый

император и самодержец Всероссийской, и протчая, и протчая, и протчая, Мухамат Кули и всем жителям города Баки.

Листы ваши отправленные к Нашему императорскому величеству получены, из оных усмотрели Мы, что вы посланные от нас универсалы получили, и имеете к нам свою верность и представляете свои услуги, что мы приемлем милостиво, и обнадеживаем вас нашею императорского величества милостию, а понеже мы поимели намерение в сие страны с нашею армеею приттить ни для чего иного токмо чтоб вас утесненных и разоренных от бунтовщиков оборонить, и пребывание ваше во всяком покое и добром состоянии и в безопасности впредь от своевольных народов устроить, и когда мы с нашею армеею к городу Дербени маршировали, и которые ис предреченных своевольных народов показали себя нам противными те от наших войск побеждены и жилища их вконец разорены, а когда мы пришли в город Дербен то оный город от всех неприятелей привели во всякую безопасность, и для лутчаго впредь без опасения оставили в том городе наш гарнизон а имянно полк салдацкой и несколько казаков, и будем с нашею армеею маршировать к вашему городу Баке, а для лутчаго вам от неприятеля безопасности пришлем к вам вскоре полк салдацкой, а сия наша императорского величества грамота отправлена к вам сухим путем, а такова другая морем, причем посылаетца к вам два пакета с писмами ис которых надлежит вам послать один в гиланскую, другой в астаринскую провинцию и об отправлении оных нам донести, дан в Дербенте августа в 25 день 1722 году»³⁹.

Но власти в Баку в лице султана Мухаммад Гусейн-бека, приняв от Лунина манифест 6-го сентября 1722 г., не впустили его в город и через несколько часов ответили, что они без посторонней помощи уже несколько лет держатся против повстанцев и не нуждаются в помощи русских, а потому ни одного человека в гарнизон не примут⁴⁰.

В письме жителей Баку императору Петру от 6 сентября 1722 г. говорится следующее: «Доносим что с милостивыми указами отправленно посланец вашего императорского величества (его шахова величества от приятеля) в августе в месяце Зылкаде к нам в Баку прибыл, выразумели мы из оных что Вы приятельским образом к нам для сохранения нашего вышеописанного города 1000 человек солдат кроме казаков прислать намерены. Мы ведаем и потому видим что вы милость являете однакож нежелаем чтоб воиски ваши такую трудность восприняли, ибо два года уже как изменники многократно собравшись со своими воиски, имея тысячь по десять и по пятнадцать приступали к вышереченному городу чтоб его взять, а наипаче в апреле месяце Реджепе изменники Дауд и Усмей со своими воиски в 30000 сущих наступали однакож мы по милости вашего величества, нетокмо оным противились но почитая весьма их разбили.

Таким образом что они принуждены были от нас уйти Божию помощью и милостию Вашего Величества, мы их не боимся Казылбаш доньне немог собравшись против изменников Дауда и Усмея притти понеже имел он воину с шахом семандурским (?) с авканским и с гестемигранским (?) которые имея при себе здвести тысячь военных людей напали на столицу его на Гишпаган, однакож милосердием Божиим другой тому месяц оные его неприятели весьма разбиты и искоренены и тако он ныне от того воины свободны стал и отправил к нам своего перворожденного Тахмасиб Мирзу который прибыл в Эрдевилъ придаф ему воиск числом больше нежели на свете есть скота и в море рыб и чрез реку Куру ко (?) паниюмы перевозятся с намерением чтоб реванж свои отыскать, а войско, которое ваше величество всемилостивейше для нашей обороны определил нам нижайшим непотребно, понеже без того обороняли и впредь будем обороняться ибо ваше войско у нас в Баке без действия будет а надлежит вам войска свои для разорения шаховых неприятелей отправить чтоб чрез то между вашим и его шаховыми величествами дружба и приятство умножатся возмогли»⁴¹.

В конце письма имелись 13 аналогичных с первым письмом печатей-подписей тех же лиц.

Подобный ответ на манифест Петра I был вызван, несомненно, подкреплениями, полученными из Ирана (в Баку в это время стоял иранский гарнизон), а также военными успехами в борьбе с войсками Сурхай-хана и Гаджи Давуда, а также улучшением внутривосточного положения Ирана. Это подтверждается фирманом шаха Тахмасиба II от 1135 г. х. месяца Зул-ка'да ал-харам (1723 г. м-ц август), изданного в ответ на обращение бакинской знати к шаху. Содержание его нижеследующее: «Высочайший указ дан о том, что в связи с обращением защитников крепости Бадкуйе — юзбашей*, караулов**, кетхуд***, арбабов**** и жителей к порогу прибежища мира

* Юзбаша — сотник.

** Караул-начальник гарнизона, охрана крепости.

*** Кетхуды — сельские старшины или члены совета старейшин.

**** Арбабы — крупные помещики и владельцы сел.

(шаху Тахмасибу. — С.А.) будучи достойными во всех отношениях покровительства и поддержки (шаха. — С.А.) знали, что в это время на их просьбу о присылке помощи войсками и провиантом, прошение, посланное шаху, дошло до него и что описанное ими положение стало ему известно. До того как прошение дошло до него (шах) дал указание о необходимых мероприятиях для указанной крепости, чтобы с высоким положением хаким и наиб Астары, и хаким Ардебилля срочно послали туда провиант, свинец и порох. А сейчас мы опять дали указание для повиновения, на основании фирманов, чтобы хаким Сальяна, с высоким чином юзбаши гуламов Гайтага, Хасан-бей быстро вместе со своими войсками пришел бы к ним на помощь. С помощью Аллаха они вскоре придут в (Баку). Шах и его войска успешно направились в сторону Ардебилля. После прибытия по желанию великого Аллаха в Ардебиль мы опять-таки прикажем необходимые меры. Они (т. е. защитники крепости. — С.А.) должны полностью надеяться и показать рвение для сохранения и удержания указанной крепости, для уничтожения врага, еще более показать добрые услуги и быть достойными милости падишаха.

Написано: 1135 г. в месяце Зул-ка'да ал-харам (1723 г. м-ц август)⁴².

Приведенный документ полностью разрешает вопрос о противоречии между первым и вторым письмом бакинцев Петру I и кладет конец различным толкованиям появившимся в литературе по этому поводу⁴³. Этот документ также освещает вопрос о составе лиц, писавших Петру I и обратившихся к шаху с просьбой о помощи. Печати-подписи под первым письмом императору полностью совпадают со вторым письмом ему же. Авторы писем были: бакинская знать в лице султана, юзбаши — сотенных начальников и начальников гарнизона, охранявших крепость, кетхуд — сельских старшин или членов совета старейшин, крупных помещиков и владельцев сел.

Видя бесполезность сопротивления против 100-тысячной хорошо вооруженной армии Петра I и желая сохранить крепость Баку от разорения, не имея достаточно войск и оружия, бакинская знать во главе с султаном, обратилась в первом письме к императору, изъявляя покорность и подчинение. В то же время, послав письмо шаху, бакинская знать описала положение и просила помощь войсками и оружием для войны с царскими войсками. Из указанного фирмана выясняется также, что бакинцы получили подкрепление войсками и оружием, поэтому ответили отказом на второй манифест царя, посланный с Луниным и не пожелали впустить царские войска в Бакинскую крепость.

Недовольный ответом бакинцев император собирался взять город силой. Однако взятие Баку Петром I по ряду соображений было приостановлено и большая часть русской армии вернулась в Россию⁴⁴. Еще будучи в Астрахани, 5 ноября 1722 г. Петр отдал распоряжение генерал-майору М.А. Матюшкину: «Когда придут весною из Казани 15 гекботов, тогда с четырьмя полками на оных итти к Баке и взять»⁴⁵.

Петр спешил занять западные и южные берега Каспия (так как боялся захвата этих областей и особенно Баку Турцией) и, вытеснив отсюда турок, стать хозяином Каспийского моря. Этим актом Петр стремился обеспечить торговлю России по Волжско-Каспийскому пути, мечтая связать ее с богатой Индией и направить европейскую торговлю на Востоке через Россию в обход малоазиатских владений Турции⁴⁶.

Матюшкин остался в Астрахани с частью армии, готовясь к походу на Баку. Только 20 июня 1723 г. по прибытии судов Матюшкин отправился из Астрахани на 15 пакетботах, 5 галиотах и нескольких бусах в Баку и 6 июля стал посреди бакинского залива на якоре⁴⁷. Суда были разделены на три части. Одна часть была под командованием генерал-майора Матюшкина, другая — генерал-майора князя Трубецкого, а третьей командовал бригадир князь Барятинский. Капитан-лейтенанты князь Урусов, Пушкин и Соймонов были старшими морскими офицерами при трех частях эскадры. Артиллерией командовал майор Гербер⁴⁸. Матюшкин взял с собой из Астрахани письмо от персидского посла в Петербурге Исмаил-бека к султану города Баку Мухаммаду Гусейн-беку, в котором посол старался склонить султана сдать город русским⁴⁹. Это письмо было послано в город с майором Нечаевым, которому приказано было заявить: «что он пришел по великого государя императора всероссийского указу, чтоб принять город в защищение против бунтовщиков, и того ради он уповает, что султан не будет противиться его предприятием, но наипаче поступит по предложенному от Измаила-бега совету»⁵⁰.

Но бакинский султан майора в город не пустил и задержал его два часа на пристани, отпустив со следующим устным ответом:

«Жители города Баку верные подданные шахова величества, и уже четыре года против бунтовщика Дауда стояли, да и впредь сколько бы оной бунтовщик жить ни имел, и сколько бы ни силен сделался, они того не опасаются, и для того войска на вспоможение себе ни единого

человека, и провианта ни единого батмана иметь не желают. Что же касается до письма посольского, то оно де писано в России, и сверх того они не обязаны следовать совету Измаила-бега, ниже принимать от него повеления»⁵¹.

По получении указанного ответа Матюшкин отдал распоряжение начать приготовления к атаке. Полковникам Остафьеву и Безобразову приказано было выйти на берег с четырьмя батальонами, а командовавшему артиллерией майору Герберу приготовить два бомбардирских гекбота и пять других судов с 18-фунтовыми орудиями, чтобы пробить крепостные стены со стороны моря⁵².

21 июля в 7 час. утра солдат начали перевозить на шлюпках и ботах на берег под прикрытием нескольких судов. Большая часть отряда уже была высажена на берег и расположилась там, прикрывшись рогатками, но в это время из крепости вышел сильный отряд конницы иранского гарнизона, который напал на русских, думая справиться с ними до того, как пушки будут перевезены на берег. Однако майор Гербер имел уже две полевые пушки в готовности, которые, начав стрельбу, вынудили конницу вернуться в крепость⁵³.

По сведениям Соймонова, семь русских кораблей приблизились к городу и полуциркулем стали на якорь. Осажденные начали по ним стрелять из пушек. Но как только пушки с судов начали действовать, осажденные и часа не вытерпели и бросились бежать, оставив свои пушки. Мортиры также оказали свое действие; от третьей бомбы в городе возник большой пожар. В тот день до вечера было брошено в город 94 бомбы. На берегу около двух батальонов установили батарею и поставили на нее четыре гаубицы, из которых день и ночь стреляли в проломы в крепостной стене, чтобы не дать осажденным их заделывать. В течение четырех дней был сделан значительный пролом, однако, осажденные не собирались сдаваться. Время от времени конные отряды предпринимали вылазки на батарею⁵⁴.

25 июля русское командование решило взять город приступом, причем генерал-майор сделал следующее распоряжение: на берегу, ночью, устроить в лагере ложную тревогу, чтобы показать, откуда начнется атака. Когда же осажденные обратят туда всю свою силу, то находящемуся на судах войску высадить десант и идти к тому месту, где сделан пролом. Однако этот план не удалось осуществить, так как ночью с берега налетел сильный ветер, который унес суда в море. Стрельбу продолжать было невозможно. Осажденные воспользовались этим и в ту же ночь заделали проломы⁵⁵.

На следующее утро русские поймали местного жителя, ехавшего в город с арбузами, и привезли его к генерал-майору Матюшкину. Но тот ничего не знал и генерал-майор решил отпустить его в город с письмом к султану и жителям города, в котором генерал-майор упрекал их в том, что они не поверили письму полномочного посла шаха и противились его совету, а также оскорбили его, генерал-майора тем, что посланного его не пустили в город, и что их городская стена, как бы крепка ни была, однако от российских ядер развалилась. Хотя они проломы заделали и замазали, однако это им не поможет, замазка еще и высохнуть не успела, а потому стена от первого выстрела развалиться может. Поэтому генерал советует им сдаться, обещая императорскую милость, «есть ли же они еще долее противиться будут и на тот день на милостивую дискрецию не сдадутся, то при неминуемо воспоследующем взятии города никому никакого пардона учинено не будет...»⁵⁶.

Через час после получения этого письма осажденные бакинцы выставили белые флаги на башнях приморских крепостных стен. Затем с берега знаками дали знать, чтобы послали к ним людей для переговоров. Генерал-майор Матюшкин послал две вооруженные шлюпки с офицерами, которые вернулись с четырьмя депутатами от города, объявившими, что жители желают сдать город и просят прощения за учиненное русским сопротивление. В присутствии депутатов Матюшкин написал договорные пункты и послал их с ними в город. Депутаты просили для сдачи города несколько часов времени, чтобы отворить ворота, которые в начале осады были засыпаны землей⁵⁷.

Ф. И. Соймонов так описывает сдачу города и вступление русских войск в Баку: «На берегу находящиеся батальоны были поставлены в строй, а бакинские жители почти все вышли за город без оружия, уведомляя генерал-майора, что все ко вшествию россиян готово. Вшествие происходило в наилучшем порядке. Ворота и другие места караулами заняли...»⁵⁸. На большой площади у Джума-мечети была учреждена гауптвахта. Солдатам отвели квартиры в двух пустых каменных караван-сараях, в бухарском и индийском.

В городе было найдено 80 пушек, медных и чугунных, и две большие гаубицы без станков. Пороху и другой аммуниции было очень мало, особенно недоставало ядер к гаубицам.

Что касается гарнизона в городе, то он состоял из 700 человек персидских солдат* под командой юзбаши Дергах Кули-бека, которые были приняты русскими на службу⁵⁹.

Из приведенных сведений участника этой экспедиции Соймонова выясняется, что Баку был занят царскими войсками 26 июля 1723 г.⁶⁰. Артиллерия, провиант и аммуниция были выгружены с флотилии на берег и ввезены в город. Генерал Матюшкин и генерал-майор князь Трубецкой зимой отправились обратно в Астрахань, а комендантом города, по указу Петра, был назначен князь Барятинский. При нем остались полковники Остафьев, Безобразов и Фразер. В бакинском гарнизоне оставлено было два полка пехоты, состоящих в 1725 г. из 2382 человек. Этот гарнизон получал провиант и все нужное из Астрахани. Матюшкину за занятие Баку был пожалован чин генерал-лейтенанта⁶¹. Петр, получивший донесение о занятии Баку 3 сентября 1723 г., торжественно отпраздновал в Петербурге это событие.

После взятия Баку «жителям были подтверждены их вольности. Собственность или доходы казны приняты в российское управление. Оные состояли из двух главных, поступающих в продажу статей; соли и нефти, и, сколько известно, приносили в казну российскую в год 50 тысяч рублей. Сверх того, были сборы пошлинные и полавошные»⁶².

В целях укрепления города Баку русскими властями при помощи поволжских татар, чувашей и других народностей были построены 5 наружных бастионов, примыкающих к последней наружной крепостной стене, которая была цела еще в 1796 г.⁶³

С 1724 г. Баку и его районы стали заселяться казанскими татарами, черемисами и чувашами, которых в количестве 5 тысяч человек выслали в Баку для использования на судостроительных и других работах⁶⁴. В 1728 г. часть их вернулась домой, а остальные остались для продолжения работ⁶⁵. Согласно политике Петра I, Баку и его районы заселялись христианами, главным образом армянами. По сообщению Буткова, 10 ноября 1724 г. Петр I незадолго перед смертью принял четырех депутатов от армянского народа, ходатайствовавших о «вспомоществовании армянам и о дозволении им селиться в прикаспийских провинциях»⁶⁶. В тот же день, т. е. 10 ноября 1724 г., Петр I выдал грамоту армянскому патриарху Исаяю и всему армянскому народу о дозволении армянам селиться в Гиляне, Мазандеране и Баку⁶⁷. Согласно Указу от 10 ноября 1724 г.⁶⁸, генерал-лейтенанту Матюшкину и бригадиру Левашову предписывалось «всячески стараться, чтобы армяне селились в Гиляне, Мазандаране, Баку, Дербенде и проч., а персиян** при случае даже вытеснить»⁶⁹.

По сведениям А. Г. Буткова: «Генерал-лейтенанту Матюшкину и бригадиру Левашову повелено также и это объявлено всему армянскому народу, чтобы всяким образом стараться армян и других христиан призывать для поселения в занятые российскими войсками персидские провинции: Гилян, Мазандеран, Баку, Дербенд и другие удобные места, принимать ласково и в прочем содержать во всякой милости и охранении; отводить им в пристойных местах удобные для их поселения земли, и отдавать им в городах и селах те дворы и пожитки, которые пусты, также и тех из магометан, которые являлись в какой противности, или на которых какое подозрение есть, тех выводить вон, а их места занимать оными христианами»⁷⁰. Тот же автор сообщает, что одним из главнейших желаний государя Петра I было умножить христиан в приобретенных провинциях⁷¹.

11 февраля 1725 г., уже после смерти Петра I, Коллегией иностранных дел был издан Указ, подтверждающий высочайший указ Матюшкину об армянах от 10 ноября 1724 г.⁷². Позже подобный указ был издан 22 февраля 1726 года Екатериной I⁷³. Таким образом, заселение Баку армянами относится главным образом к этому времени.

Связи армянского населения в лице меликов и духовенства с Петром I начались задолго до его оккупации прикаспийских областей. В лице армянского населения Петр I видел союзников желающих избавиться от господства Ирана и Турции, готовых в нужный момент оказать помощь его войскам. Армянские мелики и духовенство неоднократно обращались к нему с письмами из различных областей Азербайджана и просили его о военной помощи⁷⁴. Одно из таких писем было отправлено в 1723 г. императору через Матюшкина армянами из Баку, в котором они жаловались на притеснения от «бусурман»⁷⁵. В Баку к моменту прихода царских войск находились армянские купцы, ведущие торговлю через Астрахань.

После оккупации Баку войсками Петра I, в 1723 г. местные феодалы во главе с султаном, недовольные захватом Баку царскими войсками, устроили заговор. Вскоре русским властям стало

* По-видимому, персидскими солдатами были названы азербайджанцы, бакинцы.

** Персиянами Бутков называл местных жителей азербайджанцев (бакинцев и др.).

известно о тайных переговорах бакинского султана с Гаджи Давудом и о его намерении передать город Турции. Один из участников взятия Баку, командующий артиллерией полковник Гербер сообщал, что «по взятии города донес старший Юзбаши Дерга-Кули-бег на тамошнего султана, что он держит сторону бунтовщиков, и переписывается с Дауд-бегом»⁷⁶. Султан Мухаммад Гусейн-бек был взят под стражу и вывезен вместе со своими тремя братьями и со всем их имуществом в Астрахань на судне, на котором ехал Соймонов. Юзбаши Дергах-Кули-беку, возведенному русским командованием в чин полковника, была поручена команда над местным гарнизоном⁷⁷. У жителей города по указу царя было отобрано все оружие⁷⁸. Но вскоре, в 1724 г., русские власти узнали об измене Дергах-Кули-бека, который подготовил заговор, ожидая прибытия из Шемахи с большим войском Гаджи Давуда и намереваясь вместе с ним истребить малочисленный русский гарнизон. Гербер сообщает об этом: «В следующем году проведали, что и сей Юзбаши с своими Кызылбашами намерение имеет изменить, и нападши на российский гарнизон, всех побить хочет; для чего переписывался с Дауд-бегом, и ожидал от него вскоре помощи. Юзбаши и знатнейшие его сообщники ушли, а другие взяты под караул, некоторые осуждены на смерть, а прочие все, выключая токмо некоторых бедных людей, кои не имели участия в сем преступлении, посланы в Россию, и через то сей город весьма опустошен; остались только одни почти Индейцы (индусы. — С.А.) да армяне, которые там отправляли купечество...»⁷⁹

В связи с описываемыми событиями, султанство было упразднено и комендантом крепости Баку, которому подчинялся и наиб Селим-хан*, правивший селениями Апшерона, был назначен князь Барятинский⁸⁰, исполнявший в то же время и обязанности губернатора города; гарнизон крепости теперь состоял из четырех тысяч человек⁸¹.

С этих пор русские коменданты стали управлять Баку и Апшероном. После описанных событий в 1727 г. русские власти простили Дергах-Кули-беку и вновь назначили его султаном города Баку. Но примерно в 1730 г. Дергах-Кули-бек перешел на службу к шаху, однако в 1732 г. он вновь возвратился и, получив прощение, жил в своем дворце в селении Маштага на Апшероне⁸².

По-видимому, Дергах-Кули-хан был незаурядной личностью и пользовался большой популярностью в народе. По словам А. К. Бакиханова «Его храбрость и телесная сила сделались пословицей в народе»⁸³. Царские власти, как видно, хотели использовать его влияние в стране для удержания в покорности местное население. Поэтому они дважды прощали ему заговоры и измену. По сведениям А. К. Бакиханова, «Дергах-Кули-бек, сын Гейбат-бека, происходил от нуркуджурских владетелей, потомков табасаранских испахбадов. Предки его, во время прибытия в Ширван при Хан-Ахмед-хане гилянском, в 1000 (1592 г.) переселились в Баку, где, имея свой удел, были старшими над юзбаши (сотенные — начальники земского войска). Остатки их укрепленного дворца еще и поныне существуют в деревне Рамана...»⁸⁴

Еще до прибытия царских войск Дергах-Кули-бек убил бакинского султана и присвоил себе титул хана. Шах Хусейн по просьбе Дергах-Кули-бека и жителей утвердил его правителем всего Апшерона. Таким образом, новый султан Мухаммад Гусейн-бек ведал только одной крепостью. Когда Гаджи Давуд и Сурхай-хан хотели овладеть Баку, Дергах-Кули-хан, встретив их войска близ небольшой горы в полумиле от города, разбил их, и место это стало носить название Ганлы-тепе, т. е. кровавая гора⁸⁵. В этом сражении был убит брат Дергах-Кули-хана Гусейн-Джан-бек. Обезопасив себя от нашествий дагестанских феодалов, Дергах-Кули-хан с целью распространить свою власть и на другие земли стал нападать на соседние магалы, Шабаран и Кобыстан. С прибытием в город русских он по-прежнему управлял Апшероном, жил в своей резиденции в селении Маштага, где у него был дворец и сад⁸⁶. «Из грамот Дергах-хана, особенно из той, по силе которой Абдулла-бек, сын Гаджи-Селим-бека, назначался меликом бакинского магала, видно, что Дергах-хан еще управлял Баку в 1143 (1731 г.), но неизвестно, в котором году он отстал от русских и, разорив некоторые окрестности Баку и Ширвана, удалился в Персию. Назначенный начальником части войска в 1151 (1738 г.) в сражении в Джарском округе⁸⁷, где пал Ибрагим-хан, брат шаха Надыра, он был ранен и умер в городе Занган»⁸⁸.

В то время как царские войска занимали Баку, правительство Петра I вело дипломатические переговоры с Ираном о присоединении прикаспийских областей к России. В 1722—1723 гг. положение Ирана было тяжелым, страна переживала афганское нашествие. Большая часть Ирана была уже захвачена афганцами. 12 сентября 1723 г. иранский посол Исмаил-бек заключил в Петербурге договор, согласно которому шах уступал России все западное и южное побережье

* Наиб Селим-хан — предок известных в наше время бакинцев — Селимхановых.

Каспийского моря от Дербенда до Астрабада. Петр обязывался поддержать права шаха Тахмасиба и помогать Ирану в его борьбе как против афганцев, так и против турок. Турция, недовольная оккупацией прикаспийских областей русскими войсками, захватила Армению, Грузию и большую часть Ширвана⁸⁹. Однако договор этот не был ратифицирован шахским правительством.

Лишь 12 июня 1724 г. в Стамбуле был заключен договор России с Турцией, согласно которому к России отходило все западное и южное побережье Каспийского моря с городами и провинциями Дербенд, Баку, Сальян, Гилян, Мазандаран, Астрабад, а за Турцией оставались Шемаха, Нуха, Гянджа, Тебриз, а также Армения и Грузия⁹⁰.

После смерти Петра в 1725 г. русскому правительству стали в тягость прикаспийские владения, так как для их удержания необходима была большая армия, требующая огромных средств. Кроме того, содержалась большая масса рабочей силы, используемой для постройки и укрепления крепостей. Жаркий климат, обилие фруктов, сырая вода вызывали тяжелые заболевания и большую смертность среди солдат и требовали значительных пополнений армии. Кроме того, доходы от приобретенных провинций не покрывали расходов⁹¹. К 1730 г. положение дел еще более ухудшилось, так как в это время в Иране возвысился талантливый полководец Надир, одержавший ряд побед над турками. Летом 1734 г. Надир двинул свои войска в Ширван и занял Шемаху.

По словам А. К. Бакиханова: «Пользуясь этими обстоятельствами, жители прибрежных каспийских областей единодушно восстали против русских. Только одно благоразумие генерал-майора Левашова спасло их...». Генералу Левашову было трудно удерживать в повиновении местное население, которое восставало против насилий оккупационных войск русского царизма. Немецкий врач И. Я. Лерх, получивший назначение в оккупированные прикаспийские области с 1733 по 1735 гг. проехал через Дербенд, Шабаран, Апшерон, Баку, Сальян и описал в своих записках жестокости и наказания, применяемые генералом Левашовым по отношению «к возмутителям спокойствия, кои чинили набеги, иных приказал повесить за ребра...». Далее Лерх пишет в 1734 г., что 3 ноября отняли татары (т. е. азербайджанские турки. — С. А.) у казаков более 200 голов рогатого скота и убили пять казаков; а из татар убито было десять. «Майор Эйкен гнался за ними, но не мог их достичь. 22 ноября поймали одного тавлинского татарина* и обрезали ему нос и уши, потом правую руку и левую ногу отсекли; один из его земляков взял его с собою на свою арбу. Сие наказание генерал часто приказывал исполнять над таковыми бунтовщиками. В сем случае товарищи его имели в готовности горшок с горячим салом или молоком, и в оной опускали руку и ногу; через что унимали они кровь; потом позволялось их брать с собою домой для устрашения других»...⁹²

Левашов просил у императрицы Анны Ивановны крупные подкрепления войск для удержания занятых областей. Вместо этого императрица отправила в Иран барона Шафирову с предложением о мире⁹³.

21 января 1732 г. в Реште был заключен договор, один из основных пунктов которого гласил о возвращении Ирану всех земель по берегу Каспийского моря до устьев р. Куры с тем условием, чтобы они находились под властью Ирана и не сделались добычей Турции⁹⁴. В августе 1732 г. Надир сверг с престола шаха Тахмасиба и провозгласил шахом его малолетнего сына Аббаса III. Таким образом, Надир фактически стал неограниченным правителем Ирана. Он потребовал у русского посланника освобождения Дербенда и Баку и возвращения Ирану прикаспийских областей. В это время внутреннее и международное положение России значительно ухудшилось. Слабость армии и флота, опасность нападения Турции и сложная политическая обстановка делали невозможным для России дальнейшее владение прикаспийскими областями.

Успехи Надира в Ширване вынудили русское правительство заключить 10 марта 1735 г. в лагере под Гянджой договор, согласно которому из Дербенда и Баку были выведены русские войска, а Иран обязывался не допускать захвата возвращаемых Россией Ирану провинций какой-либо державой (подразумевается Турция). Таким образом, в 1735 г. Баку вновь попадает под власть Ирана. В вилайеты Дербенд, Баку и Сальян были посланы правители-хакимы. Все пленные были возвращены русскими⁹⁵.

После того как русские войска были выведены из Баку и Апшерона, через две недели после заключения гянджинского договора, Надир-шах назначил бакинским ханом одного гилянца по имени Галем, который был у него в большой милости⁹⁶. Кроме того, он переселил на Апшерон

* Даглинского — горского, т. е. тата.

тюрков из племени афшар, заселивших селения Забрат, Кешла и Сабунчи, которым он доверял и на которых опирался. Один из представителей этого племени Ашур-хан (Афшар) — сардар азербайджанский* совместно с Фетх-Али-ханом Афшар в сражении недалеко от города Ахсу 24 декабря 1743 г. подавил восстание в Ширване, во главе которого стоял самозванец Сам-мирза, мнимый сын шаха Хусейна⁹⁷.

Крестьянские восстания в Азербайджане, направленные как против шахского Ирана, так и против местных феодалов, не прекратились и с воцарением на шахском престоле Надира. Наиболее крупные антифеодальные восстания в Ширване произошли в 1738 и 1743 гг.⁹⁸

Несмотря на то, что шах с большой жестокостью подавлял эти восстания, они особенно усилились в последние годы царствования Надира.

Тяжелое экономическое положение страны, почти сорокалетняя война, феодальные междоусобицы и крестьянские восстания привели к гибели эфемерную державу Надир-шаха. В ночь на 9 мая 1747 г. некоторые вельможи и приближенные Надир-шаха во время дворцового переворота, подстрекаемые изгнанным его племянником Али-Кули-ханом, сыном Ибрагим-хана, убили его в Фатхабаде в Хорасане⁹⁹.

После смерти Надир-шаха, его огромная империя распалась на части. В Азербайджане образовался ряд независимых ханств, среди которых одним из значительных было Бакинское ханство с центром в Баку.

3. Экономическая жизнь города

а) Нефтедобыча на Апшероне

Сведения о хозяйственной и экономической жизни города Баку в XVI — первой половине XVIII вв. содержатся в сочинениях средневековых авторов и записках многочисленных восточных и западноевропейских путешественников, посетивших город и его окрестности в указанный период времени.

Экономика города Баку в течение всего средневековья была тесно связана с нефтью, добыча которой по сведениям ряда источников в XVI—XVII вв. была значительной¹.

В 1572 г. Баку посетили агенты английской торговой компании, которые проявили интерес к бакинской нефти. Один из агентов этой компании Джеффри Дэкет в своих записках сообщает о большой добыче нефти близ Баку, где он был в это время: «Около города, называемого Баку, замечается странное явление. Отсюда выходит на поверхность земли необычайное количество масла, за которым приезжают с отдаленных границ всей Персии. Оно служит всей стране для освещения домов. Это род масла черного цвета и называется нефтью. Ее перевозят по всей стране на мулах и ослах, которых вы часто встретите караванами по 400—500 за раз. Около указанного города Баку есть также другой род масла, белого и очень ценного, и предполагается, что это то же самое, что у нас называется петролеум (горное масло)»². Число вьючных животных в караване говорит о значительных перевозках нефти.

Добыча нефти, судя по данным Джеффри Дэкета, была для того времени значительной, что подтверждается турецким источником 1583 года³. В сочинении Дал Мехмет Асафи-паши говорится о большом количестве добываемой белой нефти, исчисляемой в несколько тысяч йюков, доходы которых составляли десять йюков акче в год⁴. Как известно, турецкий йюк состоял из 100 000 акче, т. е. турецких пиастров или 6000 рублей. Десять йюков составляли 60 000 рублей дохода серебром или 6000 туманов.

По сообщению иранского автора Амин Ахмеда ар-Рази (1601 г.), в окрестностях Баку (т. е. на Апшероне. — С. А.) в это время было около 500 нефтяных колодцев, из которых добывалась черная и белая нефть⁵. Это первое сообщение источников о количестве нефтяных колодцев, которое, возможно, несколько преувеличено, но тем не менее позволяет судить о больших размерах добываемой нефти. Эту же цифру повторяет турецкий историк первой половины XVII в. Кятиб Челеби⁶.

Итальянский путешественник Пьетро делла Валле (1618 г.) говорит о большой добыче черной нефти близ Баку, стоящей очень дешево и приносящей шаху ежегодно большие доходы⁷.

Ценные сведения о нефтедобыче на Апшероне в своей «Книге путешествия» — «Сияхат-намэ» дает известный турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Баку в 1647 г. Он

* А ш у р - х а н Афшар — предок автора этой книги.

сообщает, что в окрестностях города Баку в семи местах имеются нефтяные промыслы и нефть каждого из них имеет свой цвет: красный, желтый, черный и т. д., но наиболее ценной была желтая нефть⁸.

Эвлия Челеби осмотрел нефтяные промыслы на Апшероне и дал их описание. По его словам, нефтяные источники образуют маленькие озера. «Люди, подчиненные хранителю нефти, влезают по ночам в эти маленькие озера и наполняют нефтью козлиные тулуки (бурдюки. — С. А.). Затем купцы покупают их и развозят по разным странам»⁹.

Как видно из текста, рабочие, занятые извлечением нефти, подчинялись особому лицу, который ведал эксплуатацией промысла. Далее говорится, что «нефть имела особых охранников, которые охраняли ее днем и ночью, так как если она загорится, то будет вечно гореть и не потухнет. И потому около нефтяных промыслов имеются наготове горы песку»¹⁰.

Более подробные сведения о способе добычи нефти приведены у немецкого путешественника Энгельберта Кемпфера, секретаря шведского посольства, посетившего Баку 6—8 января 1683 г. и оставившего интересное описание города и его окрестностей¹¹. Кемпфер осмотрел нефтяные месторождения Апшерона в сел. Балахана, Рамана, Бинагады и Сурахана. По его сведениям, в Сурахана в это время было два действующих и восемь заброшенных колодцев белой нефти, расположенных в ложбине длиной около 100 и шириной в 50 шагов. Глубина очень узких колодцев составляла около 40 оргий*. Устья колодцев были обложены камнем и обсажены кустарником¹². Рытье колодцев производилось примитивным способом — лопатами. «Плотная глинистая почва позволяет углубляться до желаемого горизонта без всякого крепления стен, не подвергая землекопов опасности»¹³.

По сообщению члена русского посольства в Иране И. Лерха, посетившего Баку в 30-х и 40-х годах XVIII в., во время завоевания (1723—1735 гг.) города войсками Петра I, количество колодцев белой нефти на Апшероне доходило до пяти и добыча нефти, как видно, была незначительной. Колодцы были покрыты камнями и запечатаны. Извлечение нефти происходило один раз в месяц. Колодцы охраняли унтер-офицер с 12 солдатами¹⁴. В 1747 г. английский путешественник Ганвей сообщает о 6 колодцах белой нефти¹⁵.

Кемпфер осмотрел также месторождение черной нефти («кара нефть») в Балахана, на площади, простиравшейся с запада на восток на 100 шагов. Здесь для добычи нефти было вырыто множество узких колодцев, в разных местах и беспорядочно, но не все колодцы разрабатывались. «Глубину они имеют тридцать и больше локтей (говорят, что круглым числом сорок), не потому, что жилы текут на такой глубине, но потому, что для них требуется более глубокая яма, в которой могла бы задержаться жидкость, струящаяся ночью, пока с наступлением дня она не извлекается рабочими»¹⁶.

Далее Кемпфер описывал способ добычи нефти. Извлечение нефти из колодцев производилось кожаными мехами ручным способом или с помощью небольшого ворота. Один из колодцев, более богатый нефтью, снаружи был обделан камнем, над ним возведена довольно большая постройка. Колодец имел большие размеры как в ширину, так и в глубину. Нефть втекала в него струей с заметным шумом, ее в огромном количестве извлекали при помощи ворота, который вращали попеременно две лошади, гоняемые по кругу. Работа на промысле прекращалась только на несколько часов ночью¹⁷.

Нефть хранилась в особых кладовых. Одна из них, описанная Кемпфером, представляла собой большое сводчатое помещение, имеющее семнадцать шагов в длину и семь в ширину, при небольшой глубине, куда стекала нефть из соседнего источника. Внутри нефтехранилища с обоих концов вели ступеньки, по которым можно было спуститься до любого уровня¹⁸.

По сведениям И. Ганвея (1747 г.), для отделения от воды и очищения нефть проводили по канавкам последовательно в ряд ям или резервуары. Таким образом, в первой яме отстаивалась вода или тяжелая часть нефти, с которой она была смешана¹⁹.

Перегонка нефти на Апшероне была известна уже в начале XIII в.²⁰. И. Лерх подтверждает это. Из темно-бурой получали светло-желтую нефть, а из белой нефти, мутной при добыче, при перегонке получали светлый, как спирт, продукт, который легко воспламеняется²¹.

Нефть из этих ям переправлялась в Баку в три специальные нефтехранилища недалеко от крепости. В районе Биби-Эйбата и Баилова, близ нефтяных колодцев, было 15 таких нефтехранилищ. Там же, неподалеку был построен караван-сарай для приезжающих за нефтью купцов²².

* Оргия — мера длины в Древнем Египте и Греции, равна 2 м.

Белая нефть больше ценилась, находила лучший сбыт и вывозилась за пределы страны. Нефть Апшерона вывозили на вьючных животных, на арбах, запряженных лошадьми, или на верблюдах. Нефть транспортировалась в бурдюках в Баку, Шемахи и другие города и села Азербайджана²³. Ее вывозили из Баку и морским путем в Иран, Узбекистан, Дагестан и Северный Кавказ²⁴. Из Баку и Шемахи нефть вывозили караванными путями в Индию, Ирак, Курдистан, Турцию²⁵. Источники сообщают о значительных перевозках нефти в Московское государство в 1637 г., где она хранилась в медных котлах в «государевой казне» (по-видимому, в складах Московского Кремля)²⁶. Нефть вывозилась также в страны Западной Европы²⁷.

О количестве добываемой нефти в XVII и первой половине XVIII в. можно иметь представление по числу действующих нефтяных колодцев. По сообщению Лерха, в 5 верстах от Ухани (ныне сел. Новхана), близ одного села (по-видимому, Бинагады), находилось от 30 до 40 нефтяных колодцев²⁸. К 20-м годам XVIII в. добыча нефти сильно сократилась.

«...Кладезей оных (в Балахана. — С. А.) находилось во время персидского шаха 52, посредством коих великий тогда отправлялся торг; теперь неповрежденных остается токмо 26...»²⁹. Таким образом, выясняется, что в среднем на каждом промысле в XVII в. в период подъема нефтедобычи было около 50 колодцев, а по данным Эвлия Челеби на Апшероне добывалась нефть в 7 местах³⁰. При подсчете получается, что в XVII в. общее число колодцев составляло приблизительно 350—400. Помимо вышеуказанных, существовал еще ряд нефтяных колодцев близ крепости Баку, в районе Биби-Эйбата, Баилова и дальше, в нынешнем Локбатане, где колодцы были большей глубины, а один из них достигал глубины 90 сажен³¹. Черная и темно-серая нефть в большом количестве добывалась на острове Пир-Аллахи (остров Артема), расположенном на северном побережье Апшерона³².

По словам Лерха, в сел. Балахана был колодец, который «весьма сильно бьет и ежедневно доставляет 500 батманов нефти»³³, что составляет 187,5 пуда в день, или 67 500 пудов в год с одного колодца*. По-видимому, это был фонтанирующий колодец, но не все колодцы могли давать так много. Тем не менее указанная цифра дает представление о больших размерах нефтедобычи на Апшероне.

Более достоверными являются цифровые данные, приведенные Кемпфером. При колодцах только в сел. Сурахана трудились «в поте лица 32 рабочих, все жители окрестного селения, которые получали по 7 и 8 аббаси^{34**} в месяц^{***}. Ежедневно оттуда вывозилось до 80 арб, на которые было нагружено 7 или 8 бурдюков по 10—20 тавризовских батманов в каждом³⁵. По словам Кемпфера, один тавризовский батман был равен девяти бельгийским фунтам. Ежедневная добыча составляла 8—10 тысяч батманов нефти, что составляет 1500—1875 пудов в день (из расчета около 3 кг³⁶ в тебризовском батмане) и в среднем около 600 000 пудов в год. По словам Кемпфера, счет сводился к тому, чтобы ежедневно вычерпывалось и вывозилось от восьми до десяти тысяч батманов; однако вместо них рабочие щедро поставляли 100 000. Цифра 100 000, названная Кемпфером, как видно исчислена им в бельгийских ливрах, так как десять тысяч тебризовских батманов составляли 90 000 ливров, но рабочие вместо них добывали на 10 000 ливров больше, т. е. всего 100 000 ливров. Рабочие сообщили Кемпферу, что ежегодный доход шахской казны от нефти, за вычетом издержек, доходил до семи тысяч туманов³⁷.

Сопоставление данных Кемпфера с другими источниками показывает, что его сведения не преувеличены и соответствуют действительности.

По сведениям посланца португальского короля в Иран, миссионера Антуана де Гувей (1609 г.), во время турецкой оккупации крепости Баку (1578—1607 гг.) часть нефтяных колодцев Апшерона, принадлежащая казне, была отдана на откуп, годовая сумма которого составляла сорок тысяч экю, т. е. примерно 2666 туманов³⁸. Однако цифра дохода по другому турецкому источнику показывает 6000 туманов, более чем в 2 раза больше, чем сумма, приведенная Антуаном де Гувей. Эвлия Челеби в 1647 г. писал: «Нефть составляет особую государственную собственность и приносит шаху 7000 туманов годового дохода»³⁹.

По сообщению католического миссионера Сансона, в 1683 г., т. е. в то же время, когда об этом говорил Кемпфер, доходы шахской казны от нефти исчислялись в один миллион ливров, что

* По сведению Лерха, батман в это время составлял 15 фунтов.

** По курсу того времени 1 туман — 50 аббаси, 1 аббаси — 4 шахи. По традиции и поныне в ходу название аббаси. Это — 20 копеек, состоящих из 4-х шахи (5-ти копеечных).

*** Для того, чтобы выяснить, насколько низкой была эта оплата, приведем некоторые цены на продукты. По сведениям франц. миссионеров, в это время цена 4 рябчиков составляла 5 су — около 1/5 аббаси; одного стрепета — 6 су — 1/4 аббаси и фазана — 10 су — немного меньше 1/2 аббаси.

составляло по курсу того времени (из расчета 60 ливров туман), около 16 000 туманов⁴⁰.

Иезуитский миссионер в 1687 г. приводит другую цифру ежегодных доходов шахской казны от бакинской нефти — 12 000 туманов⁴¹.

По данным миссионера патера Виллота, посетившего города Азербайджана в 1689 г., бакинский султан принужден был посылать ежегодно в казну шаха семь тысяч туманов, составлявших 420 000 ливров⁴². По словам Виллота, «ему очень легко платить эту сумму, так как Баку имеет необычайные доходы...»⁴³.

Итак, цифровые показатели доходов казны от нефти в течение XVII в., по сведениям указанных авторов, выглядят таким образом:

Асафи (1583 г.)	—	6000 туманов
Гувеа (1601 г.)	—	2666 туманов
Эвлия Челеби (1647 г.)	—	7000 туманов
Кемпфер (1683 г.)	—	7000 туманов
Сансон (1683 г.)	—	16600 туманов
Аноним (1687 г.)	—	12000 туманов
Виллот (1689 г.)	—	7000 туманов

Из приведенных данных видно, что во время турецкой оккупации (1578—1607 гг.) производительность труда на промыслах была более низкой и добыча нефти, как видно, была меньшей. Объясняется это сокращением вывоза в связи с военными действиями между Турцией и Сефевидским государством.

Цифра дохода в 7000 туманов приведена у трех различных авторов и, сопоставляя приведенные данные, можно прийти к выводу, что сведения Эвлии Челеби, Кемпфера и Виллота являются наиболее достоверными.

Продажная цена белой нефти на месте составляла один шахи за батман, черная нефть была дешевле⁴⁴. По сообщению источников, в Москве в 1674 г. цена бакинской нефти в царской казне составляла от 30 до 40 копеек фунт⁴⁵. Если цена белой нефти стоила 1 шахи за батман, то 7000 туманов годового дохода были получены от 560 000 пудов нефти*.

Кроме того, в сумму 7000 туманов не входили издержки по добыче нефти, оплата рабочих, перевозка и т. д.

Необходимо учесть, что значительная часть нефтяных колодцев принадлежала шахской казне, но были колодцы, принадлежавшие вакфу гробницы Биби-Эйбат⁴⁶, доходы с которых в казну не поступали. Кроме того, имелись колодцы, принадлежавшие частным лицам, которые выплачивали налоги в казну. Принимая во внимание все это, можно считать, что приведенная Кемпфером цифра — 600 000 пудов в год — реальна.

Большой сбыт нефти как на внутреннем, так и на внешнем рынках объясняется многообразным применением ее как в быту, так и военной технике. Нефть использовалась для освещения, отопления и для иллюминаций⁴⁷.

По словам Эвлии Челеби, жители районов Азербайджана «вместо сальных и восковых свечей жгли в чирахах черную нефть»⁴⁸. Черная нефть употреблялась как топливо, вместо дров. Во всех домах имелись один или два каменных сосуда, наполненных нефтью, откуда ее черпали железными ковшами и подливали в очаг под котел, на высушенный песок, который зажигали⁴⁹. Нефть употреблялась при иллюминациях во дворцах феодалов и для освещения крепостей⁵⁰.

Стушленную и затвердевшую под солнечными лучами нефть, в виде кира, население собирало с поверхности земли и отвозило на арбах в город и отдаленные села, где ее использовали для отопления бань⁵¹. Подобный способ отопления бань применялся, по сообщению Бакуви, еще в XIV—XV вв.⁵². Белая нефть употреблялась для изготовления политуры и лака, которыми покрывали деревянные и картонные изделия⁵³. «Приготовленная как японский лак, она гораздо красивее и прочнее, чем все, что употребляли до сих пор»⁵⁴. Белая нефть применялась для чистки и уничтожения жирных пятен на шелковых и шерстяных тканях⁵⁵.

Нефть употреблялась также и как лечебное средство при различных заболеваниях. По свидетельству Лерха, белую нефть пили от «каменной болезни и от лому в суставах»⁵⁶. «Принятая внутрь, она, говорят, приносит пользу при болезнях груди, головы, венерических

* В одном тумане 200 шахи. 7000 туманов — цена 1.400 000 батманов или 560 000 пудов нефти (из расчета 16 фунтов в батмане и 40 фунтов в пуде).

болезнях и при наличии в организме камней...»⁵⁷. Ею пользовались также при цинге, приступах судороги, подагры, ревматизма и т. д.⁵⁸ Лечебные свойства бакинской нефти и целебных источников привлекали сюда с давних времен большое количество больных из Ирана и других местностей⁵⁹.

Но главным применением нефти в ту эпоху было использование ее в военной технике, что, по-видимому, продолжалось вплоть до конца XVII в.

В документах Московского государства от 1637 г., в «Росписи пушечных запасов» и позже, в 1640 г., в числе различных военных материалов упоминается и бакинская нефть⁶⁰, которая в горящем виде употреблялась как грозное оружие.

Эвлия Челеби говорит, что во время нападения на крепости в неприятеля бросали тряпки с горячей нефтью⁶¹. Однако сообщений об использовании нефти в военном деле в конце XVII в. не встречается.

Участник похода 1723 г. майор артиллерии И. Г. Гербер в 1728 г. сообщал, что доходы с нефти в период персидского владычества, т. е. до 1723 г., составляли 50 000 рублей, или 5000 туманов⁶², что свидетельствует о падении нефтедобычи в начале XVIII в.

Во время захвата Баку и Апшерона царскими войсками (в 1723—1735 гг.) нефтяные промыслы, принадлежавшие ранее шахской казне, перешли в ведение русской военной администрации. Царское правительство было заинтересовано в эксплуатации бакинских нефтяных месторождений. В результате изучения постановки нефтяного дела на Апшероне появился ряд сочинений, среди которых важное место занимают записки гидрографа Ф. И. Соймонова, составленные в 1728 г.⁶³ По сведениям Соймонова, во время занятия города русскими нефть продавалась из казны для государственной прибыли, от которой ежегодно приходило 20 000 рублей (или 2000 туманов)⁶⁴.

Уменьшение доходов с нефти при русских объяснялось применением царской администрацией откупной системы⁶⁵. Однако не только это являлось причиной резкого снижения добычи нефти. Гербер, Лерх и другие очевидцы говорят о небольшом количестве эксплуатируемых колодцев в это время. Составленный военной администрацией Баку «Реестр колодезям и анбарам нефтяным, коликое число показано от бакинских жителей, в поле и за воротами за городом годных и негодных и сколько разстоянием от города и между ими верст и сажень», показывает, что в то время в окрестностях Баку «колодезей годных» было 70, негодных — 18, «годных анбаров» — 30, негодных — «простых» и «худых» — 23. Находились они на расстоянии 10—20 верст от города⁶⁶. Несколько колодцев было расположено в районе Баилова⁶⁷, близ крепости Баку. По свидетельству Лерха, число колодцев в 30-х годах XVIII в. в Балахана уменьшилось вдвое⁶⁸.

В начале XVIII в. в связи с ухудшением экономического положения всей страны и сокращением рынков сбыта, вызванными военными действиями Турции и России, временно сократилась торговля Баку с Ираном, Турцией и другими странами Востока. С другой стороны, большое распространение огнестрельного оружия в Сефевидском государстве и других странах в XVII в. и начале XVIII в., вытеснившего использование нефти в военном деле, также явилось одной из главных причин резкого сокращения вывоза нефти в восточные и западные страны. Этим можно объяснить упадок нефтяного промысла на Апшероне и в связи с ним упадок городской жизни в Баку в первой половине XVIII в., связанный отчасти и с политическими событиями.

б) Добыча соли, производство извести (гилаби) и т. д.

Хозяйственная жизнь Баку была тесно связана с Апшероном. Город снабжался необходимыми в хозяйстве сырьем и продуктами сельского хозяйства, добываемыми в окрестностях Баку, на полуострове.

Помимо нефти, одним из ценных продуктов, добывающего промысла Апшерона, являлась, как уже было сказано выше, прекрасного качества соль, которую извлекали из озера Масазыр, расположенного в западной части полуострова.

По данным турецкого источника 1583 г. близ промысла белой нефти на Апшероне находятся соляные копи «которые наполняют ежегодно тридцать сотен амбаров»⁶⁹.

Соль выскребывали со дна озера при помощи деревянной кочерги, вычерпывали лопатой, затем нагружали на арбы и перевозили на западный берег озера, где ее распределяли в кубики определенной величины. При складывании в кучу соль утрамбовывали колотушкой и оставляли для сушки под лучами солнца. Куч числом было сорок. По словам рабочих, летом добывали 1

куб. соли, а зимой едва половину из-за обилия влаги. Отсюда ее вывозили на арбах и верблюдах в Баку и другие города. Из Баку соль транспортировали морским путем в Россию через Астрахань, в Иран и другие страны⁷⁰.

В районе добычи нефти на Апшероне, близ села Сурахана, имелись места выходов естественных газов на поверхность земли. Местные жители использовали вечно горящие газы для обжига извести и хозяйственных нужд, освещения, отопления. Кемпфер описывает способ приготовления извести. Сложив в кучу большое количество известковых камней, собранных из других мест, на выходящий из расщелин скалы пылающий газ, оставляли их гореть три дня. Затем обожженную известь отправляли в Баку, а оттуда на судах вывозили в другие города⁷¹. В конце первой четверти XVIII в., после занятия города русскими, военная администрация города выделила для обжига извести 12 солдат под начальством унтер-офицера, которые постоянно были заняты этой работой⁷². Известь использовалась для нужд строительства.

В северо-западной части Апшеронского полуострова добывались отбеливающие глины⁷³, называемые «гилаби», которые употреблялись жителями города и сел в качестве мыла для мойки ковров, белья и головы, а также при варке дошаба* и для других целей в быту.

У о. Чилова**, находящегося в северо-восточной части Апшерона, производилась ловля тюленей⁷⁴, шкура которых обрабатывалась и употреблялась в качестве сосудов для перевозки нефти⁷⁵, а жир служил для производства мыла и использовался как масло в светильниках⁷⁶.

в) Сельскохозяйственная продукция на Апшероне

Продукты питания в город доставлялись из окрестных селений. Близость моря приносила жителям Баку различные сорта рыб. Город снабжался, главным образом, мясом овец, которых разводили в большом количестве на Апшероне¹⁰⁰. Овечья и козлиная шкура шла на изготовление тулуков (бурдюков) для транспортировки нефти¹⁰¹ и других предметов. Кроме того, из овечьей шкуры выделывали различные кожаные изделия — тулупы, папахи, обувь и т. д. Из козлиной шкуры выделывали кожу для обуви. Из бараньей шерсти изготавливали шерстяные нитки и выделывали грубое сукно. Овечья шерсть употреблялась для одеял и тюфяков.

На Апшероне водились также стада джейранов¹⁰², мясо которых употреблялось в пищу. Часть городских жителей занималась разведением сельскохозяйственных культур за пределами города и на Апшероне.

Эвлия Челеби пишет о выращивании хлопка в окрестностях города¹⁰³. В первой половине XVIII в. хлопок в значительном количестве выращивался на Апшероне (в сел. Шувелян) и в других местах¹⁰⁴. В окрестностях Баку выращивали шелковицу, тутовое дерево¹⁰⁵, листьями которых питали шелкоочных червей. По-видимому, в районе Баку жители занимались шелководством. Эвлия Челеби также сообщает о вывозе шелка из Баку¹⁰⁶. Более поздние источники, начала XIX в., прямо указывают на сбор шелка в Бакинском районе¹⁰⁷.

По сведениям Кемпфера, жители Баку занимались земледелием в весьма ограниченных размерах¹⁰⁸. Однако в 20-х и 30-х годах XVIII в. земледелие на Апшероне было более развитым¹⁰⁹. По словам Лерха, «много сеют там пшеницы, ячменя и хлопчатой бумаги»¹¹⁰.

В окрестностях города было развито бахчеводство и садоводство¹¹¹. По сведениям Кемпфера, «немногочисленные сады при старательном возделывании приносят дыни, фиговые плоды (инжир), яблоки, гранаты и виноград»¹¹². В садах выращивали тут, абрикосы, кипарисовые орехи¹¹³. Иезуитский миссионер, посетивший Баку в 1689 г., говорит, что на Апшероне произрастали дикие апельсины и лимоны, «вкус которых несравненно приятен, чем вкус домашних, растущих в садах и выращенных в кадках»¹¹⁴.

Жители окрестных селений привозили в город много винограда, арбузов, дынь и овощей¹¹⁵. В окрестностях Баку, особенно близ села Новхана, весной, в марте и апреле, крестьяне собирали в большом количестве трюфели, которые они привозили на продажу в город¹¹⁶.

Но наиболее ценной культурой, выращиваемой в окрестностях города и в селах Апшерона, являлся высокосортный шафран, который был одним из важных предметов вывоза¹¹⁷. Шафран произрастал двух сортов: садовый и дикий. Первый больше ценился и представлял собой луковичное растение, которое на шестом году пересаживали. Цветок его красноватый, раскрываясь, он имеет три или четыре нити огненного цвета, которые собственно и

* Дошаб — виноградный сироп.

** О. Жилой.

употребляются под названием шафран. Его собирали по утрам по несколько щепоток с довольно большой площади. Второй сорт шафрана покрывал большие поля и ценился дешевле¹¹⁸. По сведениям иезуитского миссионера, шафран смешивали с небольшим количеством воска¹¹⁹ в печке, резали на мелкие кусочки и в таком виде продавали.

В начале XVIII в. в предместье Баку было несколько сотен шафрановых участков¹²⁰. В 30-х годах XVIII в., по свидетельству Лерха, в самом городе было мало шафрановых садов, так как «земля города Баку вся почти камениста... но на Апшеронском полуострове, где земля плодороднее, их гораздо более...»¹²¹. Далее он отмечал наличие шафрановых посадок в сел. Шувелян¹²². Шафран имел многообразное применение в хозяйстве, ибо был весьма ценным продуктом. Шафран широко употреблялся как приправа к пище. Он являлся отличным красителем (оранжевого цвета) шелковых и шерстяных тканей и ковров. Говоря о Баку, Крушинский отмечает: «...Этот город для всей Персиды поставляет шафран, который персы, помимо того, что употребляют с рисом, используют главным образом для окрашивания шелка...»¹²³. Шафран являлся также, хорошо известным на Востоке еще в X в., лекарственным средством при различных заболеваниях, отмеченных Авиценной в его «Каноне»¹²⁴.

Указанные продукты сельского хозяйства не только потреблялись жителями города, но служили также предметом вывоза.

4. Ремесло и торговля

Сведения источников о ремесленном производстве в XVI—XVIII вв. в Баку весьма скудны и не дают возможности дать его полной картины. Для написания этого раздела мы использовали сообщения путешественников, архивные документы и археологические данные. Привлечены также музейные экспонаты — различные ремесленные изделия, хранящиеся в фондах ряда музеев.

Процесс отделения ремесла от сельского хозяйства и разделения труда между отдельными отраслями в городах Азербайджана происходил задолго до XVI в., еще в период раннего феодализма, в первые века нашей эры. Это было медленное развитие, но к XVI и особенно к XVII в. разделение труда в ремесленном производстве значительно усилилось в связи с развитием городской жизни.

В XVI—XVIII вв. в городах Ширвана значительного развития достигло ремесленное производство, характерное для большинства городов Сефевидского государства. Баку с окружающими его селами Апшерона являлся экономическим центром, где было сконцентрировано большое количество ремесленников, занимающихся различными видами ремесла. Села являлись базой, снабжавшей город ремесленным сырьем¹.

Развитие ремесленного производства в городах Азербайджана в XVII в. в связи с большим спросом на ремесленные изделия и сбытом их на внутреннем и внешнем рынках привело к развитию различных видов ремесла, усовершенствованию техники производства и разделению его на ряд самостоятельных отраслей. Однако специализация производства внутри отдельных ремесел была все еще ограничена феодальным способом производства.

В XVI—XVIII вв. одним из важнейших видов ремесла в городах Ширвана было ковроткачество, художественные традиции которого уходят в глубь веков. Ковроткачество является одним из древних видов ремесла и связано со скотоводческим хозяйством кочевого, полукочевого и оседлого населения страны. Широкое распространение этого вида ремесла объясняется благоприятными условиями для развития ковроделия, пастбищами для разведения овец и выделки шерсти для производства ковров. Кроме того, вся зона на побережье Каспийского моря и внутри страны была богата разнообразными естественными красителями, также способствовавшими развитию ковроделия.

Ковры выделывались в Азербайджане еще задолго до нашей эры². Албанский летописец VII в. говорит, что в Албании выделывались шелковые ткани и разноцветные ковры³. В анонимной рукописи X в. приводятся сведения о выделке различного рода «махфури» — ворсистых ковров, паласов в областях Ширвана и Хурсана⁴ (зона, куда входил Апшерон с городом Баку. — С. А.).

В XV—XVIII вв. ширванские ковры, пользующиеся большим спросом, вывозились на рынки стран Востока и Запада⁵.

В XVI—XVIII вв., в связи с развитием на Апшероне художественного ремесла, большого расцвета достигло и ковроткачество. Ковроделием в это время занималась большая часть населения города и сел Апшерона. Бакинская группа ковров относится к типу Куба—Ширван. В эту группу входят бакинские ковры, ковры сел Апшерона — Хиля (Амираджан) (ковры типа

Хилябута, Хиляфшан), Сурахана, Новхана, Гёрадилъ, Кала, Фатмаи и Хизинский район⁶.

Ковры бакинской группы, относящиеся к древнему и раннесредневековому периодам, до наших дней не сохранились. Сообщения о бакинских коврах имеются в записках западноевропейских путешественников и купцов XVII — XVIII вв., где они описывают ковры, которые видели во дворцах феодалов и в домах жителей города и селений.

По словам патера Кармелита, посетившего Баку в 1607 г., пол комнаты ханского дома в Баку, где он был принят беглярбеком Ширвана Зульфигар-ханом Караманлы, был устлан богатыми коврами⁷.

Немецкий путешественник Кемпфер упоминает в 1683 г. о красивых коврах, устилавших пол жилищ в селении Бина, близ Баку⁸.

Путешественник Лерх, посетивший Баку и близлежащие селения в 1733 г., также говорит о прекрасных коврах в домах жителей селения Зиря⁹.

До наших дней сохранилось несколько ковров, вытканых в различных селах Апшерона и датированных XVIII в. и началом XIX в. Один из них, хранящийся в Музее истории Азербайджана, выткан в селении Сурахана и датируется XVIII в.¹⁰

Длина ковра 3 м, ширина 1,5 м. Среднее поле ковра имеет блекло-голубой фон и покрыто орнаментом «бута»^{*} коричневого цвета с контуром цвета охры. Ковер обрамлен каймой, имеющей растительный орнамент коричневого, охристого и белого цветов. Любопытно, что излюбленный колорит апшеронских ковров синий, голубой и охристый отражает природу полуострова, море и песок.

Другой ковер, хранящийся в Государственном историческом музее Москвы, под названием «Хилябута» выткан в селении Хиля. Размер ковра 1,10 x 1,80 м. Центр ковра синего цвета, в середине имеется медальон. Все поле ковра покрыто орнаментом в виде «бута» красного и охристого цвета. В верхней части ковра находится надпись арабским шрифтом — «Карханэй-и Хиля» и дата — 1218 г. хиджры¹¹, рядом эта же дата арабскими цифрами, свидетельствующая о существовании в 1803 г. н. э. карханэ — ремесленной мастерской. Несомненно, что указанное карханэ в селении Хиля существовало и в предыдущие века. Начертание даты цифрами, употреблявшимися в России и в странах Европы, говорит о том, что ковер этот предназначался для вывоза в эти страны.

Качество ковра для его оценки определялось следующим образом: большой палец клали на край ковра и считали количество нитей ковра по ширине пальца. Чем больше было нитей, тем дороже оценивался ковер. Наибольшее количество нитей — 14 или 15¹².

Помимо ковров и паласов, большое распространение имели ковровые изделия: занавеси, попоны, переметные сумы, чувалы, хурджуны и другие предметы, применявшиеся в быту.

В связи с ковроткачеством в Баку и селах Апшерона жители занимались изготовлением красителей, главным образом растительных красок¹³. Известно, что из листьев инжирового дерева, после их кипячения, делали краску для шерстяных ниток от темной охры до светло-кремового цвета. Из марены, добываемой на Апшероне и близлежащих островах, делали красную краску. Шафраном красили шелк и шерсть в оранжевый цвет¹⁴. Кожура граната являлась прекрасной краской коричнево-рыжего цвета. Краски изготовляли также из кожуры лимона, зеленой кожуры грецкого ореха, листьев винограда, шелухи лука и ряда трав, цветов и растений, а также коры деревьев¹⁵.

Французский путешественник XVII в. Шарден в своем описании Ирана и Азербайджана отмечает, что ремесло красильщиков в этих странах намного превосходит европейские страны. Краски, изготовленные из различных растений и плодов, имели более яркий цвет и блеск, были прочными и не портились от времени¹⁶. Красители употреблялись для шерстяных, шелковых и бумажных ниток, а также для различных тканей.

Кроме того, красители были необходимы для окрашивания кожи, различных кожаных изделий, имевших большое распространение в городе, окрестные села которого были богаты скотом. Кожа, употреблявшаяся для обуви, ремней, седел, уздечек, была в основном шагреневого и сафьяновой¹⁷. В Баку жили ремесленники, занимавшиеся выделкой кожи и производством кожаных изделий¹⁸.

Население города и окрестных сел, особенно женщины, занимались изготовлением шерстяных и шелковых ниток различных цветов, которые шли для выделки ковров, тканей,

^{*} Бута — орнамент, по форме похожий на кипарис, распространенный в индийском искусстве, откуда он, вероятно, проник в Иран и Азербайджан.

шнуров, а также для различных вышивок.

Наряду с выделкой ковров в XVI—XVIII вв. в Баку было развито ткацкое ремесло. Сырьем для ткачества служил хлопок, который выращивался за пределами города и в близлежащих селениях¹⁹. В документах XVII в. упоминается о бакинских красных кумачах, производившихся в большом количестве для внутреннего и внешнего рынка²⁰. Кумач (кумаш) — хлопчатобумажная ткань, по-видимому, гладкая. Хотя Кемпфер, говоря о Баку, в 1683 г. отмечал, что «занятие ремеслом, прядение (обработка шерсти), ткачество у них развиты достаточно слабо»²¹, однако сведения источников этого не подтверждают, да и сам Кемпфер несколько раз упоминает о мастерских ремесленников в Баку²².

Одной из важных отраслей ремесленного производства в городе и его окрестностях была металлообработка. В Баку производили оружие, медную посуду, подковы и другие предметы быта. Для изготовления этих изделий ремесленники покупали медь, олово и сталь на базарах Шемахи или Баку, куда их привозили русские купцы из Астрахани²³. Медь покупали и в Тифлисе, однако по качеству она уступала привозимой из Астрахани²⁴.

В Баку было развито кузнечное ремесло. Голландский моряк Стрюйс сообщает в своих записках о ремесленниках в Баку, выделывающих оружие. «...В тот день (29 октября 1671 г.), когда я выехал из Шемахи, туда прибыл наш Мейнерт Мейнертс, который был до сих пор рабом в Баку, работал в кузнице у одного мастера, выделывавшего ножи и сабли, в местности, которая славится закалкой стали...»²⁵. Шарден, де Тевено, Рафаэль дю Ман и другие авторы сообщают о ремесленниках-единоличниках, которые со своими инструментами ходили по дворам и производили работу. К числу подобных ремесленников относились лудильщики медной посуды, широко распространенной в городах и селах Азербайджана. По словам де Тевено, эти мастера работали так быстро, что в течение получаса они лудили пять или шесть кастрюль, и это стоило дешево²⁶.

Мастерские ремесленников, медников и кузнецов, находились как в крепости Баку, так и за крепостной стеной. В районе северных стен Ичери-шехер находился ремесленный квартал, следы которого в виде разрушенных мастерских, отвалов шлаков, скоплений золы, пережженной глины относились к верхнему культурному слою—XIV—XVII вв.²⁷

Большое распространение в быту имела керамическая посуда. В прикладном искусстве Азербайджана керамика XVI—XVIII вв. мало изучена. Среди неполивной керамики верхнего слоя Ичери-шехер обнаружены узкогорлые и широкогорлые кувшины красного и желтого цвета с одной и двумя ручками. На плечиках некоторых сосудов — резной орнамент. Довольно часты керамические котлы, чаши, чирахи. Основная масса керамических сосудов изготовлена на гончарном станке. Поливная керамика представлена чашами, мисками, блюдецками и другими, украшенными как монохромной, так и полихромной росписью, ангобом и марганцем. На некоторых сосудах роспись ангобом согласуется с графическими изображениями. В верхнем слое обнаружено также некоторое количество изделий из фаянса и стекла²⁸. Некоторые чаши и сосуды из фаянса, расписанные кобальтом, были привозными из таких центров Ирана, как Рей, Кашан, Йезд, откуда через Баку в Азербайджан поступала дорогая посуда и тканная золотом парча, имевшие большой спрос в странах Ближнего Востока. В слоях XVI—XVIII вв. на территории двора дворца Ширваншахов встречалась посуда в виде кяса и тарелок без венчиков, имеющая тонкий, густого кирпично-красного цвета черепок, покрытый прозрачной глазурью. Некоторые из этих изделий имеют подглазурную роспись желтой глиной, выполненную довольно небрежно в виде растительного орнамента²⁹. В Баку и на Апшероне встречаются фрагменты тонкостенных изделий с кирпично-красным черепком с пятнами, нанесенными светло-желтой глиной под прозрачной глазурью. На таких изделиях отсутствует гравировка³⁰. Встречаются также тонкостенные лощеные сосуды, покрытые красной краской или целиком, или в виде геометрических и растительных орнаментов³¹. Археологические работы 1978 г. на участке XIII, расположенном на восточных склонах Бакинского холма, ближе к его подножью, в 15 м к западу от Бейляр-мечети были выявлены фрагменты глиняных сосудов как поливных, так и простых неполивных. Простая керамика состояла из обломков кувшинов, котлов, чаш, мисок, чирахов и др. сосудов. Поверхность некоторых из них декорирована разными волнообразными и прямыми параллельными линиями, насечками, ямочками и налепными пуговками. Большинство глазурованных сосудов расписано монохромной росписью ангобом, нанесенным на черепок под прозрачную глазурь зеленого цвета. Некоторые из них украшены гравировкой. Для верхнего слоя XIV—XVII вв. характерны также чаши, миски, тарелки, покрытые поливой медового цвета, под которой расположена желтоватого и кремового цвета ангобная роспись. Среди находок были

фрагменты тонкостенных стеклянных изделий³².

Обнаруженная керамика в Ичери-шехер производилась в Баку и на Апшероне, так как на этом же участке были обнаружены остатки разрушенной гончарной печи, около которой лежали обломки керамических изделий и шлак от гончарного производства. Значительное количество деформированных и бракованных изделий керамики, треугольных подставок, цилиндрических глиняных стержней, скопление шлаков и подтеков глазури, являющихся остатками гончарного производства, были обнаружены на различных участках территории Ичери-шехер в предыдущие годы, что неоспоримо свидетельствует о местном бакинском происхождении найденной керамики³³. В северо-западной части города, у крепостной стены, при строительных работах в 1957 г. было обнаружено большое количество красноглиняных чирахов; покрытых глазурью. По-видимому, на этой территории располагались лавки ремесленников. Во время прокладки линии связи осенью 1985 г. по улице Коммунистической, на северо-западе Ичери-шехер, вне крепостной стены, был обнаружен квартал ремесленников-гончаров. На этом же участке были найдены остатки гончарной печи³⁴.

Как мы указали выше, расцвет керамического производства в Азербайджане относился к XII— началу XIII вв. Монгольское завоевание Азербайджана, разрушение городов, угон ремесленников нанес большой ущерб ряду производств в том числе и керамическому. Несмотря на некоторый подъем в XV—XVI вв., эта отрасль художественного ремесла не смогла достичь уровня XII в. В последующие века, XVII—XVIII, керамическое искусство пришло в упадок

Одной из значительных отраслей художественного ремесла в Баку в XVI—XVIII вв. было ювелирное дело. Источники сообщают о красивых ювелирных изделиях из цветной эмали и золота, служивших украшениями. Описывая одежду Абдуллах-хана Ширванского, английский посол Антоний Дженкинсон сообщает: «На левой стороне тюрбана возвышалась эгретка из перьев, вставленных в золотой ствол, богато украшенная эмалью и усаженная драгоценными камнями. У его серег были подвески длиной в ладонь, с посаженными на конце их двумя рубинами большой ценности». Украшения из цветной эмали и золота до 20-х годов нынешнего столетия были широко распространены в Азербайджане. Орнамент и форма их передавались из поколения в поколение, сохраняя, в основном, древние мотивы, что говорит об устойчивых традициях в искусстве³⁵. Женские золотые и серебряные украшения в виде нашивок на одежде, браслеты, пояса с пряжками и застежками из золота и серебра были широко распространены в Баку и в других городах и селах Азербайджана³⁶.

Ремесленники отделывали стремена, уздечки и сбрую, украшавшие лошадей феодалов и ханов золотом. Попоны, тканые золотыми нитями (гюлябатин) украшались жемчугом и драгоценными камнями. Ювелирные изделия из золота и серебра выполнялись штамповкой и гравировкой. В XVI—XVIII вв. для золотых и серебряных украшений применялось золото и серебро с чернью³⁷, что не наблюдается в древних изделиях. В числе ювелирных изделий XVI—XVIII вв. встречаются дутые ожерелья, бусы, серьги, поверхность которых украшена сканью и зернью³⁸. Подобные украшения применялись и в женских золотых и серебряных поясах с застежками и пряжками. Эти изделия необычайно тонкой и сложной ювелирной работы. В золотых ювелирных изделиях XVI—XVIII вв., изготовленных для феодалов и знатных лиц, применялись украшения из драгоценных камней, жемчуга, алмаза, изумруда, рубина (лал), бирюзы, которые привозились в города Ширвана купцами из Ирана, Индии, Аравии и других стран.

Значительное развитие в Баку получило строительное ремесло. Археологические работы на территории Ичери-шехер обнаружили фундаменты и остатки прямоугольных в плане домов, сложенных из тесаных и слаботесаных камней на растворе извести. Направления большинства стен совпадает со странами света. В помещении кроме дверных и оконных проемов небольшие прямоугольные ниши для домашнего скарба. С внутренней стороны на стенах помещений местами сохранилась штукатурка. За стенами домов в небольших двориках тендиры различных размеров, очажные места со скоплениями золы и пережженной глины, хозяйственные и мусорные ямы с каменными бортиками вокруг горловины, водопроводные и канализационные линии и другие бытовые объекты³⁹. Сохранившиеся архитектурные памятники XVI—XVIII вв. свидетельствуют о высоком уровне мастеров-зодчих, строителей, каменщиков, граверов и художников.

Эпиграфические данные памятников Апшерона свидетельствуют, что при строительстве зданий было известное разделение труда. Начальником строительства был саркар, работа, по-видимому, производилась по чертежам и планам устада, мухандиса, ме'мара, зодчего, архитектора, имя и нисба которого обычно фиксировались в надписи.

В постройке зданий участвовали строители-каменщики, резчики орнамента — хаккаки, каллиграфы — катибы, мастера художественной резьбы по гяже, дереву — наджжары и живописцы — наггаши и т. д. В связи со строительством в Баку было развито плотничное и деревообделочное ремесло. Ремесленники изготавливали различные изделия бытового назначения. Для мечетей из дерева изготавливались минбары ажурной работы — шебеке с растительным и геометрическим орнаментом. В городе жили также судостроители, лодочники, портные, сапожники и т. д. Все это свидетельствует о развитии в XVI—XVII вв. производительных сил страны и хозяйственной жизни города, расширении товаро-денежных отношений.

В первой четверти XVIII в., в связи с политическими событиями, войнами, тяжелой феодальной эксплуатацией населения и разорением сырьевой базы, в Ширване наблюдается экономический спад, в связи с чем ремесленное производство постепенно деградирует и к 40-м годам XVIII в. приходит в упадок.

В начале XVI в., в связи с усилением Османского государства и его экспансии на Запад и Восток, становятся интенсивными сношения западных государств с возникшим к началу XVI в. государством Сефевидов, опасавшихся турецкого проникновения в Азербайджан и Иран. В связи с политической ситуацией в западных странах появляется интерес к Востоку, в частности к Азербайджану, а в XVI в. мы видим ряд путешественников-купцов, побывавших в Азербайджане.

Попытки европейских государств вести непосредственные торговые сношения с Ираном и Индией, минуя Османское государство, привело в 1498 г. к открытию морского пути в Индию вокруг Африки. Однако это изменило пути мировой торговли, ведущие из Европы на Восток, гораздо позже, и караванная торговля не утратила своего значения до конца XVII в. Путь, открытый Васко де Гамой, способствовал установлению непосредственных морских сношений с Индией, но вскоре он был захвачен испанцами и португальцами, препятствовавшими другим европейским государствам проникать на Восток⁴⁰. Поэтому в начале XVI в. у путешественников ряда стран появилась идея освоения северного морского пути через Московское государство и Каспийское море в Иран и Индию. В этот период были совершены разведочные поездки ряда английских купцов и посла Ченслора к московскому царю Ивану Грозному, давшему ему грамоту на право свободной торговли в Московском государстве⁴¹. В 1555 г. в Англии была утверждена Московская Компания, которая установила торговые сношения Англии с Московским государством. Целью этой компании было освоение Волжско-Каспийского торгового пути и разведочные поездки экспедиций англичан в Азербайджан, Иран и дальше на Восток⁴².

Издавна товары из Индии в Европу привозились по суше караванными торговыми путями, что стоило очень дорого и отнимало много времени. Но в XVI в. осваивается путь через Восточную Европу, от Белого моря по Северной Двине, Волге и Каспийскому морю через Азербайджан в Иран и Индию (так называемый Волжско-Каспийский путь). На этом пути большое значение для европейской торговли имели прикаспийские области, особенно Ширван и Гилян, где производилось много шелка. В связи с этим усиливается значение самого Баку, как важного порта в торговле шелком⁴³.

В XVI в. некоторые английские путешественники-купцы по указанному пути предпринимали поездки в Азербайджан не только с коммерческими целями, но и для выполнения политических заданий своего правительства⁴⁴. В 1562 г. в Азербайджан прибыл английский путешественник Дженкинсон, который, будучи агентом Московской Компании, являлся инициатором и деятельным участником ряда экспедиций. Во время пребывания в Азербайджане в 1562 г. Дженкинсон посетил Дербенд, Шемаху, Джеват и другие города. В своих письмах он описывает это путешествие и дает сведения о городах Азербайджана, особенно Шемахе и Дербенде, упоминая и о Баку как об очень древнем городе⁴⁵. Сообщая сведения экономико-географического характера, Дженкинсон останавливается и на вопросах торговли с Азербайджаном. Он отмечает упадок городов и крепостей Ширвана ко времени его посещения и объясняет небольшой сбыт иранских и азербайджанских товаров в Россию малым количеством кораблей на Каспийском море, недостатком рынков и портов и бедностью народов и т. д. Необходимо отметить, что в период между 1549 и 1554 гг. страна еще не оправилась от восстаний крестьян и ремесленников против шахской власти.

Дженкинсон описывает борьбу между Османской Турцией и Сефевидским государством как борьбу за торговые пути, особенно за пути, по которым шемахинский и гилянский шелк мог попасть в Европу. Будучи в Иране, Дженкинсон побывал и в Казвине. Он прибыл сюда с целью начать переговоры с шахом Тахмасибом о направлении персидских товаров в Англию по Волжско-Каспийскому пути. Но эта миссия его потерпела неудачу, так как в это время Иран заключил мир с Турцией и иранская торговля с Европой осуществлялась через Малую Азию⁴⁶.

Захватнические стремления Османской Турции в отношении Азербайджана особенно возросли к 60-м годам XVI в., когда русские и английские купцы стали осваивать Волжско-Каспийский путь. Основным предметом экспорта в XVI в. из Азербайджана в Россию, Европу и Турцию был шелк⁴⁷. По-прежнему важное место в этой торговле шелком занимал Баку. Помимо той роли, которую играл Баку как портовый город, ведущий транзитную торговлю шелком, он имел большое значение и как город нефти, которую вывозили в Иран, Россию и другие страны.

Попытки английских купцов проникнуть в Азербайджан и Иран продолжались и в конце 70-х годов XVI в. Однако политические события весьма неблагоприятно отражались на ведении торговли. В 1578 г. турки завоевали Ширван. Во время оккупации ими Ширвана там находился служащий английской торговой компании Христофор Бэрроу, который совместно с участником той же экспедиции Артуром Эдуардсом прибыл сюда по поручению названной выше Московской Компании. Приехав 16 октября 1579 г. в Астрахань, экспедиция зазимовала здесь и двинулась в дальнейший путь морем. 27 мая 1580 г. она прибыла к берегам Ширвана, была в Баку и Дербенде и в ноябре 1580 г. вернулась обратно в Астрахань. Проникнуть в Иран экспедиции не удалось.

В своих письмах в Англию, давая описание своего путешествия и сведения о городах Азербайджана, Берроу упоминает стоянку Бильди*, недалеко от Баку, где он был в 1580 г. Вскоре после того, как агенты торговой компании бросили якорь в Бильгя, к кораблю прибыла лодка, где было 7—8 людей, из них два турка, остальные местные жители, которые сообщили англичанам, что турки завоевали Ширван, что турецкий паша (Осман-паша) остался в Дербенде с турецким гарнизоном и что Шемаха совершенно сожжена и там не осталось жителей. Агенты, желая поговорить с пашой, послали купца, ехавшего с ними из Астрахани, и одного из служащих компании Роберта Гольдинга к начальнику Баку (по-видимому, к коменданту крепости, местному жителю. — С. А.). Они хотели уведомить его о своем прибытии и о том, какие товары они привезли и что они желают быть дружественно приняты, чтобы иметь возможность спокойно и безопасно торговать. Агенты отметили, что от Бильгя до Баку расстояние равно одному дню пути, что его легко пройти пешком сухопутной дорогой и что «этот город окружен стенами и сильно укреплен»⁴⁸. Посланцы были хорошо приняты начальником Баку, который обещал приехать на следующий день в Бильгя для переговоров с агентами. Он прибыл к указанному времени в сопровождении тридцати солдат охраны. После взаимных приветствий через переводчиков агенты дали ему в подарок одежду из бархата и красного сукна, после чего просили его оказать содействие для встречи с пашой в Дербенде. Начальник сказал им, что путь в Дербенд опасен и обещал дать охрану. Мистер Гаррард, один из купцов, вместе с Христофором Бэрроу, переводчиком и начальником отправился в ближайшее селение, расположенное в 10 милях от берега, где они, поужинав**, переночевали. Утром прибыли остальные члены экипажа, и все отправились в Баку. Из Баку они выехали в Дербенд в сопровождении солдат и одного дворянина, которые взяли письма от начальника Баку к дербендскому паше. В письме сообщалось о цели приезда англичан в очень благожелательном тоне⁴⁹.

Далее Бэрроу описывает свое путешествие к турецкому паше в Дербенд и торжественный прием, оказанный им последним. Англичане просили его о даровании им привилегии, чтобы они могли безопасно торговать во всех местностях, входящих в его владения, предлагая ему за это что угодно из привезенных товаров. Паша потребовал, чтобы они все свои товары перевезли в Дербенд, что они и сделали.

После того как паша выбрал те вещи, которые ему понравились, взяв в виде пошлины с каждых 25 кусков караеи и из других товаров по одному куску, т. е. 4% из 100, агенты отправили на лодке часть товаров в Баку, чтобы на вырученные от их продажи деньги купить у паши шелк-сырец. Среди товаров (на сумму около 1000 фунтов стерлингов) были следующие: 100 кусков караеи, 7 кусков тонкого сукна, 2 бочонка кошенили, 2 бочонка олова, 4 бочонка с пучками пряжи⁵⁰. Переход и перевозка товаров в Баку обошлись дорого. Товары в Баку продавались с трудом. Погрузив оставшиеся товары в бусу***, англичане отправились в Бильгя, но их судно вскоре было разбито сильным штормом, и они потеряли часть товаров и ящик с талерами и

* Т. е. селение Бильгя на Апшероне.

** Бэрроу приводит любопытное описание блюд, поданных на ужин: «После того, как съеден был суп, сделанный из риса, а затем целиком зажаренный барашек, который был внесен на подносе и поставлен перед начальником. Он позвал одного из слуг, который разрезал его на куски, положил на разные блюда и поставил их перед начальником. Последний дал мистеру Гаррарду и его спутникам одно блюдо, а своим людям другое, тем же, которые не могли достать, он бросал мясо с блюд стоявших перед ним».

*** Буса — судно.

золотом, полученным за товары, проданные в Баку. По приезде в Дербенд они получили от паши 1000 батманов шелка-сырца и выехали в Астрахань.

По словам Бэрроу, в той части Ширвана, где они побывали, нельзя было купить ценных товаров, кроме шелка-сырца, да и тот можно было приобрести только из рук паши, который вскоре после прибытия туда английских купцов обложил страну налогом на шелк. Из английских товаров паша взял большую часть, за что уплатил незначительную сумму в сравнении с их действительной стоимостью. Но так как он заготовил им в обмен такое количество товара, какого они без его посредства не могли бы получить из-за беспорядков в стране и большой опасности сухопутных путешествий, он и поступил с ними, как ему заблагорассудится⁵¹. Как видно, турецкий правитель принимал непосредственное участие в торговле шелком, и эта торговля с иностранцами проходила через его руки.

После долгих мучений английские купцы благополучно прибыли в Астрахань со своими товарами, и на этом закончилась английская торговля в Каспийском море. Экспедиция англичан Московской Компании окончилась неудачно, так как завоевание турками в 1578 г. западных берегов Каспийского моря помешало расширению здесь английской торговли.

Помимо указанных агентов английской торговой компании, в конце XVI в. в Азербайджане побывали и другие английские путешественники, например Шерли Антони и Перри Уильям. Шерли Антони в 1598 г. приехал в Иран с целью укрепить торговые связи Ирана с Англией и побудить шаха Аббаса I к выступлению против Турции совместно с европейскими государствами. Шерли был хорошо принят шахом, который дал ему звание мирзы, обещал предоставить льготы христианскому купечеству и по его совету отправил вместе с ним в 1599 г. посольство к различным европейским дворам⁵².

Во главе посольства был Хусейн-Али-бек (который известен под именем Дон-Хуана Персидского). Они побывали и в Москве, Праге и Риме, но успеха там не имели. В Праге сохранился старинный дом XVI в. около 1610 г. (Дом у Минуты, Староместская площадь), на котором имеется роспись фасада с изображением въезда членов персидского посольства в город, верхом на лошадях и верблюдах, в персидском одеянии.

Ввиду неблагоприятной политической обстановки в первой половине XVI в. в Ширване наблюдается упадок торговли по караванным путям, в связи с чем возрастает значение Баку как главного порта в морском пути в международной транзитной торговле шелком. В этой торговле принимали участие и русские купцы. В 50—70-х годах XVI в. в связи с уменьшением внутренних феодальных междоусобиц и временным прекращением войн между Сефевидским государством и Османской Турцией эта торговля расширилась.

О значительной международной торговле в Баку свидетельствовал ряд (ныне не сохранившихся) караван-сараяв на берегу моря, связанных с морской торговлей города⁵⁴.

В Шемахе была основана русская торговая фактория и увеличилось количество русских купцов, особенно москвичей, приезжавших в Азербайджан морским путем через Баку. Главными предметами вывоза русских купцов из Баку была соль, нефть, шафран и шелк. В XVI в. бакинская нефть вывозилась русскими купцами через Астрахань не только в Русское государство, где она применялась главным образом в военном деле и в качестве растворителя в живописной технике, но и в страны Западной Европы⁵⁵. Бакинская нефть доставлялась и в Шемаху, где ее скупали русские купцы для вывоза в Европу⁵⁶. Нефть перевозилась из Баку гилянскими купцами на их бусах к берегам Мангышлака, откуда караванным путем она транспортировалась в Хиву, Бухару и в другие среднеазиатские города⁵⁷. Торговля гилянских купцов с Баку не прекратилась и после завоевания турками западного побережья Каспийского моря от Баку до Дербенда, в 1578 г.⁵⁸ в то время как морской торговый путь русских купцов из Астрахани в Иран переместился на восточное побережье Каспийского моря.

Турецкий источник 1583 г. сообщает, что торговые суда постоянно приходят в Бакинский порт полные товарами, среди которого отмечаются кумачи. Суда из Гиляна привозят отличного качества разноцветные материи подобно египетской пестряди. Тамга за товары взималась из расчета 1/25% от каждого куска. В обмен за привезенные товары купцы забирали из Баку нефть⁵⁹.

Из России в Азербайджан и Иран, главным образом через Баку, ввозили ценные меха — соболь, скунс, черно-бурую лисицу, белку, кожу, сабли, панцири, металлические изделия и другие товары⁶⁰.

В международной торговле шелком большое участие принимали также индийские купцы, имевшие свой караван-сарай в крепости Баку. В конце XVI в. из Ширвана через Баку ежегодно вывозили до 100 тысяч пудов шелка-сырца в Россию, Иран, Турцию, Италию, Францию, Индию и

другие страны⁶¹. Шелк-сырец, купленный в городах Ширвана по 15—16 рублей⁶² за пуд, перепродавался русскими и европейскими купцами в их странах по 50—60 и даже по 70 руб. за пуд. Через Баку в Московское государство поступали шелковые изделия шемахинских ремесленников, таких, как дараи (шелковая полосатая ткань), камка (шелковая ткань с вытканым на ней узором того же цвета), атлас, тафта, мов и другие ткани⁶³.

В XVI в. из стран Западной Европы, Франции и Англии в Баку поступали бархат, пурпур, атлас, парча из лионских фабрик, дорогие английские сукна различных цветов и каразеи, употребляемые феодальной знатью Апшерона⁶⁴. В Баку поступали товары также из Ирана и Южного Азербайджана.

Из таких центров текстильного производства, как Йезд, Кашан, Тебриз, Ардебиль, Шемаха, в Баку ввозили дорогие шелковые парчовые ткани, шитые золотыми и серебряными нитями. В экспозиции Музея истории Азербайджана показаны образцы шелковых парчовых тканей, бытовавших в Баку и датируемых XVI в. Узор одной из них представляет собой симметрично расположенные кусты цветов, напоминающих гвоздику. На блеклом от времени охристо-зеленоватом фоне вышиты золотистые цветы, обведенные коричневым контуром⁶⁵.

Кусок другой ткани, также относимой к этому времени, имеет блеклый зеленовато-охристый фон, по которому контуром золотой нитью вышиты симметрично расположенные попугаи, сидящие на цветочном кусте, похожем на шиповник. Орнаменты этих тканей подобны ковровым⁶⁶.

О внутренней торговле Баку с другими городами Азербайджана свидетельствует большое количество медных монет чекана «Бакуйя» и мелкой серебряной монеты последних Ширваншахов, чеканенных в Шемахе, относимых к первой половине XVI в.⁶⁷. Эти монеты были обнаружены в большом количестве как на территории Бакинской крепости и на Апшероне, так и в других городах Азербайджана⁶⁸. Многочисленные находки этих монет говорят об оживленной внутренней торговле и развитии городской жизни. В то же время в обращение постепенно входила серебряная монета сефевидских шахов, чеканенная на монетных дворах Баку, Шемахи и других городов Азербайджана⁶⁹. В связи с проникновением в Баку западноевропейских купцов-путешественников со второй половины XVI в. в обращение были также западноевропейские талеры из различных европейских государств⁷⁰. С захватом турками Баку в 1578 г. прекращается чеканка монеты с именами сефевидских шахов, и в обращение входят монеты с именами османских султанов.

С 70-х годов XVI в. в связи с возобновлением военных действий Сефевидского Ирана с Турцией и внутренних феодальных междоусобиц наблюдается упадок международной торговли шелком через Баку, а в связи с этим упадок городской жизни, отмечаемый путешественниками⁷¹.

В XVII—XVIII вв. Баку являлся главным портом на Каспийском море в международной транзитной торговле Востока с Западом, что отмечалось многими путешественниками⁷², в связи с чем возрастает значение Баку в области внешней и внутренней торговли и укрепления торговых связей с западноевропейскими странами и Россией.

В XVII в. усиливаются торговые сношения указанных стран по Волжско-Каспийскому пути и через Малую Азию. В это время в Азербайджан проникают католические миссии, которые были деятельными пособниками устремившихся на Восток европейских купцов-путешественников в связи с развитием колониальной политики европейских стран на Востоке. Здесь были купцы, приезжавшие с коммерческими и политическими целями, и миссионеры, стремившиеся распространить католичество в Азербайджане, Иране и других странах Востока. В годы правления шаха Аббаса I (в 1618 г.) в Иране и Азербайджане побывал итальянец Пьетро делла Валле, который в своих записках сообщает о торговле и плавании по Каспийскому морю, упоминая Баку как порт, откуда поступают в разные страны многие товары⁷³.

Шах Аббас I покровительствовал развитию крупной караванной торговли, а шахское правительство само выступало в роли организатора внешней торговли, снабжая купцов шелком-сырцом. В период правления шаха Аббаса в Баку и на торговом пути в Иран был построен ряд караван-сараяв, что говорит о развитии торговли в это время.

Некоторые сведения о торговле Баку дает Эвлия Челеби, посетивший город в феврале 1647 г. При описании внутренней крепости, как он, по-видимому, называл вершину холма, где был расположен дворец Ширваншахов, он отмечал: «...там нет даже признака караван-сарая и бань. Но на берегу моря построен рабад⁷⁴, имеющий около тысячи домов, сады, мечети, караван-сарай, бани и базар, и все это обнесено с 3-х сторон крепостной стеной, которая имеет 3 ворот... Базар был не особенно роскошный...»⁷⁵.

Далее он сообщает: «...Баку — это портовая пристань Шемахи. Из Китая и Хотана*, из городов Фагфур-Или и Зенан, из стран калмыков и Москвы постоянно едут сюда послы и караваны возят товары. Москвичи постоянно приезжают в Баку за солью, нефтью, шафраном и шелком. Московские послы здесь остаются заложниками. Из Московской страны, главным образом через Баку, и частично через Гилян в Аджем (Иран) ввозили меха соболей, рыбий зуб (моржовый клык. — С. А.), мех серой белки, а из страны Булгар — кожу...»⁷⁶

По сведениям Эвлия Челеби, Бакинская крепость была сильно укреплена и была очень заселена. Как видно, городская жизнь была сосредоточена близ морского побережья у гавани.

О большой торговле города в XVII в. свидетельствуют ныне исчезнувшие сооружения торгового комплекса у берега моря, состоявшего из 4-х больших караван-сараяв, здания с лавками и мечети, расположенных вдоль крепостной стены⁷⁷, где было трое ворот, ведущих из гавани в крепость через указанные сооружения. Близ этого комплекса находилось 5 других караван-сараяв, расположенных в том же квартале и обслуживающих сухопутную и морскую торговлю города.

Сообщения Эвлия Челеби о торговле Баку и других городов Азербайджана с городами Китая подтверждаются многочисленными находками китайской фарфоровой посуды, обнаруженной в старой крепости Баку, Старой Гяндже и других городах Азербайджана⁷⁸. По сведениям Эвлия Челеби, в это время большое развитие получила морская торговля через Баку и Дербенд к устью Волги, на север. Помимо морского пути, существовал также сухопутный караванный путь через Тебриз, на юг — в Иран и Турцию, а также через Среднюю Азию в Индию. О размерах этой торговли можно судить по цифре, которую называет Эвлия Челеби, рассказывая о том, что Эриванский хан (сестра которого была женой бакинского хана), обещал послать в таможенную караван из 1000 голов (верблюдов)⁷⁹. Владетельный хан, являясь крупным феодалом и шахским наместником, непосредственно принимал участие во внешних торговых операциях.

Некоторые сведения о торговле города содержатся в сообщениях Кемпфера, посетившего Баку в 1683 г. «...Из гавани имеется вход в город через трое ворот, для более, удобной перевозки товаров. Около моря воздвигнуты двойные стены города, противопоставленные открытому морю и протянутые еще дальше в море, и как бы параллельные берегу. Рейд прикрыт от волнения противоположащим мысом, который на расстоянии около половины фарсанга выступает в море. Здесь находят спокойную стоянку корабли, прибывающие из России, Дагестана, Черкессии, Узбекии и Персии... Часть города, расположенная на склоне горы, лежала в запустении вследствие небрежности и бедности горожан; он густо заселен только в нижней части. Из общественных зданий наиболее выделяется караван-сарай восьмиугольной формы, выстроенный из тесаного камня; внутренний двор окружен сводчатой галереей с прекрасными колоннами... Общественная площадь не имеет великолепия, представляет просто огромную квадратную площадь...»⁸⁰.

Описанный Кемпфером один караван-сарай, так же как и другие, был расположен на городской магистрали, ведущей от гавани к северным «шемахинским» воротам. В этом же районе находился и Мейдан — базарная площадь с мастерскими и лавками ремесленников и купцов⁸¹. По словам Кемпфера, жители города вели скудный образ жизни⁸², а торговля была слабо развита. Небольшие суда из Мангышлака в Узбекии и соседних городов вывозили отсюда соль и нефть и доставляли овощи. Рис и хлебные продукты также подвозили на судах⁸³.

Отмеченный Кемпфером упадок городской жизни в Баку, по-видимому, явился следствием общего хозяйственного упадка всей страны, сокращением внешней и внутренней торговли. В 1667 г. в Шемахе и окрестных селах произошло страшное землетрясение, причинившее большие разрушения, во время которого погибло более 80 тысяч мужчин, «не считая женщин, детей и рабов...»⁸⁴. Землетрясение повторялось в 1671 г. и в последующие годы⁸⁵. Несомненно, это бедствие отразилось на шелководстве, в связи с чем шемахинская торговля шелком через Баку в период 70—80 гг. пришла в упадок. Плавание по Каспийскому морю, в это время было опасным, так как торговые суда с товарами, курсировавшие из Баку в Астрахань и обратно, подвергались часто нападениям казаков и морских пиратов⁸⁶. Возможно, что и это послужило одной из причин сокращения торговли морским путем на некоторое время. Путешественники и иезуитские миссионеры, посетившие Баку в 1687 и 1689 гг., отмечают уже развитую экономику и благосостояние города⁸⁷.

В XVII—XVIII вв. Баку был лучшим портом на Каспийском море в транзитной международной торговле шелком с Шемахой и другими городами.

* Хотан — область на востоке Средней Азии — Синьцзян.

«...Эта гавань является бесспорно одной из самых удобных для торговли на всем Каспийском море, особенно с Шемахой, которая считается самым большим и населенным городом в этих краях, и находится только в трех днях пути отсюда. В Шемахе имеются фактории всех восточных народов и по этой причине этот город посещается из всех стран»⁸⁸. Так отмечал Бакинскую гавань в своих записках англичанин П. А. Брюс, посетивший Баку в 1723 г.

Торговые операции бакинских и других азербайджанских купцов с иноземными купцами производились далеко за пределами страны. В сферу распространения этой торговли входили такие дальние страны, как Индия, Китай, Сибирь, Московия и ряд западноевропейских государств.

Торговые связи Азербайджана с Россией, установившиеся еще в XVI в., сильно расширились в XVII и в первой половине XVIII в. При царе Алексее Михайловиче в 1667 г. и при Петре I в 1710 и 1720 гг. были заключены договоры с местной торговой компанией, которая должна была вывозить из Ирана и Азербайджана (из Шемахи, Баку и Дербенда) через Терки и Астрахань в Россию и дальше в Западную Европу шелк-сырец и другие восточные товары морем и сухопутным путем под охраной русского конвоя от Астрахани до Москвы⁸⁹. Плавание на судах от Баку до Астрахани длилось 8—10 дней⁹⁰. Эта торговля, в которой принимали участие и азербайджанские купцы, продолжалась и в XVIII в. Предметами торговли были: бакинская нефть и соль, шафран, шемахинский и арешский шелк-сырец, шелковые и хлопчатобумажные ткани, ковры, верблюжья шерсть, кожа, скот, рыба, икра, фрукты и сухофрукты, хлеб, медная посуда, оружие и другие товары⁹¹.

В грамоте армянским купцам на провоз товаров из Баку морским путем в Астрахань и Москву от 7 февраля 1694 г. перечисляются товары, среди которых упоминаются бакинские кумачи, «...у Аваджана Каспарова: пять сот семьдесят шесть тюков сафьянов, три тысячи пять сот шестнадцать кумачей бакинских красных, девяносто пуд двадцать один фунт ладону, сорок пуд с четью шелку сырцу ардашу, пять фунтов пять десят золотников жемчугу, крупного и среднего и мелкого на нитях и в круживцах и в пуговицах...»⁹²

В другом документе от 27 февраля 1696 г. дается перечень заграничных товаров, вывезенных купцом Савелием Сергеевым из Баку, через Астрахань в Москву, среди которых «990 бунтов сафьянов, а в бунте по пяти сафьянов, 1650 кумачей красных бакинских»⁹³.

О значительной торговле русских и местных купцов через Баку свидетельствует также большое количество русских монет, обнаруженных на территории старой крепости Баку, внутри бухты и в селах Апшерона, датируемых XVIII в.⁹⁴

В городе существовала также колония индийских купцов, которые владели большим капиталом. Недалеко от гавани они имели свой караван-сарай, где они и жили. Кемпфер упоминает об этом караван-сараяе, где он встретил торговцев-индусов из племени мултаны⁹⁵. Купцы-индусы с давних пор приезжали из Индии главным образом в Баку и Шемаху, где находились их торговые колонии⁹⁶. Эти купцы, занимавшиеся крупной торговлей, поддерживали индусов, огнепоклонников, живущих в сел. Сурахана на Апшероне, деньгами и продуктами, давали средства на постройку келий и монастыря на месте «вечных огней»⁹⁷.

Индийские купцы вместе с местными купцами вывозили через Баку в Астрахань до 400 тюков шелка-сырца в год (по 25 батманов каждый)⁹⁸. Из Индии купцы привозили различные пряности, шерстяные ткани, вырабатываемые, главным образом, в Кашмире и имеющие большое распространение на Востоке, так называемые «тирмя», которые ценились на вес золота, и другие хлопчатобумажные и шелковые ткани, шитые золотыми нитями⁹⁹. В экспозиции Музея истории Азербайджана находится кусок «тирмя», датируемый XVII в. Фон ткани цвета слоновой кости со светло-красным орнаментом в виде «бута»¹⁰⁰. Феодалная знать Баку и других городов Азербайджана пользовалась дорогими привозными шерстяными и шелковыми тканями из Индии и других стран Востока. В Индию купцы вывозили шелк-сырец, белую нефть (как большую редкость) и другие товары¹⁰¹.

Из городов Ирана в Баку ввозили дорогие шелковые и парчовые ткани, шитые золотыми и серебряными нитями. Образцы парчовых тканей, имевших распространение в Баку, сохранились в фондах Музея истории Азербайджана. Один из них представляет собой парчевую ткань, на охристом фоне которой изображена птица бело-серебристого цвета, похожая на попугая, над ним роза и бабочка, вокруг несколько мелких цветов светло-охристого тона. Ткань имеет кайму с растительным орнаментом, вышитую темно-коричневой нитью. Эта ткань, так же как и другая из парчи, вышитая золотом, имеющая растительный орнамент с бабочкой, датируется XVII в.¹⁰². Указанные ткани приобретены в Баку у местных жителей и, по-видимому, импортированы из городов Ирана.

О развитии внутренней торговли Баку с городами Азербайджана свидетельствуют многочисленные на территории Баку находки сефевидских монет, чеканенных в Шемахе, Гяндже, Нахчеване, Тебризе и других городах¹⁰³. Из Шемахи таты-грегориане привозили для продажи в Баку красное вино прекрасного качества, которое они делали сами¹⁰⁴. Зерновые и другие сельскохозяйственные продукты поступали из плодородных районов Ширвана. Жители Апшерона держали много верблюдов для перевозки товаров¹⁰⁵.

Помимо бакинского базара, существовал также большой базар в селе Маштага, наиболее крупном населенном пункте на Апшероне. Здесь каждую пятницу устраивалась большая ярмарка, на которую почти всегда приезжали купцы из Баку¹⁰⁶.

Торговые сношения поддерживались также с Тифлисом, Эриванью и другими центрами Закавказья¹⁰⁷.

Россия, расширившая торговые связи с Ираном и Азербайджаном в XVII—начале XVIII вв., нуждалась в удобном порте для международной транзитной торговли шелком на Каспийском море, каковым являлся Баку. Это и было одной из причин завоевания Баку Петром I в 1723 г. Попытки Петра I восстановить торговлю и поднять городское хозяйство, разрушенное войной и антифеодальными восстаниями в стране, не увенчались успехом¹⁰⁸. В это время отмечался упадок шелководства в Шемахе¹⁰⁹ и ее районах, вызванный, по-видимому, последствиями опустошений, произведенных эпидемией чумы, которая в 1717 г. в течение восьми месяцев уничтожила 70 000 человек¹¹⁰.

В связи с военными и политическими событиями торговля через Баку с Ираном, Турцией и другими европейскими странами в это время значительно сократилась¹¹¹. Последующие мероприятия русского правительства, предоставившего ряд привилегий русским купцам в целях поощрения торговли России с Азербайджаном, также не дали больших результатов.

Петр I специальным указом 1723 г. учредил торговые компании русских купцов в Иране. В 1732 г., согласно условиям Рештского договора, русские купцы могли торговать в пределах Ирана беспошлинно и пользоваться разными другими привилегиями¹¹². Гянджинский договор 1735 г. закреплял привилегии русских купцов на свободную и беспошлинную торговлю по всему Ирану и Азербайджану. В 1724 г. указом Сената Демидову было разрешено вывозить из России через Астрахань в Дербенд и Баку сибирское железо¹¹³ для бытовых нужд жителей этих городов, несмотря на то, что железо было запретным для вывоза товаром. Пошлины с товаров и полавочные с купцов в Баку составляли в это время значительную часть доходов казны. Согласно архивным документам, указанные сборы составляли сумму в 12 312 руб. 75 $\frac{1}{4}$ коп. за период с 10 августа 1723 по 1730 гг. включительно¹¹⁴ (см. табл.).

В том числе российской монетой — 142 138 р. 81 к. и персидской монетой — 5207 р. 83 $\frac{3}{4}$ к.; сверх этой суммы разных червонцев, без цены — 49 штук.

По замечанию Е. С. Зевакина, доходы, согласно архивным данным, в указанное время сократились более чем в 2,5 раза «...в сравнении с годами, предшествующими русской оккупации, означенные цифры дают достаточно яркую картину упадка хозяйства и объясняют причину русского отступления из этих провинций»¹¹⁵. Остальные $\frac{3}{4}$ всех годовых доходов с этой провинции составляли доходы с нефти, сумма которых за этот период составила 98956 р. 55 $\frac{3}{4}$ к.¹¹⁶. Общая сумма этих доходов казны за указанный период, т.е. за 7 лет и 5 месяцев составила 126531 р. 45 $\frac{1}{2}$ к.¹¹⁷. Если округлить цифры, то это составит около 18000 рублей в год или 1800 туманов, что говорит об упадке городского хозяйства по сравнению с 1723 г., когда по сведениям персидского посла Исмаил-бека доходы с бакинской нефти и соли составляли в год 6000 туманов¹¹⁸.

По сведениям английского путешественника-купца Джеймса Спильмана, посетившего Иран и Азербайджан в 1739 г., русские купцы во время завоевания Россией прикаспийских областей вели торговлю с Ираном и Азербайджаном через Астрахань по Каспийскому морю на своих торговых судах и доставляли всякого рода снабжение русской армии. Но уже в 1739 г. торговые суда с товарами, доставляемыми в Дербенд, Баку и Решт, фрахтовались главным образом при посредстве армян, которые занимались перевозкой пассажиров из Баку в Решт. Они доставляли туда и нефть, а также провиант для русских гарнизонов в Терки¹¹⁹.

Спильман говорит о судах, прибывших в это время в Астрахань. На одном из них было 200 тюков, принадлежавших армянам и индусам, с товарами, предназначенными для России. Кроме того, там находился шелк, принадлежавший английским купцам (Спильману и его товарищу). Другое судно приняло груз в Баку, состоящий из небольшого количества меди и шелку из Шемахи и вина из Дербенда¹²⁰. Из сообщения Спильмана видно, что в это время вывоз шелка из указанных

областей был незначительный. По данным таможенных книг «заморского привоза», индийские купцы в 1734 г. везли в Астрахань из Баку 40 партий товаров, а в 1744 г. всего 13 партий¹²¹.

Приход денежной казны в Баку*

Годы	Какой монетой Р—росийск. П — персид.	Статьи окладных сборов			
		За продажу черн. и белой нефти и нефтяных продуктов	Пошлины и полавочные с купцов	Подати с деревень бакинск. уезда за продажу соли с озер	Итого окладных сборов
С 10.VIII. 1723 г. по 12.I.1725 г.	Р. и П.	25 449 р. 25 ½ к.	1 797 р. 17 ³ / ₄ к.	1 091 р. 24 ½ к.	28 337 р. 67 ½ к.
С 12.I 1725г. по 1.II.1726 г.	Р. и П.	3 228 р. 81 к.	1 087 р. 87 ¹ / ₄ к.	—	4 316 р. 68 ¹ / ₄ к.
С 1.II.1726 г. по 1.I.1727 г.	Р. и П.	11 793 р. 29 ³ / ₄ к.	1 811 р. 50 ³ / ₄ к.	1 536 р. 84 к.	15 141 р. 64½ к.
1727 г.	Р. и П.	15 983 р. 84 ³ / ₄ к.	2 085 р. 56½ к.	960 р. 00 к.	19 029 р. 41 ¹ / ₄ к.
1728 г.	Р. и П.	15 597 р. 49 к.	1 965 р. 30 к.	3 979 р. 00 к.	21 541 р. 79 к.
1729 г.	Р. и П.	10 922 р. 65 ¹ / ₄ к.	1 542 р. 84 ³ / ₄ к.	3 795 р. 06 к.	16 260 р. 56 к.
1730 г.	Р. и П.	15 981 р. 20 ³ / ₄ к.	2 022 р. 48 ¹ / ₄ к.	3 900 р. 00 к.	21 903 р. 69 к.
Всего:		98 956 р. 55 ³ / ₄ к.	12 312 р. 75 ¹ / ₄ к.	15 262 р. 14½ к.	126 521 р. 45½ к.

В 30—40-х годах XVIII в. отмечается упадок городской жизни и внешней торговли в Баку, так же как и в других городах Азербайджана, вызванный внешнеполитическими и социальными факторами. Грабительская политика Надир-шаха привела к окончательной разрухе экономику городов Азербайджана.

5. Социальная структура городского населения Баку и управление городом

Социальный облик города Баку в XVI в. и первой половине XVIII в. — один из неисследованных вопросов, трудность изучения которого состоит в скудности сведений источников. Никаких статистических данных о составе населения города Баку, так же как и других городов Азербайджана в указанный период, не имеется. Весьма фрагментарные сведения по данному вопросу приведены в записках путешественников. Некоторые сведения почерпнуты из фирманов и лапидарных источников.

Население города в указанный период не превышало 4—5 тысяч человек, живущих в пределах крепости¹. По социально-экономическому положению население города Баку можно разделить на 5 категорий: 1) светская феодальная аристократия города, 2) духовенство, 3) купечество, 4) ремесленники и 5) прочие слои городского населения: разорившиеся крестьяне, поденные рабочие, рабы и т. д.

После присоединения Ширвана к Сефевидскому государству в 945 г. х. (1538 г.) правителями Ширванской области (вилаята) стали назначаться беглярбеки (наместники шаха), представители Сефевидской династии. Сначала это были сефевидские принцы, затем ханы из родственников шаха, знатные феодалы. Центром ширванского беглярбекства был город Шемаха, а Баку был

* Зевакин Е.С. Ук. соч., табл.2, с.128.

торговым городом и портом. Беглярбеки пользовались большой самостоятельностью во внутреннем управлении; в их руках были войско, административная власть и финансы. Беглярбеком Ширвана был назначен брат шаха Алкас-Мирза. Ширванская знать была уничтожена, а земли ее были розданы кызылбашским эмирам².

Баку с Апшероном при Сефевидях являлся «ёлке», т. е. уделом, или территорией, пожалованной шахом тому или иному феодалу на правах тиула или сойургала*. В 947 г. х. (1540/41 г.) эмир Гази-хан Текелю получил часть области Ширвана — Сальян, Махмудабад и город Баку на правах тиула³. Однако в 950 г. (1543/44 г.) Гази-хан Текелю, которого шах подозревал в участии в заговорах, согласно указу шаха был казнен Алкас-Мирзой вместе со своими братьями в Ширване⁴.

В 983 г. х. (1575 г.) шах Тахмасиб пожаловал эмиру курдского племени Рузеки Шараф ад-Дину Битлиси многие местности в Ширване, являвшиеся собственностью (мюлкийат) шаха, в том числе Баку и Апшерон, Кабалу, Акташ и Ареш⁵ и морское побережье. Шах назначил ему доходы (вуджухат — налог, уплачиваемый деньгами) с жителей этих городов и местностей, для содержания племени Рузеки⁶. Возможно, что эти кочевые курдские племена в это время расселились на Апшероне в селении Кюрде-хане.

Как эмир Гази-хан Текелю, так и эмир Шараф ад-Дин Битлиси были представителями военной аристократии и главами кочевых племен. Пожалованные шахом города и селения были предназначены «в управление и кормление» им вместе с племенной знатью и ополчением кочевого племени, составляющим его особую военную часть «кошун». Оба эмира являлись правителями военно-административного округа и, как видно, разделяли власть с гражданским правителем-хакимом.

Таким образом, при Сефевидях Баку с Апшероном являлся владением крупных феодалов, которые были заняты выкачиванием средств, налогов и различных податей с подвластных им жителей города и селений Апшерона.

Господство феодальной аристократии в Баку и в нефтеносных районах Апшерона, от которого сильно зависела экономика самого города, большое влияние феодальных отношений на городскую жизнь явились препятствием к образованию самостоятельного городского управления типа средневековых городов-коммун. Тесная связь феодальной аристократии с городской верхушкой объединяла их интересы и усилила против ремесленников и широких слоев городского населения, эксплуатируемых феодальными хозяевами города и округа.

После присоединения к Сефевидскому государству Баку управлялся назначаемыми шахами хакимами, местными правителями, подчинявшимися беглярбеку Ширвана. Обычно хакимы имели титул хана или султана. Эти титулы как звенья в феодальной иерархии при Сефевидях считались персональными, пожизненными и ненаследственными⁷. В начале царствования династии Сефевидов не было различия между титулом хана и султана. Но позже, во вторую половину XVI в. титул хана получил приоритет, считался выше титула султана⁸.

В сохранившихся строительных надписях на территории старой крепости Баку и в записках путешественников отражены титулы и имена правителей города в XVI в. и позже.

На портале ворот, сооруженных во время османского владычества в Баку на территории дворца Ширваншахов, имеется надпись от 994 г. х. (1585/6 г.), в которой говорится о повелении строить здание Улу (великий. — С. А.) Раджаб-баба Бакуйи в годы правления султана Мурад-хана III⁹. Этот памятник относится ко времени турецкой оккупации города Баку (1578—1607 гг.). Как видно, упомянутый в надписи Раджаб-баба, бакинец, был одним из представителей местной знати во время турецкой оккупации Баку. После захвата крепости Баку турецкими войсками под командованием Осман-паши хакимом города был назначен Кубад-паша. Позже в 1015 г. х. (1606—1607 гг.) хакимом города был Мустафа-бек Махмуди. Источники называют правителем крепости Баку (вероятно, комендантом) во время турецкой оккупации города местного жителя Мурада¹⁰.

Большую роль в городах играли представители городской верхушки, назначаемые часто непосредственно шахом, в лице калантара — городского старшины (который докладывал шаху о поведении правителя), даруги и других должностных лиц. В одном из фирманов шаха Тахмасиба I от 954 г. х. (1547 г.), относящихся к городу Баку¹¹, среди городских чиновников перечисляются калантары, сборщики налогов, чиновники Дивана, бакинские кетхуды (квартильные старшины),

* Тиул — временное или пожизненное владение; сойургал — наследственное владение с правом полного налогового иммунитета — (му'афи) или же на правах управления без права налогового иммунитета. См. Петрушевский И. П. Очерки . . . , с. 102—103.

даруга (чиновник, наделенный административно-полицейскими функциями). В документе упоминаются также хуккамы (правители округов) и тиулдаран (держатели тиулов). Эти чиновники и должностные лица не уступали крупным феодалам в притеснении и эксплуатации городского населения, ремесленников и беднейших слоев жителей города и округа. В городе был также таможенный сборщик налогов с товаров, привозимых купцами. Английский купец Эдуардс (1566 г.) назвал такого чиновника «самым отъявленным мошенником в этой стране»¹².

К классу феодалов относилось также крупное шиитское духовенство, к числу которых причислялись и шейхи крупного вакфа в Баку и сейиды, имена которых зафиксированы в строительных надписях и надгробных камнях. В годы правления шаха Тахмасиба (977 г. х. — 1569/70 г.) над дверями мечети в сел. Шихово в районе Баку была сделана строительная надпись с именем сейида Фазлуллаха сына сейида Лятифа Нишабури¹³. Другим документом, иллюстрирующим роль сейидов-шиитов в Баку и на Апшероне в конце XVI в. в период турецкой оккупации и преследования шиитов, является надпись на камне, найденном в одном из старых нефтяных колодезев. Надпись эта гласит о том, что нефтяной колодез был открыт и пожертвован в пользу сейидов Мухаммад Нуром в месяце раби II в году 1003 г. х. (1594/5 г.)¹⁴.

О городских мелких торговцах и беднейших слоях городского населения источники почти ничего не сообщают. Баку, являвшийся административно-политическим центром Апшерона, входил в состав Ширванского беглярбекства. В 1607 г. им управлял назначенный шахом Аббасом знатный феодал Зульфигар-хан Караманлы¹⁵. Баку управлялся хакимом, подчинявшимся беглярбеку. К феодальной аристократии города относились военная знать кочевых и полукочевых племен (кызылбашских и других), а также старинные местные оседлые феодалы¹⁶, владевшие целыми селениями с прикрепленными к земле крестьянами, нефтеносными и пахотными землями, садами Апшерона. Городская знать владела домами, караван-сараями, банями, лавками, ремесленными мастерскими, судами и другой собственностью как в городе, так и в селах Апшерона. К этой категории имущих относилась также гражданская бюрократия центрального и местного аппаратов власти.

В надписи над вторыми наружными воротами крепости, половина которой сохранилась на Шах-Аббасовских воротах, упоминается имя беглярбека Ширвана Зульфигар-хана, построившего крепостную стену города в 1017 г. хиджры (1608/9 г. н. э.)¹⁷, вскоре после отвоевания Баку у турок шахом Аббасом I. В 1607 г., через несколько месяцев после взятия города шахскими войсками, патеры кармелиты застали в Баку Зульфигар-хана, приехавшего на охоту в окрестностях города¹⁸. В 1618 г., по сообщению итальянца Пьетро делла Валле, бакинский правитель носил титул султана¹⁹. Кемпфер в 1683 г. также сообщает, что правитель Баку именовался султаном²⁰. Анонимный автор, иезуитский миссионер в Иране, писал в 1687 г. о Баку как о маленькой отдельной области, управляемой князем, имеющим титул султана и являющимся вассалом персидского государя²¹.

Другой французский миссионер-иезуит патер Виллот, посетивший Азербайджан в 1689 г., дает следующие сведения: «Государство или империя персов делится на 16 больших областей, каждая из которых имеет своего хана или вице-короля с подчиненными ему вице-губернаторами, именуемыми султанами по имени султанства, т. е. их округа. Бакинская провинция является одной из них в Ширванском государстве. Она содержит 34 селения...»²². Как видно, Апшерон с центром в Баку являлся при Сефевидях отдельной административной единицей, обособленной с географической, экономической и политической точек зрения.

Турецкий путешественник Эвлия Челеби сообщает, что в Ширванской области Баку (т. е. Апшерон. — С. А.) есть отдельное ханство, куда входит 7 районов (нахия), (очевидно нефтяных районов. — С. А.). В Бакинском ханстве, говорит Челеби, были войска из «шахсеванов» и «дизчэкиан». Феодальное ополчение бакинского хана состояло из 3000 воинов²³, причем войска бакинского, эриванского и гянджинского ханов состояли из туркменов, монголов, кумыков, калмыков (калмак), кудек, муганцев, гузан. В крепости находился арсенал оружия с пушками²⁴. Эвлия Челеби называет бакинского хана Ашраф-ханом²⁵, который был владетельным феодалом, официально поставленным шахом. По-видимому, бакинский хан был обладателем «барабана, литавр и знамени». Ему подчинялись 12 местных правителей-хакимов²⁶. Бакинские ханы, по-видимому, не жили более до дворце Ширваншахов, иначе Эвлия Челеби, давший довольно подробное описание Бакинской крепости, сообщил бы что-нибудь о дворце. Французский миссионер в Иране Рафаэль дю Ман, посетивший дворец в 1600 г., говорит о разрушении дворца и полном его запустении²⁷.

В городе проживала значительная часть местной феодальной знати, названной Челеби эйан²⁸, которая получила от сефевидских шахов различные виды пожалования, как сойургал, тиул, му'афи. Часть бакинской знати, оказавшей активную помощь Сефевидам при завоевании Баку в 1607 г., получила от шаха Аббаса в сойургал, по-видимому, те же земли, которые при турецком правлении в этом округе были отданы в тимар* местной знати протурецкой ориентации. В ряде фирманов, относящихся к Баку, говорится о сойургале. Этим словом обозначали пожалованную территорию, владетель которой обязан был поставлять вооруженных людей в шахское войско. Пожалование сойургала было наследственным. Владетель сойургала имел право на налоговый и административный иммунитет (му'афи). Он взимал в свою пользу и ту долю ренты — налога, которая предназначалась государству, т. е. подати Дивана. Пожалованные селения подчинялись его власти. Правителям и финансовым чиновникам запрещался доступ на территорию сойургала³⁰.

В документах, относящихся к Баку, имеются сведения о другом виде земельного пожалования — тиуле. Обычно шахи жаловали тиул служилой военной знати города. Тиул не мог передаваться по наследству. Тиулдару предоставлялось право взимать либо полностью все доходы с территории тиула, либо некоторые из них. Часто финансовые чиновники собирали пожалованную в тиул сумму и передавали ее владетелю тиула. Таким образом, тиул давал право на получение доли ренты — налога с определенной местности (в продуктах, деньгами, работой), но не право распоряжения землей³¹.

Кроме земель, феодалы, живущие в Баку, по-видимому, на правах мультка владели садами и виноградниками на Апшероне, караван-сараями, ремесленными мастерскими, домами в городе. Термином «мультка» обозначали форму безусловной феодальной собственности на землю или иное недвижимое имущество, которое можно было продавать и покупать, как и передавать по наследству, и которое не было связано с обязанностью нести государственную службу³². Городские феодалы были тесно связаны с крупной караванной и морской торговлей³³.

Бакинские хакимы, носившие титул хана или султана, получали большие доходы, и не только от торговли, но и от налогов, взимаемых с податного населения. По данным «Тазкират ал-мулук», в первой четверти XVIII в. доходы хакима Баку составляли 5 000 000 динаров³⁴ или 500 туманов.

При дворе бакинского хана имелись сотни нукеров³⁵. Среди придворной челяди бакинского хана были также рабы грузины³⁶, славившиеся своей красотой. Некоторые фирмы сефевидских шахов и свидетельства европейских путешественников Стрейса, Кемпфера и других говорят о существовании домашнего рабства³⁷. Рабовладельческий уклад внутри феодального общества, существовавший в Азербайджане в XIII—XIV вв., исчезал в последующие века, хотя торговля рабами продолжалась³⁸.

Городская знать занимала важнейшие административные должности. Одним из значительных должностных лиц в городе являлся калантар — городской старшина, назначавшийся непосредственно шахом из представителей местной знати или городского купечества. В его ведении был надзор за базарами, сбор податей с торговли и ремесла. Он наблюдал за поведением местного хакима и доносил о нем шаху³⁹. Другим значительным лицом в городе был даруга, назначаемый местным ханом, — чиновник, наделенный административно-полицейскими функциями⁴⁰, и ряд других чиновников Дивана, собиравшие подати с населения. Во главе городских кварталов стояли старосты кварталов — «кедхудай-и махаллэ»⁴¹. В городах были также мехмандары — чиновники, на обязанности которых лежал прием гостей⁴².

По сведениям Эвлия Челеби, большинство населения города Баку были сунниты⁴³. Однако эти сведения несколько тенденциозны. К этому времени шиизм получил большое распространение в Ширване и Баку, а также в юго-восточной части Азербайджана, благодаря политике насильственного насаждения шиизма, проводившейся сефевидскими шахами. Кроме того, близ Баку, в нынешнем Биби-Эйбатском нефтяном районе, находилась чтимая мусульманами-шиитами «святыня» — мазар (гробница) Укейма-ханум — дочери седьмого шиитского имама Мусы Кязима. Сюда стекались шииты на поклонение. Таким образом, Баку в XVII в. был одним из городов Азербайджана, где был утвержден шиизм.

Большую роль в Баку играло высшее духовенство и сейиды, владевшие большим вакфным имуществом, управление которым было в ведении садра⁴⁴. Одним из вакфов, пользовавшихся правами сойургала, являлся вакф вышеуказанного мазара (гробницы) Биби-Эйбат. Мазаром управляли наследственные шейхи из рода сейидов-шиитов. Формально вакф принадлежал этому мазару, фактически же владетелем его был шейх, мутавалли (попечитель) мазара⁴⁵. На основании

* Тимар — ленное земельное пожалование с приписными крестьянами.

фирмана султана Мурада III выясняется, что этот вакф существовал еще во времена ширваншаха Халиллуллаха I, т. е. в период с 1417 по 1465 гг., а мечеть в комплексе памятников Биби-Эйбат была построена или реставрирована в XIII в. Следовательно, можно полагать, что мазар Биби-Эйбат существовал не менее 600 лет, а возможно и более. Судя по некоторым фирманам, при гробнице, вероятно, существовала ханака (суфийско-дервишская обитель), где жили дервиши. Шейхи, ведавшие делами мазара и стоящие во главе общины дервишей утверждались в своем звании шахом из одного и того же рода.

Согласно некоторым фирманам сефевидских шахов, относящимся к этому вакфу, выясняется строгое соблюдение порядка наследования Биби-Эйбатских шейхов, управлявших мазаром на протяжении более чем ста лет⁴⁶ (1547—1668 гг.).

Шейх Бунйад

ум. в 963 г. х. (1555/6 г. н.э.)

Шейх Гулам-Али

был жив еще в 1015 г. (1606/7 г. н. э.)

Шейх Абид

Хаджи шейх Шариф ибн шейх Абид

был жив в 1028 г. х. (1618/1619), умер до 1046 г. х. (1636/37)⁴⁷

Шейх Хаджи Аскер-Али

племянник и зять шейха Гулам-Али, ум. ранее 1064 г. х. (1653/4 г. н. э.) и дочь Шейха Гулам-Али (имя не названо).

Шейх Мухаммад Мукум

был жив еще в 1078 г. х. (1667/8 г. н. э.)⁴⁸.

Некоторые сохранившиеся надписи на камне зафиксировали имена знатных сейидов, живших в Баку в XVII в. Близ мечети в Шиховой деревне на надгробном камне была надпись, датированная 1020 г. х. (1611 г.), в которой упоминался сын сейида Фазлуллаха, «опоры сейидов» — Сейид Имам Кули⁴⁹.

На пристройке главной мечети Биби-Эйбата, а также над воротами ее были надписи с именем строителя шейха Шарифа ибн шейх Абид от 1028 г. х. (1618/19 г.) и 1046 г. х. (1636/37 г.)⁵⁰. Имена шейха Шарифа, Шариф-Али, Аскер-Али и Абдул-Али упоминаются в одном из вышеуказанных фирманов шаха Аббаса I, датированном 1015 г. х. (1607 г.)⁵¹. Упомянутые сейиды принадлежали к знатному мусульманскому духовенству города Баку, владевшему большим вакфным имуществом. Из документов, относящихся к этому вакфу, следует отметить 10 фирманов⁵², жалованных сефевидскими шахами шейхам суфийско-дервишской обители (ханака) при мазаре Биби-Эйбат.

В фирмане шаха Аббаса I, изданном в месяце зу-л-ка'да 1015 г. х. (28 февраля — 29 марта 1607 г. н. э.) говорится следующее: «...сливки шейхов, шейх Гулам Али, сын шейха Буняда, мутаваллия преблагословенной гробницы дочери имама достойной почитания и уважения, и община дервишей-служителей указанной гробницы... представили благороднейшее прошение о том, что селение (Зых), из податных местностей Бадкубе⁵³ ширванского согласно указу его величества, обитающего в раю⁵⁴, есть вакф правителя (саркар, т. е. шейх Гулам-Али) преблагословенной гробницы. И поземельная подать (мал-у джихат) с того (селения) определена в сойургал и му'афи упомянутой гробнице. Просили о (подтверждении) му'афи и сойургала на упомянутое селение и (уступки сбора) десятины (ушр) с трех ископаемых нефтяных колодцев, что находятся в окрестностях указанной гробницы, вместе с чобан-беги* (с числа) около 1500 голов овец мутаваллия, дервишей указанной гробницы и райятов селения Зых, налогом с садов (ушр-и баг), десятиной (ушр) с хлопка и посевов хлеба, которые дервиши производят на земле Дуль-дерэ»⁵⁵.

Согласно указанным шахским фирманам, за шейхом Бунядом и его сыном шейхом Гулам-Али мутаваллиями благословенной гробницы закреплялось владение селением Зых близ Баку. Шейху уступалось право взимания в свою пользу малуджихата и всех других податей с садов, посевов пшеницы в Дуль-дерэ и хлопка, а также трех нефтяных колодцев; дервиши, их работники и крестьяне (амалэ вэ райя) освобождались от всех повинностей — продуктами (алафэ) и работой (бигар вэ шикар) в пользу Дивана и войск; шейх, имевший 1000 овец, и зависимые крестьяне (райя), имевшие 500 овец, освобождались от подати за пастьбу (чобан-беги)⁵⁶.

Другой фирман был издан шахом Аббасом II в месяце зу-л-хиджжа 1066 г. х. (20 сентября—19 октября 1656 г.) в связи с незаконным взиманием ряда податей (джуфт-баши, дазгах-баши и

* Чобан-беги — налоговый сбор за пастьбу скота (прим. И. П. Петрушевского).

юртанэ) финансовыми чиновниками и откупщиками с крестьян селения Зых, принадлежавшего мазару Биби-Эйбата⁵⁷. В фирмане говорилось, что этот вопрос был передан на расследование беглярбеку и что «райяты, финансовые чиновники (уммал), обладатели тиулов (тиулдаран) и даруги Бадкубэ никоим образом (права) вмешательства, соучастия (в доходах) и отношения к указанной местности не имеют. И (взимание) упомянутых податей (вуджухат) в сойургальных местностях (махал-и сойургал) не в обычае, а если бы и было в обычае, оно не имело бы отношения к райятам Бадкубэ...»⁵⁸. По смыслу в фирмане говорилось о бакинских горожанах, вероятно, откупщиках, бравших на откуп государственные налоги, а также калантаре и кварталных старостах, которые старались переложить часть своих податей на плечи окрестных крестьян. В последней фразе указывается, что, если бы взимание упомянутых податей в сойургальных местностях было бы в обычае, то взимать должен был бы владелец сойургала, а не бакинские откупщики. Вышеуказанный фирман шаха Аббаса II подтвердил право шейха на налоговый иммунитет (му'афи), освободив его от всех податей в казну, которые должны были поступать в его пользу⁵⁹.

Весьма важными для изучения института вакфа являются документы, относящиеся к мазару шейха Абу-Саида Абулхейра. Наиболее интересен фирман Диван-и садарат от 1699 г. о вакфном имуществе и должности мутаваллия. В нем сохранился подлинный текст вакфнаме 1490/91 г. ширваншаха Фаррух Йасара, сына Халилуллаха I. Это единственный сохранившийся образец вакф-наме Ширваншахов XV в., в котором перечисляется имущество вакфа, даруемого гробнице на определенных условиях. Приводим текст вакф-наме полностью: «В этот добрый час с целью получения благословения, за счет своего чистого имущества, посеvную землю Шибани вместе с находящимся там колодецем густой нефти, площадь пяти виноградников в Шивелане и лес, а также площадь виноградника в Бильгях я купил и привел в цветущее состояние и отдал в вакф, согласно правилу шариата, священной гробнице похороненного близ Бадкуйе* избранного, воздержанного покойного шейха Абу-Саида и открыто отдал на религиозное сохранение. Должность мутаваллия (этого мазара) я поручил мужским потомкам этого же пира с тем условием, чтобы мужское потомство указанного пира полученные средства от урожая того же округа тратило для мазара и своих нужд, а также для освещения гробницы, а остаток тратило на угощение бедных и гостящих дервишей, сделав мазар их местопребыванием. Не давать из этих средств бахра** и не выделять долю военным и зажиточным, имеющим состояние. Чтобы хакиды, амили, а также мубаширы Дивана и вакфа не требовали у мутаваллиев указанных вакфов ни одного динара (денег) или ни одного батмана (урожая). Не допускать изменения правил вакфа. Да будут прокляты Аллахом, ангелами и всеми людьми, кто будет стараться или пытаться изменить указанные условия. Пусть остерегаются идущие по прямому пути в соответствии с содержанием стиха Корана (где говорится): «А кто изменит это после того, как слышал, то грех будет только на тех, которые изменяют это». Всесторонне действуя по этому правилу, чтобы не выходили за пределы приказа, старались идти по пути выполнения этих предписаний»⁶⁰.

В документе ясно выделяется классовый характер вакфа. В вакф-наме вакфные земли Шибаны, виноградники в Бильгях и Шивелане, площадь леса составляли особую категорию феодальной земельной собственности, которая была дана на сохранение мазару. Это было недвижимое имущество, обработанные земли, а также колодец черной нефти, завещанные Ширваншахом в пользу мазара, при котором находилась обитель-завие. Часть дохода шла на благотворительные цели, кормление бедных и дервишей. Значительная часть доходов вакфа шла в пользу его мутаваллиев. При обычае наследственности духовных должностей (в данном случае шейхов мутаваллиев) этот вакф превратился в наследственный, и звание мутаваллия — фактического распорядителя вакфа — обычно наследственно принадлежало (согласно условию, оговоренному в вакф-наме) главе данной фамилии шейхов — потомкам Абу-Саида Абулхейра.

В десяти фирманах, жалованных сефевидскими шахами на имя шейхов при мазаре Биби-Эйбат, встречается ряд терминов, обозначающих различные налоги и повинности, относящиеся как к райятам Баку, так и селений Апшерона. Перечисленные в фирманах подати и повинности тяжелым бременем ложились на плечи податного населения, эксплуатируемого местными феодалами и шахской администрацией. Эти налоги существовали задолго до XVII в., а некоторые из них со времени владычества арабов и даже при Сасанидах.

* Место разрушенной гробницы Абу Саида находится на территории ныне действующей мечети Таза-пир в Баку.

** Бахра — подать за водопользование в размере 1/15 части урожая в пользу владельца оросительных каналов.

В XVII—начале XVIII вв. существовали следующие виды налогов, взимаемые с раййатов на Апшероне:

Малуджихат — основной сбор с земледелия, доля урожая и, следовательно, основная часть ренты налога; обычно вносился продуктами — пшеницей, ячменем, хлопком, шелком и т. д. Количественно малуджихат составлял от 1/5 до 1/3 доли валового урожая⁶¹.

Ушр — (десятина) податный сбор с разных сельскохозяйственных объектов обложения⁶². В вышеуказанных фирманах (документы №№ 3, 4) значит: «ушр (десятина) с трех колодцев нефти, «ушр с посевов хлопка»⁶³.

Алафэ (алафа) означал «фураж», «корм» для верховых и вьючных животных войска или феодального ополчения, а также «провиант», «продовольствие», «пайки» для воинов, поставляемые раййатами по требованию властей⁶⁴.

Улуфэ означало то же, что и алафэ, т. е. или фураж для животных войска, или продовольственные пайки для воинов⁶⁵.

Бигар и шикар означали всякие повинности, налагаемые правителями и владельцами областей и округов на крестьян для нужд государства: постройка крепостей и дворцов, доставка строительных материалов, прокладка дорог, проведение оросительных каналов, поденные работы на пашнях правителей и владельцев и т. д. Самый термин «бигар» очень архаичен. Он восходит к последнему веку существования Сасанидской державы (VI — начало VII в. н.э.)⁶⁶.

Чобан-беги — подать за выпас скота, главным образом овец. Подать эта взималась за пользование принадлежавшими казне летними (яйлак) и зимними (кишлак) пастбищами с полусоседных крестьян, занимавшихся скотоводством⁶⁷.

В период независимых ханств подать чобан-беги была известна как «чоп-баши»⁶⁸.

Ихраджат — в XVI—XVIII вв. означал различные точно фиксированные в особых реестрах поставки натурой и повинности податного населения для нужд войска, знати и государственных чиновников, находившихся в данном округе или области. Эти издержки не оплачивались казной⁶⁹.

Хариджийят был сбором такого же назначения, что и ихраджат, но не фиксированным, а экстраординарным, налагаемым на раййатов от случая к случаю, по приказу начальства⁷⁰.

Шилтакат обозначал то же, что и хариджийят, т. е. сборы и повинности для покрытия издержек (ихраджат) местных чиновников и войск, но не установленных и фиксированных, а чрезвычайных и произвольного размера⁷¹.

Коналга⁷² — «право постоя» иностранных послов, шахских гонцов, чиновников, знатных людей и военных чинов в домах раййатов. Последние обязаны были кормить своих постояльцев, их свиту, слуг и лошадей⁷³.

Улаг — почтовые и курьерские лошади, предоставляемые раййатами по требованию начальников почтовой службы от одной почтовой станции до другой. С этой повинностью была связана также обязанность раййатов предоставлять перевозочные средства своим владельцам (арбаб) во время их перекочевок на летние и зимние пастбища⁷⁴.

Улам — как повинность должен был означать оплату раййатами издержек особо важных гонцов, курьеров и других должностных лиц, пользовавшихся казенной почтой⁷⁵.

Дазгах-баши — подать, взимаемая в XVII в. на Апшероне. Эта подать упоминается в фирманах шаха Аббаса II 1066 г. х. (1656 г. н. э.) и шаха Сулеймана 1078 г. х. (1667 г. н. э.), относящихся к Биби-Эйбатским шейхам⁷⁶.

Дазгах означает ткацкий станок или станок для выделки ковров. Известно, что на Апшероне в XVII в. в селениях Хиля и Сурахана ткали красивые ковры, образцы которых, относящиеся к XVIII в., дошли до нас.

В сел. Хиля существовала в то время «кархане» — ткацкая мастерская по выделке ковров. По-видимому, эта подать взималась с ковроткаческих мастерских на Апшероне.

Джуфт-баши — сбор с каждого джуфта, т. е. с упряжки быков, упоминается в вышеуказанных фирманах⁷⁷.

Мал-и баг — подать с сада, о ней как о подати, взимаемой на Апшероне, упоминается в фирманах шаха Аббаса I 1015 г. х. (1607 г. н. э.) и шаха Аббаса II 1060 г. х. (1650 г. н. э.) на имя Биби-Эйбатских шейхов. Судя по документам, этот сбор равнялся 1/10 доли урожая плодов⁷⁸. Такая подать, как видно, взималась и с жителей города, если они имели сад в городе или в окрестностях его.

Авариз — чрезвычайные обложения и повинность работой, налагаемые местными властями на раййатов. В ханский период, во второй половине XVIII в. — начале XIX в., термин «авариз» — («эврез») имел специальное значение. Вся деревня должна была работать сообща в пользу

землевладельца сверх обязательных дней барщинных работ (бигар) в пользу того же владельца. В то время в году было от 3 до 9 дней барщины в пользу землевладельца и сверх того 2 дня эвреза. Кроме того, эврез отбывался сельской общиной сообща в случае какой-либо чрезвычайной работы в пользу землевладельца — постройки дома для него, мельницы и т. д.⁷⁹ Этот налог, по-видимому, распространялся и на раййатов города.

К городскому населению Баку относились, кроме названных, следующие налоги:

Савери — добровольные дары. Под «савери» при Сефевидях понимались «подношения» (фактически обязательные) раййатов и вообще податного населения феодальным владельцам, чиновникам, военным людям⁸⁰.

Пишкеш — добровольное подношение (фактически обязательное), собираемое с раййатов под видом «подарка» феодальным владельцам, чиновным людям и самому шаху. Последнему пишкеш подносился эмирами и сановниками, собиравшими предварительно с населения средства, необходимые для приобретения подарков шаху⁸¹.

Юртанэ встречается в перечне податей, взимаемых на Апшероне и в Ширванской области, в сефевидских документах, выданных на имя Биби-Эйбатских шейхов. По-видимому, подымная (с каждого «дыма», т. е. жилища или семейства) или посемейная подать. Упоминание об этой, подати под названием «отах-харджи» часто встречается в документах второй половины XVIII — начала XIX вв.⁸²

Черик (войско, феодальное ополчение). При Сефевидях эта повинность — отбывание военной службы — распространялась на кочевые племена и на му'афов, черик собирался по мере надобности по приказу шаха или местного беглярбека. Племенные начальники поставляли в черик определенное число воинов из своих племен, которые и на войне продолжали группироваться по племенным объединениям⁸³. Наряду с хакимом в Бакинской улька значительную роль играл наследственный начальник местного феодального ополчения (черик) Дергах-Кули-бек сын Гейбат-бека⁸⁴.

По данным «Тазкират ал-мулюк», в первой четверти XVIII в. поставлявшиеся хакимами Баку кадры феодального ополчения (черик) в это время составляли 100 человек⁸⁵.

Помимо описанных выше податей и повинностей раййатов, описанных в официальных документах, существовал еще ряд повинностей, например, охота (шикар). Облавная охота крупных феодалов на Апшероне описана у ряда путешественников. Привлечение к участию в этой охоте крестьян в виде повинности было связано с обычным порядком таких охот. Путешественник Лерх описывает охоту на джейранов на Апшероне в 1733 г., организованную Селим-ханом с участием его сына Гаджи и Маштагинским Даргах-султаном: «От мест, питающих беспрестанный огонь, ехали мы через одну деревню, называемую Кали*, где много растет травы солянки; потом продолжали путь наш далее через большую деревню Синсен**, к узкому концу полуострова на приготовленную охоту диких коз***. Для сей ловли собрано было из всех деревень несколько сот мужиков с ружьями, стрелами, дубьем и собаками. Все сии должествовали составить линии от одного морского берега до другого; и так положили мы, не разрывая линии, итти к узкому концу полуострова, дабы загнать перед собою диких коз в узкое место, где они для множества различных соленых трав охотно держались. Здесь соединился с нами Дарга султан с несколькимистами человек. Бедные козы, приметив под'иски и бросясь целым стадом на нашу линию, несмотря ни на крик, ни на пальбу, ни на удары наши, скакали сквозь и чрез людей, что было удивительно; но вскоре их много побили. Другие опасались, когда мы их более в тесноту загоняли, переплывая через залив шириною в четверть версты на остров, называемый Святым, который в длину имеет 7 верст...»⁸⁶. Таковы сведения Лерха об охоте на Апшероне и о повинности «шикар».

В городах существовал также ряд других налогов и повинностей, не отмеченных в указанных фирманах, относящихся к Баку. Одним из больших налогов, взимававшихся с торговцев и купцов в городе, была тамга.

Тамга не распространялась на ремесленное производство. Ремесленники платили этот налог лишь при продаже своих изделий, а не при их изготовлении⁸⁷. Взимание тамги распространялось как на крупную, оптовую, так и на мелкую торговлю. Тамга была государственным налогом и составляла одну из самых доходных статей казны. Городское население страдало не только от

* Сел. Кала на Апшероне.

** Вероятно, сел. Гоусан на Апшероне.

*** Дикими козами Лерх называл джейранов.

тяжести этих сборов, но и от злоупотреблений сборщиков и откупщиков налогов. Увеличение этого налога пагубно отражалось на развитии торговли в городе⁸⁸.

Другим налогом с торговли был бадж. Бадж взимался с приезжих купцов за провоз товаров по торговым путям⁸⁹ у городских ворот и на пристани, где стояли суда. Эта пошлина была тяжелой для городского населения и тормозила развитие торговли.

Существовали также дорожные пошлины и таможенный сбор с товаров, называемый рахдари. Указанные пошлины взимались с самых различных товаров, ввозимых и вывозимых из города, и составляли значительную статью доходов казны⁹⁰. По сведениям Шардена и Тавернье, пошлина взималась не по стоимости товаров, а с каждого вьюка верблюжьего, лошадиного или ослиного (харвар)⁹¹. Пошлина с товаров в разных городах была различной.

Одним из налогов, взимавшихся в городах с ремесленников и торговцев, был бониче⁹². По словам Шардена, с лавки ремесленника взыскивали налог под названием бониче в десять су (аббаси в это время был равен 18 су. — С. А.), а с лавки перепродавца ремесленных изделий брали 20 су (немного больше аббаси. — С. А.)⁹³. По сообщению Шардена, налог этот не распространялся на ремесленников, работавших для нужд шаха, т. е. на ремесленников карханэ⁹⁴. Данные «Газкират ал-мулук» и исследования В. Минорского показали, что под бониче подразумевалась графа реестра поступлений в Диван, согласно которой общая сумма, собираемая с ремесленных цехов, распределялась между отдельными цехами и их членами⁹⁵.

Все ремесленные цехи платили шаху определенную сумму денег, которая взималась со всех ремесленников, причем каждый из них облагался налогом соответственно его заработку⁹⁰. По-видимому, под бониче надо понимать налоги, взимаемые деньгами с цехов и гильдий, согласно особой графе реестра податей, поступавших в Диван, и списку, соответственно доходам каждого ремесленника и торговца.

В «Газкират ал-мулук» дается следующее описание процедуры взимания бониче; в течение первых трех месяцев каждого года калантар и накиб* назначают своего представителя для созыва всех цехов (asnaf) и собирают их в доме накиба⁹⁷. Обязанностью накиба является установление суммы обложения эснафов бониче. «К их взаимному удовлетворению он устанавливает бониче каждого эснафа соответственно закону, праву, разуму, обычаям и правилам страны. Для этой цели он пишет список (tumar), скрепляет его печатью и передает его в ведомство калантара...»⁹⁸. После этого, посредством чеков, скрепленных печатью везира, калантара и мустофия, суммы, которые согласно книгам причитаются Дивану (mutavaj-ja'hat-i divani), от каждого цеха берутся и делятся на части (havala-va-muhassas); калантар берет у них тауджих (taujih) внутри каждого цеха, в соответствии с бониче, и сборщики (muhassil) Дивана соответственно собирают суммы⁹⁹.

Бониче был распространен в городах Азербайджана¹⁰⁰. В городах и селах существовал налог «тэин», представлявший собой определенную сумму, которая выплачивалась послу иностранного государства и его свите для ежедневных расходов в течение всего времени пребывания посольства в городе¹⁰¹. По-видимому, этот налог был подобен коналге, но взимался деньгами. Хан приставлял к послу мехмандара, чтобы тот в пути подыскивал послу квартиру и в каждой новой местности собирал тэин для него. Иезуитский миссионер (XVII в.) описывает селение в Талыше, дома которого были покинуты, как только прошел слух о приближении посла. Жители скрылись вместе со своим имуществом, чтобы избежать платежа тэина, однако несколько человек было поймано, и мехмандар приказал наказать их палками¹⁰².

С конца XVII в. и в первой четверти XVIII в. отмечается общее повышение податей, связанное с усилением феодальной эксплуатации и произволом местных владельцев¹⁰³. Тяжесть податей и повинностей усиливалась из-за злоупотреблений и насилий феодалов и финансовых чиновников. Большое количество податей и повинностей тяжелым бременем ложилось на трудовое население города и окрестных селений, подрывая производительные силы общества, разрушая экономику страны.

Некоторые сведения о налогах, взимавшихся в Баку и на Апшероне, отражены в надписи, вырезанной на камне и вставленной в основание минарета Джума-мечети в крепости Баку. Надпись эта, являющаяся копией фирмана, изданного шахом Аббасом I, прежде находилась над входом в более старую Джума-мечеть, на месте которой в начале XX в. была построена новая мечеть.

Фирман, относящийся к 1024 г. х. (1615 г.) сообщал об освобождении шиитов, проживающих в «ёлке Бадкубе Ширвана», от некоторых налогов, взимаемых в месяце рамазан. В указе говорилось, что

* Накиб был заместителем и помощником калантара.

с начала года Зайца, шах упразднил «...кроме отданного в откуп товджихата их (шиитов. — С. А.) одномесячный малуджихат, приходящийся на благословенный месяц рамазан...»¹⁰⁴. Далее в фирмане говорилось о том, «...(чтобы) упразднили в этом постановлении годовой тиул и жалование. Назначенное им (тиулдарам) жалование включается в Диван ассигновок (Диван-хавале). Чтобы малуджихат указанного города из года в год уменьшали, а остаток превратили в капитал владетелей ассигновок (арбаб хавалат). (Чтобы) владетели тиула упомянутой ѓлке выполнили так, как это указано в фирмане. (Чтобы) они считали снятым месячный доход из своего тиула в отмеченный месяц и ничего не требовали у раййатов: и калантар, и кетхуда, и агсаккалы в действительности (должны знать), что, если среди шиитов будет суннит, или если там будет кто-либо, прибывший из других мест, то это облегчение к ним не относится (т. е. они от этой подати не освобождаются. — С. А.)¹⁰⁵. Этот фирман перечисляет виды податей, существовавших в начале XVII в. в Баку. По-видимому, отданный на откуп товджихат являлся частью малуджихата и взимался деньгами.

Как видно из фирмана, некоторые налоги в XVII в. отдавались на откуп.

Далее говорится о виде пожалования — тиуле, который жаловался сроком на год. После отмены годового тиула, т. е. права собирать налоги взамен жалования с пожалованной территории, тиулдары должны были получить назначенное им жалование в Диване ассигновок (Диван-хавале). Взимание малуджихата из года в год уменьшалось в связи с указом, а оставшаяся сумма этого налога должна была поступать в Диван ассигновок, как фонд капитала владельцев ассигновок (арбаб хавалат). Как видно из текста, малуджихат собирался для покрытия издержек тиулдаров, которые в основном состояли из местных государственных чиновников и воинов.

Указанная надпись подтверждает сведения Искендера Мунши о том, что шах в 1024 г. х. (1615 г.) «пожертвовал шиитам всех областей Ирана диванский поземельный налог и арендную плату с недвижимых имуществ в части, приходящейся на месяц рамазан...»¹⁰⁷.

Это мероприятие было вызвано, по-видимому, желанием облегчить тяжелое положение части податного населения Апшерона и Баку, разоренного войнами. Отмена налогов на короткое время распространялась только на шиитов, пользовавшихся привилегией в связи с политикой, проводившейся шахом.

Упомянутые в надписи некоторые должностные лица — калантар, кедхуды и агсаккалы играли важную роль в городском управлении. По сведениям «Тазкират ал-мулук», в обязанности калантара входило назначение старост (кедхуда) городских кварталов и агсаккалов (старейшин цехов)¹⁰⁸. Жители каждого квартала и члены каждого цеха и гильдии выбирали одного из членов, заслуживающего доверия, составляли для него свидетельство и устанавливали ему жалование. Документ, узаконенный печатью накиба, заместителя и помощника калантара, приносили калантару и получали от него свидетельство (ta'liqa) и почетную одежду для своего кандидата, после чего тот начинал управлять их делами¹⁰⁹.

Отдельные служащие Дивана* находились в подчинении калантара. В обязанности калантара входило рассмотрение решений, принятых на цеховых собраниях, относительно суммы бониче и других дел, имеющих отношение к профессии ремесленников, для того чтобы «практика согласовалась с правом, разумом и обычаями страны»¹¹⁰. Когда жалоба о виновнике насилия или притеснения раййатов, т. е. крестьян, ремесленников и мелких торговцев, доходила до калантара, в обязанность последнего вменялось действовать в качестве поверенного. Если калантар сам не мог получить возмещения, он докладывал о деле представителям Дивана¹¹¹.

Суммируя деятельность калантара и накиба, можно сказать, что калантар назначал кедхуд, в городах содействовал распределению налогов среди цехов, формулировал пожелания последних, защищал раййатов¹¹². По замечанию Шардена, звание «калантар» соответствует званию мэра — «prevot de ville»¹¹³. Объяснения Кемпфера также подтверждают это¹¹⁴.

Накиб был заместителем и помощником калантара. По-видимому, оба выбирались из среды местной знати, хотя сведений об этом в источниках нет¹¹⁵.

Важным должностным лицом в городе Баку был даруга, упоминаемый в фирмане шаха Аббаса II от 1066 г. х. (1656 г.), относящемся к мазару Биби-Эйбат¹¹⁶. Даругой называли городского чиновника, назначаемого местным хакимом, обязанность которого состояла в охране общественного порядка в городе и на базаре. Функции его были административно-полицейского порядка¹¹⁷. В XVII—XVIII вв. даруга ведал в Баку сбором податей в пользу Дивана¹¹⁸. Его обязанностью было также контролирование мер и весов на рынках, взыскивание пошлин и

* Диван — финансовое ведомство.

штрафов. По «Тазкират ал-мулук» даругой был чиновник, исполнявший обязанность префекта полиции и имеющий некоторые судебные полномочия. Однако в последнем он подчинился диван-беги, находившемуся в Исфахане¹¹⁹. Даруга ведал городским судом и мог присудить виновного к различным наказаниям: палочным ударам, колодкам, штрафам. За воровство виновному отрубали нос, уши, пальцы и т. д. К смертной казни мог присудить только шах, диван-беги и кроме ханов, некоторые султаны.¹²⁰

Согласно Шардену и «Тазкират ал-мулук», жалование даруги составляло от 300 до 500 туманов¹²¹. Однако он имел большие доходы от взяток, различных штрафов и поборов. Помощником даруги являлся ахдас или мир-шаб (ночной начальник), который со стражей в ночное время охранял базар, обходя городские кварталы, следя за порядком. Он же отвечал за сохранность имущества жителей. Если ахдас обнаруживал ворованные вещи, то получал $\frac{2}{6}$ из них, а в случае, если было совершено воровство, но вор не был найден, он должен был уплатить владельцу стоимость украденных вещей¹²². Сбором налогов в городе Баку ведали чиновники Дивана, называемые уммаль или амиль¹²³.

Значительную группу городского населения составляло купечество. В городах глава купеческой гильдии именовался малик ат-туджжар, «prevot des marchands», который выбирался самими купцами¹²⁴. Глава купцов должен был принимать решения в торговых спорах и тяжбах, а также наблюдать за работой ткачей, красильщиков и т. д.¹²⁵.

В городах были помощники (на'иб) мухтасиб ал-мамалика. Обязанность последнего состояла в утверждении списков цен на товары, представленные старейшинами цехов и гильдий, а также в наблюдении за рынками¹²⁶. Если кто-либо из купцов нарушал установленные мухтасибом цены, то к нему применяли «тахта-кюлах» (деревянный колпак)¹²⁷. Шарден так описывает этот способ наказания: «...им продевают шею в толстую деревянную доску, подобную нашим походным позорным столбам. Они носят эту доску на плечах с колокольчиком спереди. На голову им одевают высокий соломенный колпак и прогуливают в их квартале, где чернь их освистывает»¹²⁸.

В городе было несколько категорий купцов: крупные купцы, занимавшиеся оптовой торговлей, — совдакары, затем таджиры, которых называли ходжа, тесно связанные с внешней торговлей морским и караванными путями. Купцы занимались в Баку и посреднической торговлей, главным образом, сбытом шемахинского шелка-сырца. Особое положение занимали купцы-индусы, владевшие большими капиталами и игравшие роль банкиров-ростовщиков и посредников, главным образом, в караванной торговле между Индией, Ираном, Средней Азией и другими странами Востока. Индийские купцы, имевшие торговые колонии в Кабуле, Кандахаре, в Бендер-Аббасе, Ширазе, Исфахане, Шемахе и Баку, а также в Бухаре и Балхе, поддерживали тесные экономические отношения с Индией, торговали товарами местного и индийского производства¹²⁹. Главными предметами торговли индийских купцов были пряности и различные шелковые, парчовые и хлопчатобумажные ткани индийского производства, а также шали из Кашмира — тирмя, оружие, драгоценные камни и жемчуг. В XVII—XVIII вв. в Баку крупной торговлей шелком занимались также приезжие из Ирана местные купцы, возившие товары в Россию и дальше — в страны Западной Европы.

Помимо доходов от торговли, крупные купцы получали большие доходы от откупов, которые сдавались государством. Так, например, в указанной выше надписи в Баку упоминается налог теуджихат, отданный на откуп¹³⁰. На откуп сдавали нефтяные и соляные промысла, монетный двор, базары и т. д. Крупное купечество было тесно связано экономически и политически с феодалами и чиновничьей аристократией города. Представители его часто занимали высокие административные должности. Другой категорией городского купечества были мелкие торговцы, владевшие лавками, в которых они сбывали изделия ремесленников. Согласно сведениям «Тазкират ал-мулук», купцы подчинялись городской администрации, главным образом хакиму и калантару.

Значительную группу городского населения составляли ремесленники. Источники ничего не сообщают о положении ремесленников в Баку. По сохранившимся старинным названиям кварталов в крепости Баку можно предположить, что они селились в отдельных кварталах, например, квартал «хаккакчилар», т. е. резчиков по камню.

Материалы более поздних источников подтверждают размещение в определенных рядах и кварталах Баку ремесленников одной и той же профессии: медников, кузнецов, кожевников, красильщиков, ювелиров, сапожников и т. д.¹³¹. Большое количество мечетей (более 20) на сравнительно небольшой территории старой крепости Баку позволяет предположить существование около 20 городских кварталов, так как обычно в средневековых городах Азербайджана в каждом

квартале имелась квартальная мечеть. Купцы и ремесленники, по-видимому, жили близ гавани, где помещался базар и где были расположены караван-сарай. Ремесленники располагались в своих мастерских и лавках, где они обычно сбывали свои изделия, на базаре или в близлежащих кварталах.

Городских ремесленников можно разделить на две категории — ремесленников-единоличников и ремесленников, работавших в крупных феодальных мастерских-карханэ. В селении Хилэ на Апшероне существовала карханэ, где изготовлялись ковры.

Ковроткачеством занимались как ремесленники мужчины в карханэ, так и женщины на дому. Ковроткачи, объединенные в карханэ, работали в тяжелых условиях. Ремесленник-ткач нередко всей семьей работал на феодала, не вставая со своего места у станка в течение целого дня, стараясь выполнить дневную норму. Хозяева карханэ жестоко эксплуатировали ремесленников-ткачей, используя даже труд детей¹³².

Большие ремесленные мастерские карханэ существовали почти во всех крупных городах Ширвана. Они обслуживали дворец беглярбека и крупных феодалов Ширвана, получавшими в большом количестве дорогие ткани и одежду, ковры, оружие, посуду, которые также в виде подарков преподносились шаху и послам¹³³. Из-за того, что рынки не могли обеспечить потребности феодалов в указанных вещах, они заказывали их в созданных для этой цели карханэ. Институт карханэ существовал задолго до XVII в. Большие казенные мастерские, бывшие в городах Ближнего Востока еще со времени халифата, получили большое распространение при монголах, которые использовали пленных ремесленников-рабов¹³⁴. В связи с развитием товарно-денежных отношений, карханэ в XVII в. и в первой половине XVIII в. значительно отличались от карханэ предыдущих веков тем, что в них появляются черты мануфактурного производства, где работали относительно свободные квалифицированные ремесленники, производящие товары на рынок и работающие на феодалов¹³⁵. Однако феодальный способ производства тормозил развитие карханэ в подлинную мануфактуру европейского типа. Мы не располагаем данными источников о внутренней организации карханэ, однако сведения Шардена, де Тевено, дю Мана и других путешественников о ремесленном производстве в городах Сефевидского государства позволяют предположить, что в нем существовало техническое разделение труда. Карханэ, по-видимому, создавались по отдельным отраслям ремесленного производства. В городах Азербайджана существовали карханэ, в которых изготовлялись ковры, ткани, одежда, оружие, керамика и другие вещи. Помимо карханэ, в городах существовали лавки ремесленников, где производились ремесленные изделия для рынка¹³⁶.

По замечанию Шардена ремесленники были умны, терпеливы, способны и если бы им платили щедро, то они работали бы великолепно¹³⁷. Труд ремесленника не стимулировался так, как это было в Европе, в независимых городах-коммунах, где ремесленники, объединенные в цехи, могли свободно производить изделия и сбывать их на рынке. В городе или его окрестностях, по-видимому, были ткацкие карханэ, где выделяли хлопчатобумажные ткани, известные под названием «бакинские кумачи». Ремесленники, находившиеся в зависимости от феодалов, владевшими карханэ, базарами, торговыми рядами, караван-сараями, средствами производства и сырьем, отбывали определенную повинность или же получали мизерную плату за свой труд. Мы не обладаем сведениями о количестве ремесленников, работавших в карханэ. По-видимому, число их в ковроткацких и ткацких мастерских не превышало 5—6 человек.

Ремесленники-единоличники выплачивали различные налоги и отбывали феодальные повинности. Некоторые ремесленные мастерские принадлежали вакфу. Ремесленники, работавшие в этих мастерских, выплачивали мутавалли продуктовую или денежную ренту. Ремесленники Баку, очевидно, были объединены в цеховые организации (эснафы или амкарства) как и в других городах Азербайджана. Однако эти организации не имели такого значения, как в городах Западной Европы. Они занимались главным образом регулированием налогов, утверждением глав цехов и мастеров¹³⁸. Хотя Шарден утверждает, что члены цехов никогда не встречались и что их организация была вполне свободной¹³⁹, однако данные «Тазкират ал-мулук» говорят о том, что цехи проводили профессиональные собрания¹⁴⁰. Когда цех назначал кого-либо устатом, то он признавал квалификацию указанного человека. После составления документа об избрании устата, его приносили калантару, который выдавал свидетельство¹⁴¹. Мастер цеха работал совместно с одним или несколькими учениками в ремесленной мастерской¹⁴², которая одновременно являлась местом сбыта (дуكان-лавкой) ремесленных изделий. По свидетельству Шардена, ученик, обучающийся у мастера ремеслу, получал плату с первого же дня по соглашению. Никаких письменных обязательств между мастером и учеником не было. Мастер мог в любое время

прогнать ученика, так же как и ученик мог свободно уйти от мастера¹⁴³. Существовали также свободные ремесленники, не входившие в цехи.

Ремесленник, работавший в своей лавке и сам сбывавший свои изделия, мог быть отнесен к разряду мелких торговцев. На гравюре, относящейся к концу XVIII в., с изображением крепостной части Баку, видна открытая лавка ремесленника, в которой работают двое. У входа в лавку выставлены ремесленные изделия, похожие на медную посуду¹⁴⁴.

Мы не располагаем сведениями о цеховых уставах и регламентации самого производства. Сохранились лишь некоторые трактаты, называемые рисале, в которых содержатся предания о ремесле и наставления ремесленникам. Одна из таких рисале относится к городу Баку¹⁴⁵, что говорит о существовании цеховых организаций в этом городе. Цехи являлись посредниками между городской администрацией и ремесленниками и в основном выполняли административно-налоговые функции. Самоуправление существовало внутри цехов, а в основном как цехи, так и члены эснафов (ремесленники) были зависимы от калантара, феодальных хозяев города, купцов и владельцев торговых рядов и лавок. Судя по эпиграфическим данным, среди ремесленников привилегированное положение занимали зодчие—ме'мар, имена и нисба которых обычно фиксировались на памятнике, и ювелиры, украшавшие орнаментом дорогое оружие и посуду. Помимо ремесленников, лиц различных профессий и торговцев, в Баку проживали крестьяне, покинувшие окрестные села и занимающиеся поденной работой за мизерную плату, лодочники, рабочие-судостроители, носильщики, амбалы, перетаскивающие товары в гавань и т. д. В городах жили также дервиши и беднейшие слои городского населения «аджа-мирэ ва оубаш — чернь и подонки». Кроме этих названий в источниках встречаются такие термины как ринд (мн. ч. рунуд), фитийан, джеванмард, означающие молодой человек, чернь, толпа, смутьяны, повесы¹⁴⁶. Эти термины тесно связаны с социальными движениями городов Ближнего Востока, восстаниями горожан в Азербайджане, в Байлакане, Шемахе и в других странах Закавказья, о которых мы имеем очень мало сведений. О положении этой прослойки городского населения источники почти ничего не сообщают.

**БАКУ — СТОЛИЦА БАКИНСКОГО ХАНСТВА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII—НАЧАЛО XIX вв.)****1. Политическая история**

После убийства Надир-шаха в 1747 г. междоусобная борьба родичей шаха и феодалов за шахскую власть, появление самозванцев, вызывающие народные волнения, нападения афганцев и узбеков на афшаров убийц шаха, грабежи и убийства, безначалие и беспорядки, экономический упадок страны обусловили распад его огромной империи на ряд феодальных государств. В Азербайджане в это время образовался ряд независимых ханств, среди которых одним из значительных было Бакинское ханство с центром в Баку.

Мирза-Мухаммад-хан (1747—1768 гг.), сын Дергах-Кули-хана, опираясь на войска и свое положение приближенного офицера Надир-шаха, захватил власть в свои руки и изгнал правителя Баку, ставленника шаха¹. Султаном города Баку был назначен Селим-хан; селениями Апшерона управлял наиб с несколькими юзбаша², которые относились к бекскому сословию. В это время гарнизон города Баку состоял из 200 человек. В гавани Баку стояло 6 российских кораблей, из них три военных под начальством двух лейтенантов — Граблинова и Рагузе — и три судна купеческих³. Близ Баку (1 сентября 1747 г.) в бухте стоял построенный под наблюдением английского капитана Джона Эльтона 18-пушечный шахский фрегат⁴. В эти годы в Бакинской крепости не было пушек и других орудий для защиты города от нападения. Поэтому бакинский хан, опасаясь русских офицеров, сопровождавших посольство князя Голицына в Иран и прибывших в это время в Баку, велел запереть городские ворота, запретив впускать их в город. Он относился недоброжелательно к русским купцам, которые там проживали⁵.

Положение в Иране в связи с феодальными междоусобицами и народными волнениями продолжало оставаться напряженным. Народные движения возникали, по-видимому, и на территории ханств, так как, по словам Лерха, в конце 1748 г. бакинский хан совместно с дербендским и шемахинским ханами вели борьбу с мятежниками, которых вытеснили из своих областей⁶.

В течение 20-летнего правления Мирза-Мухаммад-хан занимался восстановлением экономики страны, находившейся в состоянии глубокого упадка, способствовал развитию торговли. Будучи адмиралом, он руководил кораблестроением как для транспортировки товаров, так и для военных целей⁷.

После Мирза-Мухаммад-хана, умершего в 1768 г., бакинским ханом становится его сын Мелик-Мухаммад-хан, который еще при жизни отца управлял ханством⁸. Мелик-Мухаммад-хан был женат на сестре Фатали-хана кубинского Хадидже-бике, которая по настоянию брата своего вышла замуж за бакинского хана и имела большое влияние на него. Хадидже-бике была умна, имела твердый и властный характер. Она фактически управляла ханством, проводя политику, продиктованную ее братом Фатали-ханом Кубинским. Фатали-хан, сильно возвысившийся в это время, покорив несколько ханств, этим браком подчинил своей власти и Баку. Бакинский хан получал большие доходы от нефти и соли (30—40 тыс. руб. в год). Прежде он платил Фатали-хану подати деньгами, продуктами и поставлял ему воинов для охраны границ от нападений лезгин и вторжений войск соседних ханов. После женитьбы Мелик-Мухаммад-хан был освобожден от этих податей, он должен был поставлять войска, снабженные провиантом, и помогать Фатали-хану в случае нужды⁹. Между Фатали-ханом и Мелик-Мухаммад-ханом было заключено соглашение, согласно которому последний признавал себя вассалом Фатали-хана¹⁰. Частые нападения соседних феодальных владетелей на Бакинское ханство были причиной этого соглашения. В 1765 г. Фатали-хан, овладев Дербендом, захватил дербендского хана Мухаммад-Хусейна, ослепил его и отправил вместе с пятилетним сыном Али-беком сначала в Кубу, а потом в Баку, где Мухаммад-Хусейн-хан и находился до самой смерти (1768 г.). Али-бек же находился у бакинского хана до 1796 г.¹¹

В 1770 г. проездом в Иран Баку посетил российский академик Самуил Готтлиб Гмелин. Он ехал по поручению императрицы Екатерины II обследовать естественные богатства прикаспийских областей и Ирана. Кроме того, Гмелин имел секретное задание выяснить экономическое и политическое состояние этих областей с целью осуществления планов завоевания прикаспийской зоны Азербайджана и Ирана. Однако бакинский Мелик-Мухаммад-хан, так же как и Фатали-хан, поняли истинные цели путешествия Гмелина и потому, приняв его, с подозрением следили за ним,

чтобы он не выведал слишком много. 1 августа Гмелин был принят Мелик Мухаммад-ханом, который был уже осведомлен о том, что тот осматривал нефтяные колодцы Апшерона. Хан был очень недоволен этим и спросил Гмелина: «дозволили б в России чужестранцу осматривать такие вещи...»¹². Гмелин был плохо принят ханом, который установил за ним слежку, считая его шпионом. Хан остался недоволен и подарками, поднесенными ему Гмелиным. Он сказал, что «подарен такими вещами, кои назад отослать удержали его одни только законы учтивости»¹³.

Гмелин описывает дом, где жил Мелик Мухаммад-хан: «Находящийся при самом море Ханской дом, который теперь починивают, и при котором есть веселый сад, от всех прочих строений стоит отделенно однако нынешний хан за городом, на Северо-западной онаго стороне, пониже вала, не далеко от моря, очень недавно построил еще лучший на Восточно-европейский вкус заложенный другой дом, в котором в бытность мою и жил с обеими своими женами»¹⁴.

По описанию Гмелина видно, что город Баку в это время был хорошо укреплен. Ров находился на северо-западной стороне города на сухом бугре и с морем не соединялся. Там было расставлено свыше сорока мортир и пушек¹⁵.

По сведению Гмелина, «Мелик Мамед не в великой любви у подданных своих находится. Они жалуются, что он всегда на них накладывает для заплаты такую сумму денег, которой они почти собрать не могут. Те, коих он еще хорошего мнения, или кои не смеют говорить правду, описывают его чрезвычайно богатым и тем подтверждают жалобы, происходящие на его прихоти»¹⁶. По сведениям С. Д. Бурнашева — уполномоченного русского правительства в Грузии, описывающего состояние городов Азербайджана 80-х годов, у бакинского хана Мелик-Мухаммада, который был в зависимости от дербендского хана, войска было не более 500 человек¹⁷. Бакинский хан, будучи верным вассалом Фатали-хана, принимал участие в войнах кубинского хана вместе со своим ополчением. Феодалные междоусобицы между отдельными ханами не прекращались. Бакинский хан был также вовлечен в эту борьбу и воевал на стороне Фатали-хана как подвластный ему хан и связанный с ним родственными отношениями. Мелик-Мухаммад-хан принимал участие в сражениях Фатали-хана против Агаси-хана шемахинского и Нуцал-хана аварского в 1188 г. х. (1774 г.), происходивших в Ширване, под Шемахой¹⁸. В это время усмий Эмир-Хамза, возвращаясь с похода против Фатали-хана, пошел на Баку, пытаясь захватить его, но будучи не в состоянии взять хорошо укрепленную крепость, он опустошил окрестности и возвратился назад¹⁹.

В 1199 г. х. (1785 г.) Агаси-хан, ослепленный ранее Хусейн-ханом шекинским, был побежден Фатали-ханом и вместе с сыновьями Ахмад-беком и Мухаммад-беком был сослан в Баку, где в 1202 г. х. (1788 г.) они все были умерщвлены по приказанию Фатали-хана²⁰.

В начале 1779 г. Бакинский хан Мелик-Мухаммад с согласия своего зятя Фатали-хана поехал к Ибрагим-хану Карабахскому с целью примирить его с Фатали-ханом, враждовавшим с ним уже год. Но Ибрагим-хан отнесся подозрительно к его посещению, задержал его и держал в плену 2 года, освободив только после того, как Фатали-хан и его союзники собрали в Кубе до 8 тысяч войск и выступили против Ибрагим-хана. Мелик-Мухаммад-хан вернулся в Баку в январе 1781 г.²¹.

В феврале 1779 г. после смерти правителя Ирана векиля Керим-хана Зенда в Иране начались междоусобицы. В это время российские купцы, притесняемые бакинским ханом, и консул оставили Баку и переехали в Астрахань²². Русское правительство, воспользовавшись политической ситуацией, стало готовить в Астрахани экспедицию в Иран. В июне 1781 г. из Астрахани в Астрабадский залив отправилась небольшая эскадра в составе 443 человек под командой графа Войновича. Целью ее было основать факторию на одном из островов залива для торговых сношений с Индией.²³ Все это, а также известия о военных приготовлениях русских, сильно встревожили правящие круги Ирана и Турции. Создавшаяся политическая ситуация обеспокоила также бакинского и дербендского ханов, скрывавших свои богатства в горах²⁴. В это время государственными делами Бакинского ханства ведал Фатали-хан. Фактически он управлял ханством, о чем свидетельствует следующий факт. В конце июня 1782 г. на обратном пути корабли эскадры графа Войновича вошли в Бакинский порт с целью устрашить бакинского хана «за утеснение ими российского купечества»²⁵. По прибытии в Бакинский порт эскадра была встречена приветственным залпом из 11 пушек с крепостных стен города Баку²⁶. Фатали-хану, находившемуся в это время в Кубе, сообщили о прибытии эскадры во главе с графом Войновичем в Баку. 9 августа Фатали-хан прибыл в Баку и послал к графу Войновичу послов с поздравлением и с предложением своих услуг. Граф Войнович ответил на его приветствие и передал, что желает урегулировать с ним некоторые вопросы, касающиеся российских купцов, торгующих в Баку и Дербенде²⁷. 13 августа они встретились для ведения переговоров²⁸.

Как сообщает Габлиц, переговоры между ханом и Войновичем продолжались до конца августа

и закончились тем, что Войнович получил удовлетворение всех своих требований и взял с хана обязательство, весьма выгодное для торговли российского купечества²⁹.

Хаджи-Мелик-Мухаммад-хан был еще жив в 1782-1783 гг., являлся бакинским ханом, но подчинялся верховной власти Фатали-хана, который фактически управлял Бакинским ханством.

А. К. Бакиханов дает Мелик-Мухаммад-хану такую положительную характеристику: «В 1196 г. (1781 г.) Хаджи-Мелик-Мухаммад, сын Хаджи-Мирзы-Мухаммад-хана, (хан) бакинский, справедливый и кроткий человек, отправляясь в Неджеф, близ Багдада, на богомолье, где и умер, оставил ханский престол своему одиннадцатилетнему сыну Мирзе-Мухаммад-хану II, назначив ему опекуном Фетх-Али-хана, родного его дядю, по матери»³⁰.

Однако дата смерти Мелик Мухаммад-хана (1781 г.), приведенная Бакихановым, неточна; дата его смерти — 1784 г., указанная сыном Мелик-Мухаммад-хана, более правильная³¹. Фатали-хан кубинский, которому подчинялось несколько ханств Азербайджана овладел всем Ширваном. Несовершеннолетний его племянник, Мирза-Мухаммад-хан II бакинский, находился под его опекой³². Фактически ханством управляла регентша, мать малолетнего хана Хадидже-бике.

В 1789 г. Фатали-хан внезапно заболел. Почувствовав, что ему уже не поправиться, он поспешил в Баку к своей сестре Хадидже-бике-ханум, где и умер на 53-м году жизни в 1203 г. х. (22 марта 1789 г.)³³, о чем гласит надгробие из мрамора³⁴, бывшее на его могиле на кладбище во дворе мечети в селении Шихово. Мирза-Мухаммад-хан II был женат на дочери Фатали-хана, его двоюродной сестре Хан-бике ханум, сестре Шейх-Али-хана.

В 1205 г. х. (1791 г.) возникли разногласия между старшим сыном Фатали-хана, его преемником Ахмад-ханом и Мирза-Мухаммад-ханом II бакинским, благодаря интригам его дяди по отцу, Мухаммад-Кули-ага, сына Мирза-Мухаммад-хана I, который обещал платить подать Ахмад-хану, если тот поможет ему овладеть Бакинским ханством³⁵.

Междоусобицы между ханами в бакинском ханстве происходили главным образом из-за нефтяных промыслов, приносящих огромные доходы.

По сообщению Бакиханова, Ахмад-хан под видом похода в Сальян послал часть войска в Баку против Мирза-Мухаммад-хана II, который ничего не подозревал. Прибыв тайно в Баку, Мухаммад-Кули-ага собрал своих приверженцев и подготовил, таким образом, покорение крепости. Сражение произошло в самом городе. В результате Мухаммад-Кули-ага овладел всеми укреплениями, а Мирза-Мухаммад хан II был пленен и отправлен в Кубу. Однако Мухаммад-Кули-хан, утвердившись в Баку, отказался от обещанной Ахмад-хану Кубинскому подати. Последний, раскаиваясь в своем необдуманном поступке, отправил Мирза Мухаммад-хана II с войском для взятия крепости Баку. Мухаммад-Кули-хан, опасаясь измены жителей, позволил им разграбить богатую казну Мирза-Мухаммад-хана I, приобретенную им при Надир-шахе. После нескольких неудачных приступов, отражаемых самими жителями города, Мирза-Мухаммад-хан II, вынужден был возвратиться в Кубу³⁶.

Бутков описывает эти события несколько иначе. По его сведениям, бакинский хан Мирза-Мухаммад, племянник Фатали-хана, хотел освободиться от той зависимости перед Ахмад-ханом, в какой он был у Фатали-хана. Поэтому Ахмад-хан решил низложить его и сделать ханом его дядю Мухаммада-Кули ага. Посланцы Ахмад-хана, впущенные в Баку как друзья, хитростью овладели воротами Бакинской крепости, пропустили туда скрывавшихся вблизи 800 человек, и, таким образом, захватив крепость, провозгласили ханом Мухаммада-Кули-ага, а Мирза-Мухаммад-хана отправили с матерью — сестрой Фатали-хана, в Кубу. Но вскоре, в марте 1791 г., Ахмад-хан умер, оставив после себя малолетнего сына. Кубинским ханством стал управлять младший его брат Шейх-Али-хан, 13 лет, «однако был не глуп, смел и проворен»³⁷. Шейх-Али-хан приступил к восстановлению прав Мирза-Мухаммад-хана II. С этой целью в 1791 г. во главе войска он вместе с бакинским ханом направился к Баку. Не надеясь на свои силы, Шейх-Али-хан обратился с письмом (в июне того же года) к генералу Гудовичу в Георгиевск, в котором он называл хана Мухаммад-Кули своим подданным и просил помочь возвратить Баку. Генерал Гудович, не зная всех обстоятельств и желая поддержать Шейх-Али-хана, дал распоряжение сделать «несколько выстрелов из судов российских»³⁸. Через 14 дней генерал Гудович получил письмо от осажденного Мухаммад-Кули-хана, где он писал, что является законным правителем Баку, просил принять его в российское подданство и помочь в борьбе против Шейх-Али-хана.

Генерал Гудович дал предписание командиру Каспийской флотилии генерал-майору Шишкину выяснить на месте подлинность прав того и другого хана и поступить так, как это «польза государственная требовать будет». Но распоряжение Гудовича пришло слишком поздно: по предписанию Шишкина, находившегося в гавани Баку с фрегатом и ботом, «для

покровительства российской торговли и содержания в обуздании ханов, коих владения по берегу моря», флота капитан-лейтенант Моллер обстрелял с судов Бакинскую крепость³⁹.

Эта мера произвела такое действие, что Мухаммад-Кули-хан в сентябре (или октябре) 1791 г. помирился с Шейх-Али-ханом и обязался отдавать половину бакинских доходов Мирзе-Мухаммад-хану и 24 тысячи рублей ханской монетой Шейх-Али-хану⁴⁰.

В начале 1792 г. Мухаммад-Кули-хан умер. После его смерти началась борьба за власть между ханами. По настоянию Шейх-Али-хана бакинским ханом был провозглашен Мирза-Мухаммад-хан, но не надолго. Бакинская знать, недовольная им, изгнала его из Баку и провозгласила ханом племянника Мухаммад-Кули-хана Хусейн-Кули-агу. Новый хан лишил Мирзу Мухаммад-хана половины доходов от нефтяных источников и соляных копей, назначенных ему прежним ханом, и Мирза-Мухаммад-хан со своей семьей возвратился в Кубу, к Шейх-Али-хану⁴¹.

А.К.Бакиханов писал, что в 1206 г. х. (1792 г.) скончался «Мухаммад-Кули-хан Бакинский, щедрый, с большими способностями, но жестокий владетель. Племянник его Хусейн-Кули-ага, сын Хаджи-Али-Кули-аги, по старанию своего зятя Касым-бека, сына Мансурхан-бека и других приверженных беков, провозглашен ханом Бакинским»⁴².

Однако феодальные междоусобицы и борьба за власть между ханами не прекратились. Мирза-Мухаммад-хан II с кубинским войском вторично осадил Баку и заключил договор с Хусейн-Кули-ханом, согласно которому все ханство и нефтяные промыслы были разделены между ними на две части⁴³.

В 1209 г. х. (1795) Хусейн-Кули-хан Бакинский, пользуясь доверчивостью Мирзы-Мухаммад-хана II, однажды ночью с войсками напал на крепость Балахана, тогдашнюю его резиденцию, и, овладев ею, принудил Мирзу-Мухаммад-хана II удалиться в Кубу⁴⁴.

В это время в Иране в обстановке междоусобной борьбы ханов за шахский престол, происходившей после смерти векиля Керим-хана Зенда, выдвинулся Ага-Мухаммад-хан Каджар, в течение нескольких лет подчинивший своей власти почти все главные провинции Ирана и ханства на юге Азербайджана. В 1794 г. он начал войну, чтобы захватить северные ханства Азербайджана. Для начала он отправил к ханам своих посланцев с требованием подчиниться его власти, угрожая войной в случае неповиновения⁴⁵.

Видя усиление Ага-Мухаммад-хана, царское правительство после окончания в 1792 г. второй русско-турецкой войны, стало проводить активную политику в деле подчинения России ханства Азербайджана⁴⁶. В рескриптах Екатерины II от 8 мая 1792 г. и апреля 1793 г., данных генералу Гудовичу, выражена угроза в отношении тех ханов, которые не пожелают вступить в подданство России⁴⁷. Екатерина II проводила традиционную политику русского царизма в отношении Азербайджана, богатого солью, нефтью, ширванским шелком-сырцом, шерстью, медью, серебром, полезными ископаемыми. Она стремилась захватить азербайджанские ханства, особенно Баку, так же как и Петр I, с целью обладания пролежавшими через страны Закавказья путями караванной европейско-азиатской торговли и непосредственных торговых сношений с Ираном и Индией через Астрабад.

Бутков так освещает некоторые события, происходившие в эти годы, т. е. в годы правления Хусейн-Кули-хана. В конце 1792 г. Хусейн-Кули-хан начал переговоры с российским правительством по вопросу о переходе его в подданство России. Однако эти шаги Хусейн-Кули-хана вызвали недовольство Шейх-Али-хана, который задержал в Дербенде чиновника Хусейн-Кули-хана, ехавшего с прошением на имя царицы, но посланец успел послать депеши генералу Гудовичу другим путем.

19 апреля 1793 г. последовало «высочайшее повеление» о принятии Хусейн-Кули-хана со всей его областью в российское подданство. Оставалось принять от хана присягу о верности, но тут встретились некоторые затруднения⁴⁸.

В июле 1793 г. Шейх-Али-хан Дербендский отправил в Георгиевск к генералу Гудовичу своего чиновника Мирза-Хасана с прошением о принятии его в российское подданство, упоминая среди подвластных ему земель и Баку. Посланец от имени хана присягнул в верности подданству, а 9 октября 1793 г. Гудович отправил к Шейх-Али-хану капитана с требованием утверждения и подписания присяги. Однако Шейх-Али-хан отказался это выполнить. В это время Шейх-Али-хан уже считался подданным России, и его посланец был препровожден ко двору, ожидая высочайшей грамоты⁴⁹. Таким образом, Шейх-Али-хан, считая Баку своим владением, в середине 1794 г. направился с войсками, чтобы взять город, но, услышав, что Хамбутаи-хан Казикумукский наступает на Мухаммад-Хусейн-хана Шекинского, оставил Мирза-Мухаммад-хана Бакинського, на сестре которого он собирался жениться, с тысячным отрядом в 14 верстах от Баку, у нефтяных

источников селения Балахана, сам отправился на помощь к шекинскому хану⁵⁰.

Находясь недалеко от Баку, Мирза-Мухаммад-хан не пропускал в город никаких товаров и, захватив соляные озера и нефтяные колодцы, лишил Хусейн-Кули-хана источника доходов. Так продолжалось вплоть до начала 1795 г., когда Хусейн-Кули-хан отправил к генералу Гудовичу через Астрахань посланца (ближайшего своего родственника Манаф-бека). В послании хан жаловался на действия Шейх-Али-хана, просил о помощи и изъявлял желание лично от себя и особо от всех жителей города Баку вступить в вечное подданство России⁵¹. Генерал Гудович написал Шейх-Али-хану, чтобы тот Баку не разорял. Так как этот город включен в присягу Шейх-Али-хана, следовательно, он входит в состав Российской державы, а потому он, Гудович, советует ему миролюбиво разделаться с Бакинским ханом⁵². В то время как Шейх-Али-хан находился за пределами своих владений, Хусейн-Кули-хан в том же 1795 г. выступил из Баку с войском, разбил Мирза-Мухаммад-хана, а его самого с семейством и с невестой Шейх-Али-хана привез в Баку. Дербендское войско, бывшее при Мирза-Мухаммад-хане, разбежалось, а из его семейства спасся только младший брат Калб-Хусейн-ага, который бежал к Шейх-Али-хану⁵³. Мустафа-хан ширванский взялся помирить Шейх-Али-хана с Хусейн-Кули-ханом. Осенью 1795 г. к Шейх-Али-хану вернулась из Баку его невеста Бегим, на которой он женился, а также теща и шурин со всем семейством. С бакинским ханом он заключил мир на условии, что получаемые с Баку доходы будут делиться на три части: одну — бакинскому хану, другую — Шейх-Али-хану, а третью — Мирзе-Мухаммад-хану⁵⁴.

В декабре 1795 г. последовало высочайшее повеление о принятии Хусейн-Кули-хана в российское подданство, и вышеупомянутый посланец его был отправлен ко двору. Статьи документа о принятии его в русское подданство гласили следующее:

«1-ое — Хан и преемники его должны быть утверждаемы в звании ханов от Ея императорского величества. 2-ое — Обязан он не делать сношений о важных делах с окрестными владельцами, не подданными России, без предварительного соглашения с главным командиром кавказской линии. 3-е — Российским купцам дать преимущественнейшие выгоды. 4-ое — Выбрасываемые на берега его судна возвращать хозяевам с грузом, в целости, и в свое время. 5-ое — Одному российскому судну стоять всегда в Бакинском порте. 6-ое — Разбор купеческих дел у россиян с Персами и другими быть не одним бакийским старшинам, а делать купно с консулом. 7-ое — По притязанию Шейх-Али-хана на Баку, как хан согласился давать ему некоторую дань, то так сие и оставить, поколику сие не противно будет российскому подданству»⁵⁵.

Однако оформление принятия в подданство приостановилось из-за событий, происшедших в конце 1795 г. Желание бакинского хана принять российское подданство объясняется тем, что он, учитывая сложившуюся политическую обстановку — постоянную угрозу со стороны Ирана, Турции, России и дербендского хана, стремился найти надежную защиту своим владениям и спасти их от разорения и грабежа. Но Хусейн-Кули-хан Бакинский, так же как и Шейх-Али-хан, колебался со вступлением в российское подданство, боясь лишиться власти и самостоятельности во внутреннем управлении⁵⁶. Отсюда их неустойчивая и двойственная политика по отношению к России и к Ирану. Видя усиление то одной, то другой державы, они склонялись то в ту, то в другую сторону.

В конце 1795 г. Ага-Мухаммад-хан Каджар начал свой поход в Закавказье. Усиление Ага-Мухаммад-хана и его намерение подчинить своей власти ханства Азербайджана встревожили русское правительство, которое ясно дало ему понять, что посягательство на эти области, находящиеся под российским покровительством, будет рассматриваться как действие, направленное против России⁵⁷.

Шейх-Али-хан Дербендский и Хусейн-Кули-хан Бакинский, несмотря на стремление принять русское подданство, в то время как их посланцы по этому вопросу находились в Петербурге, приняли посланца Ага-Мухаммад-хана с уважением и проводили его с подарками. Шейх-Али-хан, назначенный Ага-Мухаммад-ханом набобом всего Ширвана, стал склоняться на сторону Ага-Мухаммад-хана и отходить от русских⁵⁸.

Взятие Тифлиса 12 сентября 1795 г. и разорение его войсками Ага-Мухаммад-хана было отпраздновано дербендским, бакинским и шекинским ханами, которые через своих посланцев принесли Ага-Мухаммад-хану поздравления и письменно изъявили ему покорность⁵⁹.

Однако Ага-Мухаммад-хан, захватив Шемаху, взял с Баку контрибуцию в виде большой суммы денег и вещей⁶⁰.

Генерал Гудович имел предписание в случае завоевания Ширвана шахскими войсками захватить Дербенд. Три батальона пехоты под командой генерал-майора Савельева подступили к

Дербенду, однако Шейх-Али-хан не принял русского отряда. Бакинский хан прислал в помощь Шейх-Али-хану войска и две пушки с пушкарями⁶¹. Малочисленный отряд русских, оставив Дербенд, отступил.

Вскоре армия Ага-Мухаммад-хана покинула Ширван и отправилась в Мугань, а затем на юг Азербайджана.

Весной 1796 г. по приказу Екатерины II был начат большой поход царских войск под командой графа Валериана Зубова в Закавказье и Азербайджан. Официальным мотивом для этого похода было желание наказать Ага-Мухаммад-хана за его разорение Грузии и Тифлиса, но в действительности царское правительство стремилось утвердить свою власть на севере Азербайджана, на который посягнул Ага-Мухаммад-хан. Екатерина II стремилась осуществить планы завоевания Закавказья, которые в свое время не были завершены Петром I.

15 апреля граф Зубов с большим войском (около 12 000 человек) выступил к Дербенду. 10 мая Дербенд был взят штурмом. Шейх-Али-хана привели к графу с саблей на шее, вместе со всей свитой в знак изъявления покорности⁶².

24 мая царские войска двинулись дальше, на Баку, и, пройдя 20 верст, расположились у реки Рубас. Сюда, к главнокомандующему, прибыли посланцы бакинского хана, которые объявили, что хан со всеми своими подданными покоряется монаршей воле⁶³.

8 июня два офицера генерального штаба были посланы к бакинскому и шемахинскому ханам с письмами главнокомандующего, а главным образом для изучения и описания дорог, туда ведущих. На правом берегу реки Гильгиль, верстах в 10 от моря войска остановились лагерем. Сюда 13 июня к главнокомандующему прибыл Хусейн-Кули-хан и поднес ключи от Баку. В тот же день для захвата Баку был послан генерал-майор Рахманов с 3-мя батальонами пехоты, 2 эскадронами конницы и 3 орудиями полевой артиллерии. Рахманов оккупировал Баку. Каспийская флотилия, плававшая уже по Каспийскому морю, вошла в Бакинскую бухту. В городе были учреждены главные депо всех воинских снабжений, которые поступали сюда морем⁶⁴.

В Баку разместился гарнизон российских войск. В начале 1797 г. комендантом города был назначен князь Цицианов⁶⁵.

Источники не сообщают подробностей сдачи города Баку в 1796 г., но, по сведениям французского путешественника конца XVIII в. Оливье, Баку сдался после первого требования, предъявленного Зубовым, пославшим для завоевания Баку корпус в шесть тысяч человек.

Русские захватили город и не беспокоили ни правителя, ни жителей⁶⁶.

Бакинский хан после оккупации Баку российским гарнизоном, увидев, что ему не грозит опасность, стал проявлять благожелательное отношение к царским властям⁶⁷. Отношение Бакинского хана к России определялось политическими интересами, интересами правителя желающего сохранить свою власть.

Считая Баку лучшим портом на Каспийском море и торговым центром, царское правительство предприняло ряд мер для проведения работ по исправлению и укреплению Бакинского порта; были отпущены средства и отправлены мастера из Петербурга. Работы должны были быть начаты весной 1797 г.⁶⁸. Однако они не были осуществлены, так как 6 ноября 1796 г. умерла императрица Екатерина II. Сын ее Павел I, вступив на престол, приостановил поход русских войск в Иран и приказал Зубову, находящемуся в Закавказье, немедленно вернуться со всеми войсками в Россию. Вывод войск из Азербайджана начался в декабре, а последние части покинули Баку в марте 1797 г.⁶⁹.

В 1797 г. граф Зубов вместе с участвующим в этом походе Муртуза-Кули-ханом, братом Ага-Мухаммад-хана, возвратился морем в Астрахань. Муртуза-Кули-хан, преследуемый своим братом, прибегнул к помощи русских⁷⁰.

Тем временем Ага-Мухаммад-хан, прибыв в Тегеран в 1796 г., принял титул шаха⁷¹. Узнав о выходе российских войск из Азербайджана, Ага-Мухаммад-шах весной 1797 г. стал готовиться ко второму походу в Карабах и Грузию. В это время Апшерон и Баку, так же как и другие города и села Азербайджана, были опустошены из-за неурожая, голода и эпидемии чумы⁷².

Ибрагим-хан Карабахский, узнав о приближении огромной армии шаха и не надеясь на свои силы, бежал в Джарский округ, и опустевшая крепость Шуша без всякого труда досталась шаху⁷³. Али-Кули-хан Сардар занял Ширван. Шахские войска опустошили и разрушили Шемаху⁷⁴. Ага-Мухаммад-шах два раза вызывал в Шушу бакинского хана Хусейн-Кули, но последний не повиновался. Тогда шах прислал к нему из Шуши нарочного, силой доставившего его к своему государю. После брани и упреков за сдачу города Баку без сопротивления русским войскам Ага-Мухаммад-шах приказал отдать Хусейн-Кули-хана под стражу, грозя казнить его, и велел изготовить указ, согласно которому Баку переходил в управление Шейх-Али-хану дербендскому.

Семейство и родственников Хусейн-Кули-хана велено было схватить и отослать в Тегеран, а с прочих жителей Баку взять контрибуцию⁷⁵.

На следующий день, 12 мая, после восхода солнца, два человека из дворцовых служителей шаха, жизнь которых была в опасности, зарезали его во время сна его же кинжалом⁷⁶. Как только распространилась весть о гибели шаха, его вельможи, расхитив сокровища, бежали. Население Шуши и Карабахское ополчение по пятам преследовали шахские войска, в беспорядке покидавшие Шушу и отступавшие к Тегерану⁷⁷.

Благодаря этим событиям бакинский и гянджинский ханы были освобождены из заключения и возвратились в свои владения⁷⁸.

Сразу после получения известия о смерти шаха Мирза-Мухаммад-хан II, находившийся тогда в Кубе, отправился в Баку для овладения ханством, но Хусейн-Кули-хан предупредил его и, запершись в крепости Баку, приготовился силой удержать свои права. Наконец, после длительных переговоров между двумя соперниками ханство со всеми его доходами опять было разделено на две части: «Хусейн-Кули-хан остался в Баку, а Мирза-Мухаммад-хан II — в селении Машката⁷⁹, где построил себе новую крепость⁸⁰».

В 1800 г. Шейх-Али-хан, опасаясь усиления Султан-бека Баята, назначил сестру свою Хан-бике-ханум, жену бакинского Мирза-Мухаммад-хана II, правительницей Дербенда, а Султан-бека Баята ее помощником, так как дербендцы, подстрекаемые последним, восстали и выгнали своего наиба Мухаммад-Хусейн-бека⁸¹.

Бакинский хан неоднократно оказывал помощь Шейх-Али-хану войсками и личным участием в его борьбе с соседними феодалами. Жена Шейх-Али-хана, Зиба-Ниса-Бегим, сестра бакинского Мирза-Мухаммад-хана II, своим вмешательством и дипломатией оказала услугу своему мужу и предотвратила разгром его войск во время феодальных междоусобиц с Сурхай-ханом II Казикумукским.

В 1803 г. Зиба-Ниса-Бегим, будучи в Дербенде, добилась восстановления власти своего мужа над Дербендом⁸².

Любопытно, что азербайджанские — тюркские женщины, из родов феодалов и ханов, не раз в истории средневекового Азербайджана принимали участие в управлении страной, вмешивались в политику своих мужей и даже руководили обороной страны во время военных действий.

После убийства Ага-Мухаммад-шаха его преемником стал племянник Баба-хан, который после упорной борьбы за шахский престол утвердился на нем и стал именоваться Фетх-Али-шахом. Опасаясь нашествия нового шаха, Бакинский хан совместно с другими ханами отправил к нему послов с поздравлениями, подарками и просьбой не оставлять их покровительством. Фетх-Али-шах был занят утверждением своей власти во внутренних иранских областях и не посягал пока на независимость азербайджанских ханств⁸³.

3 апреля 1798 г. из Георгиевска в Петербург отправился посол Фетх-Али-шаха к императору Павлу I. Однако он был принят как посол сардара Баба-хана, а не шаха. Все предложения его по торговле с Ираном были удовлетворены. В августе того же года посол был отпущен, но ему было сделано соответствующее внушение о том, чтобы Баба-хан забыл о всяких притязаниях на Грузию. Такое же предупреждение получили ханы, дербендский и бакинский, и другие владетели, чьи земли лежали к западу между Каспийским морем и грузинскими областями⁸⁴. По-видимому, царское правительство не оставило своих притязаний на эти области, несмотря на вывод оттуда своих войск, и пристально наблюдало за действиями шаха.

В рапорте императору от 11 апреля 1800 г. генерал-лейтенант Кнорринг доносит, что Баба-хан имеет намерение овладеть Баку, так как этот город, по его мнению, приносил бы ему большие доходы как пошлинами, так и нефтью и солью. Предлогом для нападения на бакинского хана Баба-хан выставляет дошедшие к нему от персидских купцов жалобы, что Хусейн-Кули-хан захватил их товары с погибшего у маштагинских берегов российского судна. К этой жалобе он присоединяет жалобу и Шейх-Али-хана о том, что Хусейн-Кули-хан захватил товары его подданных кубинцев⁸⁵.

22 января 1800 г. в Баку прибыл российский консул в Иране Скибинецкий и приступил к исполнению повеления русского императора потребовать от Хусейн-Кули-хана удовлетворения русских купцов, у которых была отнята большая сумма денег. Но когда хан, несмотря на уговоры Скибинецкого, отказался удовлетворить обиженных купцов, капитан флота Мочаков по требованию консула 6 февраля того же года подверг пушечному обстрелу с корабля «Кизляр» город Баку. Хусейн-Кули-хан, признав себя виновным, удовлетворил их требования, а также уплатил старые долги по векселям и другим купцам, которым он лично и некоторые его

подданные были должны. Кроме того, по требованию Скибиневского, Хусейн-Кули-хан принял продиктованные консулом правила обращения с русскими купцами с целью оградить их от притеснения в дальнейшем и дал письменное обязательство⁸⁶.

В начале апреля 1800 г. в Кизляр к главнокомандующему Кавказской линией генерал-лейтенанту Кноррингу прибыл чиновник Хусейн-Кули-хана Мирза Хади-бек с письмом от хана, в котором сообщалось, что хан полностью удовлетворил претензии русских купцов и что чиновник Мирза-Хади-бек посылается от него с прошением на имя государя, где он просит прощения за его поступок с русскими купцами и ходатайствует о принятии его навсегда в высочайшее покровительство⁸⁷. До получения ответа на его прошение Мирза-Хади-беку было разрешено поехать в Астрахань. Побывав некоторое время в Астрахани, Мирза-Хади-бек отправился в Петербург и был принят при дворе. 28 августа 1801 г. он получил ответное письмо от вице-канцлера князя Куракина к Хусейн-Кули-хану, приложенное к «высочайшей грамоте» бакинскому хану от того же числа⁸⁸. В этом рескрипте вступивший на престол после смерти Павла 1 марта 1801 г. Александр I повелевал хану жить в согласии с соседними ханами и заключить с ними союз⁸⁹.

Поздравить императора Александра со вступлением на престол и по другим делам в Петербург прибыли посланцы ряда ханств, в том числе Шейх-Али-хана Дербендского и Хусейн-Кули-хана Бакинского⁹⁰.

Политическая линия Александра I в отношении азербайджанских ханств, в частности бакинского, выражена в рескрипте, данном генерал-лейтенанту Кноррингу от 12 сентября 1801 г., где говорится следующее: «Содержа сношения с окрестными владельцами и народами, стараться приумножить число приверженных к России, особенно же привлекать ханов Эриванского, Ганджийского, Шакийского, Ширванского, Бакинского и других, над коими власть Баба-хана еще не утвердилась, и кои потому, в настоящих обстоятельствах, для безопасности своей будут конечно преклонны более к России. Посредством сношений с теми из них, кои владения лежат на левом берегу Аракса и прилегают к реке Куре, стараться, особливо через хана бакинского, который владеет и устьем и лучшим портом на Каспийском море, достигнуть до способов, доставлять к войскам нашим в Грузии тягости из Астрахани водою, а не трудным путем через горы Кавказския»⁹¹.

Консул Скибиневский наблюдал за действиями ханов и доносил царскому правительству о приверженности жителей ханств к России. В рапорте консула генерал-лейтенанту Кноррингу от 26 февраля 1802 г., посланном из Баку, говорится, что хотя кубинцы и дербендцы, разоренные междоусобными войнами ханов и не имея доброго начальника ни в лице ханов, ни в лице старшин, завидуют жребию Грузии, находившейся под покровительством России, однако бакинцы и шемахинцы, будучи состоятельными благодаря торговле и земледелию, довольны ханской властью и не желают быть под российским управлением. Духовенство внушало им, что искать у христиан покровительства грешно, а старшины распускали слух, что когда российские войска займут город, то жены их будут иметь «случай к нарушению целомудрия»; кроме того, они внушали народу отвращение к российскому управлению. Хотя бакинцы и опасались усиления шемахинского хана, но Хусейн-Кули-хан Бакинский и старшины всячески старались удержать союз с ним⁹².

Александр I назначил главнокомандующим на Кавказе князя Цицианова, который прибыл в Грузию в феврале 1803 г.⁹³ С назначением Цицианова на Кавказ началась подготовка к войне с Ираном. В это время борьба за власть между азербайджанскими ханами продолжалась. Хусейн-Кули-хан бакинский не прекращал воевать с Мирза-Мухаммад-ханом II, осевшим в сел. Маштага на Апшероне. В 1803 г. Хусейн-Кули-хан, поддерживаемый Мустафа-ханом ширванским, овладел крепостью Маштага. Мирза-Мухаммад-хан II, перебравшись в Кубу, искал средства к возвращению прежних своих прав⁹⁴. Со вступлением на престол Александра I царское правительство стало активно готовиться к захвату ряда городов Азербайджана и в первую очередь Баку. Предлогом для этого явилось ограбление подданными Хусейн-Кули-хана русских и дагестанских купцов с судов, выкинутых штормом на берег во владениях бакинского хана. Переписка по этому вопросу генерал-лейтенанта Кнорринга и консула Скибиневского с бакинским ханом с требованием возмещения потерь указанным купцам продолжалась в течение ряда лет⁹⁵.

Царское правительство стремилось занять город Баку и другие азербайджанские города мирным путем, не применяя военных действий.

В предписании Цицианова Скибиневскому от 15 января 1803 г. говорилось следующее: «Вы знаете сколь Бакинская гавань нужна для Российского купеческого мореходства; на оную больше

нежели на город устремляются и теперь наши виды. Но по естественному положению города с гаванью, необходимо нужно будет при удобном случае занять Баку нашим войском и поздно или рано сие должно быть неминуемо. Вам лучше известно жалостное положение Бакинского хана и стеснение его с двух сильных сторон, — от Мустафа и Ших-Али-хана, желательно бы было убедить его разными вашими внушениями, что ему негде искать помощи и покровительства, как от России, что Ших-Али-хан просит войска на покорение Мустафы, а может быть и его самого Хусейн-Кули-хана, и что для предупреждения совершенного разорения его, он должен сам просить у императора для защиты своей гарнизон в Баку и что может быть ему в такой милости не откажут...»⁹⁶.

В результате переговоров Цицианова в начале 1803 г. было достигнуто соглашение с посланцем бакинского хана Аллахверди-беком об уступке России города Баку.

Цицианов, заключив с посланцем бакинского Хусейн-Кули-хана Аллахверди-беком соглашение об уступке города Баку, просил Воронцова (27.IV.1803г.) отрядить в его распоряжение два полка — один из Тамани, другой из Крыма — для помещения гарнизона в Баку и занятия других пунктов, лежащих около⁹⁷.

Однако в 1804 г. по настоянию бакинской и шемахинской знати соглашение с посланцем хана было расторгнуто Хусейн-Кули-ханом⁹⁸.

В повелении Александра I Цицианову от 26 октября 1803 г. последнему предлагается «...приступить к приведению в исполнение тех постановлений, кои заключены были между вами и Али-Верди-беком, посланцем Бакинского хана». Далее говорится следующее: «...Я тем более обнадеживаюсь в успехе начинания сего, что с помощью флотилии нашей на Каспийском море, в распоряжении вашем находящейся, найдется вы в состоянии отвратить затруднения, которые вам предстоять могут. С занятием Баку и Сальяна жребий прочих ближайших к России побережных мест на Каспийском море уже в руках наших находиться будет...»⁹⁹.

Деятельность генерального консула в Баку Скибинева, проводившего политику Александра I в Иране и Азербайджане, в частности в отношении Баку, вызывала большое недовольство ханской власти. Взаимоотношения между бакинским Хусейн-Кули-ханом и Скибиневым были настолько напряженными и враждебными, что в начале 1804 г. Скибиневский был изгнан ханскими приверженцами из Баку, при этом было убито 7 его солдат, а сам он нашел убежище на одном из ближайших островов¹⁰⁰.

В апреле 1803 г. главнокомандующий на Кавказе генерал Цицианов представил императору Александру I проект занятия ряда крепостей и городов Азербайджана, в том числе и Баку¹⁰¹. Проект этот получил одобрение, и в течение 1803—1805 гг. Россия захватила несколько ханств: Гянджинское, Карабахское, Шекинское и Шемахинское, после чего российское правительство начало подготовку военной экспедиции к Каспийскому побережью Ирана.

В рапорте Цицианова Александру I от 30 декабря 1804 г. говорится о необходимости послать Каспийскую флотилию в апреле 1805 г. в Энзели и Решт, где надо высадить две роты и потребовать уплаты одного миллиона рублей вознаграждения за убытки, понесенные компанией этого года.

В 1805 г. русский флот под начальством генерал-майора Завалишина отправился из Астрахани в Энзели. Отряд русских войск в 800 человек занял Пир-Базар и Решт, но затем, потерпев поражение от прибывшего подкрепления иранских войск, на судах отправился в Баку¹⁰². Городская знать вывезла свои ценности и семьи из города и приготовилась к защите крепости. Войдя в Бакинскую бухту, русские суда приступили к осаде города. Хусейн-Кули-хан отправил посланца к Завалишину, чтобы выяснить цель прихода русских войск. В ответ Завалишин заявил, что он послан императором занять Баку и потребовал немедленной сдачи города. Хусейн-Кули-хан, желая выиграть время, просил отсрочки для дачи ответа. 15 августа, когда прошел срок и город не сдался, Завалишин высадил на берег десант, но в это время на помощь бакинскому хану подошли Шейх-Али-хан кубинский и дербендский Нух-бек сын Сурхай-хана II казикумукского с частью персидского войска. Потерпев после нескольких сражений поражение, русские сели на суда и отправились на остров Сары, близ Ленкорани¹⁰³.

27 декабря 1805 г. Цицианов рапортовал Александру I о вхождении в состав России Шемахинского ханства и заключении союза с Мустафа-ханом ширванским. Затем он сообщил, что сам идет с войском на Баку, на помощь Завалишину, встретившему некоторые затруднения в переговорах с Хусейн-Кули-ханом Бакинским¹⁰⁴.

В начале февраля 1806 г. Цицианов, идущий с большой армией, соединился в 2 верстах от Баку с десантными войсками генерал-майора Завалишина и начал переговоры с бакинским ханом

о сдаче крепости русским¹⁰⁵. Русские войска остановились лагерем недалеко от крепости у Нахыр-булага.

8 февраля того же года Хусейн-Кули-хан в сопровождении своей свиты вышел из крепости для поднесения князю Цицианову городских ключей. В то самое время, как Цицианов принимал ключи, он и находившийся рядом с ним князь Эристов внезапно были убиты двумя лицами из свиты хана¹⁰⁵. Одного из них местные старожилы называют Ахмед-беком — знатным бакинцем.

Тело Цицианова было изрублено на месте выбежавшими из крепости бакинцами, которые унесли его голову в крепость, а затем доставили ее Фетх-Али шаху в Иран, который щедро наградил их¹⁰⁷.

Убийство Цицианова произошло недалеко от Северных Шах-Аббасовых ворот.

Узнав о смерти Цицианова, русская армия отступила, а Завалишин тотчас посадил свои войска на суда и отправился на остров Сары, где его войска терпели большие лишения, пока ему не прислали помощь, и он отправился на север.

Бакиханов подробно передает эти события, отмечая день смерти Цицианова другим числом. «Князь Цицианов пришел в Ширван, свиделся с Мустафа-ханом, который изъявил наружную покорность; оттуда главнокомандующий прибыл в Баку. Находившиеся в Сары русские присоединились к нему. С Хусейн-Кули-ханом начались переговоры, Абдурагим-Ага, брат Мирзы-Мухаммад хана II, прибыл в Ширван к главнокомандующему, которому он оказал некоторые услуги и, зная отношения Хусейн-Кули-хана к персидским военачальникам, в городе находившимся, неоднократно предупреждал князя быть осторожным, но тот не хотел верить ему как сопернику хана, и 2-го февраля 1806 г., во время свидания близ ворот Баку с Хусейн-Кули-ханом, сверх всякого ожидания и против всех прав народных, главнокомандующий, по наущению ли персиян или по приказанию самого хана, был убит двоюродным, по матери, братом его Ибрагим-беком, сыном Али-бека-Аги сына Мухаммад-Хусейн-хана сына Имам-Кули-хана дербендского, получившего некогда ханство свое от Петра Великого. Отец убийцы привез голову русского военачальника к шаху и был осыпан его милостями. Русские войска удалились морем в Сары»¹⁰⁸.

После убийства князя Цицианова все ханы, кроме Шамхала, воспользовавшись создавшейся ситуацией, выступили против русских¹⁰⁹ и объявили себя независимыми, отказавшись от подданства России.

В это время Аббас-Мирза, наследник персидского престола, носивший титул наиб ас-салтана (наместник), управлявший Азербайджаном, выступил со своими войсками со стороны Аслан-Дуза и через Карабах пришел в Ширван¹¹⁰.

Шейх-Али-хан пригласил к себе часть войска под предводительством сардара Пир-Кули-хана Каджара и вместе с Хусейн-Кули-ханом бакинским явился в Ахсу к Аббас-Мирзе¹¹¹.

В мае 1806 г. через Кизляр для захвата Дербенда, Кубы и Баку¹¹² был направлен генерал Глазенап с отрядом из 2500 человек. 21 июня 1806 г. русские войска вошли в Дербенд¹¹³.

Через месяц после взятия Дербенда туда прибыл генерал Булгаков, который отправился сначала в Кубу, а оттуда в Баку с присоединившимся к нему Мирза-Мухаммад-ханом II, поссорившимся тогда с Шейх-Али-ханом за его союз с Хусейн-Кули-ханом Бакинским¹¹⁴.

Приближаясь к Баку, Булгаков отправил жителям города прокламацию, предлагая им добровольно сдаться и сохранять спокойствие. Хусейн-Кули-хан отправил своего приближенного Казем-бека навстречу Булгакову со знаменами, ключами от крепости, хлебом-солью. Встретив посланцев хана у горы Беш-Бармак, Булгаков обещал, что и хан и жители Баку не пострадают. Чтобы подтвердить свои обещания, Булгаков отправил в город Баку своего сына. Однако жители города, боясь мести русских, оставили город и бежали в горы. Молодой Булгаков едва успокоил население, часть которого вернулась, однако Хусейн-Кули-хан, боясь наказания, бежал со своей семьей в Кубу и оттуда в Иран. Бакинское ханство было ликвидировано.

Бакиханов, описывая эти события, рассказывает о бакинском хане: «Хусейн-Кули-хан, лично храбрый, но более зависевший от влияния своих приближенных, удалился в Персию с семейством своим. Булгаков принял ханство в непосредственное владение России...»¹¹⁵.

Мирза-Мухаммад-хан II при вступлении в Баку царских войск находился при Булгакове. Позже, в 1809 г. ему было поручено управление Кубинским ханством¹¹⁶.

Бутков, описывая эти события, сообщает: «18 сентября 1806 г. генерал от инфантерии Сергей Алексеевич Булгаков (назначенный к служению под начальством графа Гудовича), приняв в Дербенде войска от Глазенапа, выступает для занятия Баку. Куба и Баку заняты русскими войсками без всякого сопротивления, и жители оных приведены к присяге»¹¹⁷.

Как уже было сказано, вместе с Хусейн-Кули-ханом в Иран бежали его семья и приближенные, среди них и Ахмад-бек, которые обосновались близ Ардебил в сел. Бары, где до сих пор некоторых жителей этого селения называют бакинцами.

Завоевание Баку царизмом решило судьбу ханства. Закончился период кровавых междоусобных войн между отдельными феодалами, прекратились иноземные нашествия, разорявшие страну и приведшие к упадку в XVIII столетии нефтяное хозяйство.

С 1806 г. начинается новый период истории Баку, период развития капиталистических отношений.

2. Экономическая жизнь города

К концу первой половины XVIII в. города Северного Азербайджана находились в состоянии глубокого экономического упадка. Производительные силы страны были разрушены в результате почти сорокалетней войны, феодальных междоусобиц и крестьянских восстаний¹, жестоко подавляемых шахскими властями и местными феодалами. Баку, являвшийся столицей Бакинского ханства, экономическим и политическим центром Апшерона, переживал хозяйственный упадок, как и другие города Азербайджана. Лерх во время своего вторичного пребывания в Баку в 1747 г. отметил упадок городской жизни².

Источники умалчивают о большой добыче нефти в это время и о перевозках ее в другие страны, кроме Ирана³. Уже в 1733 г. отмечалось сильное снижение добычи нефти⁴, которое продолжалось, по-видимому, до конца первой половины XVIII в. Более поздние источники сообщают о некотором подъеме и оживлении экономической жизни города. Ханское управление по сравнению с временем правления Надир-шаха было более прогрессивным, несмотря на феодальную замкнутость натурального хозяйства, примитивность и отсталость техники.

Экономический упадок, по-видимому, продолжался до 70-х годов XVIII в. Бакинское ханство в 70-х годах попало в вассальную зависимость от сильного Кубинского ханства, расширившего свою территорию за счет соседних ханств⁵. Это благоприятно отразилось на экономике Бакинского ханства, так как прекратились нашествия соседних феодалов, часто нападавших на него.

Кроме того, торговые сношения с Россией, сильно сократившиеся к концу первой половины XVIII в., вновь начали развиваться, что также способствовало оживлению городской жизни.

Объединение ряда ханств во главе с государственным деятелем Фатали-ханом Кубинским благоприятно отразилось и на развитии города Баку.

В 1770 г. в Баку проездом был член русской Академии наук Самуил Готлиб Гмелин, который подробно описал Баку и его нефтяные источники. В это время помимо западной части Апшерона нефть добывалась в двух верстах от города, в районе нынешнего Баилова, который, по словам Гмелина, местные жители называли Бель (вероятно, Баил. — С. А.), а русские — «шаховым рынком»⁶. В этом месте было более семидесяти нефтяных колодцев «...кои также идут в землю перпендикулярно, видом круглы, глубиною в две сажени и беспорядочно смешаны между собою...»⁷. Там же находилось нефтехранилище, куда выливали нефть из других колодцев. Оно было запечатано. Баиловская нефть уступала по качеству апшеронской. Ее вывозили только в Сальян, а в Иран отправляли нефть лучшего качества. Апшеронская нефть находила большой сбыт и продавалась по пяти копеек за пятнадцатифунтовый батман. Белая нефть продавалась по полтора аббасы, или по тридцати копеек за восьмифунтовый батман⁸. Белую нефть перегоняли посредством специального приспособления — «через куб». При двойной перегонке нефть делалась очень крепкой и не меняла цвета. Эту нефть употребляли в Азербайджане и Иране как лекарство против ревматизма, подагры, венерических болезней и т. д. Принимали ее «по половине и по полторы унции»⁹.

Большинство нефтяных колодцев Апшерона являлось собственностью хана. На колодцы с белой нефтью, закрытые камнями, клали ком глины, на котором было вырезано имя бакинского хана¹⁰. Доходы бакинского хана от нефти и соли составляли до сорока тысяч рублей в год¹¹.

Добыча белой и черной нефти к 80-м годам XVIII в. значительно увеличилась. Черной нефтью (т. е. киром — С. А.) покрывали плоские крыши бакинских домов для защиты от дождя. В виде маленьких лепешек или шара, смешанного с песком, нефть служила топливом для местных жителей¹². «Апшеронский полуостров содержит неиссякаемый запас нефти...»¹³ — сообщал Маршал фон Биберштейн, посетивший Баку в 1796 г. «...Главным рынком сбыта нефти является Гилян, потому что те, которые вскармливают шелковичные черви в этой провинции, убеждены либо по опыту, либо по предрассудку, общему для всех, что нефть — единственное вещество,

которое можно сжечь, не повредив им насекомых, для освещения домов, в которых они выращиваются»¹⁴.

В это время белая нефть в большом количестве вывозилась сушей и морским путем на киржимах и мелких судах в ряд стран¹⁵. В одном документе от 1796 г. дается описание колодца белой нефти «с справным деревянным обрубом, шириною 2 $\frac{1}{4}$ аршина, а глубиною в 13 сажень, обнесенной каменною стеною с покрывкой...». За вывоз белой нефти вносили «в установленное от хана место» по одному аббаси, или 20 к. ханскими деньгами за батман, или 20 фунтов¹⁶.

По сравнению со сведениями Гмелина нефть стала дешевле, по-видимому, в связи с большей ее добычей.

В начале XIX в. на Апшероне было около 100 колодцев черной и 15 колодцев белой нефти¹⁷. Вся собранная нефть перевозилась на арбах в Баку; там ее сохраняли в цистернах. На холме у южной стены города существовал подземный главный резервуар, или главная кладовая для черной нефти¹⁸. Годовая добыча черной нефти составляла приблизительно 240 000 пудов. Большая часть нефти вывозилась в Иран (около 215 000 пудов), остальная потреблялась в стране или отправлялась в Астрахань. Белая нефть добывалась в количестве около 800 пудов¹⁹.

Количество колодцев черной нефти в начале XIX в., по сравнению с XVII в., уменьшилось не менее чем в 3 раза, в то время как число колодцев белой нефти увеличилось почти в 3 раза. Годовая добыча нефти по сравнению с XVII в. также уменьшилась более чем в 5 раз. Вывоз нефти сравнительно с XVII в. сильно сократился в связи с социально-экономическими и политическими факторами.

Помимо нефти, на Апшероне добывалась в большом количестве соль. Самая лучшая соль добывалась из большого озера Масазыр, находящегося к северо-западу от Баку. В 1770 г. пуд соли продавался по семь копеек с половиной. Доход от нее поступал в казну хана²⁰. В 1796 г. плата за вывоз этой соли с одной телеги (фуры) равнялась 5 рублям, а с вьючного осла (харвар. — С. А.)²¹, лошади или быка — 1 р. 60 к. ханскими деньгами, которые вносили «в установленное от хана место»²².

По свидетельству Гамба, одно только озеро Масазыр давало в год 150 тысяч пудов прекрасной соли, которая продавалась по 1 р. 25 к. харвар²³ и вывозилась в Иран и Азербайджан морским путем и сушей большими караванами.

В 1747 г. вокруг города были расположены большие шафрановые поля²⁴. Лерх указывал, что «..шафрановые сады в гораздо большем приращении против прежнего находились; они лежали неподалеку от города»²⁵. К 1770 г., хотя шафран и культивировался в Баку в большом количестве, эта культура стала выращиваться в еще больших масштабах в Дербенде²⁶. Выращивание шафрана на Апшероне в конце XVIII в. отмечается рядом путешественников²⁷.

В начале XIX в. в Баку и на Апшероне собирали около 500 пудов шафрана в год. Его цена варьировала от 8 до 15 руб. за пуд. Этот шафран считался более высокого качества, чем шафран, культивируемый в Европе²⁸ (во Франции, в Италии). Огороженных участков для культуры шафрана было около 1200²⁹.

Во второй половине XVIII в. на Апшероне в незначительном количестве выращивали хлопок³⁰. В некоторых селах восточной части полуострова засеивали марену, корень которой являлся прекрасным красителем³¹. На полуострове жители сеяли также пшеницу и ячмень. В годы неурожая, когда не было дождей, жители развозили по соседним ханствам соль и белую нефть в обмен на хлеб³².

В начале XIX в. в Бакинском ханстве жители занимались скотоводством. Число рогатого скота там достигало приблизительно 5 тысяч (быки и коровы) и мелкого рогатого скота около 43 тысяч (овцы)³³.

Недалеко от Баку, на одном из островов (Чилон) занимались ловлей тюленей (примерно 6 тысяч в год). Добычу отправляли в Астрахань и оттуда в Казань, где тюлений жир употреблялся для изготовления мыла³⁴.

Количество фруктовых садов и виноградников на Апшероне в начале XIX в. составляло около 1800³⁵. В их числе были сады, принадлежавшие жителям Баку.

В более позднем источнике, относящемся к 1832 г., указывается, что городу и форштадту принадлежали 67 харваров (приблизительно 200 гектаров) удобной земли, 209 шафранных огородов, 25 огородов для выращивания арбузов и дынь, а также 350 виноградных садов, принадлежавших жителям города в селениях Маштага, Нардаран, Бильгя, Мардакян, Бузовна, Кюрдахана, Пиршаги, Новхана и Бюль-Бюля³⁶.

3. Торговля

Ко времени образования Бакинского ханства (1747 г.) ремесло и торговля в городе Баку находились в состоянии упадка в связи с хозяйственной разрухой во всей стране. Товарное производство в условиях господства феодальных отношений и нашествий не развивалось. Лерх, посетивший Баку в 1747 г., писал: «...город сей был весьма беден, и на базаре в оном почти ничего на продажу не было»¹.

После смерти Надир-шаха, в связи с борьбой за престол, народными волнениями и политическими неурядицами в Азербайджане, в конце ноября 1748 г. «страшные беспорядки уничтожили вконец торговлю в Персии...»². Караванная торговля с дальними странами значительно сократилась в связи с появлением разбойничьих банд, грабивших караваны и убивавших купцов, однако морской торговый путь из Астрахани в Баку в международной торговле все еще не потерял своего значения. По словам Лерха, «уже в следующем году астраханские купцы переправлялись по Каспийскому морю в Гилян, Баку и Дербенд и, не сходя с судов, вели торговлю с местными жителями, которые подъезжали на маленьких суденышках; но ехать дальше они не рисковали. Купцы накупили шелку сколько могли достать»³. В это время суда кроме Бакинской гавани останавливались в проливе между Апшеронским полуостровом и островом Пир-Аллахи (остров Артема)⁴.

Феодальная раздробленность Азербайджана, образование ряда ханств, обособленность натурального хозяйства в них, являлись большим тормозом для развития производительных сил, роста ремесла и торговли.

Различие монет, мер и весов в ряде ханств, многочисленные таможенные пошлины, дорогостоящий транспорт, небезопасность путей также препятствовали развитию ремесла и торговли. Несмотря на торговые связи с Россией, главным образом через порт Баку, развитие товаро-денежных отношений в Бакинском ханстве не получило большого размаха.

Положение еще более ухудшилось в связи с политикой, проводившейся Фатали-ханом кубинским в отношении возвышения принадлежавших Кубинскому ханству портов Дербенда, Низабада и Сальян. Российское правительство поддержало политику Фатали-хана и содействовало развитию торговли русских купцов между Астраханью и вышеуказанными портами Кубинского ханства в ущерб торговле через Баку, что вело к уменьшению доходов Бакинского ханства⁵.

В результате настойчивых усилий и переписки с русским консулом в Баку Суляковым Фатали-хан перенес свою резиденцию из Баку в Сальян. В связи с возвышением Сальян и перенесением туда русской торговли, в Баку стали снижаться коммерческие обороты и временно сократилась торговля с Россией⁶. Положение изменилось после 70-х годов XVIII в., когда Бакинское ханство попало в зависимость от Кубинского, вновь оживились ремесло и торговля, расширились торговые связи с Российским государством и другими странами.

В последние десятилетия XVIII в. в России быстро развивалась шелковая промышленность⁷. Российские купцы нуждались как в рынках для покупки сырья: шелка-сырца, шерсти, хлопка, так и в рынках сбыта отечественной продукции. Русско-иранская торговля во второй половине XVIII в. в результате англо-русского соперничества и конкуренции Ост-Индской компании на Ближнем Востоке пришла в упадок⁸. Народные волнения и феодальные междоусобицы в Иране, продолжавшиеся более 20 лет после смерти Надир-шаха, также являлись препятствием к развитию торговых сношений России с Ираном. Торговля русских купцов через порт Энзели и город Решт деградировала. И наоборот, экономические связи России с Азербайджаном через Баку и Кизляр (сушей) в последние десятилетия XVIII в. получили широкое развитие. В это время центрами русско-иранской морской торговли были Астрахань и Баку⁹. Развитию русско-азербайджанской торговли через Баку в это время способствовала также прорусская ориентация Фатали-хана¹⁰, который покровительствовал русским купцам.

Согласно некоторым архивным документам, освещающим значение Баку в этой торговле, привоз шелка-сырца в Астрахань за период 1778—1781 гг. был: из Баку — 6547 пудов, из Энзели — 3705 п. 36 ф., из Дербенда — 103 п. 7 ф., из Сальян — 145 п. 20 ф. и т. д.¹¹. Стоимость шелка в среднем равнялась 60 рублям за пуд. Однако в 90-х годах, по сведениям Палласа, высший сорт шемахинского шелка продавался по 170 руб., а средний — по 135 руб. за пуд. Возможно, эти цифры несколько преувеличены, однако спрос на шелк-сырец был большой, вероятно, в связи с этим и цены на него также повысились¹². Шелк доставлялся в Астрахань из Баку, Шеки и Дербенда часто и контрабандным путем.

Помимо шелка-сырца, важным предметом импорта в Астрахань через Баку был красильный корень марена, употреблявшийся в русской текстильной промышленности. За время 1778—1781 гг. через Баку было вывезено морем: в Астрахань: 665 п. 30 ф., из Энзели — 446 п. 30 ф., из Дербенда — 4890 п. 34 ф. марены. Цена ее за пуд составляла 2 р. — 2 р. 50 к., с 1781 г. — 3 р., а с 1782 г. — 4 р.¹³

В следующие годы вывоз марены из Баку и Дербенда значительно повысился¹⁴.

По архивным данным, привоз хлопчатобумажной пряжи и хлопка в Астрахань за время 1778—1781 гг. из Баку составлял 3310 п. 9 ф., из Энзели — 1084 п., из Дербенда — 270 п. 20 ф. Цена пряжи была 10 р., хлопка — 7 р. 50 к. за пуд¹⁵. Названные цифры достаточно убедительно говорят о выходе Баку на первое место в импорте России...

Помимо перечисленных товаров, в Астрахань из Баку поступали различные хлопчатобумажные ткани:

	1779 г.	1780 г.	1781 г.	1786 г.
1. Бумажная бязь (в концах) из Баку из Энзели	3094 254		5444 448	
2. Бумажная басма из Баку из Энзели	1444 4285	1728 179		
3. Фата бумажная (шт.) из Баку из Энзели	8037 6485	3653 не поступало		
4. Шапочные овчинки из Баку из Энзели		26 493 17 400		5590 370 ¹⁶

Предметами экспорта из Астрахани в Баку и Энзели были следующие товары: полотна различных сортов, стальные изделия, павловские замки, ножи, ножницы, тульские складные ножи, сотни тысяч швейных игл и т. д. Наиболее ходким товаром астраханского экспорта была полотняная ткань под названием «пестрядь ярославская», которая продавалась по 12 коп. за аршин. За 1778—1781 гг. в Баку было завезено 59 580 аршин, в Энзели — 13 124 аршина¹⁷.

Помимо пестряди, из Астрахани вывозились в те же годы различные сорта русского полотна в Баку — 564 371 аршин, в Энзели — 590 226 аршин. Цена лучших сортов полотна была 3 и 4 коп. за аршин¹⁸.

Из Астрахани экспортировалось в Баку российское железо в полосах, пользующееся большим спросом, а также железные и стальные изделия. По неполным данным, в 1778 г. в Баку было отправлено 4000 пудов железа в полосах по 45 коп. за пуд; в 1779 г. — 5000 пудов; в 1780 г. — котлов, таганов, проволоки — 2473 пуда; в 1781 г. — 6000 пудов 28 фунтов железа в полосах и 563 пуда российской стали брусчатой, а кроме того, разных железных изделий на 280 руб.¹⁹

Вывоз стальных и железных изделий из Астрахани в Баку за 1779—1781 гг. составил: швейных игл — 1 355 000, павловских замков — 10 665, павловских ножниц — 3578, тульских складных ножей (данных за 1779 г. нет) — 1743²⁰.

Из мехов экспортировались беличьи, кошачьи и заячьи шкурки в большом количестве, тысячами отправлявшиеся в Баку²¹.

О значительной торговле русских купцов в Баку свидетельствует большое количество русских монет, относящихся ко второй половине XVIII в., особенно после 70-х годов²², найденных в бухте и на территории города.

Перечисленные данные говорят о повышении удельного веса торговли России с Азербайджаном. В то же время источники показывают ослабление экономических связей с Ираном через Баку. В последние десятилетия XVIII в. вывоз товаров через Баку в Россию был в три раза больше, чем в Энзели. И наоборот, картина деградации наблюдается в отношении

привоза товаров из Энзели в Баку²³. Транспортировка товаров стоила очень дорого, так как количество торговых судов, плавающих на Каспии, было незначительным.

Стремясь уничтожить конкуренцию иранских купцов в прикаспийских провинциях, царское правительство принимало всякие меры для запрещения развития местного судоходства. Однако местные ханы усиленно занимались кораблестроением. По сообщению Лерха, бакинский хан Мирза-Мухаммад, бывший адмиралом, в октябре 1747 г. руководил кораблестроением в Лангеруде и часто туда ездил²⁴. Бакинский хан, по-видимому, был заинтересован иметь свои суда для перевозки товаров морским путем вместо дорогостоящей транспортировки груза на русских судах.

Анонимный автор, писавший в 1777 г.²⁵, сообщает о торговле России с городами Азербайджана: «...воск, мед, рыбий клей и вязигу можно закупать в Дербенде, Баке и Салиане с великою выгодой. Около Баки можно доставить великое множество нефти, которую можно бы не только в российском государстве употреблять в большом количестве, но и вывозить в европейские государства... В Дербенде и Баке можно нагружать суда и вином, которое почитается весьма хорошим для перегону водки: оно называется на тамошнем языке чахир»²⁶. Далее автор отмечает, что торговля в Баку более развита, чем в Дербенде и ведется она главным образом с Ширванской областью, особенно с городом Шемахой²⁷. Однако он указывает, что эта торговля не очень велика.

Отношение Бакинского хана к русским купцам было недоброжелательным. В 1779 г. бакинский правитель Мелик-Мухаммад-хан велел арестовать в Баку всех русских купцов с товарами за то, что два бакинских мальчика были украдены лезгинами и проданы в Астрахани. Купцов освободили только после того, как один из мальчиков был возвращен в Баку²⁸.

В том же году, в связи с народными волнениями и феодальными междоусобицами в Иране, происходившими после смерти векиля Керим-хана — Зенда, русский консул и купечество принуждено было возвратиться из Баку в Астрахань²⁹.

Донесения русских консулов, назначенных в Баку и Энзели для урегулирования вопросов русско-азербайджанской и иранской торговли, говорят о притеснении русских купцов в Баку со стороны Бакинского хана. Царское правительство еще со времен Петра I было заинтересовано в расширении торговли с Ираном через Бакинский порт, лелея планы распространения своего экономического влияния до самой Индии. С этой целью в июне 1781 г. под командой графа Войновича из Астрахани отплыла в Астрабадский залив эскадра, которая должна была создать на берегу залива или на одном из островов «российское коммерческое селение для распространения торговли до самой восточной Индии». Но экспедиция эта потерпела неудачу. На обратном пути, в июне 1782 г., эскадра вошла в Бакинский порт. В ходе переговоров Войновича с Фатали-ханом, прибывшим специально в Баку, был урегулирован ряд вопросов, относящихся к торговле русских купцов в Баку и в других городах Ширвана и русским были предоставлены различные льготы³⁰.

В 1784 г., посетивший Баку, английский путешественник Форстер писал: «Мазандаран производит в малом количестве шелк, фабрикуемый компанией евреев. Его торговлю поддерживают главным образом частые сношения с Бакинским портом, который оттуда получает белые и цветные бумажные ткани, хлопок и рис и дает взамен полосовое железо из России, шафран, пшеницу и партии широкого сукна, получаемого из Астрахани»³¹. Далее Форстер говорит о пребывании в Баку греческих и армянских купцов, которым позволили воздвигнуть маленькую часовню в городе. Греки жили в караван-сараях, предназначенном для христиан и мусульман-суннитов³².

По сведениям Бурнашева, в 1786 г. в Баку проживало всего лишь несколько семейств христианских купцов³³.

Приводя описание города, Форстер говорит, что Баку имеет около мили в окружности и в нем довольно много жителей, большая часть которых занимается торговлей³⁴.

«Бухта обширная и защищенная сушей от всех ветров, кроме южного, сила которого тормозится двумя маленькими островами»³⁵.

Отмечая большую роль Баку, как главного порта в торговле шелком, Форстер говорит: «Долгое время думали, что шелк, привозимый в Европу из Турции, происходил из Оттоманской империи, но более глубокое изучение торговли Персии показывает, что турецкие купцы идут в Гилян и Ширван и покупают шелк в большом количестве, затем отправляют в Европу»³⁶. Форстер отмечал соперничество между русским правительством и английскими коммерческими предприятиями и факториями за гегемонию на Каспийском море в вопросе торговли шелком.

По сведениям Форстера, «провинция Ширван производит в значительном количестве шелк, 400 тонн которого ежегодно перевозят в Астрахань; там производят также шафран прекрасного

качества, что составляет значительный предмет торговли. Общество индусов Мултаны, живущее уже давно в Баку, сильно способствует большому расширению торговли этого города»³⁷. Форстер отмечал, что индусов нужно считать главными купцами Ширвана. Он описывает путь, по которому они ездили в Иран и Азербайджан. Индусы обычно садились на судно в Татте, большом городе, расположенном на юге страны, откуда они отправлялись в Басру. Из Басры они сопровождали караваны, проходящие часто в Иран. Некоторые из них ездили по суше к Каспийскому морю, по дороге в Кандагар и Герат; но индусы ездили небольшими группами и горько жаловались на притеснения, которым они подвергались со стороны мусульман³⁸.

Маршалл фон Биберштейн, посетивший город в 1796 г., говорит о Баку как о единственном большом и удобном порте на Каспийском море: «...Порт Баку находится в самой сухой, пропитанной солью и битумом части (Ширвана), но эта особенность почвы является источником богатства для города, который извлекает значительные доходы от торговли солью, петроля и нефти...»³⁹. Кроме того, он отмечает, что его торговля намного уменьшилась со времени волнений, которые без конца беспокоят Ширван и соседние провинции, особенно со времени падения старого города Шемахи (1734 г. — С. А.). Соль отсюда в большом количестве вывозилась в новую Шемаху и дальше. Главным же рынком сбыта нефти был Гилян⁴⁰.

Отмеченный Биберштейном упадок торговли в Баку в 1796 г., по-видимому, был связан с войнами 1795—1797 гг. и опустошениями, произведенными войсками Ага-Мухаммад-хана. По сведениям Артемия Араратского, прибывшего в Баку в 1796 г. вместе с войсками генерала Зубова, дороговизна в городе дошла до того, что за одно яйцо платили 20 к.⁴¹

В 1797 г. во всем Ширване, Баку, Шемахе и других местностях свирепствовал голод. «В земле сыскиваем был ячмень в малом только числе, и за четверть онаго оплачено было не менее 15 рублей серебром...»⁴².

С 1798 г. экономическое положение городов в бакинском и других ханствах стало улучшаться. Торговые отношения с Россией возобновились.

Французский путешественник Г. А. Оливье сообщает о торговле русских, имеющих свои фактории в Баку, Энзели и Сальян в 1798 г. Из этих портов русские купцы вывозили в Астрахань гилянский и ширванский шелк, хлопок, рис, сухофрукты, хлопчатобумажные ткани, некоторые ткани из чистого шелка или шелка и хлопка, тканые золотом шелковые пояса, марену, циновки из тростника, тмин, кунжутное масло и некоторые лекарственные вещества, мак, звездообразный анис, мирру, амбру и т. д. За эти товары русские купцы отдавали лошадиную и другую кожу, некоторые грубые сукна, но особенно часто красивое голландское сукно, бархат, атлас, муар и другие ткани из Лиона; купцы сбывали также незначительное количество кошенили, индиго, получаемые из Голландии и Англии. Они предлагали также некоторые ценные меха, но так как местные жители пользовались больше шкурами молодых ягнят, сбыт мехов был очень ограничен, в то время как в Турции на них был большой спрос⁴³. Россия вывозила также из Ирана через Баку камедь астрагала, которая служила для выделки шелка⁴⁴.

Как видно из сообщения Оливье, русские купцы, занимаясь также посреднической торговлей, помимо отечественных товаров, сбывали в Баку и иноземные, привозные товары из Франции, Англии и других стран.

Английский миссионер М. Тук, давая в конце XVIII в. описание Баку, отмечает, что торговля в Баку более значительна, чем в Дербенде. Баку торгует главным образом с Шемахой, откуда получает шелк-сырец и шелковые изделия. Там обычно находится русский консул⁴⁵. О большой торговле с Шемахой указывает и значительное количество монет с чеканом Шемахи XVIII в., обнаруженных на территории Баку⁴⁶.

В конце XVIII в. Баку посетил известный азербайджанский путешественник и ученый Зейнал-Абидин Ширвани, который в своих сочинениях отметил вывоз белой и черной нефти, а также шафрана в города Азербайджана, Ирана, России и Западной Европы, где они продавались по дорогой цене⁴⁷.

При Екатерине II царское правительство уделяло большое внимание Баку, который должен был стать крупным торговым центром на Востоке и главной базой снабжения русских войск. Предполагалось укрепление и перестройка Бакинского порта. Для этой цели были отпущены средства и даже назначены и отправлены из Петербурга мастера. П. Г. Бутков в своих записках писал: «Бакинский порт найдено нужным исправить потому, что оный есть самый наилучший порт на Каспийском море. В оном корабли могут стоять на 7 сажнях глубины. Сюда стекается великое множество торгующих из Мазандерана, Гиляна с ленкоранского берега, из Ширвана и Азербиджана. Весь Ширван все произведения свои доставляет в Баку...

...Итак, из сего открывается, что для Российской торговли с Персией Баку есть единственное, удобное и выгоднейшее место. Отсель способно может производиться торговля в провинции Мазандеранскую и Гилянскую, как самая богатейшая; а относительно сухопутной торговли, от Баку до самого Персидского залива идет безопасная дорога через все богатейшие внутренние провинции, устроенная еще шахом Аббасом Великим и снабденная в потребных местах каменными оградными каравансараями и именно через города Тавриз, Ардебиль, Султанию, Тегеран, Казвин, Кашан, даже до Испагана и далее к Персидскому заливу»⁴⁸.

Царское правительство, устремив свои взоры на богатую и сказочную Индию и желая вести с ней торговлю, решило использовать для этих целей Баку. «Известно, что секта Гебров есть в Индии главнейшая; многие из индейцев доселе ходят на моление к огням, в окрестности Баку находящимся. С устройством Баку и с распространением торговли в оной, не может ли она сделаться Меккою для индейских Гебров, и не обратится ли отчасти и по сей причине сухопутно богатейшая торговля через Астрабад и Астрахань?...»⁴⁹

Однако эти планы, которые предполагалось провести весной 1797 г., не были осуществлены из-за смерти Екатерины II. Вступивший на престол Павел I распорядился о немедленном выводе русских войск из Закавказья.

Торговля русских купцов через Баку продолжалась и в начале XIX столетия. Однако отношение ханской власти в Баку к русским купцам было довольно враждебным. Об этом свидетельствуют некоторые документы. Русский консул в Персии Скибиневский, прибывший в Баку в январе 1800 г., потребовал от бакинского правителя Хусейн-Кули-хана удовлетворения русским купцам, у которых была насильственно отобрана немалая сумма денег. И когда в ходе переговоров хан отказал в удовлетворении обиженным им русским купцам, то капитан-лейтенант флота Мочаков по предложению консула 6-го февраля того же года открыл с корабля «Кизляр» огонь по городу. В результате Хусейн-Кули-хан, признав себя виновным, полностью возместил потери не только этих, но и других русских купцов и дал письменное обязательство Скибиневскому впредь быть справедливым с ними⁵⁰.

Весною того же года Хусейн-Кули-хан отправил к русскому двору чиновника Мирза-Хадибека, передав с ним извинения за свой поступок с русскими купцами⁵¹. Однако между ханской властью и русским правительством по вопросу торговли были постоянные конфликты. Царское правительство брало под свою защиту не только русских купцов, но и дагестанских, находившихся в сфере влияния русских.

В письме кн. Цицианова к гр. А. Воронцову от 13 декабря 1802 г. говорится: «Предместник мой ген.-л. Кнорринг по порученности ему требовал от Гусейн-Кули-хана бакинского удовлетворения дербентским и дагестанским купцам за товары их, награбленные чиновниками хана сего из судна на берег во владении его выброшенного...». Русское правительство потребовало от Хусейн-Кули-хана 10 000 руб. за убытки, а также возмещения за ограбление братом хана и подданными его в 1801 г. товаров российского купечества с судна, принадлежащего индийскому купцу в Астрахани Мугундасу Терендасову и выброшенного на берег во владениях Бакинского хана⁵².

Из этой переписки выясняется также, что индусы по-прежнему играли значительную роль в морской торговле Баку с Астраханью, где находились их колонии.

О значении, какое придавало русское правительство г. Баку и торговле на Каспийском море, говорит предписание кн. Цицианова Скибиневскому от 15 января 1803 г.: «...Вы знаете сколь Бакинская гавань нужна для Российского купеческого мореходства; на оную больше нежели на город устремляются и теперь наши виды. Но по естественному положению города с гаванью, необходимо нужно будет при удобном случае занять Баку нашим войском, и поздно или рано сие должно быть неминуемо...»⁵³.

В другом документе — донесении Цицианова Румянцеву от 31-го августа 1803 г. — читаем: «...Ныне же, когда главнейшая и богатейшая отрасль Персидской торговли проходит через Бассору, находясь в руках англичан, равно как и Индийская, — я смею сказать, что за исключением каких-либо непредвидимых приключений нет возможности сию торговлю совратить с настоящего ее пути. А потому я заключаю, что успехи наши в рассмотрении Азиатской торговли со стороны Каспийского моря будут ограничены сообщением с Мазандеранскою провинциею, Астрабадом и Баку и малейшею частию Индийских товаров из Кандагара в Астрабад и в Хиву приходящею...»⁵⁴.

Приведенные материалы в достаточной степени показывают значение Баку как портового города, связанного с транзитной торговлей, главным образом с Ираном и Россией.

В некоторых архивных документах, относящихся к более позднему времени (1832 г.), имеются сведения, дающие представления о размерах этой торговли в Баку. Сообщается, что в городе было 500 отдельных лавок, 9 караван-сараяв, с 207 лавками в них⁵⁵. Количество лавок (707) может показаться слишком большим, так как сам город внутри крепости был невелик, однако известно, что ремесленники обычно занимались своим ремеслом в лавках, где они и сбывали свои изделия. Кроме того, лавки при караван-сараях сдавались приезжим купцам. Для сухопутной торговли в начале XIX в. в Бакинском ханстве было около 470 верблюдов и примерно 3000 лошадей, что также указывает на значительные перевозки товаров караванами⁵⁶.

4. Социальные отношения и городской строй

В Бакинское ханство входила территория Апшеронского полуострова, где были расположены следующие 39 селений:

Маштага	Куркент
Нардаран	Зыря
Бильгя	Кала
Бузовна	Гоусан
Шахан	Рамана
Мардакян	Бинагади
Тюркан	
Забрат	Масазыр
Мухаммеди	Новхана
Дига	Сарай
Фатмай	Джорат
Горадиль	Хурдалан
Пиршаги	Хокмали
Кюрдахана	Гюздек
Кешла	Кобы
Ахмедли	Ходжа-Хасан
Зых	Биледжары
Амирхаджан	Кочевье Перекешкульское
Бюльбюля	Сурахана
Сабунчи	Балахана ² .

Столицей Бакинского ханства, его экономическим и административно-политическим центром был город Баку. Бакинское ханство по сравнению с другими ханствами занимало небольшую территорию (около 80 верст в длину и шестьдесят в ширину)³ и имело незначительное население, которое в 1820 г. не превышало 20 тысяч человек⁴. По сведениям Бакиханова, за исключением ряда селений Апшерона, населенных тюрками, жители остальных селений были татами⁵. Мы не располагаем статистическими данными, относящимися к городу Баку в XVIII в. Однако сведения некоторых путешественников и архивные данные позволяют считать количество жителей в Бакинской крепости в это время не более 7 тысяч человек.

По сведениям Зейнал-Абидина Ширвани, население Баку в конце XVIII в. составляло около 3 тысяч семей⁶. Однако эта цифра сильно преувеличена, так как если считать на каждую семью в среднем по 5 душ, то население города будет составлять около 15 тысяч жителей, что не подтверждается другими источниками.

По данным 1807 г., «домов числится в городе 500; жителей около 3000»⁷, но в ведомости, составленной генерал-лейтенантом Репиным в 1810 г., даются, по-видимому, более точные сведения о составе населения города Баку в это время⁸. Четыре года, прошедшие после завоевания Бакинское ханства русским царизмом, не могли намного изменить социальный состав и облик города в конце XVIII и начале XIX вв. По этим данным, в 1810 г. в Баку и его предместьях был 931 дом, в которых проживало 2235 душ мужского пола⁹. Можно считать, что общее число местных жителей, включая женщин и приезжих, по-видимому, доходило до 6 тысяч человек.

Из указанного числа домов (931) 897 были населены «мусульманами алиевой секты», 24 дома — армянами и 10 домов — иудеями*.

* По-видимому иудеями названы горские евреи – таты.

По данным 1820 г., в городе и пригородах Баку проживало 1137 семей, или 5152 жителя¹⁰. Таким образом, население города вместе с приезжавшими составляло примерно 6—7 тысяч человек.

По данным К. Спасского-Автономова в 1851 г., через 45 лет после завоевания Баку царизмом, количество частных домов в крепости, принадлежащих местным жителям, было 1688, а число жителей мусульман-шиитов — 7875 ч.¹¹, не считая русских чиновников и купцов армян. Возможно, число домов в крепости за такой короткий срок могло так сильно увеличиться по сравнению с 1810 г. (931 дом), так же как и количество местных жителей, бакинцев. По-видимому, данные, приведенные К. Спасским-Автономовым соответствуют действительности.

После Баку по численности жителей второе место занимало селение Маштага, где проживало более 3 тысяч жителей. Селения Балахана, Бузовна, Новхана, Кала, Нардаран насчитывали свыше тысячи жителей каждое¹². Баку совместно с селениями составлял единую в хозяйственном отношении округу. Город снабжался всеми продуктами и ремесленными изделиями, в котором нуждалось городское хозяйство. Феодалная аристократия города, владевшая нефтяными и соляными промыслами, шафрановыми полями, фруктовыми садами и виноградниками, жила в городе, эксплуатируя подвластных ей раййатов и ранджбаров, прикрепленных лично к феодалу. Во главе феодальной иерархии стоял хан, который являлся верховным правителем ханства и пользовался неограниченной властью. Хан представлял интересы господствующего класса феодалов — землевладельцев и мулькадаров (владельцев мулька). После смерти Надир-шаха Мирза Мухаммад-хан, сын Даргах-Кули-хана Бакинского, один из приближенных офицеров шаха, оставшихся при армии, пользуясь своим положением и влиянием среди бакинцев, захватил власть в Баку и объявил себя независимым ханом, прогнав ставленника шаха — наиба Галема¹³. Династия бакинских ханов, просуществовавшая с 1747 г. по 1806 г., состояла из следующих представителей:

Мирза Мухаммад-хан I, сын Даргах-Кули-хана, правил с 1747 по 1768 г.*

Мелик Мухаммад-хан, сын Мирза Мухаммад-хана I, правил с 1768 по 1784 г.¹⁴

Мирза Мухаммад-хан II, сын Мелик Мухаммад-хана, правил с 1784 по 1791 г.¹⁵

Мухаммад Кули-хан, сын Мирза-Мухаммад-хана I, правил с 1791 по 1792 г.¹⁶

Хусейн-Кули-хан, сын Хаджи Али-Кули-ага, правил с 1792 по 1806 г.¹⁷

К феодальной аристократии города относились ханы, беки, мелики, ага, султаны, наибы, — представители господствующего класса, владевшие большими богатствами.

Бакинский хан был владельцем почти всех земель и домов своего ханства, писал Гамба¹⁸. При ханском управлении все земли считались собственностью хана, исчезло различие между землями дивана (казны) и собственными землями государя (хассэ)¹⁹.

К сословию беков и ага в ханский период относились ближайшие родственники хана и потомки старинной местной знати, бывших феодальных владельцев, несших феодальную службу при Сефевиде и Надир-шахе. Беками были также потомки наследственных вождей тюркских племен, переселенных сефевидскими шахами в Азербайджан, в частности на Апшерон. Бекское звание присваивалось ханом за службу, которая вознаграждалась не денежным жалованием, а предоставлением или части ханских доходов, или селений, жители которых должны были исполнять в пользу бека различные повинности²⁰. Беки и другие местные феодалы выполняли функции бывших шахских чиновников, управляя целыми селениями. Государственный аппарат был намного упрощен. Распределителем земельного фонда являлся хан, который выдавал жалованные грамоты «талика» на право управления селениями и другими землями. Титул мелика существовал еще в первой половине XVIII в. Согласно грамоте Даргах-Кули-хана, в 1731 г. Абдулла-бек, сын Гаджи-Селим-бека, был назначен меликом бакинского магала²¹. В административном отношении ханство делилось на магалы. В Бакинском ханстве магалами являлись селения Апшерона, где правили наибы. В подчинении у наивов были даруги, юзбаши, кетхуды и другие должностные лица. Наибы являлись наместниками хана и правителями. Так, например, Фатали-хан Кубинский, недовольный злоупотреблениями своего брата Абдулла-бека, наиба Шемахи, в 1770 г. назначил наивом вместо него Бакинского хана Мелик Мухаммада, которого он вскоре лишил этой должности, так как жители были недовольны им²².

В ханстве существовали также мелкие землевладельцы — му'афы, которые по своему положению стояли ниже беков. Му'афы были избавлены, кроме военной службы в феодальном ополчении (черик), от всех податей и повинностей в пользу Дивана и в пользу землевладельцев.

* Дата смерти Мирза Мухаммад-хана прочтена А. А. Алескер-заде на надгробном камне из мрамора на кладбище в Биби-Эйбате.

Му'афы составляли основную военную силу в ханстве²³. Противопоставленные зависимым и платившим подати раййатам, они были надежными военными слугами в феодальных ополчениях хана, на которых он мог положиться²⁴. Существовали также вооруженные отряды, выставлявшиеся беками-тиулдарами, и наемные войска. Во время правления Бакинского хана Мелик Мухаммада феодальное войско хана состояло из 500 человек²⁵.

Гмелин, будучи на Апшероне в 1770 г., застал в сел. Сарай воинов ханского ополчения — нукеров, которые в количестве 100 человек жили там, получая 50 руб. жалованья в год, во главе с юзбаши (сотником), получавшим 200 руб.²⁶. Нукеры, так же как и му'афы, были освобождены от податей и повинностей.

В документе от 1810 г., вскоре после ликвидации Бакинского ханства, приводятся данные, которые можно отнести и к концу XVIII в., о социальном составе населения Баку, освобожденного от податей и платящего их.

По социальному признаку население распределялось по числу душ мужского пола:

I. Освобожденных от податей:

- 1) беков — 98;
 - 2) мулл, сеидов и прочих представителей духовенства — 202;
 - 3) нукеров — 43;
- Всего — 343 (или около 15,5%).

II. Платящих подати:

- 1) разных мастеровых, как-то: портных, сапожников, кузнецов, плотников и тому подобных — 409;
 - 2) «промышляющих киржими и лодками» — 45;
 - 3) «промышляющих при городе черною работой» — 322 (или около 14%);
- Всего ремесленников и рабочих — 776 (или около 34,5%).
- 4) купцов — 395 (около 18%);
 - 5) мелочных торговцев, в т. ч. «торгующих разными крестьянскими мелочами» — 366;
- Всего — 761 (или около 34%).
- 6) «хлебопашцев» — 277;
 - 7) «извозчиков» — 78;
- Всего — 365 (или около 16%)²⁷.

Необходимо отметить, что несмотря на то, что до 1806 г. в Баку проживали хан со своей семьей, придворными и челядью, а также группа местной аристократии, бежавшей в 1806 г. из города, число жителей, не платящих подати, было большим. Значительное количество населения составляли грузчики и чернорабочие, работавшие в порту. Половина населения города состояла из ремесленников и купцов²⁸.

В соответствии с количеством ремесленников и купцов (1170 чел.) в городе насчитывалось 707 лавок, из них 500 отдельных лавок и 9 караван-сараев с 207 лавками в них²⁹.

Таким образом, эта значительная в процентном отношении группа населения (54,5%) определяла социальный облик Баку как города ремесла и торговли. Ремесленники, составлявшие около 20,5% мужского населения, состояли из ткачей, башмачников, шапочников, портных, чуречников, шерстобитов, красильщиков, серебряных и золотых дел мастеров, цирюльников и т. д.³⁰

Большому количеству духовенства — шейхам, муллам, сейидам — соответствовали 28 кварталных мечетей, мазар Биби-Эйбат с шейхом-мутаваллием и общиной дервишей, 12 мектебов и медресе, где преподавало в основном духовенство.

К высшему духовенству относились ахунды и казии, которые вели судопроизводство на основе шариата, ханских узаконений и местных обычаев. Особо важных преступников судил сам хан. К смертной казни мог приговорить только хан. Гражданскими и уголовными делами ведали казии. При допросе применялись пытки. Наказывали палочными ударами по пяткам, сечением розгами, выкалыванием глаз, отрубанием рук, обрезанием ушей, носа и т. д.³¹ Ханскими палачами и исполнителями наказаний являлись джеллады.

К привилегированному классу относились крупные купцы, владевшие капиталом и большим имуществом. Во главе купечества стоял мелик-гуджар, который был поверенным хана и вел торговые операции хана, а также разбирал тяжбы между купцами³².

В городе проживало также небольшое количество крестьян, занимавшихся сельским хозяйством в близлежащих селах, имевших свои огороды, сады и пашни. Здесь жили и беглые крестьяне, занимающиеся различной работой или нищенствующие на базаре³³. Под упомянутыми в документе извозчиками подразумевались, как видно, водовозы и лица, занимающиеся

перевозкой нефти и соли. К беднейшему населению города относились музуры — матросы товарных парусных лодок, поденщики-грузчики³⁴, занимавшиеся погрузкой и разгрузкой лодок и караванов. В городе находилось также большое количество дервишей и нищих, как во всех средневековых городах Востока. В конце XVIII в. податное население города — раййаты облагались различными податями и повинностями. Однако налоговое бремя несколько уменьшилось. В связи с избавлением от иранского владычества раййаты были освобождены от ряда податей, идущих в шахскую казну. Подати взимались в пользу хана и беков-землевладельцев. Одни и те же подати взимались то в пользу хана, то в пользу бека-землевладельца, то в пользу того и другого вместе³⁵. Мы располагаем весьма скудными данными о сборах в Бакинском ханстве. Они были, по-видимому, сходны со сборами в других ханствах. Подати эти в основном состояли из малуджихата в размере 1/10 доли урожая (пшеницы, ячменя и др.) и взимались в пользу землевладельца; в пользу хана взималась зерном и деньгами (тауджих) остальная часть малуджихата — 1/5 доля урожая. Затем существовали сборы под названием байрамлык, даругалык, куллух, дырнахлык, везирлик, пишкеш и т. д., взимавшиеся продуктами и деньгами³⁶. Для обработки земель хана существовало право на бигар. Крестьяне, работавшие при нефтяных колодцах, принадлежавших хану, выполняли отработочную повинность. Затем шли разные сборы на содержание ханского двора, государственного аппарата и войска.

По сведениям Гмелина, крестьяне-кочевники, живущие на Апшероне и занимавшиеся скотоводством и хлебопашеством, выплачивали бакинскому хану в год подати в размере 15 руб., а каждая семья по требованию хана должна была поставлять воина в полном вооружении для несения военной службы³⁷.

Согласно другому документу от 1796 г., поселяне платили хану подати деньгами по 1 руб. с женатого и по 60 коп. с холостого³⁸. В начале XIX в. подать эту платили: «с души дома достаточного по 3 р., посредственного по 2 р., а бедного по 1 р.»³⁹. Сумма подати в год составляла 3621 руб., кроме 1675 пудов ячменя, который хан отдавал бекам⁴⁰.

Кроме того, бакинский хан имел большие доходы с податей, взимаемых деньгами с индийцев-отшельников, живших в «Атешгях» в селении Сурахана, а также с индийских купцов, которые не платили определенную сумму. Сборы с них взимались сообразно обстоятельствам⁴¹. По словам Гмелина, бакинский хан взимал со своих подданных такую сумму денег, которую они собрать почти не могли⁴².

Тяжесть налогов значительно усугублялась произволом даруг, набов и сборщиков податей. Подати с раййатов города и селений собирали тиулдары взамен жалования за несение военной и другой службы.

Институт тиуля продолжал существовать, как и в предыдущие века, однако с той разницей, что в период ханства тиулдар владел не только рентой-налогом и другими сборами с селений, но и самими селениями вместе с живущими в них раййатами⁴³. В надписи, содержащей копию фирмана шаха Аббаса I (1615 г.) в Баку, указывается, что тиулдар взимал ренту-налог с раййатов через Диван⁴⁴. Однако во второй половине XVIII в. эти налоги мог взимать непосредственно сам тиулдар. В этот период как сам тиул, так и должность тиулдара на практике стала наследственной⁴⁵.

В Бакинском ханстве, так же как и в других ханствах, существовали феодальные институты, зависимая сельская община, сойургал, му'афи, тиул, мульк и т. д.⁴⁶ По поводу мулька в указанный период Бакиханов писал: «Как прежде, так и теперь, в Персии мюлькадарами называются помещики или владельцы недвижимых имуществ, приобретенных покупкою или наследством»⁴⁷. Основное различие между тиулом и мульком заключалось в том, что тиул был обусловлен службой государству, в то время как мульком безусловно владели⁴⁸.

В XVIII в. беки, городские купцы и ростовщики скупали у крестьян их сады, дома, имущество — мульки⁴⁹. Феодальная аристократия города во главе с ханом наживала огромные богатства за счет больших сборов податей и налогов с городского и сельского населения. Некоторые документы позволяют выяснить доходы хана, которые, по данным 1806 г., составляли общую сумму в год — 116 800 руб. ханскими деньгами, что соответствовало 81 760 русским рублям⁵⁰. Сумма доходов слагалась из:

- 1) подушной подати в сумме 3621 руб. и 1675 пудов ячменя в год;
- 2) 72 тыс. руб. от продажи 12 000 харваров нефти по 6 руб. харвар;
- 3) дохода с красилен — 1000 руб. в год;
- 4) дохода с монетного двора — 10 000 руб.;
- 5) пошлины за товары продуктовые и за убой скота около 6000 руб.;

- б) дохода за откуп ловли тюленей сроком на 13 лет — 10 000 руб.;
- 7) таможенного сбора с «таев» (выюк) провозимого товара по 1 руб., а с вывозимого по 20 коп.⁵¹

Кроме указанных доходов, хан имел также доходы с соли, доходы с ханского караван-сарая и 4 лавок, принадлежавших ему, сборы с торговли, таможенный сбор с товаров, привозимых главным образом на судах из Астрахани и т. д. Существовал также сбор под названием даругалык в пользу чиновников, исполнявших обязанности полицейских (11 человек), следящих за порядком в городе и охранявших дома жителей и лавки на базаре⁵².

На ханском монетном дворе чеканили монету «аббаси» из переплавленного русского серебряного рубля, из которого выбивалось по 10 и 12 аббаси, и персидского серебра с примесью лигатуры⁵³. Бакинские аббаси были самой низкой пробы. По словам Гмелина, в аббаси было серебра едва на 8 коп.⁵⁴ Кроме того, в Баку в конце XVIII—начале XIX в. чеканилась медная монета с чеканом «Бадкубе»⁵⁵. Из указанной суммы в 10 000 руб. хан получал не более 5 или 6 тысяч, остальные деньги шли на обрабатывание колодцев, перевоз нефти, добычу соли, ремонт крепости и на жалование бекам⁵⁶.

Ряд статей ханских доходов сдавался на откуп. Главнейшими предметами откупа в Бакинском ханстве были: 1) черная нефть, 2) белая нефть, 3) соль, 4) красильни, 5) убой скота, 6) лавки, 7) монетный двор, 8) даругалык — сбор в пользу даруги и т. д.⁵⁷

Бакинский хан, которому принадлежала значительная часть нефтяных колодцев и солеварен Апшерона, получал большие доходы от откупа на нефть и соль, которые шли раньше в шахскую казну. Гмелин со слов бакинских жителей называет бакинского хана чрезвычайно богатым⁵⁸. Многочисленные сборы, отданные в большинстве на откуп, тяжело отражались на развитии городской торговли. Откупщики грабили население города и сел, взимая суммы, намного превосходящие откупные, в свою пользу. Обычно откупщики платили в ханскую казну откупную сумму, а затем в увеличенном размере взыскивали эту сумму с городского населения.

Большим препятствием для городской торговли были таможенные сборы — рахдары, взимавшиеся со всех товаров, провозимых через владения хана. Так, например, в 70-х годах XVIII в. за каждый, мешок товара в таможене взыскивалась пошлина в размере одного аббаси, независимо от того, что находилось в мешке. А с каждого тулука бакинской нефти по пол-аббаси⁵⁹. По замечанию Гмелина, таможенные сборщики «будучи совсем бессовестны требуют для своей прибыли более»⁶⁰. Все эти сборы, налоги, пошлины тяжелым бременем ложились на райятов города и селений Апшерона, разоряя их.

Тяжелое положение райятов и произвол феодалов в городах приводил к обострению классовой борьбы, которая принимала различные формы — бегство крестьян из одного ханства в другое, убийство помещиков, поджог их владений и т. д. Нередко крестьяне укрывались в городах, часто нищенствуя в поисках работы.

5. Индусский храм огня в селении сураханы

Одним из интересных и своеобразных историко-архитектурных памятников близ Баку является старый монастырь и храм огня индусов-огнепоклонников, так называемый «Атешгях». Он расположен недалеко от моря на юго-восточной окраине селения Сураханы на Апшеронском полуострове, близ нефтяных промыслов, и в настоящее время окружен ими со всех сторон. Рельеф местности, где находится памятник — ровный. Кельи и храм были возведены одновременно в течение XVII—XIX вв. Кельи были обнесены общей стеной в конце XVIII в. «Атешгях» был сооружен проживавшей в Баку индусской общиной, большинство членов которой происходило из Северной Индии и относилось к касте сикхов¹.

Все сооружение, напоминающее караван-сарай, имеет в плане форму замкнутого пятиугольника и состоит из 24 келий и одной комнаты, в свое время служивших для размещения приезжих паломников. Посреди двора, образованного замкнутым пятиугольником стен, расположен храм-святилище, алтарь в виде ротонды, посередине которого находился колодец, откуда выходил газ (метан), горевший также над куполом в 4-х углах постройки. Сам храм-святилище представляет собой четырехугольное сооружение, открытое со всех сторон. На северной стене храма, обращенной к «балахане», выше арки вмонтирована индусская надпись. На четырех углах здания имеются четыре квадратные кирпичные трубы, через которые выходил горящий газ. В кельях отсутствуют окна. Над входом в кельи вмонтированы индусские надписи. Надписей над кельями двадцать, из них одна персидская. Близ храма-святилища к северо-востоку находится

четырёхугольная яма, теперь совершенно заваленная камнями, где прежде сжигали тела мертвых индусов на священном огне. К юго-востоку находился еще водяной колодец, также заполненный камнями. «Атешгях» в Сураханы состоит: 1) из собственно храма-святилища, 2) из келий отшельников индусов и 3) помещений для приезжающих гостей². Атешгях был построен местными мастерами, как видно, по плану индийцев, заказавших этот памятник. Известно, что зона Баку уже в раннем средневековье отмечалась в источниках как местность, где горели неугасимые огни. Самое раннее упоминание об этом встречается у византийского автора V в. Приска Панийского. Выходы горючего газа отмечались средневековыми армянскими и арабскими авторами VII—X вв. ал-Истахри, Мас'уди и др. и более поздними восточными и западно-европейскими источниками на Апшеронском полуострове — на острове Пир-Аллахи, в сел. Сураханы, в Бакинской бухте, на горе Шубаны. Однако наиболее сильные выходы газа были в сел. Сураханы. Не случайно, среди жителей Баку и донныне существует предание о том, что Джума-мечеть, находящаяся в крепости Баку, построена на месте храма огнепоклонников-зороастрийцев.

Начиная с IX в. и позже, арабские, персидские и турецкие источники говорят о Баку и его окрестностях как о городе вечных огней, где живут огнепоклонники. По-видимому, в Сураханы было святилище зороастрийцев-огнепоклонников, которые приезжали сюда на поклонение священному огню. После завоевания арабами Азербайджана и Баку и принятия жителями ислама «Атешгях» зороастрийцев перестал существовать, и о нем больше источники ничего не сообщали.

Поклонение огню в Сураханы возобновилось после XV века в виду развития экономических и культурных связей с Индией. Связи с Индией существовали в древности, об этом свидетельствуют находки ракушек «каури» в ряде районов Азербайджана и на Апшероне. Ракушки эти не относятся к каспийской фауне, а встречаются в Индийском океане и в других странах, где они в древний период и в раннем средневековье употреблялись как средство обмена, как деньги-монеты. Обильные находки каури в Мингечауре и других местах Азербайджана в эпоху бронзы и раннем средневековье свидетельствуют о торговых связях Азербайджана с Индией, вероятно, через Иран. Экономические и культурные связи с Индией особенно усилились в средневековье. Со второй половины XIII в., когда под властью монголов объединились все земли от России до Китая и создались условия для международной торговли, связи Азербайджана с дальними странами — Индией и Китаем значительно расширились.

В XV в. в Баку, Шемахе, Тебризе и других городах Азербайджана проживала колония индийских купцов, имевших в этих городах свои караван-сарай. В старой крепости Баку (Ичери шехер) сохранился по настоящее время индийский караван-сарай Мултаны, датируемый XV веком. Торговля индийских купцов в Азербайджане, закупувших, главным образом, шелк-сырец, производимый в Ширване— Шемахе, Ареше и других местах происходила в XV в. и позже. В XVII в. источники отмечают паломников индусов, прибывших из Индии для поклонения вечному огню в Сураханы близ Баку.

В XVIII в. богатые индийские купцы построили уникальный памятник-храм огня и кельи для паломников индусов в Сураханы. Отшельники, насчитывающие несколько десятков человек, жившие в Атешгях, поклонялись огню, вели аскетический образ жизни, стремясь к спасению души и умерщвлению тела. Прочитанные надписи в Атешгях, твердо устанавливают индусское происхождение сураханских огнепоклонников, а также и то, что Атешгях, состоящий из келий, караван-сарая и святилища был построен одновременно в XVIII в., в течение которого он достиг наибольшего процветания. Кельи были обнесены общей стеной в конце XVIII в.³ В таком виде храм сохранился до наших дней. Согласно сведениям Шардена, святилище огня в Сураханы посещалось в 60-х годах XVII в. как гебрами-парсами, так и индусами огнепоклонниками⁴. Одна из надписей Атешгях на келье № 8 составлена на персидском языке и свидетельствует о посещении Атешгях иранцем-зороастрийцем в 1745 г. Это говорит о том, что до индусов это святилище было храмом огня зороастрийцев.

В 1950 г. индийский ученый Дж. М. Унвала опубликовал в числе 16 фотографий-надписей Атешгях и персидскую надпись с предлагаемым им частичным чтением. В 1963 г. М. С. Нейматова, опубликовав чтение и перевод указанной надписи, дала перевод отдельных слов (некоторые из которых неправильно прочтены — бадек, сад, зу, сенамед), не уловив смысла стихотворного текста⁵. В предлагаемом ниже чтении и переводе персидской надписи, мы руководствовались общим смыслом надписи, учитывая стихотворную форму.

1. Огнепоклонники выстроились в ряд подобно голой горе.
2. Исфаганец достиг города Бадек (Бадекубе, т. е. Баку.— С. А.).
3. Да будет новый год благословенным в (гостеприимной) обители, сказал он.

4. Жилищем (его) стала лежанка. Созвездие Девы (знак зодиака, соответствующий шестому месяцу иранского солнечного года) год 1158 (соответствует 1745 г. н. э.— С. А.).

Надпись дана от третьего лица. В первой строке «Огнепоклонники выстроились в ряд подобно голой горе». Здесь автор надписи дает первое впечатление от выстроившихся в ряд нагих индусов, которых он увидел в храме. Во второй строчке автор говорит о себе, что он прибыл из города Ирана Исфагана и достиг города Бадек. Известно, что название Баку в восточных источниках XVII и XVIII вв. писалось как Бадекубе. Слово Бадек является сокращенным от Бадекубе для сохранения рифмы стиха. Зороастриец иранец прибыл в Баку, т. е. в Сураханы после нового года. Это объясняется в третьей строке надписи, где приводится благословение гостеприимной обители. В четвертой строке, где в слове «раф» диакритическая точка за неимением места была поставлена несколько вправо от буквы «ф» и поэтому неправильно прочтена предыдущими авторами, как «зу», не имеющая смысла. 4-я фраза: «жилищем (его) стала лежанка» точно показала бытовые условия отшельников и паломников, у которых в кельях вместо кровати стояла каменная лежанка. Далее слово «снабел» обозначает Созвездие Девы, т. е. знак зодиака, соответствующий шестому месяцу иранского солнечного года, и ясно высечен 1158 г., соответствующий 1745 г. н. э. Эта надпись свидетельствует о том, что зороастрийцы гебры не забыли свое святилище и через многие века продолжали посещать его, несмотря на то, что этот храм уже несколько столетий являлся индусским храмом огня.

Пять надписей Сураханского храма Атешгях были посланы В. М. Сысоевым в Индию и расшифрованы там. Эти надписи были переведены с английского языка на русский и опубликованы в 1946 г. автором этой работы. На самом храме-святилище, выше портала, обращенного к балахане, помещена 9-ти строчная надпись письмом дева-нагари, в атласе Б. Дорна таблица № 3, прочтенная в Индии и переведенная на английский язык. Надпись эта, являющаяся посвящением, имеет следующее содержание:

От. Приветствие почитаемому Ганеше. Благополучие. В эру почитаемого царя Викрамадитьи-раджи, это было построено (в следующий год, месяц, две недели и день). Для почитаемого пламени велено построить храм* (для почитаемой Джваладжи)** Будхадев'ом из Маджагама (-грама), (сейчас) проживающего в Курукшетра, принадлежащего к роду (кабила) Джваладева и сына дочери Сиванатадева. Стих 1. Богатство (погреченное) в жертву божества, в соблюдение на священном месте, достойным лицом для пропитания брахминов в жертву питрис и в дар аскетам, становится праведным. Лала Вирасуха(?) из торгового города (?) Ротака и (сейчас) проживающий в Богани или Бодгам). Дата, 9-й день темной половины Пауша, Самват 1873 г. (1816 г. н. э.).

Упомянутый Ганеша — бог мудрости. Эра Викрамадитьи исчисляется с 58 г. до н. э. По-видимому, храм-святилище существовал задолго до этой надписи и был первоначально построен Будхадев'ом из Маджагама (-грама). Надпись была сделана после реставрации памятника, Лала Вирасуха из торгового города Ротака, проживающим в Богани (или Бодгам).

Над входом в Атешгях на черном камне имеется надпись в шесть строк, воспроизведение которой помещено в нижней части шестого листа атласа Б. А. Дорна. Впервые текст этой надписи был опубликован в 1838 г. Э. Эйхвальдом вместе с разбором надписи, выполненным, очевидно, знаменитым санскритологом и языковедом Ф. Боппом. В. С. Воробьев-Десятовский читает с поправками и переводит эту надпись, следуя тексту, восстанавливаемому по атласу Б. А. Дорна.

1.: От, поклонение почитаемому Ганеше

2—3 Шлока. Благополучие! В эру почитаемого царя Викрамадитьи. Для почитаемого огня пор-

4 тал построен. Странствующий аскет Канчангир отшельник

5 Махадевы Котешвары, Рамадаты житель.

6 Восьмой день темной половины асоджа 1866 года (конец сентября, начало октября 1810 г. н. э.).

В санскрите От, слог часто встречающийся в начале надписей и рукописей. Ему с древнейших времен приписывалось мистическое значение. Махадева — эпитет Шивы. Упоминание этого имени в надписи указывает на то, что ее автор (Канчангир) — шиваит. Вступительная фраза — поклонение почитаемому Ганеше (богу мудрости) является санскритской, остальной текст надписи составлен на хиндустани⁶.

* Эта фраза переведена В. С. Воробьевым - Десятовским. Заметка по индийской эпиграфике. Эпиграфика Востока. IX, М.—Л., 1954, с. 83—84.

** Джваладжи — богиня, не почитаемая сикхами. Отсюда дается перевод на английский язык, расшифрованной в Индии надписи, из Управления генерального директора по археологическим делам в Индии (г. Новый Дели). См. Ашурбейли С.Б. Об истории Сураханского храма огнепоклонников, с. 51—52.

Вторая надпись из семи строк, выше первой, над входом в Атешгях, помещенная в верхней половине шестого листа атласа Б. А. Дорна, письмом деванагари в переводе В. С. Воробьевым-Десятовским следующего содержания:

1. В эру лучшего из царей Викрамадитьи
- 2—3 ...для почитаемого огня портал построен. Братья
- 4 Собхарадж и Утамчанд ...
- 5—6 ...
- 7 Одиннадцатый день темной половины сабана
1883 г. — 1827 г. н. э. конец июля и начало августа⁷.

Английский путешественник Джексон отметил 18 надписей Атешгях. Из них пятнадцать являются посвященными. Самая ранняя датирована 1713 годом, самая поздняя 1827 г. Надписи содержат имена лиц, которые жертвовали в пользу келий. Надписи сделаны на индусском языке с примесью санскритских слов. Некоторые надписи написаны шрифтом Гурумуки, а другие — шрифтом Нагари.

Большинство живших в Атешгях индусов пришли из севера Индии — из Лахора, Тенессерима, Качбуди, Мултана и т. д., говорили они на индустани. Пользуясь денежными пособиями своих соотечественников, индийских купцов, особенно Собра Могундаса, который имел по откупку сальянские рыбные промысла, индусы спокойно проводили свои дни в созерцании священного огня, а для богослужения имели брахмана. В 1860 г. Атешгях посетил академик Б. Дорн, заставший при храме пять индусов. Один из местных жителей — бакинец сообщил Б. Дорну, что индусы разделялись на четыре секты: последователи первой — сжигали своих умерших на огне (атеши), второй — бросали пепел их по ветру (бади), третьей — бросали пепел в воду (аби), четвертой — зарывали мертвецов в землю (хаки). Атешгях существовал до 1880 г., когда последний индус, оставшись один, уехал в Индию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Город Баку, будучи одним из древних городов Азербайджана, был известен на Ближнем и Среднем Востоке в раннем средневековье. Основой его экономики были добыча нефти и соли, разведение марены и шафрана в районе Баку и на Апшероне, вывоз которых в дальние страны Востока как сухопутными караванными путями, так и морем послужил важным фактором в его феодальном развитии. Апшерон, входивший в состав Ширвана, благодаря природным и хозяйственным особенностям, представлял собой обособленную от него географическую, экономическую и политическую единицу. Город Баку — экономический и политический центр Апшерона — был связан в хозяйственном отношении с его селениями, составляя единую округу феодально раздробленных владений, бывших в вассальной зависимости от Ширваншаха.

Многочисленные сохранившиеся архитектурные памятники, относящиеся к XI—XV вв., рассеянные как в старой крепости Баку, так и на Апшероне — крепостные сооружения, дворцовые постройки, мечети, построенные из известкового камня прекрасной тески — свидетельствуют о феодальной раздробленности Апшерона, о богатстве феодалов, эксплуатировавших податное население края.

Экономическое и культурное развитие города происходило неравномерно. Наиболее ранние известия о Баку, которые говорят о большой добыче нефти и соли, относятся ко времени владычества арабов.

До конца 30-х годов XIII в. Баку был одним из богатых экономических и торговых центров области Ширван. Монгольское нашествие и разорение страны в XIII в. подорвало экономику города и расстроило на время нефтяное хозяйство Апшерона и Баку. Однако позже, в конце XIII в., в XIV—XV вв., когда Баку становится главным портом на Каспийском море и столицей государства Ширваншахов Дербендской династии, Баку являлся одним из важных городов не только Азербайджана, но и всего Ближнего Востока. Баку принимал активное участие в международной транзитной торговле шелком и другими товарами между Востоком и Западом. Это был период феодального процветания города.

Несмотря на опустошительные войны XVI в. и ряд антифеодальных восстаний в Ширване, присоединенном к Сефевидскому государству, значение Баку как важного торгового центра и порта на Каспийском море не ослабло в связи с освоением Волжско-Каспийского пути.

После захвата Баку турками в конце XVI в. в начале XVII в. Баку вновь входит в состав Сефевидского государства. Усиление центральной власти, прекращение феодальных междоусобиц и разорительных войн с 40-х годов XVII в., пагубно действующих на развитие производительных сил страны, благоприятно отразились на развитии городской жизни Баку. Город посещают многочисленные иностранные купцы и путешественники, отмечающие оживление хозяйственной жизни его, рост ремесленного производства, большую добычу нефти и соли, вывозимых за пределы страны. Возрастает роль купечества в социальной жизни города. В его руках была сосредоточена вся внешняя и внутренняя торговля города и страны. Баку являлся важным портом на Каспии, через который вывозился транзитным морским путем главным образом шемахинский шелк и другие ремесленные изделия в Европу, Россию и другие страны. Феодальное процветание Баку продолжалось до конца XVII в., после чего отмечается упадок городской жизни и торговли, имевший место не только в Азербайджане, но и во всех странах Передней Азии.

Упадок городской жизни в Баку, продолжавшийся в течение первой половины XVIII в., объясняется не только перемещением торговых путей, феодальными междоусобными войнами и разорением страны, но также уменьшением вывоза нефти в связи с распространением огнестрельного оружия на Востоке и ненужностью употребления нефти в военной технике. Во второй половине XVIII в. наблюдается некоторое оживление городской жизни и торговли в Баку. После завоевания Бакинского ханства царизмом в 1806 г., прекращения внешних и внутренних войн и ряда других факторов появились предпосылки, способствовавшие росту производительных сил, развитию капиталистических отношений и большого подъема нефтяной промышленности в стране.

CONCLUSION

The city of Baku being one of the ancient cities of Azerbaijan was well-known in the Near and the Middle East in the early Middle Ages as Bagavan — the God's city in the connection of flaming gas. The basis of its economy was oil and salt output, madder and saffron cultivation in Baku and Absheron areas which exportation to the remote countries of the East either by land caravan ways or by sea had served as important factor in its feudal development. Absheron being a member of Shirvan thanks to the natural and economic features, presented itself isolated from it geographical, economical and political unit. The city of Baku, economical and political centre of Absheron, in economic relation connected with its villages putting together the unit region of feudal scattered ownerships, former in vassalage from Shirvanshah.

Numerous preserved architectural monuments which date from the XII—XV centuries scattered both in an old fortress of Baku and in Absheron — fortress constructions, palace buildings, mosques which were built by lime stones of excellent boards — testify about the feudal scattering of Absheron, feudals wealth who exploited taxable population of region.

Economical and cultural development of the city was happened uneven. The most early informations about Baku which tell about the great oil and salt output concern to the period of Arabian empire.

For the end of 20-s XIII c. Baku was one of the richest economical and commercial centres of Shirvan region. Mongolian invasion and destruction of the country in the XIII c. undermined the economy of the city and disturbed oil industry of Absheron and Baku. However, later at the close of the XIII c., in the XIV—XV centuries, when Baku became the main port on the Caspian sea and the capital of Shirvanshah state of Derbend dynasty. Baku was one of the important cities not only of Azerbaijan, but also of all the Near East. Baku took an active part in the international transit trade with silk and other goods between the East and the West. This was the period of feudal flourishing of the city.

Despite of devastating war of the XVI c. and a number of antifeudal revolts in Shirvan which had been joined to Sefevid state, the importance of Baku as the important commercial centre and port on the Caspian sea did not relax in connection with the making of the Volga—Caspian way.

After capturing Baku by turks at the end of XVI c. and the beginning of the XVII c. Baku again became a member of Sefevid state. Reinforcement of the central power, abolishment of feudal intestine and ruinous wars since 40-s XVII c. pernicious influencing on the developing of country's productive forces were reflected favourable on the developing of Baku city life. The city was visited by a number of foreign merchants and travellers who marked the reviving its economical life, growth of handicraft production, the great oil and salt output exported to the outside of the country. Was increasing merchants role in the social life of the city. In its hands was concentrated all external and internal trades of the city and country. Baku was the important port of the Caspian sea through which were exported transit sea ways mainly Shemakha silk and other handicraft goods to Europe, Russia and other countries. Feudal flourishing of Baku lasted till the end of the XVII c. after what was marking the decadence of city life and trade which took place not only in Azerbaijan but also in all the countries of the Middle East.

The decadence of the city life in Baku lasting during the first half of the XVIII c. was explained not only with the displacing the trade ways, feudal intestine wars and ruinous of the country but also with the reduction of exporting oil in the connection with the spreading of firearms in the East and there was no need for using oil in military techniques. In the second half of the XVIII c. is observed several reviving of city life and the trade in Baku. After the conquest of Baku khanate by czarism in 1806, ceasing the external and internal wars and a number of other factors appeared preconditions promoting the growth of productive forces, development of capitalist relations and the great raising of oil industry in the country.

Приложение 2

Сведения об Ашур-хане крупном феодале из тюркского племени Афшар сообщает А. Бакиханов, который пишет, что Ашур-хан, Сардар азербайджанский вместе с Фетх-Али-ханом Афшар двинулись со своим войском из Эривани в Ширван для борьбы с Сам-мирзой — самозванцем, выдававшим себя за сына шаха Хусейна. 24-го декабря 1155 г. (1743 г.) Мухаммад, сын Сурхя Казикумукского, защищая мнимые права Сам-мирзы, с лезгинским и ширванским ополчением встретили Ашур-хана с Фетх-Али-ханом близ шахского сада около города Аксу, где завязался бой. Фетх Али-хан и Ашур-хан победили неприятелей. Мухаммад, потеряв около 1000 человек убитыми и пленными, был ранен и бежал в Дагестан, а Сам-мирза удалился в Грузию. После этой победы Ашур-хан и Фетх-Али-хан осадили город Аксу, где заперлось небольшое число лезгин, и через несколько дней взяли его и разграбили начисто. Далее в семейной хронике рода Ашур-хана от 1743 г. сообщалось, что Надир-шах пожаловал Ашур-хану три селения на Апшероне: Сабунчи, Забрат и Кешля и поручил ему следить за порядком в области и защищать ее от врагов. Таким образом, эти нефтеносные земли были закреплены за потомками Ашур-хана после завоевания Азербайджана русским царизмом, которые были записаны русской администрацией как потомственные дворяне, под фамилией Ашурбековы. Приводим генеалогию рода Ашур-хана с 1743 г. (только мужское поколение за исключением Набат-ханум).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А л и я р - б е к отказался от титула бека, он сам и его дети стали раййатами (примечание в генеалогии).

² Н а б а т - х а н у м , дочь К о д ж а б е к а , (р. 1795 — ум. 1912 гг.) знатная, богатая бакинка, поэтесса, известная своей благотворительной деятельностью (участвовала в строительстве Шолларского водопровода, больницы им. Джапаридзе, бани для бедных жителей Баку и т. д.), построила большую красивую мечеть Таза-пир, которая была закончена в 1914 г. Набат-ханум умерла в возрасте 117 лет и похоронена у входа в мечеть.

³ Т е й м у р - б е к , сын К а р а - б е к а , нефтепромышленник (р. в конце 30-х г. XIX в. — ум. в сентябре 1908 г.) лежал в склепе и, согласно завещанию, через год в сопровождении его жены Туты-ханум и ряда родственников его тело было перевезено на пароходе в Иран и оттуда в Ирак и похоронен в Кербела. Над его могилой была построена мечеть.

⁴ А л и б е к (р. 1878 г. — ум. в янв. 1940 г.) и Б а л а б е к (р. 1882 г. — ум. 1937 г.), сыновья Т е й м у р - б е к а , нефтепромышленники. Алибек получил среднее образование в Баку. Балабек окончил русскую гимназию и экономические курсы в Тифлисе, меценаты. Дали образование Рухулла Ахундову (реальное училище), президенту АН Азерб. ССР академику Мир Асадулла Мир Касимову (Мед. Институт в Одессе), Ханифа Пирвердиеву (реальное училище) и др. Участвовали в строительстве Бакинского водопровода, больницы им. Джапаридзе, строительстве большой мечети в Петербурге и т. д. Балабек был арестован в 1935 г. и выслан в Казахстан. Посмертно реабилитирован.

⁵ Р е ш а д - б е к , сын Б а л а б е к а (р. 1909 — ум. 1944 г.), военврач только окончивший мед. институт, был смертельно ранен при взятии советскими войсками Будапешта в Венгрии в 1944 г. в сентябре месяце и там в селении похоронен.

⁶ Х а д ж и - М е х т и К у л и б е к сын А х м е д - б е к а (р. 1837 — ум. в 30-х годах XX в.), был послан в 1894 г. в Москву представителем аристократии и дворянства города Баку на коронавание царя Николая II с богатыми подарками (золотой кинжал с драгоценными камнями и др.), за что был награжден орденом Станислава.

⁷ И с а - б е к сын Х а д ж и - М е х т и К у л и б е к а (1881 — 1937 гг.) известный политический и общественный деятель. Арестован 31 декабря 1937 г. Расстрелян.

⁸ Х а д ж и И б р а г и м А ж д а р - б е к , сын М у с а х а н - б е к а (р. 1858 — ум. 1923 г.), построил голубую мечеть в Баку, напротив нового базара, и там похоронен.

ЛИТЕРАТУРА

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957.
- ² Микрофильм рукописи, использованной нами, находится в библиотеке Института востоковедения АН Азерб. ССР.
- ³ Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi, t. II, Paris, 1789. Буниятов З. М. Изд. текста, перевод прим. и прил. «Китаб талхис ал-асар ва аджаиб ал-малик ал-каххар». М., 1971.
- ⁴ Мухаммед ибн Ахмед Ийас ал-Ханафи. Нашк ал-азхар фи аджаиб ал-актар (рукопись Ленинградского отделения ИНА, В-1033).
- ⁵ Нами использован также английский перевод Худуд ал-Алам, изданный проф. В. Минорским с обширными и весьма ценными комментариями, см. Hudud al-Alam, translated and explained by V. Minorsky. E. J. W. Gibb Memorial Series, New Series, XI, London, 1937.
- ⁶ Миклухо-Маклай Н. Д. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. Ученые записки Института востоковедения, т. IX, М.—Л., 1954.
- ⁷ Hamdallah Mustawfi of Qazwin, ed. G. Le Strange, ser. E. J. W. Gibb, XXIII, Leiden, 1915.
- ⁸ Амин Ахмед ар-Рази. Хафт Иклим. Рукопись ИНА (Ленинградское отделение) АН СССР, № 606.
- ⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. III, перевод А. К. Арендса, М.—Л., 1946; Фазлуллах Рашид ад-Дин. Джамии ат-таварих, т. III. Сост. научно-критического текста на персидском языке. А. А. Али-заде, Баку, 1957.
- ¹⁰ Хасан-бек Румлу. Ахсан-ат-таварих, т. XI, рук. ЛГПБ, каталог Дорна, № 287.
- ¹¹ A Chronicle of the early Safawis being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i Rumlu, edited by C. N. Seddon, Gaekwad's Oriental series, v. I XLVII (Persian text); v. II LXIX (English trans). Baroda, 1931, 1934.
- ¹² Storey C. A. Persian Literature, a bio-bibliographical Survey, 1935—1936; И. П. Петрушевский. Иранские источники по истории Азербайджана, вып. I. Баку, 1949.
- ¹³ L. L. Bellan, Shah Abbas I, sa vie, son histoire, 1932. См. Storey, op. cit. sect. II, fasc. 2, pp. 310—312; И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л., 1949; Рахмани А. А. «Тарих-и алам арай-и Аббаси», Баку, 1960.
- ¹⁴ В Ленинградском отделении ИНА АН СССР, в Британском музее и т. д. См. Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения АН СССР, М.—Л., 1955; И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., изд. АН СССР, 1957, с. 536—538.
- ¹⁵ Tadhkirat al-muluk. A Manual of Safavid Administration translated and explained by V. Minorsky. «E. J. W. Gibb Memorial» Series, New Series, XVI, London, 1943.
- ¹⁶ Islam ansiklopedisi, 4 cilt, 33 cuz, Istanbul, 1947, s. 400—412.
- ¹⁷ Эвлия Челеби. Сияхат-намэ. Дар-са'адет, т. II, 1314 г. х.
- ¹⁸ Ашурбейли С. Б. Сияхат-намэ Эвлия Челеби как источник по изучению городов Азербайджана в первой половине XVII века, XXV международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, М., 1960.
- ¹⁹ Jourdain Catalani de Severac. Les Merveilles de l'Asie (Mirabilia Descripta) ed. H. Cordier, Paris, 1925.
- ²⁰ Memoire de la province du Sirvan, en forme de lettre adreesee au pere Fleuriau (Lettres curieuses et edifiantes etc.) t. II, Lyon MDCCCXIX.
- ²¹ Voyages d'un Missionnaire de la Compagnie de Jesus en Turquie, en Perse, en Armenie, en Arabie et en Barbarie, Paris, MDCCCXXX.
- ²² A Chronicle of the Carmelites in Persia, and the Papal Mission of the XVII-th and XVIII-th centuries, vol. I, 1939. London.
- ²³ Fr. Antoine de Gouvea. Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le roy de Perse Cha Abbas contre les empereurs de Turqie Mahomet et Achmet son fils, Rouen, 1646.
- ²⁴ R. Hakluyt. The principal navigations, etc. v. I, London, 1600, p. 347.
- ²⁵ R. Hakluyt. The principal navigations, etc. v. I. London, 1600, p. 400.
- ²⁶ Там же, с. 422—426.
- ²⁷ Очевидно, речь идет о коменданте крепости, который, судя по тексту, был местным жителем.
- ²⁸ E. Kaempfer. Amoenitatum exoticarum politico-physico-mediarum, Fasciculi V, 1712. Lemgo.
- ²⁹ Поливектов М. А. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.
- ³⁰ Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний и т. д. Ежемесячные сочинения., СПб., 1763, 1-ое полугодие.
- ³¹ Гербер И. Г. Продолжение известия о находящихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народами и землями и о их состоянии в 1728 г. (Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., Октябрь, 1760).
- ³² Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе, ч. 3, СПб., 1785.
- ³³ Рукописный отдел Ленинградского отделения ИНА АН СССР. Архив Б. Дорна, ф. 15, № 44 (548) 8; Петрушевский И. П. Персидские официальные документы как источники по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—XVIII вв. Проблемы источниковедения, изд. Ин-та истории АН СССР, т. III, М.—Л., 1940.
- ³⁴ Надписи, сохранившиеся на территории старой крепости Баку и Апшерона, опубликованы в работах А. А. Алескерзаде и М. Х. Нейматовой.

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана. Баку, 1985, с. 64
- ² Там же, с. 43—44.
- ³ Там же, с. 64.
- ⁴ Джафаров А. К. Мустьерская культура Азербайджана. Баку, 1983, с. 59—63.
- ⁵ Джафарзаде И. М. Гобустан. Наскальные изображения. Баку 1973, с. 6.
- ⁶ Джафарзаде И. М. Гобустан, с. 8.
- ⁷ Джафарзаде И. М. Гобустан, с. 18; Формозов А. А. Памятники первобытного искусства. М., 1966, с. 64—65.
- ⁸ Джафарзаде И. М. Гобустан, с. 12.
- ⁹ Гаджиев Д. В., Рустамов Д. Н. Рисунки рыб в наскальных изображениях Гобустана. Баку, 1987, с. 35—44.
- ¹⁰ Страбон. География. Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964. Кн. XI, VIII, с. 485.
- ¹¹ Аразова Р. Б. Каменные орудия труда ранних земледельческо-скотоводческих племен западного Азербайджана. Баку, 1986, с. 4.
- ¹² Рустамов Дж. Н. О результатах археологических раскопок Кобыстана за 1965 г. Тезисы докладов второй научной конференции аспирантов Ин-та истории АН Азерб. ССР. Баку, 1966, с. 3—5; Мурадова Ф. М. Гобустан в эпоху бронзы. Баку, 1979 (на азерб. яз.), с. 79—82; 104—107.
- ¹³ Рустамов Д. К., Мурадова Ф. М. Раскопки в Кобыстане. Археологические открытия 1970 года. М., 1971, с. 390—391.
- ¹⁴ Мурадова Ф. М. Гобустан в эпоху бронзы, с. 79—82, 104—107.
- ¹⁵ Мурадова Ф. М. Гобустан в эпоху бронзы, с. 88—89, 106—107.
- ¹⁶ Джафарзаде И. М. Гобустан, с. 28, 46—47; холм Язылы, камень 9, рис. 13; камень 38, рис. 1; камень 40, рис. 1, 2; камень 32, рис. 1.
- ¹⁷ Мурадова Ф. М. Гобустан в эпоху бронзы, с. 79—82.
- ¹⁸ Армянская география VII века по Р. Х. изд. К. П. Патканова. СПб., 1877, с. 40.
- ¹⁹ Джафарзаде И. М. Гобустан, с. 257—258, 262.
- ²⁰ Джафарзаде И. М. Гобустан, с. 53.

Глава I

РАННЯЯ ИСТОРИЯ АПШЕРОНА И БАКУ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

- ¹ Богачев В. В. Бинагады. Кладбище четвертичной фауны на Апшеронском полуострове. Баку, 1939, с. 7—46 (в дальнейшем В. В. Богачев. Бинагады ...); его же. Картины первобытной природы Апшерона. Баку, 1940, с. 30—82; Джафаров Р. Д. Новый представитель четвертичных носорогов Бинагадинской фауны. Труды ЕИМ АН Азерб. ССР в. X, Баку, 1955. А. А. Али-заде. Нефть и ее происхождение. Баку, 1957.
- ² Богачев В. В. Бинагады ..., с. 7—8, 20—24; его же. Картины первобытной природы Апшерона, с. 16, 30—82.
- ³ Богачев В. В. Картины первобытной природы Апшерона, с. 16.
- ⁴ Кир — окисленная нефть, смешанная с землей и затвердевшая.
- ⁵ Богачев В. В. Бинагады ..., с. 33.
- ⁶ Богачев В. В. Картины первобытной природы Апшерона, с. 79—82; Али-заде А. А. Нефть и ее происхождение, с. 10.
- ⁷ Богачев В. В. Картины первобытной природы Апшерона, с. 30—82.
- ⁸ Богачев В. В. Картины первобытной природы Апшерона, с. 71—82; его же. Бинагады ..., с. 39—44.
- ⁹ Гаджиев Д. В., Алиев С. Д. Остатки гигантского оленя в Азербайджане. Ученые записки Азгосмединститута, т. XVII, 1965, с. 51—52.
- ¹⁰ Замятин С. Н. Разведки по каменному веку в Азербайджане осенью 1953 г. Тр. Ин-та истории, т. XIII, Баку, 1958, с. 5.
- ¹¹ Богачев В. В. Картины первобытной природы Апшерона, с. 80—81.
- ¹² Пахомов Е. А. Об осмотре места находки кремневого ядра у Зыхского озера. Изв. АзФАН СССР, 1938, № 2, с. 39—40.
- ¹³ Пахомов Е. А. Об осмотре места находки ..., с. 40.
- ¹⁴ Устное сообщение Н. О. Бурчак-Абрамовича.
- ¹⁵ Археологический фонд Музея истории АН Азерб. ССР, инв. № 1109, 1275—2289; разведки С. А. Ковалевского, 1922, 12 марта.
- ¹⁶ Выражаю благодарность к. и. н. Гардашхану Асланову за это ценное сообщение, и Дж. Н. Рустамову за сведение о наскальных рисунках в Шихово.
- ¹⁷ Алиев И. Н. Результаты археологических работ на Апшероне. Тезисы докл. конф. «Великий Октябрь и развитие археологической и этнографической науки в Азербайджане». Баку, 1988, с. 31.
- ¹⁸ Асланов Гардашхан. Об археологических памятниках Апшерона. Материальная культура Азербайджана, т. IX, Баку, 1980, с. 69—80.
- ¹⁹ Джафарзаде И. М. Археологические разведки на Апшероне. Изв. АН Азерб. ССР, № 6, Баку, 1948, с. 90—92.
- ²⁰ Джафарзаде И. М. Гобустан, с. 265; его же. Наскальные изображения Кобустана. Труды Ин-та истории, т. XIII, Баку, 1958, с. 49, 57.
- ²¹ Выписка из путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря. Новые ежемесячные сочинения, ч. XIII, м-ц генварь, СПб, 1790, с. 36—38.
- ²² Древняя обсерватория Апшерона, журнал «Гобустан», 1973, № 3.
- ²³ Асланов Г. М. Археологические раскопки на Апшероне. Материальная культура Азербайджана, т. VI, Баку, 1965, с. 67—69.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Асланов Г. М. Археологические раскопки на Апшероне, с. 70—73.
- ²⁶ Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур. Баку, 1959, с. 167, 170—172, 175—176, 180—181.
- ²⁷ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964, с. 57; Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 329.
- ²⁸ Сообщение Г. М. Асланова.
- ²⁹ Гуммель Я. И. Отчет о раскопке кургана № 7 в 1935 г. Инв. 840 Н. А. И. И. АН Азерб.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Садыхзаде Ш. Новые археологические находки на Апшеронском полуострове. ДАН Азерб. ССР, Баку, № 4, 1964, с. 81—84.
- ³² Джафарзаде И. М. Археологические разведки на Апшероне. Изв. АН Азерб. ССР, 1948, № 6, с. 83—93.
- ³³ Ашурбейли С. Б. Очерк истории средневекового Баку. Баку, 1964, с. 26.
- ³⁴ Крупнов Е. Глиняная головка «скифа» из Закавказья. Вестник древней истории, 3—4, М., 1940, с. 370—371.
- ³⁵ Джафарзаде И. М. Археологические разведки на Апшероне, с. 83—93.
- ³⁶ Там же, с. 92—94.
- ³⁷ Тер-Григорьян Т. И. Из далекого прошлого г. Баку. Изв. АзФАН АН СССР, Баку, 1943, № 7, с. 81.
- ³⁸ Эфенди М. Э. Отчет по обследованию площади бывшего Александро-Невского собора и окружающих сооружений в связи с производством работ по его сносу, 4.XII.1936 г. Архив Ин-та сооружений и стройматериалов АН Азерб. ССР.
- ³⁹ Эти сведения со слов рабочего-землекопа Мешеди Худаверди сообщила нам 23 мая 1946 г. науч. сотрудник Института истории И. А. Меджидова, производившая этнографическое обследование и изучение сел. Баладжары, где жил в то время 103-летний Мешеди Худаверди. См. Джафарзаде И. М. Археологические разведки на Апшероне, с. 92.
- ⁴⁰ Исмизаде О., Джидди Г. Бакинская Гыз-галасы. Баку, 1968, с. 19—20 (на азерб. яз.).
- ⁴¹ Джафарзаде И. М. Гобустан, с. 174.

- ⁴² Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. История иранского государства и культуры. М., 1971, с. 118—120.
- ⁴³ Левиатов В. Н. Археологические раскопки 1945 г. при дворце Ширваншахов в г. Баку. Изв. АН Азерб. ССР, 1948, № 1, с. 115.
- ⁴⁴ Ибрагимов Ф. А. Раскопки 1986 г. в Бакинской крепости. Тез. докл. конф. «Великий Октябрь и развитие археологической и этнографической науки в Азербайджане», Баку, 1988, с. 56—58.
- ⁴⁵ Джидди Г. А. О результатах раскопок в городе Шемахе в 1986 г. Тезисы докладов... Баку, 1988, с. 54—56;
- Османов Ф. Л. Материальная культура Кавказской Албании. Баку, 1982, с. 75—89 (на азерб. яз.).
- ⁴⁶ Ибрагимов Ф. Редкая находка. Наука и жизнь, 1990, с. 18—19. (на азерб. яз.).
- ⁴⁷ Джафарзаде И. М. Древнелатинская надпись у подошвы горы Беюкдаш. ДАН Азерб. ССР, т. IV; Баку, 1948, № 7, с. 304—310; П. Х. Тумбиль. Римская надпись I в. н. э., обнаруженная в пределах Азербайджана (Кобыстан) ДАН Азерб. ССР, т. IV, 1948, № 7, с. 312—333; Ямпольский З. И. К римской надписи в Азербайджане. Изв. АН Азерб. ССР, 1949, № 1, с. 89; его же. Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-даш (Азерб. ССР). Вестник древней истории (далее — ВДИ) № 1. М., 1950, с. 172—177; Пахомов Е. А. Римская надпись I в. н. э. и легион XII фульмината. Изв. АН Азерб. ССР, № 1, Баку, 1949, с. 79—88.
- ⁴⁸ Евтропий. ВДИ, 1949, т. 3, VII, 23, с. 280.
- ⁴⁹ Flinders Petrie. Origin of the Book of the Dead, Ancient Egypt, 1926, June, Part, II, p. 41—45, цит. по ст. И. И. Мещанинова «Египет и Кавказ», Баку, 1927, с. 34—43.
- ⁵⁰ Мещанинов И. И. Египет и Кавказ, с. 37.
- ⁵¹ Ашурбейли С. Б. Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья. Труды Музея истории Азербайджана АН Азерб. ССР, т. I, Баку, 1956, с. 64—65.
- ⁵² Археологический фонд Музея истории Азербайджана АН Азерб. ССР.
- ⁵³ Ханьков Н. О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря (Записки Кавказ. отд. Императ. русского географического общ-ва), кн. II, Тифлис, 1853, с. 86—89; Stritter. Memoriae populorum etc., t. 1, p. 512—514, § 56—58. Hunicorum Caput. Imp. Theodosio II, Priscus, p. 64. An. 449.
- ⁵⁴ Ханьков Н. Указ. соч., с. 87.
- ⁵⁵ Ковалевский С. А. Лик Каспия. Баку, 1933, с. 118—120; его же. Кюрсанга и уровень Сарайской трансгрессии Каспия. Труды АЗНИИ, Баку, 1939; его же. Карта Птолема в свете исторических данных Албании (работа докладывалась в Институте географии АН СССР в 1939 г.).
- ⁵⁶ Мамедов А. В., Велиев С. С. Колебания уровня Каспийского моря в историческое время. Изв. АН Азерб. ССР, серия наук о Земле, 1980, № 5, с. 33—38.
- ⁵⁷ Бретаницкий Л. С., Датиев С. И., Елькин Г. А., Мамиконов Л. Г., Мотис Д. А. Укрепление в Бакинской бухте. Архитектура Азербайджана эпохи Низами. М., 1947, с. 96.
- ⁵⁸ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью, ч. III, Казань, 1849, гл. V, с. 25.
- ⁵⁹ Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам, Баку, 1926, с. 26; E. Eichvald. Reise auf dem Caspischen Meere und in den Caucasus in 1825—1826, t. I Stuttgart, 1834, s. 149; Дорн Б. Каспий, СПб., 1875, с. 66—67, 181—183.
- ⁶⁰ Дорн Б. Каспий, СПб., 1875, с. 66—67.
- ⁶¹ Там же, с. 171—173.
- ⁶² Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам, Баку, 1926, с. 24—25; Дорн Б. Каспий, СПб., 1875, с. 66—67, 119—120.
- ⁶³ Lenz E. Ueber die veränderungen der Höhe welche die oberfläche des Kaspischen Meeres bis zum April des Jahres 1830 erlitten hat. (Memoires de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersb. 6 serie, tome II) St. Petersb. 1833, s. 78—82.
- ⁶⁴ Lenz E. Указ. соч., с. 78—82.
- ⁶⁵ Выписка из путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год... Новые ежемесячные сочинения, ч. XX, м-ц генварь, СПб., 1790, с. 36—38.
- ⁶⁶ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 30.
- ⁶⁷ Птолемей К. География, кн. V, гл. II, с. 2; Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ч. I, Вестник древней истории, т. 2, 1948, с. 253.
- ⁶⁸ Птолемей К. География, кн. VIII, гл. 19, с. 7; Латышев В. В. Указ. соч., с. 257. Упоминается на Tab. Peut. (Cangaris) и у Anon. Rav. II, 10 (Tangarenon).
- ⁶⁹ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М., 1959, с. 140.
- ⁷⁰ Гейбуллаев Г. А. Топонимия Азербайджана. Баку, 1986, с. 97.
- ⁷¹ Pietro Della Valle. Voyages de Pietro Della Valle gentilhomme Romain, dans la Turquie, l'Egypte, la Palestine, la Perse, les Indes Orientales et autres lieux, Paris, MDCCXLV, tome III, p. 204.
- ⁷² Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, с. 666.
- ⁷³ Сообщение сделано мне в личной беседе, ныне покойным, З. И. Ямпольским.
- ⁷⁴ Бартольд В. В. Указ. соч., с. 666.

1. О датировке и названии города Баку

- ⁷⁵ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Стамбул, 1314 г. х., с. 300 (на турецком языке).
- ⁷⁶ Дарий I царствовал в 521—485 гг. до н. э., Дарий II — в 425—404 гг. до н. э. Челеби не указывает, который из них.
- ⁷⁷ Хаджи Зейнал-Абидин Ширвани. Бустан-ас-Сийаха Техран, 1315, с. 129 (на перс. яз.).
- ⁷⁸ Сасанидский царь Ануширван правил в 531—579 гг. н. э.
- ⁷⁹ ал-Мас'уди. Мурудж аз-Захаб (гл. XVII), пер.: В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда. М., 1963, Приложение III, с. 212.
- ⁸⁰ Левиатов В. Н. Об археологических раскопках 1946 г. в Баку. Изв. АН Азерб. ССР, 1948 г., № 8, с. 93.
- ⁸¹ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и др. республик, краев и областей Кавказа, вып. IV, Баку, 1949, № 1079, с. 32.

- ⁸² Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана. I Труды об-ва обс. и изуч. Азерб. Баку, 1926, № 57, с. 43; его же. Клады Азербайджана..., вып. II, Баку, 1938, № 374, 375, с. 18—20; его же. Монеты Азербайджана, вып. I, Баку, 1959, с. 12.
- ⁸³ Мухаммад Хасан-хан Этимад ас-Салтане, Рза Кули-хан Хидаят, Ахмед Кесреви Тебризи, И. Березин, Н. Ханыков, А. А. Али-заде и др. исследователи высказали предположение о существовании Баку в доарабский период. См. Мухаммад Хасан-хан Этимад ас-Салтане. *Китаб ат-Тадвин фи ахвал-е Джибал-е Шарвин*, Стамбул, 1311 г. х., с. 10; Рза Кули хан Хидаят. *ФархангАнджумен Арай-и Насири*. Тегеран, 1288 г. х. (1870/71), Ахмед Кесреви Тебризи. *Намхай-и Шахриха ва дейехай-и Иран*, I, Тегеран, 1928; И. Березин. *Путешествие по Востоку*. Казань, 1850, ч. III, с. 5; Н. Ханыков. О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря (Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества), кн. II, Тифлис, 1853, с. 119; А. А. Али-заде. Некоторые сведения о Ширване. *Изв. АН Азерб. ССР*, № 12, 1947, с. 8—9.
- ⁸⁴ Ашурбейли С. Б. Топонимика Апшерона в связи с вопросом этногенеза азербайджанцев. *Изв. АН Азерб. ССР*, № 2, 1967, с. 54—57; Гейбуллаев Г. А. Топонимия Азербайджана, Баку, 1986, с. 108—109.
- ⁸⁵ Бакиханов А. К. *Гюлистан-Ирам*. Баку, 1970, с. 19 (на перс. яз.); Ашурбейли С. Б., указ. соч., с. 59.
- ⁸⁶ История Егише, пер. с армян. П. Шаншиева, Тифлис, 1853, с. 213—215; Мас'уди. *Мурудж аз-Захаб* (гл. XVII); Минорский В. Ф. *История Ширвана и Дербенда*. М., 1963, Прил. III, с. 212; Баладзори. *Книга завоевания стран*, текст и перевод с арабского П. К. Жусе, Баку, 1927, с. 5—7; Ашурбейли С. Б. Указ. соч., с. 59; Кудрявцев А. А. *Город, не подвластный векам*. Махачкала, 1976, с. 48—55; 96—117.
- ⁸⁷ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 18—19; Велиев-Бахарлы М. Г. *Азербайджан (физико-географический, этнографический и экономический очерк)*. Баку, 1921, с. 19—57. Ашурбейли С. Б. Указ. соч., с. 59.
- ⁸⁸ Ашурбейли С. Б. Указ. соч., с. 60—61.
- ⁸⁹ История Егише. Пер с арм. П. Шаншиева, Тифлис, 1853, с. 333—334; Феофилакт Симокатта. *История*. М., 1957, с. 36, 77, 102.
- ⁹⁰ Сказания Приска Панийского (Г. С. Дестуниса). Уч. зап. второго отделения Имп. Академии наук, кн. VII, в. 1-й, СПб, 1861, с. 61—65.
- ⁹¹ История Егише, с. 223—224. История Армении Фавстоса Бузанда. *Памятники древнеармянской литературы*. I, Ереван, 1953, с. 15. Ашурбейли С. Б., указ. соч., с. 62.
- ⁹² Ашурбейли С. Б., указ. соч., с. 63—66.
- ⁹³ *Этимологический словарь армянского языка* проф. Р. Ачаряна, Ереван, 1935.
- ⁹⁴ Абаев В. И. *Сборник. Иранские языки*. Л., 1945.
- ⁹⁵ *Этимологический словарь армянского языка* проф. Р. Ачаряна.
- ⁹⁶ Малов С. Е. *Памятники древнетюркской письменности*. М.-Л., 1951.
- ⁹⁷ Ахмед Кесрави Тебризи. *Намхайе шахрха ва дейеха-йе Иран*, I, Техран, 1928 (на перс. яз.).
- ⁹⁸ Эмин Н. *Очерк религии языческих армян*. М., 1864, с. 63—64.
- ⁹⁹ Как известно, при изучении ранней истории Азербайджана пользуются сведениями армянских источников, так как сочинения доарабского периода, т. е. сасанидского времени, до нас не дошли.
- ¹⁰⁰ Моисей Хоренский. *История Армении*, пер. с армянского Н. Эмина. М., 1858, с. 143—144.
- ¹⁰¹ *Армянская география VII в.* по Р. Х., текст и перев. Патканова К. П., СПб., 1877, с. 51.
- ¹⁰² Гевонд. *История Халифов*. СПб., 1862, с. 71—72.
- ¹⁰³ Моисей Хоренский. *История Армении*, пер. с арм. Эмина Н. О., М., 1893, с. 122—123.
- ¹⁰⁴ Профессор Модии из Бомбея об Азербайджане. *Сб. «Просвещение и культура»* (на азерб. яз.), 1925, № 2, с. 37—38; Модии, проф. Бомбейского университета в возрасте 92 лет, во время приезда в Баку в 1925 г. осмотрел Гыз-галасы в старой крепости Баку, а также храм огнепоклонников в сел. Сурахана на Апшероне.
- ¹⁰⁵ *Армянская география VII в.* по Р. Х., текст и перев. К. П. Патканова, СПб, 1877, с. 50—51.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 50—51.
- ¹⁰⁷ *Армянская география VII в.* по Р. Х., с. 50.
- ¹⁰⁸ al-Istakhrī. *Kitab Masalik al-Mamalik*. BGA, 1, ed. M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1870, p. 190.
- ¹⁰⁹ Гевонд. *История Халифов*. Пер. с арм. К. Патканова, СПб., 1862, с. 71—72; Буниятов З. М. О длительности пребывания хазар в Албании в VII—VIII вв. *Изв. АН Азерб. ССР, сер. общ. наук*, 1961, № 1, с. 30.
- ¹¹⁰ Гевонд. *История Халифов*, с. 72.
- ¹¹¹ M. J. Saint Martin. *Memoires historiques et geographiques sur l'Armenie*, I, Paris, 1818, p. 153.
- ¹¹² Ахмед Кесрави Тебризи. *Намхайе ...*
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ *Картлис Цховреба*, т. I, Тбилиси, 1955, с. 371 (на франц. яз.); т. II, 1959, с. 166 (на груз. яз.).
- ¹¹⁵ Мухаммад Хасан-хан Этимад ас-Салтане. *Марат ал-булдан*, I, Техран, 1881 (на перс. яз.).
- ¹¹⁶ Бурхане Гате. *Словарь перс. яз.*; сост. Мухаммад Хусейн (XVII в.), литогр. изд. т. I—II. Тебриз, 1278 г. х. (перс.).
- ¹¹⁷ Бастанни Паризи. *Ибнийя-йе дохтер кале-йе дохтер Керман Моджале-йе бастаншнаси*, шомаре 1—2, 1338 х., Техран, с. 106 (на перс. яз.).
- ¹¹⁸ *Geographic de Moise de Corène d'apres Ptoleeme*, texte armenien, traduit en francais par Le P. Arsene Soukry Mekhitariste. Venise, 1881, p. 37; *Армянская география VII в.* по Р. Х. изд. К. П. Патканов. СПб., 1877, с. 37—38.
- ¹¹⁹ Каспии упомянуты у автора V в. до н. э. Геродота (*История*, кн. III, гл. 92, перев. прим. Г. А. Стратановского). Л., 1972.
- ¹²⁰ Ашурбейли С. Б. Топонимика Апшерона в связи с этногенезом азербайджанцев, с. 56.
- ¹²¹ Птоломей. *География*, кн. VI, гл. II, с. 5; Латышев В. В. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе*, ч. I. *Вестник древней истории*, № 2, 1928, с. 255; Бакиханов А. К. *Гюлистан-Ирам*, Баку, 1970, с. 11.
- ¹²² Мардакан имеет суффикс — а к а н, что означает «место». Значение названия — «место (племени) Мард». Марды упоминаются у Птолемея (II в.). *География*, кн. VI, гл. II; В. В. Латышев. Указ. изд., с. 255.
- ¹²³ Проникновение тюркских племен в Азербайджан относят к I в. н. э.

- ¹²⁴ О курдах упоминается у Страбона (I в. до н. э. — I в. н. э.) и Птолемея (II в.); В. В. Латышев. Ук. изд., с. 255. Старые поселения курдов встречаются в Ширване в селе Курдиван у реки Ахсу и в других районах Азербайджана. Эти поселения в Ширване упомянуты в X—XI вв. в истории Ширвана и Дербенда.
- ¹²⁶ Сельджукские племена Ахмедли, по-видимому, появились на Апшероне в XI в. Велиев М. Г. (Бахарлы) Азербайджан. Баку, 1921, с. 37.
- ¹²⁶ Иллюстрированный географический словарь, т. I, изд. II, Венеция, 1903—1905, с. 364.
- ¹²⁷ BGA, I, ed. M. J. De Goeje, al-Istakhri, Lugduni—Batavorum, 1870, p. 187, 190.
- ¹²⁸ BGA, VIII, ed. M. J. De Goeje, al-Masudi, Kitab at-tanbih wa'l-Ischraf, Lugduni—Batavorum, 1894, p. 60.
- ¹²⁹ Вторая записка Абу-Дулафа. Изд. текста, пер., введение и комментарии П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова. М., 1960, с. 36, араб. текста, 12.
- ¹³⁰ Худуд-ал-алем, рукоп. Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930, с. 66, л. 336.
- ¹³¹ BGA, III, ed. M. J. De Goeje, al-Mokaddasi, Lugd. Batavorum, 1877, p. 374, 376.
- ¹³² Тазакир диван ал-асар ал-кадима би-л-хинд ал-адад 53, Сафат ал-ма'мур: Али ал-Бируни ал-Тактаха А. Заки Валиди Туган, Дели, 1936, с. 47 (на азерб. яз.). На сведения Бируни указал нам З. М. Буниятов.
- ¹³³ Abu Hamid al-Andalousi al-Garnati, Le Tuhfat al-Albab, ed. par G. Ferrand, Journal Asiatique, Juillet-Sept. P. 1925, p. 114.
- ¹³⁴ Хагани. Диван Хагани Ширвани. Тегеран, 1316, с. 34.
- ¹³⁵ Фазлуллах Рашид ад-Дин. Джами ат-таварих, т. III. Баку, 1957, перс. текст, с. 324.
- ¹³⁶ Хасан-бек Румлу. Ахсан ат-таварих. Рукопись Ленинградской Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, шифр Дорн, 287, с. 214, 252.
- ¹³⁷ Амин Ахмед ар-Рази. Хафт Иклим. Рукопись Ленинградского отделения ИНА АН СССР, № 606, л. 71а.
- ¹³⁸ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Т. 2. Стамбул, 1314 г. х., с. 300.
- ¹³⁹ Katib Tjelebi, Gihan Numa, Geographia Orientalis, I, 1818, p. 565.
- ¹⁴⁰ Йакут ал-Хамави. Му'джем ал-булдан, т. II, Бейрут, 1375 г. х. (1956 г.), с. 328 (на араб. яз.).
- ¹⁴¹ Binae Tabulae Geographicae una Nassir Eddin Persae altera Ulug Beigi, Tatar, Londini. MDCLII (1652), p. 130.
- ¹⁴² Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Casvini's Kosmographie, Die Denkmaler der Lander, Gottingen, 1848, s. 389.
- ¹⁴³ The Geographical part of the Nuzhat-al-Qulub, Hamd Allah Mustawfi of Qazwini in 740 (1340—) ed. by G. Le Strange, E. J. W. Gibb memorial series, vol. XXIII, Leyden, 1915, p. 92.
- ¹⁴⁴ Geographie d'Aboulfeda, trad. par Reinaud, II, 2, p. 1848, p. 145.
- ¹⁴⁵ Ибн Ййас. Нашк ал-азхар фи аджайиб-ал-актар. Рук. ИНА, Ленинградское отделение, ф. В-1033, л. 85а.
- ¹⁴⁶ The Geographical works of Sadik Isfahani transl. by J. C. London, 1832, pp. 74—75.
- ¹⁴⁷ Абд ар-Рашид Бакуви. Талхис ал-асар... и т. д. Рук. на араб. яз. в Парижской Национальной библиотеке, № 5299. Фотокопия рукописи Института востоковедения АН Азерб. ССР. Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Книга талхис ал-асар ва аджайиб ал-малик ал-каххар. Изд. текста, пер., предисл., прим. и прил. З. М. Буниятова. Москва, 1971, стр. араб. текста 55а.
- ¹⁴⁸ Derbend-nameh, pub. by Kazembeg. Memoires presentes a l'Academie imperiale des Sciences de St. Petersburg, VI, St. P. 1851, pp. 592—593.
- ¹⁴⁹ Искендер-бек Мунши. Тарих-и алам арай-и Аббаси. Литограф, изд. Тегеран, 1314, с. 515.
- ¹⁵⁰ Мирза Мехди-хан. История Надира. Тебриз, 1204 г. х., с. 1226.
- ¹⁵¹ Марат ал-булдан Насири Мухаммед Хасан-хан Этмад ас-салтане, Тегеран, 1293 г. х., с. 150—154.
- ¹⁵² Т. М. Мусеви. Средневековые документы по истории Баку. Баку, 1967, с. 63—64 (на азерб. яз.).
- ¹⁵³ Pietro Della Valle. Voyages de Pietro Della Valle, gentilhomme Romain, dans la Turquie, l'Egypte, la Palestine, P., 1745, p. 204.
- ¹⁵⁴ Дорн Б. Каспий. СПб., 1875, с. 66.
- ¹⁵⁵ al-Istakhri. Kitab Masalik al-Mamalik, BGA, I, ed. M. J. De Goeje. Lugduni—Batavorum, 1870.
- ¹⁵⁶ Багров Л. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. Зап. по гидрографии, вып. 35; Алиев Ш. Исторический обзор и анализ карт Каспийского моря до начала XIX в. (диссерт., АГУ, 1948).
- ¹⁵⁷ Али-заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., Баку, 1956, с. 208.
- ¹⁵⁸ Пахомов Е. А. Клады Азербайджана и др. республик и краев Кавказа, вып. II, Баку, 1938, с. 40—43; его же. Монетные клады Азербайджана..., вып. III, 1940, с. 54, № 876.
- ¹⁵⁹ Ковалев А. А., Шарбатов Г. Ш. Учебник арабского языка. М., 1960, с. 500.
- ¹⁶⁰ Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий. СМОМПК, вып. 40, Тифлис, 1909, с. 21.

Глава II

РАННЕФЕОДАЛЬНЫЙ БАКУ (VII—X вв.)

1. Политическая история. Баку под управлением Арабских халифов и Ширваншахов

- ¹ Под Азербайджаном мы подразумеваем Южный Азербайджан или Атропатену античных авторов, ныне входящий в состав Иранского государства. Северным Азербайджаном мы называем в настоящее время Азербайджанскую Республику.
- ² Еремян С. Т. Феодальные образования Картли в период марзбанства (532—627 гг.). Тезисы диссерт., Л. 1935 г., с. 3; Буниятов З. М. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, с. 38.
- ³ Армянская география VII в., с. 58. Marquart J. Eransahr nach geographie der Ps. Moses Xorenci. Berlin, 1901, s. 108—136. Буниятов З. М., указ. соч., с. 39.
- ⁴ Abu'l Kasim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordadbeh. Kitab al Masalik wa'l-Mamalik, BGA, ed. M. J. de Goeje Pars sexta, Lugduni—Batavorum, 1889, арабск. текст, с. 118—119; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Пер. с араб. Наили Велихановой. Баку, 1986, с. 106.
- ⁵ Там же, с. 17 (араб. текст); Ибн Хордадбех. Книга путей и стран, с. 61, 160—161.
- ⁶ The Chronicle of Zachariah of Mitylene, tr. by F. L. Hamilton and E. W. Brooks, London, 1899, p. 327—328. Пигулевская Н. В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа, ВДИ, 1939, № 1, с. 114; Буниятов З. М. Указ. соч., с. 39—40.
- ⁷ Буниятов З. М. Азербайджан в VII—IX вв., Баку, 1965 г., с. 71—85.
- ⁸ Annales quos scripsit Abu Djafar... at-Tabari... ed. M. J. de Goeje, ser. 1, Lugduni Batavorum, 1893, 1, с. 2660, (арабск. текст); Chronique de Abou-Djafar-Mohammed-ben Djarir-ben Jezid Tabari traduite sur la version persane d'Abou-Ali Mohammed Bel'ami... par M. Hermann, Zotenberg, t. III, Paris, 1958 (фран. пер.), (далее ат-Табари, и Chronique de Tabari).
- ⁹ ал-Балазури. Книга завоевания стран (перевод П. К. Жузе). Материалы по истории Азербайджана. Об-во по изучению Азерб. Баку, 1927, с. 23.
- ¹⁰ ат-Табари, 1, с. 2665—2666; Chronique de Tabari... р.
- ¹¹ ат-Табари, 1, 1893, р. 2663—2664; Ибн ал-Асир, Тарих ал-Камиль. Пер. Жузе П. К., Баку, 1940, с. 12.
- ¹² ат-Табари, указ. соч., 1, с. 2663—2664; Ибн ал-Асир, указ. соч., с. 12.
- ¹³ История Егише, с. 215—216.
- ¹⁴ Мас'уди. Мурудж аз-Захаб (Гл. XVII), с. 72, перевод В. Ф. Минорского. История Ширвана и Дербенда. Прил. III, с. 212.
- ¹⁵ Якут ал-Хамави. Муджам ал-булдан. Пер. с арабск. З. М. Буниятова и П. К. Жузе. Баку, 1983, с. 15.
- ¹⁶ Там же, с. 15.
- ¹⁷ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1849, гл. V, с. 212; Али-заде А. А. Некоторые сведения о Ширване. Изв. АН Азерб. ССР, № 12, Баку, 1947, с. 7—9.
- ¹⁸ Менадра Византийца продолжение истории Агафиевой. Византийские историки, пер. с греческ. С. Дестуниса, СПб., 1860, с. 370—375.
- ¹⁹ ат-Табари, указ. соч., с. 2668; Буниятов З. М. О длительности пребывания хазар в Албании в VII—VIII вв. Изв. АН Азерб. ССР, серия общ. наук, 1961, № 1, с. 24—27.
- ²⁰ Н. Ханьков. О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря (Зап. Кавказ. отдела Императ. русского географического об-ва), кн. II, Тифлис, 1853, с. 86—89. См. Stritter. Memoriae populorum etc. t. I, p. 512—514; § 56—58 Hunicorum Caput. Imp. Theodosio, II, Priscus, p. 64, An, 449.
- ²¹ Ашурбейли С. Б. Топонимика Апшерона в связи с вопросом этногенеза азербайджанцев. Изв. АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права, 1967, № 2, с. 62—66.
- ²² Гевонд. История халифов, с. 71—72. Баладзори. Книга завоевания стран. Пер. с арабск. П. К. Жузе, Баку, 1927, с. 5; Буниятов З. М. О длительности пребывания хазар в Албании в VII—VIII вв. Изв. АН Азерб. ССР, серия обществ. наук, 1961, № 1, с. 22.
- ²³ Под названием «Арминийя» арабские авторы подразумевали все страны Закавказья, включенные арабами в халифат Омейядов в одно (четвертое) наместничество.
- ²⁴ История Агван Моисея Каганкатваци. Пер. с армянского К. Патканяна. СПб, 1861, с. 261; Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль, Баку, 1940, гл. V, с. 26, Буниятов З. М. Указ. соч., стр. 29.
- ²⁵ Гевонд. История халифов, с. 71—72.
- ²⁶ Булатов А. Б. Эпиграфические памятники камских болгар, с. 171; Ахмад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний. Перевод с арабского языка Буниятова З. М. Баку, 1981, с. 18, 22.
- ²⁷ Гусейнов Р. Сирийские источники об Азербайджане. Баку, 1960, с. 42.
- ²⁸ Ibn Miskawayh. The Tajarib al-umam or history of Ibn Miskawayh. E. J. W. Gibb memorial series volume VII, 1 ob. A. N. 421. Leyden, 1909, p. 199 (далее Ибн-Мискавейх); Пер. М. Азерли с пехлевийского источника Китаб аттадж... в арабской версии.
- ²⁹ ат-Табари, 1, 894—895.
- ³⁰ Менадр, указ. соч., с. 411.
- ³¹ Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М—Л., 1941, с. 86—87.
- ³² М. И. Артамонов. История хазар. Ленинград, 1962, с. 70, 124, 127; Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, с. 36.
- ³³ Балазури, с. 17—18, араб, текст, с. 12—13; ал-Куфи, VIII, с. 69—82.
- ³⁴ Якуби. История. Пер. с арабск. П. К. Жузе. Баку, 1927, с. 9—12.
- ³⁵ Там же, с. 5, 9—12.

- ³⁶ Ibn Khordadbeh, с. 17 (далее — Ибн Хордадбех). Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969, с. 55—62; Ричард Фрай. Наследие Ирана. М., 1972, с. 288—295; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран, с. 61, 160 (далее Ибн Хордадбех. Пер. Н. Велихановой).
- ³⁷ Мас'уди. Мурудж, с. 192; Балазури, с. 7, араб. текст, с. 5.
- ³⁸ Колесников А. И. Иран в начале VII в. — ПС. Л., 1970, вып. 22 (85), с. 55.
- ³⁹ ат-Табари, I, 2666—2668; Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль. Пер. с арабск. П. К. Жузе. Матер. по истории Азербайджана, III, 12, Баку, 1940, с. 13; Бакиханов, с. 44 (персид. текст).
- ⁴⁰ Балазури, с. 20—22, арабск. текст, с. 14—16.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Буниятов З. Азербайджан в VII—IX вв., с. 159.
- ⁴³ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, М., 1963г., с. 44.
- ⁴⁴ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 44—47.
- ⁴⁵ Минорский В. Ф., указ. соч., с. 48.
- ⁴⁶ Chronique de Abou-Djafar-Mohammed-ben Djarir-ben Jezid Tabari traduite sur la version persane d'Abou-Ali Mohammed Bel'ami... par M. Hermann Zotenberg, t. III, Paris, 1958, p. 496. В. Догн. Versuch einer Geschichte der Schirwanschahe, Mem. de l'Acad. VI serie, scien. polit.-hist.-phil. t. IV, St. Petersburg, 1841, s. 536—537.
- ⁴⁷ Якубовский А. Ю. Ибн Мискавейх о походе Русов в Берда'а в 322 г.х. 943/4 г. Византийский Временник, т. XXIV, 1926, с. 92.
- ⁴⁸ Там же, с. 37.
- ⁴⁹ Мас'уди. Мурудж аз-захаб (глава XVII). Пер. В. Ф. Минорского. См. История Ширвана и Дербенда. Приложение III, М., 1963, с. 198—199.
- ⁵⁰ Мас'уди. Указ. соч., с. 199—200.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же, с. 200—201.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 47—48; Hudud-al-Alam, указ. изд., с. 405—406.
- ⁵⁵ Chronique de Tabari, указ. изд. стр. 496; В. Догн, Versuch einer Geschichte der Schirwanschahe, 536—537.
- ⁵⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 47.
- ⁵⁷ Там же, с. 51.
- ⁵⁸ Там же, с. 89.
- ⁵⁹ Там же, с. 51.

2. Экономическая жизнь Апшерона и Баку

- ¹ История албан Моисея Каланкатуйского. The history of the Caucasian albanians by Movses Dasxuranci transl. by C. J. F. Dowsett, London oriental series, vol. 8, London, 1961 (School of Oriental and African studies, University of London).
- ² История албан, с. 5—6. Приведенная цитата из работы Моисея Каланкатуйского взята из первой книги его «Истории албан» и написана, по мнению К. П. Патканова, Т. И. Тер-Григорьяна и других, в VII в., а третья книга относится к X в. и написана Моисеем Дасхуранским.
- ³ Дербенд-намэ — письменный памятник XVI—XVII вв., основывающий все свои данные на более ранних источниках, пока нам неизвестных. См. В. В. Бартольд. К вопросу о происхождении Дербенд-намэ. Сб. «Иран», т. I, 1926, с. 49—50.
- ⁴ Баладзори. Книга завоеваний стран. Пер. П. К. Жузе, с. 20; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 49.
- ⁵ Баладзори, указ. соч., с. 20, араб. текст., с. 14.
- ⁶ Йакут ал-Хамави. Му'джам ал-булдан, с. 14—15.
- ⁷ Сообщение начальника археологической экспедиции С. М. Казиева.
- ⁸ Dербенд-Nameh, pub. by Kazem-Beg (Mémoires présentés a l'Academie impériale des Sciences de St. Petersburg, t. VI, St.-Petersb. 1851, p. 543. (В дальнейшем Дербенд-намэ). Бакиханов А. К. Гюлистан-и Ирам, с. 51 (перс. текст).
- ⁹ Dio Cassius, 36, ed. Boissevain, t. 1, p. 259. Цит. по работе Н. Пигулевской. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, с. 57; Rachiid-eddin. Histoire des Mongols de la Perse, ed. Quatremère, texte, persane, Paris, 1836, p. 132, прим. 14; Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч., т. II, ч. I, М., 1963, с. 683—684.
- ¹⁰ Дербенд-намэ, указ. изд., с. 509.
- ¹¹ Там же, с. 590—592.
- ¹² Там же.
- ¹³ Дербенд-намэ, указ. изд., с. 590, 592; Бакиханов А. К. Гюлистан-и Ирам, с. 55 (перс. текст).
- ¹⁴ Дербенд-намэ, указ. изд., с. 592—593.
- ¹⁵ Там же, с. 590.
- ¹⁶ Там же, с. 592—594.
- ¹⁷ Там же, с. 590.
- ¹⁸ Al-Istakhrī, Kitab al-Masalik w'al Mamalik, I, p. 191.
- ¹⁹ Табаристанское море — одно из названий Каспийского моря.
- ²⁰ Сермахи — сорт рыбы (шамая).
- ²¹ Al-Istakhrī, указ. соч., с. 190.
- ²² Страбон. География. М., 1964, с. 485. C. J. F. Dowsett. A neglected passage in the History of the Caucasian Albanians (Reprinted from the BSOAS, 1957, XIX/3).
- ²³ Вторая записка Абу Дулафа, изд. текста, пер., введ. и коммен. П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова, М., 1960, арабск. текст, с. 42, русск. текст, с. 12.

- ²⁴ Что составляет 180 000 руб. в год с двух колодцев. В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, с. 683.
- ²⁵ Бартольд В. В. Указ. соч., с. 684.
- ²⁶ Al-Masudi, Kitab at-tanbih wa'l-Ischraf, Al-Masudi. VIII, 1894, p. 60; ал-Мас'уди. Мурудж аз-Захаб (глава XVII), указ. изд. с. 202.
- ²⁷ Al-Masudi, p. 60.
- ²⁸ В тексте дается слово атма, на которое обратили внимание при переводе В. Carra de Vaux, Н. А. Караулов, В. Ф. Минорский и др. исследователи. Н. А. Караулов переводит это слово на русск. язык как «вулкан». В. Ф. Минорский считает, что «атма» означает «дым» на греческом языке и относится к «вечному огню» внутри святилища в Сураханы на Апшероне. Слово «атма» на азербайджанском языке означает «выброс», от глагола «атмак», по-видимому, связано с извержениями горящего газа и «вечным огнем» в Сураханы.
- ²⁹ ал-Мас'уди. Мурудж аз-Захаб, указ. изд., с. 153—154.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Худуд ал-Алам. Рукопись Туманского с введением и указ. Бартольда, изд. АН СССР. Л., 1930, с. 66. Hudud al-Alam, p. 145; Бартольд В. В. Место прикаспийских областей..., с. 683.
- ³² Al-Moqaddasi. BGA, 11, ed. M. J. De Goeje, Lugduni Batavorum, 1877, p. 374, 376.
- ³³ Там же, с. 376.
- ³⁴ Ibn Haukal, Kitab al-Masalik wa'l Mamalik, BGA, 2, ed. M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1873, p. 240-242 (Далее: Ibn Haukal). Ибн Хаукаль. Из книги путей и царств (СМОМПК), вып. 38, Тифлис, 1908, с. 98—99.
- ³⁵ Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Kitab Masalik wa'l Mamalik. BGA, 1, ed. M. J. De Goeje, Lugduni Batavorum, 1870, p. 184 (Далее: Al-Istakhri).
- ³⁶ Al-Istakhri, указ. соч., с. 187.
- ³⁷ ал-Мас'уди. Мурудж аз-Захаб, указ. изд., с. 201—202.
- ³⁸ Ibn Haukal, p. 249.
- ³⁹ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и Закавказья. Баку, 1926, с. 22.
- ⁴⁰ Ibn Haukal, указ. соч., с. 249—250.
- ⁴¹ Al-Istakhri. Указ. соч., с. 182—183; Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1925, с. 34.
- ⁴² Джафарзаде И. М. Историко-археологический очерк старой Гянджи. Баку, 1949; Альтман М. М. Исторический очерк города Гянджи. Баку, 1949.
- ⁴³ Hudud al-Alam, p. 142—145.
- ⁴⁴ Пахомов Е. А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, вып. II, Баку, 1938, с. 18—19; его же. Монеты Азербайджана, вып. I, Баку, 1959, с. 12.
- ⁴⁵ Там же, с. 19—20; там же, с. 12.
- ⁴⁶ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана, вып. I, Труды Об-ва обследования и изучения Азербайджана, вып. 3, Баку, 1926, с. 20—21, 43, № 57; его же. Монеты Азербайджана, вып. I, Баку, 1959, с. 12.
- ⁴⁷ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана, вып. IV, Баку, 1949, с. 32, № 1079.
- ⁴⁸ Пахомов Е. А. Клады Азербайджана, вып. II, Баку, 1938, с. 24.
- ⁴⁹ Ibn Haukal, указ. соч., с. 250.
- ⁵⁰ Ibn Khordadbeh, p. 115—116. А. Ю. Якубовский. Ибн Мискавейх о походе Русов в Берда'а в 332 г. — 843/4 г. (Византийский Временник, т. XX, IV, 1926, с. 83—87, 92).
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Al-Istakhri, указ. соч., с. 188. Ibn Haukal, указ. соч., с. 245—246.
- ⁵³ Al-Istakhri, указ. соч., с. 188.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Al-Istakhri, указ. соч., с. 188.
- ⁵⁶ Al-Istakhri, указ. соч., с. 188. Ibn Haukal, указ. соч., с. 245—246.
- ⁵⁷ Al-Istakhri, указ. соч., с. 192—194.
- ⁵⁸ Ибрагимов Ф. А. Раскопки 1986 г. в Бакинской крепости. Тезисы докладов конференции «Великий Октябрь и развитие археологической и этнографической науки в Азербайджане», Баку, 1988, с. 56—58; Джидди Г. А. О результатах раскопок в городе Шемахе в 1986 г. Тезисы докладов конференции «Великий Октябрь...», Баку, 1988, с. 54—56; Османов Ф. Л. Материальная культура Кавказской Албании. Баку, 1982, с. 75—89 (на азерб. яз.).
- ⁵⁹ Исмизаде О. Ш., Ибрагимов Ф. А., Фоменко В. П. Археологические раскопки 1971 г. в Баку. Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. в СССР. Баку, 1972, с. 34—35.
- ⁶⁰ Раскопки 1967 г. под руководством кандидата историч. наук О. Ш. Исмизаде.
- ⁶¹ Ибрагимов Ф. А. Археологические раскопки 1985 года на территории Ичери-шехер. Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. Баку, 1986, с. 51—52.
- ⁶² Исмизаде О. Ш., Ибрагимов Ф. А., Минкевич-Мустафаева Н. В., Фоменко В. П. О раскопках у северных стен Баку. Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1973 г.), Баку, 1974, с. 53—58; Ибрагимов Ф. А., Исмизаде О. Ш., Фоменко В. П., Ахмедов Р. Д., Гусейнова С. Б. Результаты археологических исследований средневекового города Баку в 1978 г. Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1978 г.), Баку, 1982, с. 36—41.
- ⁶³ Ибрагимов Ф. А., Исмизаде О. Ш., Минкевич-Мустафаева Н. В., Фоменко В. П., Ахмедов Р. Д. Археологические раскопки 1976 г. в Баку. Баку, 1979, с. 40—44.
- ⁶⁴ Исмизаде О. Ш., Ибрагимов Ф. А., Минкевич-Мустафаева Н. В., Фоменко В. П. Раскопки в крепостной части города Баку. Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974 г.). Баку, 1975, с. 52—57.

- ⁶⁵ Ибрагимов Ф. А., Исмизаде О. Ш., Фоменко В. П., Ахмедов Р. Д., Гусейнова С. Б. Археологические раскопки 1979 года на территории Ичери-шехер. Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1979 г.). Баку, 1984, с. 66—72.
- ⁶⁶ Левиатов В. Н. Археологические раскопки 1945 г. при дворце Ширваншахов в г. Баку. Изв. АН Азерб. ССР, Баку, 1947, № 1, с. 115, 121—122.
- ⁶⁷ Левиатов В. Н. Об археологических раскопках 1946 г. в Баку. Указ. изд., с. 94—95.
- ⁶⁸ Левиатов В. Н. Археологические раскопки 1945 г. ..., указ. изд., с. 113—114.
- ⁶⁹ Там же, с. 113.
- ⁷⁰ Левиатов В. Н. К истории дворца Ширваншахов в Баку. Изв. АзФАН СССР, Баку, 1940, № 5, с. 21.
- ⁷¹ Пахомов Е. А. Отчет о работах по шахскому дворцу в Баку. Изв. Азербайджанского археологического комитета. Баку, 1926, с. 5.
- ⁷² Гарник В. Я. К изучению Бакинской средневековой керамики. ДАН Азерб. ССР, т. XIV, № 12, 1958, с. 1065—1067.

3. Управление городом, социальные отношения и культура

- ¹ Ibn Nauka I. Указ. соч., с. 249—250.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Буниятов Зия. Указ. соч., с. 159.
- ⁵ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 47—49.
- ⁶ Там же, с. 49.
- ⁷ Там же, с. 52.
- ⁸ Там же, с. 160.
- ⁹ Там же, с. 50, 51.
- ¹⁰ Там же, с. 49—50.
- ¹¹ Там же, с. 156—157.
- ¹² Тарихи Дербенд-наме, под ред. М. Алиханова - Аварского. Тифлис, 1898, с. 82.
- ¹³ Ibn Nauka I, указ. соч., с. 254; Zur chronologie der Gastaniden und Sallariden von R. Vasmer, Islamica, Lipsiae, 1927, s. 171; Huart Cl. Les Mosafirides de l'Adherbaidjan. A. volume of oriental studies, presented to E. G. Browne, Cambridge, 1922, p. 233.
- ¹⁴ Ibn Nauka I, указ. соч., с. 254—255.
- ¹⁵ ал-Маварди. Ал-ахкам ас-султания, Ал-Кахира, 1938, с. 110—126. Цит. по работе Зии Буниятова. Указ. соч., с. 136—137.
- ¹⁶ Балазури, указ. соч., с. 20.
- ¹⁷ Вторая записка Абу-Дулафа, изд. текста, перевод, введение и комментарии П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова. М., 1960, арабск. текст, с. 12.
- ¹⁸ Баладзори. Указ. соч., с. 21.
- ¹⁹ Ал-Калкашанди. Сабх ал-аши, Каир, 1919—22, XIV, с. 367—368. Цит. по работе Зии Буниятова, Азербайджан в VII—IX вв., Баку, 1965, с. 144—145. А. Мец. Мусульманский Ренессанс М., 1966, с. 72, 383—385.
- ²⁰ Ibn Nauka I, указ. соч., с. 250.
- ²¹ The history of the Caucasian albanians by Movses Dasxuranci, История албан Моисея Каланкатуйского, с. 201—203.

Глава III

БАКУ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ШИРВАНШАХОВ XI—XVI вв.

1. Политическая история

- ¹ Пахомов Е. А. Арабские и прикаспийско-иранские феодалы в Азербайджане X—XI вв. Сборник «Памяти академика Н. Я. Марра (1864—1934)», М.—Л., 1938, с. 426—428. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв., М., 1963, с. 155.
- ² Рашид ад-Дин, Мукатабат, изд. М. Шафи, Лахор, 1364/1940, с. 130. Рашид ад-дин. Переписка. Перевод А. И. Фалиной. М., 1971, с. 186. Памятники письменности Востока, XVII; V. Minorsky, Persia in A. D. 1478—1490. An Abridged translation of Fadlullah b. Ruzbihan Khunji's Tarikh-i 'Alam-Ara-yi Amini. London, 1957 (Royal Asiatic Society Monographs), vol. XXVI, p. 69; Гаффари — Джихан-ара.
- ³ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 53.
- ⁴ Там же, с. 54.
- ⁵ Там же, с. 53.
- ⁶ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 53-54. Ахмед ибн Лютфуллах (Мюнедджим-баши). Джами ад-дувал. Пер. с арабского А. Д. Мамедова. Труды Института истории, т. XII, Баку, 1957, с. 216 (в дальнейшем — Мюнедджим-баши).
- ⁷ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 54. Мюнедджим-баши, с. 216.
- ⁸ Мюнедджим-баши, с. 216.
- ⁹ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 56.
- ¹⁰ Там же, с. 58.
- ¹¹ Там же, с. 56.
- ¹² Там же, с. 58.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же, с. 59.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же, с. 59—60.
- ¹⁷ Там же, с. 60.
- ¹⁸ Там же, с. 60.
- ¹⁹ Там же, с. 60—61.
- ²⁰ A l - B o n d a r i . Histoire des Seljoucides de l' Irak texte arabe M. Th. Houtsma, 1889, Leyden, p. 140.
- ²¹ H a d i H a s a n . Falaki-i Shirwani, London, 1929, p. 8.
- ²² Там же.
- ²³ A l - B o n d a r i . Указ. изд., с. 40. H a d i H a s a n . Указ. раб., с. 4—6. В. Ф. Минорский. Указ. соч., с. 160.
- ²⁴ M o h a m m e d e n - N e s a w i . Histoire du sultan Djelal-ed-din Mankobirti Prince du Kharezm par Mohammed en-Nesawi, texte arabe, par O. Houdas, Paris, 1891, с. 175 арабск. текста. H a d i H a s a n , указ. работа, с. 5, прим. 2. Минорский В. Ф., указ. соч., с. 160.
- ²⁵ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 63.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Мирхонд. Роузат ас-Сафа, литогр. изд. Бомбей, 1271, т. IV, с. 172.
- ²⁸ H a d i H a s a n . Указ. раб., с. 35—39.
- ²⁹ K u l l i y a t - i K h a g a n i . Lucknow ed., pp. 61—2, 393, 481—484. M. B r o s s e t , Histoire de la Georgie, p. 397. В. В. Бартольд. Указ. раб., с. 46. Lettre de M. Khanukov, p. 117. Б. Дорн. Каспий, СПб, 1875, с. 524—530. H a d i H a s a n , указ. раб., с. 35—39.
- ³⁰ H a d i H a s a n , указ. раб., с. 35—39.
- ³¹ История и восхваление венценосцев. Груз. текст, перев. проф. К. С. Кекелидзе, Тбилиси, 1954 г., с. 28.
- ³² Там же, с. 57.
- ³³ Картлис Цховреба, изд. С. Каухчишвили, т. I, Тбилиси, 1955, с. 371.
- ³⁴ Диван Хагани Ширвани, Тегеран, 1317, с. 34.
- ³⁵ Ибн ал-Асир (В. Тизенгаузен, Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, 1884, с. 15). Рашид ад-Дин. История Чингиз-хана. Русск. пер. с прим. И. Н. Березина. Тр. Вост. отд. импер. русск. археологич. об-ва, ч. I, СПб, 1888, с. 136, C. d ' O h s s o n , Histoire des Mongols, t. I, La Haye et Amsterdam, 1834, p. 326—327.
- ³⁶ Ибн ал-Асир, ук. сб., т. I, с. 23. В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей..., с. 706—710.
- ³⁷ Ибн ал-Асир. Указ. сб., с. 23—24; Рашид-ад-дин. Указ. изд., с. 138.
- ³⁸ Рашид ад-дин. Указ. изд., с. 138—139. В. В. Бартольд. Указ. соч., с. 706—710.
- ³⁹ M o h a m m e d e n - N e s a w i . Указ. раб., с. 175; В. Ф. Минорский. Указ. соч., с. 160. H a d i H a s a n , указ. раб., с. 1—6.
- ⁴⁰ Киракос Гандзакети. История. Пер. с древнеармянского Т. И. Тер-Григорьяна. Баку, 1946, с. 119—120; C. d ' O h s s o n , указ. раб., т. III, с. 75. В. В. Бартольд. Указ. соч., с. 709—710.
- ⁴¹ Бакуви, указ. соч., л. 55.
- ⁴² C. d ' O h s s o n . Histoire des Mongols, t. III, La Haye et Amsterdam, 1834, p. 75.
- ⁴³ Бакуви, указ. соч., л. 55. Ибн Ийас. Нашк ал-азхар фи аджаиб ал-актар. Рукопись ИНА, Л., — 1033, л. 85а.
- ⁴⁴ Али-заде А. А. Указ. раб., с. 371.
- ⁴⁵ Таваккуль ибн-Баззас. Сафват ас-сафа. Рукопись ЛТГПБ, каталог Б. Дорна № 300 (перс).
- ⁴⁶ Пахомов Е. А. Краткий курс истории Азербайджана, Баку, 1923, с. 41—42.
- ⁴⁷ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. III, с. 25.
- ⁴⁸ Там же, с. 178.

- ⁴⁹ Odoric de Pordenone. Les voyages en Asie du bienheureux frere Odoric de Pordenone, religieux de St. Francois, publie... par H. Cordier, Paris, 1891, p. 35.
- ⁵⁰ Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, с. 722—723.
- ⁵¹ Бартольд В. Дербенд. Энциклопедия ислама, т. I. Лейден, Лондон, 1913, с. 943.
- ⁵² Рашид ад-Дин. Мукарибат-и Рашиди. Критич. текст под ред. Мохаммада Шафи. Изд-во Пенджаб, 1945, с. 124—130. Рашид ад-Дин. Переписка. Перевод А. И. Фалиной, М., 1971, с. 186.
- ⁵³ Пахомов Е. А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, вып. II, Баку, 1938, с. 40—41.
- ⁵⁴ Марков А. Каталог Джелаиридских монет. СПб, 1897, с. 4, 6, 16, 41, 44, 45, 61; Е. А. Пахомов. Клады Азербайджана, вып. II, с. 44—45.
- ⁵⁵ Марков А. Указ. раб., с. 3, 12.
- ⁵⁶ Мирхонд. Роузат ас-сафа. Бомбей, 1266 г. х., с. 170—171.
- ⁵⁷ V. Dorn, s. 561.
- ⁵⁸ Марков А. Указ. раб., с. 19, 28, 32, 33, 35, 41, 44, 45, 51, 53, 56.
- ⁵⁹ Тарих Джаннаби. Рукоп. Ин-та востоковедения Ленингрд. отд. АН СССР, Б., 173 (на араб, яз.), л. 9596; Мюнеджжим-баши о поздних Ширваншахах; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 170—171. Abderrazzak Samarkandi. Matla-as-Saadein ou-madjmaal bahrein. Notices et extr. des manusc. de la Biblioth. du Roi, t. XIV, 1 partie, Paris, 1843, p. 30; V. Dorn, указ. соч., с. 566; Петрушевский И. П. Государства Азербайджана в XV в. Сб. статей по истории Азербайджана, вып. I, Баку, 1949, с. 153—154.
- ⁶⁰ Пахомов Е. А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, вып. II, Баку, 1938, с. 44—45.
- ⁶¹ Шереф ад-Дин Али Йезди. Зафар-намэ, т. II, с. 166, т. I, с. 557—558, Техран (на персид. яз.); Notice de l'ouvrage persan qui a pour titre Matla as saadein... par M. Quatremere. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliotheque du Roi, t. XIV, Paris, 1843 (персид. текст и франц. перев.) (далее — Самарканди. Матла ас-Садейн, изд. Катрмера), с. 30, 31. Дорн, с. 556; Е. А. Пахомов. Клады Азербайджана..., вып. II, Баку, 1938, с. 44—45.
- ⁶² ас-Сахави Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Абд ар-Рахман (1427—1497) ад-Да'ал-лами ли-ахл ал-карн ат-таси. Каир, 1966, т. I, с. 188. См. З. М. Буниятов. Новые материалы о видных деятелях Азербайджана в эпоху средневековья. Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии, права, 1980, № 2, с. 63.
- ⁶³ Abderrazzak Samarkandi указ. соч., с. 70—71, 108—109; V. Dorn Указ соч., с. 571—573.
- ⁶⁴ Мирхонд, т. VI, с. 294; Хасан Румлу. Ахсан ат-таварих Рук. Ленингр. Публ. библ. по каталогу Дорна № 287, лл. 18—19; И. П. Петрушевский, с. 159.
- ⁶⁵ Хасан-бек Румлу, л. 195; V. Dorn. Указ. соч., с. 575—578; ас-Сахави, с. 188. Abderrazzak Samarkandi, указ. раб., с. 234—236; Мирхонд. Указ. раб., т. IV, с. 294—296; Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме, т. II, с. 101—102. М. N. Khanikoff. Memoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase, Journal Asiatique, cinquieme serie, t. XX, Paris, Aout, 1862, p. 142. Тарих Джаннаби, л. 9596; Мюнеджжим-баши, с. 171. И. П. Петрушевский, с. 160—161.
- ⁶⁶ Мирхонд, т. VI, с. 307—310, 408; Шараф-хан Бидлиси, т. II, с. 104—105; Мюнеджжим-баши, с. 172; V. Dorn, с. 578—579.
- ⁶⁷ Гази Ахмад Гаффари, с. 193; Walther Hinz. „Die Resala-ye Fa-lakiyya" des Abdollah ibn Mohammad ibn Kiyya al-Mazandarani Wiesbaden, 1952, s. 210; Буниятов З. М., с. 66.
- ⁶⁸ Persia in A. D. 1478—1490. An abridged translation of Fadlullah b. Ruzbihan Khunji's Tarikh-i Alam-Ara-yi Amini by V. Minorsky (Royal Asiatic Society Monographs, vol. XXVI, London, в дальнейшем — Тарих-и Амини), XXVI, 1957, p. 64—65.
- ⁶⁹ Тарих-и Амини, с. 80—81.
- ⁷⁰ Hasan-i Rumlu. A chronicle of the early Safavis being the Ahsan-ut-la-warikh, vol. I (persian text) ed. by C. N. Seddon, Varoda, 1931, p. 45, англ. перев. v. II, 1934, p. 19.
- ⁷¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 172—173.
- ⁷² Хондемир. Хабиб ас-сийар..., Литограф, изд. персид. текста, Бомбей, 1273 г. х., т. III, ч. 4, с. 31. Hasan-i Rumlu. Цит. изд. персид. текста, с. 45—47; англ. перевод, с. 19—20.
- ⁷³ Хондемир. Хабиб ас-сийар, с. 31; Hasan-i Rumlu. Цит. изд. перс. текста, с. 45—47; англ. пер., с. 19—20; Петрушевский И. П. Азербайджан в XVI—XVII вв. Сборник статей по истории Азербайджана, вып. I. Баку, 1949, с. 231.
- ⁷⁴ Hasan-i Rumlu. Цит. изд. перс. текста, с. 45; англ. пер., с. 19; Петрушевский И. П. Указ. раб., с. 231—232; Фирман Фаррух Йасара. ЛОИНА, фонд Дорна, пер. М. Х. Нейматовой; Ашурбейли С. Б. Очерк истории средневекового Баку. Баку, 1964, с. 124.
- ⁷⁵ Hasan-i Rumlu. Цит. изд., англ. пер., с. 19—20; перс. текст, с. 45—47; Петрушевский И. П. Указ. раб., с. 232; Ашурбейли С. Б. Указ. раб., с. 124; Эфендиев О. А. Образование Азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в., Баку, 1961, с. 88.
- ⁷⁶ Hasan-i Rumlu. Цит. изд., англ. пер., с. 19—20; перс. текст, с. 45—47; Петрушевский И. П. Указ. раб., с. 232; Ашурбейли С. Б. Указ. раб., с. 124—125.
- ⁷⁷ Хондемир. Цит. изд., т. III, ч. 4, с. 30—31; И. П. Петрушевский. Указ. раб., с. 232; Ашурбейли С. Б. Указ. раб., с. 125.
- ⁷⁸ Hasan-i Rumlu. Цит. изд., англ. пер., с. 20; перс. текст, с. 47; Петрушевский И. П. Указ. раб., с. 232; Ашурбейли С. Б. Указ. раб., с. 125; Эфендиев О. А. Указ. раб., с. 89.
- ⁷⁹ Hasan-i Rumlu. Цит. изд., перс. текст, с. 45—47, англ. пер.. Хондемир. Цит. раб., т. III, ч. 4, с. 30—31.
- ⁸⁰ Петрушевский И. П. Указ. соч., с. 232.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Мюнеджжим-баши. Джамии ад-дувал; Минорский В. Указ. Раб., с. 173; Рагимов А. В. Бакинский клад. Материальная культура Азербайджана, т. III, Баку, 1953, с. 113-114. V. Dorn. Указ. Соч. с. 590.
- ⁸⁴ Hasan-i Rumlu. Цит. изд., перс. текст, с. 41—44. Мюнеджжим-баши. Указ. соч.; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 173.

- ⁸⁵ Рагимов А. В. Бакинский клад. Материальная культура Азербайджана. III, Баку, 1953, с. 115—121; Е. А. Пахомов. Клады Азербайджана..., вып. II, Баку, 1938, с. 48—49, № 494, 495.
- ⁸⁶ *Hasan-i Rumlu*. Цит. изд., англ. пер., с. 49; В. Догн. Указ. соч., с. 591—592; С. Б. Ашурбейли. Указ. раб., с. 126; Эфендиев О. А. Указ. раб., с. 128—129.
- ⁸⁷ Scheref-Nameh, ou Histoire des Kourdes, par Scheref, prince de Bidlis, pub. par V. Veliaminof-Zernof, t. II, Texte persan, St. Petersburg, 1862, p. 146; Ашурбейли С. Б., указ. раб., с. 126, 127.
- ⁸⁸ Мюнеджжим-баши. Указ. раб. Минорский В. Ф. Указ. раб., с. 174; В. Догн. Указ. соч., с. 590—601.
- ⁸⁹ *Hasan-i Rumlu*. Цит. изд., перс. текст, с. 282, англ. пер., с. 129; Ашурбейли С. Б. Указ. раб., с. 127.
- ⁹⁰ *Hasan-i Rumlu*, с. 285—289; Мюнеджжим-баши, с. 174; Шараф-хан Бидлиси, т. II, с. 188; Хуршах. Тарих-и Ильчи-йи Низамшах, с. 62—64; Тарих Джаннаби, л. 961б; Закарийа ал-Казвини. Асар ал-билад, изд. Вюстенфельда, ч. II, с. 392. Сара Ашурбейли. Государство Ширваншахов. Баку, 1983, с. 272—274; Эфендиев О. А. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке. Баку, 1981, с. 81—82.
- ⁹¹ *Hasan-i Rumlu*, с. 289—290, 295; Шараф-хан Битлиси, т. II, с. 188; Мюнеджжим-баши, с. 174; Тарих Джаннаби, л. 961б; Сара Ашурбейли. Государство Ширваншахов, с. 272—274; Эфендиев О. А. Указ. раб., с. 82.
- ⁹² *Hasan-i Rumlu*. Цит. изд., перс. текст, с. 285—289; И. П. Петрушевский. Указ. соч., с. 266—267; Сара Ашурбейли. Указ. раб., с. 127; Эфендиев О. А. Указ. раб., с. 89—90.

2. Экономическая жизнь города Баку

- ¹ Тазакир диван ал-асар ал-кадима би-л-хинд ал-адад 53, са'ти ма'мур: Али ал-Бируни ал-тактаха А. Заки Валиди Туган, Дели, 1936, с. 47 (на арабск. яз.).
- ² Маджемал ат-таварих вал кесас та'лиф сал 520 х. бетесихе малек ашшуарайе бахар, дар Техран, 1318 шамси, с. 472 (на перс. яз.).
- ³ *Le Tuhfat al-Albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati*, ed. par Gabriel Ferrand (Journal Asiatique, Juillet-Septembre, 1925), Paris, 1925, p. 114; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в восточную и центральную Европу (1131—1153 гг.). Публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайт. М., 1971, с. 23—24, 55—56.
- ⁴ Мухаммад ибн Наджиб Бакран. Джахан-намэ, рукопись ИНА СССР, с. 612, л. 23б. Мухаммад ибн Наджиб Бакран. Джахан-намэ (Книга о мире). Изд. текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского. М., 1960, стр. перс. текста 52, л. 23б.
- ⁵ Мухаммад ибн Наджиб Бакран. Джахан-намэ, л. 20а. Мухаммад ибн Наджиб Бакран. Джахан-намэ (Книга о мире), стр. перс. текста 45; Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч. II, ч. I, М., 1963, с. 707—708.
- ⁶ Миклухо-Маклай Н. Д. Географическое сочинение XII в. на персидском языке. Ученые записки Ин-та востоковедения, т. IX, М. Л., 1954, с. 200.
- ⁷ *Jacut. Mujam-al-buldan, Jacuts geographisches Worterbuch*, herausgegeben von F. Wüstenfeld, Leipzig, 1, Band, 1866, s. 477 (в дальнейшем — Йакут Хамави).
- ⁸ *Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie zweiter Theil. Kitab asar al-belad. Die Denkmaler der Lander* herausgegeben von Ferdinand Wüstenfeld. Gottingen, 1848, s. 389 (в дальнейшем — Закарийа Казвини).
- ⁹ Крачковский И. Ю. Вторая записка Абу-Дулафа в географическом словаре Йакута. Изв. АН Азерб. ССР, 1949, № 8, с. 72—73.
- ¹⁰ Йакут Хамави. Указ. соч., с. 477.
- ¹¹ Закарийа Казвини. Указ. соч., с. 389.
- ¹² *The geographical part of Nuzhat-al-Qulub, Hamd-Allah Mustawfi of Qazwini in 740 (1340)* ed. G. Le Strange, ser. E. J. W. Gibb, memorial series, vol. XXIII, Leyden, 1915, p. 92, 207 (в дальнейшем — Хамдуллах Казвини).
- ¹³ Хамдуллах Казвини. Указ. соч., с. 207; Петрушевский И. П. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. Изв. АН СССР, 1937. Отдел обществ. наук, № 4, с. 906.
- ¹⁴ *Geographie d'Aboulfeda, traduite de l'arabe en francais* par Reinaud, t. II, deux. partie, Paris, MDCCCXLVIII, p. 145.
- ¹⁵ *Ramusio*, Giovanni Battista. *Delle navigationi e. viaggi raccolte gia G. V. Ramusio. In Venetia*, vol. II, 1569, 109.
- ¹⁶ Книга Марко Поло. Пер. старофранцузского текста И. П. Минаева. М., 1955, с. 56—57.
- ¹⁷ Левиатов В. Н. К истории дворца Ширваншахов в Баку. Изв. АН Азерб. ССР, 1940, № 5, с. 25.
- ¹⁸ Джафарзаде И. Археологические раскопки городища Оленка в 1951 г. Труды Ин-та истории и философии, IV, Баку, 1954, с. 128.
- ¹⁹ Фазлуллах Рашид-ад-Дин, том III, с. 23; Сборник летописей История монголов, сочинение Рашид-Эдина. Русск. перев. с прим. И. Н. Березина, с. 48, 55, 58, 72. Raschid ed-din. *Histoire des Mongols de la Perse*, ed. Quatremère, texte persan, Paris, 1836, p. 14, 132, прим. 14. Мирхонд. Роузат-ас-сафа. Бомбей. 1271, т. V, с. 69; В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей и т. д., с. 36—37.
- ²⁰ *Jourdain Catalani de Severac. Les Merveilles de l'Asie (Mirabilia Descripta)* ed. H. Cordier, Paris, 1925, p. 93—94.
- ²¹ *Barbaro Josafa. Viaggio di M. Josafa Barbaro Gentilhomme venetiano, nella Persia, parte secondo (Ramusio-Delle Navigationi et viaggi, v. II, Venetia, 1551)*, p. 109.
- ²² *The Travels of the Magnificent M. Ambrosio Contarini, ambassador of the illustrious signory of Venice to the Great Lord Ussuncassan, king of Persia, in the year 1473*, ed. by Lord Stanley of Alderley, London, printed for the Hakluyt Society, MDCCCLXXXIII, p. 145—146.
- ²³ Рукопись сочинения Бакуви, написанная на арабском языке под названием «Китаб Талхис ал-асар ва аджа'иб ал-малик ал-каххар» находится в Парижской Национальной Библиотеке под № 5299; Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб Талхис ал-асар ва аджа'иб ал-малик ал-каххар. Изд. текста, пер. З. М. Бунятова, М., 1971 (далее: Бакуви).
- ²⁴ Бакуви. Указ. соч., с. 89, араб. текст, с. 55а.

- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же, с. 89, араб. текст, л. 55б.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Джафарзаде И. Археологические раскопки 1946 года в Бакинской бухте. Изв. АН Азерб. ССР, 1947, № 7, с. 9; Ибрагимов Ф. А., Исмизаде О. Ш., Фоменко В. П., Гусейнова С. Б. Археологические исследования территории Ичери-шехер в 1980 году. Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1980—1981 гг.), Баку, 1986, с. 66—70.
- ²⁹ Ализаде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956, с. 42.
- ³⁰ Исмизаде О. Ш., Ибрагимов Ф. А., Минкевич-Мустафаева Н. В., Фоменко В. П. О раскопках у северных стен Баку. Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1973 г.), Баку, 1974, с. 53—58; Джафарзаде И. Указ. соч., с. 9.
- ³¹ Бартольд В. В. Отчет об осмотре древнего мусульманского кладбища в г. Баку. Известия императорской археологической комиссии, вып. 16. СПб, 1905, с. 119.
- ³² Пахомов Е. А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, вып. II. Баку, 1938, № 490, с. 47—48.
- ³³ Минкевич-Мустафаева Н. В. Гробницы в усыпальнице Ширваншахов. «ДАН Азерб. ССР», № 1, 1947, с. 44.
- ³⁴ Исмизаде О. Ш., Ибрагимов Ф. А., Минкевич-Мустафаева Н. В., Фоменко В. П. О раскопках у северных стен Баку, указ. изд., с. 53—58.
- ³⁵ Петров В. А. О растительных остатках Мингечаура. Стенограмма доклада в Отд. обществ. наук АН Азерб. ССР 4 мая 1949 г., с. 4.
- ³⁶ Нумизматический фонд Музея истории Азербайджана АН Азерб. ССР, инв. № 6222.
- ³⁷ Там же, инв. № 7052.
- ³⁸ Пахомов Е. А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, вып. II, Баку, 1938, с. 40, 41.
- ³⁹ Пахомов Е. А. Указ. раб., с. 44—45; Марков А. Каталог Джелаирских монет. СПб, 1897, с. 4, 6, 16, 41, 44, 45, 51.
- ⁴⁰ Хагани Ширвани. Диван. Тегеран, 1316 г. х., с. 34.
- ⁴¹ W. Heud. Histoire du commerce du Levant, t. I, Leipzig, 1923, p. 3—7, 46; Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении... Е., 1954, с. 57.
- ⁴² W. Heud. Указ. раб., с. 4—5.
- ⁴³ Там же. Chau-Ju-Kua. His woak on the Chinese and Arab Trade in the XII and XIII centuries, entitled Chu-fan-chi transl. from the Chinese and annot. by Hirth and W. W. Rockhill, St.-Petersb., 1912, p. 5—8.
- ⁴⁴ Пахомов Е. А. Старинные оборонные сооружения Апшерона. Труды Ин-та истории им. А. Бакиханова, т. I, изд. АН Азерб. ССР, Баку, 1947, с. 42—43.
- ⁴⁵ Левиатов В. Н. Археологические раскопки 1945 г. при Дворце Ширваншахов в г. Баку. Изв. АН Азерб. ССР, 1948, № 1, с. 113.
- ⁴⁶ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. IV, Баку, 1949, № 1094, с. 36.
- ⁴⁷ Ал-Истахри. Из книги путей и царств (СМОМПК), вып. 29, Тифлис, 1901, с. 20—21.
- ⁴⁸ W. Heud. Histoire du commerce du Levant, t. I. Leipzig, 1923, p. 4—5, 41—45; Я. А. Манандян. Указ. раб., с. 196.
- ⁴⁹ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана, вып. IV, с. 36—37, № 1097, 1100, вып. V, с. 35, № 1456.
- ⁵⁰ Бартольд В. В. К вопросу о полумесяце как символе ислама. Изв. ФАН, Пг., 1913, с. 457—477.
- ⁵¹ Исмизаде О. Ш., Ибрагимов Ф. А. Художественная штампованная керамика средневекового Баку. Баку, 1983, с. 3—69.
- ⁵² Левиатов В. Н. К истории дворца Ширваншахов в Баку. Изв. АзФАН СССР, № 5, Баку, 1940, с. 27; его же. Археологические раскопки близ дворца Ширваншахов. Материальная культура Азербайджана, 1, 1949, с. 123.
- ⁵³ Ал-Омари. Масалик-ул-абсар фи мамалик-ул-амсар. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб, 1884, арабск. текст, с. 215, русск. пер., с. 236.
- ⁵⁴ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. VII, Баку, 1957, с. 66.
- ⁵⁵ Миклухо-Маклай Н. Д. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке: Ученые записки Ин-та востоковедения, т. IX, М—Л., 1954, с. 204, 211.
- ⁵⁶ Абилова Г. А. О находках селадона в Азербайджане. Тр. Музея истории Азербайджана, т. I, Баку, 1956, с. 57.
- ⁵⁷ Левиатов В. Н. К истории дворца Ширваншахов в Баку. Изв. АзФАН СССР, 1940, № 5, с. 22—26; его же. Археологические раскопки..., с. 113.
- ⁵⁸ Ашурбейли С. Б. Некоторые данные об экономических и культурных связях Азербайджана с Китаем в средние века. Советское китаеведение, № 2, М., 1958, с. 123—128.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Сысоев В. М. Храм и монастырь огнепоклонников в Сураханах близ Баку. Изв. Азерб. археол. комитета, вып. I. Баку, 1925, с. 1—28; Ашурбейли С. Б. Об истории Сураханского храма огнепоклонников. Памятники архитектуры Азербайджана, М., 1946, с. 43—54.
- ⁶¹ Минкевич-Мустафаева Н. В. Гробницы в усыпальнице Ширваншахов. ДАН Азерб. ССР, № 1, 1947, с. 42—45.
- ⁶² Музей истории Азербайджана АН Азерб. ССР. Экспозиция средних веков.
- ⁶³ Ализаде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., Баку, 1956, с. 205—209, 371.
- ⁶⁴ Там же, с. 207—208.
- ⁶⁵ Таваккуль ибн Баззаз. Саффат-ас-сафа, рукопись ЛГПБ имени Салтыкова-Щедрина, на азерб. яз., с. 142.
- ⁶⁶ M. M. J. A. Buchon et J. Tostu. Notice d'un atlas en langue Catalane, manuscrit de l'an 1375, conservé parmi les manuscrits de la bibliotheque royale sous le № 6816, fonds ancien, in-folio maximo (Notices et extraits des Manuscrits de la Bibliotheque du Roi, etc.) t. XIV, Paris, MDCCCXLI, 3 carte, p. 118.

- ⁶⁷ Книга Марко Поло, указ. изд., с. 58.
- ⁶⁸ Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 28, № 11, СПб., 1881 (подл. текст с перев. и примеч. И. И. Срезневского), с. 177.
- ⁶⁹ W. Bartold. Vaku. Encyclopedie de l'Islam, t. I. Leyde, Paris, 1913, p. 622.
- ⁷⁰ W. Heyd. Histoire du commerce du Levant, II, Leipzig, 1923, p. 670—673.
- ⁷¹ Путешествие Ив. Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г., пер. Ф. Бруна (Записки Императорского Новороссийского университета, год I, т. I, Одесса, 1867), с. 30, 52.
- ⁷² The Travels of the Magnificent M. Ambrosio Contarini, ambassador of the illustrious signory of Venice to the Great Lord Ussuncassan, king of Persia, in the year 1473 ed. by Lord Stanley of Alderley. London, printed for the Hakluyt Society, MDCCCLXXIII, p. 144 (в дальнейшем — Контарини).
- ⁷³ Travels to Tana and Persia by Josafa Barbaro transl. from the Italian ed. by Lord Stanley of Alderley, London, printed for the Hakluyt Society, MDCCCLXXIII, p. 31 (в дальнейшем — Барбаро).
- ⁷⁴ G. M. Angiolello. A short Narrative of the life and acts of the king Ussun Cassano by Giovan Maria Angiolello. A Narrative of Italian Travels in Persia... London, printed for the Hakluyt Society MDCCCLXXIII, p. 114. И. П. Петрушевский. Государства Азербайджана в XV веке. Сборник статей по истории Азербайджана, вып. I, Баку, 1949, с. 193.
- ⁷⁵ Рюи Гонзалес де Клавихо. Указ. соч., с. 177.
- ⁷⁶ Travels to Tana and Persia by Josafa Barbaro... London, printed for the Hakluyt Society, MDCCCLXXIII, p. 86.
- ⁷⁷ The Travels of the Magnificent M. Ambrosio Contarini... London, printed for the Hakluyt Society, MDCCCLXXIII, p. 145—146.
- ⁷⁸ Breve Narratione Delia Vita et Fatti Del Signor Ussuncassano Fatta per Giovan Maria Angiolello, Secondo Volume Delle Navigazioni et viaggi, Venetia, MDLIX, p. 73в.
- ⁷⁹ A short Narrative of the life and acts of the king Ussun Cassano, by Giovan Maria Angiolello, A narrative of Italian Travels in Persia, in the fifteenth and sixteenth centuries, translated and edited by Charles Grey, London, printed for the Hakluyt Society, MDCCCLXXIII, p. 112—113.
- ⁸⁰ G. Berchet. La republica di Venezia e la Persia. Torino, 1865 (далее — Берше), с. 273.
- ⁸¹ E. P. Goldschmidt. The Lesina Portolan chart of the Caspian Sea. The Geographical Journal, vol. C III, №. 6, June 1944, The Royal Geographical Society, London, p. 272—277.
- ⁸² Бакуви. Указ. соч., с. 89, арабск. текст, л. 55а.
- ⁸³ Бакуви. Указ. соч., с. 89, арабск. текст, л. 55б.
- ⁸⁴ Бакуви. Указ. соч., с. 89, арабск. текст, л. 55а.
- ⁸⁵ Там же, с. 89, арабск. текст, л. 55б.
- ⁸⁶ Петрушевский И. П. Государства Азербайджана в XV веке. Сборник статей по изучению Азербайджана, вып. I, Баку, 1949, с. 196.
- ⁸⁷ Полное собрание русских летописей, т. VI, СПб., 1853.
- ⁸⁸ 2-я Софийская летопись в полн. собрании русских летописей, VI, с. 330; Софийский временник, т. II, с. 145; Хождение за три моря Афанасия Никитина, издание подготовили Я. С. Лурье и Л. С. Семенов. Ленинград, 1986, с. 5—6, 94—95; Петрушевский И. П. Государства Азербайджана в XV в. ..., с. 194; М. М. Альтман. Из истории торгово-дипломатических связей Москвы и Ширвана. Труды Ин-та истории им. А. Бакиханова, т. I, изд. АН Азерб. ССР, Баку, 1947, с. 157.
- ⁸⁹ Полное собрание Русских летописей (ПСРЛ), с. 330—354; Хождение за три моря Афанасия Никитина, с. 5—6.
- ⁹⁰ ПСРЛ, т. VI, с. 331; Хождение за три моря Афанасия Никитина, с. 19, 2-я Софийская летопись, ПСРЛ, т. VI, с. 332.
- ⁹¹ Мас'уди. Kitab at-tanbih wa'l-Ishraf, BGA, VIII, ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894, p. 63. Рашид-ад-дин Фазлуллах Хамадани. Мукашибат-и Рашиди. Изд. перс. текста проф. Хан Бахадур Мухаммад Шафи. Лахор, 1947, письмо № 34, с. 194—207.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Контарини. Указ. раб., с. 136; М. М. Альтман. Из истории торгово-дипломатических связей Москвы и Ширвана. Труды Ин-та истории, т. I, Баку, 1947, с. 159—160.
- ⁹⁴ ПСРЛ, т. VI, с. 43.
- ⁹⁵ Контарини. Указ. раб., с. 147, 151.
- ⁹⁶ Там же, с. 146.
- ⁹⁷ Рагимов А. В. Бакинский клад. Материальная культура Азербайджана, кн. III, Баку, 1953, с. 98—126.
- ⁹⁸ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана. Труды Об-ва обследования и изучения Азерб., вып. 3, 1926, с. 60—61, № 171—177; его же, вып. IV, 1949, с. 55—57, № 1179.

3. Социальные отношения и городской строй

- ¹ Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан. Баку, 1979, с. 50. (на азерб. яз.).
- ² Бертельс Е. Э. Избранные труды. Низами и Фузули. М., 1962, с. 141—142.
- ³ Пахомов Е. А. Монетные находки в АССР в 1924 г. Изв. Азерб. археол. ком., вып. I, Баку, с. 71—73.
- ⁴ Таваккуль ибн Баззас. Сафват ас-сафа. Рукопись ЛГПБ, каталог Б. Дорна, № 300.
- ⁵ Буниятов З. М., Нейматова М. С. Новый документ по истории Ширвана начала XII в. Доклады АН Азерб. ССР, т. 29, № 11—12, 1973, с. 85—86.
- ⁶ Бейлис В. М. Сочинения Мас'уда ибн Намдара как источник по истории Аррана и Ширвана начала XII в. ... Автореф. докт. дис., Баку, 1975, с. 40 (л. 123а, 125б) (далее — Сочинения Мас'уда ибн Намдара).
- ⁷ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 64, 97—98.
- ⁸ Пахомов Е. А. Старинные оборонные сооружения Апшерона. Труды Ин-та истории им. А. Бакиханова, т. I, Баку, 1947, с. 43.

- ⁹ Березин И. Путешествие по Востоку, т. II, Казань, 1852, с. 61; Павлинов А. М. Баку. Материалы по археологии Кавказа, вып. III, М., 1893, с. 90; Дорн Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб., 1861, с. 303.
- ¹⁰ Рзаев Н., Нейматова М. Х. Мечеть Низамеддина. Искусство Азербайджана, V, Баку, 1956, с. 235—237 (на азерб. яз.).
- ¹¹ Рзаев Н., Нейматова М. Х. Указ. соч., с. 237.
- ¹² Там же, с. 241.
- ¹³ Фазлуллах Рашид ад-Дин. Джамии ат-таварих. Сборник летописей, т. III, Баку, 1957, с. 115.
- ¹⁴ Сочинения Мас'уда ибн Намдара, с. 20, 28—30, 36—38; Минорский В. Ф. История Ширвана, с. 51, 54—55, 58, 59, 62.
- ¹⁵ Босворт К. А. Мусульманские династии. Пер. П. А. Грязневича. М., 1971, с. 141—142.
- ¹⁶ Бейлис В. М. Сочинения Мас'уда ибн Намдара, с. 19, 42—43.
- ¹⁷ Алескер-заде А. Надписи Мардакянской (круглой) башни Архитектура Азербайджана эпохи Низами. М., 1947, с. 380.
- ¹⁸ Сочинения Мас'уда ибн Намдара, с. 19, 28, 31; Али-заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., Баку, 1956, с. 207—209; Ашурбейли С. Б. Очерк, с. 106—107.
- ¹⁹ ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ал-Дина Манкбурны. Пер. З. М. Буниятова, Баку, 1973, с. 80 (далее — ан-Насави). Сочинения Мас'уда ибн Намдара, с. 34 (л. 86); В. Ф. Минорский. История Ширвана, с. 77.
- ²⁰ Сочинения Мас'уда ибн Намдара, с. 14—15; его же. Мас'уд ибн Намдар и городское население Байлакана. Изв. АН Азерб. ССР, серия ист., филос. и права, 1966, № 3, с. 55.
- ²¹ Сочинения Мас'уда ибн Намдара, с. 13—14, 31 (л. 150б, 237б); Н. Horst. Die Staatverwaltung der Grosselguquen und Horazmschahs (1038—1231) Wiesbaden, 1964, с. 51 (далее — Хорст); Ашурбейли С. Б. Организация и форма управления в городах Ширвана и Аррана XI—XIII вв. Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979, с. 13—14.
- ²² Сочинения Мас'уда ибн Намдара, с. 21, 31 (л. 210а, 200а, б); ан-Насави, с. 397; Хорст, с. 38—51.
- ²³ Сочинения Мас'уда ибн Намдара, с. 14—15, 34 (л. 126а, 105—107б).
- ²⁴ Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1966, с. 180—194; А. Массэ. Ислам. М., 1963, с. 86—96, 107—108; Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV вв., Л., 1966, с. 146—147; Сочинения Мас'уда ибн Намдара, с. 16; ан-Насави, с. 164, 167, 173, 189, 199, 200; Ашурбейли С. Б. Очерк, с. 13.
- ²⁵ Сочинения Мас'уда ибн Намдара, с. 16—17, 50.
- ²⁶ Ибн ал-Фувати IV/2, 1211. Буниятов З. М. Государство атабеков Азербайджана. Баку, 1978, с. 187.
- ²⁷ Дорн Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества, ч. VIII, СПб., 1864, с. 302—303. Надпись прочтена А. А. Алескер-заде.
- ²⁸ Дорн Б. Указ. соч., с. 302—303; Алескер-заде А. Две строительных надписи эпохи ширваншаха Ибрагима Дербенди. Труды Института истории им. А. Бакиханова, т. I, Баку, 1947, с. 92—93.
- ²⁹ Бакуви. Указ., соч., с. 90, с. 556.
- ³⁰ Таваккуль ибн Баззаз. Сафват ас-сафа. Рукопись ЛГПБ, каталог Б. Дорна, № 300.
- ³¹ Таваккуль ибн Баззаз. Сафват ас-сафа. Рукопись ЛГПБ, каталог Б. Дорна, лл. 836—84а.
- ³² Ашурбейли С. Б. Ханака на реке Пирсагат и ширваншахи. Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985, с. 32—36.
- ³³ История и восхваление венценосцев, с. 62.
- ³⁴ Die Resala-ye Falakiyya des Abdollah ibn Mohammed ibn Kiya al-Mazandarani. Ein persischer Leitfaden des staatlichen Rechnungswesens um (1363) herausgegeben von Walter Hinz. Wiesbaden, 1952, s. 159—160 (далее — ал-Мазандарани. Ресала-йе фалакийя).
- ³⁵ Ан-Насави, с. 350; Н. Horst. Die Staatsverwaltung... s. 95—96.
- ³⁶ Алескер-заде А. А. Надписи мечети Мухаммеда сына Абубукра. Архитектура Азербайджана эпохи Низами. М., 1947, с. 370.
- ³⁷ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения, т. I, М., 1963, с. 294; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 163—167. V. Minorsky et Cl. Cahen. Le recueil Transcaucasien de Mas'ud b. Namdar. Journal Asiatique, t. CCXXXVII, Paris, 1949, p. 98—99, 103—104.
- ³⁸ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 58.
- ³⁹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 73, 163—166; Шихсидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975, с. 118—121.
- ⁴⁰ Месхиа Ш. А. Городская коммуна в средневековом Тбилиси. Тбилиси, 1962, с. 151—171 (на груз. яз.).
- ⁴¹ Саидов М. С. Творчество дербендского ученого XI в. Абу Бакра Мухаммада б. Муса б. ал-Фарадж ад-Дербенди. РФ НИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 94, лл. 5—7; А. Р. Шихсидов. Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975, с. 124.
- ⁴² M. N. Khanikoff. Memoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. Journal Asiatique, cinquieme serie, t. XX, Paris, 1862, Aout, p. 122; Алескер-заде А. А. Указ. соч., с. 380.
- ⁴³ В. Dorn. Bericht über eine Wissenschaftliche Reise in dem Kaukasus und den sudlichen Kustenländern des Kaspischen Meeres (Bulletin de l'Academie Imperial des sciences, S. Pb. 1855, t. IV), p. 59.
- ⁴⁴ Надпись прочтена А. А. Алескер-заде.
- ⁴⁵ Таваккуль ибн Баззаз. Сафват ас-сафа. Рукопись ЛГПБ, каталог Б. Дорна, № 300, лл. 546, 1426, 1556, 160а, 3326, 4846, 497а, 5396 и т. д.; Петрушевский И. П. Очерки..., с. 67.
- ⁴⁶ Алескерзаде А. Надписи архитектурных памятников Азербайджана (X—XVII вв.). Научный архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, инв. № 1961, с. 96; Нейматова М. Х. К истории изучения Ширвана XIV—XVI вв. Баку, 1959, с. 114—115 (на азерб. яз.).
- ⁴⁷ Гордлевский В. Государство сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941, с. 106—113; Крымский А. История Персии, ее литературы и дервишской теософии, ч. II, М., 1912; Е. Э. Бертельс. Великий азербайджанский поэт Низами. Баку, 1940, с. 32; его же. Низами. М., 1956, с. 74—75.

- ⁴⁸ Бертельс Е. Э. Низами. М., 1956, с. 74—75.
- ⁴⁹ Бертельс Е. Э. Указ. соч., с. 74—75.
- ⁵⁰ Дорн Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. Труды Восточного отделения Императорского Археологического Общества, ч. VIII, СПб., 1864, с. 302.
- ⁵¹ V. Minorsky et Cl. Cahen. Le recueil transcaucasien, p. 96—105.
- ⁵² Баха-ад-дин Амили Китаб-и Нафайс ал-фунун фи Араис ал-уюн. Литограф. изд., 1317 г. х., с. 297; Цитируется по указ. работе А. А. Али-заде, с. 209; Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, с. 171—172.
- ⁵³ V. Minorsky et Cl. Cahen. Указ. соч., с. 101, 119.
- ⁵⁴ Ализаде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956, с. 207—209.
- ⁵⁵ Баха-ад-дин Амили. Китаб-и Нафайс ал-фунун фи Араис ал-уюн. Литограф. изд. 1317 г. х., с. 297; Бакиханов А. А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1970, с. 208—209 (перс. текст).
- ⁵⁶ C. d'Ohs son. Histoire des Mongols, La Haye et Amsterdam. 1834, p. 539.
- ⁵⁷ Бартольд В. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. СПб., 1911, с. 9—10.
- ⁵⁸ C. d'Ohs son. Указ. соч., с. 370—379; Бартольд В. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. СПб., 1911, с. 25.
- ⁵⁹ Ализаде А. А. Указ. раб., с. 208.
- ⁶⁰ Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III, перев. с перс. яз. А. К. Арендса. М.—Л., 1946, с. 68.
- ⁶¹ Исмаил-заде Р. Об одном пятистишь Баку, с. 67—71; его же: Слова, оставленные на память. Баку, 1981 (на азерб. яз.), с. 7—8.
- ⁶² Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960, с. 360—369, 381.
- ⁶³ Там же, с. 381.
- ⁶⁴ Ализаде А. А. Указ. соч., с. 207—208.
- ⁶⁵ Ализаде А. А. К истории рудников и монетного обращения в Азербайджане в XIII—XIV вв. Изв. АзФАН СССР, № 7, 1942, с. 23; Кикнадзе Р. К. Из истории ремесленного производства (карханэ) в Иране в XIII—XIV вв. Ближний и Средний Восток. Сборник статей, изд. Восточн. литературы. М., 1962, с. 51—54.
- ⁶⁶ Ализаде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана. Указ. изд., с. 207—208.
- ⁶⁷ Петрушевский И. П. Указ. изд., с. 382.
- ⁶⁸ Бартольд В. В. Персидская надпись, с. 33—37; Петрушевский И. П. Указ. соч., с. 386; Кикнадзе Р. К. Тамбовые сборы в государстве Ильханов. Восточный сборник, т. I, Тбилиси, 1960, с. 117—118.
- ⁶⁹ Бартольд В. В. Указ. соч., с. 33—34; И. П. Петрушевский. Указ. соч., с. 387.
- ⁷⁰ Хагани Ширвани. Диван. Тегеран, 1316 г. х., с. 34.
- ⁷¹ Петрушевский И. П. Указ. соч., с. 394—395; Али-заде А. А. Указ. соч., с. 228—230.
- ⁷² Миклухо-Маклай Н. Д. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. Учен. зап. Ин-та востоковедения, т. IX, М.—Л., 1954, с. 207 (персид. текст л. 211б), с. 199, 200 (персид. текст л. 192а, 196а).
- ⁷³ Байбурди Ч. Г. Жизнь и творчество Низари — персидского поэта XIII—XIV вв. М., 1966, с. 97.
- ⁷⁴ Миклухо-Маклай Н. Д. Указ. соч., с. 200 (персид. текст, л. 196а).
- ⁷⁵ Бертельс Е. Э. Низами и Фузули, с. 117—118.

4. Городская культура в XI—XVI вв. (архитектура, наука, литература и искусство)

а) Внешний облик города Баку

- ¹ Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб Талхис ал-асар ва аджаиб ал-малик ал-каххар. М., 1971 (далее: Бакуви), с. 89, арабск. текст, л. 55а—55б.
- ² Хасан-бек Румлу. Ахсан ат-таварих, изд. C. N. Seddon, A chronicle of the early Safawi... Gaekwad's oriental series, vol. № LVII and № LXIX, t. I, перс. текст, 46—47, англ. пер., с. 19, 20. Хондемир. Хабиб ас-сийар, бомбейское литограф. изд. персид. текста, 1273 г. х., т. 3, ч. IV, с. 30—31.
- ³ Ашурбейли С. Б. Государство Ширваншахов. Баку, 1983, с. 127.
- ⁴ Чтение и перевод надписи сделаны А. А. Алескер-заде. См. Ашурбейли С. Б. Очерк истории средневекового Баку. Баку, 1964, с. 136.
- ⁵ Дж. Александрович-Насыфи. Девичья башня в Баку. Изв. Азкомстариса, в. 3, Баку, 1927, с. 158; И. П. Щелыкин. Сооружение в Бакинской бухте. Искусство Азербайджана, т. II, Баку, 1949, с. 112, 127.
- ⁶ Пахомов Е. А. Старинные оборонные сооружения Апшерона. Труды Института истории им. А. Бакиханова, т. I, изд. АН Азерб. ССР. Баку, 1947, с. 42—71.
- ⁷ Самуил Готлиб Гмелин. Путешествие по России, ч. III, 1785.
- ⁸ Пахомов Е. А. Старинные оборонные сооружения Апшерона, с. 44.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Ализаде А. А. Некоторые сведения о новообнаруженной кягринской системе гор. Баку. ДАН Азерб. ССР, т. X, № 5, 1954, с. 374.
- ¹¹ Саламзаде А. В. О Бакинском водопроводе феодального периода. ДАН Азерб. ССР, т. XII, № 3, 1956, с. 226.
- ¹² Ализаде А. А. Некоторые сведения о новообнаруженной кягринской системе гор. Баку. ДАН Азерб. ССР, т. X, № 5, 1954, с. 374.
- ¹³ Салам-заде А. В. Указ. раб., с. 229.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Ибрагимов Ф. А., Исмизаде О. Ш., Фоменко В. П., Ахмедов Р. Д., Гусейнова С. Б. Археологические раскопки 1979 года на территории «Ичери шехер». Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1979 г.), Баку, 1984, с. 67—68.

- ¹⁶ Байбурди Ч. Г. Жизнь и творчество Низари. Москва, 1966, с. 97; Низари-йи Кухистани кул. А., л. 374 а.
- ¹⁷ V. Spuler. Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955.
- ¹⁸ Левиатов В. Н. К истории дворца Ширваншахов в Баку. Изв. АЗФАН СССР, № 5, Баку, 1940, с. 27—28; его же. Археологические раскопки 1945 г. Изв. АН Азерб. ССР, № 1, Баку, 1948, с. 120—122.
- ¹⁹ Левиатов В. Н. Раскопки на территории дворца Ширваншахов. Памятники архитектуры Азербайджана. М., 1946, с. 29, 33.
- ²⁰ Ибрагимов Ф. А. Раскопки 1986 г. в Бакинской крепости. Тезисы докладов... Баку, 1988, с. 56—58.
- ²¹ Гарник В. Я. К изучению Бакинской средневековой керамики. ДАН Азерб. ССР, т. XIV, № 12, 1958, с. 1065—1070.
- ²² Бартольд В. В. Отчет об осмотре древнего мусульманского кладбища в г. Баку. Известия императорской археологической комиссии, вып. 16, СПб., 1905, с. 117—119; Гаджиев А. Интересная находка (Мараглы тапынты). ДАН Азерб. ССР, т. XVI, № 10, Баку, 1960, с. 1017—1020 (на азерб. яз.).
- ²³ Алескер-заде А. А. Надписи архитектурных памятников Азербайджана эпохи Низами. Архитектура Азербайджана эпохи Низами. М., 1947, с. 370.
- ²⁴ Щеблыкин И. П. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. Баку, 1943, с. 9—10.
- ²⁵ Дорн Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. Труды Восточного отд. Императорского Археологического общества, ч. VIII, СПб., 1864, с. 304.
- ²⁶ Щеблыкин И. П. Указ. соч., с. 13.
- ²⁷ Надпись прочтена А. А. Алескер-заде.
- ²⁸ Дж. Ал. Насыфи. Девичья башня в Баку. Изв. Азкомстариса, вып. 3, Баку, 1927, с. 155—163; Пахомов Е. А. Девичья башня и ее легенда. Изв. Азербайджанского Археологического комитета, вып. I, Баку, 1925, с. 33—38; его же. Старинные оборонные сооружения Апшерона. Труды Ин-та истории им. А. Бакиханова, Баку, 1947, с. 42—71; Н. Г. Горчакова, И. П. Щеблыкин. Девичья башня. Архитектура Азербайджана эпохи Низами. Москва—Баку, 1947, с. 74—77; А. А. Алескер-заде, А. В. Саламзаде. О надписи на Девичьей башне. ДАН Азерб. ССР, т. XI, № 5, Баку, 1955, с. 371—375; Сысоев В. М. Краткий очерк истории Азербайджана, Баку, 1925, с. 62—63; Бретаницкий Л., Тузинкевич Ю. Новые документы к истории «Девичьей башни», ДАН Азерб. ССР, т. VI, № 8, 1950, с. 357—361.
- ²⁹ Александрович-Насыфи Дж. Указ. соч., с. 160—161; Горчакова Н. Г., Щеблыкин И. П. Указ. соч., с. 74.
- ³⁰ Александрович-Насыфи Дж. Указ. статья, с. 156; Горчакова Н. Г., Щеблыкин И. П. Указ. соч., с. 76.
- ³¹ Ханыков Н. В. О некоторых арабских надписях. Труды Вост. отд. Импер. Археологич. О-ва, ч. II, СПб., 1866, с. 176; Алескер-заде А. А. Надписи архитектурных памятников Азербайджана эпохи Низами. Архитектура Азербайджана эпохи Низами. М., 1947, с. 370.
- ³² Алескер-заде А. А., Саламзаде А. В. О надписи на «Девичьей башне». ДАН Азерб. ССР, т. XI, № 5, Баку, 1955, с. 375.
- ³³ Алескер-заде А. А. Надписи архитектурных памятников Азербайджана эпохи Низами. Указ. изд. М., 1947, с. 370.
- ³⁴ См. о легендах, связанных с башней, у Е. А. Пахомова «Девичья башня» и ее легенда. Изв. Аз. Археолог. Ком-та, вып. I, Баку, 1925, с. 33—38; Фитуни А. П. «Бакинская Девичья башня». Легенды о Баку и Девичьей башне. Изв. Азкомстариса, вып. 3, Баку, 1927, с. 149—154; Александрович-Насыфи Дж. Девичья башня в Баку. Изв. Азкомстариса, вып. 3, Баку, 1927, с. 155—167; Сысоев В. М. Указ. раб., с. 63.
- ³⁵ Пахомов Е. А. Указ. раб., с. 34.
- ³⁶ Пахомов Е. А. Девичья башня и ее легенда. Изв. Азерб. археолог. комитета, вып. I, Баку, 1925, с. 35.
- ³⁷ Бегалам агаи Бастанани Паризи. Абнийе дохтер галейе дохтер Керман. Моджелле бастаншнаси, № 1—2, весна и лето 1338 г. х., с. 121—130 (на перс. яз.).
- ³⁸ Исмизаде О. Ш., Джидди Г. А. Девичья башня в Баку. Баку, 1968, с. 33—35.
- ³⁹ Kulliyat-i-Khagani. Lucknow ed. pp. 61—62, 393, 481—484. M. Brosset. Histoire de la Georgie, p. 397. Б. Дорн. Каспий, СПб., 1875, с. 524—530; Hadi Hasan, Falaki Shirvani, с. 35—39.
- ⁴⁰ Диван Хагани Ширвани. Техран, 1316 г. х., с. 34.
- ⁴¹ Александрович-Насыфи Дж. Указ. работа.
- ⁴² Пахомов Е. А. Указ. раб.
- ⁴³ Ахундов Д. А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку, 1986, с. 74—81.
- ⁴⁴ Набиев М. А. Тайна Бакинской Гыз-галасы. ДАН Азерб. ССР, 1974, № 6.
- ⁴⁵ Ахмедов Г. М. Новые суждения о Гыз-галасы. Наука и жизнь, 1986, № 7 (на азерб. яз.).
- ⁴⁶ Бакуви. Указ., соч., с. 89, араб. текст, л. 55а.
- ⁴⁷ Сысоев Е. М. Краткий очерк истории Азербайджана. Баку, 1925, с. 63; Щеблыкин И. П. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. Баку, 1943, с. 11.
- ⁴⁸ Исмизаде О. Ш., Джидди Г. А. Девичья башня в Баку. Баку, 1968, с. 14—20 (на азерб. яз.).
- ⁴⁹ Пахомов Е. А. Старинные оборонные сооружения Апшерона. Труды Института истории им. А. Бакиханова, т. I, Баку, 1927, с. 54.
- ⁵⁰ Исмизаде О. Ш., Джидди Г. А. Указ. соч., с. 21, 25.
- ⁵¹ Пахомов Е. А. Уточнение даты крепости Бакинской бухты. Изв. АЗФАН СССР, № 1, 1941, с. 90; Джафарзаде И. Археологические раскопки 1946 г. в Бакинской бухте. Изв. АН Азерб. ССР, 1947, № 7, с. 9—12; Щеблыкин И. П. Сооружение в Бакинской бухте. Искусство Азербайджана, т. II, Баку, 1949, с. 111—128.
- ⁵² Бакуви. Указ., соч., с. 89, арабск. текст, л. 55а.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ E. Kaempfer. Amoenitatum exoticarum politico-physico-mediciarum fasciculi V, Lemgo, 1712, p. 264—267.
- ⁵⁷ Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря. Ежемес. соч., СПб., 1763, 1-е полугодие, с. 425—426.

- ⁵⁸ E. Lenz. Ueber die veränderungen der Höhe welche die oberfläche des Kaspischen Meeres bis zum April des Jahres, 1830 erlitten hat. (Mém. de l'Acad. imp. des sc. de St. Pet. 6 s., t. II). St. Pet. 1833, s. 78—82.
- ⁵⁹ С п а с с к и й - А в т о н о м о в К. Описание подводных зданий, находящихся на Бакинском рейде. Зап. Кавк. Отд. ИРГО, кн. II, Тифлис, 1853.
- ⁶⁰ Ф и л и п п о в Н. Об изменении уровня Каспийского моря. Морской сборник, 1880, № 7 и 8.
- ⁶¹ В о з н е с е н с к и й А. В. О новейших данных по изменению уровня Каспийского моря. Изв. Центр. Гидрометеорол. бюро ЦУМОРА, в. VI, 1926.
- ⁶² М и х а л е в с к и й А. И. Развалины караван-сарая в Бакинской бухте. — Изв. Азерб. гос. ун-та, Баку, 1930.
- ⁶³ Х а н ы к о в Н. В. О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря. Зап. Кавк. отд. Имп. русск. геогр. об-ва, кн. II, Тифлис, 1853, с. 114—118.
- ⁶⁴ Д о р н Б. Каспий, СПб., 1875, с. 171—173.
- ⁶⁵ Там же, с. 66.
- ⁶⁶ П а х о м о в Е. А. Обследование развалин крепости в Бакинской бухте. — Изв. АзФАН СССР, № 6, Баку, 1940, с. 116; его же. Уточнение даты крепости Бакинской бухты. — Изв. АзФАН СССР, № 1, Баку, 1941, с. 90.
- ⁶⁷ Д ж а ф а р з а д е И. Археологические раскопки 1946 г. в Бакинской бухте. Изв. АН Азерб. ССР, № 7, Баку, 1947, с. 3—12.
- ⁶⁸ Б р е т а н и ц к и й Л. С., Д а т и е в С. И., Е л ь к и н Г. А., М а м и к о н о в А. Г., М о т и с Д. А. Укрепление в Бакинской бухте. Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами. Москва—Баку, 1947, с. 94.
- ⁶⁹ Д ж а ф а р з а д е И. Указ. соч., с. 10.
- ⁷⁰ П а х о м о в Е. А. Обследование развалин крепости в Бакинской бухте. — Изв. АзФАН СССР, 1940, № 6, с. 116.
- ⁷¹ П а х о м о в Е. А. Уточнение даты крепости Бакинской бухты. — Изв. АзФАН СССР, 1941, № 1, с. 90.
- ⁷² Д ж а ф а р з а д е И. Археологические раскопки 1946 г. в Бакинской бухте. — Изв. АН Азерб. ССР, 1947, № 7, с. 6, 7.
- ⁷³ П а х о м о в Е. А. Уточнение даты крепости Бакинской бухты. Изв. АзФАН СССР, 1941, № 1, с. 90.
- ⁷⁴ Д ж а ф а р з а д е И. Указ. соч., с. 6—9.
- ⁷⁵ Там же, с. 10—11.
- ⁷⁶ А ш у р б е й л и С. Б. Подводная крепость в Бакинской бухте. Труды Института истории и философии, т. VII, Баку, 1955, с. 12.
- ⁷⁷ А р и ф А р д е б и л и . Фархад-намэ. Стамбул, рукопись библиотека Аяа-Софии, № 3335; Мухаммад Али Тарбийат. Данишмен-дане Азербайджан. Институт рукописей АН Азерб. ССР. Тегеранское издание, с. 252 (на персид. яз.).
- ⁷⁸ О л е а р и й А д а м . Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906 г. Введ., перевод, примеч. и указ. А. М. Ловягина. Книга IV, гл. 20, с. 465—466.
- ⁷⁹ А р и ф А р д е б и л и . Указ. соч., с. 252.
- ⁸⁰ История и восхваление венценосцев. Груз. текст, перев. проф. К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1954, с. 57.
- ⁸¹ Х а н ы к о в М. Н. О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря, с. 119.
- ⁸² С а д и г и Т. Шихова деревня (Биби-Эйбат). Изв. Азербайджанского археологического комитета, вып. I, Баку, 1925, с. 31.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ С а д и г и Т. Указ. раб., с. 29.
- ⁸⁵ Там же, с. 31—32.
- ⁸⁶ Б а к и х а н о в А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1970, с. 54.
- ⁸⁷ Б е р е з и н И. Путешествие по Востоку, т. II, Казань, 1852 (Прибавл. к I т.), с. 66.
- ⁸⁸ Д о р н Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. Труды. Вост. отд. Импер. Археол. об-ва, ч. VIII, СПб., 1864, с. 311.
- ⁸⁹ M. N. de Khanikoff. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase (Journal Asiatique, cinquième série, tome XX, Paris, MDCCCLXII, Aout, 1862, p. 145.
- ⁹⁰ П а х о м о в Е. А. Краткий курс истории Азербайджана. Баку, 1923, с. 42.
- ⁹¹ M. N. Khanikoff. Указ. соч., с. 145.
- ⁹² M. Khanikoff. Quelques inscriptions musulmanes d'Ani et des environs de Bakou; extrait d'une lettre de M. Khanikoff (lu le 23 mars 1849) Bulletin de l'Acad. hist.-phil. t. VI, № 13, p. 6—8.
- ⁹³ Б а к и х а н о в , с. 54 (персидск. текст).
- ⁹⁴ Чтение и перевод надписи А. А. Алескер-заде.
- ⁹⁵ Д о р н Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. (Прил. II), с. 303.
- ⁹⁶ Д о р н Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря, с. 303.
- ⁹⁷ Там же, с. 303.
- ⁹⁸ Дата прочтена А. А. Алескер-заде.
- ⁹⁹ П а в л и н о в А. М. Баку. Материалы по археологии Кавказа, вып. III, М., 1893.
- ¹⁰⁰ Мухаммад Хасан-хан Этимад ас-Салтане. Марат ал-булдан, Насири Мухаммад Хасан-хан Этимад ас-Салтане. Тегеран, 1293 г. х., с. 154.
- ¹⁰¹ Д о р н Б. Указ. соч., с. 303.
- ¹⁰² Чтение и перевод надписи А. А. Алескер-заде. Надпись прочтена также И. Н. Березиным и Б. Дорном; Березин И. Указ. соч., с. 61; Дорн Б. Указ. соч., с. 303.
- ¹⁰³ А р и ф А р д е б и л и . Фархад-намэ. Стамбул, рукопись библиотеки Аяа-Софии, № 3335; Мухаммад Али Тарбийат. Указ. соч. с. 251—252.
- ¹⁰⁴ П а х о м о в Е. А. Старинные оборонные сооружения Апшерона. Труды Института истории им. А. Бакиханова, Баку, 1947, с. 50.
- ¹⁰⁵ Б е р е з и н И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1849, 2-е изд., 1850; С. Дадашев и М. Усейнов. Памятники азербайджанской архитектуры в Баку по Обмерам с натуры (Альбом изд. Всесоюз. Ак. Архит., М., 1938); их же. Архитектурные памятники Баку. Изд. Академии архитектуры СССР, М., 1946; Щеблыкин И. П. Краткий очерк истории дворца Ширваншахов в Баку. Баку, 1939; Левиатов В. Н. Памятники азербайджанской

культуры (Бакинский дворец Ширваншахов), Баку, 1944. Памятники архитектуры Азербайджана, т. I, М.—Баку, 1946, то же, т. II, Баку, 1950; Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, с. 189—208; Бретаницкий Л. С. Зодчество Азербайджана XII—XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966, с. 215—248.

¹⁰⁶ Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, с. 189—208; Бретаницкий Л. С. Зодчество Азербайджана XII—XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966, с. 215—248.

¹⁰⁷ Щерблыкин И. П. Краткий очерк истории дворца Ширваншахов в Баку. Баку, 1939, с. 26.

¹⁰⁸ Газиянц А. Н. К истории дворца Ширваншахов. — ДАН Азерб. ССР, № 7, 1946, с. 313—314. ЦГИА Груз. ССР, ф. 12/32, д. 52/86, лл. 13—52; Ашурбейли С. Б. Очерк истории средневекового Баку. Баку, 1964, с. 151—166.

¹⁰⁹ Выписка из путешествия Иоанна Лерха. Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790, январь, с. 32; Ашурбейли С. Б. Указ. раб., с. 151—166.

¹¹⁰ Выписка из путешествия И. Лерха. Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790, январь, с. 32; Ашурбейли С. Б. Указ. раб., с. 151—166.

¹¹¹ Пахомов Е. А. Отчет о работах по шахскому дворцу в Баку. — Изв. Азерб. Археол. Комитета, Баку, 1926, с. 6.

¹¹² Левиатов В. Н. К истории дворца Ширваншахов в Баку. — Изв. АзФАН СССР, № 5, 1940, с. 23—25.

¹¹³ Eichwald Eduard. Reise auf dem Caspischen Meere in den Caucasus unternommen in den Jahren 1825—1826, Erster Band, Stuttgart und Tubingen, 1834.

¹¹⁴ Дадашев С. и Усейнов М. Архитектурные памятники Баку. Изд. Академии Архитектуры СССР, М., 1946, с. 20.

¹¹⁵ Дадашев С. и Усейнов М. Архитектурные памятники Баку. Изд. Академии Архитектуры СССР, М., 1946, с. 20.

¹¹⁶ Бретаницкий Л. К вопросу назначения и датировки «Диван-хане». Искусство Азербайджана, V, Баку, 1956, с. 140—141.

¹¹⁷ Коран, перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963, с. 165, Сура 10, стихи 26—27. Надпись прочтена А. А. Алескерзаде; Щерблыкин И. П. Указ. соч., с. 42.

¹¹⁸ Сысоев В. М. Баку прежде и теперь. Баку, 1928, с. 16.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Дадашев С. и Усейнов М. Архитектурные памятники Баку. М., 1946, с. 21—22; Усейнов М. А. Памятники азербайджанского зодчества. М., 1951, с. 71.

¹²¹ Бретаницкий Л. К вопросу назначения и датировки..., с. 138, 142, 161.

¹²² A chronicle of the Early Safawis being the Ahsan'u't Tawarikh of Ha-san-i-rumlu vol. I (Persian text). Edited by C. N. Seddon, Baroda, 1931 (Gackwad's Oriental Series) NLVII, vol. II (English translation) transl. by C. N. Seddon, Baroda 1934 (Gaekwad's Oriental series) NLXIX, перс. текст, с. 47, англ. перев., с. 20 (далее Ахсан ат-таварих).

¹²³ Анонимный историк шаха Исмаила I, л. 636; Октай Эфендиев. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке, Баку, 1981, с. 51.

¹²⁴ Ибрагим Амини-Футухат-и шахи, л. 61а, б; Октай Эфендиев, ук. раб., с. 51; Хондемир. Хабиб ас-сияр, т. III, ч. 4, с. 30, 31; т. IV, с. 461. Ахсан ат-таварих, перс. текст, с. 45—47; Петрушевский И. П. Азербайджан в XVI—XVII вв. Сборник статей по истории Азербайджана, вып. 1-й. Баку, 1949; Ашурбейли С. Б. Очерк истории

средневекового Баку. Баку, 1964, с. 125.

¹²⁵ Арабско-русский словарь, сост. проф. Х. К. Баранов, М., 1958, с. 826.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Сысоев В. М. Баку прежде и теперь. Баку, 1928, с. 15—16.

¹²⁹ Дадашев С. А., Усейнов М. А. Архитектура зданий комплекса дворца Ширваншахов в городе Баку. Указ. изд., с. 10, Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, с. 189—208.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Изв. АзФАН, Баку, 1944, № 5, с. ПО; Пахомов Е. А. Об имени строителя усыпальницы ширваншахов в Баку. Памятники архитектуры Азербайджана, т. II, Баку, 1950, с. 27—28; Пахомов Е. А. читает эту надпись так: «Слава богу «Али», а последнее слово, полагает, скрывает в себе имя строителя; Нейматова М. Х. К истории изучения Ширвана XIV—XVI веков. Баку, 1959, с. 52—55.

¹³² Алескерзаде А. А. Надпись над дверью усыпальницы; Щерблыкин И. П. Указ. раб., с. 40.

¹³³ Надпись прочтена и переведена А. А. Алескерзаде.

¹³⁴ Минкевич-Мустафаева Н. В. Гробницы в усыпальнице Ширваншахов. ДАН Азерб. ССР, № 1, Баку, 1947, с. 42—45.

¹³⁵ Минкевич-Мустафаева Н. В. Гробницы в усыпальнице Ширваншахов; ДАН Азерб. ССР, № 1, Баку, 1947, с. 42.

¹³⁶ Надпись прочтена А. А. Алескерзаде.

¹³⁷ Минкевич-Мустафаева Н. В. Указ. соч., с. 44.

¹³⁸ Бретаницкий Л. Указ. раб., с. 158.

¹³⁹ Рагимов А. О погребенных в усыпальнице дворца Ширваншахов. Изв. АН Азерб. ССР, серия ист., философии и права, 1975, № 2, с. 49—58.

¹⁴⁰ Бадр Ширвани. Диван, лл. 2956, 298а, цит. по статье А. Г. Рагимова. О датировке строительства некоторых архитектурных памятников. Изв. АН Азерб. ССР, серия ист., философ. и права, 1971, № 1, с. 51—59 (на азерб. яз.).

¹⁴¹ Ахундов Д. Мечеть в комплексе дворца Ширваншахов в Баку. Памятники архитектуры Азербайджана, т. II, Баку, 1950, с. 22—24; Дадашев С. А., Усейнов М. А. Указ. раб., с. 11.

¹⁴² Ахундов Д. Указ. раб., с. 22—24.

¹⁴³ Алескерзаде А. А. Надпись на минарете при мечети; Щерблыкин И. П. Указ. раб., с. 41.

- ¹⁴⁴ Дадашев С. А., Усейнов М. А. Указ. раб., с. 11.
- ¹⁴⁵ Вартанесов И. Л., Щаринский Т. Я. Усыпальница Сеида Яхья Бакуви. Памятники архитектуры Азербайджана, т. I, М.—Баку 1946, с. 21—24.
- ¹⁴⁶ В 20-х годах нынешнего столетия в склепе были обнаружены разрозненные кости до двадцати человеческих скелетов. В. Н. Левиатов. Указ. раб., с. 42—43.
- ¹⁴⁷ Сейидов Фазил. Видные деятели Азербайджана. Изв. АН Азерб ССР, вып. IV, № 9, Баку, 1946, с. 96; Буниятов Д. З., Искендеров Д. А. Биографии двух известных азербайджанских суфиев в сочинении Ибн-ал-Имада ал-Ханбали. ДАН Азерб. ССР, 1979, т. XXXV, № 3, с. 79—81.
- ¹⁴⁸ Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам, Баку, 1970, с. 209.
- ¹⁴⁹ Павлинов А. М. Баку. Материалы по археологии Кавказа, вып. III, М, 1893, с. 85—86.
- ¹⁵⁰ Левиатов В. Н. Археологические раскопки 1945 г. при дворце Ширваншахов в г. Баку. Изв. АН Азерб. ССР, № 1, Баку, 1948, с. 115—119.
- ¹⁵¹ Там же, с. 117.
- ¹⁵² Там же, с. 115.
- ¹⁵³ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана..., вып. IV, Баку, 1949, с. 43, № П21.
- ¹⁵⁴ Его же. Клады Азербайджана..., вып. II, Баку, 1938, с. 49, № 496.
- ¹⁵⁵ Павлинов А. М. Указ. соч., с. 86.
- ¹⁵⁶ Алескер-заде А. А. О заказчике и архитекторе Восточных ворот дворца Ширваншахов в Баку. Ученые записки Института Востоковедения. Т. I, Баку, 1959, с. 51—57.
- ¹⁵⁷ Выписка из путешествия И. Лерха... Новые ежемесячные сочинения, СПб., январь, 1790, с. 32.
- ¹⁵⁸ Саламзаде А. В. Архитектура Азербайджана XVI—XIX вв., Баку, 1964, с. 72—78.
- ¹⁵⁹ ал-Бакуви. Указ. соч., л. 556.
- ¹⁶⁰ Выписка из путешествия И. Лерха... Новые ежемесячные сочинения, СПб., 1790, январь, с. 32.
- ¹⁶¹ Саламзаде А. В. Указ. соч., с. 92—94.
- ¹⁶² E. Kaempfer. Amoenitatum exoticarum politico-physico-mediarum fasciculi V, Lemgo, 1712, p. 267.
- ¹⁶³ Анонимная история шаха Исмаила, л. 59а—59б. Цит. по работе О. Эфендиева. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI в. Баку, 1968.
- ¹⁶⁴ Там же.
- ¹⁶⁵ Сима Керимзаде. К вопросу анализа шестигранных розеток на усыпальнице и судилище, входящих в комплекс Дворца Ширваншахов. Изв. АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права, 1966, № 1, с. 87—100.
- ¹⁶⁶ Бакуви. Указ. соч., л. 556.
- ¹⁶⁷ Березин И. Указ. соч., с. 63. Чтение и перевод надписи А. А. Алескер-заде; Дорн Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. Труды Восточн. отделения Императорского Археологич. об-ва, ч. VIII, СПб., 1865, с. 302.
- ¹⁶⁸ Алескер-заде А. А. Две строительные надписи эпохи ширваншаха Ибрагима Дербенди. Труды Института истории им. А. Бакиханова, т. I, Баку, 1947, с. 92—93.
- ¹⁶⁹ Моисей Каланкатуйский. Указ. соч., с. 149; Ашурбейли С. Б. Экономические и культурные связи Азербайджана с Индией в средние века. Баку, 1990.
- ¹⁷⁰ Утверждение Л. С. Бретаницкого (Л. С. Бретаницкий. Зодчество Азербайджана XII—XV вв., М., 1966, с. 407), что описание Э. Кемпфера прекращает дискуссию о назначении этого памятника, который по мнению Л. С. Бретаницкого (использовавшего не латинский текст, а русский перевод В. М. Сыроева) является караван-сараям, рынком, вызывает сомнение. В латинском тексте Э. Кемпфера (Указ. соч., с. 269) дается описание караван-сарая восьмиугольной формы, где внутри двора имеется галерея с колоннами. Таким образом речь идет не об этой площади (С. А.).
- ¹⁷¹ Щеблыкин И. П. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. АзФАН СССР, Баку, 1943, с. 31—32; Алиев М. Г. Баян «Гаджи Хамам». Памятники архитектуры Азербайджана, т. I, М. — Баку, 1946, с. 55—56.
- ¹⁷² Щеблыкин И. П. Указ. соч., с. 31—32; Алиев М. Г. Указ. соч., с. 55—56.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ Дадашев С. А., Усейнов М. А. Архитектура Азербайджана. М., 1948, с. 81—82; Щеблыкин И. П. Указ. раб., с. 37—39.
- ¹⁷⁵ Щеблыкин И. П. Указ. раб., с. 37—39.
- ¹⁷⁶ Броневский С. Новые географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, с. 400.
- ¹⁷⁷ Артемий Араратский. Жизнь Артемия Араратского, уроженца селения Вагаршапат..., ч. I, СПб., 1813, с. 213—216.
- ¹⁷⁸ Сарабский Г. Старый Баку. Баку, 1958, с. 71.
- ¹⁷⁹ Араратский А. Указ. соч., с. 213.
- ¹⁸⁰ Сарабский Г. Указ. соч., с. 71—74.

б) Наука, литература и искусство

- ¹⁸¹ Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1970, с. 210 (перс. текст).
- ¹⁸² The Tadhkiratu'Sh — Shu'ara. «Memoirs of the Poets», of Dawlat-shah bin Ala'u D — Dawla Baktishah al-Ghazi of Samargand, ed by E. G. Browne, London, 1901, p. 17.
- ¹⁸³ Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1970, с. 198—199.
- ¹⁸⁴ A. A. Seid-zadeh. Mohammed Ali Bakouvi celebre poete et philo-sophe Azerbaijanais du XI siecle. XXV congres international des Orien-talistes, Moscou, 1960, p. 1—14.
- ¹⁸⁵ L'Ambassade de Garcias de Silva Figueroa en Perse. Traduite de l'Espagnol par Monsieur De Wicgfort. Paris, MDCLXVII, p. 124—128.

- ¹⁸⁶ Textes houroufis, edites et traduits par Clement Huart. Leyde—London. 1990 (GMS, IX). Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках, 1966, с. 304—306; Кули-заде З. Хуруфизм и его представители в Азербайджане. Баку, 1970, с. 232—235.
- ¹⁸⁷ Петрушевский И. П. Указ. раб., с. 304—306; Кули-заде З. Хуруфизм, с. 89—149.
- ¹⁸⁸ Петрушевский И. П. Ислам в Иране, с. 305; Кули-заде З. Хуруфизм, с. 89—149.
- ¹⁸⁹ Textes houroufis edites et traduits par Clement Huart. Указ. изд.; Петрушевский И. П. Ислам в Иране, с. 305; Кули-заде З. Хуруфизм, с. 89—149.
- ¹⁹⁰ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, М., 1956, с. 361.
- ¹⁹¹ Textes houroufis..., указ. изд., с. 39, франц. пер., с. 63; Петрушевский И. П. Указ. раб., с. 305—306; Кули-заде З. Хуруфизм, с. 73.
- ¹⁹² Бакуви. Талхис ал-Асар, с. 90, л. 556.
- ¹⁹³ Антология азербайджанской поэзии. М., 1939, с. 52—53.
- ¹⁹⁴ Кули-заде З. Хуруфизм, с. 193—195.
- ¹⁹⁵ Кули-заде З. Хуруфизм, с. 249—252; Кийа С. Ногтавийан йа пасиханийан, Иран-Куде, № 13, Техран, с. 131, 5 (на перс. яз.).
- ¹⁹⁶ Кули-заде З. Хуруфизм, с. 252—253; Ахмад Хельми. Тарихи ислам. Константиныйя, 1326, с. 507 (на перс. яз.).
- ¹⁹⁷ Кули-заде З. Хуруфизм, с. 254—255; Кийа С. Ногтавийан йа пасиханийан, с. 10, 30.
- ¹⁹⁸ Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам, Баку, 1970, с. 208—209.
- ¹⁹⁹ Мусеви Т. М. Средневековые документы по истории Баку. Баку, 1967, с. 76—83 (на азерб. яз.).
- ²⁰⁰ Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам, Баку, 1970, с. 208—209.
- ²⁰¹ Саламзаде А. В. Архитектура Азербайджана XVI—XIX вв, Баку, 1964, с. 119.
- ²⁰² Сарабский Г. Старый Баку. Баку, 1958, с. 18.
- ²⁰³ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 208—209.
- ²⁰⁴ Бакуви. Указ. соч. Фотокопия указанного сочинения находится в библиотеке Института востоковедения Академии наук Азерб. ССР.
- ²⁰⁵ Notices et extraits des Manuscrits de la Bibliotheque du Roi, t. II, Paris, MDCCLXXXIX, p. 386—545.
- ²⁰⁶ Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Книга талхис ал-асар ва аджа'иб ал-малик ал-каххар. Изд. текста, пер. ... З. М. Буниятова. М., 1971 (далее: Бакуви).
- ²⁰⁷ Бакуви. Указ. соч., с. 89—90, араб. текст, лл. 55а—55б.
- ²⁰⁸ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957, с. 512.
- ²⁰⁹ Там же.
- ²¹⁰ Бакиханов А., с. 209; Ашурбейли. Очерк, с. 161—164; Сейидов Ф. Видные деятели Азербайджана. Изв. АН Азерб. ССР, 1946, №9, с. 96; Буниятов Д. З., Искендеров. Д. А. Биографии двух известных азербайджанских суфиев в сочинении Ибн-ал-Имада ал-Ханбали. ДАН Азерб. ССР, 1977, т. XXXV, № 3, с. 79—81.
- ²¹¹ Джафарзаде И. М. Археологические раскопки 1946 г. в Бакинской бухте. Изв. АН Азерб. ССР, вып. III, № 7, Баку, 1947, с. 6; Щерблык И. П. Сооружение в Бакинской бухте. Искусство Азербайджана, т. II, Баку, 1949, с. 122, 124.
- ²¹² Джафарзаде И. Указ. раб., с. 10; Щерблык И. П. Указ. раб., с. 122.
- ²¹³ Левиатов В. Н. Археологические раскопки близ дворца Ширваншахов в г. Баку. Материальная культура Азербайджана, вып. I, Баку, 1949, с. 136—137.
- ²¹⁴ Ашурбейли С. Б. Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья. Труды Музея истории Азерб. АН Азерб. ССР, т. I, Баку, 1956, с. 99.
- ²¹⁵ Иса Азизбеков. Древности Шивалан. Изв. Азкомстариса, вып. 4, Баку, 1929, с. 322.
- ²¹⁶ Нейматова М. Х., Аллахвердиев С. Каменные страницы истории Баку. Наука и жизнь, 1981, № 3 (на азерб. яз.), с. 11—13.
- ²¹⁷ Надгробие находится в Отделе средних веков экспозиции Музея истории АН Азерб. ССР.
- ²¹⁸ Цтение и перевод надписи на азерб. яз. А. А. Алескер-заде.
- ²¹⁹ Дж. Рамзи Исмаил-заде. Об одном пятистишье. ДАН Азерб. ССР, том XXXIII, № 12, 1977, с. 67—71 (на азерб. яз.); С. Б. Ашурбейли. Государство Ширваншахов. Баку, 1983, с. 55—67.
- ²²⁰ Ашурбейли С. Б. Государство Ширваншахов, с. 55—67.
- ²²¹ Кубад Касимов. Очерки из истории музыкальной культуры 374 Азербайджана XII в. Искусство Азербайджана, т. II, Баку, 1949 г., с. 5-61.
- ²²² Мамедов Н. Особенности мугама как жанра. Макомы, мугамы и современное композиторское творчество. Ташкент, 1978, с. 121—122; Уз. Гаджибеков. Основы азербайджанской народной музыки. Баку, 1945.
- ²²³ Исмаилов Т. М. Влияние мугама — дастгах на формирование некоторых эпизодов оперы «Кероглы». Макомы, мугамы и современное композиторское творчество. Ташкент, 1978, с. 164—165.
- ²²⁴ Агаева С. Термин «Мугам» в трактатах Абдулгадира Мараги (XIV—XV вв.). Макомы, мугамы... Ташкент, 1978, с. 58.
- ²²⁵ Мамедов Н. Особенности мугама как жанра, с. 122—126; Мамедбеков Д. К вопросу о классификации азербайджанских мугамов. Изв. АН Азерб. ССР, сер. общественных наук. I, 1963, с. 47—55.
- ²²⁶ Агаева С. Термин «Мугам» в трактатах Абдулгадира Мараги,
- ²²⁷ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме, т. I. Перевод Е. И. Васильевой. М., 1967, с. 448—449.

ГЛАВА IV БАКУ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВВ.

1. Политическая история Баку

в период правления Сефевидов (XVI в.)

- ¹ Тарих Джаннаби, л. 962а; Ибрахим Эфенди Печеви. История. Перевод с турец. З. М. Буниятова. Баку, 1988, с. 18—19.
- ² Хасан Румлу. Цит. изд., англ. пер., с. 134; Ибрахим Эфенди Печеви. История, с. 18; Мюнеджжим-баши о поздних Ширваншахах. Цит. по работе В. Ф. Минорского. История Ширвана и Дербенда, с. 174 (в дальнейшем—Мюнеджжим-баши).
- ³ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме, т. II, М, 1976, с. 189.
- ⁴ Хасан Румлу, указ. соч., англ. пер., с. 136.
- ⁵ Мюнеджжим-баши, с. 174—175.
- ⁶ Хасан Румлу. Указ. соч., англ. пер., с. 136.
- ⁷ Там же, с. 169—170.
- ⁸ Мюнеджжим-баши, с. 174—175.
- ⁹ Хасан Румлу, указ. соч., англ. пер., с. 154.
- ¹⁰ Шараф-хан Бидлиси, с. 234—237; Ибрахим Эфенди Печеви, с. 37—40. Bekir Kutukoglu. Osmanli-Iran Siyasi Munasebetleri. I, 1578—1590. Istanbul, 1962, с. 30, 55—60 (далее — Бекир Кютюкоглу).
- ¹¹ Мюнеджжим-баши, с. 174—175.
- ¹² Бекир Кютюкоглу. Указ. раб., с. 60.
- ¹³ Там же; Ибрахим Эфенди Печеви. История, с. 37—40.
- ¹⁴ Петрушевский И. П. Азербайджан в XVI—XVII вв. Сборник статей по истории Азербайджана, вып. I, Баку, 1949, с. 262.
- ¹⁵ Бекир Кютюкоглу. Указ. раб., с. 27—29.
- ¹⁶ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана. Труды об-ва обследования и изучения Азербайджана, вып. 3, Баку, 1926, с. 63, №187; Бекир Кютюкоглу. Указ. раб., с. 63—64.
- ¹⁷ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме, с. 235—237. Ибрахим Эфенди Печеви, с. 40; Бекир Кютюкоглу, с. 118—119.
- ¹⁸ Мюнеджжим-баши, с. 174—175; Ибрахим Эфенди Печеви, с. 19; Бекир Кютюкоглу, с. 63.
- ¹⁹ Шараф-хан Бидлиси, т. II, с. 235—239, 246; Христофор Бэрроу. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1938, с. 277; Ибрахим Эфенди Печеви, с. 40—44. Бекир Кютюкоглу, с. 67—68, 86—90, 98—102.
- Кютюкоглу, с. 67—68, 86—90, 98—102.
- ²⁰ Шараф-хан Бидлиси, т. II, с. 246, 260—262; Искендер Мунши. Тарих-и алам арай-и Аббаси. Литограф, изд. Тегеран, 1314 г. х., с. J91; Бекир Кютюкоглу, с. 119, 103.
- ²¹ Бекир Кютюкоглу, с. 103 (135).
- ²² Шарафхан Бидлиси, т. II, с. 260—261; Искендер Мунши, с. 440—442; Бекир Кютюкоглу, с. 193—198; Петрушевский И. П. Указ. раб., с. 272—274.
- ²³ Искендер Мунши. Тарих-и алам арай-и Аббаси. Литограф, изд. перс, текста, Тегеран, 1314, с. 440—442.
- ²⁴ Книга большому чертежу, изд. Языкова, СПб., 1838, с. 59.
- ²⁵ Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. I, II, III. Донесения Васильчикова, Звенигородского, Тюфякина, Засекина, Тихонова, Барятинского. Труды Вост. отд. имп. русск. арх. об-ва, т. XX—XXII, СПб., 1890—1898.
- ²⁶ Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. I, с. 7—8.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же, с. 96.
- ²⁹ Там же, с. 129.
- ³⁰ Искендер-бек Мунши. Тарих-и алам арай-и Аббаси. Лит. изд. перс, текста, Тегеран, 1314 г. х., с. 362.
- ³¹ Искендер-бек Мунши. Указ. соч., с. 308.

3. Экономическая жизнь города

а) Нефтедобыча на Апшероне

- ¹ P. Fr. Antoine de Gouvea. Relation des grandes guerres et empereurs de Turquie Mahomet et Achmet son fils... Rouen, 1646, p. 326; Pietro della Valle. Voyages de Pietro della Valle gentilhomme Romain, dans la Turquie, l'Egypte, la Palestine, la Perse, les Indes Orientales, et autres lieux, t. III, Paris, MDCCXLV, p. 169—170; Thomas Herbert. Travels in Persia. The Broadway travellers. London, 1928, p. 169. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Пер. А. М. Ловягина. СПб., 1906, с. 477.
- ² R. Hakluyt. The principal navigations, etc. v. I, London, 1600, p. 347.
- ³ Asafi, Dal Mehmed Celebi şecaat-name, Yıldız nushasi, N 2385, ver. 120. AH, Kunhiil-ahbar, Istanbul, Nuru-osmaniye ktb. 3409. Ahmet Zeki Validi, Azerbaycanin tarihi coğrafyasi. Istanbul, 11, s. 4; Dr. Bekir Kutukoglu, Osmanli-Iran Siyasi Munasebetleri, I, Istanbul, 1962, s. 62—63.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Амин Ахмед ар-Раз и Хафт Иклим, указ. рукопись, л. 71а.
- ⁶ Кати б Челеби. Китаб Джахан Нума. Рукопись на турец. яз., шифр 2750 (XIII — 159) каталог № 15 Ж—Л. Институт Рукописей АН Азерб. ССР, с. 395.
- ⁷ Pietro della Valle, указ. соч., с. 169.
- ⁸ Эвлия Челеби. Сияхат-наме. Дар-са'адет, т. II, 1314 г. х. (на турец. яз.), с. 301.

- ⁹ Там же, с. 302—303.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ E. Kaempfer. *Amoenitatum exoticarum politico-physico-medicae fasciculi V*, Lemgo, 1712, p. 264—286.
- ¹² E. Kaempfer. Указ. соч., с. 274—275; Петрушевский И. П. Азербайджан в XVI—XVII веках. Сб. по истории Азербайджана, вып. I, Баку, 1949, с. 289.
- ¹³ E. Kaempfer. Указ. соч., с. 277—278.
- ¹⁴ Выписка из Путешествия И. Лерха... (Новые ежемесячные сочинения) СПб., 1790, январь, с. 76—77.
- ¹⁵ J. Hanway. *An historical account of the British trade over the Caspian Sea*, v. I, London, 1762, p. 260.
- ¹⁶ E. Kaempfer. Указ. соч., с. 276—277.
- ¹⁷ Там же, с. 278. ^{1e} Там же.
- ¹⁹ J. Hanway. *An historical account of the British trade over the Caspian Sea*, v. I, London, 1762, p. 264.
- ²⁰ Мухаммед ибн Наджиб Бекран. Джахан-наме, изд. текста, введ. и указ. Ю. Е. Борщевского. М., 1960, перс, текст, с. 52. I
- ²¹ Выписка из путешествия И. Лерха..., с. 85.
- ²² Там же, с. 84, 86—87.
- ²³ E. Kaempfer. Указ. соч., с. 264, 278.
- ²⁴ Там же, с. 278; Эвлия Челеби, указ. соч., с. 302—303.
- ²⁵ Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 302—303. J. Hanway. Указ. соч., с. 264.
- ²⁶ Архив артиллерийского исторического музея (Ленинград), ф. 1 Пушкирский приказ, оп. 1, д. 60, л. 1, 3, 10, 12. Государственный исторический музей, отдел письменных источников, архив Уварова, картон 2, архив. № 41/41, л. 1, 10; Кострин К. В. Нефть в Московском государстве в XVI—XVII веках. Известия высших учебных заведений «Нефть и газ», № 4, Уфа, 1962, с. 116—117.
- ²⁷ Торговая книга. Записки отд. русской и славянской археологии СПб., 1851, с. 134.
- ²⁸ Выписка из путешествия И. Лерха, с. 28.
- ²⁹ Там же, с. 84—85.
- ³⁰ Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 301.
- ³¹ Выписка из путешествия И. Лерха, с. 86.
- ³² John Cook. *Voyages and travels through the Russian Empire, Tar-tary and Part of the Kingdom of Persia*, v. II, Edinburg, MDCCCLXX, p. 383; J. Hanway. Указ. соч., с. 264.
- ³³ Выписка из путешествия И. Лерха, с. 84—85. По сведений Лерха, батман в это время составлял 15 фунтов.
- ³⁴ По курсу того времени 1 туман — 50 аббаси, 1 аббаси — 4 шаи. De Thevenot. *Suite de voyage de Levant, seconde partie*, Paris, MDCLXXIV, p. 168.
- ³⁵ *Memoire de la province du Sirvan en forme de lettre adreesee au pere Fleuria»* (Lettres curieuses et edifiantes etc..) tome deuxieme. Lyon, MDCCCXIX, p. 390—391, 406—407 (далее — *Letters curieuses et edifiantes...*).
- ³³ Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970, с. 28.
- ³⁷ E. Kaempfer. Указ. соч., с. 278—279.
- ³⁸ Fr. Antoine de Gouvea, указ. соч., с. 326. Туман в это время равнялся 15 экю или 30 франкам. См. J. Chardin, *Voyage du chevalier Chardin en Perse*, t. II, Paris, 1811, p. 211.
- ³⁹ Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 302—303.
- ⁴⁰ Sanson. *Voyage ou relation de l'etat present du royaume de Perse*. Paris, MDCXCV, p. 99.
- ⁴¹ *Lettres curieuses et edifiantes*; указ. соч., с. 385—386.
- ⁴² *Voyages d'un Missionnaire de la Compagnie de Jesus en Turquie, en Perse, en Armdnie, en Arabie et en Barbarie*, Paris, MDCCXXX, p. 100.
- ⁴³ *Voyages d'un Missionnaire de la Compagnie de Jesus...* p. 100.
- ⁴⁴ E. Kaempfer. Указ. соч., с. 279.
- ⁴⁵ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Сб. студенческого историко-этнографического кружка при университете св. Владимира, вып. VI, Киев, 1915, т. II, ч. 2; Кострин К. В. Нефть в Московском государстве в XVI—XVII веках. Известия высших учебных заведений, «Нефть и газ», №4, Уфа, 1962, с. 118.
- ⁴⁶ Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., с. 172—174.
- ⁴⁷ Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 301; E. Kaempfer. Указ. соч., с. 278; *Lettres curieuses et edifiantes*, p. 386; *Voyage d'un missionnaire*, указ. изд., с. 98.
- ⁴⁸ Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 301.
- ⁴⁹ Соймонов Ф. К. Описание Каспийского моря... (Ежемесячные сочинения..., СПб., 1763) 1-е полугодие, с. 425—
426. Выписка из путешествия И. Лерха... (Новые ежемесячные сочин. СПб., 1790, м-ц январь, с. 33).
- ⁵⁰ Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 302—303.
- ⁵¹ E. Kaempfer. Указ. соч., с. 282; Выписка из путешествия И. Лерха, с. 29.
- ⁵² Бакуви. Указ. соч., с. 89, л. 55а.
- ⁵³ E. Kaempfer. Указ. соч., с. 275—276; Выписка из путешествия И. Лерха, с. 77.
- ⁵⁴ J. Hanway. Указ. соч., с. 264—265.
- ⁵⁵ Там же, с. 264.
- ⁵⁶ По-видимому, при наличии камней в почках или желчном пузыре, а также при заболевании ревматизмом.
- ⁵⁷ J. Hanway. Указ. соч., с. 264.
- ⁵⁸ Выписка из путешествия И. Лерха, с. 32—33.
- ⁵⁹ J. Hanway. Указ. соч., с. 265.
- ⁶⁰ Архив Артиллерийского исторического музея (Ленинград), ф. 1, Пушкирский приказ, оп. 1, д. 60, л. 1, 3, 10, 12; Государственный исторический Музей, отдел письменных источников, архив Уварова, картон 2, арх. № 41/41, л. 1, 10; Кострин К. В. Ук. статья, с. 116, 117.
- ⁶¹ Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 302—303.

⁶² Гербер И. Г. Продолжение известия о находящихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народами и землями и о их состоянии в 1728 г. (Сочинения и переводы и т. д. Октябрь, 1760, СПб.), с. 295—296.

⁸³ Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и т. д. Ежемесячные сочинения и т. д. СПб., 1763, 1-е полугодие, с. 426.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Гербер И. Г. Указ. соч., с. 296.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 9. Кабинет Петра I, отд. II, кн. 63, 1723, л. 597—598. Кострин К. В. Изв. высших учебных заведений. «Нефть и газ», № 11, 1962, с. 114—115.

⁶⁷ Ср. С. Г. Гмелин. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе, ч. 3, СПб., 1785, с. 72.

⁶⁸ Выписка из путешествия И. Лерха, с. 84—85.

⁶⁹ Asafi, Dal Mehmed Celebi, Secaat-name, Yildiz nushasi, N 2385 ver. 120; Ali, Kunhul-ahbar, Istanbul, Nuru-osmaniye Ktb. 3409. Ahmet Zeki Va-lidi, Azerbaycanun tarihi coğrafyasi, Istanbul II, s. 4 Dr. Bekir Kutukoglu, Osmanli-Iran Seyasi Munasebetleri, I, Istanbul, 1962, s. 62—63.

⁷⁰ Е. Каемпфер. Указ. соч., с. 284, 285; Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 301—302.

⁷¹ Е. Каемпфер. Указ. С. Соч 273—274; Выписка из путешествия И. Лерха, с. 76—77.

⁷² Выписка из путешествия И. Лерха, с. 76—77.

⁷³ Е. Каемпфер. Указ. соч., с. 282—283; Выписка из путешествия И. Лерха, с. 87—88.

⁷⁴ Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и т. д. Ежемесячные сочинения. СПб., 1763, 1-е полугодие, с. 111.

⁷⁵ Бакуви. Указ. соч., с. 89, л. 556.

⁷⁶ Там же.

2. Политическая история XVII первой половины XVIII вв.

¹ Искендер Мунши. Тарих-и алам арай-и Аббаси. Указ. изд., с. 515—516; А. А. Рахмани. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960, с. 94—95; его же: Азербайджан, в конце XVI и в XVII веке. Баку, 1981, с. 63—75.

² Искендер Мунши. Указ. изд., с. 515—516, 527; Рахмани А. А. Азербайджан в конце XVI и в XVII вв., с. 63—75. P. Fr. Antoine de Gouvea. Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le roy de Perse Cha Abbas contre les emperereurs de Turquie Mahomet et Achmet son fils. Rouen, 1646, p. 222—230, 302—336.

³ Искендер Мунши. Указ. изд., с. 515; Lucien Louis Bellan, Chah Abbas I (Les grandes figures de l'Orient, t. III) Paris, 1932, p. 162.

⁴ P. Fr. Antoine de Gouvea. Указ. соч., с. 324—325.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ A chronicle of the Carmelites in Persia... Volume I, London, 1939, p. 113—114.

⁸ Искендер Мунши. Указ. изд., с. 661; Рахмани А. А. Тарих-и алам арай-и Аббаси, с. 123.

⁹ P. Fr. Antoine de Gouvea. Указ. соч., с. 335; Рахмани А. А. Азербайджан в конце XVI и в XVII вв., с. 77.

¹⁰ Рзаев Ниязи. Северные ворота крепостных стен города Баку. Памятники архитектуры Азербайджана. Баку, 1950, с. 33.

¹¹ Отпуск грамоты Астраханским воеводам о сыске воров Донских казаков, грабивших на Волге, 1647 г., январь. Донские дела. Русская историческая библиотека, т. XXVI, кн. 3, СПб., 1909, столб. 569—570.

¹² Voyages du chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de l'Orient, par L. Langles, t. —, Paris, 1811, p. 112—114 (далее: Шарден).

¹³ Шарден. Указ. соч., т. V, с. 324.

¹⁴ Записки иностранцев о восстании А. Г. Манькова. Л., 1968, с. 47.

¹⁵ Там же; А. Бакиханов, с. 138.

¹⁶ Шарден. Указ. соч., с. 114—115.

¹⁷ Там же, с. 115—116, 118—119.

¹⁸ Там же, с. 119—120.

¹⁹ Там же, с. 134—138.

²⁰ Записки иностранцев о восстании Степана Разина, указ. изд., с. 75.

²¹ Крестьянская война под предводительством С. Разина. Сборник документов, т. I, М., 1954, с. 143.

²² Memoire de la province du Sirvan en forme de lettre adreesee au pere Fleuriau (Lettre curieuses et edifiantes), t. II, Lyon, MDCCCXIX, p. 394—395. Выписка 1670 г. из дела приказа Казанского двора о бунте Стеньки Разина... Дополнения к актам историч., т. VI, СПб., 1857, с. 11—13; Попов А. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина, М., 1857, с. 31, 33—34, 39.

²³ Стрейс Я. Я. Три путешествия. Пер. З. Бородиной. М., 1935, с. 201—202.

²⁴ Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний (Ежемесячные сочинения), СПб., 1763, 2-е полугодие, с. 322.

²⁵ Выписка дела о Разине, сообщенная из Казанского приказа в посольский приказ 7178; Попов А. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857, с. 39.

²⁶ Стрейс Я. Я. Указ. соч., с. 201—202.

²⁷ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Указ. изд., с. 75.

²⁸ Е. Каемпфер. Указ. соч., с. 267.

²⁹ Le Bruyn Corneille, Voyage au Levant..., t. III, Paris, MDCCCXXV, p. 494—495.

³⁰ Журнал посланника Волынского 1715—1718 г. Дела Персидские Коллегии Иностр. Дел., 1715, № 2; Зевакин Е. Азербайджан в начале XVIII в. Известия Общ. обследования и изучения Азербайджана, Баку, 1929, № 8, вып. IV, с. 12; Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715—1718 гг. (по русским архивам). М., 1978, с. 5—10.

³¹ Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран, с. 5—9;

- ³² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. I, СПб., 1869, с. 16—17.
- ³³ Бутков П. Г. Указ. раб., с. 16—17; Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам, Баку, 1970, с. 128 (персид. текст).
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Бутков П. Г. Указ. раб., с. 16; Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 128—129.
- ³⁶ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 128—130.
- ³⁷ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 130 (персид. текст).
- ³⁸ АВПР, фонд Сношения России с Персией. Опись № 77/1 1722. Дело № 20 л. 7, 9а, архивная копия перевода листа 2 с оборотом и 2 в. Г. Мельгунов — Поход Петра Великого в Персию («Русский Вестник», 1874, т. 110, с. 41); Алиев Ф. М. Письмо бакинцев Петру I в 1722 г. ДАН Азерб. ССР, т. XX, № 7, 1964, с. 57—58.
- ³⁹ АВПР, фонд Сношения России с Персией. Опись № 77/1 1722, Дело № 20. Архивная копия перевода с листа 14 с оборотом и 15 с обор.
- ⁴⁰ Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря (Ежемесячные сочинения СПб., 1763, с. 234—235); Бутков П. Г. Указ. раб., с. 28—29; Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 130—132 (персид. текст); Левиатов В. Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в., Баку, 1948, с. 79—80.
- ⁴¹ АВПР, фонд Сношения России с Персией. Опись № 77/1, 1722. Дело № 20, Архивная копия перевода с листа 22 с оборотом.
- ⁴² Мусеви Т. М. Средневековые документы по истории Баку. Баку, 1967, с. 84, документ № 21 (на азерб. яз.).
- ⁴³ Левиатов В. Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. Баку, 1948, с. 80; Алиев Ф. М. Письмо бакинцев Петру I в 1722 г. ДАН Азербайджанской ССР, т. XX, № 7, 1964, с. 57—60.
- ⁴⁴ Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 318; Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 131—132 (персид. текст); Левиатов В. Н. Очерки..., с. 78—79.
- ⁴⁵ Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 411; Бутков П. Г. Указ. раб., с. 45.
- ⁴⁶ Бутков П. Г. Указ. раб., с. 45; Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715—1718 гг., М., 1978, с. 5.
- ⁴⁷ Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 411; Бутков П. Г. Указ. раб., с. 45—46.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Соймонов Ф. И. Указ. соч. раб., с. 45—47; Бакиханов сид. текст).
- ⁵⁰ Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 412; Бутков П. Г. Указ. раб., с. 45—47.
- ⁵¹ Соймонов Ф. И. Указ. соч., раб., с. 45—47; Бакиханов сид. текст).
- ⁵² Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 413; Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1823, с. 45; Туманский Ф. Описание похода государя императора Петра Великого к лежащим при Каспийском море Персидским провинциям, СПб., 1793, с. 37; Бутков П. Г. Указ. раб., с. 45—49; Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 134—135 (перс. текст).
- ⁵³ Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 413—414; Военная история походов россиян в XVIII столетии, СПб., 1823, с. 45—46; Туманский Ф. Указ. соч., с. 37—38; Бутков П. Г. Указ. раб., с. 46—49; Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 134—135.
- ⁵⁴ Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 414—415; Туманский Ф. Указ. соч., с. 38—39.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 415—416; Туманский Ф. Указ. соч., с. 39—40.
- ⁵⁷ Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 416—417; Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1823, с. 48; Туманский Ф. Указ. соч., с. 40—41; Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 134—135 (перс. текст); Бутков П. Г. Указ. раб., с. 46—49.
- ⁵⁸ Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 417—418.
- ⁵⁹ Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 417—418; Туманский Ф. Указ. соч., с. 41; Бутков П. Г. Указ. соч., с. 46—49.
- ⁶⁰ Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 419; Бутков П. Г. Указ. соч., с. 47—49.
- ⁶¹ Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 429; Туманский Ф. Указ. соч., с. 41—42; Б у т к о в П. Г. Указ. раб., с. 47—49.
- ⁶² Бутков П. Г. Указ. соч., с. 48—49.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же, с. 68—69, 141.
- ⁶⁵ Там же, с. 39, 141.
- ⁶⁶ Там же, с. 26—29.
- ⁶⁷ Там же, с. 67.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же, с. 68—69.
- ⁷¹ Там же, с. 69—70.
- ⁷² Там же, с. 68, пр. 1.
- ⁷³ Там же, с. 68—69.
- ⁷⁴ Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. Документы... СПб., 1898, с. 358—359, № 231.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Гербер И. Г. Указ. соч., с. 304.
- ⁷⁷ Гербер И. Г. Указ. соч., с. 294; Бутков П. Г. Указ. соч., с. 49.
- ⁷⁸ Гербер И. Г. Указ. соч., с. 294—295; Бутков И. Г. Указ. соч., с. 48—49.
- ⁷⁹ Бакиханов А. К., с. 134—135 (перс. текст).
- ⁸⁰ Гербер И. Г. Указ. соч., с. 294—295; Бутков П. Г. Указ. соч., с. 49.
- ⁸¹ Соймонов Ф. И. Указ. соч., 1763, 1-е полугодие, с. 429.
- ⁸² Гербер И. Г. Указ. соч., с. 295.
- ⁸³ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 135—136.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же, с. 136.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ У Лерха говорится, что Дергах-Кули-бек был убит в сражении против турок близ Эривани (Лерх И. Указ. соч., с. 73—74), а в примечании к сочинению Гербера сообщается, что в 1735 г. он был выдан Тахмасп-Кули-хану, который его

как храброго воина использовал в войне, и что он был ранен в ногу в сражении против лезгин при Шемахе (Гербер И. Г. Указ. соч., с. 295).

- ⁸⁸ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 136 (перс, текст).
- ⁸⁹ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 136—137; Зевакин Е. С. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII века. Известия общества обследования и изучения Азербайджана, Баку, 1928, с. 124; Лысцов В. П. Персидский поход Петра I 1722—1723, М.* 1951, с. 170-176.
- ⁹⁰ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 137—138; Лысцов В. П. Указ. соч., с. 237—239.
- ⁹¹ Зевакин Е. С. Указ. соч., с. 125, 131—132.
- ⁹² Бакиханов А. К., с. 140. Выписка из путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год..., с. 71—72.
- ⁹³ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 140.
- ⁹⁴ Левиатов В. Н. Указ. соч., с. 99—100; Лысцов В. П. Указ. соч., с. 242.
- ⁹⁵ Мирза Мухаммад Мехди ибн Мухаммад Насир Астарабади, Тарих-е Надири. Табриз, 1316, с. 127; Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 145; Бутков П. Г. Указ. раб., с. 104—106, 108—113, 130—133; Левиатов В. Н. Указ. соч., с. 103—104; Лысцов В. П. Указ. соч., с. 242.
- ⁹⁶ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе, ч. 3, СПб., 1785, с. 82; Бутков П. Г. Указ. раб. с. 138.
- ⁹⁷ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 153—154.
- ⁹⁸ Там же, с. 152—153.
- ⁹⁹ Там же, с. 155—156.
- ¹⁰⁰ Е. Kaempfer. Указ. соч., с. 271.
- ¹⁰¹ ЭвлияЧелеби. Указ. соч., с. 302—303.
- ¹⁰² Выписка из путешествия И. Лерха, с. 29, 71—72.
- ¹⁰³ Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 301; Voyages d'un missionnaire de la Compagnie de Jesus... Указ. изд., с. 97.
- ¹⁰⁴ Выписка из путешествия И. Лерха, с. 38, 73.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 73.
- ¹⁰⁶ Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 301—302.
- ¹⁰⁷ Garnba Voyage dans la Russie meridionale. Paris, 1820, t. II, p. 295—296.
- ¹⁰⁸ Е. Каемпфер. Указ. соч., с. 271.
- ¹⁰⁹ Гербер И. Г. Указ. соч., с. 293.
- ¹¹⁰ Выписка из путешествия И. Лерха, с. 38.
- ¹¹¹ Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 301.
- ¹¹² Е. Каемпфер. Указ. соч., с. 271, 279.
- ¹¹³ Выписка из путешествия И. Лерха, с. 72.
- ¹¹⁴ Voyages d'un missionnaire... Указ. изд., с. 98.
- ¹¹⁵ Выписка из путешествия И. Лерха, с. 38.
- ¹¹⁶ Там же, с. 38—39.
- ¹¹⁷ John Cook. Voyages and travels through the Russian Empire, Tar-tary and Part of the Kingdom of Peria, v. II, Edinburg, MDCCXX, p. 380—387, 383.
- ¹¹⁸ Voyages d'un missionnaire de la Compagnie de Jesus. Указ. изд., с. 97—98.
- ¹¹⁹ В более поздних источниках говорится, что шафран смешивали с бараньим жиром и варили на слабом огне до состояния густой смеси в виде теста. Легкобытов Б. С. Обзорение российских владений за Кавказом, ч. IV, СПб., 1836, с. 55—57.
- ¹²⁰ Гербер И. Г. Указ. соч., с. 293.
- ¹²¹ Выписка из путешествия И. Лерха, с. 38.
- ¹²² Там же, с. 73.
- ¹²³ Krusinski Thaddeo. Tragica vertentis belli Persici Historia. Leopoli, 1740, p. 461.
- ¹²⁴ Абу Али Ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки, кн. II, Ташкент, 1956, с. 239—240.

4. Ремесло и торговля

- ¹ ЭвлияЧелеби. Указ. соч., с. 301.
- ² Ксенофонт. Киропедия, VIII, 8, 15, 16. А. J. Arberry. The Legacy of Persia. Oxford, 1953, p. 230.
- ³ The history of the Caucasian albanians by Movses Dasxuranci, transl. by C J. F. Dowsett. London oriental series, vol. 8, London, 1961 (School of Oriental and African Studies University of London) p. 144.
- ⁴ Hudud al-Alam, transl. and explained by V. Minorsky, E. J. W. Gibb Memorial Series. New Series, XI, London, 1937, p. 142—144.
- ⁵ Денике Б. Искусство Востока, Казань, 1923, с. 204—206.
- ⁶ Ляtif Керимов. Азербайджанский ковер. Баку—Л., 1961.
- ⁷ A chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal Mission of the XVII-th and XVIII-th centuries. Volume I, London, 1939, p. 114—115.
- ⁸ Е. Kaempfer. Указ. соч., p. 279.
- ⁹ Выписка из путешествия И. Лерха и т. д. (Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790, месяц февраль, с. 72).
- ¹⁰ Этнографический фонд Музея истории Азербайджана АН Азерб. ССР.
- ¹¹ Керимов Ляtif. Указ. соч.
- ¹² J. Chardin Voyages de M-r Le Chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient, t. IV, Amsterdam, MDCCXI, p. 263.
- ¹³ Легкобытов В. С. Обзорение российских владений зом и т. д., ч. IV, СПб., 1836, с. 64.
- ¹⁴ Krusinski Thaddeo. Tragica vertentis belli Persici Historia, Leopoli, 1740, p. 461.

- ¹⁵ J. Chardin, p. 254—255. Marchall fon Bieberstein. Tableau des provinces situees sur la cote occidentale de la nier Caspienne entre les fleuves Terek et Kour. S. Petersbourg, 1789.
- ¹⁶ J. Chardin, указ. соч., с. 254—255.
- ¹⁷ Армяно-русские отношения в XVII в. Сборник документов. Ереван, 1953, с. 202, 203, 205.
- ¹⁸ АКАК, VI, док. № 1333, с. 872.
- ¹⁹ Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 301.
- ²⁰ Акты Исторические, т. V, 1842, с. 420, № 231; Армяно-русские отношения в XVII в. Сборник документов. Ереван, 1953, с. 225.
- ²¹ E. Kaempfer, указ. соч., с. 271.
- ²² Там же, с. 265, 267.
- ²³ Легкобытов В. С. Обзорение российских владений за Кавказом, ч. III, СПб., 1836, с. 122; Memoire de la province du Sirvan en forme de lettre adressee au père Fleuriau (Lettres curieuses et edifiantes), t. II, MDCCXIX, p. 392.
- ²⁴ Легкобытов В. С. Указ. соч., с. 124.
- ²⁵ Стрейс Я. Я. Три путешествия, пер. Э. Бородиной, М 1935, с. 280—281.
- ²⁶ De Thevenot. Suite du voyage de Levant, seconde partie Paris, MDCLXXIV, p. 167; J. Chardin. Указ. соч., с. 247—249.
- ²⁷ Исмизаде О. Ш., Ибрагимов Ф. А., Минкевич-Мустафаева Н. В., Фоменко В. П. О раскопках у северных стен Баку. Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1973 г.), Баку, 1974, с. 53—54.
- ²⁸ Там же, с. 53—54.
- ²⁹ Левиатов В. Н. Об археологических раскопках 1946 г. Баку, Изв. АН Азерб. ССР, № 8, 1948, с. 80—82.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Левиатов В. Н. Археологические раскопки 1945 года при дворце Ширваншахов в гор. Баку. Изв. АН Азерб. ССР, № 1, 1948, с. 113.
- ³² Ибрагимов Ф. А., Исмизаде О. Ш., Фоменко В. П., Ахмедов Р. Д., Гусейнова С. Б. Результаты археологических исследований средневекового города Баку в 1978 г. Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане в 1978 г., с. 36—37.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Ибрагимов Ф. А. Археологические раскопки 1985 г. тории Ичери-шехер. Археологические и этнографические в Азербайджане (1985 г.). Баку, 1986, с. 51—52.
- ³⁵ Английские путешественники в Московском государстве пер. с англ. Ю. В. Готье. Л., 1936, с. 203.
- ³⁶ Marchall fon Bieberstein. Указ. соч. 194, 746.
- ³⁸ Золотой фонд Музея истории Азербайджана.
- ³⁹ Исмизаде О. Ш., Ибрагимов Ф. А., Минкевич-Мустафаева Н. В., Фоменко В. П. О раскопках у северных стен Баку, с. 53.
- ⁴⁰ Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, с. 106.
- ⁴¹ Поливектов М. А. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу, Тифлис, 1935, с. 131—133.
- ⁴² Ашурбейли С. Б. Баку в XVI—XVIII вв. по описанию путешественников. Изв. АН Азерб. ССР, № 1, 1947, с. 64—67.
- ⁴³ Там же, с. 63—64.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ R. Hakluyt. The principal navigations, etc., v. I, London, 1600, p. 347.
- ⁴⁶ Ашурбейли С. Б. Указ. соч., с. 64.
- ⁴⁷ Петрушевский И. П. Азербайджан в XVI—XVIII вв. Сборник статей по истории Азербайджана. АН Азерб. ССР, вып. I, Баку, 1949, с. 268.
- ⁴⁸ R. Hakluyt. The principal navigations..., p. 422.
- ⁴⁹ R. Hakluyt. The principal navigations..., p. 422—424.
- ⁵⁰ R. Hakluyt. The principal navigations..., p. 424.
- ⁵¹ R. Hakluyt. The principal navigations..., p. 425—426.
- ⁵² Sam. Purchas. His Pilgrimes, v. II, London, 1625—1626.
- ⁵³ Don Juan of Persia. Relations etc., transl. and edit, by G. Le Strange. London, 1926.
- ⁵⁴ Саламзаде А. О неизвестных архитектурных памятниках Баку (на азерб. языке). ДАН Азерб. ССР, т. XII, № 1, 1956, с. 69—73.
- ⁵⁵ Торговая книга. Записки отд. русской и славянской археологии. СПб., 1851, с. 134; Фехнер М. В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке, М., 1956, с. 26, 84.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Фехнер М. В. Указ. соч., с. 30.
- ⁵⁸ R. Hakluyt. The principal navigations... etc., v. I, London, 1600, p. 422—423.
- ⁵⁹ Asafi, Dal Mehmed Celebi, Secaat-name, Yildiz nushasi, № 2385 ver. 120; Ali, Kunhul-ahbar, Istanbul, Nflra-osmariyye Ktb. 3409, II, s. 4. Цит. по работе Ahmet Zeki Validi, Azerbaycanin tarihi cografiyasi, Istanbul, II, s. 4.
- ⁶⁰ Фехнер М. В. Указ. соч., с. 59—61.
- ⁶¹ W. Heyd. Histoire du commerce de Levant, v. II, Leipzig, 1923, p. 672.
- ⁶² Фехнер М. В. Указ. соч., с. 80.
- ⁶³ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией под редакцией Н. Веселовского, т. I, СПб., 1890. Платье, оружие... Бориса Годунова. Записки имп. археол. об-ва, М., 1865, т. XI, с. 281, 285. Б. Д. Греков. Очерки по истории Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. Летопись Археограф, комиссии, вып. 33, с. 258.
- ⁶⁴ R. Hakluyt. The principal navigations, etc., v. I, London, 1600, p. 422—424.
- ⁶⁵ Музей истории Азербайджана АН Азерб. ССР. Экспозиция отдела средних веков.
- ⁶⁶ Там же.

- ⁶⁷ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и др. республик, краев и областей Кавказа, вып. V, с. 39, № 1474, 1475; там же, с. 38, № 1471; вып. VI, с. 61, № 1638, вып. IV, с. 58, № 1182; его же. Клады Азербайджана и др. республик и краев Кавказа, вып. II, с. 48—49, № 495.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана, вып. V, с. 39. № 1477; его же. Клады Азербайджана и др. республик и краев Кавказа, вып. II, с. 50—51. № 504.
- ⁷⁰ Пахомов Е. А. Клады Азербайджана..., вып. II, с. 64—65, № 583.
- ⁷¹ R. Hakluyt. The principal navigations, etc., v. I, London, 1600, p. 424.
- ⁷² Le Bruyn Corneille. Voyage au Levant... t. III, Paris, MDCCLXXV, p. 494—495. D'Antermony Jean Bell. Voyage depuis St. Petersburg en Russie, dans divers contrees de l'Asie, traduits de l'Anglois par M., t. III, Paris, MDCCLXVI, p. 70. Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и т. д. (Ежем. соч. СПб., 1763, 1-е полугодие, с. 109, 2-е полугодие, с. 108, 111); Bruce Peter Henry, a military officer in the services of Prussia, Russia, and Great Britain. Memoires containing an account of his Travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the west Indies etc. London. 1782, p. 321—322.
- ⁷³ Pietro Delia Valle. Voyages de Pietro Delia Valle gentilhomme Romain dans la Turquie, l'Egypte, la Palestine, la Perse, les Indes Orientales et autres lieux. Paris, MDCCXLV, t. III, p. 603, 780.
- ⁷⁴ Рабад — торгово-ремесленное поселение вокруг феодального замка или цитадели.
- ⁷⁵ ЭвлияЧелеби. Указ. соч., с. 300—301.
- ⁷⁶ ЭвлияЧелеби. Указ. соч., с. 301—302.
- ⁷⁷ Саламзаде А. О неизвестных архитектурных памятниках Баку. ДАН Азерб. ССР, т. XII, № 1, Баку, 1956, с. 69—73 (на азерб. яз.).
- ⁷⁸ Ашурбейли С. Б. Экономические и культурные связи Азербайджана с Китаем в период средневековья. Вопросы истории, № 2, Пекин, 1958, с. 55—62 (на китайск. яз.).
- ⁷⁹ Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 302.
- ⁸⁰ E. Kaempfer, указ. соч., с. 269.
- ⁸¹ E. Kaempfer, указ. соч., с. 266.
- ⁸² Там же, с. 270.
- ⁸³ Там же, с. 271.
- ⁸⁴ СтрейсЯ. Я. Указ. соч., с. 245—246.
- ⁸⁵ Там же, с. 253.
- ⁸⁶ Армяно-русские отношения в XVII в. Указ. изд., с. 76—78, 86; А. Попов. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857, с. 33—34.
- ⁸⁷ Memoire de la province du Sirvan, en forme de lettre adreee an pere Fleuriau. Указ. изд., стр. 381—386, 389; Voyages d'un Missionnaire De la Compagnie de Jesus, и т. д. Указ. изд., с. 96—100.
- ⁸⁸ Bruce Peter Henry. Указ. соч., с. 321—322.
- ⁸⁹ Цагарели А. А. Сношения России с Кавказом в XVI—XVIII ст. (В отчете о состоянии и деят., СПб., Унив. за 1890 г., 1891, с. 45).
- ⁹⁰ Voyages d'un Missionnaire De la Compagnie de Jesus. Paris, MDCCXXX, p. 92.
- ⁹¹ Армяно-русские отношения в XVII в. Сб. документов под редакцией проф. В. А. Парсамяна. Ереван, 1953, с. 117—118, 175—176, 202, 225, 235, 260. Thomas Herbert. Travels in Persia, ed. by sir William Foster. London, 1928, p. 177; Memoire de la province du Sirvan... указ. изд., с. 386.
- ⁹² Акты исторические, т. V, 1842, с. 420, д. № 231.
- ⁹³ Армяно-русские отношения в XVII в. Сб. документов, указ. изд., с. 225.
- ⁹⁴ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана. Тр. Об-ва обследования и изучения Азербайджана, вып. 3, с. 68, № 212—213. Его же. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, вып. II, Баку, 1938, с. 66, № 595; Его же. Монетные клады и т. д., вып. III, Баку, 1940, с. 66, № 925; Его же. Монетные клады и т. д., вып. IV, Баку, 1949, с. 88, № 1268, 1270.
- ⁹⁵ E. Kaempfer. Указ. соч., с. 267—268
- ⁹⁶ Стрейс Я. Я. Указ. соч., с. 255.
- ⁹⁷ Ашурбейли С. Б. Об истории Сураханского храма огнепоклонников. Памятники архитектуры Азербайджана. М., 1946, с. 52—53
- ⁹⁸ J. Han way. An historical account of the British trade over the Caspian Sea, v. I, London, MDCCLXII, p. 260—261.
- ⁹⁹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. с англ. Ю. В. Готье. Л., 1938, с. 203. J. Chardin Voyages de Chardin en Perse... t. III, Amsterdam, MDCCXI, p. 264 Экспозиция средних веков Музея истории Азербайджана АН Азерб. ССР.
- ¹⁰¹ J. Hanway. Указ. соч., с. 264.
- ¹⁰² Экспозиция средн. веков Музея истории Азербайджана.
- ¹⁰³ Пахомов Е. А. Клады Азербайджана..., вып. II, указ. изд., с. 53, № 520; его же. Монетные клады Азербайджана. Тр. Об-ва обследования и изучения Азербайджана, вып. III, указ. изд., с. 66—67, № 203 с. 70, № 225; его же. Монетные клады Азербайджана, вып. VIII указ. изд., с. 85—86.
- ¹⁰⁴ J. Hanway. Указ. соч., с. 261.
- ¹⁰⁵ Гербер И. Г. Указ. соч., с. 293—294.
- ¹⁰⁶ Выписка из путешествия И. Лерха, с. 73—74.
- ¹⁰⁷ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана, вып. VIII, с. 85—86, № 1, 203.
- ¹⁰¹ Зевакин Е. С. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII века. Изв. об-ва обследования и изучения Азербайджана, № 5, Баку, 1928, с. 125.
- ¹⁰⁹ James Spilman. A Journey through Russia into Persia, London 1742, p. 125.
- ¹¹⁰ Jean Bell d'Antermony. Voyages depuis St. Petersburg en Russie, dans diverses contrees de l'Asie, t. III, Paris, MDCCLXVI, p. 181.
- ¹¹¹ Гербер И. Г. Указ. соч., с. 294—295.
- ¹¹² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803..., ч. I, СПб., 1869, с. 52.

- ¹¹³ Там же, с. 143.
¹¹⁴ Зевакин Е. С. Указ. соч., с. 128, табл. 2.
¹¹⁵ Там же, с. 129.
¹¹⁶ Там же, с. 128, табл. 2.
¹¹⁷ Зевакин Е. С. Указ. соч., с. 128, табл. 2.
¹¹⁸ Дело персидское Коллегии иностранных дел 1723 г. № 12; Зевакин Е. С. Указ. соч., с. 128, табл. 9.
¹¹⁹ James Spilman. A Journey through Russia into Persia London, 1742, p. 10—11.
¹²⁰ Ja mes Spilman. Указ. соч., с. 61.
¹²¹ История Азербайджана, т. I, Баку, 1958, с. 322.

5. Социальная структура городского населения Баку и управление городом

- ¹ ЦВИА, ф. ВУА, д. № 18495, лл. 17—25.
² Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме, указ. изд., т. II, с. 188. Антоний Дженкинсон. Путешествие в Персию. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. с англ. Ю. В. Готье. Л., 1938, с. 205.
³ Шараф-хан Бидлиси. Указ. изд., с. 189.
⁴ Там же, с. 191.
⁵ Шараф-хан Бидлиси, т. I, указ. изд., М., 1967, с. 487.
⁶ Там же, с. 487.
⁷ Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л., 1949, с. 99.
⁸ Там же, с. 100.
⁹ Алескерзаде А. А. О заказчике и архитекторе Восточных ворот дворца Ширваншахов в Баку. Ученые записки Института востоковедения, № 1, Баку, 1959, с. 52—53 (на азерб. яз.).
¹⁰ P. Fr. Antoine de Gouvea. Relation des grandes guerres et vic-toires obtenues par le roy de Perse Cha Abbas contre les emperereurs de Turquie Mahomet et Achmet son fils..., Rouen, 1646, p. 324—325.
¹¹ Серия копий шахских фирманов в рукописном отделе Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, ф. 15, № 44/584, 8, док. № 1. Петрушевский И. П. Персидские официальные документы как источники по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—XVIII вв. Проблемы источниковедения, изд. Ин-та истории АН СССР, т. III, М—Л., 1940, с. 32—33.
¹² Ричард Джонсон, Александр Китчин и Артур Эдуарде. Третье путешествие в Персию. Английские путешественники... и т. д. Указ. изд., с. 230.
¹³ Березин И. Путешествие по Востоку. Казань, 1852 (Прибавление к первому тому «Путешествий по Востоку»), с. 66; M. Khanykof. Quelques inscriptions musulmanes d'Ani et des environs de Bakou; extrait d'une lettre de M. Khanykof (Lu le 23 mars 1849) Bulletin de l'Acad. hist -phil., t. VI, № 13, p. 9—10.
¹⁴ Derbend-Nameh, or the History of Derbend, translated from a select turkish version and published with the texts and with notes by Mirza A. Kazem-beg, St. Petersburg, 1851 (Mem. des Sav. etrang., Acad. des Scien., t. VI) Part IX, Remarks, p. 144.
¹⁵ Fr. Antoine de Gouvea... Указ. соч., p. 335.
¹⁶ Петрушевский И. П. Очерки..., указ. изд., с. 89.
¹⁷ Рзаев Ниязи. Северные ворота крепостных стен города Баку. Памятники архитектуры Азербайджана, Баку, 1950, с. 33.
¹⁸ A chronicle of the Carmelites in Persia. Указ. изд., с. 113—114.
¹⁹ Pietro Della Valle. Указ. соч., с. 204.
²⁰ E. Kaempfer. Указ. соч., с. 266.
²¹ Memoire de la province du la Sirvan. Указ. изд., с. 382.
²² Voyages d'un missionnaire de la compagnie de Jesus. Указ. изд., с. 97.
²³ ЭвлияЧелеби. Указ. соч., с. 300—301.
²⁴ Там же, с. 299.
²⁵ Там же, с. 302. ²⁶ ЭвлияЧелеби. Указ. соч., 301.
²⁷ Raphael du Mans. Etat de la Perse en 1660, Paris, 1890, p. 35.
²⁸ ЭвлияЧелеби. Указ. соч., с. 302.
²⁹ Искендер Мунши. Тарих-и алем арай-и Аббаси. Литогр. изд. 1314 г. х., с. 515; Петрушевский И. П. Очерки..., указ. изд., с. 159.
³⁰ Петрушевский И. П. Указ. соч., с. 170—172. Tadhkirat al-muiuk, a manual of Safavid administration, by V. Minorsky. E. J. W. Gibb. Memorial series, new series, XVI, London, 1943, p. 27, 152.
³¹ Tadhkirat al-muluk. Ук. изд., стр. 28, 152. И. П. Петрушевский. Указ. соч., с. 200—202, 208, 212, 214—215.
³² Петрушевский И. П. Указ. соч., с. 228—229, 230.
³³ ЭвлияЧелеби. Указ. соч., с. 302.
³⁴ Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 100—102.
³⁵ Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 302.
³⁶ Там же.
³⁷ Петрушевский И. П. Персидские официальные документы, как источники по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—XVIII вв. Проблемы источниковедения. Изд. Института истории АН СССР, т. III, М—Л., 1940, с. 43.
³⁸ Там же.
³⁹ De Thevenot. Suite du voyage de Levant, seconde partie, Paris, MDCLXXIV, p. 196.

- ⁴⁰ Там же, с. 195. Петрушевский И. П. Очерки..., с. 174—175.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 235.
- ⁴³ Там же, с. 301.
- ⁴⁴ De Thevenot. Указ. соч., с. 193; Петрушевский И. П. Очерки..., с. 118.
- ⁴⁵ Там же, с. 172—177.
- ⁴⁶ Петрушевский И. П. Очерки..., с. 172—173.
- ⁴⁷ Имена шейха Абида и шейха Шерифа даны по сведениям Б. Дорна. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества, ч. VIII, СПб., 1864, с. 305.
- ⁴⁸ Петрушевский И. П. Указ. соч., с. 173.
- ⁴⁹ Березин И. Путешествие по Востоку, т. II. Путешествие по Северной Персии. Казань, 1852. Прибавления к I тому «Путешествия по Востоку», с. 67.
- ⁵⁰ Дорн Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. Тр. Восточ. отделения Императорского Археологического общества, ч. VIII, СПб., 1864, с. 305.
- ⁵¹ Ленинградское отделение ИНА АН СССР. Рукописный отдел, архив Дорна, ф. 15, № 44/2848. Док. № 3.
- ⁵² Ак. Б. Дорном были сняты копии с подлинных документов, представленных в 1261 г. х. (1845 г. н. э.) в бакинский уездный суд наследниками Биби-Эйбатских шейхов для доказательства своих владетельских прав. Эта серия копий шахских фирманов находится в рукописном отд. Ленинград. отдел. Института народов Азии АН СССР в архиве ф. 15, № 44/2848. Об этой серии см. И. П. Петрушевский. Персидские официальные документы как источники по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—XVIII вв. Проблемы источниковедения, изд. Ин-та истории АН СССР, т. III, М—Л., 1940, с. 32—33; его же. Вакфные имения Ардебильского мазара в XVII в. Тр. Ин-та истории им. Бакиханова, т. I, Баку, 1947, с. 25; его же. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л., 1949, с. 171—177.
- ⁵³ Искаженная форма названия Баку в XVII в. См. С. Б. Ашурбейли. О названии города Баку. ДАН АН Азерб. ССР, т. XIV, № 9, 1958, с. 735—740.
- ⁵⁴ Т. е. покойного шаха. Обычно это титулование давалось шаху Тахмасибу I (прим. И. П. Петрушевского).
- ⁵⁵ В упомянутой серии фирманов документ № 3. И. П. Петрушевский. Очерки..., с. 173—174.
- ⁵⁶ Петрушевский И. П. Персидские официальные документы..., с. 32—33.
- ⁵⁷ Документ № 7. Петрушевский И. П. Очерки... с. 174—175.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Докум. № 7. И. П. Петрушевский. Указ. соч.,
- ⁶¹ Там же, с. 266—267.
- ⁶² Там же, с. 268.
- ⁶³ Там же, с. 268.
- ⁶⁴ Там же, с. 273—274.
- ⁶⁵ Документ № 7. И. П. Петрушевский. Указ. соч., с. 274.
- ⁶⁶ Петрушевский И. П. Очерки..., с. 284—298.
- ⁶⁷ Там же, с. 270—271.
- ⁶⁸ Там же, с. 271.
- ⁶⁹ Там же, с. 272—273.
- ⁷⁰ Петрушевский И. П. Очерки..., с. 277—278.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² В фирмане на имя Бибиэбайтских шейхов (док. № 1) вместо «ко-налга» стоит «кнугла», что является ошибкой переписчика. (Прим. И. П. Петрушевского).
- ⁷³ Петрушевский И. П. Очерки..., с. 274—275.
- ⁷⁴ Там же, с. 276.
- ⁷⁵ Там же, с. 276.
- ⁷⁶ Документ № 7, 8. Петрушевский И. П. Очерки..., с. 272.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же, документ № 3, 4. Там же, с. 270.
- ⁷⁹ Там же, с. 278—279.
- ⁸⁰ Там же, с. 280—281.
- ⁸¹ Петрушевский И. П. Очерки..., с. 281.
- ⁸² Там же, с. 283.
- ⁸³ Там же, с. 290—291.
- ⁸⁴ Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам, Баку, 1970, с. 135—136 (на перс. яз.).
- ⁸⁵ Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 100—102.
- ⁸⁶ Выписка из путешествий И. Лерха, с. 70—72.
- ⁸⁷ Кикнадзе Р. К. Тамговские сборы в государстве ильханов. Восточный сборник. Тбилиси, 1960, с. 117—118.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Петрушевский И. П. Очерки..., с. 294.
- ⁹⁰ Tadhkirat al-muluk... Указ. соч., с. 180.
- ⁹¹ J. Chardin. Указ. соч., t. V, Paris, 1811, я. 399—400; J. B. Tavernier. Les six voyages de J. B. Tavernier, I—II, Paris, 1676, p. 55, 310.
- ⁹² См. о бониче. Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 81, 83, 148, 180; Новосельцев А. П. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII—XVIII вв. (канд. дисс.). М., 1953; Гейдаров М. Х. О термине «бониче». ДАН Азерб. ССР, т. XVIII, № 3, 1962.
- ⁹³ J. Chardin. Указ. соч., 399.

- ⁹⁴ Там же, с. 405.
- ⁹⁵ Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 148.
- ⁹⁶ De Thevenot. Suite du voyage de Levant... seconde partie. Paris, MDCLXXIV, p. 165.
- ⁹⁷ Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 81.
- ⁹⁸ Там же, с. 83.
- ⁹⁹ Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 81.
- ¹⁰⁰ Нейматова М. С. Эпиграфические памятники Азербайджана. Баку, 1963, с. 29—31 (на азерб. яз.).
- ¹⁰¹ Voyages d'un Missionnaire de la Compagnie de Jesus. Указ. изд., с. 108—109.
- ¹⁰² Там же, с. 113.
- ¹⁰³ Петрушевский И. П. Очерки..., с. 295.
- ¹⁰⁴ Нейматова М. С. Указ. соч., с. 38—40.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 38—39.
- ¹⁰⁶ Петрушевский И. П. Указ. соч., с. 268—269; Папазян А. Д. Персидские документы Матенадарана, т. I, Ереван, 1956, с. 228; М. С. Нейматова. Указ. соч., с. 41.
- ¹⁰⁷ Искендер Мунши. Тарих-и алам арай-и Аббаси. Указ. изд., с. 631—632; Рахмани А. А. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960, с. 143—144.
- ¹⁰⁸ Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 81.
- ¹⁰⁹ Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 81.
- ¹¹⁰ Там же, с. 82.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же, с. 148.
- ¹¹³ J. Chardin. Указ. соч., т. VI, с. 79.
- ¹¹⁴ E. Kaempfer. Указ. соч., с. 141; Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 148.
- ¹¹⁵ Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 148—149.
- ¹¹⁶ Рукописный отдел Ленинградского отд. ИНА архив фонд 15 № 44/584, 8 док. № 7; Петрушевский И. П. Очерки..., с. 174—175.
- ¹¹⁷ J. Chardin. Указ. соч., т. V, с. 258—259, 264—265; Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 149.
- ¹¹⁸ Петрушевский И. П. Очерки..., с. 175.
- ¹¹⁹ Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 149.
- ¹²⁰ Sanson. Voyage ou relation de l'etat present du royaume de Perse. Paris, MDCXCV, p. 189—190.
- ¹²¹ Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 90.
- ¹²² Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 83, 149; J. Chardin. Указ. соч., с. 263.
- ¹²³ Tadhkirat al-muluk, Указ. изд., с. 78, 146.
- ¹²⁴ J. Chardin. Указ. соч., с. 262—263.
- ¹²⁵ C. Le Brun's Travels. Engl. transl. 1759, p. 291.
- ¹²⁶ Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 83.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ J. Chardin. Указ. соч., т. VI, с. 129.
- ¹²⁹ ГАУ, ЦГАДА, Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. Изд-во восточ. лит-ры. М., 1958, с. 10—11.
- ¹³⁰ Нейматова М. С. Указ. соч., с. 38—39.
- ¹³¹ АКАК, VI, док. № 1333, с. 872.
- ¹³² Ляtif Керимов. Азербайджанский ковер. Баку—Ленинград, 1961.
- ¹³³ Веселовский Н. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., II, 1890, с. 301, 302; III, с. 485.
- ¹³⁴ Кикнадзе Р. К. Из истории ремесленного производства (карханэ) в Иране XIII—XIV вв. Ближний и Средний Восток. Сборник статей, 1962, М., с. 50; Петрушевский И. П. Феодалное хозяйство Рашид-ад-дина. Вопросы истории, 1951, № 4, с. 101—102.
- ¹³⁵ Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 45, 50 и т. д.
- ¹³⁶ J. Chardin. Указ. соч., с. 216.
- ¹³⁷ Там же, т. IV, с. 88—89.
- ¹³⁸ Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 148.
- ¹³⁹ J. Chardin. Указ. соч., т. IV, с. 93—94.
- ¹⁴⁰ Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 148.
- ¹⁴¹ Tadhkirat al-muluk. Указ. изд., с. 83.
- ¹⁴² J. Chardin. Указ. соч., т. IV, с. 94.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ Государственный Эрмитаж. Гравюра художника Сергеева, 1796 г.
- ¹⁴⁵ Ленинградское отделение ИНА, В-4295, № 3245; А-1596, № 3390; В-4363, № 3343; Алиев Ф. М. К. вопросу о ремесленных организациях Азербайджана второй половины XVIII в. Известия АН Азерб. ССР, 1957, № 8, с. 131.
- ¹⁴⁶ Габашвили М. В. К вопросу о социальном составе ближневосточных городов XI—XII вв. (Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке з эпоху средневековья). М., 1979, с. 43—49.

ГЛАВА V

БАКУ — СТОЛИЦА БАКИНСКОГО ХАНСТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII-НАЧАЛО XIX вв.)

1. Политическая история

¹ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 159; Гмелин С. Г. Указ. соч. с. 82. Бутков П. Г. Указ. раб., с. 138.

- ² Выписка из второго путешествия И. Лерха, с. 62.
- ³ Там же, с. 56—57.
- ⁴ Лерх И. Сведения о втором путешествии в Персию 1765 *Vi-schings Magazin*, X Theil, с. 452.
- ⁵ Лерх И. Известия о втором путешествии... Новые ежемесячные сочинения, ч. II, октябрь, СПб., 1790, с. 55—56.
- ⁶ Лерх И. Сведения о втором путешествии в Персию и т. д. 1765. *Buschings Magazin*, X Theil, е. 450.
- ⁷ Его же. Известия о втором путешествии..., с. 56.
- ⁸ Гмелин С. Г. Указ. соч., с. 82—84; Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 163; Бутков П. Г. Указ. раб., ч. I, с. 251.
- ⁹ Абдуллаев Г. Б. Из истории Северо-восточного Азербайджана в 60—80 гг. XVIII в. Баку, 1958, с. 45; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474 л. 50.
- ¹⁰ Гмелин С. Г. Указ соч., с. 83—84.
- ¹¹ Бутков П. Г. Указ. раб., ч. II, с. 250.
- ¹² Гмелин С. Г. Указ. соч., с. 77.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же, с. 81.
- ¹⁵ Там же, с. 78.
- ¹⁶ Там же, с. 84.
- ¹⁷ Бурнашев С. Д. Описание областей адребижанских и т. д., Курск 1793, с. 10-11.
- ¹⁸ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 164.
- ¹⁹ Там же, е. 165.
- ²⁰ Там же, с. 169.
- ²¹ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 73, 75.
- ²² Там же, с. 70—71.
- ²³ Там же, е. 70—73.
- ²⁴ Там же, ч. I, с. 70—71.
- ²⁵ Там же, ч. II, с. 70—73.
- ²⁶ Там же, с. 98.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Габлиц К. Исторический журнал бывшей в 1781 и 1782 годах на Каспийском море Российской эскадры под командою флота капитана второго ранга графа Войновича, с картою оною моря. М., 1809, с. 103, 104.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 167.
- ³¹ АКАК, т. IV, 1870, док. 861, с. 573.
- ³² Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 169. ³³ Там же, с. 170.
- ³⁴ Надгробный камень из мрамора над могилой Фатали-хана ныне хранится в Музее истории Азербайджана АН Азерб. ССР.
- ³⁵ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 171.
- ³⁶ Там же, с. 171.
- ³⁷ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 280.
- ³⁸ Там же, с. 292—293.
- ³⁹ Там же, с. 292—293.
- ⁴⁰ Там же, с. 292—295.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 172.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же, с. 172.
- ⁴⁵ Там же, с. 172; Бутков П. Г. Указ. соч., ч. III, с. 251.
- ⁴⁶ Левиатов В. Н. Указ. соч., с. 162.
- ⁴⁷ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 286, 287.
- ⁴⁸ Там же, с. 293—294.
- ⁴⁹ Там же, с. 294—296.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 295—296.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же, с. 298.
- ⁵⁵ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 296—297.
- ⁵⁶ Левиатов В. Н. Указ. соч., с. 164.
- ⁵⁷ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 330—331.
- ⁵⁸ Там же, с. 332—333.
- ⁵⁹ Там же, с. 342; Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 174.
- ⁶⁰ Рза Кули-хан Хидайат. Розат ас-сафа, Техран, 127 г. х., т. IX, с. ПО.
- ⁶¹ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 348; Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 176—177.
- ⁶² G. A. Olivier. Voyage dans l'Empire Othoman l'Egypte et Perse fait par ordre du gouvernement, pendant les six premieres annees de la Republique. Paris, An 9, (1807), t. VI, p. 254. Бакунина В. И. Персидский поход в 1796 г. Воспоминания «Русская старина», январь, март 1887, т. 53, с. 356.
- ⁶³ Бутков П. Г. Указ. соч., с. 387—388.
- ⁶⁴ Там же, с. 387—389.
- ⁶⁵ Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова, от 3 декабря 1804 г., № 28 (Акты, собранные Кавказского Археографического Комиссиею, т. II, с. 623).
- ⁶⁶ G. A. Olivier. Указ. соч., т. VI, с. 254—255.

- ⁶⁷ Бутков П. Г. Указ. раб., ч. II, с. 407.
- ⁶⁸ Там же, с. 418—420.
- ⁶⁹ Там же, с. 423.
- ⁷⁰ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 179.
- ⁷¹ Там же, с. 180.
- ⁷² Бутков П. Г. Указ. раб., ч. II, с. 420.
- ⁷³ Мирза Джамал Джеваншир Карабагский. История Карабага. Баку, 1959, с. 83-84; А. К. Бакиханов. Указ. соч., с. 180.
- ⁷⁴ Marschall von Bieberstein. Указ. соч., § 21
- ⁷⁵ Бутков П. Г. Указ. раб., ч. II, с. 429—431; Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 180.
- ⁷⁶ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 180; Мирза Джамал Джеваншир Карабагский. Указ. соч., с. 84.
- ⁷⁷ Мирза Джамал Джеваншир Карабагский Указ. соч., с. 85.
- ⁷⁸ Бутков П. Г. Указ. раб., ч. II, с. 429—431.
- ⁷⁹ Машката — нынешнее селение Маштага на Апшеронском полуострове, близ Баку.
- ⁸⁰ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 181
- ⁸¹ Там же, с. 182—183
- ⁸² Там же, с. 185.
- ⁸³ Бутков П. Г. Указ. раб., ч. II, с. 434
- ⁸⁴ Там же, с. 434—435.
- ⁶³ Всеподданнейший рапорт генерал-лейтенанта Кнорринга от 11 апреля 1800 года. Акты, собранные Кавказскою Археологическою Комиссиею, т. I, Тифлис, 1866, с. 677—678.
- ⁸⁶ Всеподданнейший рапорт генерал-лейтенанта Кнорринга от 11 апреля 1800 г. Акты, собранные Кавказскою Археологическою Комиссиею т. II, Тифлис, 1868, с. 639.
- ⁸⁷ Там же, т. II, Тифлис, 1868, с. 640; Бутков П. Г. Указ. раб. т. II с. 151.
- ⁸⁸ Бутков П. Г. Указ. раб., т. II, с. 318; Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 183—184.
- ⁸⁹ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 184.
- ⁹⁰ Бутков П. Г. Указ. раб., т. II, с. 503—504.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Рапорт надворного советника Скибинева генерал-лейтенанту Кноррингу от 26 февраля 1802 г. за № 99 из Баку. Акты, собранные Кавказскою Археологическою Комиссиею, т. I, Тифлис, 1866 с. 640—641.
- ⁹³ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 184.
- ⁹⁴ Там же, с. 185.
- ⁹⁵ Письмо кн. Цицианова к гр. А. Воронцову от 13 декабря 1802 г., № 126 (Акты, собранные Кавказскою Археологическою Комиссиею, т. II, с. 728).
- ⁹⁶ Предписание кн. Цицианова надворному советнику Скибинева от 15 января 1803 г. (Акты, собранные Кавказскою Археологическою Комиссиею, т. II, с. 728).
- ⁹⁷ Донесение кн. Цицианова гр. Воронцову от 27 апреля 1803 г., № 358 (Акты, собранные Кавказскою Археологическою Комиссиею, т. II, с. 291).
- ⁹⁸ Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова от 30 декабря 1804 г., № 28 (Акты, собранные Кавказскою Археологическою Комиссиею с. 623).
- ⁹⁹ Высочайшее повеление кн. Цицианову от 26 октября 1803 г. (Акты, собранные Кавказскою Археологическою Комиссиею, с. 359—360). к» 5 у т к о в П. Г. Указ. раб., ч. II, с. 371.
- ¹⁰¹ Там же, с. 367.
- ¹⁰² Бутков П. Г. Указ. раб., ч. II, с. 380.
- ¹⁰³ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 186.
- ¹⁰⁴ Бутков П. Г. Указ. раб., с. 383.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Там же. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский. История Карабага. Баку. 1959, с. 95—96. Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 188.
- ¹⁰⁷ Бутков П. Г. Указ. раб., с. 383.
- ¹⁰⁸ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 188.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Там же, с. 189.
- ¹¹¹ АКАК, т. IV, Тифлис, 1870, док. 861, с. 573.
- ¹¹² Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 189; Бутков П. Г. Указ. раб., с. 384, АКАК, т. IV, док. 861, с. 573.
- ¹¹³ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 190.
- ¹¹⁴ Там же, АКАК, т. IV, док. 861, с. 573.
- ¹¹⁵ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 190.
- ¹¹⁶ Там же, с. 192; АКАК, т. IV, док. 861, с. 573—574.
- ¹¹⁷ Бутков П. Г. Указ. раб., с. 385.

2. Экономическая жизнь города

- ¹ Петрушевский И. П. Указ. соч., с. 336.
- ² Известия о втором путешествии И. Лерха, с. 56.
- ³ Cook John. Указ. соч., с. 380—381, 383. J. Napway. Указ. соч., с. 260, 264.
- ⁴ Выписка из путешествия И. Лерха, с. 84.
- ⁵ Абдуллаев Г. Б. Из истории Северо-восточного Азербайджана в 60—80 гг. XVIII века. Баку, 1958, с. 45. Самуил Готтлиб Гмелин. Указ. соч., с. 72.

- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же, с. 72—73.
- ⁹ Там же, с. 71.
- ¹⁰ Самуил Готлиб Г мел ин. Указ. соч., с. 71. " Там же, с. 73.
- ¹² G. Forster. Voyage du Bengale a Petersburg, t. II, Paris, 1802, p. 353.
- ¹³ Marschall von Bieberstein Tableau des provinces situees sur la cote occidentale de la mer Caspienne entre les fleuves Terek et Kour. SPb, 1798, p. 24.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, лл. 18, 20—28, 31—33.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Gamba. Voyage dans la Russie Meridionale. Paris. 1820, II, p. 297—298.
- ¹⁸ E. Lenz. Ueber die veränderungen der Hohe welche die oberfläche des Kaspischen Meeres bis zum April des Jahres 1830 erlitten hat (Memoires de l'Academie, imperiale des sciences de St. Petersburg, 6 serie, t. II). St. Petersburg, 1833, p. 81.
- ¹⁹ Gamba. Указ. соч., с. 297—298.
- ²⁰ Самуил Готлиб Гмелин. Указ. соч., с. 73.
- ²¹ Харвар в то время составлял 18 пудов.
- ²² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, лл. 18, 20—28, 31—33. Цит. по указ. работе Г. А. Абдуллаева, с. 195.
- ²³ Gamba. Указ. соч., с. 299.
- ²⁴ Cook John. Указ. соч., с. 380; J. Hanway. Указ. соч., с. 261.
- ²⁵ Выписка из путешествия И. Лерха, с. 58.
- ²⁶ Самуил Готлиб Гмелин. Указ. соч., с. 82.
- ²⁷ Marschall von Bieberstein. Указ. соч., с. 24, 82; Хаджи: Зайи ал-Абидин Ширвани. Рийаз ас-сийахат, л. 33 б.; АН СССР, Ленингр. отд. ИНА. Рукописный фонд; его же. Бустан ас-сийахат, составлено в 1247 г. х., литограф, изд., 1310 г. А. (1892/93 г.), с. 129.
- ²⁸ Gamba. Указ. соч., с. 295—296.
- ²⁹ Там же, с. 303.
- ³⁰ Самуил Готлиб Гмелин. Указ. соч., с. 82; Marschall Bieberstein. Указ. соч., с. 24, 82; M. Tooke. Histoire de l'empire Riissie, p. 1801, p. 21.
- ³¹ Gamba. Указ. соч., с. 296.
- ³² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, лл. 18, 20—28, 31—33.
- ³³ Gamba. Указ. соч., с. 303.
- ³⁴ Там же, с. 295.
- ³⁵ Там же, с. 303.
- ³⁶ «Камеральное описание жителей города Баку», составленное в 1832 г. Грузино-Имеретинской казенной палатой. ЦГИА Азерб. ССР, ф. 25, оп. 25—2, ед. хр. 21; Тузинкевич Ю. Т. Первая перепись населения Баку. ДАН Азерб. ССР, т. II, № 6, 1946, с. 252.

3. Торговля

- ¹ Лерх И. Известия о втором путешествии... Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790, октябрь, с. 56.
- ² Лерх И. Сведения о втором путешествии в Персию, совершенном в 1745—1747 гг. имп. Росс. кол. советником доктором Иоганном Яковом Лерхом. 1765, Vuchings magazin, X Theil, с. 450 (далее — Л е р х И. Сведения...).
- ³ Лерх И. Сведения..., с. 450.
- ⁴ Там же, с. 452.
- ⁵ ЦГАДА, ф. перс. д. 16, лл. 206, 208; там же, д. 1, л. 18; Абдуллаев Г. Б. Указ. соч., с. 43.
- ⁶ ЦГАДА, ф. перс. д. 16, л. 117; там же, д. 17, л. 63 об., л. 64; Абдуллаев Г. Б. Указ. соч., с. 44.
- ⁷ Любимиров П. Т. Очерки по истории русской промышленности, М., 1947, с. 654.
- ⁸ Маркова О. П. Русско-иранская торговля в последние десятилетия XVIII в. Уч. зап. Ин-та востоков. № 1, Баку, 1959, с. 104—105.
- ⁹ Маркова О. П. Указ. соч., с. 111.
- ¹⁰ Гмелин С. Г. Указ. соч., с. 11, 109.
- ¹¹ ЦГАДА, ф. гос. арх. р. XIX, д. 297, ч. 14, л. 379 (об.) — 381; ч. 16, лл. 68 (об.), 248 (об.) — 249; ч. 17/1, лл. 144—146, 203, 227, 259, 298. Цит. по работе О. П. Марковой, с. 114.
- ¹² P. S. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Staat-shalterschaft des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, Bd. Leipzig. 1799, s. 199. О. П. Маркова. Указ. раб., с. 114—115.
- ¹³ ЦГАДА, ф. гос. арх. р. XIX, д. 297, ч. 14, 16/17/1. О. П. Маркова. Указ. раб., с. 115.
- ¹⁴ P. S. Pallas. Указ. соч., с. 193. Маркова О. П. Указ. раб., с. 115.
- ¹⁶ Там же, с. 116.
- ¹⁷ ЦГАДА, ф. гос. арх., р. XIX, д. 297, ч. 14 и 16; Маркова О. П. Указ. раб., с. 116.
- ¹⁸ Там же, ч. 14, 16, 17/1.
- ¹⁹ Там же, ч. 14 и 16. Маркова О. П. Указ. раб., с. 116—117.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Пахомов Е. А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, вып. II, с. 66; его же, вып. IV, с. 89; то же, вып. VI, с. 76.
- ²³ Маркова О. П. Указ. раб., с. 118.
- ²⁴ Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1746 года. Новые ежемесячные сочинения, ч. ЦП, октябрь, СПб., 1790, с. 56.
- ²⁵ Вероятно, императрица Екатерина II.

- ²⁶ Е. А. И. Г. О гавани, лежащей при Каспийском море. (из. месяце — слова на 1777 год). Собрание сочинений, выбранных из месяце — слова на разные годы, ч. IV, СПб., 1790, с. 40.
- ²⁷ Там же, с. 21—22.
- ²⁸ Бутков П. Г. Указ. раб., ч. II, с. 73.
- ²⁹ Там же, с. 70—71.
- ³⁰ Габлиц К. Исторический журнал бывший в 1781 и 1782 гг. на Каспийском море Российской эскадры под командой флота капитана второго ранга графа Войновича, с картою оною моря. М., 1809, с. 103—104; Бутков П. Г. Указ. раб., ч. II, с. 71—75.
- ³¹ G. Forster. Voyage du Bengale a Petersburg a travers les provinces septentrionales de l'Inde, la Cachemyr, la Perse, sur la mer Caspiemie..., t. I—III, Paris, X—1802, p. 317—318.
- ³² G. Forster. Указ. соч., с. 341.
- ³³ Бурнашев С. Д. Описание областей адребижанских... Курск, 1793, с. 10—11.
- ³⁴ G. Forster. Указ. соч., с. 342.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же, с. 328.
- ³⁷ Там же, с. 345.
- ³⁸ G. Forster. Указ. соч., с. 346—347.
- ³⁹ Marschall von Bieberstein. Указ. соч., с. 18.
- ⁴⁰ Там же, с. 24.
- ⁴¹ Артемий Араратский. Жизнь Артемия Араратского, уроженца сел. Вагаршапат, писанная и переведенная им самим армянского на русский, ч. I, СПб., 1813, с. 190.
- ⁴² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг., ч. I, СПб., 1869, с. 420.
- ⁴³ G. A. Olivier. Voyage dans l'empire ottoman, l'Egypte et la Perse, Paris, an 9 (1807), t. V. p. 315—316.
- ⁴⁴ Там же, с. 343—344.
- ⁴⁵ M. Tooke. Histoire de l'empire de Russie, sous le regne de Catherine II, et la fin du dix-huitieme siecle. Traduite de l'anglais, sur la deuxieme edition, par M. S. Tome sixieme. Paris, An X—1801, p. 21.
- ⁴⁶ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана I, Баку, 1926, с. 71; то же, вып. V, с. 41—42; то же, вып. VI, с. 68.
- ⁴⁷ Хаджж» Зайн ал-Абидин Ширвани, Рийаз ас-сийахат, л. 336. АН СССР, Ленинградское отделение Ин-та народов Азии. Рукописный фонд. Его же. Бустан ас-сийахат, с. 129.
- ⁴⁸ Бутков П. Г. Указ. раб., ч. II, с. 418—420.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Всеподданнейший рапорт ген-л. Кнорринга от 11-го апреля 1800 г. (Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею), т. I, Тифлис, 1866, с. 639.
- ⁵¹ Там же, с. 640.
- ⁵² Акты, собранные Кавказскою Археографическою Комиссиею), т. II, Тифлис, 1868, с. 728.
- \х.77
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же, с. 241.
- ⁵⁵ «Камеральное описание жителей города Баку», составленное в 1832 г. грузино-имеретинской казенной палатой; ЦГИА Азерб. ССР, ф. 25, от. 25—2, ед. хр. 21; Тузинкевич Ю. Т. Первая перепись населения Баку, ДАН Азерб. ССР, т. II, № 6, 1946, с. 252.
- ⁵⁶ Gamba. Указ. соч. с. 303.

4. Социальные отношения и городской строй

- ¹ Бурнашев С. Д. Описание областей адребижанских... Курск, 1793, с. 10—11. По сведениям Бурнашева, на Апшероне было 40 селений.
- ² Перечень селений дается по книге И. Березина «Путешествие Востоку», I, Путешествие по Дагестану и Закавказью, Казань, 1849 Табл. народонаселения в городе Баку и его уезде, в июне месяце 1842 г.
- ³ Gamba. Указ. соч., с. 302.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1970, с. 19.
- ⁶ Зайнал-Абидин Ширвани. Бустан ас-сейаха. Указ. изд., с. 129.
- ⁷ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, с. 401.
- ⁸ ЦВИА, Москва, ф. ВУА, д. № 18495, лл. 17—25; Левиатов В. Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в., Баку, 1948, с. 61.
- ¹⁰ ЦВИА, Москва, ф. ВУА, д. № 18495, лл. 17—25; Левиатов В. Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948, с. 61.
- ¹⁰ Gamba. Указ. соч., с. 303.
- ¹¹ Спасский-Автономов К. Крепость Баку 18 ноября 1851 г. Кавказский календарь на 1856 г., с. 490—493.
- ¹² Березин И. Указ. соч., ук. табл.
- ¹³ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 159; Гмелин С. Г. Указ. соч., с. 82; Бутков П. Г. Указ. раб., с. 138.
- ¹⁴ Бутков П. Г. Указ. раб., ч. II, с. 227; Бакиханов А. К. приводит дату смерти Мелик Мухаммеда — 1781 г., однако дата, приведенная в АКАК, т. IV, 1870, док. 861, более правильна.
- ¹⁵ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 171; Бутков П. Г. Указ. раб., ч. II, с. 280, АКАК, т. IV, 1870, док. 861.
- ¹⁶ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 171—172; Бутков П. Г. Указ. раб., ч. II, с. 292—293.
- ¹⁷ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 172, 190.
- ¹⁸ Gamba. Указ. соч., с. 294.
- ¹⁹ Петрушевский И. П. Очерки..., с. 87. 400

- ²⁰ Пахомов Е. А. О сословно-поземельном вопросе в Азербайджане. Известия Общества обследования и изучения Азербайджана, № I, Баку, 1926, с. 16—19.
- ²¹ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 136.
- ²² Гмелин С. Г. Указ. соч., с. 97.
- ²³ Петрушевский И. П. Очерки..., с. 182—183.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Бурнашев С. Д. Указ. соч., с. 10—11.
- ²⁶ Гмелин С. Г. Указ. соч., с. 60.
- ²⁷ ЦВИА, Москва, фонд ВУА, д. 18495, лл. 17—25; В. Н. Левиатов. Указ. соч., с. 61.
- ²⁸ ЦВИА, Москва, фонд ВУА, д. 18495, лл. 17—25; Левиатов В. Н. Указ. соч., с. 61.
- ²⁹ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 25, от. 25—2, ед. хр. 21; Тузинкевич Ю. Т. Указ. ст., с. 252.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Гмелин С. Г. Указ. соч., с. 202—203.
- ³² Там же, с. 269.
- ³³ АКАК, т. VI, док. 1333, с. 872.
- ³⁴ Камеральное описание жителей города Баку; Тузинкевич Ю. Т. Указ. ст., с. 252.
- ³⁵ Петрушевский И. П. Очерки..., с. 304.
- ³⁶ Там же, с. 304—308.
- ³⁷ Гмелин С. Г. Указ. соч., с. 87.
- ³⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, лл. 18, 20—28, 31—33. Цит. по указ. раб. Г. Б. Абдуллаева, с. 200.
- ³⁹ Рапорт ген.-м. Гурьева гр. Гудовичу от 27 декабря 1866 г., № 477, АКАК, т. III, с. 351, док. № 650.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Выписка из путешествия И. Лерха, с. 82.
- ⁴² Гмелин С. Г. Указ. соч., с. 84.
- ⁴³ Петрушевский И. П. Очерки..., с. 217—218.
- ⁴⁴ Нейматова М. С. Указ. раб., с. 37—40.
- ⁴⁵ Петрушевский И. П. Указ. соч., с. 220.
- ⁴⁶ Петрушевский И. П. Указ. соч., с. 320—321.
- ⁴⁷ УЦГАЛ, фонд Кавк. к-та, д. № 410, 1843; Записка депутата Кубинского и Бакинского уездов Аббас Кули-ага Бакиханова, лл. 23—24. Цит. по работе И. П. Петрушевского. «Очерки...», с. 233.
- ⁴⁸ Петрушевский И. П. Очерки..., с. 241.
- ⁴⁹ Пахомов Е. А. О сословно-поземельном вопросе Азербайджана. Указ. изд., с. 19.
- ⁵⁰ АКАК, т. III, док. 646, с. 349.
- ⁵¹ АКАК, т. III, д. 650, с. 351; док. 663, с. 355; док. 651, с. 352; док. 663, с. 355; док. 666, с. 357.
- ⁵² АКАК, т. III, док. 666, с. 357.
- ⁵³ Там же, док. 663, с. 355.
- ⁵⁴ Гмелин С. Г. Указ. соч., с. 206.
- ⁵⁵ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана..., вып. V, с. 42.
- ⁵⁶ АКАК, т. III, док. 661, с. 355.
- ⁵⁷ Там же, т. IV, док. 865, с. 575.
- ⁵⁸ Гмелин С. Г. Указ. соч., с. 84.
- ⁵⁹ Там же, с. 54.
- ⁶⁰ Там же.

5. Индусский храм огня в селении Сураханы

- ¹ Ашурбейли С.Б. Об истории Сураханского храма огнепоклонников. Памятники архитектуры Азербайджана. М., Баку, 1946, с. 43.
- ² Сысоев В.М. Храм и монастырь огнепоклонников в Сураханах, близ Баку. Изв. Азерб. археологического комитета, вып. I, Баку, 1925, с. 4—7.
- ³ Ашурбейли С. Б. Об истории Сураханского храма огнепоклонников, с. 44—49, 52—53.
- ⁴ Voyage du chevalier Chardin en Perse, et autres lieux de l'Orient. Tome premier. Amsterdam. 1735, p. 253.
- ⁵ Нейматова М. С. Эпиграфические памятники Азербайджана (XVII—XVIII вв.), Баку, 1963, с. 123—128 (на азерб. яз.).
- ⁶ В. С. Воробьев-Десятовский. Заметка по индийской эпиграфике, с. 84—85.
- ⁷ Там же, с. 86—87.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Краткий обзор источников и литературы	5
Введение	14
Глава I. Ранняя история Апшерона и Баку по археологическим данным	20
1. О датировке и названии города Баку	37

Глава II. Раннефеодальный Баку (VII—X вв.)	
1. Политическая история. Баку под управлением арабских халифов и Ширваншахов	52
2. Экономическая жизнь Апшерона и Баку	64
а) Добыча нефти и соли	64
б) Ремесло и торговля	70
3. Управление городом, социальные отношения и культура	82
Глава III. Баку в период правления Ширваншахов (XI—XVI вв.)	
1. Политическая история	87
2. Экономическая жизнь города Баку	104
а) Добыча нефти и соли	104
б) Ремесло и торговля	109
3. Социальные отношения и городской строй	123
4. Городская культура в XI—XVI вв. (архитектура, наука, литература и искусство)	141
а) Внешний облик города Баку	141
б) Наука, литература и искусство	179
Глава IV. Баку в XVI — первой половине XVIII вв.	
1. Политическая история Баку в период правления Сефевидов (XVI в.)	195
2. Политическая история XVII — первой половины XVIII вв.	202
3. Экономическая жизнь города	224
а) Нефтедобыча на Апшероне	224
б) Добыча соли, производство извести (гилаби) и т. д.	232
в) Сельскохозяйственная продукция на Апшероне	234
4. Ремесло и торговля	235
5. Социальная структура городского населения Баку и управление городом	258
Глава V. Баку — столица Бакинского ханства (вторая половина XVIII — начало XIX вв.)	
1. Политическая история	283
2. Экономическая жизнь города	304
3. Торговля	307
4. Социальные отношения и городской строй	317
5. Индусский храм огня в селении Сураханы	326
Заключение	333
Приложение 1	335
Приложение 2	336
Примечания	337
Литература	338

Ашурбейли С.А.

А 98 История города Баку. — Б.: Азернешр, 1992. — 408 с., ил.

Книга посвящена истории города Баку в период средневековья. Баку был известен в период раннего и развитого средневековья как важный центр по добыче и переработке нефти, являлся крупнейшим портом на Каспийском море. В составе арабских и монгольских войск были специальные части нефтеметателей, о которых сообщают источники. Археологический материал позволил датировать Баку как город античного периода. Изучена социально-экономическая, политическая и культурная жизнь города Баку. А также даны описание и анализ сохранившихся архитектурных памятников, показано состояние науки и изобразительного искусства в течение длительного исторического периода. Политическая история города излагается по письменным источникам, хотя они весьма фрагментарны. Ярким периодом истории Баку являются XII и XV вв. — период правления Ширваншахов.

0503020907-31

18-91

M-651(07)-92

ISBN 5—552—00479—5

ББК 9(С42)